

Фрэнсис Скотт ФИЦДЖЕРАЛЬД

УДИВИТЕЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
БЕНДЖАМИНА
БАТТОНА
РАССКАЗЫ

Свыше пятидесяти иллюстраций
американских художников

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Фрэнсис Скотт Кей Фицджеральд
(1896–1940)*

ФРЭНСИС СКОТТ
ФИЦДЖЕРАЛД

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
БЕНДЖАМИНА БАТТОНА
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Перевод с английского
С. Ю. Афонькина

Иллюстрации американских художников

Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплетной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК 84(7)-44
УДК 821.111(73)
Ф66

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Классический европейский переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmero
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Ф66 **Фицджеральд Фрэнсис Скотт.** Удивительная история Бенджамина Баттона.
Рассказы: — Санкт-Петербург. СЗКЭО, 2023, — 448 с.: ил.

Сборник включает девятнадцать рассказов знаменитого американского
писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда из трех циклов: «Сумасбродки
и философы», «Байки века джаза» и «Ах, эта несносная молодежь». Все
тексты даны в переводах С. Ю. Афонькина. В конце книги указаны даты
появления рассказов в американских журналах, названия этих журналов, а
также американские художники, которые делали к рассказам иллюстрации.
Эти рисунки двенадцати разных мастеров в книге позволяют взглянуть на
героев Фицджеральда глазами их современников.

ISBN 978-5-9603-0852-6 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-0853-3 (Кожаный переплет)

© СЗКЭО, 2023

СУМАСБРОДКИ
И ФИЛОСОФЫ

FLAPPERS AND
PHILOSOPHERS

By F. Scott Fitzgerald
Author of "THIS SIDE OF PARADISE"

ПРИБРЕЖНЫЙ ПИРАТ

I

Эта невероятная история начинается на сказочно синем море, блестящем, словно шелковый чулок, под васильковым небом цвета девственной радужки детского глаза. На западной половине небосклона солнце сыпало в море маленькие лучистые диски, и, если внимательно вглядываться, можно было увидеть, как они перепрыгивают с гребня одной волны на гребень другой, сливаясь затем в широкое монисто, состоящее из золотистых, собранных с полумильной шири монеток, которым в итоге суждено будет превратиться в ослепительный закат. Посреди залива, между побережьем Флориды и этим золотистым кружевом, стояла на якоре белоснежная паровая яхта, новехонькая и изящная, а под ее бело-голубым тентом на корме возлежала на плетеном шезлонге светловолосая девушка, читавшая «Восстание ангелов» Анатоля Франса¹.

Ей было около девятнадцати; стройная и гибкая, с капризным обольстительным ротиком и живыми серыми глазами, полными лучезарного любопытства. Девушка покачивала голубыми атласными туфельками, небрежно накинутыми на ножки, водруженные на подлокотник соседнего кресла. Читая, она баловала себя половинкой лимона, которую сжимала в руке и время от времени облизывала. Первая половинка, уже основательно выжатая, лежала на палубе у ее ног, медленно перекачиваясь от едва заметной качки.

Вторая половинка лимона была уже почти без мякоти, а золотистое солнечное монисто дивным образом расширилось, когда окутывавшую яхту дремотную тишину неожиданно нарушила тяжелая поступь; в начале трапа появился пожилой мужчина в белом фланелевом костюме и с аккуратно уложенными седыми волосами. Он задержался на мгновение, ожидая, пока его глаза привыкнут к солнцу, а потом, разглядев девушку под тентом, неодобрительно заворчал.

Если он хотел таким образом привлечь к себе внимание, то эта попытка была обречена на провал. Девушка спокойно перелистнула пару страниц, одну

¹ «Восстание ангелов» — фантастическо-сатирический роман Анатоля Франса, опубликованный в 1914 г.

перекинула обратно, бездумно, чтобы лизнуть, приподняла лимон и тихонько, но отчетливо зевнула.

— Ардита! — сурово произнес седовласый мужчина.

Ардита в ответ тихо хмыкнула нечто неопределенное.

— Ардита! — повторил он. — Ардита!

Ардита лениво потянула лимон ко рту, позволив соскользнуть лишь двум словам, прежде чем он коснулся ее языка.

— Ах, заткнись.

— Ардита!

— Ну, что?

— Ты слушаешь меня, или мне приказать слуге, чтобы он держал тебя, пока я с тобой разговариваю?

Лимон медленно и небрежно опустился.

— Изложи все в письменном виде.

— Ты можешь хоть приличия ради захлопнуть эту гнусную книгу и оставить этот проклятый лимон хотя бы на пару минут?

— А ты можешь хоть на секунду оставить меня в покое?

— Ардита, мне только что телефонировали с берега...

— Телефонировали? — впервые проявила она какой-то интерес.

— Да, именно...

— Ты хочешь сказать, — удивленно перебила она, — что тебе разрешили протянуть сюда кабель?

— Да, и только что...

— А другие лодки с ним не столкнутся?

— Нет, он проходит по дну. Пять минут назад...

— Ничего себе! Будь я проклята! Черт возьми! Наука приносит золотые плоды, или что-то в этом роде... Верно?

— Ты позволишь мне досказать, что я начал?

— Давай!

— Да, похоже... Ну, короче, — он замолк и несколько раз нервно сглотнул. — Да, так вот, барышня, полковник Морленд снова мне названивал и просил напомнить, чтобы я обязательно прихватил тебя у него отужинать. Его сын Тоби прибыл аж из Нью-Йорка, чтобы с тобой встретиться; к тому же он пригласил на ужин и других молодых людей. В последний раз ты...

— Нет, — кратко ответила Ардита. — Я не пойду. Я отправилась в этот чертов круиз с единственной мыслью — попасть в Палм-Бич¹, и ты это знаешь, и я категорически отказываюсь встречаться с неким чертовым старым полковником, или с каким-то там проклятым юным Тоби, или этими чертовыми молодыми людьми, и ноги моей не будет ни в одном городке этого идиотского штата. Поэтому либо ты везешь меня в Палм-Бич, либо заткнись и проваливай!

¹ *Палм-Бич* — курортный город в штате Флорида.

*Девушка покачивала голубыми атласными туфельками,
небрежно накинутыми на ножки,
водруженные на подлокотник соседнего кресла.*

— Ладно. Это было последней каплей. В своем слепом увлечении этим человеком — человеком, который известен своими выходками, человеком, которому твой отец не позволил бы даже упоминать твое имя — ты напоминаешь людей полусвета, а не того круга, в котором ты выросла. И впредь...

— Я знаю, — иронично перебила его Ардита. — Впредь ты идешь своим путем, а я своим! Все это я уже слышала и раньше. Знаешь, мне ничего другого и не надо.

— Впредь, — высокопарно объявил он, — ты мне не племянница! Я...

— О-о-о!!! — У Ардиты вырвался возглас, напоминавший трепет мятущейся души. — Ты перестанешь мне надоедать! Когда же ты отстанешь? Может, прыгнешь за борт и утонешь? Хочешь, чтобы я швырнула в тебя этой книгой?

— Если ты посмеешь сделать что-либо...

Хлоп! «Восстание ангелов» пронеслось по воздуху, не долетев до цели лишь чуточку, книга шлепнулась и покатилась по трапу.

Седовласый мужчина инстинктивно сделал шаг назад, а затем два осторожных шажка вперед. Ардита вскочила, выпрямившись во весь рост, и вызывающе уставилась на него; ее серые глаза сверкали.

— Не подходи!

— Как ты посмела! — крикнул он.

— А вот и посмела!

— Ты становишься невыносимой! Твое поведение...

— Это ты сделал меня такой! Ни один ребенок не плох с рождения, это всегда вина его семейства! И кем бы я ни стала, это все твоя работа!

Пробормотав нечто нечленораздельное, ее дядя развернулся и, двинувшись вперед, громко крикнул, чтобы подали обед. Затем он вернулся к тенту, под которым сидела Ардита, снова всецело занятая своим лимоном.

— Я собираюсь на берег, — проговорил он медленно. — Снова задержусь до девяти. Когда вернусь, мы отправимся обратно в Нью-Йорк, я возвращу тебя твоей тетке, у нее ты пробудешь до конца твоей бесплодной жизни.

Он замолк, взглянул на нее, и сразу же нечто невероятно детское в ее красоте как будто прокололо его злость, словно накачанную шину; осталось лишь чувство беспомощности, неуверенности и осознание идиотизма ситуации.

— Ардита, — сказал он уже не так резко. — Я не дурак. Я тертый калач. Я знаю людей. Послушай, детка, завязные распутники не меняются, пока не утомятся, а потом они уже и не они вовсе, а свое жалкое подобие.

Он посмотрел на нее, словно бы ожидая согласия, однако не получив ни звука, ни жеста в ответ, продолжил:

— Возможно, этот мужчина тебя любит — вполне возможно. Он любил многих женщин и многих еще полюбит. Менее месяца назад — месяца, Ардита! — он вляпался в скандальную историю с этой рыжей, Мими Мерил, посулив отдать ей украшенный бриллиантами браслет, который русский царь подарил его матери. Да ты это знаешь — ты же читаешь газеты.

— Потрясающий скандал в изложении взволнованного дядюшки, — зевнула Ардита. — Давай заснимем это в кино. Светский распутник строит глазки целомудренной ветренице. Целомудренная ветреница окончательно покорена его темным прошлым. Планирует встретиться с ним в Палм-Бич. План сорван обеспокоенным дядюшкой.

— Скажи хотя бы, какого черта ты решила выйти за него?

— Неуверена, что смогу это объяснить, — кратко ответила Ардита. — Возможно, потому, что он единственный мужчина, плохой или хороший, у которого есть воображение и смелость для собственных убеждений. Может быть, для того, чтобы сбежать от молодых идиотов, что тратят свое время, преследуя меня по стране. А что касается того русского браслета, можешь быть по этому поводу совершенно спокоен. Он преподнесет его мне в Палм-Бич. Прояви немного здравомыслия.

— А как насчет этой рыжей?

— Он не виделся с ней уже шесть месяцев, — сердито ответила она. — Ты же не предполагаешь, что мне не хватает гордости и я отслеживаю такие дела?

Неужели ты до сих пор не понял, что я могу делать все что угодно с любым мужчиной, если мне этого хочется?

Она вздернула свой подбородок, словно статуя «Пробуждение Франции»¹, но потом несколько смазала картинку, приподняв лимон, чтобы снова им заняться.

— Этот русский браслет так тебя очаровал?

— Нет, я просто стараюсь изложить тебе соображения, которые покажутся тебе разумными. Я хочу, чтобы ты убрался, — сказала она вновь, только чуть громче. — Ты же знаешь, я никогда не передумаю. Ты изводишь меня уже три дня, я с ума от этого в конце концов сойду. Я не сойду на берег! Не сойду! Слышишь? Не сойду!

— Ладно, — ответил он, — но ты не поедешь и в Палм-Бич. Из всех эгоистичных, испорченных, неуправляемых, строптивых, сварливых, невозможных девиц, которых...

Шлеп! Половинка лимона ударила его в шею. Одновременно до палубы донесся возглас:

— Обед готов, мистер Фарнем!

От ярости и переполнявших его слов мистер Фарнем ничего не смог ответить; бросив единственный, полный проклятия взгляд на свою племянницу, он повернулся и быстро спустился по трапу.

II

Пятый час скатился с солнца и беззвучно плюхнулся в море. Золотое монисто расширилось до блистающего острова; легкий ветерок, игравший краями тента и раскачивавший одну свисавшую с ноги туфельку, неожиданно наполнился песней. Гармоничное созвучие мужских голосов и четкий ритм, сопровождавшийся звуками весел, рассекавших лазурную воду. Ардита приподняла голову и прислушалась.

Бобы и горох,
Удел наш не плох.
Свинина и ром
За нашим столом.
Неси нас, ветер,
По белому свету!
Неси веселей
Бравых парней
По белому свету!²

¹ Работа американского скульптора Джо Дэвидсона, созданная в 1917 г.

² Здесь и далее куплеты этой весьма сумбурной песенки приводятся в вольном переводе.

Ардита изумленно вскинула брови. Стараясь не шевелиться, она прислушалась к хору, затянувшему второй куплет.

Между мужчин —
Маршалл и Дин,
Голдберг и Грин.
Неси нас, ветер,
По белому свету!
Неси веселей
Бравых парней
По белому свету!

Вскрикнув от удивления, Ардита отбросила на палубу раскрытую книгу и поспешила к поручням. В пятидесяти футах от борта шел большой шлюп с семью мужчинами; шестеро из них гребли, а один стоял на корме, помахивая в такт песне дирижерской палочкой.

Устрицы, мели,
Движемся к цели,
Хоть нету компаса.
Как сделать часы
Из контрабаса?

Взгляд предводителя команды внезапно остановился на Ардите: замороженная странной песенкой, она перевесилась через поручни. Он быстро взмахнул палочкой, и пение мгновенно прекратилось. Ардита подметила, что он был единственным белым в лодке — шестеро гребцов были неграми.

— «Нарциссу» привет! — вежливо крикнул он.

— В чем смысл этой чепухи? — весело откликнулась Ардита. — У вас тут что, спортивная команда из местного дурдома?

К этому времени лодка заскребла о борт яхты, и громадный амбалистый негр на носу повернулся и ухватился за веревочную лестницу. Затем предводитель покинул корму и, прежде чем Ардита поняла его намерения, вскарабкался по лестнице и, запыхавшись, возник перед ней на палубе.

— Женщины и дети будут помилованы! — бодро проорал он. — Хлюпиков утопить, а всех мужчин заковать в кандалы!

Ошеломленная Ардита, засунув руки в карманы платья, уставилась на него, потеряв дар речи от удивления.

Это был молодой человек с голубыми глазами здоровяка-младенца и презрительной усмешкой на загорелом чувственном лице. Влажные черные, как смоль, волосы вились — словно выкрашенные черным волосы греческой статуи. Он был отлично сложен, элегантно одет и полон спортивной грации.

— Да чтоб меня! — ошеломленно проговорила она.

Они холодно смерили друг друга взглядами.

— Вы сдаете корабль?

— Это пароксизм остроумия? — поинтересовалась Ардита. — Вы полный идиот или только поступили в какой-нибудь дом призрения¹?

— Я спросил, сдаете ли вы корабль.

— Думала, в стране сухой закон, — презрительно ответила Ардита. — Хватанули лака для ногтей? Убирайтесь-ка лучше с этой яхты!

— Неужели? — в голос молодого человека звучала ирония.

— Убирайтесь с яхты! Слышите?!

Он смотрел на нее пару мгновений, словно бы обдумывая сказанное.

— Нет, — медленно процедил он, скривив губы. — Нет, я не уберусь с яхты. Сами убирайтесь, если хотите.

Подойдя к поручням, он подал отрывистую команду, и все гребцы с лодки мгновенно вскарабкались по лестнице и выстроились перед ним в шеренгу: угольно-черный здоровяк негр на одном конце и миниатюрный мулат четырех футов девяти дюймов — на другом. Казалось, все были наряжены в одинаковую потрепанную, покрытую пылью и грязью голубоватую униформу. Через плечо у каждого был перекинут маленький тяжелый на вид белый мешок, а под мышками все держали большие черные футляры, по-видимому, с музыкальными инструментами.

— Равн-ных! — командовал молодой человек, звонко щелкнув каблуками. — Сми-раз! Бэйб, выйти из строя!

Самый низкорослый негр быстро шагнул вперед и отдал честь.

— Есть, сур!

— Принять командование! Марш вниз, взять команду, связать — всех, кроме механика. Привести его ко мне. Да, и свалите эти мешки здесь, у поручня.

— Есть, сур!

Бэйб снова отсалютовал и, развернувшись, махнул оставшимся пятерым собраться вокруг себя. Затем, пошептавшись, они бесшумно скользнули вниз в кают-компанию.

— Теперь, — весело заявил молодой человек Ардите, которая была немой свидетельницей этой последней сцены, — если вы поклянетесь своей честью эмансипе², а она, скорее всего, недорого стоит, что будете держать на замке ваш капризный ротик сорок восемь часов, то можете грести на нашем шлюпе к берегу.

— А иначе что?

— Иначе вы отправитесь с нами в море на корабле.

С легким вздохом оттого, что самое сложное уже позади, молодой человек опустился на только что освобожденный Ардитой шезлонг и с

¹ Дом призрения — в старину так называли благотворительные заведения, дававшие приют престарелым, убогим и сиротам.

² Эмансипе — так в конце XIX и в начале XX веков называли женщин, демонстративно подчеркивавших свои равные права с мужчинами.

лендой потянулся. Уголки его губ одобрительно приподнялись, когда он огляделся и заметил дорогой полосатый тент, надраенную медь и роскошную отделку палубы. Его взгляд упал на книгу, а затем и на выжатый лимон.

— Хм, — заметил он, — оппозиционер Джексон утверждал, что лимонный сок прочищает ему голову. А ваша головка достаточно ясная?

Ардита презрительно промолчала.

— Ведь в течение пяти минут вы должны принять ясное решение — уйти или остаться.

Он подобрал книгу и с любопытством ее раскрыл.

— «Восстание ангелов». Звучит неплохо. Французская, да? — он уставился на нее с новым интересом. — Вы француженка?

— Нет.

— Как вас зовут?

— Фарнем.

— Фарнем и все?

— Ардита Фарнем.

— Что ж, Ардита, нет смысла торчать тут и кусать губки. Вы должны бросить эту дурную привычку, пока молоды. Идите сюда и присядьте.

Ардита вынула из кармана резной нефритовый портсигар, вытащила сигаретку и намеренно хладнокровно закурила, заметив, впрочем, что ее рука немного дрожит; затем она пересекла палубу грациозной вальяжной походкой, уселась на противоположный шезлонг и выпустила дымок под тент.

— Вы не сможете прогнать меня с яхты, — твердо заявила она, — и вам явно не хватает ума, если вы думаете, что вам удастся так далеко зайти. К половине седьмого радиотелеграммы моего дяди полетят во все концы океана.

— Да ну?

Она быстро взглянула на него, подметив тревогу, отчетливо проявившуюся в уголках его рта.

— Мне все равно, — сказала она, пожав плечами. — Эта яхта не моя, и я не возражаю против двухчасового круиза. Я даже одолжу вам эту книгу, чтобы вам было что почитать на таможенном катере, который доставит вас в Синг-Синг¹.

Он презрительно хохотнул.

— Считаете? По этому поводу не беспокойтесь. Все это лишь часть некоего плана, разработанного до того, как я узнал о существовании этой яхты. Если не она, так была бы любая другая на якоре из тех, мимо которых мы прошли у берега.

— Кто вы такой? — внезапно спросила Ардита. — И что вам надо?

¹ Синг-Синг — тюрьма со строгим режимом в штате Нью-Йорк на берегу реки Гудзон.

— Вы решили не сходить на берег?

— И не думала.

— Мы достаточно известны, — ответил он. — Нас семерых называют «Кертис Карлайл и его шестеро черных парней»; мы недавно выступали в «Уинтер Гарден» и «Миднайт Фролик».

— Вы музыканты?

— Были до сего дня. Теперь же, благодаря вот этим белым мешкам, которые вы тут видите, мы скрываемся от правосудия, и если вознаграждение за нашу поимку к этому времени не достигло двадцати тысяч долларов, я сильно удивляюсь.

— А что в мешках? — с любопытством спросила Ардита.

— Ну, — сказал он, — пока мы это называем гмазью... гмазью Флориды.

III

Через десять минут разговора Кертиса Карлайла с перепуганным судовым механиком яхта «Нарцисс» двинулась на всех парах в южном направлении сквозь благоуханные тропические сумерки. Коротышка мулат Бэйб, которому Карлайл, казалось, безоговорочно доверял, взял командование на себя. Слуга мистера Фарнема, а также кок, единственные, кроме механика, члены экипажа, пытавшиеся сопротивляться, могли теперь поразмыслить над этим, будучи крепко привязанными к своим койкам внизу. Тромбон Моуз, самый рослый негр, возился с банкой краски, замазывая надпись «Нарцисс» на носу и выводя вместо него «Хула-Хула», остальные собрались на корме и забавлялись игрой в кости.

Распорядившись, чтобы еду приготовили и подали на палубу к семи тридцати, Карлайл присоединился к Ардите и, растянувшись в шезлонге, полузакрыв глаза и впал в состояние глубокой задумчивости.

Критически его поизучав, Ардита безотлагательно причислила его к личностям романтическим. Он производил впечатление излишней самоуверенности, воздвигнутой на шатком основании: под каждым из его поступков она предполагала нерешительность, резко контрастирующую с высокомерным изгибом его рта.

«Он не такой, как я, — подумала она. — Разница кое в чем чувствуется».

Будучи закоренелой эгоисткой, Ардита чаще всего думала о себе и никогда не подвергала собственный эгоизм сомнению; она проявляла его совершенно естественно, ничуть не теряя своего неоспоримого обаяния. Хотя ей было девятнадцать, она производила впечатление резвого, не по годам развитого ребенка, и в нынешнем сиянии красоты ее юности все люди, которых она знала, были всего лишь щепочками на волнах ее темперамента. Она сталкивалась с такими же себялюбцами и на практике выяснила, что эгоисты досаж-

дают ей гораздо меньше, чем люди бескорыстные; однако до сих пор не было ни одного человека, над которым бы она рано или поздно не возобладала и не бросила бы его к своим ногам.

Несмотря на то, что она сразу распознала эгоиста в мужчине на соседнем шезлонге, она не почувствовала, как захлопываются, по обыкновению, крепостные ворота в ее голове, что предвещало готовность к противодействию. Напротив, ее чутье подсказало ей, что этот человек весьма уязвим и совершенно беззащитен. Когда Ардита бросала вызовы условностям, а в последнее время это было ее главным развлечением, это вызывалось страстным желанием быть самой собой; тут же она ощущала, что этот человек, напротив, озабочен своим протестом.

Он интересовал ее в большей степени, чем сложившаяся ситуация, а она волновала ее так же, как десятилетнего ребенка перспектива поучаствовать в детском утреннике. Ардита безоговорочно верила в свою способность позаботиться о себе в любых обстоятельствах.

Опускалась ночь. Бледная молодая луна улыбалась своим затуманенным оком морю, и когда берег потонул во мгле, а далекий горизонт забросало, словно листьями, темными облаками, яхту внезапно окутала плотная дымка лунного света, а ее скорый ход был отмечен лунной блистающей дорожкой.

Время от времени, когда кто-нибудь зажигал сигарету, ярко вспыхивала спичка, однако, если не считать низкого гудения пульсирующего двигателя и монотонного плеска волн у кормы, яхта двигалась бесшумно, словно корабль-призрак через звездные небеса. Вокруг них плыли запахи ночного моря, напоенного безграничной истомой.

Наконец Карлайл нарушил тишину.

— Вы счастливица, — вздохнул он. — Мне всегда хотелось стать богатым и скупить всю эту красоту.

Ардита зевнула.

— А я бы лучше стала вами, — откровенно ответила она.

— И станете, но только на день. Однако для эмансипе вы достаточно смелы.

— Мне бы не хотелось, чтобы вы меня так называли.

— Прошу прощения.

— Что же касается смелости, — медленно продолжила она, — то это моя единственная спасительная черта. Я ничего не боюсь ни на земле, ни на небе.

— Хм, да...

— Чтобы страшиться, — молвила Ардита, — человек должен быть или великим и сильным, или трусом. Я ни то, ни другое, — она замолкла на мгновение, а затем ее голос дрогнул. — Хочу все-таки поговорить о вас. Что, Бога ради, вы натворили и как вы это все проделали?

— К чему это вам? — холодно спросил он. — Собираетесь написать обо мне сценарий?

— Давайте! — настаивала она. — Наплетите мне что-нибудь в лунном свете. Расскажите какую-нибудь невероятную историю!

— Давайте! — настаивала она. —
Наплетите мне что-нибудь в лунном свете.
Расскажите какую-нибудь невероятную историю!

Появился негр, включил под тентом гирлянду маленьких фонариков и начал накрывать для ужина плетеный столик. И пока они ели холодную нарезанную курицу, салат, артишоки и клубничный джем из богатых трюмных запасов, Карлайл заговорил, поначалу нерешительно, а потом, заметив ее интерес, все более и более с чувством. Ардита почти не прикасалась к еде, глядя в его юное смуглое лицо — красивое, ироничное, по-детски открытое.

По его словам, он начал жизнь в Теннесси в бедной семье, настолько бедной, что его домашние были единственными белыми на их улице. Он не мог припомнить ни одного белого ребенка — за ним всегда таскалась хвостом дюжина чернокожих ребятишек, страстных его поклонников, которых он привлекал живостью своего воображения и кучей неприятностей, в которые он их вовлекал, а потом из них вытаскивал. Кажется, именно эта компания направила его выдающийся музыкальный талант по странному курсу.

Была там цветная женщина, которую звали Белль Поуп Калхун, игравшая на пианино на вечеринках для белых ребятишек — милых белых ребят, которые проходили мимо Кертиса Карлайла с фырканьем. Однако этот маленький оборвыш, «белоснежка», всегда усаживался в урочный час около ее пианино и пытался подыгрывать на казу¹ — в такие обычно дудят мальчишки. Ему еще не было и тринадцати, а он уже наяривал живой и дразнящий регтайм на выдавшей виды скрипочке в маленьких кафешках Нэшвилла. Спустя восемь лет по регтайму уже сходила с ума вся страна, и он отправился в турне, создав группу «Сиротки» из шестерых темнокожих. Пятеро из них были парнями, с которыми он вырос; последним был маленький мулат, Бэйб Дивайн, который ишачил в нью-йоркских доках, а до того пахал на бермудской плантации, пока не вогнал восьмидюймовое лезвие в спину своего босса. Не успев толком осознать свою удачу, Карлайл уже оказался на Бродвее; ангажементов² было хоть отбавляй, и денег они приносили столько, что он и мечтать не мог.

Примерно в это же время в его отношении к себе наметилась некая перемена, довольно любопытная, хотя и горькая. Именно тогда он понял, что тратит золотые годы своей жизни, курлыкая что-то на сцене с кучей чернокожих. Его номер был в своем роде хорош — три тромбона, три саксофона плюс флейта Карлайла, к тому же у него было особое чувство ритма, которое отличало их от остальных; однако внезапно он стал принимать все это слишком близко к сердцу, ему стала ненавистна сама мысль о выступлениях, и он чурался их с каждым днем все больше.

Они зашибали деньги — каждый подписанный им контракт приносил все больше денег, но когда он пошел к хозяевам и заявил им, что хочет

¹ Казу — небольшой американский народный музыкальный инструмент; по принципу действия похож на расческу с наложенной на зубья папиросной бумагой.

² Ангажемент — приглашение артиста на работу по договору на определенный срок.

расстаться с секстетом и стать обычным пианистом, они посмеялись над ним и сказали, что он сбрендил — ведь это было бы «профессиональным самоубийством»! Потом он частенько ржал над выражением «профессиональное самоубийство». У них это выражение было в ходу.

Полдюжины раз они играли на частных вечеринках по три тысячи долларов за ночь, и, кажется, тут-то и выкристаллизовалось все его отвращение к такому образу жизни. Эти вечеринки проходили в домах и клубах, куда днем его бы и на порог не пустили. К тому же он вечно играл роль этакой обезьянки, его положение было — чуть выше хориста. Его тошнило от самого запаха театра, от пудры и румян, от болтовни в гримерке, от покровительственных хлопков в локти. Он больше не мог вкладывать в это свою душу. Мысль о медленном приближении к роскоши досуга бесила его. Он, конечно, шел к этому, но как ребенок, который лизет свое мороженое, но так медленно, что и вкуса его не чувствует.

Ему хотелось иметь много денег и времени, возможность читать и играть, входить в тот круг мужчин и женщин, которого у него никогда не было — тех, которые, задумавшись о нем, сочли бы его презренной личностью; словом, ему хотелось всего того, что в его представлении начало составлять понятие аристократичности, той аристократичности, которую, как казалось, можно было приобрести за деньги, но не за заработанные его путем. Ему тогда было двадцать пять — ни семьи, ни образования, ни каких-либо предпосылок для деловой карьеры. Он пустился лихорадочно играть на бирже и за три недели спустил все заработанное до цента.

А потом началась война. Он поехал в Платтсбург, но и туда за ним по пятам последовало его ремесло. Бригадный генерал вызвал его в штаб и сказал, что он мог бы гораздо лучше послужить стране в качестве капельмейстера¹ — так он и провел войну со штабным оркестром, развлекая знаменитостей за линией фронта. Это было не так уж и плохо, за исключением того, что, когда пехота ковыляла домой из окопов, он хотел быть одним из таких пехотинцев. Их пот и грязь казались ему теми единственными неуловимыми признаками аристократичности, которые от него всегда ускользали.

— Все это произошло благодаря приватным танцулькам. После того как я вернулся с войны, началась старая волынка. У нас было приглашение от группы отелей во Флориде. Нужно было лишь выбрать подходящее время.

Он замолк, Ардита выжидательно глянула на него, но он отрицательно покачал головой.

— Нет, — промолвил Карлайл, — я не собираюсь вам об этом рассказывать. Я получил от этого громадное удовольствие, и боюсь, от него немного убудет, если я поделюсь им с кем-либо. Хочу сохранить для себя те несколько животрепещущих героических мгновений, когда я стоял перед ними и дал им понять, что я нечто большее, чем чертов приплясывающий и ржущий клоун.

¹ Военный *капельмейстер* — дирижер полкового оркестра.

Сверху внезапно донеслось тихое пение. Негры собрались на палубе, и их голоса слились в захватывающую чарующую мелодию, которая возноси-лась вверх, к луне. Ардита зачарованно слушала.

Унеси меня,
Унеси меня,
Мама унесет меня на Млечный Путь.
О, унеси,
Унеси меня.
А папа сказал: «Не теперь!».
А мама сказала: «Пошли».
Да, мама сказала: «Уйдем!».

Карлайл вздохнул и на мгновение замолк, глядя вверх на мириады звезд, мерцавших на дышащем теплом небе, как огоньки гирлянды. Песня негров стихла, превратившись в какой-то заунывный стон, и казалось, что с каждым мгновением блеск звезд и разлившаяся окрест тишина усиливаются до такой степени, что он мог бы расслышать, как русалки прихорашиваются, расчесывая в полночь в лунном свете свои серебрящиеся мокрые локоны, и шепчутся друг с другом, рассказывая о красивых корабельных остовах, в которых они обитают на переливчатых зеленых донных дорожках.

— Видишь, — тихо сказал Карлайл, — вот та красота, к которой я стремлюсь. Красота должна быть удивительной; она должна поражать тебя, как видение, как чарующие глаза девушки.

Он повернулся к ней, но она молчала.

— Разве ты не видишь, Анита... то есть Ардита?

Ардита опять не ответила. К этому времени она уже уснула.

IV

В безбрежно залитый солнцем полдень следующего дня смутное пятнышко на море перед ними постепенно превратилось в серо-зеленый островок. На северной его оконечности возвышался большой гранитный утес, затем с милую на юг спускался косогор, сочные заросли и траву постепенно сменял песок пляжа, лениво растворявшийся в прибое. Когда Ардита, восседавшая на своем излюбленном месте, дошла до последней страницы «Восстания ангелов», она захлопнула книгу, взглянула вперед, увидела остров и, негромко вскрикнув от восторга, обратилась к Карлайлу, задумчиво стоявшему у поручней.

— Это он? Сюда мы шли?

Карлайл небрежно пожал плечами:

— Даже не знаю...

Он повысил голос и крикнул исполнявшему роль шкипера:

— Эй, Бэйб, это твой остров?

Из-за угла рубки высунулась миниатюрная голова мулата.

— Йа, сур! Тучно он!

Карлайл присоединился к Ардите.

— Смотрится классно, не так ли?

— Да, — согласилась она, — но он не выглядит достаточно большим, для убежища не годится.

— Вы все еще верите в те телефонограммы, которые ваш отец собирался метать во все концы света?

— Нет, — честно заявила Ардита. — Я целиком на вашей стороне! Мне бы хотелось посмотреть, как вы улизнете.

Он рассмеялся.

— Вы наша Леди Удача. Полагаю, мы должны прихватить вас как талисман, по крайней мере, на ближайшее время.

— Вряд ли вам удастся уломать меня отправиться на берег вплавь, — холодно молвила она, — Однако если вам и удастся, я начну писать грошовые романчики, основываясь на той бесконечной истории вашей жизни, которой вы так любезно поделились со мной вчера.

Он покраснел и слегка напрягся.

— Весьма сожалею, что нагнал на вас скуку.

— Да нет — пока под конец вы не поведали, как вы бесились оттого, что не могли танцевать с дамами, для которых музицировали.

Он возмущенно встал.

— А вы чертовски злы на язык!

— Простите меня, — сказала она, залившись смехом, — но я не привыкла к мужчинам, потчующим меня историями о своих житейских устремлениях, в особенности если они живут чертовски возвышенной жизнью.

— Почему? И чем же мужчины обычно вас потчуют?

— Ну, обычно они говорят обо мне, — зевнула Ардита. — Они говорят мне, что я — олицетворение молодости и красоты.

— А что вы им отвечаете?

— Молча соглашаюсь.

— И каждый, вас встретивший, говорит, что любит вас?

Ардита кивнула.

— Почему нет? Вся жизнь — это путь к единственной фразе: «Я люблю тебя», а потом про нее забывают.

Карлайл засмеялся и сел.

— Истинная правда. Это... это неплохо. Сами придумали?

— Да, хотя скорее где-то нарыла. Ничего особенного тут нет. Просто это мудро.

— Такое замечание типично для вашего класса, — серьезно заметил он.

— О! — нетерпеливо перебила она. — Только не начинайте эту лекцию об аристократичности! С недоверием отношусь к людям, которые уверенно вещают в такие утренние часы. Это легкая форма безумия, нечто вроде пристрастия клюнуть после завтрака. Утро для сна, плаванья или беззаботности.

Через десять минут они сделали широкий полукруг, словно собирались пристать к острову с севера.

«Тут какой-то подвох, — глубокомысленно подумала Ардита. — Не может же он просто встать на якорь у этой скалы».

Теперь они шли прямо на утес, высота которого, должно быть, превышала сотню футов, и, только когда до него оставалось около пятидесяти ярдов, Ардита увидела, куда они направляются, и радостно захлопала в ладоши. В утесе был пролом, полностью скрытый причудливым нагромождением камней. Яхта вошла в него и медленно двинулась узким каналом с кристально чистой водой в окружении высоких серых стен. А затем они бросили якорь в крошечном зелено-золотом мирке — золотистой бухте с гладкой, как стекло, водой в окружении невысоких пальм; все это напоминало озерца из зеркалец и деревья из прутьев, которые дети сооружают на песочных кучах.

— Чертовски неплохо! — взволнованно воскликнул Карлайл. — Полагаю, этот маленький проныра знает все пути в этом уголке Атлантики!

Его возбуждение было заразительным, и Ардита тоже обрадовалась.

— Да это самое распрекрасное убежище!

— Господи! Остров вроде как из вашей книжки!

На золотистое озерцо была спущена шляпка, и они направились к берегу.

— Пошли, — сказал Карлайл, когда шляпка ткнулась в мокрый песок. — Отправимся на разведку.

Бахрому пальм, в свою очередь, окружала миля ровного песчаного поля. Они двинулись по нему на юг, преодолели кромку тропической растительности и вышли на жемчужно-серый девственный пляж, где Ардита сбросила свои коричневые туфли для гольфа, — по-видимому, она навсегда отказалась от чулок, — и побрела дальше по мелководью.

Затем они неспешно вернулись на яхту, где неутомимый Бэйб уже успел приготовить для них обед. На вершине северного утеса он выставил караул, чтобы наблюдать за морем по всем сторонам, хотя он сильно сомневался, что проход в скалах был достаточно известен, ведь он не видел ни одной карты, на которой этот остров был бы отмечен.

— Как он называется? — спросила Ардита. — Я имею в виду этот остров.

— Никак не называется, — хохотнул Бэйб, — думаю, просто остров, вот и все.

Поздним вечером они уселись на самой высокой части утеса, опираясь спинами на огромные валуны, и Карлайл поделился с ней своими не слишком

определенными планами. Он был уверен, что к этому времени на него уже объявили охоту. Общая сумма от дельца, которое они провернули и в которое он не хотел пока ее посвящать, составила, по его оценкам, около миллиона долларов. Он рассчитывал залечь тут на дно на несколько недель, а затем направиться на юг, держась в стороне от обычных судоходных маршрутов, обогнуть Мыс Горн и пойти на Кальяо¹, в Перу. Решение вопросов с углем и провизией он полностью возложил на Бэйба, который, как кажется, кем только не ходил в плавание в этих морях: от юнги на судне, везущем кофе, до негласного первого помощника на бразильской пиратской посудине, капитан которой был давно повешен.

— Если бы он был белым, давно бы стал королем где-нибудь в Южной Америке, — уверенно заявил Карлайл. — А что до сообразительности, то на его фоне Букер Т. Вашингтон² выглядит полнейшим придурком. Он заполучил коварство каждой расы и национальности, кровь которой течет в его жилах, а их с полдюжины, если я не ошибаюсь. Он боготворит меня, потому что я единственный человек в мире, который может играть регтайм лучше, чем он. Мы частенько сживали с ним на пристани в Нью-Йорке, он с фэготом, а я с гобоем, смешивая минорные тональности африканских блюзов столетней давности, пока крысы не выползали из-под свай и не рассаживались кругом, вереща и подвизгивая, как собаки перед граммофоном³.

Ардита расхохоталась в голос.

— Не заливайте!

Карлайл усмехнулся.

— Клянусь вам...

— И что вы собираетесь делать, когда доберетесь до Кальяо? — перебила она.

— Сяду на корабль до Индии. Хочу стать раджой. Серьезно! Моя мечта — добраться куда-нибудь в Афганистан, купить дворец и положение, а затем, лет через пять, появиться в Англии с иностранным акцентом и таинственным прошлым. Но сперва в Индию. Вы слышали, говорят ведь, что все золото в мире постепенно стекается обратно в Индию. В этом для меня есть что-то чарующее. И еще мне нужен досуг для чтения — в невероятном объеме.

— И что потом?

— Потом, — вызываяще ответил он, — я обрету аристократичность. Смейтесь, если хотите, но, по крайней мере, вы должны признать — я знаю, чего хочу, и, как мне кажется, в этом мое перед вами превосходство.

¹ *Кальяо* — порт на побережье Тихого океана в 10 км к западу от столицы Перу — города Лима.

² *Букер Тальяферро Вашингтон* — американский просветитель XIX в., оратор, политик и писатель.

³ Изображение сидящего перед граммофоном пса Ниппера стало известной торговой маркой.

— Наоборот, — возразила Ардита, нашаривая в кармане портсигар, — когда я вас встретила, была как раз в эпицентре шумихи, поднятой всеми моими знакомыми и родственниками; и это потому, что я знала, чего хочу.

— И чего же?

— Мужчину.

Он быстро на нее взглянул.

— Хотите сказать, что были помолвлены?

— Вроде того. Если бы вы не залезли на борт, я определенно ускользнула бы на берег вчера вечером, — кажется, это было уже так давно! — и встретила бы его в Палм-Бич. Он ждет меня там с браслетом, который когда-то принадлежал русской императрице Екатерине. И не надо мне тут ничего бормотать про аристократичность, — быстро добавила она. — Он мне нравится только потому, что у него есть воображение и необычайная смелость убеждений.

— Но ваша семья этого не одобряет, так?

— Да что там за семья — только глуповатый дядюшка и еще более глупая тетка. Кажется, он был вовлечен в какой-то скандал с рыжеволосой дамочкой по имени Мими, или как там ее; все это чудовищно преувеличено, по его словам, а мне мужчины не лгут. Как бы там ни было, мне все равно, что он там натворил, имеет значение лишь будущее. Так я на это смотрю. Когда мужчина в меня влюблен, ему дела нет до развлечений на стороне. Я велела ему бросить ее, как подгорелый пирожок, — он так и сделал.

— Я немного ревную, — молвил Карлайл, насупившись, а потом рассмеявшись. — Думаю, попридержу вас с нами, пока мы не прибудем в Кальею. А потом я ссужу вас деньгами, чтобы добраться до Штатов. До этого у вас будет возможность еще раз поразмыслить об этом джентльмене.

— Не надо со мной так разговаривать! — вспыхнула Ардита. — Я ни от кого не потерплю родительского тона! Ясно?

Он было усмехнулся и тут же пресекся, явно смутившись, когда ее ледяной гнев, казалось, окатил его, заставив похолодеть.

— Прошу прощения, — промямлил он.

— О, не извиняйтесь! Терпеть не могу мужчин, которые говорят «Прошу прощения!» так мужественно и сдержанно. Просто заткнитесь!

Повисла пауза, которая показалась Карлайлу довольно неловкой; хотя, кажется, Ардита ее вообще не заметила: она вальяжно сидела, наслаждаясь своей сигареткой и взирая на блистающее море. Спустя минуту она подобралась к краю скалы и легла там, глядя вниз. Карлайл наблюдал за ней, раздумывая о том, что она просто не способна принять некрасивую позу.

— О, смотрите! — воскликнула она. — Там внизу множество выступов. Некоторые широкие, и все на разной высоте!

Он присоединился к ней, и вместе они некоторое время смотрели вниз с головокружительной высоты.

— Пошли купаться сегодня ночью! — взволнованно предложила она. — Под луной.

— Может, лучше вам осмотреть пляж на другой стороне?

— Ни за что! Мне нравится нырять. Можете воспользоваться дядиным купальным костюмом, правда, он вам не подойдет — будет болтаться, как мешок; он очень грузный мужчина. А у меня есть такая вещичка, которая шокировала всех аборигенов Атлантического побережья от Биддефорда Пул до Сент-Огастина.

— Думаю, вы умеете зацепить.

— Да, я довольно хороша. И выгляжу мило. Один скульптор из города Рай¹ прошлым летом сказал, что мои икры стоят пятьсот баксов.

С этим трудно было не согласиться, поэтому Карлайл промолчал, позволив себе лишь сдержанно улыбнуться про себя.

V

Когда спустилась ночь с ее голубоватыми тенями и серебристым блеском, они пробрались по мерцавшей протоке на шлюпке и, привязав ее к выступавшему из воды камню, стали вместе взбираться на скалу. Первый уступ находился на высоте десяти футов; достаточно широкий, он мог послужить естественным трамплином для ныряния. Освещенные ярким лунным светом, они уселись на него и стали наблюдать за мелкими отливными волнами, еле заметными теперь, когда вода отступала от берега.

— Вы счастливы? — неожиданно спросил он.

Она кивнула.

— Всегда счастлива у моря. Вы знаете, — продолжила она, — весь день я думала о том, что мы с вами чем-то похожи. Оба бунтари — только по разным причинам. Два года назад, когда мне было всего восемнадцать, а вам...

— Двадцать пять.

— Ну да, мы добились банального успеха. Я была невероятно потрясающей дебютанткой, а вы — преуспевающим музыкантом, только что призванным в армию...

— Истинный джентльмен, по бумагам Конгресса, — иронично добавил он.

— Ну, во всяком случае, мы оба устроились. Наши острые углы если и не были сточены, то, по крайней мере, не так выпирали. Однако глубоко внутри нас существовало нечто, заставлявшее нас требовать для счастья большего. Я не знала, чего я хочу. Я переходила от мужчины к мужчине, беспокойная, нетерпеливая, становясь месяц за месяцем все менее удовлетворенной и все более раздражительной. Временами я нередко сидела, кусая губы, и думала, что

¹ Рай (англ. Rye) — небольшой прибрежный город в штате Нью-Йорк.

схожу с ума — так остро было ощущение мимолетности жизни. Мне хотелось всего прямо сейчас — здесь и сейчас! Такая вот я красotka, не так ли?

— Пожалуй... — нерешительно согласился Карлайл.

Ардита внезапно поднялась.

— Минуточку. Хочу испробовать эту восхитительно выглядящую воду.

Она подошла к краю уступа и прыгнула в море, дважды кувыркнувшись в воздухе, а потом распрямившись и войдя в воду, как лезвие великолепного складного ножа.

Через мгновение до Карлайла донесся ее голос:

— Знаете, я пристрастилась читать целыми днями напролет и даже по ночам. Меня начало возмущать общество...

— Поднимайтесь сюда, — перебил он. — Что, Бога ради, вы там делаете?

— Просто плаваю на спине. Буду наверху через минуту. Хочу вам сказать... Единственное, что мне нравилось, — это шокировать людей; напивать на костюмированных вечеринках что-нибудь совершенно невозможное или сногшибательное, общаться с крутыми парнями в Нью-Йорке и попадать в самые адские передряги, какие только можно вообразить.

Ее слова мешались с плеском воды; потом он услышал ее учащенное дыхание, когда она начала взбираться по скале к уступу.

— Давайте, прыгните тоже! — крикнула она.

Он послушно поднялся и нырнул. Когда он вынырнул и мокрым вскарабкался наверх, то обнаружил, что ее на выступе уже нет. Секунду ему было не по себе, а потом он услышал ее негромкий смех, доносившийся с другого выступа, в десяти футах выше. Он присоединился к ней, и некоторое время они, немного запыхавшись, сидели молча, обхватив руками колени.

— Вся семья бесилась, — внезапно сказала Ардита. — Они пытались сбавить меня замуж. А потом, когда я начала уже чувствовать, что в конце концов жизнь едва ли стоит того, чтобы жить, я кое-что нашла, — она торжествующе глянула на небо, — я кое-что нашла!

Карлайл ждал, и она продолжила порывисто.

— Мужество — вот что! Мужество как правило жизни — за это нужно всегда держаться. Я начала укреплять огромную веру в себя. Начала понимать, что во всех моих прошлых кумирах меня бессознательно привлекало некое проявление мужества. Я стала отделять мужество от других жизненных явлений. Все виды мужества заключены в одном — избитый, окровавленный боец, снова рвущийся в бой. Я часто просила мужчин брать меня на призовые бои, — опустившаяся дама, в окружении злословящих гарпий и смотрящая на них, словно они грязь под ее ногами; принятие того, что тебе всегда нравится; полное пренебрежение сторонним мнением, способность просто жить так, как мне всегда нравилось, и умереть по-своему... Вы прихватили сигареты?

Он передал ей одну и молча поднес спичку.

— Тем не менее, — продолжила Ардита, — мужчины продолжали за мной увиваться, пожилые и юнцы, большинство из них были умственно и физически ниже меня, однако все они страстно желали заполучить меня, чтобы обладать той великолепной и независимой жизнью, которую я выстроила для себя. Понимаете, о чем я?

— Вроде да. Вы никогда не были побежденной и никогда не извинялись.

— Никогда!

Она подскочила к краю, зависла секунду на фоне неба, словно на распятии, а затем, прочертив темную параболу, без всплеска ушла в воду между двумя серебристыми разводами в двадцати футах ниже.

Ее голос снова донесся до него.

— Мужество для меня означало возможность продаться сквозь этот унылый серый туман, который опускается на жизнь; и не только борьбу с людьми и обстоятельствами, но и преодоление безрадостности бытия. Своего рода утверждение ценности жизни и ценности преходящих вещей.

Она уже взбиралась наверх, и с последними словами ее голова с закинутыми назад влажными светлыми волосами показалась у края уступа.

— Ну ладно, — возразил Карлайл. — Вы можете называть это мужеством, но, в конце концов, это ваше мужество построено на вашей врожденной гордости. Все это бунтарство было в вас возвращено. А в моей серой жизни даже мужество — одна из вещей серых и безжизненных.

Она сидела у самого края, обняв колени и рассеянно глядя на сиявшую луну; он стоял поодаль, вписавшись в скальную нишу, словно статуя какого-то гротескного божества.

— Не хочу вещать, как Поллианна¹, — начала она, — но вы все еще меня не поняли. Мое мужество — это вера; вера в мою бесконечную стойкость, в то, что радость вернется, и надежда, и непосредственность. И я чувствую, что, пока этого не случилось, я должна держать губы сомкнутыми, подбородок высоко поднятым, а глаза широко открытыми, и нет никакой надобности в дурацких улыбках. О, я проходила сквозь ад без единой жалобы, а женский ад смертоноснее мужского.

— Однако представим, — предположил Карлайл, — что прежде чем радость, надежда и все такое вернутся, перед вами навсегда опустится завеса.

Ардита встала, подошла к стенке и с некоторым усилием вскарабкалась на следующий уступ, еще на десять-пятнадцать футов выше.

— Ну так что, — крикнула она в ответ, — тогда я все равно победила!

Он пододвинулся к краю, чтобы ее увидеть.

¹ *Поллианна* — девочка, главная героиня одноименного романа американской писательницы Элинор Портер. Этот роман был опубликован в 1913 г.

— Лучше не ныряйте оттуда! Расшибетесь! — поспешно воскликнул он. Она рассмеялась.

— Не я!

Она медленно раскинула руки и замерла, словно лебедь, излучая гордость за свое юное совершенство, которое зажгло в сердце Карлайла яркий огонь.

— Мы летим через черный простор, широко раскинув руки, — прокричала она, — и наши ноги вытянуты, подобно хвосту дельфина, и мы верим, что никогда не врежемся в серебро там, внизу, до тех пор, пока оно внезапно не превратится вокруг нас в теплые, ласкающие и полные поцелуев волны!

В следующую секунду она была уже в воздухе, и Карлайл невольно затаил дыхание. Он не мог поверить, что она прыгнула с высоты сорока футов, и, казалось, прошла целая вечность, прежде чем он услышал краткий всплеск, означавший, что она вошла в воду.

Он с тревогой прислушался, а когда ее тихий журчащий смех донесся до края утеса, он издал вздох облегчения и в тот же момент понял, что любит ее.

VI

Неразрушающее время текло через них песком на протяжении трех дней. Когда через час после рассвета солнце заглядывало в иллюминатор каюты Ардиты, она радостно вставала, надевала купальный костюм и поднималась на палубу. Увидав ее, негры бросали свою работу и толпились, подсмеиваясь и переговариваясь, у поручней, а она в это время плавала проворной рыбкой то на поверхности кристальной воды, то заныривая в нее. А потом она снова плавала, уже прохладным вечером, валялась и, покуривая вместе с Карлайлом на скале, просто перебрасывалась с ним словами, улегшись на песок южного пляжа и наблюдая, как красочно и драматично угасает день в бесконечной истоме тропического вечера.

По мере того, как текли эти долгие, напоенные солнцем часы, Ардита постепенно перестала расценивать это происшествие как сумасбродную случайность, романтический росток в пустыне реальности. Она опасалась, что скоро настанет время ему отправляться на юг; страшилась возможных трудностей, которые она себе навоображала; мысли ее неожиданно пришли в волнение, а решения вызвали раздражение. Если бы среди языческих обрядов в ее душе нашлось место молитве, она бы просила от жизни, чтобы хотя бы на время все оставалось по-прежнему; она была готова подчиняться потоку наивных рассуждений Карлайла, его мальчишеским фантазиям и тяге к мономании, которая, казалось, проходила красной нитью сквозь весь его характер и окрашивала каждый его поступок.

Однако это не история о двух людях на острове и не о любви, порожденной одиночеством. Это всего лишь изображение двух личностей, а идиллическое

*— Это предложение руки и сердца? Супер!
Ардита Фарнем становится невестой пирата!
Девушка высшего света похищена регтаймером
и грабителем банков!*

место действия среди пальм на пути Гольфстрима — всего лишь случайный антураж. Большинство из нас вполне рады просто жить и плодиться, и они борются за право делать и то и другое, а главное устремление — предопределенное желание управлять чьей-то судьбой — является уделом лишь немногих счастливых или несчастных. Для меня самое интересное в Ардите — это мужество, оттеняющее ее красоту и молодость.

— Возьми меня с собой! — сказала она однажды поздним вечером, когда они развалились на траве под одной из дарующих тень пальм. Негры привезли на берег свои музыкальные инструменты, и звуки причудливого регтайма мягко плыли сквозь теплое дыхание ночи.

— Я бы хотела появиться здесь снова лет через десять, став сказочно богатой индийской леди высшей касты, — продолжила она.

Карлайл быстро на нее глянул.

— Знаешь, а это возможно.

Она рассмеялась.

— Это предложение руки и сердца? Супер! Ардита Фарнем становится невестой пирата! Девушка из высшего света похищена регтаймером и грабителем банков!

— Это был не банк.

— Тогда что? Почему ты не хочешь мне рассказать?

— Не хочу разрушать твои иллюзии.

— Мой дорогой, насчет тебя у меня нет никаких иллюзий.

— Я имел в виду твои иллюзии насчет себя самой.

Она удивленно на него взглянула.

— Насчет меня? Да какое, черт возьми, я вообще имею отношение к темным делишкам, которые ты провернул?

— Это еще предстоит выяснить!

Она подошла и похлопала его по руке.

— Дорогой мистер Кертис Карлайл, — тихо молвила она, — ты в меня влюблен?

— Как будто это имеет значение.

— Имеет, потому что, мне кажется, я тебя люблю.

Он иронично посмотрел на нее.

— Это увеличит твой январский список до полудюжины, — предположил он. — Думаешь, я попадусь на твой блеф и попрошу поехать со мной в Индию?

— А можно?

Он пожал плечами.

— Мы можем пожениться в Кальеа.

— И какую жизнь ты мне можешь предложить? Не в обиду тебе будь сказано, серьезно, что со мной станется, если люди, жаждущие получить награду в двадцать тысяч, когда-нибудь до тебя доберутся?

— Я думал, ты ничего не боишься.

— Никогда и не боялась, просто не хочу пустить свою жизнь псу под хвост, чтобы доказать это одному человеку.

— Хотел бы я, чтобы ты была беднячкой. Обычной бедной девчонкой, предающейся мечтам у забора в каком-нибудь южном ковбойском штате.

— Думаешь, так было бы лучше?

— Мне бы нравилось тебя удивлять, смотреть, как ты распаиваешь свои глазенки на вещички. Если бы тебе нужны были вещи! Ты понимаешь?

— Кажется. Как девушки, которые пялятся на витрины ювелирных магазинов?

— Да. И им нужны овальные часы из платины с брюликами по всему краю. А если бы ты сочла, что это слишком дорого, и выбрала бы что-нибудь из белого золота за сотню баксов, я бы тогда сказал: «Слишком дорого? Решительно нет!». И мы бы зашли в магазин, и очень скоро те, из платины, засияли бы на твоём запястье.

— Это звучит так мило и вульгарно, и забавно, не так ли? — промурлыкала Ардита.

— Не так ли? Только представь — мы путешествуем повсюду, швыряя деньги направо и налево, а посыльные и официанты поклоняются нам! О, блаженны простодушные богачи, ибо они наследуют землю!¹

— Честно говоря, я бы хотела, чтобы так и было.

— Я люблю тебя, Ардита, — нежно молвил он.

Ее лицо на мгновение утратило детское выражение и стало необычно серьезным.

— Мне нравится быть с тобой, — ответила она, — больше, чем с любым другим мужчиной из встреченных мной. Мне нравятся твой облик и твои глаза, и твои не по-детски темные волосы, и как ты перепрыгиваешь через борт, когда мы высаживаемся на берег. На самом деле, Кертис Карлайл, мне нравится все, что ты делаешь, когда ведешь себя совершенно естественно. Думаю, у тебя есть воля, а ты знаешь, как я к этому отношусь. Иногда, когда ты рядом, у меня возникает искушение внезапно поцеловать тебя и сказать, что ты просто мальчишка-идеалист, голова которого забита всякой чушью про классы. Возможно, если бы я была чуть постарше и чуть более утомлена жизнью, я бы последовала за тобой. А так, думаю, я вернусь домой и выйду замуж — за того, другого.

За серебрищейся лагуной в лунном свете извивались и дергались фигуры негров, они напоминали акробатов, которые после слишком долгого бездействия выделявали свои трюки просто от избытка энергии. Они шествовали друг за другом, описывая концентрические окружности, то запрокидывая головы, то сгибаясь к своим инструментам, как фавны к тростниковым флейтам. Тромбон и саксофон все время тянули слитную мелодию, то буйную и ликующую, то жалобно-заунывную, словно песня смерти из самого сердца Конго.

— Давай потанцуем! — воскликнула Ардита. — Я не могу спокойно сидеть под такой суперский джаз!

Взяв за руку, он вывел ее на широкую полосу плотной песчаной почвы, которую луна заливала своим великолепием. Они плыли в ярком призрачном свете, словно порхающие мотыльки, и по мере того, как фантастическая гармония плакала и ликовала, пульсировала и впадала в отчаяние, Ардита теряла последнее чувство реальности, полностью отдавшись вызывающим грезы ароматам тропических цветов и бескрайнему звездному пространству над головой; ей казалось — если она откроет глаза, то обнаружит, что танцует с призраком в краю, созданном ее собственным воображением.

— Вот это я бы и назвал эксклюзивным приватным танцем, — прошептал он.

— Я чувствую, что схожу с ума, но это сумасшествие великолепно!

— Мы заколдованы. Тени бесчисленных поколений каннибалов наблюдают за нами с верхотуры на склоне утеса.

¹ Отсылка к строчке из Евангелия от Матфея «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

— Держу пари, каннибалки говорят, что мы танцуем слишком близко и что с моей стороны было неприлично явиться сюда без кольца в носу.

Они оба тихонько рассмеялись, но потом их смех стих, когда они услышали, как несущиеся через лагуну звуки тромбонов внезапно замерли, а саксофоны испуганно взвыли и тоже замолкли.

— В чем там дело? — воскликнул Карлайл.

После минутной тишины они заметили бегущую темную человеческую фигурку, огибавшую серебрящуюся лагуну. Когда фигура приблизилась, они увидели, что это необычайно взволнованный Бэйб. Он остановился перед ними и, задыхаясь, выпалил новости.

— Корабль в полумиле, сур. Мож наблюдает. Кажись, не на якуре.

— Корабль... Какой корабль? — с тревогой спросил Карлайл.

В его голосе зазвучало смятение, и сердце Ардиты екнуло, когда она увидела, как он внезапно спал с лица.

— Никто не знает, сур.

— Они спустили шлюпку?

— Нет, сур.

— Нам надо подняться! — сказал Карлайл.

Сохраняя молчание, они поднялись на холм; рука Ардиты все еще покоилась в руке Карлайла, как это и было во время танца. Время от времени она чувствовала, как он нервно ее сжимает, словно желая удостовериться, что Ардита ее не убрала, и хотя он этим причинял ей боль, она не пыталась освободиться. Казалось, прошел целый час, пока они не достигли вершины и осторожно не перебрались через ребристую площадку к краю утеса. Взглянув на море, Карлайл невольно вскрикнул. Это был таможенный катер с шестидюймовыми орудиями на носу и на корме.

— Они знают! — выпалил он. — Они знают! Как-то они вышли на наш след.

— Ты уверен, что они знают про проход в скалах? Они могли просто встать на якорь, чтобы взглянуть на остров утром. Оттуда, где они находятся, проход не виден.

— Они могут увидеть его в бинокль, — безнадежно заметил он и затем взглянул на наручные часы. — Сейчас почти два. Они ничего не будут делать до рассвета, это точно. Конечно, есть еще слабая надежда, что они просто ждут какое-то другое судно или угольный баркас.

— Я полагаю, нам лучше остаться здесь.

Время текло, и они продолжали лежать рядышком, положив подбородки на руки, как дети во сне. Позади них сидели на корточках негры, спокойные, безропотные, готовые ко всему, временами возвещавшие звонким храпом, что даже близкая опасность не может подавить их непобедимую африканскую тягу ко сну.

Около пяти к Карлайлу подошел Бэйб и заметил, что на борту «Нарцисса» есть с полдюжины винтовок.

— Разве решено не оказывать сопротивления? Хорошую потасовку можно было бы устроить, — сказал он, — если придумать какой-нибудь план.

Карлайл рассмеялся и покачал головой.

— Это не группа легавых, Бэйб. Это катер береговой охраны. Все равно как пытаться выставить лук со стрелами против пулемета. Если ты хочешь где-нибудь закопать мешки, чтобы потом при случае забрать, давай, вперед. Однако это не сработает — они перекопают остров с одного конца до другого. Все кончено, Бэйб, сражение проиграно.

Бэйб молча кивнул, развернулся и ушел, а Карлайл, повернувшись к Ардите, хрипло заметил:

— Он мой самый лучший друг. Если бы я позволил, Бейб с радостью умер бы за меня и был бы этим горд.

— Вы сдаетесь?

— У меня нет выбора. Конечно, всегда есть выход, и самый верный, но это может подождать. Я ни за что не пропущу свой суд; будет любопытный опыт печальной известности. «Мисс Фарнем свидетельствует, что этот корсар всегда относился к ней как джентльмен».

— Не надо! — ответила она. — Мне ужасно жаль...

Когда краски неба поблекли и матовую синеву сменила свинцово-серая, на палубе судна стало заметно какое-то движение. Карлайл разглядел у поручней группу офицеров в белой форме. Те держали в руках бинокли и внимательно изучали с их помощью остров.

— Все кончено, — мрачно заметил Карлайл.

— Проклятье! — прошептала Ардита. Она почувствовала, что ее глаза наполняются слезами.

— Вернемся на яхту, — сказал он. — Лучше уж так; не хочу, чтобы меня гоняли тут, как опоссума.

Покинув площадку, они спустились с холма, дошли до озера, и примолкшие негры доставили их на яхту. Затем, бледные и утомленные, они опустили в шезлонги и стали ждать.

Через полчаса в тускло-сером свете из канала возник нос катера береговой охраны; судно встало, видимо, опасаясь, что лагуна слишком мелка. Вид мирной яхты, мужчины и девушки на шезлонгах и негров, с любопытством столпившихся у поручней, по-видимому, убедил людей на катере, что сопротивления не будет, ибо с каждого борта было спущено по шлюпке. В одной находился офицер с шестью матросами, а в другой — четверо гребцов и двое убеленных сединами мужчин в фланелевых костюмах яхтсменов на корме. Ардита и Карлайл поднялись и невольно шагнули друг к другу. Затем, после секундного раздумья, он внезапно сунул руку в карман, вынул оттуда круглый блестящий предмет и протянул ей.

— Что это? — спросила она удивленно.

— Не уверен, но, судя по русской надписи внутри, думаю, это обещанный тебе браслет.

— Откуда... Откуда, черт возьми...

— Из одной из тех сумок. Видишь ли, «Кертис Карлайл и его шестеро черных парней» посреди своего выступления в холле отеля «Палм-Бич» неожиданно сменили свои инструменты на пушки и ограбили публику. Я снял этот браслет с хорошенькой и перекрашенной рыжеволосой дамы.

Ардита нахмурилась, а затем улыбнулась.

— Значит, вот что вы сотворили! Нахальства тебе не занимать.

Он отвесил поклон.

— Это присущее буржуазии свойство, — сказал он.

Лучи рассвета косо ложились и скользили по палубе, загоня дрожющие тени в серые углы. Начала испаряться роса, превращаясь в золотистый, призрачный, как сон, туман; он обволакивал их, пока они не стали казаться призрачными реликтами прошлой ночи, бесконечно мимолетными и уже тающими. На мгновение над морем и под небом воцарилась тишина, словно бы рассвет прикрыл розовой дланью юные уста жизни, а затем из лагуны донесся жалобный скрип уключин и плеск весел.

Внезапно на фоне стоявшего низко на востоке золотого горнила их грациозные фигуры слились воедино, и он поцеловал ее в капризно изогнутые губы.

— Я словно на небесах, — пробормотал он через секунду.

Она ему улыбнулась.

— Ты счастлив, да?

Ее шепот был благословением — восторженной уверенностью, что в этот момент она была юна и прекрасна как никогда. Еще одно мгновение жизнь была лучезарной, время призрачным, а их сила — вечной, а затем раздался глухой скрежещущий звук ткнувшейся в борт гребной лодки.

По трапу вскарабкались двое седовласых мужчин, офицер и двое матросов с револьверами в руках. Мистер Фарнем встал, скрестил руки на груди и взглянул на свою племянницу.

— Итак, — сказал он, медленно кивнув головой.

Она вздохнула и отпустила шею Карлайла, разжав руки, ее изменившийся взгляд приобрел отсутствующее выражение и упал на стоявших на борту людей. Дядя заметил, как ее верхняя губа высокомерно вздернулась; это выражение ее лица было хорошо ему знакомо.

— Итак, — разгневанно произнес он, — значит, вот каковы твои представления о... о романтике! Сбежать и закрутить с морским разбойником!

Ардита скользнула по нему взглядом.

— Какой же ты старый дурак, — спокойно сказала она.

— Это весь твой ответ?

— Нет, — добавила она, раздумывая. — Нет, есть и еще кое-что. Хорошо известное тебе словцо, которым я заканчивала большинство наших разговоров последние несколько лет. Заткнись!

С этими словами она развернулась и, бросив быстрый презрительный взгляд на двух стариканов, офицера и двух матросов, гордо спустилась вниз в кают-компанию.

Однако если бы она повременила мгновение, то услышала бы, как ее дядя говорит в совершенно не свойственном ему в подобных ситуациях тоне. Он выдал искренний веселый смешок, такой же издал и второй старикан.

Последний быстро повернулся к Карлайлу, который наблюдал за этой сценой с вызывающей недоумение улыбкой на лице.

— Ну, Тоби, — молвил он добродушно, — неизлечимый ты легкомысленный романтик и охотник за несбыточным, она именно та, о которой ты мечтал?

Карлайл утвердительно улыбнулся.

— Ну, конечно. Я был в этом абсолютно уверен с тех пор, как впервые услышал рассказы о ее бурной жизни. Вот почему вчера вечером я поручил Бэйбу заварить всю эту кашу.

— Рад, что ты на это пошел, — весело заметил полковник Морленд. — Мы все время держались неподалеку на случай, если бы у тебя вдруг возникли какие-нибудь проблемы с этими шестью сторонними неграми. И мы надеялись, что застанем вас двоих в какой-нибудь такой компрометирующей ситуации, вроде этого, — вздохнул он. — Да, на ловца и зверь бежит...

— Мы с твоим отцом проторчали тут всю ночь, надеясь на лучшее — или, возможно, на худшее. Бог знает, почему ты так запал на нее, мой мальчик. Она сводит меня с ума. Ты подарил ей этот русский браслет, который нанятый мной детектив заполучил от той девицы Мими?

Карлайл кивнул.

— Тихо! — шикнул он. — Она поднимается на палубу.

Ардита показалась в начале трапа, который вел в кают-компанию, и невольно быстро взглянула на запястья Карлайла. На ее лице возникло недоуменное выражение. На корме запели негры, и прохладные чистые воды лагуны эхом отразили их басовитые голоса.

— Ардита, — неуверенно молвил Карлайл.

Она шагнула к нему.

— Ардита, — повторил он и осекся. — Я должен сказать тебе... правду. Все это было игрой. Меня зовут не Карлайл. Я — Морленд, Тоби Морленд. Ардита, вся эта история была выдумкой... Она была порождена призрачной атмосферой Флориды.

Она уставилась на него, выражения невероятного удивления, недоверия и гнева быстрыми волнами прокатились по ее лицу. Трое мужчин затаили дыхание. Морленд-старший шагнул к ней, а мистер Фарнем приоткрыл рот, в панике ожидая неизбежной катастрофы.

Однако катастрофы не случилось. Лицо Ардиты неожиданно просияло, коротко рассмеявшись, она быстро подошла к Морленду-младшему и посмотрела на него своими серыми глазами без тени гнева.

— Ты готов поклясться, — тихонько спросила она, — что все это ты сам насочинял в своей голове?

— Клянусь, — с жаром ответил Морленд.

Она пригнула его голову и нежно поцеловала.

— Какая сила фантазии! — мягко, почти с завистью сказала она. — Хочу, чтобы ты мне лгал так же мило до конца моей жизни.

До них доносились сливавшиеся в воздухе дремотные голоса негров; она уже слышала раньше эту песню.

Время сворует
Радость и боль.
Держись за листок,
Когда он желтеет...

— А что было в сумках? — тихо спросила она.

— Флоридская гмазь, — ответил он. — Я ведь дважды сказал тебе правду.

— Возможно, я догадываюсь, какой была вторая, — сказала она и, встав на цыпочки, нежно поцеловала его фото в журнале.¹

¹ Существует два варианта последней фразы. В американском журнале «The Saturday Evening Post» было напечатано: «Ардита, будучи девушкой проницательной, без труда догадалась о втором случае».

ЛЕДЯНОЙ ДВОРЕЦ

I

Солнечный свет стекал по дому, как золотистая краска по керамической вазе, а заметные то тут, то там пятнышки тени только усиливали ощущение неподвижности этой солнечной купели. Соседние дома Баттервортов и Ларкинов скрывались за высокими и коренастыми деревьями; лишь дом Хапперов стоял на солнцепеке, целыми днями глаза с терпеливо-добродушным спокойствием на пыльную улицу. В городке Тарлтон¹ на самом юге штата Джорджия было за полдень.

В окне своей спальни Салли Кэррол Хаппер, уткнувшись своим девятнадцатилетним подбородком в пятидесятидвухлетний подоконник, смотрела, как выворачивает из-за угла старенький форд Кларка Дерроу. Машина была перегрета; ее металл сохранял все поглощаемое или выделяемое тепло, и у торчащего за рулем Кларка Дерроу было такое страдальчески-утомленное выражение лица, словно он считал себя дополнительной деталью, готовой выйти из строя. Он не без труда перевалил через две пыльные колеи — колеса при встрече с ними негодуяще скрипнули, — а затем, скорчив ужасающую гримасу, в последний раз крутанул руль и осадил себя вместе с авто почти у самого крыльца Хапперов. Послышался жалобный звук, предсмертный хрип, за которым последовала непродолжительная тишина; затем воздух был разорван резким гудком.

Салли Кэррол сонно глядела вниз. Она собиралась зевнуть, однако сочла, что сделать это совершенно невозможно, не оторвав подбородок от подоконника, передумала и продолжала молча рассматривать авто, владелец которого все так же блистательно-небрежно торчал «по стойке смирно», ожидая ответа на свой сигнал. Через мгновение гудок снова разорвал пыльный воздух.

— Доброго утречка².

¹ Деревушка *Тарлтон* существует в Англии, в Джорджии такого города нет.

² Здесь и далее во многих местах автор старается передать характерный местный акцент; в данном случае вместо *morning* пишет *mawnin*.

Кларк с трудом повернулся всем своим долговязым туловищем и искоса глянул на окно.

— Уже не утречко, Салли Кэррол!

— Неужто? Уверен?

— Что ты там поделываешь?

— Ем яблоко.

— Поехали плавать, хочешь?

— Пожалуй...

— Может, тогда поторопишься?

— Конечно.

Салли Кэррол протяжно вздохнула и лениво-медленно поднялась с пола, на котором попеременно занималась то уничтожением долек зеленого яблока, то разрисовыванием бумажных колпачков для своей младшей сестры. Она подошла к зеркалу, взглянула на себя с самодовольной томностью, тронула пару раз помадой губы, припудрила носик и напаялила на свои коротко стриженные волосы цвета спелой кукурузы чепчик, украшенный розочками. Потом наткнулась на баночку с водой, перевернула ее, ругнувшись: «Черт возьми!» — однако так ее и оставила, а затем вышла из комнаты.

— Как сам, Кларк? — спросила она минуту спустя, ловко перемахнув через борт авто.

— Прекрасно, Салли Кэррол!

— Куда поедем купаться?

— В бассейн Уолли. Я сказал Мэрилин — мы заедем и прихватим ее и Джо Юинга.

Кларк был темноволос и худощав, когда он стоял, была заметна его склонность сутулиться. Глаза его смотрели зловеще, а выражение лица было несколько раздраженным, за исключением случаев, когда его дивным образом озаряла одна из неизменных улыбок.

У Кларка был «доходец» — ровно столько, чтобы содержать себя и свою машину, заливая в нее бензин, и он провел два года после окончания Джорджтеха¹, лениво слоняясь по дремотным улочкам родного городка и обсуждая, как бы получше пристроить свой капиталец для немедленного обогащения.

Слоняться без дела ему было совсем не в тягость; все девчонки его детства подросли и дивно похорошели; первой среди них была изумительная Салли Кэррол; они обожали, когда их приглашали поплавать или потанцевать, или поамурничать летними вечерами, напоенными ароматами цветов, и все они были без ума от Кларка. Когда девичья компания ему надоедала, находилось с полдюжины других юнцов, которые всегда собирались чем-нибудь таким заняться, а пока между делом более чем охотно присоединялись к нему то закатить мяч в лунку для гольфа или сыграть партию в бильярд, а то и просто распить квартиру «крепкого желтого»². Время от времени кто-нибудь из

¹ Технологический институт штата Джорджия.

² Имеется в виду кукурузный джин (в оригинале — *hard yella licker*).

его сверстников наносил прощальные визиты, прежде чем отправиться в Нью-Йорк, Филадельфию или в Питтсбург, чтобы заняться бизнесом; но в основном они продолжали вяло шататься под дремотными небесами, бродить вечерами с их неизменными светлячками среди негритянского гомона на уличных ярмарках и, в особенности, среди милых и сладкоголосых девиц, возвращенных на мечтаниях вместо денег.

«Форд» возмущенно взревел, взволнованный столь беспокойной жизнью. Кларк и Салли Кэррол с грохотом скатились по Вэлли-авеню к Джефферсон-стрит, где грунтовая дорога сменялась мощеной; проехали вдоль сонной до одури Миллисент-плейс, где стояло с полдюжины богатых и солидных особняков; и затем въехали в центральную часть городка. Ехать тут было небезопасно, поскольку было время покупок; люди беспечно расхаживали по улицам, перед остановившимся трамваем гнали глухо мычащее стадо; даже лавки, казалось, зевали дверными проемами и моргали витринами на солнышке, прежде чем впасть в состояние полной и окончательной комы.

— Салли Кэррол, — внезапно спросил Кларк, — это правда, что ты помолвлена?

Она быстро на него взглянула.

— Где это ты слышал?

— Нет, честно. Помолвлена?

— Что за вопросик!

— Одна девушка сказала мне, что ты помолвлена с янки¹, с которым познакомилась в Эшвилле² прошлым летом.

Салли Кэррол вздохнула.

— Эта старая дыра переполнена сплетнями!

— Не выходи за янки, Салли Кэррол! Ты нужна нам здесь!

Салли Кэррол мгновение молчала.

— Кларк, — внезапно сказала она, — а за кого, черт возьми, мне тогда выходить?

— Предлагаю свои услуги.

— Дорогой, ты же не сможешь содержать жену, — весело ответила она. — К тому же я слишком хорошо тебя знаю, чтобы влюбиться!

— Но это же не значит, что ты должна выйти за янки! — настаивал он.

— А если я его люблю?

Он мотнул головой.

— Да не может быть. Они совершенно другие — что ни возьми.

Он замолк, остановив машину перед громоздким обветшалым домом. В дверях показались Мэрилин Уэйд и Джо Юинг.

— Смотри-ка, Салли Кэррол!

— Приветик!

— Как дела?

¹ Так после Гражданской войны южане называли жителей северных штатов.

² Эшвилл — город в Северной Каролине.

— Салли Кэррол, — спросила Мэрилин, едва они снова тронулись, — ты помолвлена?

— Господи! Откуда все это берется? Стоит мне только глянуть на мужчину, и все в городе уже меня за него сватают!

Кларк смотрел прямо перед собой на дребезжащий болт у ветрового стекла.

— Салли Кэррол, — спросил он необычно вкрадчиво, — мы тебе не любимы?

— Что?

— Мы, здесь?

— Почему? Кларк, ты же знаешь, я вас люблю! Обожаю вас всех, ребята!

— Тогда почему ты обручилась с янки?

— Кларк, я не знаю. Я не уверена, чем я буду заниматься, но... Ну, я хочу походить по разным местам и повидать людей. Я хочу, чтобы мой ум развивался. Хочу жить там, где происходят грандиозные события.

— Что ты имеешь в виду?

— Ох, Кларк... Я люблю тебя, и я люблю Джо, и Бена Аррота, всех вас, но ведь вы... Вы все...

— Мы все станем неудачниками?

— Да. Я имею в виду не только деньги, но типа вы все... какие-то слабовольные, вялые и... Ох, как тебе это объяснить?

— Хочешь сказать потому, что мы все продолжаем торчать тут в Тарлтоне?

— Да, Кларк. И потому, что вам это нравится, и вы никогда не хотите ничего менять, ни о чем не думаете, не хотите идти вперед.

Он кивнул, а она взяла его за руку и сжала ее.

— Кларк, — мягко заметила она, — я не променяла бы тебя ни за что на свете. Ты очень мил, и ты таков, какой есть. И все, что приведет тебя к неудаче, мне тоже нравится: твоё стремление жить прошлым, твои наполненные ленью дни и ночи, вся твоя беззаботность и щедрость.

— Однако ты собираешься уехать?

— Да. Потому что я никогда не смогу выйти за тебя замуж. В моем сердце для тебя отведен особый уголок, ни у кого другого такого не было, но если я тут останусь, я изведусь. Я буду чувствовать, что... растрачиваю себя впустую. Видишь ли, есть две стороны моей натуры. Одна привычная, сонная, ты ее любишь; другая — энергичная, и я чувствую, что она толкает меня на всякие безумства. И эта вторая, которая может на что-то и сгодиться, останется при мне, когда уйдет моя красота.

Она замолкла с характерной для нее внезапностью и вздохнула: — Ну, и ладненько! — И настроение у нее уже переменялось.

Полуприкрыв глаза, она откинула голову назад, пока не уперлась в спинку сиденья, позволив благоухающему ветерку обдывать ее веки и ерошить мягкие локоны коротко остриженных волос. Они уже выехали за город и мчались теперь между густыми зарослями ярко-зеленых куртин, травы и высоких

деревьев, кроны которых отбрасывали на дорогу манящие своей прохладой тени. По временам они проезжали мимо убогой негритянской хижины, перед входом в которую восседал убеленный сединами старик, куривший трубку, сделанную из кукурузного початка, а среди зарослей травы с полдюжины негритянских оборвышей играли со своими обтрепанными тряпичными куклами. Далее тянулись недвижные хлопковые поля, на которых даже трудяги казались неосязаемыми тенями, посланными солнцем земле не для тяжелых трудов, а лишь для того, чтобы коротать время золотых сентябрьских дней. И по всем этим сонным живописным пейзажам, по деревьям, лачугам и мутным водам рек растекалась жара — не докучливая, но расслабляющая, словно огромная теплая грудь, питающая младенческую землю.

— Салли Кэррол, приехали!

— Бедная детка заснула!

— Дорогая, наконец-то лень тебя насмерть сморила!

— Вода, Салли Кэррол! Прохладная вода ожидает тебя!

Ее заспанные глаза приоткрылись.

— Привет! — пробормотала она, улыбаясь.

II

В ноябре Гарри Беллами, высокий, широкоплечий и энергичный, приехал с севера страны, чтобы провести здесь четыре дня. Он собирался уладить вопрос, который откладывался с середины лета, с того времени, когда он познакомился с Салли Кэррол в Ашвилле, в Северной Каролине.

Для улаживания потребовались лишь один тихий день и вечер у пылающего камина, ибо Гарри Беллами обладал всем ей необходимым, к тому же, она любила его. Любила той стороной своей натуры, которая была специально отведена у нее для любви. У Салли Кэррол таких четко различаемых сторон было несколько.

В последний день его пребывания они пошли прогуляться, и Салли Кэррол обнаружила, что ноги сами собой понесли ее к одному из ее любимых мест — кладбищу. Увидав его серо-белые плиты и золотисто-зеленую ограду, освещенную живописными лучами заходящего солнца, она в нерешительности остановилась у железных ворот.

— Гарри, ты по своей природе склонен к печали? — спросила она, чуть улыбнувшись.

— К печали? Ни в коей мере!

— Ну, тогда зайдем сюда. Некоторых ребят это место угнетает, но мне оно нравится.

Они прошли в ворота и пошли по тропинке, петлявшей среди могил: серых, запыленных и замшелых могил пятидесятих годов; могил семиде-

сятых, которые были причудливо украшены резными цветами и вазами; мимо ужасно безвкусных могил девяностых — с их пухлыми мраморными херувимами, внезапно прикорнувшими на каменных подушечках, и увитых огромными побегами безымянных гранитных цветов. Порой они замечали стоявшую на коленях фигуру с принесенными цветами, однако над большинством могил царил тишина; они были укрыты пожухлой листвой, слабый запах которой мог пробудить у людей с живым воображением лишь призрачные воспоминания.

Они достигли вершины холма, и перед ними предстало высокое закругленное и наполовину оплетенное стеблями надгробие, покрытое от сырости темными пятнами.

— Марджери Ли, — прочитала она вслух. — 1844–1873. Наверное, она была красавицей... Умерла, когда ей было двадцать девять. Милая Марджери Ли! — тихо добавила она. — Ты можешь себе ее представить, Гарри?

— Да, Салли Кэррол.

Он почувствовал, как ее ладошка скользнула в его руку.

— Думаю, она была брюнеткой, всегда вплетала в волосы ленту, носила шикарные бледно-голубые и лилово-розовые юбки с фижмами¹.

— Наверняка!

— Она была мила, Гарри! Из тех девушек, что рождены стоять на широком крыльце с колоннами и приглашать гостей заходить в дом. Думаю, много мужчин ушло на войну, намереваясь вернуться к ней; но, скорее всего, ни один не вернулся.

Он наклонился к камню, пытаясь разглядеть запись о замужестве.

— Тут больше ничего не написано.

— Конечно, ничего! Что может быть лучше, чем просто «Марджери Ли» и эти красноречивые даты?

Она придвинулась к нему, и, когда ее белокурые волосы коснулись его щеки, к его горлу неожиданно подступил комок.

— Теперь ты представляешь, Гарри, какой она была, правда?

— Представляю, — мягко согласился он. — Вижу ее твоими проницательными глазами. Ты прекрасна, поэтому я знаю, что и она была такой!

Они стояли молча, рядом друг с другом, и он чувствовал, как ее плечи слегка подрагивают. Легкий ветерок пролетел вверх по склону холма и шевельнул край ее широкополой шляпы.

— Давай спустимся туда!

Она указала на ровный участок на другой стороне холма, где по зеленой траве бесконечными ровными рядами тянулись вдалеке тысячи серовато-белых крестов, похожих на армейские винтовки в арсенале.

— Погибшие конфедераты², — кратко заметила Салли Кэррол.

¹ *Фижмы* (от нем. Fischbein — «китовый ус») — каркас для юбки.

² Так называли южан во время Гражданской войны 1861–1865 годов.

*Они прошли в ворота
и пошли по тропинке, петлявшей среди могил...*

Они пошли вдоль рядов и читали надписи: там всегда было лишь имя и некая дата, местами весьма неразборчивая.

— Последний ряд самый печальный — смотри, вон там. На каждом кресте только дата и слово: «неизвестный».

Она посмотрела на него, и ее глаза наполнились слезами.

— Я не смогу тебе сказать, дорогой, почему меня все это так живо трогает. Знаешь...

— Это прекрасно, как ты к этому относишься.

— Нет-нет, дело не во мне, а в них; в том прошлом, которое я себе представляю. Это были обычные люди, очевидно, совсем простые, иначе они не были бы «неизвестными», однако они умерли за самое прекрасное в мире — за погибший Юг! Видишь ли, — продолжила она все еще с надрывом и со слезами на глазах, — у людей бывают мечты, они привязываются к разным вещам, и я всегда росла с такой мечтой. И это было просто, потому что и так все кругом мертво, и мне не в чем было разочаровываться. Я пыталась в каком-то смысле соответствовать этим прошлым

нормам, как говорится, «ноблесс обличж»¹; от них у нас одни остатки, как гибнущие вокруг нас розы в старом саду: черточки учтивости и рыцарства у некоторых парней, истории, которые я слышала от одного старого конфедерата, жившего по соседству, и от старых негров... Ах, Гарри, что это была за жизнь, это нечто! Я никогда не смогу тебе ее растолковать, но все это тут было!

— Я понимаю, — заверил он ее вполголоса.

Салли Кэррол улыбнулась и вытерла слезы кончиком платка, торчавшим из его нагрудного кармана.

— Ты ведь не опечалился, любимый? Даже если я плачу, мне тут хорошо; я от этого получаю какую-то силу.

Они повернулись и, взявшись за руки, медленно пошли обратно. Увидав мягкую травку, она усадила его рядом с собой, они прислонились к низкой полуразвалившейся стенке.

— Поскорей бы эти три старухи убрались, — вздохнул он. — Я хочу поцеловать тебя, Салли Кэррол!

— И я тебя.

Они с нетерпением ждали, пока исчезнут три согбенные фигуры, а потом она целовала его, пока небо, как показалось, не стало темнеть, а все ее улыбки и слезы не растворились в блаженстве этих бесконечно длящихся мгновений.

Потом они медленно пошли обратно, а сумерки в тенистых закоулках сонно играли с угасающим днем в черно-белые шашки.

— Приезжай примерно в середине января, — сказал он. — Можешь остаться, по крайней мере, на месяц. Будет здорово! Начнется зимний карнавал, и если ты действительно никогда не видела снега, тебе это покажется волшебством. Будет каток и коньки, катание на лыжах, на санях и санках, разные факельные шествия на снегоступах. Такого карнавала не было уже много лет, так что все будет устроено потрясно!

— А я не замерзну, Гарри? — внезапно спросила она.

— Конечно, нет! Может, нос подморозишь, но колотуна не будет. Знаешь, воздух-то у нас хотя и холодный, но сухой.

— Мне кажется, я дитя лета... В любой холод мне не по себе.

Она замолкла; и они оба немного помолчали.

— Салли Кэррол, — нарочито медленно проговорил он. — Что скажешь? В марте?

— Скажу, что люблю тебя!

— Так в марте?

— В марте, Гарри.

¹ Французское выражение «*noblesse oblige*» обычно переводится как «честь обязывает» или «положение обязывает».

III

Всю ночь в «пульмане»¹ было очень холодно. Она вызвала проводника, чтобы попросить еще одно одеяло, но у него ни одного не оказалось, и она тщетно пыталась вжаться поглубже в свое спальное место и, сложив пополам свое одеяло, поспать еще хоть пару часиков. Утром она хотела выглядеть как можно лучше.

Она поднялась в шесть, нырнула, поеживаясь, в свою одежду и побрела в вагон-ресторан, чтобы выпить чашечку кофе. Снег просочился в проходы между вагонами и покрыл пол скользким налетом. Было даже забавно — этот холод проникал всюду! Ее дыхание превращалось в пар, и она выпускала его с детским наслаждением. Сидя в вагоне-ресторане, она разглядывала через окно белые холмы, долины и разбросанные по ним сосны, и каждая их ветка была большим зеленым подносом на ледяном пиршестве снега. Иногда мимо нее проплывал одиноко стоящий фермерский дом, страшненький, унылый и потерянный посреди белой пустыни; глядя на такие дома, она каждый раз чувствовала острое сострадание к божьим душам, запертым там в ожидании весны.

Выйдя из вагона-ресторана и вернувшись, покачиваясь, в свой «пульман», она испытала прилив энергии и подумала, что это, должно быть, тот бодрящий дух, о котором говорил Гарри. Ведь это был Север. Север! Ее новая родина.

— Так задуйте, ветры, хо! Я уеду далеко! — с восторгом пропела она вполголоса.

— Что такое? — вежливо поинтересовался проводник.

— Я сказала: «Почистите пальто».

Проводов на телеграфных столбах стало вдвое больше; два пути, бежавших рядом с поездом, три, четыре; потом череда домов с белыми крышами, мелькнул трамвай с заиндеветыми окнами, улицы — еще улицы — город!

Ошеломленная, она постояла немного на замерзшей платформе, пока не увидела, как к ней подходят три фигуры в мехах.

— А вот и она!

— О! Салли Кэррол!

Салли Кэррол опустила на перрон свою сумку.

— Привет!

Едва знакомое лицо на морозе, поцелуй, затем ее окружили люди, пускавшие, как казалось, густые дымки; она жала руки... Среди них был

¹ «Пульман» — спальный пассажирский железнодорожный вагон, получивший свое название в середине XIX в. по фамилии американского фабриканта Джорджа Пульмана.

Гордон, невысокий энергичный мужчина лет тридцати, похожий на любительскую копию Гарри, и его жена Майра, апатичная дама с волосами цвета соломы, видневшимися под широкополой шапкой, смахивающей на колесо для авто. Салли Кэррол подумалось, что она, вероятно, скандинавка. Жизнерадостный шофер подхватил ее сумку, и среди рикошетов недоговоренных фраз, восклицаний и вежливо-вялого «моя дорогая» от Майры, они убрались со станции.

А потом они поехали на седане по извилистым заснеженным улицам, где десятки ребятишек прицеплялись своими санками к фургонам бакалейщиков и авто.

— О! — воскликнула Салли Кэррол. — Я тоже так хочу! Можно нам, Гарри?

— Это же детское развлечение. Хотя мы могли бы...

— словно как в цирке... — с сожалением заметила она.

Просторный фахверковый дом стоял на заснеженном пригорке; ее встретил грузный седовласый мужчина, который ей сразу понравился, и смахивающая на яйцо дама, которая ее расцеловала; это были родители Гарри. Затем прошел напряженный неопишуемый час, наполненный обрывками фраз, горячей водой, яичницей с беконом и смущением; потом она очутилась наедине с Гарри в библиотеке. Она спросила, позволено ли ей тут будет закурить.

Это было просторное помещение с Мадонной над камином и целыми рядами книг со светло-золотистыми, темно-золотыми и ярко-красными корешками. На подголовниках всех кресел лежали кружевные квадратные салфетки, кушетка выглядела очень удобной, книги смотрелись так, словно их читали — по крайней мере, некоторые. Салли Кэррол тут же припомнилась старая, выдавшая виды библиотека ее дома, с огромными отцовскими медицинскими томами, с тремя писанными маслом портретами ее двоюродных дедушек и ветхой кушеткой, которую чинили сорок пять лет подряд и на которой было так приятно помечтать! Это же помещение поразило ее тем, что оно не казалось ни уютным, ни каким-то особенным. Просто комната с кучей довольно дорогих вещей, которым, казалось, было лет пятнадцать.

— Ну, как тебе тут? Что скажешь? — нетерпеливо спросил Гарри. — Впечатляет? Хотел сказать — так ты себе это представляла?

— Да, Гарри! — тихо молвила она и протянула к нему руки.

После краткого поцелуя он, как оказалось, по-прежнему стремился услышать ее восторги.

— Наш город я имею в виду. Он тебе понравился? Почувствовала энергетику в воздухе?

— О, Гарри, — рассмеялась она, — погоди, дай мне время. Не забрасывай меня вопросами.

Она с удовольствием затянулась сигаретой.

— Хочу попросить тебя кое о чем, — начал он, словно бы извиняясь. — Вы, южане, уделяете много внимания семье и всему такому... Не то чтобы это тут не принято, но ты поймешь, что здесь все немного иначе. Хочу сказать, что ты заметишь тут много такого, что поначалу покажется тебе какой-то вульгарной показухой! Просто имей в виду, Салли Кэррол, что этот город помнит всего три поколения. Каждый знает своего отца, примерно половина знают дедов. Дальше мы не заходим.

— Разумеется, — пробормотала она.

— Видишь ли, на этом месте обосновались наши деды, и многим из них приходилось заниматься довольно странными делами. К примеру, есть тут одна дама, которая в настоящее время является в этом городе неким образцом для подражания; ну, так ее отец был первым мусорщиком — и так далее...

— Погоди, — озадаченно спросила Салли Кэррол, — с чего ты взял, что я собираюсь кого-то обсуждать?

— Совсем нет, — перебил Гарри. — И я ни за кого не извиняюсь. Просто... Видишь ли, одна южанка приезжала сюда прошлым летом, и она наговорила много неудобного, и... Ну, я просто подумал, что должен сказать тебе об этом.

Салли Кэррол внезапно почувствовала возмущение, будто ее несправедливо отшлепали. Однако очевидно Гарри считал тему закрытой, потому что восторженно продолжил:

— Нынче карнавальная неделя, ты знаешь... Впервые за десять лет! Строится ледяной дворец; первый раз с восьмьдесят пятого года. Из блоков самого чистого льда, который смогли найти — масштаб работ потрясающий!

Она встала, подошла к окну, раздвинула массивные турецкие портьеры и выглянула наружу.

— Ой! — вдруг воскликнула она. — Два мальчугана лепят снеговика! Гарри, как думаешь, могу я выйти им помочь?

— Ну у тебя и фантазии! Иди ко мне и поцелуй меня!

Она неохотно отошла от окна.

— Не думаю, что здешняя атмосфера особо благоприятствует поцелуям, верно? Хочу сказать, что ты ведь тут рассиживаться не собираешься?

— Мы и не собираемся рассиживаться! Я взял отпуск на первую неделю твоего тут пребывания; вечером будет ужин с танцами.

— Ах, Гарри, — призналась она, рухнув на кушетку и пристроившись у него на коленях, а частично на пуфиках, — я сбита с толку! Пока совершенно не могу сказать, нравится мне тут или нет, и я не представляю, чего от меня ждут, и все такое... Ты должен будешь все мне растолковать, дорогой.

— Растолкую, — нежно ответил он, — если ты только скажешь мне, что рада здесь оказаться!

— Рада! Ужасно рада! — прошептала она, пристраиваясь в его объятия своим особым способом. — Где ты, там и мой дом, Гарри!

Произнеся это, она почти впервые в жизни ощутила, что играет какую-то роль на сцене.

В тот вечер, среди сияющих огней званого ужина, во время которого говорили, кажется, только мужчины, а женщины сидели надменно и отчужденно, даже присутствие Гарри слева от нее не заставило ее почувствовать, что она дома.

— Приятные люди, не так ли? — спросил он. — Посмотри: вон Спад Хаббард, был полузащитником Принстона в прошлом году; а это Джуни Мортон — он и тот рыжий парень рядом были хоккейными капитанами в Йеле¹; Джуни был со мной в одном классе. Знаешь, лучшие спортсмены в мире — из этих северных штатов. Говорю тебе — это земля настоящих мужчин! Посмотри — Джон Джей Фишбурн!

— Кто он? — наивно спросила Салли Кэррол.

— Разве ты не знаешь?

— Я слышала это имя...

— Величайший торговец пшеницей на всем Северо-Западе и один из величайших финансистов страны.

Она неожиданно повернулась на голос справа.

— Думаю, нас забыли представить! Роджер Паттон.

— А я Салли Кэррол Хаппер, — любезно ответила она.

— Я знаю. Гарри рассказывал, что вы приезжаете.

— Вы его родственник?

— Нет, я профессор.

— О! — рассмеялась она.

— В местном университете. Вы же с Юга, не так ли?

— Да. Из Тарлтона, штат Джорджия.

Он ей сразу понравился: темно-рыжие усы, светло-голубые глаза, в них было нечто, чего не хватало прочим — некая возвышенность. За ужином они обменялись несколькими случайными фразами, и она решила, что было бы неплохо с ним еще пообщаться.

После кофе она была представлена множеству приятных молодых людей, танцевавших с выверенной точностью и неоспоримо считавших, что она стремится говорить только о Гарри.

«О Боже, — подумала она, — они разговаривают так, словно моя помолвка сделала меня в их глазах лет на десять старше! Будто я собираюсь судачить о них с их матушками!».

На юге девушка после помолвки и даже молодая замужняя женщина рассчитывала на такое же добродушное подшучивание и лесть, как и любая дебютантка²; но здесь все это, казалось, было под запретом. Один молодой человек бодро начал с комплимента по поводу ее глаз, сказав, как они поманили его, едва он вошел в комнату, но он пришел в страшное замеша-

¹ Речь о Принстонском и Йельском университетах.

² *Дебютантка* — начавшая появляться в свете девушка.

тельство, когда узнал, что она гостит у Беллами, то есть является невестой Гарри. Ему показалось, что он совершил какую-то грубую и непростительную оплошность; немедленно приняв чопорный вид, он оставил ее при первой же возможности.

Она почти обрадовалась, когда во время танцев ее перехватил Роджер Паттон и предложил ненадолго присесть.

— Ну, — спросил он, весело подмигнув, — как себя ощущает Кармен Юга?

— Отлично. А как поживает... Опасный Дэн Мак-Грю¹? Извините, но он единственный северянин, о котором я много слышала.

Кажется, это его позабавило.

— Разумеется, — шутливо признался он, — будучи профессором литературы, я уж точно должен был читать «Выстрел Мак-Грю»...

— Вы из местных?

— Нет, я из Филадельфии. Завезен из Гарварда² преподавать французский. Но я здесь уже десять лет.

— На девять лет и триста шестьдесят четыре дня дольше меня!

— Нравится здесь?

— Ага... Конечно!

— Правда?

— Ну а почему нет? Разве я не выгляжу так, будто славно провожу тут время?

— Я заметил минуту назад, как вы глянули в окно и вздрогнули.

— Это все мои фантазии, — рассмеялась Салли Кэррол. — Привыкла, что все на улице тихо, а тут порой глянешь за окно и увидишь снеговерт, как будто там что-то неживое шевелится.

Он понимающе кивнул.

— Бывали раньше на севере?

— Дважды, оба раза в июле, в Ашвиле, в Северной Каролине.

— Здесь очень приятные люди, не так ли? — спросил Паттон, кивнув на кружащиеся пары.

Салли Кэррол вздрогнула. Так же говорил и Гарри!

— Конечно! Они... собачьи.

— Какие?

Она покраснела.

— Извините! Это прозвучало хуже, чем я предполагала. Видите ли, я всегда делила людей на собачьих и кошачьих, независимо от пола.

— И кто вы?

¹ *Опасный Дэн* — старатель времен «золотой лихорадки». История его гибели в результате перестрелки в салуне отражена в стихотворении «Выстрел Мак-Грю» британо-канадского писателя Роберта Уильяма Сервиса.

² Речь о Гарвардском университете, который находится в городе Кембридж штата Массачусетс.

— Я из кошачьих. И вы. И большинство южан, и большинство здешних барышень.

— А как насчет Гарри?

— Гарри точно из собачьих. Все мужчины, которых я сегодня вечером встречала, тоже, кажется, из них.

— Что это означает — «из собачьих»? Некая видимая брутальность, в противовес утонченности?

— Полагаю, да. Я никогда это не анализирую — просто смотрю на людей и сразу же говорю, собачьи они или кошачьи. Конечно, это полный абсурд.

— Вовсе нет! Любопытно... У меня когда-то была своя концепция про местных людей. Думаю, они замерзают.

— Что делают?

— Думаю, они все меняются, как шведы, — так сказать, ибсенизируются¹. Постепенно и понемногу становятся мрачными и меланхоличными. Все дело в долгих зимах. Вы читали Ибсена?

Она отрицательно качнула головой.

— Знаете, вы бы обнаружили у его героев некую врожденную скованность. Они все такие праведные, ограниченные и унылые; неспособны искренне радоваться или печалиться.

— Ни улыбок, ни слез?

— Точно! Такова моя концепция. Видите ли, тут тысячи шведов. Они сюда едут, как кажется, потому что здешний климат очень похож на шведский; потом они потихоньку ассимилируются. Сегодня вечером их здесь, вероятно, было меньше полдюжины, однако у нас было четыре губернатора шведа... Я вам не наскучил?

— Нет, очень любопытно!

— Ваша будущая свекровь наполовину шведка. Лично мне она нравится, однако, согласно моей концепции, шведы плохо влияют на нас в целом. Среди скандинавов, как вы знаете, самый высокий процент самоубийств в мире.

— Почему же вы живете здесь, раз тут так тоскливо?

— О, меня этим не проймешь. Я довольно замкнут; к тому же, полагаю, книги в любом случае значат для меня гораздо больше, чем люди.

— Однако все литераторы пишут о Юге в трагических тонах. Ну, знаете — все эти испанские сеньориты, жгучие брюнеты, кинжалы, надрывная музыка...

Он покачал головой.

— Нет. Трагические народы — северяне! Они не позволяют себе ободряющей роскоши выплакаться.

Салли Кэррол подумала о родном кладбище. Ей показалось — именно это она всегда и имела в виду, когда утверждала, что оно ее не угнетает.

¹ *Генрик Ибсен* (1828–1906) — знаменитый норвежский драматург, поэт и публицист.

*Кутаясь в меха, она однажды утром
скатилась на санях по склону
рядом с загородным клубом...*

— Пожалуй, самые веселые в мире люди — это итальянцы, но это скучный разговор, — прервал он эту тему. — В любом случае хочу сказать, что вы выходите замуж за прекрасного человека!

Салли Кэррол внезапно прониклась к нему доверием.

— Я знаю. Я ведь из тех, кто хочет, чтобы, начиная с какого-то времени, о них стали заботиться, и я ощущаю уверенность, что со мной так и будет.

— Потанцуем? Знаете ли, — продолжил он, когда они встали, — отрадно повстречать девушку, которая знает, зачем выходит замуж. Девять десятых из них думают об этом как о киношной картинке на фоне заката.

Она рассмеялась; он ей очень нравился.

Через два часа по дороге к дому она уютно устроилась рядом с Гарри на заднем сиденье авто.

— О, Гарри! — прошептала она. — Здесь так холодно!

— Но внутри ведь тепло, милая моя девочка!

— Но холодно снаружи. И — ох! — еще этот завывающий ветер!

Она глубоко зарылась лицом в его меховой воротник и невольно вздрогнула, когда он чмокнул ее своими холодными губами в мочку уха.

IV

Первая неделя ее визита была суматошной. В холодных январских сумерках она прокатилась, как ей и было обещано, на санях за автомобилем. Кутаясь в меха, она однажды утром скатилась на санях по склону рядом с загородным клубом; она даже попробовала походить на лыжах, чтобы на секунду ощутить всю прелесть полета в воздухе, а потом, запутавшись в них, со смехом приземлиться в мягкий сугроб. Ей понравились все зимние спортивные развлечения; исключением был лишь день, когда они топали на снегоступах по ослепительной равнине под бледно-желтым солнцем. Впрочем, она быстро поняла, что все это было детскими развлечениями, что ее просто забавляют и что окружавшее ее веселье было лишь реакцией на ее радость.

Поначалу семья Беллами ее озадачила. Мужчины были респектабельны, и они ей нравились. В особенности мистер Беллами с его благородным достоинством и волосами с проседью цвета стали. Она сразу прониклась к нему симпатией, узнав, что он родом из Кентукки; это делало его неким связующим звеном между старой и новой жизнью. Однако к женщинам этой семьи она определенно чувствовала неприязнь. Майра, ее будущая невестка, казалась ей олицетворением бездушных условностей. Ее речь была настолько лишена индивидуальности, что Салли Кэррол, приехавшая из краев, где женщины по определению обладали обаянием и самоуверенностью, была склонна чуть ли не презирать ее.

«Если эти женщины не обладают шармом, — думала она, — они ничего собой не представляют! Когда смотришь на них, они словно бы исчезают. Великолепная прислуга. В любой смешанной компании доминируют лишь мужчины».

К тому же была еще миссис Беллами, к которой Салли Кэррол питала отвращение. Образ яйца, возникший у нее при первой встрече, лишь укрепился — это было яйцо с надтреснутым, каркающим голосом и такими неприятными, наводящими уныние манерами, что Салли Кэррол думала — если однажды миссис Беллами откуда-нибудь сверзится, то, без сомнения, превратится в яичницу-болтунью! Кроме того, казалось, она олицетворяла собой городскую врожденную враждебность к чужакам. Салли Кэррол она звала «Салли», и была твердо убеждена, что вторая часть ее имени была ничем иным, как неприятным и смешным прозвищем. Для Салли же Кэррол такое сокращение ее имени было похоже на выставление ее на людях полуодетой. Ей нравилось, как звучит «Салли Кэррол», а просто «Салли» она терпеть не могла. Она знала также, что мать Гарри не одобряла ее короткую стрижку, и она ни разу больше не осмелилась покурить внизу после того, как в первый же день миссис Беллами заявила в библиотеку, усиленно принохливаясь.

Из всех мужчин, с которыми она познакомилась, ей больше всего приглянулся Роджер Паттон, который был частым гостем в этом доме. Он больше не заводил разговор о склонности местных к «ибсенизации», но заглянув как-то в гости и обнаружив ее пристроившейся на софе и склонившейся над «Пером Гюнтом»¹, он рассмеялся и сказал, чтобы она выкинула из головы все, что он наговорил, поскольку это была полная околесица.

И вот однажды после полудня на второй неделе Салли Кэррол с Гарри оказались на грани критически опасной размовки. Она считала, что дело было исключительно в нем, хотя «Сербией»² в данном случае стал некий мужчина, не погладивший свои брюки. Они направлялись к дому, проходя между высокими снежными сугробами в ярком свете солнца, которое здесь Салли Кэррол едва узнавала. По дороге они миновали маленькую девочку, настолько утонувшую в серой шубке, что это делало ее похожей на плюшевого медвежонка Тедди³; ее вид вызвал у Салли Кэррол чисто женские восторги.

— Глянь, Гарри!

— В чем дело?

— Та девчушка! Ты видел ее лицо?

— Да. И что?

— Румяная, словно клубничка! О, какая милашка!

¹ «Пер Гюнт» — пьеса Генрика Ибсена.

² Под «Сербией» (здесь — повод для ссоры) имеется в виду причина Первой мировой войны — убийство принца Фердинанда в Сараево.

³ Тедди — игрушка, созданная в 1902 г. по эскизу художника Рихарда Штайфа, талисман президента Соединенных Штатов Теодора Рузвельта.

— ...Я же говорила тебе, что не хотела бы
связывать свою жизнь ни с одним из тех парней,
что околачиваются нынче в Тарлтоне,
но я никогда не делала никаких скоропалительных обобщений.

— Ну, у тебя на лице почти такой же румянец! Здесь все здоровяки. Мы ведь оказываемся на холоде как только начинаем ходить. Чудесный климат!

Она посмотрела на него и вынуждена была согласиться. Как и его брат, он выглядел отменным здоровяком. К тому же в тот день поутру она впервые заметила румянец и на своих щеках.

Затем внезапно их взгляды привлекла картинка на ближайшем углу улицы. Там, немного согнув ноги в коленях, стоял мужчина; он пялился вверх с таким напряженным выражением на лице, словно собирался прыгнуть прямо в зыбкие небеса. Подойдя ближе, они разразились хохотом, заметив, что эта нелепая мимолетная иллюзия была вызвана его мешковатыми брюками.

— Думаю, очко в его пользу! — рассмеялась она.

— Видимо, он южанин, судя по брюкам, — озорно предположил Гарри.

— Почему ты так говоришь, Гарри?!

Должно быть, ее удивленный возглас задел его.

— Эти чертовы южане!

Глаза Салли Кэррол блеснули.

— Не называй их так!

— Прости, дорогая, — ответил Гарри, саркастически извиняясь, — но ты же знаешь, что я о них думаю! Они ведь... какие-то придурки: совершенно не похожи на прежних южан. Они так долго прожили там со всеми этими цветными, что стали ленивыми и неповоротливыми.

— Замолчи, Гарри! — сердито воскликнула Салли Кэррол. — Они не такие! Может, они и ленивы — в таком климате каждый может стать ленивым, но они мои лучшие друзья, и я не хочу слышать, как их огульно критикуют! Некоторые из них — милейшие люди на свете!

— Да-да, я знаю! С ними все окей, когда они приезжают учиться на Север; но из всех презренных, дурно одетых и неряшливых людишек, которые мне попадались, южане из маленьких городков — худшие из всех.

Салли Кэррол сжала руки в перчатках и яростно закусил губу.

— Видишь ли, — продолжил Гарри, — был один в моей группе в Нью-Хейвене¹; и все мы думали, что в конце концов нашли истинного южного аристократа, однако оказалось, что он был вовсе не аристократом, а просто сынком северного «саквояжника»², которому принадлежал почти весь хлопок вокруг Мобила³.

— Южанин не стал бы так разговаривать, как ты сейчас! — спокойно заметила она.

— Да им просто слабо! Сил не хватит!

— Или чего-нибудь еще...

— Извини, Салли Кэррол, но я слышал, как ты говорила, что никогда не выйдешь замуж...

¹ Речь о Йельском университете, который находится в Нью-Хейвене.

² «Саквояжниками» после Гражданской войны называли северян, добившихся влияния и заработавших деньги на Юге.

³ Мобил — город и порт в штате Алабама.

— Это совсем другое! Я же говорила тебе, что не хотела бы связывать свою жизнь ни с одним из тех парней, что околачиваются нынче в Тарлтоне, но я никогда не делала никаких скоропалительных обобщений.

Они продолжили путь молча.

— Наверное, я немного погорячился, Салли Кэррол. Мне жаль...

Она кивнула, но ничего не ответила. Минут через пять, когда они стояли в приходежей, она вдруг обняла его.

— О, Гарри, — воскликнула она, и ее глаза наполнились слезами, — давай поженимся на будущей неделе! Я очень боюсь таких свар по пустякам. Боюсь, Гарри. Все шло бы по-другому, если бы мы были женаты.

Однако Гарри, чувствуя свою неправоту, все еще был раздражен.

— Это было бы идиотизмом. Мы же решили, что в марте!

Слезы из глаз Салли Кэррол пропали; ее лицо слегка посуровело.

— Ладно. Думаю, мне не следовало так говорить.

Гарри растаял.

— Милая ты моя чудачка! — воскликнул он. — Иди сюда, поцелуй меня, и все забудем!

В тот вечер под конец эстрадного представления оркестр сыграл «Дикси»¹, и Салли Кэррол почувствовала, как вместо переполнявших ее дневных слез и улыбок в ее душе появляется некая сила и твердость. Она подалась вперед и так вцепилась в подлокотники кресла, что даже покраснела.

— Похоже, тебе понравилось, дорогая? — прошептал Гарри.

Однако она его не слушала. Под энергичный трепет скрипок и воодушевляющие удары литавр маршировали, устремляясь во тьму, ее собственные древние призраки, и когда во время негромкого припева под засвистевшие

¹ Речь о патриотической песне конфедератов, которая стала неофициальным гимном южных штатов; «землей Дикси» называли Луизиану, поскольку на ее старинных 10-долларовых банкнотах было написано по-французски dix — «десять».

и завздохавшие флейты они, казалось, уже исчезали из виду, она словно бы помахала им на прощание.

Далеко, далеко,
Далеко на юге, в Дикси!
Далеко, далеко,
Далеко на юге, в Дикси!

V

Ночь была на редкость холодной. Накануне внезапная оттепель почти очистила улицы, однако теперь по ним снова неслась крупа поземки, наметая под порывами ветра рыхлые белые волны и насыщая нижние слои воздуха туманом, состоящим из крошечных частичек снега. Неба не было: верхушки домов были покрыты лишь темным зловещим шатром, состоявшим на самом деле из быстро опускавшейся на землю армады снежинок; а над всем этим, выдувая уютный зеленовато-коричневый свет горящих окон и приглушая равномерную рысь тянувших сани лошадей, неугомонно носился северный ветер. «Какой в конце концов безотрадный это город, — подумала она, — какой безотрадный».

Иногда по ночам ей казалось, что здесь никто не живет, все давно ушли, бросив освещенные изнутри дома лишь для того, чтобы их со временем погребли под собой груды мокрого снега. Ох, неужели и ее могила будет замечена снегом! Покоиться под огромными снежными наносами всю зиму напролет, когда даже ее надгробие будет лишь слабой тенью среди прочих таких теней! Ее могила... она должна быть усыпана цветами, освещена солнцем и омыта дождем!

Она подумала вновь про те уединенные сельские дома, мимо которых проезжал ее поезд, и про то, каково там живется долгой зимой: бесконечный

белый свет, льющийся через окна, корочки льда, возникающие на медленно меняющих форму сугробах, наконец-то безрадостное таяние снега и суровая весна, о которой ей рассказывал Роджер Паттон. Ее же весна, — а она потеряет ее навеки, — с сиренью и ленивой сладостью, которую она пробуждает в сердце... Она распрощается с этой весной, а потом и с этой сладостью.

Затем неизбежно разразилась пурга. Салли Кэррол почувствовала, как на ее ресницах тает пелена снежинок. Гарри протянул свою укутанную в мех руку и поглубже нахлобучил ее замысловатую фланелевую шляпку. Затем мелкие снежинки устроили целую потасовку, а лошадь терпеливо склонила шею, когда ее попона быстро покрылась беловатой полупрозрачной корочкой.

— О, Гарри, ей же холодно! — быстро сказала она.

— Кому? Нашей лошади? Вовсе нет! Ей это нравится!

Через десять минут они свернули за угол и увидели цель своей поездки. На высоком холме на фоне зимнего неба четко просматривался ярко-зеленый контур возвышавшегося ледяного дворца. Он поднимался на три этажа; бойницы, амбразуры и узкие ледяные окна, бесчисленные электрические огни внутри подчеркивали величественную прозрачность огромного центрального помещения. Салли Кэррол жала руку Гарри под меховой накидкой.

— Он прекрасен! — возбужденно воскликнул он. — Бог мой, он прекрасен! Не так ли? Такого не было с восемьдесят пятого года!

Каким-то образом замечание, что такого тут не было с восемьдесят пятого, подействовало на нее угнетающе. Лед был неким призраком, и огромное строение из него несомненно было населено призрачными тенями восьмидесятих, с их бледными лицами и размытыми, присыпанными снегом волосами.

— Пошли, дорогая! — сказал Гарри.

Она последовала за ним, выйдя из саней, и подождала, пока он привязывал лошадь. Группка из четырех человек — Гордон, Майра, Роджер Паттон и еще одна девушка — подкатила вслед за ними под громкий звон колокольных. Скопилась уже кутавшаяся в меха и овчины толпа, все кричали и приветствовали друг друга, а снег валил и пошел уже так густо, что люди на расстоянии в несколько ярдов уже различались с трудом.

— Высота — сто семьдесят футов, — говорил Гарри закутанной фигуре рядом с ним, пока они брели ко входу, — покрывает шесть тысяч квадратных ярдов!¹

Она улавливала обрывки разговоров: «Один главный зал...», «стены толщиной от двадцати до сорока дюймов...», «а ледяная пещера почти на милю...», «этот канадец, который его построил...».

Они вошли внутрь, и, ошеломленная магией огромных хрустальных стен, Салли Кэррол поймала себя на том, что снова и снова повторяет две строчки из «Кубла-Хана»²:

¹ *Сто семьдесят футов* — 52 метра, *шесть тысяч квадратных ярдов* — 0,5 гектара.

² «*Кубла-хан*, или Видение во сне» — поэма английского поэта-романтика Сэмюэла Тейлора Кольриджа.

Какое странное виденье —
Дворец любви и наслаждения...¹

В огромной сверкающей пещере, куда не проникала тьма, она села на деревянную скамейку, и в ней вновь всколыхнулось чувство безотрадности, которое она испытала нынче вечером. Однако Гарри был прав — дворец прекрасен; ее взгляд перебежал по гладкой поверхности стен, блоки для которых были вырублены из самого чистого и прозрачного льда, чтобы создать должный эффект полупрозрачной переливчатости.

— Смотри! Начинается! О Боже! — воскликнул Гарри.

Оркестр в дальнем углу врезал «Привет, привет! Вся банда в сборе!»², и эта мелодия стала носиться над ними эхом благодаря странной и причудливой акустике, а затем внезапно погас свет, и тишина, казалось, начала стекать вниз по ледяным стенам и затапливать их. Салли Кэррол все еще могла видеть в темноте свое туманное дыхание и смутный ряд бледных лиц на противоположной стороне.

Музыка стихла до жалобных вздохов, а снаружи поплыла звучащая в полную силу песня маршировавших клубов. Она становилась все громче и звучала, словно победная песнь группы викингов, пересекавших некий древний дикий край; песня нарастала — они подходили все ближе. Появился первый ряд факелов, а потом еще и еще; затем — длинная процессия шагавших в ногу людей; они были в мокалинах, в серых шерстяных одеяниях, за плечами у них были снегоступы; факелы вздымались и мерцали, а их голоса летели вверх вдоль мощных стен.

Одна серая колонна прошла, за ней последовала другая; на сей раз огненные блики сбегали по красным тобогганским шапкам³ и огненно-алым шерстяным курткам. Войдя, колонна подхватила припев. Затем прошли отряды в белом и голубом, в зеленом, в белом, в желтом и коричневом.

— Белые — из клуба «Вакута»⁴, — взволнованно прошептал Гарри. — Ты знакомилась с этими мужчинами во время танцев!

Голоса звучали все громче; огромная пещера превратилась в некую фантазмагорию, состоявшую из рядов раскачивавшихся горящих факелов, пятен цвета и ритма вышагивающих людей в мягких кожаных одеяниях. Передняя колонна развернулась и остановилась, один взвод выстраивался за другим, пока вся процессия не превратилась в единую огненную реку, и тогда из тысячи глоток вырвался могучий крик, который наполнил воздух словно бы раскатом грома и заставил дрогнуть пламя факелов. Это было великолепно, это было потрясающе! Салли Кэррол казалось, что сам Север приносил жертву на некоем огромном алтаре серому языческому снежному божеству. Когда крик стих, снова заиграл

¹ Эти две строки даны в переводе Константина Бальмонта.

² «Привет, привет! Вся банда в сборе!» (англ. «Hail, Hail, the Gang's All Here») — популярная в Соединенных Штатах песня.

³ *Тобогган* — бесполозные индейские сани с загнутым вверх передком, тобогганами позже стали называть вязаные шапки с ушами.

⁴ Имеется в виду «Toboggan Club», основанный в 1885 г. в городе Сэнт-Пол.

оркестр, и опять сначала послышалось пение, а потом протяжные раскатистые приветствия каждого клуба. Она сидела очень тихо, слушая, как отрывистые крики разрывают тишину; а затем она вздрогнула: прозвучала серия хлопков, там и сям в пещере стали подниматься огромные клубы дыма — это были вспышки фотографов. Общий сбор завершился. С оркестром во главе клубы снова выстроились в колонну, запели и двинулись в обратный путь.

— Пойдем! — крикнул Гарри. — Нам надо посмотреть лабиринты внизу, пока не выключили свет!

Все встали и начали двигаться к спуску: Гарри и Салли Кэррол оказались впереди, ее маленькая варежка тонула в его большой меховой рукавице. В конце спуска оказалось длинное пустое помещение изо льда с таким низким потолком, что пришлось нагнуться — их руки разъединились. Прежде чем она успела сообразить, что Гарри собирается делать, он метнулся к одному из полудюжины блистающих проходов, которые выходили из помещения, и стал стремительно удалявшимся смутным пятном на фоне зеленого мерцания.

— Гарри! — позвала она его.

— Давай сюда! — крикнул он в ответ.

Она оглядела пустое помещение; остальная публика, по-видимому, решила отправиться по домам и была уже где-то снаружи, среди порывов метели. Поколебавшись мгновение, она бросилась вслед за Гарри.

— Гарри! — позвала она.

Через тридцать футов она достигла развилки; услышала где-то вдалеке слева слабый приглушенный ответ, и, испытывая легкую тревогу, устремилась туда. Она миновала еще одну развилку и два зияющих прохода.

— Гарри!

Ответа не было. Она побежала прямо вперед, а потом, внезапно охваченная ледяным ужасом, мгновенно развернулась и помчалась назад, откуда пришла.

Она добежала до поворота — тот ли он? — выбрала левый проход и побежала туда, где должен был находиться выход в длинное низкое помещение, но это оказался лишь еще один сверкающий коридор с темнотой в его конце. Она снова позвала Гарри, но стены отозвались лишь безжизненным глухим эхом — никаких откликов. Вернувшись по своим следам назад, она повернула снова, пойдя на этот раз по более широкому проходу. Он напоминал зеленую дорожку между расступившимися водами Красного моря¹ или сырой подземный переход, соединяющий два пустых склепа.

Теперь она немного оскальзывалась на ходу, поскольку на подошвах ее галош образовалась ледяная корка; чтобы сохранить равновесие, ей приходилось касаться варежками скользких и немного липких стен.

— Гарри!

Опять нет ответа. Ее возглас насмешливо отразился в самом конце прохода.

¹ Чудо, случившееся во время бегства евреев из Египта, описано в Библии (главным образом, в Книге Исход, главы 13–15).

В то же мгновение погас свет, и она оказалась в крошечной тьме. Испуганно охнув, она рухнула на какую-то ледяную возвышенность. Падая, она почувствовала, что с ее левым коленом что-то произошло, но не обратила на это особого внимания, поскольку ее охватил настоящий ужас, гораздо больший, чем просто страх потеряться. Она оказалась одна, наедине с присутствующим здесь духом Севера, с унылым одиночеством, порожденным скованными льдами китобоями в арктических морях и бескрайними, без печных дымков, бездорожными пространствами, на которых разбросаны белеющие кости искателей приключений. Это само ледяное дыхание смерти, и оно катилось вниз, мчалось по земле, чтобы вцепиться в нее.

С неистовой отчаянной энергией она вновь поднялась и двинулась вперед на ощупь во тьме. Она должна выбраться! Она же может проблуждать здесь в течение нескольких дней, заколеченная до смерти, вмерзнуть в лед и лежать тут, как трупы, о которых она читала; и ее труп прекрасно тут сохранится до таяния ледника. Гарри, вероятно, подумал, что она ушла с остальными, и он тоже ушел, и никто ее не хватится до следующего дня, а он может стать ее последним днем. Она с ужасом прикоснулась к стене. Говорили, что они сорок дюймов¹ толщиной. Сорок дюймов!

— Ох!

Ей показалось, будто с обеих сторон вдоль стен крадется нечто: унылые души, населявшие этот дворец, этот город и этот Север.

— О, ну пошлите за мной, — громко крикнула она, — ну хоть кого-нибудь!

Кларк Дерроу — он бы понял; или Джо Юинг; ее нельзя оставить тут вечно блуждать, замерзая сердцем, телом и душой! Это же она — она, Салли Кэррол! Ведь она была таким жизнерадостным существом. Счастливой девчушкой. Она любила тепло, лето и «Дикси». А тут все было чужим, все чужое...

— Не плачь, — промолвил кто-то. — Ты больше никогда не будешь плакать. Твои слезы просто замерзнут; все слезы здесь замерзают!

И тут она споткнулась и растянулась на льду во весь рост.

— О Боже мой!

Потянулась длинная череда минут, и она почувствовала, как от огромной усталости ее глаза закрываются. Затем словно бы кто-то сел рядом с ней, обхватил ее лицо теплыми мягкими ладонями. Она с благодарностью подняла глаза.

— Да ведь это Марджери Ли! — тихонько пробормотала она про себя. — Я знала, что ты придешь.

И это действительно была Марджери Ли, и она была именно такой, как Салли Кэррол ее себе представляла: юное светлое чело, большие приветливые глаза и юбка с фижмами из какой-то мягкой ткани, на которой так приятно отдохнуть.

— Марджери Ли!

Становилось все темнее и темнее — все эти надгробные камни надо бы, безусловно, подкрасить, жаль только, это их испортит. Однако же надо разбирать, что на них написано...

Затем, после череды минут, которые текли то быстро, то медленно, а потом,

¹ 102 сантиметра.

казалось, превращались во множество расплывчатых лучей, сходящихся к бледно-желтому солнцу, она услышала громкое потрескивание, нарушившее обретенную ею недавно тишину.

Это было солнце, это был свет; факел, а за ним еще один факел, и голоса; под факелом появилось реальное человеческое лицо, сильные руки подняли ее, и она почувствовала что-то на щеке — нечто мокрое. Кто-то схватил ее и растирал ее лицо снегом. Как забавно — снегом!

— Салли Кэррол! Салли Кэррол!

Это был Опасный Дэн Мак-Грю и еще двое, она их не знала.

— Детка, детка! Мы искали тебя два часа! Гарри чуть умом не тронулся!

Все быстро встало на свои места: пение, факелы, громкие выкрики марширующих клубов. Она выворачивалась из объятий Паттона и негромко восклицала:

— О, я хочу отсюда выбраться! Я еду домой! Заберите меня домой! — ее голос возвысился до крика, от которого у мчавшегося к ней по ближайшему проходу Гарри похолодело сердце. — Завтра! — кричала она иступленно, уже не сдерживая себя. — Завтра! Завтра! Завтра!

VI

Золотистый солнечный свет в изобилии изливал свое расслабляющее и странным образом успокаивающее тепло над домом, который целыми днями взирал на пыльный участок дороги. Две птички устраивали веселую суматоху в прохладном тенечке в ветвях дерева на соседнем участке, а далее по улице какая-то цветная женщина нараспев предлагала купить у нее клубнику. Стоял апрельский день.

Салли Кэррол Хоппер, подперев рукой подбородок, а саму руку утвердив на старом подоконнике, сонно смотрела вниз, на бликующую пыль, от которой впервые за эту весну поднимались волны тепла. Она смотрела, как старичок «Форд» обогнул опасный поворот, а потом с грохотом и стонами резко остановился у края ограды. Она не издала ни звука, а спустя минуту воздух разорвал резкий знакомый гудок. Салли Кэррол улыбнулась и моргнула.

— Доброе утречко!

Из-под крыши автомобиля по-черепашьи высунулась голова.

— Уже не утречко!

— И впрямь! — притворно удивилась она. — Думаю, уже нет.

— Что поделяваешь?

— Ем зеленый персик — могу умереть в любую секунду.

Кларк до предела вытянул шею, чтобы увидеть ее лицо.

— Вода как парное молоко, Салли Кэррол! Не хочешь ли поплавать?

— Совсем неохота двигаться, — лениво вздохнула Салли Кэррол. — Но, думаю, можно.

ГОЛОВА И ПЛЕЧИ

I

В 1915 году Горацию Тарбоксу было тринадцать лет. В этом же году он сдал экзамены для поступления в Принстонский университет¹ и получил высшие баллы по Цезарю, Цицерону, Вергилию, Ксенофону, Гомеру, алгебре, геометрии, стереометрии и химии.

Спустя два года, когда Джордж Коэн сочинял «Over There»², Гораций лидировал на втором курсе по нескольким предметам и корпел над опусом «Силлогизм как устаревший учебный прием»; а во время сражения при Шато-Тьерри³ он сидел за своим письменным столом и раздумывал, начать ли сейчас серию эссе «Прагматические предубеждения неореалистов⁴», или же подождать, пока ему не исполнится семнадцать.

Через некоторое время он узнал из выкриков продавца газет, что война закончилась, и это его обрадовало, поскольку означало, что издательство «Пит Бразерс» наконец-то сможет выпустить новое издание «Трактата об усовершенствовании разума...»⁵ Спинозы. Войны были очень хороши в

¹ Один из старейших университетов в Соединенных Штатах, находится в городе Принстон штата Нью-Джерси.

² Эту популярную патриотическую песню американский певец и поэт-песенник Джордж Майкл Коэн написал в 1917 г.

³ Это сражение Первой мировой войны произошло 18 июля 1918 г. и стало одной из первых военных операций американского экспедиционного корпуса под командованием генерала Джона Першинга.

⁴ *Неореалисты* — приверженцы направления философии, основные идеи которого были изложены в начале XX века группой философов из Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Неореалисты считали, что человеческое познание не зависит от существующих объектов и осуществляется благодаря поведенческим реакциям.

⁵ «Трактат об усовершенствовании разума и о пути, которым лучше всего направляться к истинному познанию вещей» был написан нидерландским философом Спинозой около 1662 г.

своем роде — приучали молодых людей к самостоятельности или к чему-то такому, однако Гораций чувствовал, что никогда не сможет простить президента, который велел духовому оркестру играть в ту ночь под его окном в честь ложного перемирия¹, в результате чего он упустил три важных положения в своей курсовой «Немецкий идеализм».

В следующем году он поступил в Йель², чтобы получить степень магистра гуманитарных наук.

Тогда ему было семнадцать, он был высок и строен, сероглаз, близорук и, по большей части, цедил свои сентенции с совершенно отрешенным видом.

— У меня ни разу не возникало ощущения, что я с ним разговариваю, — жаловался профессор Диллинджер сочувствующему коллеге. — Постоянно возникает ощущение, что я беседую с его уполномоченным. Все время жду, что он скажет: «Ну что же, я спрошу у себя и узнаю, что думаю по этому поводу».

А затем, также невзначай, как будто Гораций Тарбокс был мясником мистером Ростбифом или галантерейщиком мистером Цилиндером, жизнь дотянулась до него, сцапала, скомкала, растянула и развернула, словно кусок ирландского кружева на прилавке с дешевыми товарами на субботней распродаже.

Поддерживая литературную моду, я должен сказать, что все это произошло потому, что давно в прошлом, в колониальные еще времена, суровые первопроходцы пришли на пустошь в районе Коннектикута и спросили друг друга: «Ну, и что мы тут построим?», и самый отчаянный из них ответил: «Давайте возведем некий город, в котором директора театров смогут обкатывать новые оперетки!». История, как они потом основали там Йельский университет, чтобы опробовать в нем новые оперетки, всем хорошо известна. Во всяком случае, в одном из декабрей в «Шуберте»³ давали премьеру «Домой, Джеймс!»⁴, и все студенты вызывали на «бис» Маршу Медоу, которая пела песенку о «Неуклюжем Блимпе»⁵ в первом акте и исполняла свой знаменитый неповторимый тряский танец⁶ — в последнем.

Марше было девятнадцать. У нее не было крыльев, но публика в целом соглашалась, что они ей и не нужны. Она была натуральной блондинкой и никогда не красилась, выходя на залитую светом улицу. В остальном она была ничем не лучше большинства женщин.

¹ Из-за ошибки празднование окончания Первой мировой войны в Европе началось в Соединенных Штатах за 4 дня до фактического подписания перемирия.

² Имеется в виду Йельский университет, расположенный в штате Коннектикут.

³ «Театр Шуберта» был построен в 1914 г. неподалеку от Йельского университета.

⁴ Фразу «Домой, Джеймс, и не жалей лошадей!» приписывают королеве Виктории; так она якобы говорила своему лакею Джеймсу Дарлингу, когда спешила.

⁵ Полковник Блимп — газетный карикатурный персонаж начала XX в., ставший синонимом некомпетентного, но очень патриотичного военного.

⁶ Имеется в виду танец «шимми», для которого характерно быстрое попеременное движение плеч.

И вот однажды сам Чарли Мун пообещал ей пять тысяч «Пэлл-Мэлл»¹ в случае, если она нанесет визит Горацию Тарбоксу, экстраординарному вундеркинду. Чарли учился тогда на последнем курсе в Шеффилде²; с Горацием они были двоюродными братьями, которые любили и жалели друг друга.

В тот вечер Гораций был особенно занят. Неспособность француза Лурье оценить значение неореалистов терзала его мозг. Поэтому единственной реакцией на негромкий, но отчетливый стук в дверь его кабинета была мысль о том, сможет ли этот стук существовать, если не будет воспринимающего его уха. Ему казалось, что он все более и более склонялся к прагматизму³. А в эту минуту, сам не зная об этом, с поразительной быстротой он склонялся к чему-то совершенно другому.

Стук продолжался, прошло три секунды, и он повторился.

— Войдите, — машинально пробормотал Гораций.

Он слышал, как открылась и закрылась дверь, однако, склонившись над своей книгой в большом кресле перед камином, он даже не оторвал от нее взгляда.

— Оставьте на кровати в другой комнате, — сказал он рассеянно.

— Что оставить на кровати в другой комнате?

Марша Медоу пела со сцены речитативом, но ее голос во время разговора напоминал игру на арфе.

— Выстиранное белье.

— Я не могу.

Гораций раздраженно шевельнулся в кресле.

— Почему не можете?

— Потому что у меня его нет.

— Хм, — раздраженно ответил он, — тогда вернитесь и возьмите его.

У камина рядом с Горацием стояло еще одно кресло. Для разнообразия и ради физических упражнений Гораций имел обыкновение перебираться в него вечером. Одно кресло он называл Беркли, второе — Юмом⁴. Внезапно он услышал некий звук; словно нечто призрачное и шелестящее погрузилось в Юма. Гораций поднял глаза.

— Ну, — сказала Марша с милой улыбкой, к которой она прибегала во втором акте («О, так герцогу понравился мой танец!»). — Ну, Омар Хайям, вот я и рядом с вами, поющая в пустыне⁵.

¹ «Пэлл-Мэлл» — марка сигарет в Соединенных Штатах, названная по улице Пэлл-Мэлл в Лондоне, где в викторианскую эпоху проходили заседания большинства главных клубов английских джентльменов.

² По-видимому, имеется в виду американский *Шеффилд* в Алабаме, хотя в Великобритании существует Шеффилдский университет, основанный в 1905 г.

³ *Прагматизм* — философское течение, основанное на практике как критерии истины.

⁴ Намек на двух философов-эмпириков XVIII в. — Джорджа *Беркли* и Дэвида *Юма*, считавших, что человеческий разум, познающий мир только через свои идеи, не может сравнивать эти идеи ни с чем, кроме других идей.

⁵ Намек на следующие строчки из Хайяма (перевод на английский Эдварда Фицджеральда, на русский — Осипа Румера): «Стихи в тени деревьев, в знойный май // Кувшин вина и хлеба каравай, // И ты в пустыне с песней на устах, // О, для меня пустыня эта — рай!».

— Меня зовут
не Омар.
— Я знаю, —
согласилась Марша,
кивнув. —
Тебя зовут Гораций.
Я называю
тебя Омаром
просто потому,
что ты мне
напоминаешь
выкуренную
сигаретку.

Гораций ошеломленно уставился на нее. На мгновение у него возникло подозрение, что она является всего лишь плодом его воображения. Женщины не заявляются домой к мужчинам и не погружаются в Юмы. Женщины приносят стираное белье, усаживаются на места в трамвае, которые вы им уступаете, и позже выходят за вас замуж, когда вы уже становитесь достаточно пожилым, чтобы знать все об узах брака.

А эта женщина явно возникла прямо из Юма. Сама взбитая газовая ткань ее платья казалась эманацией¹ кожаных подлокотников Юма! Наверняка если бы он вглядывался в нее достаточно долго, то разглядел бы сквозь нее Юма и снова оказался один в комнате. Он потер кулаком глаза. Ему определенно следовало снова заняться физкультурой.

— Бога ради, не смотри на меня с такой опаской, — мило возразила эманация. — Чувствую, что ты собираешься прогнать мысль обо мне из твоего дипломированного котелка. И тогда от меня останется лишь отблеск в твоих глазах.

¹ В античной философии *эманация* — переход от высшей сферы к низшим, менее совершенным; проще говоря, появление чего-то в результате выделения из чего-либо более сложного.

Гораций кашлянул. Кашель был одним из двух его телодвижений. Когда он говорил, вы забывали, что у него вообще есть тело. Это было похоже на прослушивание старой граммпластинки с голосом певца, который давно скончался.

— Чего вы хотите? — спросил он.

— Мне нужны письма, — преувеличенно жалобно ответила Марша, — те мои письма, которые ты приобрел у моего деда в тысяча восемьсот восемьдесят первом.

Гораций задумался.

— Нет у меня ваших писем, — спокойно ответил он. — Мне всего лишь семнадцать лет. Мой отец родился третьего марта тысяча восемьсот семьдесят девятого года. Очевидно, вы меня с кем-то спутали.

— Вам семнадцать? — недоверчиво переспросила Марша.

— Всего лишь семнадцать.

— Знала я девицу, — задумчиво ответила Марша, — которая выступала за десять, двадцать или тридцать центов¹, когда ей было шестнадцать. Так

¹ До появления кинематографа в Соединенных Штатах за *десять, двадцать или тридцать центов* продавали дешевые билеты на сценические мелодрамы и водевили.

она себя настолько обожала, что никогда не могла сказать «шестнадцать», не добавив «всего лишь». Мы стали называть ее «всего лишь Джесси». И она такой и осталась, только сделалась еще хуже. Говорить «всего лишь» — дурная привычка. Омар¹, это звучит как оправдание.

— Меня зовут не Омар.

— Я знаю, — согласилась Марша, кивнув. — Тебя зовут Гораций. Я называю тебя Омаром просто потому, что ты мне напоминаешь выкуренную сигаретку.

— И нет у меня ваших писем. Сомневаюсь, что я когда-либо встречал вашего деда. Честно говоря, маловероятно, что вы сами существовали в тысяча восемьсот восемьдесят первом.

Марша удивленно на него уставилась.

— Я? В тысяча восемьсот восемьдесят первом? Ну конечно! Я же была на подтанцовках, когда весь секстет из «Флородоры» еще торчал в своем монастыре²! Это ведь я была первой нянькой Джульетты, еще до миссис Сол Смит³! И знаешь, Омар, во время войны тысяча восемьсот двенадцатого года я была певичкой в солдатских клубах!

Мысли Горация внезапно совершили верный кульбит, и он ухмыльнулся.

— Это вас Чарли Мун подослал?

Марша бросила на него непроницаемый взгляд.

— Кто такой Чарли Мун?

— Маленький такой — с широкими ноздрями — лопухий.

Она словно бы выросла на несколько дюймов и фыркнула.

— Нет у меня привычки разглядывать ноздри моих друзей.

— Значит, это был Чарли.

Марша закусил губку, а потом зевнула.

— Слушай, давай сменим тему, Омар, а то я сейчас захраплю в этом кресле.

— Да, — серьезно ответил Гораций, — Юма часто рассматривали как усыпляющее.

— Это твой приятель? И долго он еще протянет?

Внезапно Гораций Тарбокс встал, выпрямился и, засунув руки в карманы, принялся мерить шагами комнату. Это было другим его телодвижением.

— Мне дела до этого нет, — вымолвил он, словно бы разговаривая сам с собой. — Совершенно. Не то чтобы я возражал против вашего здесь присутствия, вовсе нет... Вы симпатичное милое создание, но мне не нравится, что вас сюда заслал Чарли Мун. Я что, какой-нибудь подопытный, на котором разные неучи, равно как и химики, могут ставить эксперименты? Степень моего интеллектуального развития вызывает неким образом смех? Я что, похож на

¹ «Омар» — марка сигарет.

² Хористки популярного на Бродвее мюзикла «Девушки Флородоры» часто выходили замуж за своих театральных поклонников.

³ Американская актриса Мэри Седли Смит блестяще исполняла роль няни Джульетты.

бостонского паренька, которого изображают в юмористических журналах? Имел ли этот юный осел Мун, с его бесконечными рассказами о проведенной в Париже неделе, какое-либо право...

— Нет, не имел, — решительно перебила его Марша. — А ты миляга. Иди сюда и поцелуй меня.

Гораций резко остановился прямо перед ней.

— Почему вы хотите, чтобы я вас поцеловал? — вкрадчиво спросил он. — Вы что, бегаєте и целуете всех подряд?

— Ну да, — невозмутимо согласилась Марша. — В этом вся жизнь. Просто бегать и целовать людей.

— Ну... — многозначительно протянул Гораций. — Должен сказать, что у вас ужасно искаженные представления о жизни. Во-первых, жизнь совершенно не такова, а во-вторых, я не собираюсь вас целовать. Это может войти в некую привычку, а я не умею от них избавляться. В этом году у меня возникла привычка валяться в кровати до половины восьмого.

Марша понимающе кивнула.

— Ты когда-нибудь развлекаешься? — спросила она.

— Что вы имеете в виду под развлечением?

— Послушай, — строго заявила Марша, — ты мне нравишься, Омар, но я хочу, чтобы ты говорил как-то более прямолинейно. А так создается впечатление, что у тебя во рту перекачивается целая куча слов, а стоит тебе обронить несколько, и ты словно пари проигрываешь. Я спросила тебя, развлекаешься ли ты когда-нибудь.

Гораций отрицательно покачал головой.

— Возможно, буду потом, — ответил он. — Видишь ли, у меня есть план. Эксперимент над собой. Не хочу сказать, что никогда от этого не устаю — бывает. И все же... — не могу это объяснить... Но то, что ты и Чарли Мун называете развлечением, для меня развлечением совсем не является.

— Пожалуйста, объясни...

Гораций устался на нее, хотел было заговорить, но затем, передумав, продолжил ходить по комнате. После безуспешной попытки понять, смотрит он на нее или нет, Марша ему улыбнулась.

— Пожалуйста, объясни!

Гораций повернулся.

— Если я объясню, пообещаете сказать Чарли Муну, что меня не было дома?

— Ага.

— Чудно. Вот моя история. В детстве я был «почемучкой». Мне хотелось знать, как все устроено. Мой отец был молодым профессором экономики в Принстоне. Он вырастил меня, взяв за правило отвечать на все мои вопросы в меру своих способностей. Мой отклик на это натолкнул его на мысль заняться моим ранним развитием. Определенную помощь в этом избиении младенца сыграли мои проблемы с ушами — между семью и двенадцатью я перенес семь операций. Конечно же, это отдалило меня от других мальчишек и застав-

ляло быстро созреть. Так или иначе, пока дети моего возраста пыхтели над «Дядюшкой Римусом»¹, я искренне наслаждался Катуллом² в оригинале. Я сдал экзамены в университет, когда мне было тринадцать, и ничего с этим поделать было невозможно. Общался я главным образом с профессорами и страшно гордился, сознавая, что обладаю выдающимся умом; тем не менее, несмотря на свою необычную одаренность, во всем остальном никаких ненормальностей за мной не водилось. Когда мне стукнуло шестнадцать, мне надоело быть фрикком, и я решил, что кто-то совершил ужасную ошибку. Однако, поскольку дело зашло уже очень далеко, я решил довести его до конца и получить степень магистра. Больше всего в жизни меня увлекает изучение современной философии. Я принадлежу к реалистам школы Антона Лурье с примесью бергсонизма³, и через два месяца мне стукнет восемнадцать. Вот и все.

— Вау! — воскликнула Марша. — Ничего себе! Ты прекрасно управляешься с частями речи.

— Удовлетворены?

— Нет — ты меня не поцеловал.

— В мою программу это не входит, — возразил Гораций. — Поймите, я же не делаю вид, что я выше всего физического. Оно играет свою роль, но...

— О, не будь так чертовски рассудителен!

— Ничего не могу с этим поделать.

— Ненавижу людей, похожих на торговые автоматы!

— Уверю вас, я... — начал Гораций.

— Да заткнись ты!

— Моя рациональность...

— Я ничего не говорила о твоей национальности. Ты же американец, ведь так?

— Да.

— Ну, мне этого достаточно. И знаешь, мне бы очень хотелось увидеть, как ты делаешь что-то, не входящее в твою высокоумную программу. Хочется увидеть, есть ли что-то в этой... как ты там про себя говорил — бразильской примеси — немного человеческого.

Гораций снова помотал головой.

— Я не буду вас целовать.

— Моя жизнь рушится, — трагично пробормотала Марша. — Я униженная женщина. Придется жить дальше без поцелуя с бразильской примесью. — Она вздохнула. — Ну, Омар, не хочешь тогда прийти и посмотреть мой спектакль?

— Какой спектакль?

— Я играю озорную актрису в «Домой, Джеймс!».

— В оперетке?

¹ Серия сказок американского писателя Джозефа Харриса, основанных на фольклоре рабов южных штатов США.

² Гай Валерий Катулл — один из наиболее известных поэтов Древнего Рима I в. до н.э.

³ Анри-Луи Бергсон — французский философ, живший на рубеже XIX и XX вв., представитель интуитивизма.

— Да, вроде того. Там один из персонажей — бразильский рисовый плантатор. Это может тебя заинтересовать.

— Однажды я смотрел «Цыганку»¹, — припомнил задумчиво Гораций.

— Мне понравилось — в некоторой степени.

— Значит, придешь?

— Ну, я... я...

— А, догадываюсь — тебе же нужно смотаться в Бразилию на выходные?

— Вовсе нет. Буду рад прийти.

Марша захлопала в ладоши.

— Отличненько! Я пришлю тебе билет — четверг, вечер?

— Ну, я...

— Отлично! Решено — четверг, вечер.

Она встала, подошла к нему вплотную и положила обе руки ему на плечи.

— Ты мне нравишься, Омар. Извини, что пыталась тебя разыграть. Думала, ты ледышка, а ты миляга.

Он саркастически на нее посмотрел.

— Я на десять тысяч поколений старше тебя.

— Ты неплохо сохранился для своего возраста.

Они торжественно пожали друг другу руки.

— Меня зовут Марша Медоу, — подчеркнуто повторила она. — Запомни — Марша Медоу. И я не скажу Чарли Муну, что ты был дома.

Мгновение спустя, сбегая по последнему лестничному пролету и перепрыгивая по три ступеньки за раз, она услышала голос, раздавшийся с верхней балюстрады:

— О, погоди...

Она остановилась и глянула вверх, различив темный перегнувшийся через перила силуэт.

— Погоди, — крикнул этот вундеркинд снова. — Ты меня слышишь?

— Я на связи, Омар.

— Надеюсь, я не создал у тебя впечатления, что считаю поцелуй иррациональным по своей природе?

— Впечатления? Ну, ведь ты так меня и не поцеловал! Не переживай! Пока!

Две двери рядом с ней открылись, любопытствуя на эти звуки женского голоса. Сверху послышался неуверенный кашель. Подобрав юбки, Марша стремительно нырнула в последний пролет и была поглощена снаружи туманной атмосферой Коннектикута.

Наверху Гораций мерил шагами свой кабинет. Время от времени он поглядывал на Беркли, ожидавшего его со своей учтивой темно-красной респектабельностью, на его подушках намеком лежала раскрытая книга. А потом он вдруг осознал, что с каждым кругом по комнате ноги сами несут его все ближе и ближе к Юму. С Юмом

¹ «Цыганка» (англ. The Bohemian Girl) — романтическая опера, написанная ирландским композитором Майклом Уильямом Бальфе на либретто Альфреда Банна по одноименному рассказу Сервантеса.

— Надеюсь,
я не создал у тебя
впечатления,
что считаю поцелуй
иррациональным
по своей природе?
— Впечатления?
Ну, ведь ты так
меня
и не поцеловал!
Не переживай! Пока!

что-то произошло; он странным образом неуловимо переменялся. Полупрозрачная фигура, казалось, все еще витала над ним, и если бы Гораций уселся в него, он почувствовал бы, что сидит на коленях у дамы. И хотя Гораций не мог дать точного определения произошедшей перемене, она, без сомнения, была почти неуловима для аналитического ума и тем не менее вполне реальная. Юм излучал нечто такое, что никогда не выдавал за все две сотни лет своего влияния на людей.

Юм излучал запах розового масла.

II

В четверг вечером Гораций Тарбокс занял место в пятом ряду у прохода и проинспектировал «Домой, Джеймс!». Как ни странно, он ощутил, что получил удовольствие. Студентов-циников рядом с ним раздражало его громогласное выражение удовольствия от старых добрых шуток в стиле Хаммерстайна¹. Однако Гораций с нетерпением ожидал выхода Марши Медоу с ее песенкой о повернутом на джазе «Неуклюжем Блимпе». И когда она наконец появилась, сияющая, в своей легкомысленной шляпке с цветами, на него словно бы сошло теплое сияние, а когда песенка закончилась, он даже не присоединился к буре аплодисментов. Он словно бы онемел.

Вантракте после второго акта рядом с ним материализовался капельдинер², пожелавший узнать, не мистер ли он Тарбокс, а затем вручивший ему записку, нацарапанную округлым подростковым почерком. Гораций с некоторым замешательством начал ее читать, в то время как капельдинер завис в проходе, томясь в ожидании ответа.

«Дорогой Омар! После представления меня терзает жуткий голод. Если у тебя возникнет желание помочь мне утолить его в Тафт-гриле, просто скажи об этом обалдую, который принес эту записку, и жди.

Твоя подруга Марша Медоу».

— Передайте ей, — Гораций закашлялся, — передайте ей, что я согласен. Встречу ее у театрального входа.

Обалдуй высокомерно ослабил.

— Думаю, она хотела, чтоб вы ждали у служебного входа.

— Где... И где это?

— Наружи. Тамлево. Проулок.

— Что?

— Снаружи! Там налево! В переулке!

¹ Оскар Хаммерстайн — известный оперный импресарио XIX в.

² Капельдинер — служащий при театре, проверяющий билеты и помогающий зрителям.

Высокомерная персона удалилась. Какой-то первокурсник позади Горация прыснул от смеха.

За кулисами Марша томилась в ожидании окончания представления.

— Что они там делают за сотню в неделю — вечный двигатель? — ворчала она себе под нос...

Через полчаса, сидя в Тафт-гриле напротив натурально-золотистой копны волос, вундеркинд говорил некие странные вещи.

— Ты обязательно должна исполнять этот танец в последнем акте? — настойчиво спрашивал он. — Хочу сказать, что тебя уволят, если ты откажешься?

Марша улыбнулась.

— Танец забавный. Мне нравится его исполнять.

И тут Гораций допустил бестактность.

— Думаю, ты должна его ненавидеть, — заметил он порывисто. — Публика позади меня отпускала замечания про твою грудь!

Марша густо покраснела.

— Ничего с этим не поделать, — поспешно ответила она. — Для меня этот танец — просто некий акробатический трюк. Бог мой, его довольно сложно исполнять! Я каждый вечер в течение часа растираю свои плечи мазью!

— Тебе нравится быть на сцене?

— Ага! Конечно! Я привыкла, что на меня пялятся, Омар, и мне это нравится.

— Гм... — Гораций погрузился в мрачные размышления.

— Как там бразильские примеси?

— Гм... — снова хмыкнул Гораций, а потом, помолчав, спросил: — И где потом пойдет пьеска?

— В Нью-Йорке.

— Надолго это?

— Как пойдет. Может, на всю зиму.

— Вот как...

— Ты ведь пришел поглазеть на меня. Омар, что не так? Здесь не так мило, как в твоей комнате... Хотелось бы мне сейчас там очутиться.

— Я чувствую себя здесь по-идиотски, — признался Гораций, нервно озираясь.

— Чертовски жаль! Мне тут вместе с тобой славно.

При этом он вдруг так грустно на нее взглянул, что она сменила тон и похлопала его по руке.

— Никогда раньше не приглашал актрису на ужин?

— Нет, — сказал Гораций страдальчески, — и никогда больше не стану. Не знаю даже, зачем пришел сегодня. Здесь, под всеми этими лампами и когда все эти люди смеются и болтают, я чувствую себя каким-то инородным телом. Не знаю, о чем с тобой говорить.

— Поговорим обо мне. В прошлый раз мы говорили о тебе.

— Ладно.

— Ну, моя фамилия действительно Медоу, но я не Марша, а Вероника. Мне девятнадцать. Вопрос: как такой девчонке удалось запрыгнуть под огни рампы?

*За кулисами Марша томила в ожидании окончания представления.
— Что они там делают за сотню в неделю — вечный двигатель? — ворчала
она себе под нос...*

Ответ: она родилась в городке Пассаик, штат Нью-Джерси, и примерно год назад едва сводила концы с концами, толкая печенье «Набиско»¹ в чайной Марсея, в Трентоне. Потом начала встречаться с парнем по имени Роббинс, он был певцом в кабаре «Трент-Хаус», и однажды вечером он предложил ей спеть и станцевать вместе с ним на пробу. В течение месяца мы каждый вечер собирали полный зал. Затем мы отправились в Нью-Йорк с кучей рекомендаций писем, пухлой, как пачка салфеток.

Через пару дней мы нашли работу в Дивайнериз, и один парнишка в Пале-Рояль научил меня танцевать шимми. Мы проторчали в Дивайнериз шесть месяцев, пока однажды вечером Питер Бойс Венделл, журналист, не съел там пару сладких тостов. На следующее утро в его газете была напечатана ода о «невероятной Марше», и в течение двух дней я получила три предложения играть в водевилях и приглашение на пробу в «Полуночном проказнике». Я написала Венделлу благодарственное письмо, и он напечатал его в своей колонке, сказав, что мой стиль весьма похож на карлайловский², только более грубый, и что я должна забросить танцульки и развивать северо-американскую литературу. Это принесло мне еще парочку предложений играть в водевилях, да к тому же шанс на роль инженеру³ в постоянно идущем мюзикле. Я приняла одно — и вот я тут, Омар.

Когда Марша закончила, они посидели какое-то время молча; она накалывала последние валлийские гренки⁴ на вилку и ждала, когда он заговорит.

— Пошли отсюда, — сказал он внезапно.

Взгляд Марши стал суровым.

— В чем дело? Я тебе надоела?

— Нет, но мне здесь не нравится. Не нравится сидеть здесь с тобой.

Без единого слова Марша жестом подозвала официанта.

— Сколько с меня? — быстро спросила она. — За гренки и имбирное пиво.

Гораций растерянно смотрел, как официант вел подсчет.

— Послушай, — начал он, — я собирался заплатить и за тебя. Я же тебя пригласил.

Тихонько вздохнув, Марша поднялась из-за столика и пошла к выходу. Гораций, на лице которого отразилось полнейшее замешательство, положил купюру и последовал за ней — вверх по лестнице и в вестибюль. Он нагнал ее перед лифтом, и они обменялись взглядами.

— Послушай, — повторил он, — я же тебя пригласил. Я сказал что-то обидное?

Мгновение Марша была удивлена, потом ее взгляд смягчился.

¹ «Набиско» — американская компания по производству печенья и закусок со штаб-квартирой в Восточном Ганновере, штат Нью-Джерси.

² Томас Карлайл (1795–1881) — шотландский писатель, публицист, историк, философ, литературный критик. Его «окрашенная» мысль, выраженная на бумаге, дала потомкам множество афористических произведений.

³ Инженю — роль наивной невинной девушки.

⁴ Валлийские гренки — ломтики поджаренного хлеба с острым сырным соусом.

— Ты грубиян, — медленно произнесла она. — Разве не понимаешь, как ты груб?

— Ничего тут не поделаешь, — сказал Гораций с прямотой, которую она сочла обезоруживающей. — Ты же знаешь, что нравишься мне.

— Ты же сказал, что тебе не понравилось быть со мной!

— Не понравилось.

— Почему?

Неожиданно в серых лесах его глаз вспыхнул огонь.

— Потому. Потому что я уже привык, что ты мне нравишься. Я ни о чем другом не думал в последние два дня.

— Ну, если ты...

— погоди минутку, — перебил он. — Я должен кое-что сказать. Дело вот в чем: через шесть недель мне будет восемнадцать. И когда мне будет восемнадцать, я приеду в Нью-Йорк повидать тебя. Есть ли в Нью-Йорке такое местечко, куда мы можем пойти, и чтобы там было не слишкомлюдно?

— Конечно! — улыбнулась Марша. — Ты можешь заявиться ко мне на квартиру в гости. Если хочешь, спи на кушетке.

— Я не могу спать на кушетках, — кратко заметил он. — Но я хочу поговорить с тобой.

— Ну, разумеется, — повторила Марша, — у меня на квартире.

От волнения Гораций засунул руки в карманы.

— Отлично — именно так я и хотел с тобой повидаться. Хочу разговаривать с тобой, как мы беседовали в моей комнате.

— Милый мальчик! — воскликнула Марша, рассмеявшись. — Это потому, что ты собираешься меня поцеловать?

— Да, — почти выкрикнул Гораций, — я поцелую тебя, если только ты этого захочешь.

Лифтер взирал на них с укоризной. Марша двинулась к решетчатой двери.

— Я черкну тебе открытку, — сказала она.

Взгляд Горация стал почти страстным.

— Пришли мне открытку! Я приеду! В любое время после первого января. Мне уже будет восемнадцать.

Когда она вошла в лифт, он поднял глаза к потолку, загадочно и с неким неясным вызовом кашлянул, а потом быстро пошел прочь.

III

Он снова там сидел. Она увидела его, едва бросив взгляд на беспокойную манхэттенскую публику — он сидел прямо в первом ряду, чуть подавшись вперед, не спуская с нее своих серо-голубых глаз. И она поняла, что для него во

всем мире существуют лишь они двое, в то время как эти густо нарумяненные лица балетных и дружное подвывание скрипок были столь же мимолетны, как пыль на мраморной Венере. Внутри нее возник инстинктивный протест.

— Глупый мальчишка! — торопливо сказала она про себя и не вышла на бис. — Чего они ожидают за сотню в неделю — чтобы я бесконечно тут крутилась? — проворчала она себе под нос за кулисами.

— В чем дело, Марша?

— Да тут парень, который мне не нравится, в первом ряду.

Во время последнего акта, пока она ожидала своего выхода, на нее странным образом накатил боязнь сцены. Она так и не послала Горацию обещанную открытку. Вчера вечером она притворно его не заметила, ускользнув из театра сразу после своего танца, чтобы провести бессонную ночь в своей квартире, вспоминая — как она частенько это делала за последний месяц — его бледное, сосредоточенное лицо, его худую мальчишескую фигуру и его безжалостную отрешенность, которая делала его таким очаровательным в ее глазах.

А теперь, когда он все-таки приехал, она почувствовала смутное сожаление — словно на нее навалили некую ненужную ответственность.

— Вундеркинд! — произнесла она вслух.

— Чего? — спросил стоявший рядом негр-комедиант.

— Ничего — просто думаю про себя.

На сцене ей полегчало. Это был ее танец... И она всегда чувствовала, что ее манера исполнения для некоторых мужчин является не более провокационной, чем просто созерцание красивой девушки. Она исполняла его лихо.

Жилые кварталы и центр деловой.

Любуются все молодою луной...

Теперь он не смотрел на нее! Она ясно это видела. Он нарочито разглядывал намалеванную на заднике крепость, и на его физиономии было то же выражение, что и в Тафт-гриле. В ней поднялась волна возмущения — он ее порицал!

Я дрожью охвачен, я чувством томим,

Никто не подскажет, что делать мне с ним.

Кварталы жилые и центр деловой...

Ее охватило неодолимое отвращение. Внезапно и с ужасом она почувствовала зрителей в зале; такого с ней не было с момента первого выхода на сцену. Бледное лицо в первом ряду, не плотоядный ли у него взор? А та девушка, неужели она презрительно кривит губы? А эти ее плечи — эти трясущиеся плечи¹ — ее ли они? Они настоящие? Без сомнения, плечи созданы вовсе не для этого!

¹ В старину непроизвольные движения мышц, которые порой напоминали танец, называли пляской святого Вита (Витуса).

Быть может, поможет мне Витус святой?
Обрызгает сверху святою водой?
В последний свой час я...

Фагот и две виолончели дали финальный аккорд. Она застыла, замерла на секунду, стоя на цыпочках и напрягая каждый мускул, обратив к публике свое юное личико, она глупо тарасилась в зал (одна девушка потом назвала это «весьма любопытным и загадочным взглядом»), а потом, не поклонившись, бросилась со сцены. Влетела в гримерку, сбросила одно платье, напялила другое и поймала на улице такси.

Ее квартира была очень теплой, хотя и маленькой, с подборкой сценических фотографий, а также книжек Киплинга и О'Генри, которые она однажды приобрела у голубоглазого коммивояжера и порой перечитывала. Там было несколько стульев, вполне подходящих друг к другу, не очень, впрочем, удобных, и разливающая кругом приглушенный розовый свет лампа с абажуром и нарисованными на нем черными дроздами. Были в квартирке и милые вещицы, но эти милые вещицы безжалостно враждовали между собой, ибо были они порождением чужого вкуса, нетерпеливо и случайным образом их нахватавшего. Худшую из них олицетворяла огромная картина в дубовой раме — вид на Пассаик с железной дороги Эри; в целом это была безумная, экстравагантная и до странного убогая попытка придать комнате веселенький вид. Марша знала, что это был полный провал.

Вот в эту-то комнатку и вошел ее «вундеркинд» и неловко взял ее за руки.

— На этот раз я последовал за тобой, — сказал он.

— Вот как!

— Я хочу, чтобы ты вышла за меня, — добавил он.

Ее руки потянулись к нему. Она запечатлела на его губах безопасно чувственный поцелуй.

— Ну вот.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Она поцеловала его снова, а затем с легким вздохом порхнула в кресло и устроилась на нем, сотрясаясь от глуповатого смеха.

— Ну, вундеркинд ты эдакий! — воскликнула она.

— Ладно, зови меня так, коль нравится. Я как-то сказал тебе, что на десять тысяч лет старше тебя — так оно и есть.

Она снова рассмеялась.

— Мне не нравится, когда меня порицают.

— Никто больше никогда не будет тебя порицать.

— Омар, — спросила она, — почему ты хочешь на мне жениться?

Вундеркинд встал и засунул руки в карманы.

— Потому что я люблю тебя, Марша Медоу.

Тут она перестала называть его Омаром.

— Милый мой, — сказала она, — ты же знаешь, что я тебя вроде как тоже люблю. В тебе есть что-то — не могу сказать, что, но это заставляет мое сердце

биться, словно его пропускают через пресс всякий раз, когда я рядом с тобой. Но только, дорогой...

Она умолкла.

— Только что?

— Много чего только. Тебе только восемнадцать, а мне почти двадцать.

— Чушь! — перебил он. — Смотри на это так, мне пошел девятнадцатый год, а тебе нынче девятнадцать. Это делает нас почти одногодками — не считая тех десяти тысяч лет, о которых я упоминал.

Марша рассмеялась.

— Есть ведь еще другие «только». Твоя родня...

— Моя родня! — яростно воскликнул вундеркинд. — Моя родня пыталась сделать из меня монстра! — его лицо побагровело от чудовищности того, что он собирался сказать. — Моя родня может отправиться куда подальше и оставаться там до скончания дней!

— Мой Бог! — встревоженно воскликнула Марша. — Вот так прямо? Под всеми парусами, полагаю?

— Под парусами? Да! — восторженно согласился он. — И на чем угодно! Чем больше я думаю о том, как они позволили мне стать маленькой высохшей мумией...

— И что заставляет тебя считать, что ты такой? — тихо спросила Марша. — Я?

— Да. С тех пор, как я тебя встретил, каждый человек на улице вызывал у меня зависть, ведь все они уже знали, что такое любовь. А я раньше называл это «половым влечением» — Бог мой!

— Есть и другие «только».

— Какие?

— На что мы будем жить?

— Я начну зарабатывать.

— Но ты же учишься в университете.

— Думаешь, меня так волнует эта степень магистра?

— Эй! Ты хочешь стать моим магистром?

— Да! Что? Хотел сказать: нет, конечно!

Марша расхохоталась, быстро пересекла комнату и уселась ему на колени. Он порывисто обнял ее и запечатлел подобие поцелуя где-то у нее на шее.

— Как-то ты посветлел, — прошептала Марша. — Хотя это звучит не очень логично.

— О, не будь такой чертовски благоразумной!

— Ничего не могу с этим поделать, — сказала Марша.

— Ненавижу людей, похожих на автоматы!

— Но мы...

— Замолчи!

И поскольку Марша сказать уже ничего не могла, ей пришлось умолкнуть.

IV

Гораций и Марша поженились в начале февраля. Это произвело настоящий фурор в академических кругах Йеля и Принстона. Гораций Тарбокс, имя которого в четырнадцать лет появлялось в воскресных приложениях центральных газет, отказывался от карьеры, от своего верного шанса стать мировой величиной в американской философии, и это ради женитьбы на некоей хористке — они превратили Маршу в хористку. Впрочем, как это и бывает со всеми современными историями, шумиха продолжалась четыре с половиной дня.

Они сняли квартиру в Гарлеме¹. После двухнедельных поисков, во время которых уверенность Горация в ценности академических знаний необратимо поблекла, ему удалось устроиться клерком в Южно-американскую экспортную компанию — кто-то сказал ему, что экспорт нынче на подъеме. Марша собиралась играть в своем шоу еще несколько месяцев — по крайней мере, пока он не встанет на ноги. Для начала ему дали сто двадцать пять долларов, сказав, конечно же, что это лишь вопрос времени, и через несколько месяцев он будет зарабатывать вдвое больше, поэтому Марша категорически отказывалась обсуждать возможность отказаться от тех ста пятидесяти в неделю, которые она тогда получала.

— Мы можем называть нас «голова и плечи», дорогой, — заметила она мягко, — и плечам придется трястись еще некоторое время, пока голова не заработает как следует.

— Терпеть этого не могу, — мрачно возразил он.

— Ну, — решительно ответила она, — на твое жалованье мы снимать квартиру не сможем. Не думай, что мне хочется выставяться на публике — я не стремлюсь. Я хочу быть только твоей. Однако я с ума сойду, если буду торчать в одной комнате и считать нарисованные подсолнухи на обоях, ожидая тебя. Когда ты будешь получать три сотни в месяц, я брошу.

И как бы это ни задевало его гордость, Гораций был вынужден признать, что она говорит разумно.

На смену марту пришел апрель. Май устроил нагоняй паркам и водам Манхэттена, и они были счастливы. Гораций, у которого вообще не было никаких привычек, просто не было времени их сформировать, оказался самым покладистым из мужей, а поскольку Марша не имела совершенно никаких понятий об интересовавших его предметах, стычки и разногласия между ними происходили крайне редко. Их мысли вращались в совершенно разных сферах. Марша играла роль практичного «мастера на все руки», а Гораций то по-прежнему жил в своем старом добром мире абстрактных идей, то ликуя спускался на землю, чтобы выразить своей жене поклонение и обожание. Она была для него посто-

¹ Гарлем — афро-американский квартал в северной части Манхэттена.

янным источником удивления, поражая свежестью и оригинальностью своего мышления, энергией, трезвомыслием и неизменно хорошим настроением.

Коллеги Марши по вечернему девятичасовому шоу, на которое она направила свои таланты, поразились тому, что она так гордилась умственными способностями своего мужа. Горация они знали лишь как очень худощавого, молчаливого и инфантильного с виду молодого человека, который ждал ее каждый вечер, чтобы отвезти домой.

— Гораций, — сказала Марша однажды вечером, встретившись с ним по обычаю в одиннадцать, — когда ты стоишь спиной к фонарям, то выглядишь как призрак. Ты что, худеешь?

Он невнятно помотал головой.

— Не знаю. Мне сегодня прибавили до ста тридцати пяти долларов, и...

— Это неважно, — строго заявила Марша. — Ты убиваешь себя, работая по ночам. Все читаешь эти толстые книги по экономии...

— По экономике, — поправил Гораций.

— Да, ты читаешь их каждую ночь напролет, когда я уже сплю. И ты опять стал сутулиться, как до нашей свадьбы.

— Но, Марша, я же должен...

— Нет, не должен, дорогой. Полагаю, что пока управляю этой лавочкой, я не позволю своему парню испортить свое здоровье и глаза. Ты должен заняться гимнастикой.

— Я занимаюсь. Каждое утро я...

— Да знаю я. Однако эти твои дурацкие гантели и доходягу не разогреют ни на градус. Я имею в виду настоящие тренировки. Ты должен начать ходить в гимнастический зал. Помнишь, ты говорил мне, что был таким ловким спортсменом, что тебя даже пытались однажды затащить в университетскую команду, но у них не вышло, потому что у тебя была встреча с Герби Спенсером¹?

— Раньше мне это нравилось, — задумчиво заметил Гораций, — но теперь это отнимет у меня слишком много времени.

— Ладно, — сказала Марша. — Предлагаю тебе сделку. Ты начинаешь ходить в спортзал, а я прочитаю одну книжку из того коричневого ряда.

— Дневник Пипса²? Ну, это может доставить тебе удовольствие. Он пишет очень доступно.

— Не мне. Это будет похоже на попытку переварить кусок витринного стекла. Но ты не раз говорил мне, как это расширит мой кругозор. Знаешь, давай ты будешь заниматься в зале три вечера в неделю, а я приму здоровую дозу этого Сэмми.

Гораций задумался.

— Ну что же...

¹ Герберт Спенсер — британский философ XIX в., идеолог либерализма.

² Английский чиновник XVII в. Сэмюэл Пипс (1633–1703) был автором *дневника*, в котором он описывал жизнь лондонцев времен восстановления монархии после завершения революции 1639–1660 гг.

— Ну давай же! Ты для меня крутишься на турнике, а я для тебя погоняюсь за культурой.

В конце концов Гораций согласился, и в течение всего жаркого лета три, а то и все четыре вечера в неделю он упражнялся на турнике в спортзале Скиппера. А в августе он признался Марше, что это помогает ему более продуктивно заниматься умственным трудом в течение дня.

— *Mens sana in corpore sano*¹, — заметил он.

— Не верь этому! — ответила Марша. — Однажды я пробовала принимать одно из этих патентованных средств; все это одна болтовня. Лучше продолжай заниматься спортом.

Однажды поздним вечером в самом начале сентября, когда он исполнял сложное упражнение на кольцах в почти пустом зале, к нему обратился задумчивый толстяк, наблюдавший за ним уже несколько вечеров подряд.

— Слушай, парень, повтори-ка эту штуковину, которую ты делал вчера вечером.

Гораций улыбнулся ему с высоты.

— Я это придумал, — ответил он. — Почерпнул идею из четвертой теоремы Евклида.

— Из какого он цирка?

— Он уже умер.

— Ну да, должно быть, сломал себе шею, крутя этот трюк. А я вот сидел тут вчера и думал, что и ты собираешься свою свернуть.

— Вот так? — сказал Гораций, и, раскачавшись под перекладной, выполнил свой трюк.

— Ни шею, ни плечевые мышцы не потянул?

— Поначалу бывало, но не прошло и нескольких дней, как я написал под этим «*quod eras demonstrandum*»².

— Гм...

Гораций немного покачался на перекладной.

— Никогда не думал заняться этим профессионально? — спросил толстяк.

— Это не мое.

— Платят хорошие деньги, если сможешь делать такие трюки и себя при этом не угробить.

— Я вот так еще могу! — с энтузиазмом воскликнул Гораций, и у толстяка челюсть отвисла от удивления, когда он увидел, как этот румяный Прометей в трико снова бросил вызов богам и сэру Исааку Ньютону.

Следующим вечером после этой встречи Гораций вернулся домой с работы и увидел, что ожидавшая его Марша лежит на диване заметно побледневшая.

— Сегодня я дважды теряла сознание, — начала она без всяких предисловий.

— Что?

— Да-да. Видишь ли, через четыре месяца родится ребенок. Доктор сказал, что я должна была бросить танцы еще две недели назад.

¹ В здоровом теле — здоровый дух (лат.)

² Что и требовалось доказать (лат.)

Гораций сел и обмозговал услышанное.

— Я рад, конечно, — сказал он задумчиво. — В смысле, я рад, что у нас будет ребенок. Однако это большие расходы.

— У меня двести пятьдесят в банке, — ободряюще заявила Марша, — и за две недели еще заплатят.

Гораций быстро сосчитал.

— Вместе с моим жалованьем это почти четырнадцать сотен на ближайшие шесть месяцев.

Марша приуныла.

— И все? Конечно, я могу поискать место певички на этот месяц. И я смогу в марте снова выйти на работу...

— И думать нечего! — резко ответил Гораций. — Ты останешься тут. Давай прикинем — будут счета от врача и няньки, не считая горничной. Нам нужно больше денег.

— Ну, — устало сказала Марша, — не знаю, откуда их раздобыть. Все теперь зависит от головы. Плечи отходят от дел.

Гораций встал и надел пальто.

— Куда ты?

— Мне пришла в голову одна идея, — ответил он. — Я скоро вернусь.

Через десять минут, направляясь по улице к спортзалу Скиппера, он спокойно и без всяких шуток удивлялся тому, что собирался предпринять. Он бы не поверил в такое еще год назад! Как бы все разинули рты от удивления! Однако если вы открываете дверь на стук самой жизни, вы позволяете войти внутрь еще много чему.

Спортивный зал был ярко освещен, и когда его глаза привыкли к этому сиянию, он увидел задумчивого толстяка; тот сидел на куче брезентовых матов, куря большую сигару.

— Слушайте, — сразу спросил Гораций, — вы вчера серьезно говорили, что я могу заработать этими своими акробатическими трюками?

— Ну да, — удивленно ответил толстяк.

— Знаете, я все обмозговал и думаю, что хочу попробовать. Могу выступать вечерами по субботам после полудня, и постоянно, если деньги хорошие.

Толстяк глянул на часы.

— Ну, — сказал он, — надо повидаться с Чарли Полсоном. Он глянет, как ты работаешь, и в течение четырех дней у тебя будет контракт. Сейчас он уже не успеет, но завтра вечером я его с собой прихвачу.

Толстяк оказался человеком слова. Чарли Полсон появился следующим вечером и провел незабываемый час, наблюдая, как вундеркинд прочерчивает в воздухе удивительные параболы, а следующим вечером он привел с собой двух коренастых мужчин, у которых был такой вид, будто они с рождения покуривали черные сигары и тихо, но с чувством говорили о деньгах. Затем в следующую субботу торс Горация Тарбокса впервые появился на публике во время гимнастического шоу на Колмен-стрит-

гарденс. И хотя публики набралось не менее пяти тысяч человек, Гораций совершенно не волновался. С детства он читал доклады на публику и хорошо овладел приемом самоотстранения.

— Марша, — весело говорил он позже тем же вечером, — думаю, что мы выберемся из этой трясины. Полсон считает, что сможет подыскать мне вакансию на «Ипподроме», а это означает ангажемент на всю зиму. «Ипподром», ты же знаешь, это большой...

— Да, кажется, я слышала о нем, — перебила Марша, — но мне бы хотелось узнать об этом трюке, который ты проделываешь. Ведь это не какое-то самоубийство на публику?

— Ничего такого, — спокойно ответил Гораций. — Но если ты сможешь придумать мужчине более благородный способ уйти из жизни, чем рискуя ради тебя, то тогда я хотел бы умереть именно так.

Марша потянулась к нему и крепко обвила его шею руками.

— Поцелуй меня, — прошептала она, — и скажи «мое сердечко». Мне нравится, как ты говоришь «мое сердечко». И принеси мне какую-нибудь книжку почитать завтра. Больше никакого Сэма Пипса, а что-нибудь занятное и простенькое. Я уже с ума схожу — так хочется чем-нибудь заняться. Думала было писать письма, но мне и писать-то их некому.

— Пиши мне, — сказал Гораций. — Я буду их читать.

— Хотелось бы, — вздохнула Марша. — Если бы я дружила со словами, я могла бы написать тебе самое длинное в мире любовное письмо — и ничуть бы не устала.

Однако через два месяца Марша стала уставать все больше, и несколько вечеров подряд перед публикой «Ипподрома» появлялся очень встревоженный и осунувшийся юный атлет. А потом на два дня его заменил юноша, который выступал в голубом, а не в белом трико, и хлопали ему гораздо меньше. Через два дня Гораций появился снова, и сидевшие ближе к сцене замечали выражение блаженного счастья на лице этого юного акробата, даже когда он, заставляя публику затаить дыхание, крутился в воздухе, исполняя свой невероятный кульбит. После того выступления он расхохотался в лицо лифтеру, взлетел по лестнице в квартиру, перескакивая сразу через пять ступенек, а затем осторожно, на цыпочках, прокрался в комнату, где царила тишина.

— Марша, — прошептал он.

— Привет! — слабо улыбнулась она ему. — Гораций, хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал. Загляни в верхний ящик моего комодика, ты найдешь там большую стопку бумаги. Это книга, Гораций, нечто вроде книги, я написала ее за эти последние три месяца, пока лежала в кровати. Я хочу, чтобы ты отнес ее Питеру Бойсу Венделлу, который напечатал мое письмо в своей газете. Он сможет тебе сказать, хороша ли эта рукопись. Я писала ее как говорю, так же, как я писала ему то письмо. Это просто история обо всем том разном, что со мной случалось в жизни. Ты отнесешь ему, Гораций?

— Да, дорогая.

Он наклонился над кроватью, положил на подушку свою голову рядом и начал перебирать ее белокурые волосы.

— Дорогая Марша, — мягко сказал он.

— Нет, — прошептала она, — зови меня так, как я тебя просила.

— Мое сердечко, — страстно прошептал он, — мое сердечко...

— Как мы ее назовем?

Гораций задумался. Оба помолчали с минуту, и она была наполнена счастьем и сонной негой.

— Мы назовём ее Марша Юм Тарбокс, — сказал он наконец.

— Почему Юм?

— Потому что это парень, который нас познакомил.

— Неужели? — пробормотала она сонно и удивленно. — Я думала, это был Мун.

Ее глаза закрылись, и через мгновение медленное, размеренное колебание покрывала на ее груди показало, что она заснула.

Гораций на цыпочках подошел к комоду и, выдвинув верхний ящик, нашел кучу плотно исписанных и перепачканных химическим карандашом¹ страниц. Он взглянул на первый лист:

Марша Тарбокс

«Сандра Пипс с синкопами»²

Он улыбнулся. Значит, Сэмюэл Пипс все-таки произвел на нее впечатление. Перевернув страницу, он начал читать. Его улыбка стала шире, он продолжал читать дальше. Прошло полчаса, и он вдруг заметил, что Марша проснулась и наблюдает за ним с постели.

— Милый, — прошептала она.

— Что, Марша?

— Тебе нравится?

Гораций кашлянул.

— Кажется, я зачитался. Очень свежо!

— Передай это Питеру Бойсу Венделлу. Скажи ему, что ты получал высшие баллы в Принстоне и что ты в состоянии понять, что книга хороша. Скажи ему, что она — класс!

— Хорошо, Марша, — нежно ответил Гораций.

Ее глаза снова закрылись, Гораций подошел, поцеловал ее в лоб и постоял немного рядом, нежно на нее глядя. Затем он вышел из комнаты.

Всю эту ночь перед его глазами плясали корявый почерк, бесконечные грамматические и орфографические ошибки, а также странная пунктуация. Несколько раз за ночь он просыпался, переполненный горячим сочувствием к стремлению женской души выразить себя в словах. Для него в этом было нечто бесконечно трогательное, и впервые за несколько месяцев он начал перебирать в уме свои полузабытые мечты.

¹ След от так называемого *химического карандаша* при соприкосновении с водой приобретает свойства чернил.

² *Синкопа* (от греч. *syncope* — «прерывание») — ритмический прием в музыке.

Он ведь намеревался написать серию книг, чтобы популяризировать новый реализм, подобно тому, как Шопенгауэр популяризировал пессимизм, а Уильям Джеймс¹ — прагматизм.

Однако жизнь распорядилась иначе. Жизнь хватает людей и заставляет их цепляться за гимнастические кольца. Он рассмеялся, вспомнив тот стук в его дверь, призракную тень в Юме и требование Марши ее поцеловать.

— И это все еще я, — удивленно пробормотал он, лежа без сна в темноте. — Тот самый человек, торчавший в Беркли и безрассудно размышлявший, может ли стук существовать, если не будет воспринимающего его уха. Я все еще тот человек! Меня могли бы посадить на электрический стул за его преступления! Бедные бесплотные души, пытающиеся выразить себя через нечто осязаемое! Марша с ее написанной книгой, и я со своими ненаписанными... Мы пытаемся найти средства выражения, а затем берем то, что получаем, и довольны этим!

V

«Сандра Пипс с синкопами» с предисловием Питера Бойса Венделла, репортера, печаталась частями в «Журнале Джордана», а в марте вышла отдельной книгой. Первый же опубликованный отрывок привлек большое внимание публики. Довольно банальная тема — девчушка из провинциального городка в Нью-Джерси приезжает в Нью-Йорк, чтобы выступать на сцене — была изложена просто, но удивительно живо, с навевающими грусть интонациями, вызванными скудностью словарного запаса; все это обладало неотразимой притягательностью.

Питер Бойс Венделл, который как раз в это время выступал за обогащение американского литературного языка путем включения в него ярких народных жаргонизмов, бодро ее поддерживал в отличие от остальных обозревателей с их скучными и затертыми рецензиями.

За серию журнальных публикаций Марша получила триста долларов, что пришлось очень кстати. Ежемесячные выплаты Горацию от «Ипподрома» были теперь больше того, что Марша когда-либо получала раньше, однако Марша-младшая издавала пронзительные крики, которые ее родители посчитали требованием подышать чистым сельским воздухом. Поэтому в начале апреля они обосновались в Уэстчестере², в бунгало, где было место и для газона, и для гаража, и для всего прочего, включая неприступный звуконепроницаемый кабинет; Марша клятвенно пообещала мистеру Джордану, что, когда призывы ее дочери начнут ослабевать, она станет закрываться там, чтобы сочинять бессмертно-безграмотную литературу.

«Не так уж это и плохо», — подумал Гораций, направляясь однажды вечером со станции к своему домику. Он обдумывал несколько открывшихся им перспектив:

¹ Уильям Джеймс — американский философ и психолог XIX в., один из основателей прагматизма и функционализма.

² Уэстчестер — округ штата Нью-Йорк.

четырёхмесячный ангажемент с пятизначной суммой, обещанной за участие в водевиле, а также возможность вернуться в Принстон благодаря гимнастике. Как странно! Когда-то он собирался вернуться туда и стать лидером в философии, а теперь его совершенно не тронул приезд в Нью-Йорк Антона Лурье, его прежнего кумира.

Под его каблуками звучно захрустел гравий. Он заметил, что в гостинной горит свет, а на подъезде к дому стоит большой автомобиль. Вероятно, опять пожаловал мистер Джордан уговаривать Маршу приняться за работу.

Она услышала его приближающиеся шаги и вышла навстречу — ее силуэт вырисовывался на фоне освещенной двери.

— У нас какой-то француз, — возбужденно прошептала она. — Не могу произнести его имя, но говорит он ужасно умно. Надо тебе с ним поболтать.

— Какой француз?

— Не могу сказать. Заехал с час назад вместе с мистером Джорданом, сказал, что хочет познакомиться с Сандрой Пипс и все такое.

Они вошли в дом, и двое мужчин поднялись со стульев.

— Здравствуйте, Тарбокс, — сказал Джордан. — Я только что познакомил двух знаменитостей — привез с собой монсеньера Лурье. Монсеньер Лурье, разрешите вам представить — мистер Тарбокс, супруг миссис Тарбокс.

— Неужели вы Антон Лурье? — воскликнул Гораций.

— О, да! Я должен был приехать! Был просто обязан! Я прочел книгу мадам и был очарован. — Он сунул руку в карман. — О, я и про вас читал тоже. В этой газете, которую я сегодня прочел, в ней есть ваше имя.

Наконец он вытащил из кармана вырезку.

— Прочтите, — важно настоял он. — Там и про вас.

Гораций пробежал глазами текст.

«Значительный вклад в американскую литературу, — говорилось там. — Никаких литературных изысков, и в этом значение книги, сравнимой с «Гекльберри Финном».

Взгляд Горация скользнул на абзац ниже, и он ошеломленно прочел следующее:

«Марша Тарбокс связана со сценой не только как зритель, но и как жена актера. В прошлом году она вышла замуж за Горация Тарбокса, который каждый вечер радует детей в «Ипподроме» своим изумительным акробатическим номером на кольцах. Говорят, что молодая пара называет себя «Голова и плечи», без сомнения подразумевая тот факт, что миссис Тарбокс обладает литературными и умственными талантами, а гибкие и ловкие плечи ее супруга вносят свой вклад в их семейное благосостояние. Кажется, миссис Тарбокс вполне достойна называться незаслуженно затасканным словом «вундеркинд». В свои двадцать...»

Гораций бросил читать и с очень странным выражением уставился на Антона Лурье.

— Хочу вам кое-что посоветовать, — хриплым голосом начал он.

— О чем это вы?

— О стуках в дверь. Никогда не отвечайте на них! Пусть себе стучат. Купите себе дверь с мягкой обивкой!

БЕРНИС ОБРЕЗАЕТ ВОЛОСЫ

I

Если в сгустившихся субботних сумерках стоять у стартовой площадки поля для гольфа, окна загородного клуба покажутся желтой далью над черным и беспокойным океаном. Волны этого воображаемого океана — головы множества любопытствующих кедди¹, небольшого числа еще более заинтригованных шоферов, глухой сестры известного тренера. И там же движутся еще несколько несмелых волн, которые могли бы закатиться внутрь, если бы того пожелали. Это галерка.

Бельэтаж находится внутри. Он состоит из ряда плетеных стульев, стоящих по кругу вдоль стен совмещенного клубного и бального зала. Во время субботних танцев его занимают в основном женщины: обширное собрание дам среднего возраста со все замечающими взорами, скрытыми за лорнетами, и холодными сердцами под пышными бюстами. Главная функция бельэтажа — оценивающая. Время от времени он показывает скупые восторги, однако же одобрение — никогда, поскольку дамы, коим за тридцать пять, отлично знают, что на летние танцы молодежь собирается с наихудшими намерениями, и если их не бомбардировать каменными взглядами, разбредшиеся парочки начнут выплясывать по углам дикарские пляски, а привлекательных девушек начнут целовать в припаркованных лимузинах, принадлежащих ничего не подозревающим вдовушкам.

Однако, в конце концов, этот критиканствующий кружок находится не настолько близко к сцене, чтобы различать лица актеров или улавливать тонкости игры. Они могут только хмуриться, подаваться вперед, задавать вопросы и делать удовлетворительные выводы, исходя из собственного набора постулатов, вроде того, что жизнь любого молодого человека с большим доходом напоминает жизнь куропатки, за которой охотятся. Они не в состоянии по достоинству оценить драмы изменчивого и довольно жестокого мира подростков. Нет, ложи и партер, ведущие актеры и массовка —

¹ *Кедди* — мальчик, подносящий клюшки и мячи для игры в гольф.

все это представлено для них смешением лиц и голосов, кружащихся под заунывный африканский ритм танцевального оркестра Дайера.

Начиная с шестнадцатилетнего Отиса Ормонда, который должен еще два года отучиться в колледже Хилла, и заканчивая Рисом Стоддардом, над домашним столом которого висит гарвардский диплом юриста; начиная с юной Мадлин Хог, которой кажется странной ее высокая прическа, и до Бесси Макрей, которая была душой общества слишком долго — более десяти лет — вся эта компания не только в центре на сцене — она состоит из людей, которые способны беспрепятственно следить за происходящим.

Музыка останавливается, выдав оглушительный финальный аккорд. Парочки обмениваются искусственными непринужденными улыбками, игриво повторяя «Та-ри-ра-ра дум-дум!», а затем над взрывом аплодисментов летит болтовня юных женских голосов.

Несколько незадачливых молодых людей, оказавшихся посреди танцпола в тот момент, когда они собирались разбить парочку, меланхолично ретируются к стенам; эти субботние танцевальные вечера совсем не похожи на шумные рождественские балы, они лишь приятное и слегка волнующее времяпрепровождение, когда на танцпол выходят даже молодожены, которые развлекают своих юных братьев и сестер, исполняя под их усмешки допотопные вальсы и ужасающие фокстроты.

В числе оказавшихся не у дел одиночек был и нерадивый студент из Йеля Уоррен Макинтайр; он нашарил в кармане смокинга сигарету и вышел на широкую полутемную веранду, где за столиками сидели редкие парочки, наполнявшие украшенную фонариками ночь неразборчивыми репликами и тихим смехом. Он кивал направо и налево тем, кто был не слишком поглощен беседой; когда же он проходил мимо каждой пары, в его голове всплывали полузабытые фрагменты их историй; ведь это был небольшой городок, и здесь не надо было листать «Кто есть кто»¹, чтобы узнать историю каждого. Там, к примеру, сидели уже три года как тайно помолвленные Джим Стрэйн и Этель Деморест. Все знали: как только Джиму удастся продержаться хоть на какой-нибудь работе пару месяцев, она тут же выйдет за него замуж. Тем не менее они выглядят скучающими в компании друг друга, и Этель порой меряет Джима усталым взглядом, словно недоумевая, зачем побеги ее привязанности обвили столь подвластный ветру тополь.

Уоррену было девятнадцать, и он с сожалением относился к своим знакомым, не уехавшим на Восток учиться в университетах. Однако, как и большинство парней, оказавшись вдали от родных мест, он любил похвастать девушками своего городка. Среди них была Женестьева Ормонд, регулярно посещавшая балы, вечеринки и футбольные матчи в Принстоне, Йеле, Уильямсе² и Корнелле³; и черноглазая Роберта Диллон, которая среди своих

¹ «Кто есть кто» (Who is Who) — название ряда справочных изданий, содержащих краткие биографические сведения о видных деятелях Великобритании.

² Колледж Уильямса был основан в 1793 г. на средства колониста Эфраима Уильямса, погибшего во время войны между французами и индейцами в 1755 г.

³ Колледж Корнелла назван в честь «железного магната» Уильяма Уэсли Корнелла.

сверстников была так же знаменита, как Хайрам Джонсон¹ или Тай Кобб²; и, конечно же, среди них была и Марджори Харви, не только обладавшая прелестным сказочным личиком и острым язвительным язычком, но и уже по праву прославилась тем, что во время танца тапочек и бальных туфель³ в Нью-Хейвене⁴ пять раз прошла колесом.

Уоррен, выросший в доме напротив, уже давно был без ума от Марджори. Казалось, иногда она отвечала на его обожание чем-то вроде легкой благодарности, однако, проверив свои к нему чувства никогда не подводившим ее способом, она на полном серьезе заявила, что совершенно его не любит. Способ этот заключался в том, что, когда Уоррена не было рядом, она совершенно о нем забывала и легко начинала крутить с другими парнями. Уоррена это приводило в уныние, тем более, что Марджори в течение всего лета совершала небольшие вояжи, и в первые два-три дня после ее возвращения домой он видел на столике в холле целую кучу писем с разными мужскими почерками на конвертах. И, что еще хуже, — в августе к ней на месяц приезжала погостить кузина Бернис из О-Клэр⁵, так что застать Марджори одну не было никакой возможности. Всегда надо было подыскивать кого-нибудь, кто бы мог взять на себя Бернис. По мере же того, как заканчивался август, это становилось делать все труднее и труднее.

Как бы Уоррен ни боготворил Марджори, он должен был признать, что у ее кузины Бернис не было никакой изюминки. Она была хорошенькой, с темными волосами и румянцем на щеках, но на вечеринках с ней было ужасно скучно. Чтобы доставить удовольствие Марджори, каждый субботний вечер он покорно с ней танцевал невыразимо долгий танец, испытывая в ее компании лишь тоску.

— Уоррен... — прервал его мысли раздавшийся рядом нежный голосок, и он обернулся, чтобы увидеть Марджори, как всегда оживленную и сияющую. Она положила руку ему на плечо, и его словно бы окутало незримое сияние.

— Уоррен, — прошептала она, — сделай кое-что для меня — потанцуй с Бернис! Она уже почти час зависает с малышом Отисом Ормондом.

Сияние вокруг Уоррена поблекло.

— Ну... конечно, — без энтузиазма протянул он.

— Ты же не против, правда? Я позабочусь, чтобы ты не увяз слишком надолго!

— Ладушки.

Марджори улыбнулась, и эта улыбка была для него достаточной наградой.

— Ты ангел, я тебе страшно обязана!

Вздохнув, ангел оглядел веранду, но Бернис и Отиса нигде не было видно.

¹ *Хайрам Уоррен Джонсон* — один из ведущих американских политиков конца XIX — первой половины XX в. На выборах 1912 г. он шел в паре с Теодором Рузвельтом в качестве вице-президента.

² *Тайрус (Тай) Рэймонд Кобб* — американский бейсболист.

³ Этот *танец* считался университетской традицией в Йеле; во время его исполнения мужчины надевали бальные туфли, а женщины — тапочки.

⁴ *Нью-Хейвен* в штате Коннектикут, где находится одноименный университет, является одним из старейших городов Соединенных Штатов Америки.

⁵ *О-Клэр* (Eau Claire) — город в штате Висконсин (север Соединенных Штатов Америки).

*Он лениво раздумывал, была ли она плохой собеседницей,
потому что не привлекала к себе внимание, или же она никого
к себе не привлекала, потому что она
плохая собеседница?*

Он побрел обратно внутрь и там, у двери дамской комнаты, обнаружил Отиса среди корчившихся от смеха юношей. Отис угрожающе размахивал раздобытой где-то деревяшкой и громко разглагольствовал.

— Она пошла поправить прическу! — бурно восклицал он. — Я прямо жду не дождусь, чтобы протанцевать с ней еще один час!

Гогот продолжался.

— Почему никто из вас нас не разобьет? — возмущался Отис. — Она же любит разнообразие!

— Ну, Отис, — предположил один из приятелей, — ты ведь едва начал к ней привыкать!

— А эта штукавина зачем, Отис? — поинтересовался Уоррен, улыбнувшись.

— Штуковина? Ах, эта? Это дубинка! Как только она выйдет, я стукну ее по башке и затолкаю обратно!

Уоррен рухнул на диван и застонал от смеха.

— Не бери в голову, Отис, — сказал он наконец. — На сей раз я тебя спасу!

Отис сделал вид, что грохнется в обморок, и передал деревяшку Уоррену.

— Может, тебе она понадобится, старина! — просипел он.

Независимо от того, насколько девушка красива и остроумна, если ее не перехватывают во время танцев, положение ее незавидно. Возможно, парни и предпочтут ее компанию обществу порхающих бабочек, с которыми они выплясывают дюжину раз за вечер, однако молодежь этого вскормленного джазом поколения по складу своего характера непостоянна, и сама идея профокстротить более одного фокстрота с одной и той же девушкой им неприятна, если не сказать ненавистна. Когда же дело доходит до нескольких танцев с перерывами между ними, девушка может быть совершенно уверена, что, как только у молодого человека появится возможность от нее отлпнуть, он уже никогда не будет отдавливать пальцы ее неуклюжих ножек.

Следующий танец Уоррен до конца протанцевал с Бернис, а потом, возблагодарив наступивший перерыв, проводил ее к столику на веранде. За ним, пока Бернис невыразительно поигрывала своим веером, ненадолго повисла тишина.

— Здесь жарче, чем в О-Клэр! — заявила она.

Уоррен подавил вздох и кивнул. Это все, что он мог выдать на тему, которая его не слишком интересовала. Он лениво раздумывал, была ли она плохой собеседницей, потому что не привлекала к себе внимание, или же она никого к себе не привлекала, потому что она плохая собеседница?

— Вы еще долго собираетесь здесь пробыть? — спросил он и тут же покраснел. Она ведь могла догадаться о причине этого вопроса.

— Еще неделю, — ответила она и уставилась на него, словно ожидая поймать ответную реплику, когда та сорвется с его губ.

Уоррен беспокойно заерзал. А затем, охваченный благородным порывом, решил испытать на ней свой излюбленный приемчик. Он посмотрел ей в глаза.

— Ваши губы словно специально созданы для поцелуев, — тихо молвил он.

Это была фраза, которую он порой говорил девушкам на вечеринках, когда болтовня шла в таком же полумраке, как теперь. Бернис буквально подпрыгнула.

Она до неприличия покраснела и чуть было не выронила веер. Никто и никогда ранее не говорил ей такого!

— Нахал! — ляпнула она, не подумав, и тут же прикусила губку. Следом решила: слишком поздно делать вид, что польщена, и одарила его смущенной улыбкой.

Уоррена это раздосадовало. Он не привык, что сказанную фразу можно было воспринять всерьез; обычно она вызывала смех или порождала добродушное подшучивание. И он терпеть не мог, когда его называли нахалом, хоть и говорилось это не всерьез. Его благородный порыв угас, и он сменил тему.

— Джим Стрэйи и Этель Деморест, как всегда, сидят в сторонке, — заметил он.

Такие разговоры для Бернис были более привычны, однако при смене темы к облегчению у нее примешивалось легкое сожаление. Мужчины не беседовали с ней о влекущих к поцелуям губах, однако она знала, что другим девушкам нечто подобное они говорят.

— О, да! — сказала она и рассмеялась. — Я слышала, что они годами просят живаю штаны без гроша в кармане! Разве это не глупо?

Досада Уоррена усилилась. Джим Стрэйи был близким другом его брата, и в любом случае он считал дурным тоном насмехаться над людьми, у которых нет денег. Однако Бернис и не собиралась насмехаться! Ей просто было не по себе.

II

Вернувшись домой к половине первого, Марджори и Бернис пожелали друг другу спокойной ночи на площадке лестницы. Между кухнями не было теплых отношений. Честно говоря, у Марджори вообще не было подруг — она считала всех девушек глупыми. Бернис же, наоборот, на протяжении всего своего организованного ее родителями пребывания в гостях все время стремилась откровенничать, сдабривая такие разговоры, которые она считала обязательными при общении между женщинами, хихиканьем и слезами. Однако вскоре она обнаружила, что Марджори реагирует на такие порывы довольно холодно; при общении с ней Бернис чувствовала такую же неловкость, как и во время разговоров с мужчинами. Марджори никогда не хихикала и не пугалась, она редко смущалась и, по сути, обладала очень немногими благословенными качествами, которые Бернис считала подходящими женщинам.

Перед сном, нанося зубную пасту на щетку, Бернис в сотый раз задумалась, почему ей никто не уделяет внимания вне дома. Ей никогда не приходило в голову, что факторами успеха в родном городе являлось то, что ее семья была богатейшей в О-Клэр и то, что мать развлекала ее знакомых, устраивая фуршеты перед танцуйками, которые она организовывала для дочери. Мать даже купила ей автомобиль, чтобы она могла заезжать за друзьями. Как и большинство девушек, Бернис была возвращена на теплом молочке, приготовленном Энни Феллоуз Джонстон¹,

¹ Американка Энни Феллоуз Джонстон (1863–1931) — автор сентиментальных романов.

и на романах, в которых женщины были любимы за их какие-то непостижимые качества, всегда упоминавшиеся, но никак в жизни не проявлявшиеся.

Бернис чувствовала смутную душевную боль оттого, что теперь она не пользуется популярностью. И она, конечно, не догадывалась, что если бы не развитая Марджори активность, она бы так и протанцевала весь вечер с одним-единственным кавалером. При этом ей было хорошо известно, что даже в О-Клэр за другими девушками, менее значимыми и миловидными, мужчины увиваются в большей степени. Впрочем, она приписывала это неразборчивости, присущей этим девушкам. Ее это никогда не тревожило, а если бы и так, мать могла заверить ее, что эти другие девушки себя не ценят, а мужчины на самом деле уважают девушек вроде Бернис.

Она погасила свет в ванной комнате и внезапно решила поболтать с теткой Жозефиной, в комнате которой еще горел свет. Мягкие тапочки бесшумно пронесли ее по устланному ковром холлу, но, уловив из-за приоткрытой двери голоса, она остановилась. Вдруг она услышала свое имя и без всякого намерения подслушивать замешкалась, а затем смысл беседы пронзил ее сознание, словно иголкой.

— Она абсолютно безнадежна! — это был голос Марджори. — А, да знаю я, что ты сейчас мне скажешь! Многие тебе говорили, что она красива и мила, и как она умеет готовить! И что с того? Она не у дел. Мужчины не обращают на нее внимания.

— А много ли значит дешевая популярность?

Казалось, миссис Харви была раздражена.

— Когда тебе восемнадцать, это безумно важно! — категорично заявила Марджори. — Я сделала все что можно. Была вежливой и заставила парней танцевать с ней, но им неохота томиться. Когда я думаю, как дивный цвет лица понапрасну пропадает на этой дурехе и что могла бы сделать с ним Марта Кэри, — ах!

— В наши дни галантность исчезла.

Интонация речи миссис Харви намекала, что современное положение дел — это черт знает что. Когда она была барышней, все юные леди из добропорядочных семейств восхитительно проводили время!

— Ну, — сказала Марджори, — ни одна девушка не сможет постоянно поддерживать свою гостью-неудачницу, потому что в наши дни каждая девушка должна прежде всего думать о себе самой. Я даже пыталась намекать ей кое-что по части одежды и тому подобного, но она лишь озлилась — бросала на меня такие уморительные взгляды! Она достаточно сообразительна, чтобы понять — ей много тут не светит, но готова поспорить: она утешает себя, думая, что весьма добродетельна, а я слишком веселая, ветреная и плохо кончу! Так считают все девушки, не пользующиеся популярностью. Зелен виноград! Сара Хопкинс называет Женевьеву, Роберту и меня «быстроцветками»! Держу пари, что она отдала бы десять лет своей жизни и свое европейское образование, чтобы стать такой «быстроцветкой», и чтобы у нее было три-четыре влюбленных в нее парня, и чтобы ее то и дело перехватывали на танцах!

— Мне кажется, — утомленно перебила ее миссис Харви, — что ты должна найти возможность как-то помочь Бернис. Я знаю, что ей недостает живости.

— Ну, — сказала Марджори, — ни одна девушка не сможет постоянно поддерживать свою гостью-неудачницу, потому что в наши дни каждая девушка должна прежде всего думать о себе самой.

Марджори вздохнула.

— Живости? Боже правый! Да я никогда не слышала, чтобы она говорила какому-нибудь парню что-нибудь кроме «как здесь жарко» или «какая тут толчея», или что в будущем году она собирается учиться в Нью-Йорке! Иногда она спрашивает у парней, какая у них машина, и сообщает им о своей. Захватывающе!

На минуту разговор смолк, а потом миссис Харви вновь завела свою пластинку:

— Однако я хорошо знаю, что другие девушки, и вполнину не такие славные и привлекательные, тем не менее обзаводятся ухажерами. Марта Кэри, к примеру; она полная и шумная, а ее мать — особа совершенно невыразительная! Роберта Диллон в этом году так похудела, что кажется — она явилась из Аризонской пустыни¹. Она когда-нибудь до смерти допляшется!

— Совсе нет, мама, — раздраженно возразила Марджори, — Марта веселая и ужасно остроумная, классная девчонка, а Роберта потрясно танцует. За ней давно все ухлестывают!

Миссис Харви зевнула.

¹ На северо-западе Аризоны находится пустыня Мохаве.

— Мне кажется, у Бернис все дело в толике дикой индейской крови, — продолжила Марджори. — Может, это своего рода атавизм? Ведь индейские женщины просто сидели кружком и молчали.

— Иди спать, гаупышка! — рассмеялась миссис Харви. — Я бы не стала тебе об этом рассказывать, если бы знала, что ты это запомнишь! К тому же я считаю, что большинство твоих идей просто идиотские, — сонно закончила она.

Возникла новая пауза, во время которой Марджори размышляла, стоит ли ей пытаться разубеждать свою мать. Людей после сорока редко удается в чем-либо переубедить. В восемнадцать наши убеждения — это холмы, с которых мы оглядываемся; а в сорок пять — это пещеры, в которых мы прячемся.

Решив, что так оно и есть, Марджори пожелала матери спокойной ночи. Когда она вышла в холл, тот был совершенно пуст.

III

На следующий день Марджори припозднилась с завтраком. В это время в комнату вошла Бернис; сухо пожелав ей доброго утра, она села напротив, пристально посмотрела на свою кузину и слегка облизнула губы.

— Что это ты? — озадаченно спросила Марджори.

Прежде, чем метнуть бомбу, Бернис выдержала паузу.

— Я слышала, что ты вчера говорила обо мне матери.

Марджори была поражена, однако лишь слегка покраснела. Когда же она заговорила, голос ее звучал спокойно.

— Где ты была?

— В холле. Я не хотела подслушивать... Поначалу.

Марджори невольно смерила ее презрительным взглядом, а потом опустила глаза и стала внимательно разглядывать кусочек печенья, который пыталась удержать в равновесии на кончике своего пальца.

— Думаю, мне лучше вернуться к себе в О-Клэр, раз уж я такая зануда, — у Бернис задергалась нижняя губа. Срывающимся голосом она продолжила:

— Я пыталась быть любезной, чтобы со мной было легко, но сначала мной пренебрегали, а потом еще и оскорбили! Ни с одним из моих гостей я так не обходилась!

Марджори хранила молчание.

— Вижу, я тут всем мешаю! Для тебя я обуза. Твоим друзьям я не нравлюсь. Она помолчала, а потом вспомнила еще одну свою обиду:

— Конечно же, я обозлилась, когда на прошлой неделе ты попыталась намекнуть, что это платье мне не идет. Ты думаешь, я не умею одеваться?

— Ни на что я не намекала, — прямо ответила Марджори. — Насколько я помню, я сказала, что уж лучше три дня подряд надевать платье, которое тебе идет, чем чередовать его с двумя уродскими!

— И ты думаешь, это было любезно с твоей стороны?

— Я не пыталась быть любезной.

Затем, помолчав, Марджори спросила:

— Когда ты собираешься уехать?

У Бернис перехватило дыхание.

— Ох! — тихонько вздохнула она.

Марджори удивленно подняла голову.

— Разве ты не говорила, что собираешься...

— Да, но...

— А! Так ты просто брала меня на понт!

Некоторое время они смотрели друг на друга через стол. Перед глазами Бернис плыл туман, взгляд Марджори был суров; так она обычно смотрела на слегка подвыпивших первокурсников, которые лезли к ней целоваться.

— Значит, ты брала меня на понт! — повторила она так, словно ничего иного и не ожидала.

Бернис расплакалась, признавая этим, что так и есть. Во взгляде Марджори отразилась скука.

— Ты моя кузина! — всхлипывала Бернис. — Я же гощу у тебя-я-я! Я должна пробыть у-у-у тебя месяц, а если я уеду домой, мама удивится и начнет спра-спра-спрашивать...

Марджори дождалась, пока поток слов не превратился в тихие всхлипы.

— Я отдам тебе мои карманные деньги за месяц, — холодно сказала она. — И ты сможешь провести эту последнюю неделю где захочешь. Тут есть один симпатичный отельчик...

Рыдания Бернис разразились с новой силой; внезапно вскочив, она выбежала из комнаты.

Через час, когда Марджори в библиотеке была полностью поглощена сочинением одного из тех ни к чему не обязывающих и изумительно уклончивых писем, которые умеют писать только девушки, Бернис появилась снова; глаза у нее были заплаканные, но держалась она нарочито спокойно. Не глядя на Марджори, Бернис взяла наугад какую-то книгу с полки и уселась, делая вид, что читает. Марджори, казалось, была полностью поглощена своим письмом и продолжила строчить. Когда часы пробили полдень, Бернис шумно захлопнула книгу.

— Думаю, мне стоит купить билет на поезд.

Совсем не так должна была начаться ее речь, которую она тщательно отрепетировала наверху, однако поскольку Марджори никак не реагировала — не уговаривала ее образумиться, не говорила, что все это было ошибкой — лучшего она придумать не смогла.

— Подожди немного, пока я не закончу письмо, — сказала Марджори, не оборачиваясь. — Хочу отправить его ближайшей почтой.

В течение следующей минуты ее перо деловито поскрипывало, затем она повернулась и откинулась с видом «я к твоим услугам». Бернис опять пришлось заговорить первой.

— Ты хочешь, чтобы я уехала домой?

— Ну что же, — ответила задумчиво Марджори, — думаю, если тебя здесь ничто не радует, лучше уехать. Страдать смысла нет.

— Не кажется ли тебе, что простая доброжелательность...

— Ах, пожалуйста, только не надо цитировать «Маленьких женщин»¹! — с нетерпением прервала ее Марджори. — Они уже вышли из моды.

— Ты считаешь?

— О, конечно! Неужели современная девушка станет жить, как эти глупышки?

— Они были примерами для наших матерей!

Марджори расхохоталась.

— Были, но именно были! Кроме того, хотя наши мамы и были по-своему хороши, они мало что смыслят в проблемах своих дочерей.

Бернис оторопела.

— Будь добра не говорить о моей маме в таком тоне!

Марджори рассмеялась.

— Кажется, я ее не упоминала.

Бернис почувствовала, что ее уводят от намеченной темы.

— Ты считаешь, что обращалась со мной хорошо?

— Сделала все, что могла! С тобой непросто.

Веки у Бернис покраснели.

— А я думаю, что ты жестокая и эгоистичная, и в тебе нет истинной женственности!

— Ох, Боже мой! — воскликнула в сердцах Марджори. — Да ты просто маленькая дурочка! Такие девицы, как ты, виноваты во всех утомительных бесцветных браках; потрясающую неумелость во всем вы выдаете за женственность! Какой, должно быть, удар испытывает мужчина с воображением, когда женится на разодетой куколке, из которой он накрутил себе идеальный образ, и обнаруживает, что она всего лишь куча слабого, трусливого и плаксивого жеманства!

У Бернис раскрылся рот от удивления.

— Женственная женщина! — продолжила Марджори. — Все ее юные годы заняты лишь занудным осуждением девушек вроде меня — тех, что действительно весело проводят время!

Марджори говорила все громче, а челюсть Бернис отвисала все ниже.

— Нытье дурнушки еще хоть как-то можно оправдать. Если бы я была жутко уродливой, я бы никогда не простила своих родителей за то, что они привели меня в этот мир. Однако ты начинаешь жить без каких-либо препятствий, — тут Марджори стукнула кулачком. — И если ты ожидаешь, что я буду рыдать вместе с тобой, ты ошибаешься. Уезжать или оставаться — дело твое!

Затем она собрала свои письма и вышла из комнаты.

Заявив, что у нее болит голова, Бернис не спустилась к обеду. После они должны были ехать на представление, но головная боль не унималась, и Марджори пришлось объяснять это ее кавалеру, не слишком, впрочем,

¹ «Маленькие женщины» — роман Луизы Мэй Олкотт, писательницы XIX в.

огорчившемуся. Возвратившись поздно вечером, она обнаружила, что Бернис со странным выражением на лице ожидает ее в спальне.

— Я решила, — без предисловий начала Бернис, — может ты и права по поводу всякого разного, а может, и нет. Однако если ты расскажешь мне, почему твои друзья... мной не интересуются, я посмотрю, смогу ли сделать все, что ты мне посоветуешь.

Марджори стояла перед зеркалом, распуская волосы.

— Ты это серьезно?

— Да.

— Без пререканий? Будешь делать в точности, что я скажу?

— Ну, я...

— Давай без «ну»! Будешь делать в точности, что я скажу?

— Если это будут разумные советы.

— Не будут! Благоразумие не для твоего случая!

— Так ты собираешься... посоветовать мне...

— Да все что угодно! Если скажу тебе брать уроки бокса, ты будешь это делать. Напиши домой и скажи своей матери, что ты собираешься остаться еще на две недели.

— Если бы ты сказала мне, что я должна....

— Ладно. Я укажу тебе только на несколько вещей. Первое: ты совершенно лишена принужденности. Почему? Потому, что ты всегда сомневаешься по поводу своей внешности. Когда девушка чувствует, что прекрасно выглядит и отлично одета, об этой составляющей своего облика она может совершенно позабыть. Это и называется «шарм». Чем о большей части своего облика ты можешь позволить себе не думать, тем больше у тебя шарма.

— Разве я плохо выгляжу?

— Да. К примеру, ты совершенно не ухаживаешь за бровями. Они черные и блестящие, но если оставить их как есть, они тебя будут портить. Однако если бы ты заботилась о них одну десятую того времени, которое ты тратишь на ничегонеделанье, они стали бы великолепными. Ты станешь их причесывать, чтобы они лежали ровно.

Бернис подняла брови, о которых шла речь.

— Хочешь сказать, что мужчины обращают внимание на брови?

— Да. Подсознательно. И когда вернешься домой, тебе надо будет немного выровнять зубы. Это почти незаметно, но...

— Однако я думала, — перебила ее изумленная Бернис, — что ты презираешь такие мелкие женские уловки?

— Я ненавижу лишь мелкие умишки! — ответила Марджори. — А во внешности девушки мелочей не бывает! Если же она выглядит на миллион долларов, то может преспокойно болтать о большевиках, о пинг-понге, о «Лиге наций» — ей все сойдет с рук.

— Что еще?

— О, я только начала! Теперь о том, как ты танцуешь.

— Разве я плохо танцую?

— Именно — ты виснешь на мужчине; совсем немного, но виснешь. Я заметила это, когда мы вчера танцевали вместе. И еще ты танцуешь стоймя,

вместо того, чтобы немного наклониться. Вероятно, какая-нибудь вечно сидящая у стенки старушенция однажды сказала, что это добавляет тебе благородства. Однако кавалеру так танцевать очень тяжело, — конечно, если его партнерша не коротышка — а именно с ним и нужно считаться.

— Продолжай.

У Бернис голова шла кругом.

— Ну... Ты должна научиться быть любезной с «серыми мышками». Ты же выглядишь буквально оскорбленной, когда на тебя бросают взгляды все, кроме самых крутых парней. Бернис, скажи, почему меня на танцах то и дело перехватывают? И кто это делает чаще всего? Конечно, эти самые «серые мышки»! Ни одна девушка не может позволить себе ими пренебрегать. Они составляют большую часть любой компании. С застенчивыми молчаливыми юнцами можно прекрасно потренироваться вести беседу. С неуклюжими парнями легко попрактиковаться в танцах. Если ты позволишь им с тобой танцевать и при этом будешь выглядеть грациозно, то сможешь танцевать даже с юным танком, перепархивая через валы колючей проволоки!

Бернис тяжело вздохнула, но Марджори еще не закончила.

— Если ты пойдешь на танцульки и сможешь, к примеру, развлечь троих танцевавших с тобой «серых мышек», и если ты начнешь болтать с ними и заставишь позабыть, что вас никто не разбивает, значит ты уже кое-чего добилась. Они вернутся к тебе снова, и постепенно с тобой начнут танцевать все «серые мышки»; тогда привлекательные парни поймут, что им не грозит зависнуть с тобой надолго, и они начнут тебя приглашать.

— Да, — тихо протянула Бернис. — Думаю, я начинаю понимать.

— В конце концов, — заключила Марджори, — умение держать себя и шарм придут к тебе сами собой! В одно прекрасное утро ты проснешься и поймешь, что они у тебя уже есть, и мужчины тоже поймут это.

Бернис поднялась.

— Это было очень любезно с твоей стороны. Однако никто со мной раньше так не говорил, так что я слегка сбита с толку.

В ответ Марджори ничего не сказала, задумчиво разглядывая свое отражение в зеркале.

— Очень мило, что ты решила мне помочь! — продолжила Бернис.

Марджори по-прежнему не ответила, и Бернис подумала, что, наверное, немного перегнула с благодарностью.

— Я знаю, ты не любишь сантиментов... — робко сказала она.

Марджори стремительно к ней повернулась.

— Я думала не об этом! Прикидывала, не сделать ли нам тебе короткую стрижку?

Бернис прямо так и рухнула на кровать¹.

¹ Провокационная вначале мода на короткие женские стрижки начала распространяться после Первой мировой войны, во время которой так были вынуждены стричься сестры милосердия.

IV

В следующую среду вечером в загородном клубе намечался ужин с танцами. Когда приглашенные ввалились внутрь, Бернис нашла на столе свою карточку, испытав при этом легкую досаду. Хотя справа от нее сидел Рис Стоддард, самый желанный и завидный молодой холостяк, левый край держался на одном Чарли Полсоне. Чарли не вышел ростом, ему не доставало красоты и проницательности, однако в свете новоприобретенного знания Бернис решила, что его единственным преимуществом как партнера было то, что он никогда не зависал с ней во время танцев. Досада Бернис исчезла вместе с унесенными суповыми тарелками, и в голове у нее всплыли инструкции Марджори. Обуздав гордыню, она повернулась к Чарли Полсону и начала с места в карьер.

— Как по-вашему, мистер Чарли Полсон, стоит ли мне подстричься покороче?

Чарли удивленно на нее взглянул.

— Зачем?

— Просто раздумываю об этом. Это довольно простой и верный способ обратить на себя внимание.

Чарли вежливо улыбнулся. Он и не догадывался, что все было заранее отренетировано. Он ответил, что почти ничего не смыслит в коротких стрижках. Бернис тут же принялась ему растолковывать.

— Видите ли, я хочу стать светской львицей, — невозмутимо заявила она и продолжила, пояснив ему, что короткая стрижка — наипервейшая вещь в этом деле. Она добавила также, что хотела спросить именно его, поскольку слышала — он понимает толк в девушках.

Чарли, знавший о женской психологии столько же, сколько о духовных полетах поклонников буддизма, был приятно польщен.

— Поэтому я решила, — продолжила она чуть более громко, — что в начале следующей недели отправлюсь в парикмахерскую отеля «Севье»¹, сяду в первое кресло и коротко постригусь. — Она запнулась, заметив, что ее соседи прервали свои разговоры и стали прислушиваться, однако после секундного замешательства сказали уроки Марджори, и она закончила фразу уже для всех присутствующих. — Конечно, вход будет платным, но если вы придете меня поддержать, я вам выдам контрамарки на места в зале!

Раздался одобрительный смех, и под этот шумок Рис Стоддард быстро наклонился к ней и шепнул на ухо: — Беру ложу прямо сейчас!

Она поймала его взгляд и улыбнулась так, словно он сказал нечто безумно остроумное.

¹ *Отель «Севье»* (англ. John Sevier Hotel), названный в честь первого губернатора штата Теннесси Джона Севье, именовали «отелем на миллион долларов», в нем часто останавливались знаменитые артисты и политики.

— Так вы за короткие стрижки? — все так же вполголоса спросил Рис.

— Считаю их безнравственными, — серьезно заявила Бернис. — Однако, само собой, людей надо либо развлекать, либо кормить, либо шокировать. — Марджори выудила это из Оскара Уайльда. Фраза вызвала раскат смеха у мужчин и серию быстрых пристальных взглядов девушек. Затем Бернис, словно и не сказав ничего остроумного или примечательного, снова повернулась к Чарли и доверительно сказала ему на ухо:

— Мне хотелось бы узнать ваше мнение о некоторых личностях. Думаю, вы отлично разбираетесь в людях!

Чарли ответил ей скромным комплиментом и от волнения опрокинул бокал с водой.

Два часа спустя пристроившийся у стеночки в окружении холостяков Уоррен Макинтайр равнодушно скользил взглядом по танцующим и размышлял, куда и с кем исчезла Марджори. При этом он вдруг стал одновременно замечать, что ее кузину Бернис за последние пять минут несколько раз перехватили в танце. Он зажмурился, затем снова вытаращил глаза и снова на нее посмотрел. Несколько минут назад она танцевала с каким-то пришлым парнем, что было легко объяснимо — пришлый парнишка еще ни в чем не разбирался. Однако теперь она уже танцевала с кем-то другим, и к ней с восторженной решимостью во взоре двигался Чарли Полсон. Забавно... Чарли редко приглашал более трех девушек за вечер!

Однако по-настоящему Уоррен удивился, когда после смены партнеров в одиночестве остался не кто иной, как сам Рис Стоддарт! И Рис был явно не рад, что его партнершу перехватили. Когда в следующий раз танцующая Бернис оказалась рядом, Уоррен внимательно к ней присмотрелся. Ну да, она была хорошенькой, определенно хорошенькой; а в этот вечер ее лицо казалось поистине радостным. У нее был такой счастливый вид, который не смогла бы подделать ни одна женщина, какой бы опытной актрисой она ни была. Ему понравилось, как были уложены ее волосы, и он подумал — не от бриллиантина¹ ли они так блестят? Ей шло темно-красное платье; оно подчеркивало ее подведенные глаза и яркий румянец. Уоррен вспомнил, что счел ее хорошенькой, когда она только появилась в городе; тогда он еще не знал, что она зануда. Очень жаль, что зануда, — занудные девушки невыносимы — хотя она была определенно хороша.

Его мысли внезапно вернулись к Марджори. Она исчезла, как исчезала и раньше. Когда она вновь появится, он спросит, где она пропадала, а в ответ услышит категорическое заявление, что это совершенно его не касается. Какая жалость, что она так уверена в его постоянстве! Ей явно льстила уверенность, что ни одна другая девушка во всем городе его не интересует; она совершенно не могла себе представить, что он влюбится в Женевьеву или в Роберту.

Уоррен вздохнул. Путь к расположению Марджори был настоящим лабиринтом. Он огляделся. Бернис вновь танцевала с пришлым парнем. По

¹ Термин «бриллиантин» был придуман в 1900 г. парфюмером Эдуаром Пино для косметического средства, которое придавало волосам блеск и «мокрый оттенок».

найтию он отделился от стоявших у стенки молодых людей и тут засомневался. Уверяя себя, что делает это из благих побуждений, он направился к ней и неожиданно столкнулся с Рисом Стоддардом.

— Прощу прощения! — сказал Уоррен.

Однако Рис не остановился, чтобы извиниться. Он снова перехватил Бернис.

* * *

Уже около часа по полуночи, Марджори, протянув руку к выключателю в холле, обернулась, чтобы еще раз перехватить сияющий взгляд Бернис.

— Ну, и как? Сработало?

— Ох, Марджори, да! — воскликнула Бернис.

— Я вижу, что ты славно провела время.

— Это верно! Единственная проблема — к полуночи у меня закончились все темы для разговора. Пришлось повторяться — разумеется, в разговорах с другими кавалерами. Надеюсь, они не станут обмениваться мнениями.

— Парни так не поступают, — ответила Марджори, зевая, — а если бы и стали, — не проблема, они просто подумали бы, что ты та еще хитрюга.

Она выключила свет, и, пока они поднимались по лестнице, Бернис в изнеможении хваталась за перила. Впервые в жизни танцы ее измотали!

— Видишь ли, — сказала Марджори с верхней площадки лестницы, — когда парень видит, как другой перехватывает партнершу, он сразу начинает думать, что в ней есть нечто особенное. Ну да ладно; завтра придумаем еще какие-нибудь трюки. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Распуская волосы, Бернис перебрала все события прошедшего вечера. Она в точности следовала всем рекомендациям. Даже когда Чарли Полсон перехватил ее в восьмой раз, она изобразила неподдельный восторг, сказав, что одновременно заинтригована и польщена. Она не говорила о погоде, об О-Клэр, об автомобилях или о ее колледже, а лишь ограничивалась словами «я», «ты» и «мы».

Однако за несколько минут перед тем как заснуть в ее голове сонно закрутилась мятежная мысль, что в конце концов все это она проделала самостоятельно! Конечно, Марджори подсказала ей направление разговоров, но ведь и Марджори черпала многое из прочитанного. Ведь именно Бернис купила это красное платье, хотя не слишком его ценила до тех пор, пока Марджори не выудила его из чемодана; и это ее собственный голос произносил слова, именно ее губы улыбались, а ножки выпясывали. Марджори славная... хотя и тщеславная девушка... славный вечер... славные парни... Уоррен тоже славный... Уоррен... Уоррен... как его там, этого Уоррена...

Тут она заснула.

V

Следующая неделя стала для Бернис откровением. Почувствовав, что люди получают истинное удовольствие, глядя на нее и слушая ее, она обрела уверенность в себе. Конечно, поначалу было много ошибок. Например, она не подозревала, что Дрейкотт Дейо готовится стать лицом духовным; как она могла знать, что он перехватил ее в танце лишь потому, что считал ее тихой, сдержанной девушкой. Если бы она была в курсе, то не поприветствовала бы его словами «Привет, контуженный на любовном фронте»¹ и не начала бы рассказывать историю про ванну: «Летом на прическу мне приходится тратить кучу сил — ведь волосы у меня густые, поэтому я сперва причесываюсь, пудрюсь и надеваю шляпку, а уж потом принимаю ванну и одеваюсь. Не правда ли, неплохо придумано?»

Хотя в то время Дрейкотт Дейо мучительно размышлял над сложностями вопроса крещения путем погружения в воду и, возможно, мог бы ухватить тут какую-то связь с ванной, следует признать, что он ее не уловил. Обсуждение женских омовений он считал делом безнравственным, а посему поделился с ней некоторыми своими соображениями о порочности современного общества.

Однако в качестве компенсации за этот досадный случай Бернис смогла записать на свой счет несколько выдающихся успехов. Малыш Отис Ормонд отбился от поездки на Восток и решил вместо этого бегать за ней со щенячьей преданностью, к удовольствию всей компании и к раздражению Риса Стоддарда, несколько визитов которого он испоганил своими нежными взорами, которые устремлял на Бернис. Он даже рассказал ей историю об «этой штуковине» — деревяшке рядом с дамской комнатой, чтобы показать, как сильно они и все прочие заблуждались вначале на ее счет. Бернис посмеялась над этим, но сердце ее при этом слегка екало.

Из всех ее историй, пожалуй, самой известной и обсуждаемой стало намерение Бернис коротко постричься.

— Ах, Бернис, когда ты уже собираешься подрезать свои волосы?

— Может, послезавтра, — отвечала она, смеясь. — Придете посмотреть? Вы ведь знаете — я на вас рассчитываю!

— Придем ли мы? Еще бы! Но ты лучше не тяни.

Бернис, у которой само намерение сделать постриг вызывало откровенное отвращение, только смеялась в ответ.

— Уже скоро! Вы удивитесь.

Однако самым значимым символом ее успеха стал ежедневно парковавшийся напротив дома Харви серый автомобиль самого придирчивого критика — Уоррена Макинтайра. Поначалу горничная явно изумлялась, когда он спрашивал о Бернис вместо Марджори; но через неделю она заявила кухарке, что, похоже, мисс Бернис заарканила лучшего дружка мисс Марджори.

¹ В оригинале — shell shock; так на армейском сленге называли контуженных в боях.

А мисс Бернис действительно его заполучила! Возможно, все началось с желания Уоррена возбудить у Марджори ревность; возможно, в разговорах Бернис он слышал знакомые, хотя и с трудом уловимые отзвуки речей Марджори; быть может, дело было и в том и в другом, а может, он искренне увлекся. Как бы то ни было, в сознании молодежи в течение недели утвердилась мысль, что самый надежный поклонник Марджори вдруг решительно развернулся и безоговорочно приударил за ее гостей. Самым главным вопросом было — как это воспримет Марджори. Уоррен названивал дважды в день Бернис по телефону, отправляя ей записки, их часто видели вместе в его родстере¹, где они обычно были поглощены напряженной и многозначительной беседой о том, насколько серьезно он относится к Бернис.

В ответ на подкалывания Марджори лишь смеялась. Она говорила, что просто счастлива — наконец-то Уоррен нашел кого-то, кто в состоянии его оценить. Посему молодяк тоже смеялся, полагая, что Марджори до всего этого никакого дела нет, — на том все и кончилось.

Однажды после полудня, когда до отъезда Бернис оставалось всего три дня, она ждала Уоррена в холле — они договорились пойти поиграть в бридж. Бернис находилась в самом радужном расположении духа, и тут рядом с ней появилась направлявшаяся туда же Марджори и стала небрежно поправлять перед зеркалом свою шляпку. Бернис оказалась совершенно не готовой к такому столкновению, а Марджори разделалась с ней совершенно хладнокровно и быстро всего тремя фразами.

— Можешь сразу выкинуть Уоррена из головы, — холодно заявила она.

— Что? — Бернис была до крайности изумлена.

— Можешь не выставлять себя душой из-за Уоррена Макинтайра. Плевать он на тебя хотел с высокой колокольни!

В течение нескольких мгновений они напряженно смотрели друг на друга: Марджори — пренебрежительно и отчужденно, а Бернис — растерянно; она была слегка сердита и испугана. Затем к дому подъехали две машины, и раздались громкие гудки. Обе тихонько охнули, повернулись и бок о бок поспешили выйти из дома.

Все время за игрой в бридж Бернис тщетно пыталась справиться с нарастающим беспокойством. Она оскорбила Марджори — этого загадочного сфинкса! С самыми благородными и невинными намерениями она покусилась на собственность Марджори! Она вдруг почувствовала себя ужасно виноватой. Буря разразилась после окончания игры, когда все расселись кружком и потекла непри-
нужденная беседа. Ее невольным зачинщиком стал малыш Отис Ормонд.

— Когда ты возвращаешься в свой детский сад, Отис? — пошутил кто-то.

— Я? В тот же день, когда Бернис обрежет волосы!

— Тогда твое образование закончено, — быстро сказала Марджори. — Ведь это всего лишь блеф. Я думала, ты это давно понял!

— Правда? — спросил Отис, укоризненно глянув на Бернис.

Пока Бернис пыталась придумать достойный ответ, у нее запылали уши. После такой откровенной атаки ее воображение было парализовано.

¹ *Родстер* — двухместный автомобиль со съёмной крышей.

— На свете много всякого вранья, — весело продолжила Марджори. — Несмотря на твои молодые годы, думаю, ты уже должен об этом знать, Отис.

— Что же, — ответил Отис. — Может и так. Однако, черт! Зачем Бернис с ее остроумием...

— Да неужели? — зевнула в ответ Марджори. — И какова последняя острота?

Оказалось, что никто ничего не припомнил. Ведь Бернис, завертев с кавалером своей музыки, в последнее время не сказала ничего запоминающегося.

— Так это была пустая болтовня? — с любопытством поинтересовалась Роберта.

Бернис была сбита с толку. Она чувствовала, что все ждут от нее какого-то остроумного ответа, однако внезапно похолодевший взгляд кузины совершенно ее парализовал.

— Как сказать... — промямлила она.

— Блеф! — сказала Марджори. — Признавайся!

Бернис заметила, что Уоррен, оторвав свой взгляд от гавайской гитары, которую он до этого терзал, вопросительно на нее уставился.

— Не уверена! — упрямо повторила Бернис; щеки ее пылали.

— Вранье! — снова бросила Марджори.

— Давай, Бернис! — подзуживал Отис. — Скажи, чтобы она от тебя отстала!

Бернис снова оглядела присутствующих, ей казалось, что Уоррен не сводит с нее глаз.

— Мне нравятся короткие стрижки, — торопливо ответила она, словно бы кто-то ее об этом спрашивал, — и я намереваюсь постричься именно так.

— Когда? — спросила Марджори.

— Да в любое время!

— Почему бы и не теперь? — предложила Роберта.

Отис взвился с места.

— Здорово! — воскликнул он. — Устроим постригальную вечеринку! Парикмахерская в отеле «Севье», да? О ней ведь ты, кажется, говорила?

В одно мгновение все были уже на ногах. Сердце Бернис бешено колотилось.

— Как? — задохнулась она.

Из толпы раздался звонкий и пренебрежительный голос Марджори.

— Не беспокойтесь, она еще сдаст назад!

— Пошли, Бернис! — воскликнул Отис, направляясь к дверям.

Две пары глаз, Уоррена и Марджори, глядели на нее, бросая ей вызов и заставляя сомневаться в себе. Секунду она страшно колебалась.

— Ладно, — наконец быстро сказала Бернис. — Почему бы и нет?

В течение тех нескольких минут, которые казались вечностью, пока Бернис катила по вечерней дороге в центр рядом с Уорреном, а остальные следовали за ними в машине Роберты, она испытывала чувства Марии Антуанетты¹, которую везли в телеге на гильотину. Ей было не слишком понятно, почему

¹ Королева Франции и Наварры *Мария Антуанетта* после начала Французской революции была осуждена Конвентом и казнена на гильотине.

она не кричит в голос, что все это ошибка. Она с трудом удерживалась от того, чтобы обеими руками не схватиться за свои волосы, защищая их от внезапно ставшего враждебным мира. Однако она не делала ни того, ни другого. И даже мысль о своей матери больше ее не страшила. Настало время доказать свои бойцовские качества, право беспрепятственно курсировать по звездному небосклону блистательных девушек.

Уоррен уныло молчал. Когда они подкатили к отелю, он остановился у тротуара и кивнул Бернис, чтобы та выходила первой. Из машины Роберты смеющаяся публика повалила прямо в парикмахерскую, дерзко демонстрировавшую всей улице свои две зеркальные витрины.

Бернис встала на краю тротуара и посмотрела на вывеску «Парикмахерская». Это была и впрямь гильотина, а палачом выступал старший парикмахер в белом халате, он покуривал сигаретку, небрежно прислонившись к первому креслу. Должно быть, он уже слышал о Бернис и поджидал ее всю неделю, покуривая свою вечную сигаретку рядом с этим зловещим и слишком часто уминаемым первым креслом. Ей завяжут глаза? Нет, но вокруг шеи ей обмотают белую тряпку, чтобы кровь — нет, вздор! конечно, волосы! — не падали на одежду.

— Ну же, Бернис! — поторопил ее Уоррен.

Гордо вздернув подбородок, она пересекла тротуар, толкнула входную сетчатую дверь и, даже не взглянув на рассевшихся и шумно веселящихся зрителей, подошла прямо к старшему парикмахеру.

— Я хочу, чтобы вы меня коротко постригли!

У старшего парикмахера слегка отвисла челюсть, его сигарета упала на пол.

— Что?

— Мои волосы — обкорняйте их!

Без дальнейших предисловий Бернис уселась на высокое кресло. Мужчина на соседнем кресле рядом с ней повернул голову и бросил на нее удивленный взгляд. Один из парикмахеров дернулся, испортив ежемесячную стрижку малыша Уилли Шунеманна. Мистер О'Рейли на дальнем кресле заворчал и смачно выругался на старошотландском, когда его щеку оцарапала бритва. Два чистильщика обуви вытаращили глаза и устремились к ее ногам... Нет, Бернис не желала наводить блеск на своей обуви.

Снаружи какой-то прохожий затормозил и начал таращиться через витрину; к нему присоединилась еще парочка зевак; с полдюжины любопытных мальчишеских носов прижались к витрине. Через сетчатую дверь летний бриз доносил до нее обрывки разговоров.

— Смотри-ка, ну и волосищи у парня!

— С чего ты взял? Это бородатая дама, которую он только что обрил!

Однако Бернис ничего не видела и не слышала. Единственные оставшиеся у нее ощущения подсказывали ей, что человек в белом халате вытащил у нее сначала один черепашковый гребень, потом другой; его пальцы неуклюже возятся с незнакомыми шпильками; и эти волосы, ее чудесные волосы, они сейчас исчезнут, и она уже больше никогда не почувствует их роскошную

*У старшего парикмахера слегка отвисла челюсть,
его сигарета упала на пол.*

— Что?

— Мои волосы — обкорняйте их!

сладостную тяжесть — как они струятся темно-каштановым потоком по ее спине. На мгновение она была близка к тому, чтобы дрогнуть, но затем перед ее взором возникла Марджори, ее губы кривились в легкой иронической усмешке, которая как бы говорила: «Сдавайся и слезай! Ты попыталась тягаться со мной, а я назвала тебя обманщицей. Сама видишь — у тебя нет ни шанса!»

И тут Бернис собрала остатки своих сил, она сжала руки в кулаки под белым покрывалом, а глаза ее странно сузились; Марджори потом об этом взгляде кому-то рассказывала.

Через двадцать минут парикмахер развернул ее, чтобы она могла взглянуть на себя в зеркало, и Бернис вздрогнула от нанесенного ей ущерба. Волосы у нее были не вьющиеся, и теперь они двумя прямыми безжизненными блоками обрамляли с двух сторон ее внезапно побледневшее лицо. Прическа была страшна, как смертный грех, и она знала, что она сама будет уродливой, как смертный грех. Главным очарованием ее лица была его невинность, делавшая ее похожей на Мадонну. Теперь же это сходство исчезло, и она стала... как это

сказать... ужасно заурядной... не чрезмерно, конечно, а лишь нелепой, словно жительница Гринвич-Виллиджа¹, позабывшая дома очки.

Слезая с кресла, она постаралась улыбнуться, но эта попытка с треском провалилась. Она увидела, как две девушки переглянулись; заметила, как губы Марджори изогнулись в легкой усмешке, а во взгляде Уоррена засквозил холодок.

— Вот видите, — ее слова прервали неловкую паузу, — я это сделала!

— Да... ты это сделала, — признал Уоррен.

— Нравится?

Раздались два или три нерешительных возгласа: «Конечно!», а затем, после еще одной неловкой паузы, Марджори быстро повернулась к Уоррену и бросила на него змеиный гипнотический взгляд.

— Ты не мог бы подбросить меня до химички? — спросила она. — Мне просто очень нужно забрать платье до ужина. Роберта сразу поедет домой и сможет подвезти остальных.

Уоррен рассеянно что-то разглядывал за окном. Затем его холодный взгляд мимолетно скользнул по Бернис, а потом обратился на Марджори.

— Буду рад помочь, — медленно промолвил он.

VI

Бернис не осознала в полной мере, какую жестокую ловушку ей приготовили, пока перед ужином не поймала изумленный взгляд своей тети.

— Бернис, Боже!

— Я обрезала волосы, тетя Жозефина.

— Боже мой, детка!

— Вам нравится?

— О Боже, Бернис!

— Похоже, я вас шокировала.

— Нет, но что завтра вечером скажет миссис Дейо? Бернис, ты должна была подождать, пока не пройдут эти танцы у Дейо, и если ты и хотела постричься, то стоило бы повременить.

— Это вышло так неожиданно, тетя Жозефина. В любом случае, какое дело до этого миссис Дейо?

— Бог мой, детка! — воскликнула миссис Харви. — Да ведь в своей статье «Недостатки современной молодежи», которую она зачитала на последнем собрании «Клуба по четвергам», она посвятила пятнадцать минут коротким стрижкам. Она их ненавидит всей душой. А ведь эти танцы в честь тебя и Марджори!

— Мне очень жаль.

— Ох, Бернис, что теперь скажет твоя мать? Она решит, что это я тебе позволила!

¹ Гринвич-Виллидж — квартал на западе Нижнего Манхэттена, в начале XX в. там любили селиться художники и поэты.

— Мне жаль.

Обед был мучением. Она предприняла поспешную попытку поправить дело с помощью щипцов, но лишь обожгла себе палец и спалила много волос. Она видела, что ее тетя была одновременно встревожена и опечалена, а дядя раздосадованным и даже слегка оскорбленным тоном все время повторял: «Черт меня побери!». Марджори сидела тихо, прикрываясь улыбками, отчасти растерянными, отчасти неловкими.

Каким-то образом ей удалось продержаться до вечера. Заглянули трое парней; с одним из них Марджори испарилась, а Бернис предприняла вялую и безуспешную попытку развлечь двух других. Поднимаясь в половине одиннадцатого по лестнице в свою комнату, она облегченно вздохнула. Ну и денек!

Когда она уже раздевалась на ночь, дверь открылась и в комнату вошла Марджори.

— Бернис, — сказала она, — мне ужасно жаль, что так вышло с этими танцами у Дейо. Даю тебе честное слово — я совершенно о них позабыла!

— Да ничего, — буркнула Бернис. Стоя перед зеркалом, она медленно водила расческой по своим коротко остриженным волосам.

— Прихвачу тебя завтра в центр, — продолжила Марджори, — и мастер приведет их в порядок; будешь симпатягой! Не могла себе представить, что ты пойдешь на это. Мне действительно очень жаль!

— Да ничего!

— К тому же завтра ты здесь ночуешь в последний раз, поэтому, думаю, все это не так уж и важно.

Затем Бернис вздрогнула, ведь Марджори откинула свои собственные волосы, свисавшие за ее плечами, и начала медленно заплетать их в длинные светлые косы. В своем кремовом пеньюаре, с двумя длинными косами она напоминала какую-то изящно нарисованную на холсте саксонскую принцессу. Бернис зачарованно смотрела, как эти косы становятся все длиннее. Они были тяжелыми, роскошными и извивались под проворными пальцами Марджори, как растревоженные змеи, а Бернис достались лишь какие-то жалкие остатки волос, щипцы для завивки и море пристальных взоров на завтрашнем вечере. Она могла вообразить, как Рис Стоддард, которому она нравилась, скажет соседке за столом в своем гарвардском тоне, что, мол, Бернис не следовало позволять так много бегать по киношкам. Она представляла, как Дрейкотт Дейо обменяется взглядами со своей матерью, а после будет вести себя подчеркнуто снисходительно. Хотя вполне возможно, что к завтрашнему дню миссис Дейо уже услышит все новости и пришлет ей написанную в ледяном тоне записку с просьбой не утруждать себя появлением; а все за ее спиной станут посмеиваться, узнав, как Марджори выставила ее полной дурой и как ее шанс приукрасить себя был принесен в жертву ревливой прихоти эгоистки. Она рухнула перед зеркалом на стул, прикусив губу.

— А мне нравится, — через силу произнесла она. — Думаю, мне пойдет! Марджори улыбнулась.

— Да все в порядке. Ради Бога, не бери в голову!

— Да я и не беру.

— Спокойной ночи, Бернис.

Однако как только дверь закрылась, у Бернис внутри словно что-то щелкнуло. Сцепив руки, она решительно вскочила, потом быстро и бесшумно пересекла комнату, подошла к кровати и вытащила из-под нее свой ридикюль. В него она затолкала туалетные и постельные принадлежности. Затем повернулась к своему чемодану и быстро сложила в него нижнее белье и летние платья, которые вытащила из двух ящиков комода. Она двигалась тихо, но очень расторопно, и через три четверти часа ее чемодан был заперт, перетянут ремнями, а она сама была полностью готова; на ней был так идущий ей новый дорожный костюм, который помогла ей выбрать Марджори.

Присев за письменный стол, она настроила миссис Харви короткую записку, в которой кратко изложила причины своего отъезда. Она засунула ее в конверт, заклеила и надела его, оставив на подушке. Бернис взглянула на часы. Поезд уходил в час ночи, и она знала, что если пройдет два квартала до отеля «Марборо», то легко сможет поймать там таксомотор.

Вдруг у нее перехватило дыхание, а в глазах промелькнуло выражение, которое знаток характеров мог бы попытаться связать с тем решительным взглядом, который возник у нее в кресле парикмахера; в некотором смысле это было развитие того состояния. Таких взглядов Бернис еще не метала, и они грозили серьезными последствиями.

Она тихонько подошла к комоду, взяла лежавшую на нем вещь и, выключив свет, немного постояла, ожидая, пока ее глаза не привыкнут к темноте. Затем она тихонько толкнула дверь, ведущую в комнату Марджори. До нее донеслось тихое и ровное дыхание спящего человека с ничем не омраченной совестью.

И вот сосредоточенная и спокойная Бернис уже стоит рядом с кроватью. Действовала она стремительно. Наклонившись, она нашла одну из кос Марджори, провела по ней рукой до головы, а затем, дав немного провиснуть, чтобы спящая не почувствовала натяжения, протянула ножницы и резанула. Держа отрезанную косу в руке, она затаила дыхание. Марджори что-то пробормотала во сне. Бернис ловко ампутировала вторую косу, замерла на мгновение, а затем быстро и бесшумно упорхнула обратно в свою комнату.

Спустившись вниз, она открыла большую парадную дверь, потом осторожно закрыла ее за собой и, чувствуя себя до странного радостно и счастливо, сошла с порога прямо под лунный свет, размахивая тяжелым чемоданом, словно сумкой. После минуты быстрой ходьбы она вдруг поняла, что все еще держит в левой руке две светлые косы. Она неожиданно рассмеялась, и ей пришлось сжать губы, чтобы не расхохотаться в голос. В это время она как раз проходила мимо дома Уоррена. Повинуясь внезапному порыву, она опустила на землю свой багаж и, взмахнув косами, как веревками, зашвырнула их на деревянное крыльцо, на которое они с глухим стуком приземлились. Тут она рассмеялась в голос, уже не сдерживая себя.

— Ха! — дико гикнула она. — С эгоистки сняли скальп!

А затем, подхватив чемодан, она почти бегом припустила по залитой лунным светом улице.

ЧЕТЫРЕ ЗАТРЕЩИНЫ

I

В настоящее время ни у кого из моих знакомых нет ни малейшего желания врезать Сэмюэлю Мередиту; возможно, дело тут в том, что человек после пятидесяти может серьезно пострадать от удара противника, однако я, со своей стороны, склонен думать, что все его бойцовские качества напрочь исчезли. Однако несомненно, что в разные периоды его жизни эти бойцовские качества проявлялись на его физиономии столь же отчетливо, как вечная тяга к поцелуям на девичьих губах.

Уверен, что каждый встречал подобного типа, был с ним знаком или даже завел с ним дружбу, однако при этом чувствовал, что человек этот вызывает крайнюю неприязнь; у одних она заставляет кулаки непроизвольно сжиматься, другие ворчат, что ему надо «наподдать как следует» или «засветить в глаз». В сравнении с другими чертами Сэмюэля Мередита эта его особенность была настолько выражена, что повлияла на всю его жизнь.

Что же это было? Безусловно, дело не во внешности, потому что смолоду Сэмюэль был приятным на вид мужчиной: широкоплечим, с дружелюбным и открытым взором серых глаз. Тем не менее я слышал, как он выступал перед залом, набитым репортерами, выуживающими «истории успеха», и говорил, что ему стыдно рассказать им правду и что они все равно не поверят, потому что история была не одна, а целых четыре, и что публика не захочет читать о человеке, которого привели к процветанию зуботычинами.

Все началось еще в Эндовере, в академии Филлипса¹, когда ему было четырнадцать. Он был вскормлен на икорной диете и видел суетящихся коридорных половины столиц Европы, но по счастливой случайности у его матушки случилось нервное истощение, и она была вынуждена поручить его воспитание менее ласковым и предвзятым рукам.

В Эндовере ему подсунули соседа по комнате; звали его Джили Худ. Джили было тринадцать, он был малорослик и школьный любимец. С того

¹ Элитная частная школа в городе Эндовер штата Массачусетс.

самого сентябрьского дня, когда слуга мистера Мередита сложил одежду Сэмюэля в лучший шкафчик и спросил, уходя: «Что-нибудь ишшо, мастер Сэмюэль?», Джилли стонал, что преподы его надули. Он чувствовал себя раздраженной лягушкой, в аквариум к которой посадили золотую рыбку.

— Боже правый! — жаловался он своим сочувствующим одноклассникам, — Да он заносчивый! Спрашивает такой: «Надеюсь, в компании тут все джентльмены?», а я отвечаю: «Нет, просто парнишки», а он говорит, что возраст не имеет значения, а я говорю: «А кто говорит, что имеет?» Пусть только попробует на меня наехать, тупица!

В течение трех недель Джилли молча сносил замечания юного Сэмюэля об одежде и привычках его дружков, терпел французские фразы в разговорах, переносил сотни почти девчоночьих замашек, показывающих, *что* экзальтированная мамаша может сделать с мальчиком, если будет держать его подле своих юбок, а затем в аквариуме разразилась буря.

Сэмюэля в комнате не было, и в ней собралась небольшая компашка, чтобы послушать, как Джилли клеймит последние прегрешения своего сокамерника.

— Он такой говорит, — сетовал Джилли: «Ой, не люблю, когда всю ночь открыты окна! Только если ненадолго».

— Не давай ему собой помыкать!

— Помыкать мной? Готов поспорить, он не сможет. Представьте — я распахиваю эти окна, но этот чертов дурень в свою очередь утром их закрывает.

— Наподдай ему, Джилли! Нечего тянуть!

— Я и собираюсь! — яростно кивнул Джилли. — Не бойсь! Пусть не воображает, будто я его старенький лакей.

— Поглядим, как ты ему наkostenяешься.

В этот момент в комнату собственной персоной вошел «этот чертов дурень» и одарил всю компанию одной из своих вызывающих раздражение улыбочек. Двое парней буркнули: «Приветик, Мередит», остальные холодно зыркнули на него и продолжили болтать с Джилли. Однако похоже Сэмюэля это не удовлетворило.

— Не могли бы вы не сидеть на моей кровати? — вежливо попросил он двух вольготно развалившихся лучших друзей Джилли.

— Чего?

— Это моя кровать. Английский не понимаете?

Это лишь добавило оскорбления к обидам. Последовало несколько замечаний по поводу санитарного состояния кровати, которое говорило о присутствии на ней представителей животного мира.

— Чо не так с твоей чертовой кроватью? — напористо спросил Джилли.

— С кроватью-то все в порядке, а вот...

Джилли прервал его, поднявшись и подскочив к Сэмюэлю. Он затормозил всего в нескольких дюймах и свирепо на него уставился.

— Ты и твоя чертова кровать, — начал он. — Ты и твоя...

— Давай, Джилли, — пробормотал кто-то.

*Секунду он простоял под пылающим взглядом Джилли,
а затем с каким-то сдавленным всхлипом
прорвался через окружившее его кольцо и бросился вон из комнаты.*

— Задай этому проклятому дураку.

Сэмюэль хладнокровно глянул в ответ.

— Так, — наконец сказал он, — это моя кровать...

Договорить он не смог, потому что Джилли отпрянул и мгновенно врезал ему по носу.

— Давай, Джилли!

— Покажи этому задире!

— Пусть только ответит — увидит, что будет!

Парни сгрудились вокруг них, и впервые в жизни Сэмюэль ощутил определенный дискомфорт от того, что его так яростно ненавидят. Он беспомощно оглядел горящие яростью враждебные лица. Он был на голову выше своего соседа по комнате, но если бы он ударил в ответ, его тут же обозвали бы задирой, и через пять минут ему пришлось бы драться с полудюжиной парней,

а если он не ударит, значит, он трусил. Секунду он простоял под пылающим взглядом Джилли, а затем с каким-то сдавленным всхлипом прорвался через окружившее его кольцо и бросился вон из комнаты.

Последующий месяц состоял из тридцати самых тоскливых дней в его жизни. Он ежеминутно терпел хлесткие шуточки своих однокашников, попадал на языки школьных остроловов; его привычки и манеры стали мишенью для язвительных шуток, а свойственная юности ранимость, разумеется, колола его, словно терновый шип. Он начал считать себя настоящим изгоем, и думал, что его унижительное положение в школе будет сохраняться вечно. Он вернулся домой на рождественские каникулы в таком подавленном состоянии, что отец отправил его на прием к психиатру. Возвращаясь в Эндовер, он специально задержался, чтобы ехать одному в автобусе по пути от вокзала до школы.

Конечно же, когда он научился помалкивать, все про него тут же забыли. Осознав к следующей осени, что учет интересов окружающих является вполне благоразумной позицией в жизни, он смог, воспользовавшись скоротечностью мальчишеской памяти, разумно распорядиться возможностью начать все с чистого листа. К началу последнего учебного года Сэмюэль Мередит был в своем классе одним из всеобщих любимцев, и никто так не стоял за него горой, как его лучший друг и товарищ Джилли Худ.

II

Сэмюэль относился к тому типу студентов колледжей, которые в начале девяностых раскатывали между Принстоном, Йелем и Нью-Йорком на двуколках, колясках и запряженных четверками лошадей экипажах, подчеркивая тем самым общественную значимость футбольных матчей. Он был ревностным почитателем утонченного стиля, его выбору перчаток, манере завязывать галстук и держать руки на руле подражали впечатлительные первокурсники. Вне своего круга его считали закоренелым снобом, однако, поскольку этот круг был его кругом, сие его не волновало. Осенью он играл в футбол, зимой тянул виски со льдом, а весной занимался греблей. Сэмюэль презирал всех, кто просто занимался спортом, не будучи джентльменом, и джентльменов, которые не были спортсменами.

Он жил в Нью-Йорке и часто приглашал погостить нескольких своих друзей на выходные. То были времена конок¹, и когда случалась толчея, каждый юноша из кружка Сэмюэля считал своим долгом встать и с вежливым поклоном уступить свое место стоящей даме. Однажды вечером, будучи уже на последнем курсе, он с двумя своими приятелями загрузился в конку.

¹ *Конка* — городская железная дорога с конной тягой.

Свободных сидений было ровно три. Устроившись, Сэмюэль обратил внимание на сидящего рядом работягу, от которого разило чесноком. Тот дремал, слегка наклонившись к Сэмюэлю и, как это бывает с устало развалившимися людьми, занимал слишком много места.

Конка проехала несколько кварталов, а затем остановилась, чтобы подхватить четырех девушек, и, конечно же, три джентльмена тут же вскочили и предложили им свои места, соблюдая соответствующие формальности. К сожалению, работяга не был знаком с кодексом поведения людей, носящих галстуки, и не догадался последовать их примеру, поэтому одна барышня попала в затруднительное положение. Четырнадцать глаз укоризненно воззрились на варвара, а семь ртов презрительно скривились, однако объект этого презрения тупо смотрел перед собой, совершенно не подозревая о своем недостойном поведении. Более всего это задело Сэмюэля. Его оскорбляло, что мужчина может так себя вести. И он возвысил голос.

— Перед вами стоит дама, — сурово молвил он.

Этого должно было хватить, но объект презрения лишь тупо глянул вверх. Стоящая девушка издала короткий смешок и обеспокоенно переглянулась со своими подругами. Сэмюэль начал выходить из себя.

— Перед вами стоит дама, — повторил он более резко.

Кажется, работяга понял, в чем дело.

— Я заплатил за проезд, — спокойно ответил он.

Сэмюэль побагровел и сжал кулаки, однако друзья кивками предупредили его, что кондуктор уже смотрит в их сторону, и до конца пути Сэмюэль угрюмо молчал. Они доехали до места назначения и сошли, рабочий последовал за ними, покачивая зажатым в руке небольшим ведерком. Углядев в этом свой шанс, Сэмюэль решил более не сдерживать свои аристократические замашки. Он повернулся и пустил в дело полновесный, характерный для грошового чтива сарказм, громогласно усомнившись в праве низших существ ездить вместе с людьми.

В то же мгновение рабочий выпустил ведро и налетел на Сэмюэля. Неожиданно получив точный удар в челюсть, тот растянулся в мощеной булыжником канаве.

— Насмехаться вздумал?! — крикнул его противник. — Да я пахал весь день и устал, как черт!

После этого выкрика внезапный гнев в его взгляде погас, и на лицо его снова напозла маска усталости. Он развернулся и подхватил свое ведро. Друзья Сэмюэля двинулись было в его сторону.

— Погодите! — Сэмюэль поднялся и махнул, чтобы они вернулись. Когда-то где-то он уже получал такую зуботычину. И тут он вспомнил — Джилли Худ. Пока он молча отряхивался, перед глазами всплыла вся та сцена в комнате Эндовера, и подсознательно он понимал, что опять был не прав. Этот человек пахал, а потом отдыхал ради защиты своей семьи. И сидячее место в вагоне конки для него было гораздо нужнее, чем для любой девицы.

*Неожиданно получив точный удар в челюсть,
тот растянулся в мощной
бульжнике канаве.*

— Все в порядке, — угрюмо бросил Сэм. — Не трогайте его. Я был чертовым идиотом.

Конечно, Сэмюэлю потребовался не один час или даже не одна неделя, чтобы пересмотреть свои представления об исключительной важности утонченных манер. Для начала он просто сообразил, что сил ответить у него не стало благодаря его собственной неправоте; точно так же он не смог дать сдачи Джилли. Однако в результате промашка с этим рабочим изменила жизненные воззрения Сэмюэля. Ведь в конечном счете склонность к снобизму — это всего лишь хорошее воспитание, которое начинает над тобой господствовать. Поэтому собственный кодекс поведения у Сэмюэля не изменился, однако желание его навязывать другим исчезло на дне канавы. И так вышло, что уже на этом курсе однокашники перестали считать его снобом.

III

Спустя несколько лет университет Сэмюэля решил, что он уже достаточно долго озарялся отраженным сиянием его галстуков, поэтому ему продекламировали текст на латыни, взыскали с него десять баксов за бумагу, подтверждающую его неисправимую образованность, и выпихнули в житейскую сутолоку с изрядным запасом самоуверенности, несколькими друзьями и должным набором безобидных вредных привычек.

Его семейству к тому времени пришлось засучить рукава из-за внезапного спада на сахарном рынке и, так сказать, затянуть пояса, посему Сэмюэль пошел работать. Его голова была той истинной *tabula rasa*¹, которую порой оставляет университетское образование, однако он в равной мере обладал напором и энергией, поэтому, став банковским рассыльным, он начал использовать свои прежние навыки увертливого полузащитника, протискиваясь сквозь толпу на Уолл-стрит.

Его увлечением стали женщины. Их было с полдюжины: две или три дебютанточки, актриса (на вторых ролях), соломенная вдовушка и одна сентиментальная брюнеточка, которая после замужества жила в маленьком домике в Джерси-Сити².

Они познакомились на пароме. Сэмюэль ехал из Нью-Йорка по делам (к тому времени он проработал уже несколько лет) и помог ей поднять пакет, который она уронила в толпе.

— Вы частенько тут ездите? — спросил он между делом.

¹ *Tabula rasa* (лат.) — «чистая доска». Имеется в виду покрытая воском дощечка для письма. Это выражение использовал Аристотель, описывая незамутненное, лишенное привнесенного опыта сознание.

² *Джерси-Сити* — город в штате Нью-Джерси, расположен рядом с Нью-Йорком.

— Только за покупками, — застенчиво ответила она. У нее были большие карие глаза и трогательно маленький ротик. — Я замужем всего три месяца, и мы решили, что жить там дешевле.

— А он... ваш муж не переживает, что вы ездите вот так одна?

Она рассмеялась, смех у нее был задорный и почти детский.

— Бог мой, конечно нет. Мы должны были встретиться и поужинать, но я, кажется, перепутала, где это... Он будет страшно волноваться.

— Ну что же, — критично заметил Сэмюэль, — он просто обязан. Если позволите, я вас провожу до дома.

Она с благодарностью приняла его предложение, и они сели в вагончик канатки¹. Подходя к ее домику по дорожке, они увидели в его окнах свет — муж добрался раньше нее.

— Он ужасно ревнив, — улыбнулась она с виноватым видом.

— Ясно, — сухо ответил Сэмюэль. — Тогда будет лучше, если я вас здесь оставлю.

Она поблагодарила его, и он, помахав на прощание рукой и пожелав доброй ночи, распрощался.

На этом все бы и закончилось, если бы через неделю они утром не пересеклись на Пятой авеню. Она вздрогнула, покраснела и, похоже, была так ему рада, что они начали болтать, как старые знакомые. Она собиралась зайти к портнихе, в одиночестве пообедать у Тейна, потом побегать по магазинам и встретиться с мужем на пароме в пять. Сэмюэль сказал ей, что ее муж — счастливчик. Она снова покраснела и упорхнула.

Всю дорогу по пути в контору Сэмюэль насвистывал, но к полудню ему везде стали мерещиться ее маленькие губки и карие глаза. Он беспокойно поглядывал на часы, подумал о гриль-баре на первом этаже, где он всегда обедал, представил попутные серьезные мужские разговоры, и в противовес этой сцене возникла другая картинка: столик у Тейна, ее ротик и карие глазки... Около половины первого он напялил шляпу и бросился к канатке.

Она была очень удивлена, увидав его.

— Почему... Привет! — сказала она. Сэмюэлю показалось, что она была сильно удивлена.

— Я подумал, что мы могли бы пообедать вместе. Компания мужчин так утомляет.

Она колебалась:

— Думаю, в этом нет ничего страшного. Что тут такого?

Ей пришло в голову, что вообще-то с ней должен обедать муж, но в полдень у него вечная запарка. Она рассказала Сэмюэлю все о нем: он чуть ниже Сэмюэля, и да, он гораздо красивее. Он бухгалтер, и пока много не

¹ Железнодорожная компания Северного Гудзона построила трамвайную линию в Нью-Джерси, на которой работали в том числе и фуникулерные подъемники для вагонов.

зарабатывает, но они очень счастливы и надеются разбогатеть годика через три или четыре.

Соломенная вдовушка Сэмюэля уже три или четыре недели пребывала не в духе, на этом фоне свидание доставляло ему особое удовольствие. Она была так свежа, непосредственна и немного безрассудна. Ее звали Марджори.

Они договорились еще раз увидеться, а фактически встречались дважды или трижды в неделю в течение месяца, обедая вместе. Когда она была уверена, что ее муж будет работать допоздна, Сэмюэль сопровождал ее до Нью-Джерси на пароме, всегда прощаясь на небольшом крылечке; она заходила внутрь и зажигала газовый фонарь, все еще находясь под охраной своего мужественного стража. Это стало эдаким ритуалом, который его не радовал. Каждый раз, когда через окно начинал литься уютный свет, для него это был некий условный призыв, однако он никогда не решался войти, а Марджори его не приглашала.

Затем, когда Сэмюэль и Марджори дошли до стадии, на которой они порой нежно соприкасались руками, просто чтобы продемонстрировать свои дружеские отношения, у Марджори с ее мужем произошла одна из тех весьма чувствительных и напряженных ссор, которые частенько случаются с супругами, не успевшими охладеть друг к другу. Возможно, она началась из-за остывшей бараньей отбивной или из-за небольшой утечки газа из рожка, но однажды Сэмюэль застал ее у Тейна с темными тенями под глазами и с обиженно надутыми губками.

К тому времени Сэмюэлю уже казалось, что влюблен в Марджори, и потому он способствовал ссоре, насколько это было в его силах. Будучи лучшим другом, он гладил ее по руке и склонялся к ее каштановым локонам, в то время как она, всхлипывая, шептала ему о том, что муж наговорил ей этим утром, и когда он отвозил ее в экипаже на паром, для нее он был уже немного больше, чем просто лучшим другом.

— Марджори, — сказал он нежно, прощаясь с ней, как обычно, на крыльце, — в любое время, если тебе захочется ко мне обратиться, помни — я всегда буду ждать, всегда.

Она серьезно кивнула и взяла его за руки.

— Я знаю, — ответила она, — знаю, что ты мой друг, самый лучший друг.

Потом она забежала в дом, а он смотрел ей вслед, пока в окне не зажегся свет.

Всю следующую неделю Сэмюэль пребывал в нервном смятении. Некая доля оставшегося здравомыслия предупреждала его, что в сущности у них с Марджори мало общего, однако в таких случаях вода так мутна, что дно рассмотреть удается редко. Мечты и фантазии твердили ему, что он любит Марджори, хочет ее и должен ею обладать.

Ссора разрасталась. Муж Марджори взял обычай задерживаться в Нью-Йорке допоздна, несколько раз он заявлялся домой сверх меры раздра-

женным; она из-за этого чувствовала себя совсем несчастной. Должно быть, они не опускались до выяснения отношений, ведь в конце концов муж Марджори был человеком достаточно порядочным, посему они дрейфовали от одного недоразумения к другому. Марджори все больше сближалась с Сэмюэлем, ведь женщине приятнее мужское сочувствие, чем слезы на плече у подруги. Однако Марджори не осознавала, насколько сильно она стала на него полагаться и насколько большое место он начал занимать в ее маленьком мире.

Однажды вечером, вместо того, чтобы убраться восвояси, когда Марджори вошла и включила свет, Сэмюэль вошел вместе с ней, и они присели на диван в маленькой гостиной. Он был счастлив. Он завидовал их дому и полагал, что мужчина, пренебрегающий таким достоянием из-за глупой гордыни, — просто дурак и не заслуживает такой жены. Однако когда он впервые поцеловал Марджори, она тихо расплакалась и велела ему уйти. Он улетел домой на крыльях беспредельного восторга, твердо решив раздуть эту романтическую искру, независимо от того, насколько сильным будет пламя и кого оно опалит. Тогда ему казалось, что эти мысли о ней не были эгоистичны, однако позже он понял, что она была для него лишь киноэкраном, на котором двигался единственный персонаж — сам Сэмюэль, ослепленный и алчущий.

На следующий день у Тейна, где они опять встретились, чтобы отобедать, Сэмюэль отбросил все свое притворство и откровенно признался ей в любви. У него не было никаких планов, никаких определенных намерений, он лишь хотел снова поцеловать ее губы, обнять и чувствовать, какая она маленькая, трогательная и милая... Он отвез ее домой, и на этот раз они целовались, пока их сердца не заколотились бешено от слов и фраз, слетавших с его губ.

И вдруг внезапно на крыльце раздались шаги и кто-то задержал ручку входной двери. Марджори смертельно побледнела.

— Подожди! — испуганно шепнула она Сэмюэлю, однако он, страшно раздраженный, что им помешали, быстро подошел к двери и распахнул ее.

Все без исключения видели такие сцены в театре и наблюдали их так часто, что, когда они случаются в реальной жизни, люди ведут себя, словно актеры. Сэмюэль прямо как чувствовал, что играет некую роль, и подходящие слова у него сразу нашлись: он заявил, что все имеют право на личную жизнь, и угрожающе глянул на мужа Марджори, словно бы ожидая его возражений. Супруг же Марджори заговорил о святости семейного очага, забыв о том, что в последнее время он не казался ему таким уж святым. Сэмюэль продолжил гнуть свое, говоря о «праве на счастье», а супруг Марджори упомянул огнестрельное оружие и суд по бракоразводным делам. А затем он внезапно замолчал и внимательно глянул на обоих: на жалкую скорчившуюся на диване Марджори и на принявшего героическую позу Сэмюэля, который продолжал разглагольствовать, обращаясь словно бы к мебели.

— Выйдем, — сказал ее супруг Сэмюэлю, —
хочу тебе кое-что объяснить.

— Ступай наверх, Марджори, — сказал муж изменившимся голосом.

— Сиди, где сидишь! — тут же возразил Сэмюэль.

Марджори привстала, пошатнулась, снова опустилась на диван, потом опять встала и нерешительно направилась к лестнице.

— Выйдем, — сказал ее супруг Сэмюэлю, — хочу тебе кое-что объяснить.

Сэмюэль взглянул на Марджори, пытаясь что-то разглядеть в ее взоре, а потом стиснул зубы и вышел.

Ярко светила луна, и когда супруг Марджори спускался с крыльца, Сэмюэль ясно видел, что он страдает, но жалости к нему не испытывал.

Они стояли совсем близко друг к другу, и супруг Марджори нервно кашлянул, словно бы у него першило в горле.

— Она моя жена, — тихо сказал он, и тут в нем внезапно закипел дикий гнев. — Черт тебя побери! — гаркнул он и изо всей силы вмазал Сэмюэлю по физиономии.

Сэмюэль рухнул на землю, и в ту же секунду до него дошло, что его уже дважды били точно так же, и сразу все изменилось; все случившееся показалось ему каким-то наваждением, и он словно бы проснулся, вскочил на ноги и стал в стойку. Противник с поднятыми кулаками находился в ярде от него, однако Сэмюэль уже знал, что, хотя он выше и сильнее его, он не станет драться. Ситуация дивным образом изменилась — за мгновение до этого Сэмюэль расценивал свое поведение как героическое, теперь же он стал пришлым хамом, а муж Марджори, чей силуэт вырисовывался на фоне горящих окошек, стал истинным героем, защищавшим собственную семью. После секундной паузы Сэмюэль быстро развернулся и в последний раз пошел вниз по тропинке от этого дома.

IV

Естественно, после третьего удара Сэмюэль провел несколько недель в добросовестном самокопании. Затрещина много лет назад в Эндовере нанесла удар по его личным малоприятным качествам, рабочий в его студенческие годы выбил из него остатки снобизма, а супруг Марджори вмазал по его непомерному эгоизму. Все это отвадило его от женщин, пока через год он не встретил свою будущую жену; оказалось, что единственными женщинами, достойными его внимания, были те, которых надо было защищать, как защищал свою супругу муж Марджори. Однако он совершенно не мог представить, что его соломенная вдовушка, миссис де Ферриак, могла стать причиной нешутейной стычки.

Когда ему было чуть за тридцать, он уже прочно стоял на ногах. Он вел дела со стариной Питером Кархарт, который в те дни был личностью национального масштаба. Внешне Кархарт напоминал грубо вырубленную статую Геракла, и его достижения были столь же внушительными — их было море, и все свои дела он совершал ради чистого удовольствия, не участвуя в грязных вымогательствах или мутных аферах. Хотя Кархарт был большим другом отца Сэмюэля, он присматривался к его сыну шесть лет, прежде чем взять его в свою контору.

Бог знает, сколько всего Кархарт контролировал в то время: шахты, железные дороги, банки, целые города. Сэмюэль был очень близок к нему, он знал, что ему нравится или не нравится, его предрассудки, слабости и многие сильные стороны.

Однажды Кархарт послал за Сэмюэлем и, затворив дверь своего кабинета, предложил ему стул и сигару.

— Все в порядке, Сэмюэль? — спросил он.

— Да, а что?

— Мне показалось, что ты подзаakis.

— Заakis? — искренне удивился Сэмюэль.

— Ведь ты торчишь в конторе уже десять лет...

— Но я же ездил на каникулы в Адирон¹...

Кархарт отмахнулся:

— Я имею в виду работу за стенами офиса. Увидеть, как все работает, когда мы отсюда дергаем за ниточки.

— Нет, — признался Сэмюэль, — этого я не видел.

— Посему, — властно сказал Кархарт, — я хочу поручить тебе одно дело на стороне, дать тебе задание; это займет примерно месяц.

Сэмюэль не возражал. Сама эта мысль ему даже понравилась, и он решил, что независимо от того, о чем идет речь, он воплотит желания Кархарта в жизнь наилучшим образом. Давать неожиданные распоряжения было главной забавой его работодателя, и окружавшие его люди бездумно выполняли его приказы, словно армейские ефрейторы.

— Ты поедешь в Сан-Антонио и увидишься с Хемилом, — продолжил Кархарт. — У него есть одно дельце, и ему нужен человек, который бы им занялся.

Хемил представлял интересы Кархарта на юго-западе. Он был человеком, который худо-бедно вырос в тени своего босса. Сэмюэль его ни разу лично не встречал и был знаком с ним большей частью по деловой переписке.

— Когда ехать?

— Лучше завтра, — ответил Кархарт, взглянув на календарь. — Это первое мая. Жду твой отчет здесь к первому июня.

Следующим утром Сэмюэль отправился в Чикаго, и через два дня уже сидел в Сан-Антонио за столом с Хемилом в офисе торгового треста. Чтобы вникнуть в суть дела, много времени ему не потребовалось. Это была крупная сделка с нефтью, которая сводилась к скупке семнадцати огромных находящихся рядом ранчо. Скупить их надо было за неделю, по сути это было натуральное выдавливание. В движение были приведены силы, которые ставили семнадцать владельцев участков между молотом и наковальней. Роль Сэмюэля сводилась просто к тому, чтобы «уладить дело» в маленькой деревушке близ Пуэбло. Человек опытный и умеющий ладить с людьми провернул бы все это без всяких тренировок, ибо всего-то от него требовалось крепко держаться в седле, сжимая поводья.

Наделенный сметливостью, соединенной с хитростью, что столь высоко-ценил его босс, Хемил так втихую обстряпал это дельце, что оно принесло

¹ Речь идет о горном хребте Адирондак на северо-востоке штата Нью-Йорк; с середины XIX в. этот край стал популярным туристическим регионом.

гораздо большую прибыль, чем на открытых торгах. Сэмюэль пожал руку Хемилу, пообещал вернуться через две недели и уехал в Сан-Фелипе, что в южном Нью-Мексико.

Естественно, Сэмюэлю приходило в голову, что Кархарт его испытывает. Отчет Хемила о том, как он справился с делом, мог бы стать для него весьма полезным, однако Сэмюэль и так сделал бы все от него зависящее, чтобы проверить это дело. Десять лет в Нью-Йорке не сделали его сентиментальным, и он привык доводить до конца все, за что брался, и даже делал немного больше, чем требовалось.

Поначалу все шло отлично. Каждый из вовлеченных владельцев ранчо особого энтузиазма не испытывал, однако все они знали, что тут делает Сэмюэль, кто за ним стоит, и что шансов вывернуться у них столько же, сколько у мух на оконном стекле. Кто-то сразу смирился, другие бились, как черти, однако сдались, побеседовав и обсудив все с адвокатами, которые не нашли никаких лазеек. Нефть была на пяти участках, на остальных двенадцати была лишь призрачная надежда ее найти. В любом случае Хемилу для достижения его целей эти участки тоже были нужны.

Сэмюэль быстро сообразил, что истинным лидером сопротивления оказался один из первых поселенцев по имени Макинтайр; это был гладко выбритый седовласый мужчина лет пятидесяти, с бронзовым загаром, возникшим за сорок лет, проведенных в Нью-Мексико, и с ясным и спокойным лицом, какие обычно возникают под небом Техаса и Нью-Мексико.

На его ранчо нефть еще не обнаружили, но его участок находился на нефтеносном пласте, и если кто-то и готов был биться за свое до последнего, то это был именно Макинтайр. Поначалу все поглядывали на него как на человека, способного предотвратить это бедствие; для этого он перебрал все законные пути, но потерпел неудачу и знал это. Он старательно избегал встреч с Сэмюэлем, но Сэмюэль был уверен, что, когда настанет день подписания договоров, тот непременно появится.

И этот день настал — знойный майский день. Повсюду, насколько хватало глаз, волны жары поднимались от выжженной земли, и Сэмюэль, сидя и парясь в своем маленьком импровизированном офисе — несколько стульев, скамейка и деревянный стол, радовался, что дело было почти закончено. Ему страстно хотелось вернуться на Восток, как можно скорее увидеться с женой и детьми и провести с ними недельку на побережье.

Встреча была назначена на четыре, и он был несколько удивлен, когда в три тридцать дверь отворилась и в комнату вошел Макинтайр. Сэмюэль с уважением относился к этому человеку и даже немного жалел его. Казалось, Макинтайр был плотью от плоти этих прерий, и Сэмюэль на мгновение почувствовал к нему зависть, которую горожане испытывают к людям, живущим под открытым небом.

— Здорово, — сказал Макинтайр, стоя в дверном проеме, широко расставив ноги и уперев руки в боки.

— Здравствуйте, мистер Макинтайр. — Сэмюэль встал, но не стал пожимать протянутую ему руку. Он полагал, что владелец ранчо страстно его ненавидит, однако он едва ли винил его за это. Макинтайр вошел и неторопливо сел.

— Добились вы своего, — молвил он вдруг.

Казалось, ответа тут и не требовалось.

— Когда я узнал, что за этим стоит Кархарт, — продолжил он, — я сдался.

— Мистер Кархарт... — начал Сэмюэль, но Макинтайр жестом заставил его умолкнуть:

— Даже не говорите мне об этом грязном изворотливом ворюге!

— Мистер Макинтайр, — напористо ответил Сэмюэль, — если эти полчаса будут посвящены подобным разговорам...

— Остыньте, молодой человек, — прервал его Макинтайр, — нельзя оскорбить человека, который творит такие дела.

Сэмюэль ничего не ответил.

— Это же просто грабеж среди белого дня. Просто есть такие скунсы, как он, но они слишком сильны, чтобы с ними справиться.

— Но вам же честно заплатили, — возразил Сэмюэль.

— Заткнись! — вдруг гаркнул Макинтайр. — И послушай, что я тебе скажу!

Он подошел к двери и окинул взглядом землю, посмотрел на дрожащие в мареве залитые солнцем пастбища; они начинались почти у его ног и заканчивались серо-зелеными горами вдали. Когда он обернулся, его губы дрожали.

— Вы, парни, любите Уолл-стрит? — хрипло спросил он. — Или где вы там творите свои грязные аферы? — Он помолчал. — Думаю, любите. Ни одно существо не опускается столь низко, чтобы хоть немного да не любить место, где работает, где поливает потом все, что имеет.

Сэмюэль смотрел на Макинтайра, чувствуя определенную неловкость, а тот вытер лоб огромным синим носовым платком и продолжил:

— Полагаю, что этому прожженному старому дьяволу захотелось заграбастать еще один миллион. Полагаю, мы всего лишь кучка бедняков, которых он изничтожает, чтобы прикупить еще пару экипажей или чего-то в этом роде, — он махнул в сторону двери. — Когда мне было семнадцать, я построил здесь дом вот этими самыми руками. Когда мне стукнуло двадцать один, я привел в него жену, пристроил еще два крыла и с четырьмя паршивыми волами начал пахать. Сорок лет я наблюдал, как солнце поднимается над этими горами, а вечером закатывается, становясь красным, как кровь, прежде чем спадала жара и появлялись звезды. Я был счастлив в этом доме. Здесь родился мой мальчик, тут он и умер в конце весны, в такой же жаркий день, как и сегодня. А потом мы с женой стали жить одни, как и раньше, и старались думать, что у нас настоящий дом, ну почти настоящий, потому что нам казалось, что сын

где-то рядом с нами, и еще много вечеров мы ожидали увидеть, как он бежит по дорожке к ужину.

Его голос дрожал, так что он едва мог говорить; он снова повернулся к двери, его серые глаза сузились.

— Все это моя земля, — сказал он, вытянув руку, — земля, данная мне Господом. Это все, что у меня есть на белом свете, и все, что я когда-либо хотел.

Он отер рукавом лицо, и тон его голоса изменился, когда он медленно повернулся и посмотрел Сэмюэлю прямо в лицо.

— Но полагаю, так тому и быть, если они ее хотят, так тому и быть...

Сэмюэлю надо было что-то ответить. Он чувствовал — еще минута, и он потеряет голову. Поэтому он начал возможно спокойнее, голосом, приберегаемым для самых неприятных дел.

— Это бизнес, мистер Макинтайр, — сказал он. — Все законно. Возможно, мы не смогли бы купить двоих или троих из вас ни за какие деньги, но остальные получили сполна. Прогресс требует совершать некоторые вещи...

Никогда еще Сэмюэль не чувствовал себя столь неубедительным, и когда в сотне ярдов послышался стук копыт, он почувствовал огромное облегчение. Однако в ответ на его слова страдание в глазах Макинтайра сменилось гневом.

— Ты и твоя грязная банда жуликов! — заорал он. — Ни у одного из вас нет истинной любви ни к чему на Божьем свете! Вы лишь стадо свиной-копилок!

Сэмюэль встал, и Макинтайр шагнул к нему:

— Ты, болтливый хлыщ! Ты заграбастал нашу землю, так передай это Питеру Кархарту!

Удар с размаху был быстрым, как молния, Сэмюэль крутанулся и рухнул на землю. До него смутно донеслись шаги в дверях, он понял, что кто-то вцепился в Макинтайра, но в этом уже не было нужды. Владелец ранчо тяжело опустился на стул и уронил голову на руки.

У Сэмюэля в голове все пошло кругом. Он понял, что получил четвертую затрещину, его захлестнули чувства, и они провозглашали, что закон, неумолимо управлявший всей его жизнью, снова начал действовать. В полубессознательном состоянии он встал и вышел из комнаты.

Следующие десять минут были, пожалуй, самыми тяжелыми в его жизни. Люди часто говорят о необходимости отстаивать убеждения, однако в действительности долг человека перед своей семьей может заставить его счесть окостеневший труп эгоистическим оправданием собственной правоты. Сэмюэль всегда думал в первую очередь о своей семье и никогда в этом отношении не колебался. Однако эта затрещина заставила его одуматься.

Когда он вернулся в комнату, его там уже ожидала куча встревоженных людей, но он не стал тратить время на разглагольствования.

*Удар с размаху был быстрым, как молния,
Сэмюэль крутанулся и рухнул на землю.*

— Джентльмены, — сказал он, — мистер Макинтайр был настолько любезен, что убедил меня — в этом деле вы совершенно правы, а преследующий свои интересы Питер Кархарт — нет. Что же касается меня лично, то я сделаю все, чтобы вы сохранили свои ранчо до конца ваших дней.

Он протиснулся через изумленную толпу и в течение ближайшего получаса отправил две телеграммы, которые ошеломили телеграфиста настолько, что он едва смог справиться со своими обязанностями; одна была Хемилу в Сан-Антонио, а другая — Питеру Кархарту в Нью-Йорк.

В ту ночь Сэмюэль почти не спал. Он понимал, что впервые за свою деловую карьеру он потерпел жалкий и ужасный провал. Однако какой-то глубинный инстинкт, более сильный, чем воля и накопленный опыт, заставил его совершить то, что, вероятно, положит конец его устремлениям и счастью. Однако дело было сделано, и ему и в голову не приходило, что он мог поступить иначе.

Наутро его ждали две телеграммы. Первая была от Хемила. В ней было всего три слова: «Вы чертов идиот».

Вторая была из Нью-Йорка: «Сделка расторгнута немедленно выезжай Нью-Йорк Кархарт».

В течение недели произошло много разных вещей. Хемил рвал и метал, яростно отстаивая свой план. Он был вызван в Нью-Йорк и провел там ужасные полчаса на ковре у Питера Кархарта. В июле он перестал на него работать, а в августе тридцатипятилетний Сэмюэль Мередит был официально объявлен партнером Кархарта. Четвертая затрещина сделала свое дело.

Думаю, что в каждом человеке, в его характере, нраве или воззрениях есть и хамская черта. У некоторых она спрятана очень глубоко, и мы не знаем о ее существовании до тех пор, пока однажды не получим от них удар во мраке ночи.

Однако у Сэмюэля эти черты всегда проявлялись в делах, которые людей бесили. И в этом ему везло, потому что каждый раз, когда его бесенок поднимал голову, он так получал по сопатке, что летел вниз, утратив всю свою силу.

Это был один и тот же бес, одна и та же черта, что заставила его согнать друзей Джилли со своей кровати и зайти в дом к Марджори.

Если бы вы смогли провести рукой по челюсти Сэмюэля Мередита, то нащупали бы там шишку. Он признается, что никогда не был уверен, чей кулак ее там оставил, но он бы от нее ни за что не отказался. Он говорит, что о старом хамстве забывать не стоит и что порой перед принятием важного решения он щупает рукой подбородок, и это ему помогает. Журналисты считают, что это чисто нервное, однако это не так. Так ему удастся снова ощутить необычайное просветление, озаряющую ясность тех четырех затрещин.

МАЙРА ВСТРЕЧАЕТСЯ С ЕГО СЕМЕЙСТВОМ

I

Вероятно, каждый юноша, учившийся в любом колледже на Востоке, за последние десять лет встречал Майруне меньше полудюжины раз, потому что майры возвращаются восточными университетами, словно котята на теплом молочке. В юности, в семнадцать лет или около того, ее называют «прелестным ребенком», во времена расцвета, лет в девятнадцать, ей отвешивают тонкие комплименты, лишь заслышав ее имя; а после она превращается в «ту на танцполе» или в «ту всем известную Майру».

Вы можете лицезреть ее практически в любой зимний день, если пройдетесь по холлу «Билтмора»¹. Она будет торчать там в компании второкурсников, только что прибывших из Принстона или Нью-Хейвена², решая, отправиться ли им потанцевать в «Де-Винч»³ или же в красную гостиную отеля «Плаза»⁴. Затем один из этих второкурсников прихватит ее в театр и пригласит на февральский университетский бал, а потом бросится искать такси, чтобы успеть на последний поезд до университета.

Ее неизменно дожидается сонная матушка, делящая с ней апартаменты на одном из верхних этажей.

В двадцать четыре года или около того Майра перебирает в голове всех славных парней, за которых она когда-то могла выйти замуж, немного грустит и продолжает делать все, что в ее силах. Однако, пожалуйста, никакой критики! Она отдала вам свою молодость, она свежо пронеслась по множеству танцполов навстречу нежным взглядам множества глаз; она пробудила непри-

¹ В первой трети XX века в Соединенных Штатах гостиничным магнатом Джоном Макэнти Боуманом была создана сеть отелей «Билтмор», которые получили свои названия по поместью Билтмор, принадлежащему семье Вандербильтов; в данном случае имеется в виду отель «Билтмор» в Нью-Йорке.

² Принстон и Нью-Хейвен — университеты в Соединенных Штатах.

³ «Де-Винч» — клуб в Нью-Йорке.

⁴ Отель «Плаза» был открыт в Нью-Йорке в 1907 г.

вычные романтические порывы в грудных клетках сотен юных варваров, и кто посмеет сказать, что все это ей не зачтется?

Что касается той Майры, о которой идет речь в этом рассказе, то я должен немного углубиться в историю ее жизни и постараюсь покончить с этим делом как можно скорее.

Когда ей было шестнадцать, она жила в одном из особняков Кливленда и посещала школу «Дерби» в Коннектикуте; именно тогда в Коннектикуте она и стала бегать на танцульки, устраиваемые в подготовительных школах¹ и университетах. Войну она решила пересидеть в колледже Смита², но в январе на первом курсе по уши влюбилась в некоего юного пехотного офицера, провалила всю зимнюю сессию и с позором ретировалась в Кливленд, куда неделю спустя прибыл и сам юный пехотный офицер.

Как раз к тому времени, когда она уже почти решила, что разлюбила его, он в конце концов получил повестку на фронт, и, обуреваемая вновь ожившими чувствами, она бросилась вместе со своей матерью в порт отправки, чтобы с ним попрощаться. Она писала ему ежедневно в течение первых двух месяцев, затем в течение двух последующих месяцев раз в неделю, затем еще один раз. Это последнее письмо он так и не получил, потому что одним дождливым июльским утром его голову прошила пулеметная пуля. Может быть, это и к лучшему, потому что в том письме говорилось, что все их отношения были ошибкой и что-то подсказывает ей, что они никогда не будут счастливы вдвоем, и так далее.

Следующий «тот самый» носил сапоги и «серебряные крылышки»³, он был рослым и темноволосым. Майра была совершенно уверена, что наконец-то встретила своего суженого, но, так как в середине августа в Келли-Филд⁴ его грудь рассек пропеллер, ей так и не удалось в этом убедиться.

Вместо этого она вновь приехала на восток страны: немного похудевшая, с идущей ей бледностью и вновь появившимися под глазами тенями, и в течение всего года, когда закончилась война, она оставляла свои окурки по всему Нью-Йорку в маленьких фарфоровых пепельницах с надписями «Полуночные забавы»⁵, «Кокосовая роща»⁶ и «Пале-Рояль». Ей стукнул

¹ В Соединенных Штатах существуют частные школы, которые специально готовят учеников к поступлению в высшие учебные заведения.

² Частный женский гуманитарный колледж, расположенный в Нортгемптоне, штат Массачусетс.

³ Имеется в виду значок Военно-Воздушных Сил США.

⁴ *Келли-Филд* — военный тренировочный авиалагерь в Техасе, названный в честь Джорджа Э.М. Келли — первого военнослужащего Соединенных Штатов, погибшего в результате крушения самолета, который он пилотировал.

⁵ «*Полуночные забавы*» (в оригинале — *Midnight Frolic*) — кабаре импресарио Флоренца Зигфилда, его выступления проходили в ресторане на крыше нью-йоркского театра «Нью-Эмстердем» на 49-й улице.

⁶ «*Кокосовая роща*» (англ. *Coconut Grove*) — ресторан на крыше театра «*Century*».

двадцать один год, и ее знакомые в Кливленде говорили, что мать должна забрать ее домой, поскольку Нью-Йорк ее портит.

Ну вот, спасибо за терпение. Давно уже пора начать наш рассказ.

* * *

Однажды в сентябре после полудня она отказалась от приглашения в театр, чтобы выпить чаю в компании юной супруги Артура Элкинса, которая когда-то была ее соседкой в школьном общежитии.

— Хотела бы я, — сказала Майра, когда они устроились поудобнее, — быть сеньоритой или мадемуазелью, или кем-то в этом роде. Боже правый! Что остается после того, как ты вышел в тираж? Только выскочить замуж и уйти на покой.

Лейла Элкинс с такой хандрой уже сталкивалась.

— Ничего иного не остается, — равнодушно ответила она. — Так и сделай.

— Лейла, мне кажется, я уже не могу увлечься, — сказала Майра, доверительно подавшись вперед. — Я уже так накрутилась, что, даже целуясь с мужчиной, только и думаю, скоро ли он мне надоест. Меня ничто не зажигает, как бывало раньше!

— Сколько тебе, Майра?

— Прошлой весной стукнуло двадцать один.

— Ну, — самодовольно заявила Лейла, — поверь мне: не выходи замуж, пока тебе совершенно не надоест флиртовать! Поверь, это значит отказаться от очень многого.

— Не надоест? Меня уже тошнит от моего бессмысленного существования! Это забавно, Лейла, но я чувствую себя старой развалиной! Прошлой весной в Нью-Хейвене со мной отпоясывали парни, так они казались мне мальчишками; и однажды в раздевалке я услышала, как одна девчущка сказала: «Смотри-ка! Майра Харпер! Она таскается сюда уже восемь лет». Конечно, на три года она ошиблась, но тут есть отчего загрустить, глядя, как летит время.

— Помнишь, мы с тобой впервые отправились на бал, когда нам было шестнадцать — пять лет назад.

— Боже правый! — вздохнула Майра. — А теперь некоторые ребята меня побаиваются! Разве не странно? И среди них самые симпатичные... Один разом бросил таскаться из Морристауна, а ведь приезжал оттуда по выходным три недели подряд! Какой-то доброхот сказал ему, что в этом году я охочусь за мужчинами, чтобы выскочить замуж, и он перепугался, что все пойдет слишком далеко!

— Ну, так ты ведь и впрямь подыскиваешь себе мужа, разве нет?

— Думаю, да... В некотором роде. — Майра замолкла и осторожно огляделась. — Ты знакома с Нолтоном Уитни? Знаешь, он божественно выглядит, и говорят, у его отца куча денег! А я заметила, что, когда нас представили, он

вздрогнул, услышав мое имя, а потом стал меня избегать. Но, Лейла, дорогая, в конце концов я же не такая замшелая древняя и блеклая, скажи?

— Конечно, нет! — рассмеялась Лейла. — И вот тебе мой совет: выбери лучшего на свете мужчину, который обладает всеми нужными тебе качествами; пусть будет умным, сильным, общительным, богатым, а затем возьми его в осаду, мы ведь так раньше и поступали. И после того, как ты его заполучишь, не говори себе: «Ну, он не умеет петь, как Билли!» или «Хотелось бы, чтобы он подучился играть в гольф». Ты не можешь заполучить все. Закрой глаза и выключи свое чувство юмора, и тогда после замужества все представится тебе иначе, и ты будешь совершенно счастлива.

— Да, — рассеянно ответила Майра. — Такой совет мне уже давали.

— Легко впадать в романтику, когда тебе восемнадцать! — категорично заявила Лейла. — Однако через пять лет этой романтики ты просто выгораешь.

— Для меня это были такие славные времена, — вздохнула Майра. — И парни милые были... По правде говоря, я уже решила, за кем поохотиться.

— И кто он?

— Нолтон Уитни. Поверь: хоть я и кажусь удовлетворенной, но все еще в состоянии заполучить любого мужчину, какого захочу!

— И ты впрямь его хочешь?

— Да. И не знаю, захочу ли кого-нибудь сильнее! Он страшно умен и застенчив... Так мило застенчив. К тому же, говорят, у Уитни потрясное имение в Уэстчестере¹!

Лейла допила чай и глянула на свои наручные часики.

— Мне пора, дорогая!

Они обе поднялись и, неспешно выйдя на Парк-авеню, поймали такси.

— Я так рада, Майра; знаю, что и ты будешь счастлива!

Майра обогнула небольшую лужицу и, подойдя к такси, на секунду задержалась на подножке, балансируя, как балерина.

— Пока, Лейла! До скорого!

— До свидания, Майра. Удачи!

Однако Лейла достаточно хорошо знала Майру и подумала, что последнее пожелание было явно лишним.

II

В сущности, благодаря этому однажды вечером шесть недель спустя, в пятницу, Нолтон Уитни заплатил таксисту семь долларов десять центов и обуреваемый смешанными чувствами остановился рядом с Майрой на ступеньках «Билтмора».

¹ Уэстчестер — округ штата Нью-Йорк.

Внешний слой его разума был безумно счастлив, однако под ним скрывался медленно нарастающий страх перед тем, что он натворил. Ведь он, защищенный с первого года обучения в Гарварде от ловушек обворожительных охотниц за деньгами, легко оттянутый за воротник от нескольких юных и милых особ, теперь воспользовался тем, что его родители укатили на Запад, и умудрился так запутаться в тенетах, что трудно было разобрать, где эти тенета, а где он сам.

Этот день был похож на какой-то сон: ноябрьские сумерки на Пятой авеню после дневного спектакля, они с Майрой глядят на плывущую толпу из романтического уединения кабриолета — весьма причудливый экипаж! Затем чай в «Ритце», и ее рука, такая бледная, на подлокотнике соседнего кресла, внезапно вырвавшиеся сбивчивые слова... Затем поездка в ювелирный магазин и безумный ужин в каком-то маленьком итальянском ресторанчике, где на обороте меню он написал: «Ты согласна?» и подтолкнул его ей, чтобы она черкнула ниже извечно-чудесное: «Ты знаешь, что да!». И вот теперь в конце дня они зависли на ступенях «Билтмора».

— Скажи мне это! — шепнула Майра ему на ухо.

И он сказал.

Ах, Майра, сколько призрачных воспоминаний, должно быть, промелькнуло в это мгновение в твоей памяти!

— Я так счастлива, дорогой! — тихо молвила она.

— Нет! Это ты делаешь меня счастливым! Разве ты не знаешь?.. Майра...

— Знаю!

— Навсегда?

— Навсегда! Ведь ты же подарил мне его! — и она поднесла кольцо с крупным бриллиантом к своим губам. Она знала, как следует поступать в таких случаях! Она так и сделала.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! Спокойной ночи...

Словно невесомая фея в мерцающем розовом, она вспорхнула по широким ступеням. Когда она нажимала кнопку лифта, ее щеки пылали.

Через две недели она получила от него телеграмму, в которой говорилось, что его домашние вернулись с Запада, и они приглашают ее провести неделю в своем имении в Уэстчестере. Майра телеграфировала о времени прибытия своего поезда, купила три новых вечерних платья и уложила свой чемодан.

Она прибыла холодным ноябрьским вечером. Сойдя с поезда в сгустившихся сумерках, она слегка вздрогнула от холода и с нетерпением огляделась в поисках Нолтона. Некоторое время на платформе было полно людей, вернувшихся из города; слышались восклицания женщин и шоферов, затем оглушительно заурчали автомобили; они сдавали назад, разворачивались и плавно уезжали прочь. Она и оглянуться не успела, как платформа совершенно опустела и рядом не осталось ни одного шикарного авто. Должно быть, Нолтон решил, что она прибывает на другом поезде.

Вполголоса чертыхнувшись, она пошла к станции, построенной в елизаветинском стиле¹, чтобы позвонить по телефону, но тут к ней обратился какой-то человек в неопрятной и испачканной одежде. Приветствуя ее, он прикоснулся к своей старой фуражке, а затем заговорил с ней надтреснутым и ворчливым голосом:

— Вы мисс Харпер?

— Да, — почти испуганно ответила она. Неужели этот невероятный тип был шофером?

— Шофер заболел, — продолжил мямлить он извиняющимся тоном. — Я его сын!

У Майры аж перехватило дыхание.

— Вы говорите про шофера мистера Уитни?

— Да. С войны держит только одного. Экономничает; чистый Гувер²! — Он топтался на месте, прихлопывая руками в огромных крагах. — Ну, чего тут на холоде болтать? Давайте ваши вещички.

Не находя слов от удивления, но не потеряв присутствия духа, Майра прошла за своим провожатым до конца платформы, где она попыталась обнаружить автомобиль. Его не было, однако ее удивление было недолгим, потому что этот тип подвел ее к старой потрепанной развалюхе на колесах, в которую загрузил ее чемодан.

— Большое авто сломалось, — пояснил он. — Придется на этом, или идти пешком.

Он открыл для нее переднюю дверцу и кивнул.

— Залезайте!

— Пожалуй, я сяду сзади, если вы не против.

— Как скажете, — хмыкнул он, распахивая заднюю дверь. — Просто подумал, что сундук будет трястись и ерзать сзади, и это будет вас нервировать.

— Какой сундук?

— Ну, ваш.

— Разве мистер Уитни... А вы не можете скататься два раза?

Он упрямо помотал головой.

— Не разрешает. Как война началась. Это дело богатеев — пример подавать, так мистер Уитни говорит. Давайте вашу квитанцию на багаж.

Когда он исчез, Майра тщетно попыталась представить себе, как должен выглядеть шофер, если это его сынок. После непонятной перепалки со станционным служащим он вернулся, пыхтя, с чемоданом за плечами. Взгрозив его на заднее сиденье, он уселся впереди рядом с ней.

Когда они свернули с дороги и покатали по длинной сумрачной аллее к дому Уитни, уже совсем стемнело; освещенные окна отбрасывали большие

¹ *Елизаветинский стиль* — стиль времен правления королевы Англии Елизаветы I, то есть второй половины XVI в.

² Ставший тридцать первым президентом Соединенных Штатов Герберт Гувер предлагал домохозяйкам экономить на продуктах ради «наших парней на войне».

пятна жизнерадостного желтоватого света на гравий, траву и деревья. Однако даже теперь она смогла рассмотреть, что особняк был очень красив; его размытые очертания напоминали о колониальном стиле Джорджии, по обеим сторонам раскинулись обширные садовые парки. Машина резко остановилась перед прямоугольным каменным порталом, сын шофера вылез из машины вслед за Майрой и распахнул входную дверь.

— Просто идите прямо! — прокудахтал он. Переступив порог, она услышала, как он тихо закрыл дверь, оставшись снаружи в темноте.

Майра огляделась. Она находилась в большом мрачном холле, обшитом панелями из английского дуба¹ и освещенном призрачным светом, льющимся из тусклых плафонов; они напоминали светящихся желтых черепашек, расположенных по стенам на равном расстоянии друг от друга. Перед ней находилась широкая лестница, по сторонам было несколько дверей; ни звука, ни движения вокруг; казалось, глубокая тишина поднимается от лежащего внизу темно-малинового ковра.

Должно быть, Майра прождала в холле целую минуту, прежде чем у нее появилось отчетливое ощущение, что на нее кто-то смотрит. Она заставила себя как бы случайно обернуться.

В нескольких ярдах от нее стоял, разглядывая ее, опрятный, лысый, чисто выбритый низкорослый человек с землистым лицом. Одет он был сюртук и белые гетры. Казалось, ему было не менее пятидесяти лет, и прежде чем он пошевелился, Майра отметила в его фигуре забавную бойкость; что-то в его позе говорило о том, что он ее только что принял и сейчас же сменит. Его маленькие руки и ноги, необычный излом бровей придавали ему слегка эльфийский вид, и у нее возникло смутное мимолетное ощущение, что она его уже видела раньше, много лет назад.

С минуту они молча смотрели друг на друга, а потом она слегка покраснела, и ей захотелось сглотнуть.

— Полагаю, вы мистер Уитни? — она слегка улыбнулась и сделала шаг навстречу. — Я Майра Харпер.

Еще мгновение он хранил молчание и не двигался, и Майре пришло в голову, что он, может быть, глуховат; затем он внезапно оживился, словно механическая игрушка, приведенная в движение нажатием кнопки.

— А, ну конечно... естественно! Я знаю... да-да! — взволнованно воскликнул он высоким эльфийским голосом. Затем под воздействием какого-то слабенького порыва воодушевления, он криво улыбнулся и на цыпочках засеменил к ней по темному ковру.

— Так мило, что...

Она, как и должно, слегка покраснела.

— Ах! — продолжил он. — Должно быть, вы устали? Скверная, тряская, грязная дорога, я знаю! Устали и проголодались. Пить хотите? Без

¹ *Английский дуб* (англ. English oak) — дуб черешчатый.

сомнения, без сомнения! — он возмущенно огляделся. — Слуги в этом доме весьма нерасторопны!

Майра не знала, что и сказать, поэтому ничего не ответила. На секунду мистер Уитни отвлекся; с присущей ему живостью он пересек холл, нажал на кнопку, а затем, словно пританцовывая, вернулся к ней. В его тонкой жестикуляции сквозило пренебрежение.

— Минуточку! — уверил он ее. — Шестьдесят секунд, не более! Сейчас, вот!

Неожиданно он устремился к стене, с некоторым усилием приподнял большой резной стул в стиле Людовика Четырнадцатого и аккуратно установил его точно в центре ковра.

— Присядьте! Прошу вас. Присаживайтесь! Я пойду принесу вам что-нибудь. Меня не будет шестьдесят секунд.

Она попыталась отказаться, но он продолжал повторять «присядьте!» таким обиженным и одновременно полным надежды тоном, что Майра все-таки села. В тот же миг хозяин дома исчез.

Она просидела так минут пять, а потом начала ощущать некую подавленность. Из всех приемов в ее жизни этот определенно был самым странным, и хотя она где-то читала, что Ладлоу Уитни считается одним из самых эксцентричных деятелей в финансовом мире, встреча с похожим на эльфа коротышкой с желтой физиономией, приплясывающим при ходьбе, определенно нанесла удар ее эстетическому чувству. Хорошо, если он пошел за Нолтоном! Сцепив руки, она безостановочно крутила большими пальцами.

И тут Майра вздрогнула от раздавшегося у ее локтя покашливания. Это снова был мистер Уитни. В одной руке он держал стакан с молоком, в другой — синюю кухонную миску, полную тех сухих гренок кубиками, которые обычно кладут в суп.

— Проголодались после поездки? — сочувственно воскликнул он. — Бедная девочка, бедная девчушка, оголодала! — последнее слово у него вырвалось с таким чувством, что немного молока выплеснулось из стакана.

Майра покорно приняла угощение. Она не была голодна, но на поиски еды он потратил минут десять, так что она сочла, что отказываться невежливо. Она выпила немного молока и съела крекер, прикидывая, что бы сказать. Однако эту проблему решил за нее мистер Уитни — он снова исчез, на сей раз помчавшись по широкой лестнице и перепрыгивая сразу через четыре ступеньки; на мгновение его лысина потешно блеснула в полумраке.

Тянулись минуты. Майру терзала обида и одновременно одолевало недоумение — почему она должна сидеть на высоком неудобном стуле посреди этого огромного холла и хрустеть гренками? Да кто вообще так принимает прибывшую невесту сына?

Ее сердце облегченно стукнуло, когда она услышала на лестнице знакомое насвистывание. Наконец-то! Это был Нолтон. Заметив ее, он ахнул от изумления.

— Майра?!

Она осторожно поставила миску и стакан на ковер, встала и улыбнулась.

— Ничего себе! — воскликнул он. — Мне не сказали, что ты уже здесь!

— Твой отец... Он меня встретил...

— Господи! Должно быть, он усакаал наверх и совершенно обо всем позабыл! Неужели он настаивал, чтобы ты ела эту дрянь? Почему ты не сказала ему, что не хочешь?

— Ну... Не знаю...

— Не обращай на него внимание, дорогая. Он забывчив и странен в некотором отношении, но ты к нему привыкнешь.

Он нажал кнопку, и появился дворецкий.

— Проводите мисс Харпер в ее комнату, пусть поднимут ее сумку и чемодан, если они еще не там, — он повернулся к Майре. — Дорогая, мне ужасно жаль; я не знал, что ты уже здесь! Долго ты ждала?

— Всего несколько минут...

Минут было как минимум двадцать, но она сочла, что не стоит это подчеркивать. Тем не менее это ожидание породило у нее странное, неприятное чувство.

Через полчаса, когда она застегнула последний крючок на своем вечернем платье, раздался стук в дверь.

— Это я, Нолтон! Майра, когда ты будешь готова, мы могли бы перед ужином заглянуть на минуточку к маме.

Она бросила последний одобрительный взгляд на свое отражение в зеркале и, выключив свет, вышла к нему. Они прошли по центральному коридору в другое крыло дома. Задержавшись перед закрытой дверью, он толкнул ее и пригласил Майру в самую странную комнату, которую она когда-либо могла лицезреть.

Это был просторный роскошный будуар, обшитый, как и холл внизу, темными панелями из английского дуба; в мягком оранжевом свете нескольких ламп все очертания комнаты расплывались, словно в янтарной дымке. В массивном кресле, покрытом шелковой накидкой с причудливым рисунком и заваленном подушками, полулежала внушительного вида пожилая дама с совершенно седыми волосами и крупными чертами лица; создавалось впечатление, что она находится тут в течение многих лет. Полузакрыв глаза, она сонно покоилась на подушках; под черным пеньюаром вздымался и опадал ее огромный бюст.

Однако было в этой комнате и нечто другое, что делало ее совершенно необычной; взгляд Майры ненадолго задержался на даме — впечатляло ее окружение. На ковре, на стульях и диванах, на обширной кровати с балдахинном и на мягком ангорском ковре у камина сидело, лежало и дремало множество белых пуделей. Казалось, их было почти две дюжины; у всех кудряшки шерсти обрамляли томные глазки, а шеи были украшены широкими щегольскими желтыми бантами. Когда Майра и Нолтон вошли, собаки завол-

новались; вздернулся двадцать один мокрый черный нос, из двадцати одного маленького горла вырвался громкий лай, похожий на стаккато, и комната наполнилась таким гамом, что Майра в тревоге подалась назад.

От этого шума сонные глаза внушительной дамы дрогнули, открылись, и низким хриплым голосом, который сам по себе странным образом напоминал лай, она рявкнула:

— Тихо! Прекратить гам! — и лай сразу стих. Два или три пуделя у камина неодобрительно смерили друг друга своими поблескивающими глазками, а затем с легким ворчанием растянулись на белом ангорском ковре и затихли; лохматый комочек на коленях у дамы уткнулся носом в изгиб ее локтя и снова задремал, и если бы не комочки белой шерсти, встречавшиеся повсюду в комнате, Майра могла бы подумать, что все это просто сон.

— Мама! — сказал Нолтон после недолгой паузы. — Это Майра!

С губ дамы тихо сорвалось лишь одно хрипкое слово:

— Майра?

— Она приехала к нам, я же тебе говорил...

Миссис Уитни приподняла пухлую руку и устало провела ладонью по лбу.

— Дитя! — молвила она, и Майра вздрогнула, потому что этот голос оказался похож на утробное собачье ворчание. — Ты хочешь выйти за моего сына Нолтона?

Майре показалось, что так телега ставится впереди лошади, но она все же кивнула:

— Да, миссис Уитни.

— Сколько тебе лет? — внезапный вопрос в лоб.

— Мне двадцать один, миссис Уитни.

— А... Ты из Кливленда? — этот вопрос уже несомненно походил на лай.

— Да, миссис Уитни.

— О...

Майра не была уверена, было ли последнее восклицание репликой или просто тяжелым вздохом, поэтому она ничего не сказала в ответ.

— Простите меня, что я не появляюсь внизу, — продолжила миссис Уитни, — но когда мы приезжаем сюда, на Восток, я редко оставляю эту комнату и моих милых собачек!

Майра кивнула; традиционный вопрос о здоровье уже готов был сорваться с ее языка, но она поймала предостерегающий взгляд Нолтона и сдержалась.

— Что же, — молвила миссис Уитни, явно завершая разговор. — Вы мне кажетесь вполне милой девушкой. Заходите еще!

— Спокойной ночи, мама! — сказал Нолтон.

— Спокойной! — сонно прогудела миссис Уитни. Она снова откинула голову на подушки, и ее глаза медленно закрылись.

Нолтон придержал открытую дверь, и Майра, чувствуя себя немного обескураженной, вышла из комнаты. Пока они шли по коридору, она услышала позади взрыв яростного лая — звук захлопнувшейся двери разбудил пуделей.

Когда они спустились вниз, мистер Уитни уже сидел за накрытым к ужину столом.

— Очаровательно! Просто восхитительно! — возбужденно воскликнул он. — Одна большая семья, и вы — ее украшение, моя милая!

Майра улыбнулась, Нолтон нахмурился, а мистер Уитни захихикал.

— Мы здесь живем на отшибе, — продолжил он, — уединенно, лишь втроем... Надеемся, что вы принесете с собой солнечный свет и тепло, блеск и цветение юности! Это будет совершенно очаровательно! Вы поете?

— Ну... Пою... Хотела сказать, немного...

Он восторженно захлопал в ладоши.

— Великолепно! Восхитительно! Что поете? Из опер? Песни? Популярное?

— Ну, в основном из популярного...

— Отлично! Что до меня, так я тоже предпочитаю популярную музыку. Кстати, сегодня вечером — танцы!

— Папа! Ты что, распорядился пригласить сюда толпу гостей? — угрюмо спросил Нолтон.

— Я попросил Монро пригласить всего несколько людей, кое-кого из соседей, — пояснил он Майре. — Мы все тут живем дружно, постоянно устраиваем неформальные собирушки. О, это просто восхитительно!

Майра перехватила взгляд Нолтона и сочувственно глянула в ответ. Совершенно очевидно, что в этот первый вечер он хотел побыть с ней наедине и теперь был раздосадован.

— Я хочу, чтобы они познакомились с Майрой, — продолжил его отец. — Хочу, чтобы они узнали, какая восхитительная драгоценность добавляется к нашему маленькому семейству!

— Отец, — вдруг сказал Нолтон, — когда-нибудь, конечно, мы с Майрой будем жить здесь с тобой и с мамой, но в течение первых двух или трех лет, думаю, нам больше подойдет квартира в Нью-Йорке!

Раздался грохот. Мистер Уитни сгреб скатерть перед собой, и столовое серебро звонко грохнулось на пол.

— Глупости! — яростно воскликнул он, указывая своим коротеньким пальчиком на сына. — Не говори ерунду! Вы будете жить здесь! Ты меня понял? Здесь! Что за дом без детей?

— Но, отец...

От волнения мистер Уитни вскочил; на его желтоватом лице расцвел неестественный румянец.

— Молчать! — завопил он. — Если ты рассчитываешь хоть на какую-то мою помощь, то получить ее ты сможешь лишь под моей крышей — и больше нигде! Это ясно? Что же касается вас, моя прелестная юная леди, — продолжил он, указывая подрагивающим пальчиком на Майру, — то вам лучше запомнить: лучшее, что вы можете сделать, так это поселиться именно здесь. Это мой дом, мои правила, такими они и останутся.

— ...Что же касается вас, моя прелестная юная леди, —
продолжил он, указывая подрагивающим пальчиком на Майру, —
то вам лучше запомнить: лучшее, что вы можете сделать,
так это поселиться именно здесь.
Это мой дом, мои правила,
такими они и останутся.

Он постоял некоторое время, приподнявшись на носочки и бросая яростно-возмущенные взгляды то на него, то на нее, а потом вдруг внезапно развернулся и быстро выскочил из комнаты.

— Ну и ну... — выдохнула Майра, изумленно повернувшись к Нолтону. — Ну, что ты тут скажешь?

III

Несколько часов спустя она забралась в кровать в состоянии крайнего раздражения. Ей было совершенно ясно одно: она не собирается жить в этом доме! Любыми способами Нолтону придется убедить своего отца дать им возможность жить в городской квартире. Этот коротышка с желтоватым лицом ее нервировал. Она была уверена, что собачки миссис Уитни будут сниться ей в ночных кошмарах; небрежность и безразличие шофера, дворецкого, горничных и даже гостей, с которыми она повстречалась этим вечером, совершенно не совпадали с ее представлениями о поведении людей в крупном поместье.

Она провалялась так вероятно с час, а потом из состояния мечтательной дремы ее вырвал резкий крик, раздавшийся где-то рядом. Она села в кровати и прислушалась; через минуту крик повторился. Он напоминал плач усталого ребенка, которому сразу же зажали рот рукой. В окружающей тьме и тишине ее удивление постепенно сменилось беспокойством. Прислушиваясь, она ждала, что крик повторится снова. Была лишь напряженная тишина ночи. Майра сообразила где спит Нолтон и что его спальня находится в другом крыле, сразу за комнатой его матери. То есть она была тут одна! Или не одна?

Тихо вздохнув, она вновь юркнула в постель и полежала, прислушиваясь. Она с детства не боялась темноты, но неожиданное присутствие кого-то по соседству ее растревожило, заставив воображение перебирать детективные истории, за которыми она порой коротала долго тянущееся послеполуночное время.

Услышав, как часы пробили четыре, она вдруг поняла, что очень устала. Перед ее мысленным взором медленно опустился занавес, и, переменив положение, она быстро заснула.

На следующее утро, когда она прогуливалась с Нолтоном под блестящими от инея ветками в одном из облетевших садов, ей вдруг стало легко на сердце, и она удивилась своему подавленному настроению прошлой ночью. Наверное, каждая семья кажется странной, когда приезжаешь впервые, да еще и выступаешь в такой необычной роли. И все же твердая решимость жить с Нолтоном где угодно, но только не с белыми собачонками и вертявым коротышкой, у нее не ослабла. А уж если вся публика близ Уэстчестера являет собой ту холодную толпу, с которой она столкнулась на недавних танцах...

— Мое семейство, — заявил Нолтон, — должно казаться довольно необычным. Можно подумать, что я рос в довольно странной атмосфере, однако моя мать вполне нормальна, если не считать огромного количества ее пуделей, а отец, несмотря на его эксцентричность, занимает прочное положение на Уолл-стрит.

— Нолтон, — вдруг спросила она, — а кто живет в соседней комнате?

Неужели он вздрогнул и слегка покраснел? Или это ей лишь показалось?

— Ведь я почти уверена, — продолжила она гнуть свое, — что слышала, как ночью там кто-то плакал. И это было похоже на плач ребенка, Нолтон!

— Там никого нет! — решительно заявил он. — У тебя воображение разыгралось или, может, в животе бурчало. Или, возможно, одна из служанок приболела.

Показав, что этот вопрос его больше не интересует, он сменил тему.

День прошел быстро. За обедом мистер Уитни, казалось, совсем позабыл о вчерашнем своем настроении; он был, как и всегда, возбужден и полон энергии; и когда Майра на него смотрела, у нее опять возникало впечатление, что она его уже где-то видела. Они с Нолтоном опять заглянули к миссис Уитни, пудели так же взбудоражились и залаяли, и снова их утихомирил резко звучащий гортанный голос. Разговор был коротким и напоминал допрос инквизиции. Он закончился, как и ранее, сомкнувшимися сонными веками дамы и прощальным подвыванием собак.

Вечером Майра узнала, что мистер Уитни настоял на организации неофициального концерта для соседей. В зале для танцев соорудили сцену, Майра села рядом с Нолтоном в первом ряду и с любопытством наблюдала за действием. Спели две тощие надменные дамы, какой-то мужчина продемонстрировал несколько старых карточных фокусов, потом девица показывала пародии. А затем, к изумлению Майры, появился мистер Уитни и весьма эффектно отбил чечетку. Было что-то совершенно невероятное в том, как известный финансист выделял кренделя своими коротенькими ножками, с серьезным видом порхая взад-вперед по сцене. Однако танцевал он хорошо, с непринужденной грацией и неожиданной гибкостью, за что и был вознагражден бурей аплодисментов.

В полумраке сидевшая слева дама вдруг с ней заговорила.

— Мистер Уитни просил передать, что хотел бы увидеть вас за кулисами!

Озадаченная Майра встала и поднялась по боковой лесенке, ведущей за сцену. Хозяин дома поджидал ее с нетерпением.

— Ах! — захихикал он. — Великолепно!

Он протянул ей руку, и она с удивлением ее приняла. Прежде чем она поняла его намерения, он провел ее, а на самом деле почти вытащил, на сцену. Их окутал яркий свет прожектора, легкая рябь разговоров, омывавшая аудиторию, стихла. Лица перед ней казались бледными пятнами на фоне мрака, и ожидая, что скажет мистер Уитни, она чувствовала, как у нее краснеют уши.

— Дамы и господа! — начал он. — Большинство из вас знакомо с мисс Майрой Харпер. Вы уже имели честь быть представленными ей вчерашним

вечером. Она восхитительная девушка, уверяю вас! Уж я-то это знаю! Она намеревается стать женой моего сына!

Он ненадолго замолк, покивал головой и начал хлопать в ладоши. Зрители тут же подхватили аплодисменты, а Майра стояла, застыв от ужаса; такого смятения в своей жизни она еще не испытывала.

А пронзительный голосок продолжал:

— Мисс Харпер не только красива, но и талантлива. Вчера она призналась мне, что поет! Я спросил, предпочитает ли она арии, песни или нечто популярное? И она призналась, что ей по вкусу последнее! И вот сейчас мисс Харпер побалует вас какой-нибудь легкой песенкой.

А затем Майра осталась стоять на сцене одна, застыв от смущения. Она заметила, что на лицах зрителей написаны критическое ожидание, скука и ироническое неодобрение. Безусловно, это было верхом дурного тона — поставить неподготовленного гостя в такую ситуацию!

В разлившейся тишине она было подумала, как сказать пару слов о том, что мистер Уитни ошибается, и тут ей на помощь пришел гнев. Она вскинула голову, и люди в первых рядах заметили, как она сжала губы.

Подойдя к краю сцены, она кратко спросила у дирижера:

— У вас есть ноты «Погадаем, кто из нас будет главный?..»¹

— Ну-ка, посмотрим... Да, есть!

— Отлично. Давайте!

Она торопливо прокрутила слова песни, которую совершенно случайно, от скуки, разучила прошлым летом на какой-то унылой вечеринке. Возможно, это была не та песня, которую она бы выбрала для своего первого выступления на публике, но и эта подойдет. Она лучезарно улыбнулась, кивнула дирижеру и запела первый куплет легким контральто.

Пока она пела, на нее постепенно напал шутовской задор и желание показать, что и она не лыком шита. И она задала жару! В каждое сленговое словечко она привносила ист-сайдское² звучание; она станцевала под рэгтайм, сплясала шимми, изобразила свинг, которому научилась во время репетиции любительского мюзикла. В порыве вдохновения она закончила выступление в позе Эла Джонсона³, стоя на коленях и призывно протянув руки к публике под синкопу.

Затем она встала, поклонилась и ушла со сцены.

На мгновение воцарилась тишина, тишина холодного склепа; затем должно быть с полдюжины рук вяло и небрежно ей похлопали, и через секунду эти хлопки полностью стихли.

¹ В оригинале 'Wave That Wishbone?' По традиции молодожены разламывали вилочковую косточку домашней птицы (wishbone) — тот, у кого у кого в руках останется бóльшая по размеру косточка, будет главой семьи. Напоминает русскую традицию пасхального битья яиц.

² *Ист-сайдский* акцент — смесь английского, итальянского, немецкого, польского и других языков. Ист-Сайд — район в нижнем Манхэттене, населенный, в основном, иммигрантами.

³ *Эл Джонсон* (1886–1950) — американский эстрадный певец и киноактер.

— Милая, милая! — воскликнул он. —
Я не должен был тебе рассказывать!
Я не должен был тебе об этом говорить!

«О мой Бог! — подумала Майра. — Неужели все было так плохо? Или я их ошарашила?»

Мистер Уитни, однако, оказался вполне доволен. Он ждал ее за кулисами; схватив Майру за руку, он стал с жаром ее трясти.

— Прекрасно! — закурылкал он. — Вы очаровательная артисточка и станете чудным добавлением к нашим скромным выступлениям! Хотите выйти на бис?

— Нет! — резко бросила Майра и отвернулась.

В затененном углу она дождалась, пока не разойдется публика; она злилась и явно не желала сталкиваться с этими людьми после того, как они ее отвергли!

Когда зал для танцев совершенно опустел, она медленно поднялась по лесенке и наткнулась на Нолтона и мистера Уитни; они были одни в темном зале и явно о чем-то горячо спорили.

Когда она появилась, мужчины замолчали и выразительно на нее посмотрели.

— Майра! — заявил мистер Уитни. — Нолтон хочет с вами поговорить!

— Отец, — быстро перебил его Нолтон. — Прошу тебя.

— Молчать! — воскликнул отец, раздраженно повысив голос. — Ты сделаешь, что нужно! И прямо сейчас!

Нолтон бросил на него еще один умоляющий взгляд, однако мистер Уитни лишь энергично покачал головой и, повернувшись, исчез, как призрак, взбежав вверх по лестнице.

Нолтон мгновение постоял молча, а потом с выражением упрямой решимости взял ее за руку и повел к комнате, находившейся в конце коридора. Желтый свет упал вслед за ними в раскрытую дверь, и она очутилась в обширной темной комнате, на стенах которой были едва различимы большие прямоугольники; Майра решила, что это рамы. Нолтон нажал на кнопку, и тут же ожили сорок портретов: пожилые кавалеры колониальных времен, девушки в широкополых шляпах как у Гейнсборо¹, дородные дамы с широкими кружевными воротниками и безмятежно сложенными руками.

Она вопросительно повернулась к Нолтону, однако тот молча повел ее к ряду картин, висевших сбоку.

— Майра! — медленно и с надрывом сказал он. — Я должен тебе кое-что рассказать. Это, — он указал рукой на картины, — наши семейные портреты.

Их было семь. Три мужских, три женских портрета, написанных до Гражданской войны, и тот, что посередине, скрытый завесой из малинового бархата.

— Это может показаться странным, — напряженно продолжил Нолтон, — но... в этой раме — портрет моей прабабки.

Подняв руку, он потянул за небольшой шелковый шнур; занавески разошлись, открывая портрет дамы; она была одета в европейский костюм, но черты лица говорили о ее китайском происхождении.

— Видишь ли, мой прадед возил чай в Австралию. Он повстречал свою будущую жену в Гонконге...

У Майры голова пошла кругом. Перед ее глазами всплыло желтоватое лицо мистера Уитни, его странные брови, маленькие руки и стопы; она вспомнила

¹ Томас *Гейнсборо* — английский художник и гравер XVIII в.

кошмарные истории о том, что через поколение дети, скорее всего, вернуться к исходной китайской расе. А затем из водоворота этих жутких мыслей вынырнул заглушенный плач в ночи... У нее перехватило дыхание, колени подогнулись, и она медленно осела на пол.

Нолтон мгновенно подхватил ее на руки.

— Милая, милая! — воскликнул он. — Я не должен был тебе рассказывать! Я не должен был тебе об этом говорить!

Он повторял и повторял, а Майра уже определенно и без сомнений понимала, что никогда не сможет выйти за него замуж. Поняв это, она с диким сожалением на него взглянула и впервые в жизни упала в обморок.

IV

Очнулась Майра в постели. Включив настольную лампу, она подумала, что ее, вероятно, укладывала служанка — одежда была аккуратно сложена. Некоторое время она не двигалась, слушая, как часы в коридоре пробили два раза; а затем взвинченные нервы заставили ее в ужасе вздрогнуть — она вновь услышала детский плач в соседней комнате. Утро вдруг показалось ей таким бесконечно далеким... Рядом с ней присутствовала какая-то мрачная тайна: ее возбужденное воображение рисовало китайчонка, которого воспитывали там, в полумраке...

Поддавшись внезапному порыву и все еще испытывая страх, она накинула халат и, распахнув дверь, скользнула по коридору к комнате Нолтона. В другом крыле царил непроглядная тьма, но когда она приоткрыла дверь в его комнату, в слабом свете из коридора смогла рассмотреть, что его постель пуста и на нее никто не ложился. Ее страх усилился. Что могло заставить Нолтона выйти из комнаты в такой поздний час? Она направилась к комнате миссис Уитни, однако, вспомнив о ее собаках и своих голых лодыжках, удрученно вздохнула и прошла мимо двери.

Затем она вдруг услышала голос Нолтона, который доносился из слабо освещенного конца коридора; просияв от радости, она побежала навстречу этому голосу. Оказавшись в футе от двери, Майра поняла, что может заглянуть в щелку, но одного брошенного туда взгляда оказалось достаточно, чтобы всякое желание зайти внутрь ее покинуло.

Перед горящим камином, склонив голову, с унылым видом стоял Нолтон; в углу, забросив ноги на стол, в одной рубашке сидел мистер Уитни; он был молчалив, совершенно спокоен и покуривал большую черную трубку. На столе сидела «миссис Уитни» — это была миссис Уитни без волос. Над знакомым пышным бюстом возвышалась голова миссис Уитни, но эта голова была совершенно лысой, на ее щеках проступала однодневная щетина да изо рта торчала большая черная сигара, которой она с явным удовольствием попыхивала.

— Под тысячу? — тяжело вздохнул Нолтон, словно отвечая на вопрос. — Лучше скажите две с половиной — так будет ближе к правде. Сегодня я получил счет из Грехемского собачьего питомника за пуделей! Хотят выжать из меня две сотни и говорят, что должны завтра получить собак обратно.

— Ну что же, — низким баритоном заявила «миссис Уитни», — отошлите их обратно. Мы их уже использовали.

— И это еще не все! — мрачно продолжил Нолтон. — Вместе с твоим гонораром, Эпплатона и того парня, который изображал шофера, да с массовой в семьдесят человек за два вечера, да с оркестром — это почти тысяча двести, а еще аренда костюмов, и за этот проклятый китайский портрет, и еще надо совать деньги слугам... Господи! Вероятно, мне весь следующий месяц будут присылать счета то за одно, то за другое!

— Ну-ну, — сказал Эпплтон, — Бога ради, возьми себя в руки и доведи это дело до конца. Поверь мне на слово — девица уберется из этого дома к полудню.

Нолтон осел на стул и закрыл лицо руками.

— О Боже!

— Взбодрись! Все уже позади. Хотя там, в коридоре, на секунду мне показалось, что ты уже готов отказаться от этой китайской истории.

— Этот концерт выбил меня из колеи, — тяжело вздохнул Нолтон. — Это был подлый розыгрыш, который еще не проворачивали ни с одной девушкой, а ведь она так чертовски старалась!

— Ну а что ей оставалось делать? — цинично заметила миссис Уитни.

— Ах, Келли, если бы ты видел, как она на меня посмотрела прежде чем грохнуться в обморок перед портретом. Господи, я же верю, что она меня любит! Ох, видел бы ты ее!

У стоявшей снаружи Майры кровь бросилась к лицу. Она притиснулась к двери, кусая губы, пока не почувствовала солоноватый вкус крови...

— Если бы я мог сейчас хоть что-нибудь сделать, — продолжил Нолтон, — все что угодно, лишь бы все уладить — я бы точно это сделал.

Келли тяжело встал, подошел к нему — его лысая голова нелепо возвышалась над женским ночным халатом — и положил руку на плечо Нолтона.

— Послушай, мой мальчик! Ты просто разнервничался. Посмотри на это дело: ты кое-что предпринял, чтобы выпутаться из этой ужасной передраги. Ясное дело — девица позарилась на твои денежки, а ты ее переиграл, избавив себя от несчастливого брака, а семью — от множества страданий. Не так ли, Эпплтон?

— Абсолютно верно! — решительно заявил Эпплтон. — Иди до конца!

— Ну... — молвил Нолтон, вяло пытаясь быть убедительным, — если бы она и впрямь меня любила, вряд ли бы все это на нее сильно повлияло... Она же не за родственников моих замуж выходит!

Эпплтон рассмеялся.

— Мне представляется, что мы попытались показать ей, что это именно так!

— Да заткнись ты! — жалобно воскликнул Нолтон.

Майра увидела, как Эпплтон подмигнул Келли.

— Все верно! — сказал он. — Очевидно, что ей нужны твои деньги! И теперь я не вижу никаких причин не доводить дело до конца. Сам прикинь! Либо ты доказываешь себе, что она тебя не любит, и тогда ты избавляешься от нее и будешь свободен, как ветер. Она уползет и никогда обо всем этом не обмолвится, а твои домашние ничего не узнают. Либо двадцать пять сотен ушло на собачье тявканье и несчастливый брак; девица тебя обязательно возненавидит, как только все узнает; твои домашние с тобой порвут, а может, и отрекутся от тебя за то, что ты на ней женился. Куча неприятностей, тут и говорить нечего!

— Ты прав, — мрачно признал Нолтон. — Полагаю, ты прав... Но если бы вы видели тогда ее взгляд... Наверное, она теперь лежит там и не может заснуть, слушая этого китайчонка...

Эпшлатон встал и зевнул.

— Ну... — начал он.

Однако Майра не хотела задерживаться и слушать дальше. Подхватив свое шелковое кимоно, она молниеносно промчалась по ковру в коридоре и, запыхавшись, шмыгнула в свою комнату.

— Силы небесные! — воскликнула она, стискивая в темноте кулаки. — Силы небесные!

V

Перед рассветом Майра погрузилась в прерывистый сон, который, казалось, длился бесконечно. Она проснулась около семи и полежала не двигаясь некоторое время, свесив с одной стороны кровати руку с заметными голубоватыми венами. Она часто танцевала на вечеринках до рассвета, однако сейчас чувствовала, что очень устала.

Часы за ее дверью начали бить, и тут ее нервы окончательно сдали, с ней случилось нечто вроде приступа — она перевернулась и разрыдалась в подушку; ее спутанные волосы разметались вокруг головы подобно нимбу. С ней, с Майрой Харпер, этот пошлый и вульгарный трюк проделал мужчина, которого она считала застенчивым и добрым!

Не набравшись смелости прийти к ней и выложить все начистоту, он пустился во все тяжкие и нанял людей, чтобы запугать ее!

Между надрывными прерывистыми рыданиями она тщетно пыталась постичь, что творилось в голове у человека, который все так хитро измыслил. Ее гордость не позволяла ей считать, что этот план был разработан Нолтоном. Вероятно, саму идею взлелеял актер-коротышка Эпшлатон или же толстяк Келли с ужасными пуделями. Все это было совершенно невообразимо, просто немыслимо! Вся эта история вызывала у нее острое чувство стыда.

Но когда в восемь часов она вышла из своей комнаты и, отказавшись позавтракать, направилась в сад, держалась она как уверенная в себе красotka, в

глазах ее не было ни слезинки, лишь легкие тени лежали под ними. Земля затвердела, покрывший ее иней предвещал близкую зиму, и ей казалось, что соответствующие ее настроению серое небо и унылая атмосфера некоторым образом ее успокаивают. В такие дни хорошо думалось, а ей надо было поразмышлять.

Завернув за угол, она неожиданно увидела Нолтона: он сидел на каменной скамье, подперев голову руками; вся его поза говорила о глубоком унынии. На нем была та же одежда, что и вчера; было совершенно очевидно, что спать он не ложился.

— Майра, я натворил ужасных дел —
с тобой, с собой, с нами! Мне нет оправдания —
я совершенно испорченный человек!
Мне кажется, меня охватило какое-то безумие.

Он не слышал ее шагов, пока она не подошла к нему совсем близко и сухая ветка не сломалась под ее каблуком. Тогда он устало поднял глаза. Она заметила, что ночь прошла по нему катком; лицо его было мертвенно-бледным, а глаза — покрасневшими и опухшими. Он вскочил, словно от испуга.

— Доброе утро! — спокойно молвила Майра.

— Присядь! — начал он нервно. — Присядь! Мне надо с тобой поговорить. Я должен с тобой поговорить!

Майра кивнула и, присев рядом с ним на скамью, обхватила руками колени и прикрыла глаза.

— Майра, Бога ради, сжался надо мной!

Она удивленно на него посмотрела.

— О чем это ты?

Он тяжело вздохнул.

— Майра, я натворил ужасных дел — с тобой, с собой, с нами! Мне нет оправдания — я совершенно испорченный человек! Мне кажется, меня охватило какое-то безумие.

— Ну, ты хотя бы намекни, о чем речь.

— Майра... Майра! — подобно увесистому телу, его признание тяжело двигалось с места. — Майра... Мистер Уитни — не мой отец!

— Хочешь сказать, тебя усыновили?

— Нет. Я имею в виду, что Ладлоу Уитни — мой отец, но человек, с которым ты знакома, — не Ладлоу Уитни!

— Знаю, — холодно ответила Майра. — Это Уоррен Эшлатон, актер.

Нолтон вскочил на ноги.

— Как, черт побери...

— Я узнала его в первый же вечер! — легко соврала Майра. — Видела его пять лет назад в «Швейцарском грейпфруте»¹...

Казалось, это совершенно убило Нолтона. Он безвольно сполз на скамью.

— Ты знала?

— Конечно! И что же мне было делать? Просто мне стало любопытно, что тут творится.

Он с огромным усилием попытался взять себя в руки.

— Я хочу все тебе поведать, Майра!

— Я вся внимание!

— Ну, все начинается с моей мамы — моей настоящей, а не той дамы с идиотскими собачками; моя мама больна, и я ее единственный ребенок... Главная цель ее жизни всегда состояла в том, чтобы подобрать мне подходящую партию; а мамино представление о ней всегда крутилось вокруг положения в английском свете. Ее самым большим разочарованием в жизни было то, что я не родился девочкой, которую можно выдать замуж, заполучив титул; тогда она захотела перетащить меня в Англию, чтобы женить на сестре графа или

¹ Видимо, упомянут бар, названный так по безалкогольному напитку «швейцарский грейпфрут».

на дочке герцога. И прежде чем разрешить мне остаться здесь этой осенью одному, она взяла с меня обещание, что я не буду встречаться ни с одной девушкой больше двух раз. А потом я встретил тебя!

Он ненадолго умолк и решительно продолжил:

— Ты была первой девушкой в моей жизни, на которой мне захотелось жениться. Ты опьянила меня, Майра! Было такое впечатление, что ты заставила меня любить тебя с помощью какой-то невидимой силы!

— Так и есть, — пробормотала Майра.

— Однако первое пьянящее чувство длилось неделю; а потом пришло письмо от мамы, в котором говорилось, что она привезет домой какую-то дивную английскую девушку, леди Хелену, или как там ее... И в тот же самый день один человек поведал мне слух о том, что меня, мол, захомотала самая известная во всем Нью-Йорке охотница за мужьями! Получив эти две новости, я чуть не сошел с ума. Я приехал в сити, чтобы повидаться с тобой и все отменить, дошел до входа в «Билтмор», но дальше пойти не осмелился. Как безумный, я начал бродить по Пятой авеню, а потом я встретил Келли. Я рассказал ему всю историю, и в течение часа мы носились с этим кошмарным планом. Это был его план — он придумал все детали! В нем возобладали актерский талант, и он заставил меня поверить, что это будет самый благополучный выход из сложившегося положения.

— Короче! — твердо настояла Майра.

— Ну, как мы и думали, все шло отлично. Все — встреча на станции, сцена за ужином, плач в ночи, концерт — хотя мне показалось, что это уже немного перебор — пока... О, Майра, когда ты лишилась чувств перед той картиной и я подхватил тебя на руки, беспомощную, словно ребенка, я понял, что я тебя люблю! Мне так жаль, Майра...

Последовала долгая пауза, в течение которой она сидела неподвижно, ее руки все еще сжимали колени, — а потом его прорвало — он разразился искренней и безумно страстной мольбой.

— Майра! — воскликнул он. — Если есть хоть какой-то шанс, что ты сможешь все простить и позабыть, я женюсь на тебе по первому же твоему слову, пусть моя родня идет к чертям, я буду любить тебя всю свою жизнь!

Она довольно долго размышляла, а Нолтон встал и, засунув руки в карманы, принялся нервно мерить шагами проход между облетевшими кустами; его утомленные глаза были теперь преисполнены чувства и печальной мольбы. Наконец она приняла решение.

— Ты совершенно уверен? — спокойно спросила она.

— Да.

— Очень хорошо. Я выйду за тебя сегодня.

После этих ее слов все окружающее прояснилось, и все беды соскользнули с него, словно старый плащ. Солнце бабьего лета выглянуло из-за серых туч, и по сухим веткам кустов пробежал легкий ветерок.

— Да, все это было ужасной ошибкой, — продолжила она, — но если ты уверен, что любишь меня после всего, — это главное! Этим же утром мы

поедем в город, получим документ о браке, и я загляну к своему двоюродному брату, который служит священником в Первой пресвитерианской церкви¹. Этим же вечером мы сможем уехать на Запад.

— Майра! — ликующе воскликнул он. — Ты чудо, и я не достоин завязывать шнурки на твоих ботинках! Я обязательно заплачу свою вину перед тобой, моя дорогая девочка!

И заключив изящную девушку в свои объятия, он покрыл ее лицо поцелуями.

Следующие два часа прошли в суматохе. Майра добралась до телефона и позвонила своему двоюродному брату, а затем бросилась наверх собирать вещи. Когда она спустилась вниз, на ведущей к особняку аллее чудесным образом ее уже ждал великолепный родстер², и в десять часов они благополучно помчались в направлении города.

Они остановились на несколько минут у мэрии, потом снова заехали к ювелиру, а потом оказались в доме его преподобия Уолтера Грегори на Шестидесят девятой улице, где слегка заикающийся священник с помаргивающими глазками радушно их принял и настойчиво предложил перед церемонией позавтракать яичницей с беконом.

По пути на вокзал они остановились только для того, чтобы отправить телеграмму отцу Нолтона; а потом они сели в свое купе «Бродвей Лимитед»³.

— Черт! — воскликнула Майра. — Я забыла сумочку! Оставила ее от волнения у своего кузена Уолтера.

— Не переживай. Мы сможем все купить в Чикаго.

Она глянула на свои наручные часы.

— У меня еще есть время позвонить ему, пусть перешлет ее нам.

Майра встала.

— Не задерживайся, дорогая!

Она наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Не волнуйся, не буду. Буквально пару минут, дорогой!

Выскочив из поезда, Майра пробежала по платформе, а потом вверх по стальной лестнице в обширный зал ожидания, где ее встретил мужчина — слегка заикающийся человек с помаргивающими глазками.

— К-как все п-прошло, Майра?

— Отлично! Ах, Уолтер, ты был великолепен! Прямо хочется, чтобы ты стал священником, тогда ты смог бы вести церемонию, когда я буду выходить замуж по-настоящему.

— Ну, я полчаса ре-репетировал по-после твоего звонка.

— Хотелось бы, чтобы у нас было побольше времени. Я бы заставила его снять квартиру и купить мебель.

¹ Работающая и в наши дни на Пятой авеню Первая пресвитерианская церковь Нью-Йорка ведет свою историю с 1716 года.

² *Родстер* — двухместный автомобиль со съемной крышей.

³ «*Бродвей Лимитед*» — пассажирский поезд Пенсильванской железной дороги, циркулировавший между Нью-Йорком и Чикаго с 1912 по 1995 г.

— ...Уолтер, скажи водителю ехать в «Билтмор»!

— Ха... — усмехнулся Уолтер. — Интересно, как далеко он уедет во время своего медового месяца?

— Будет думать, что я в поезде, пока не доедет до Элизабет¹, — она погрозила своим кулачком огромному отделанному мраморному своду. — Он еще легко отделался! Слишком легко!

— Я так и не по-понял, что те-тебе этот па-парень сделал, Майра?

— Надеюсь, ты никогда не узнаешь.

Они прошли через боковой выход, и он остановил для нее такси.

— Ты ангел! — просияла Майра. — Не знаю, как тебя и отблагодарить.

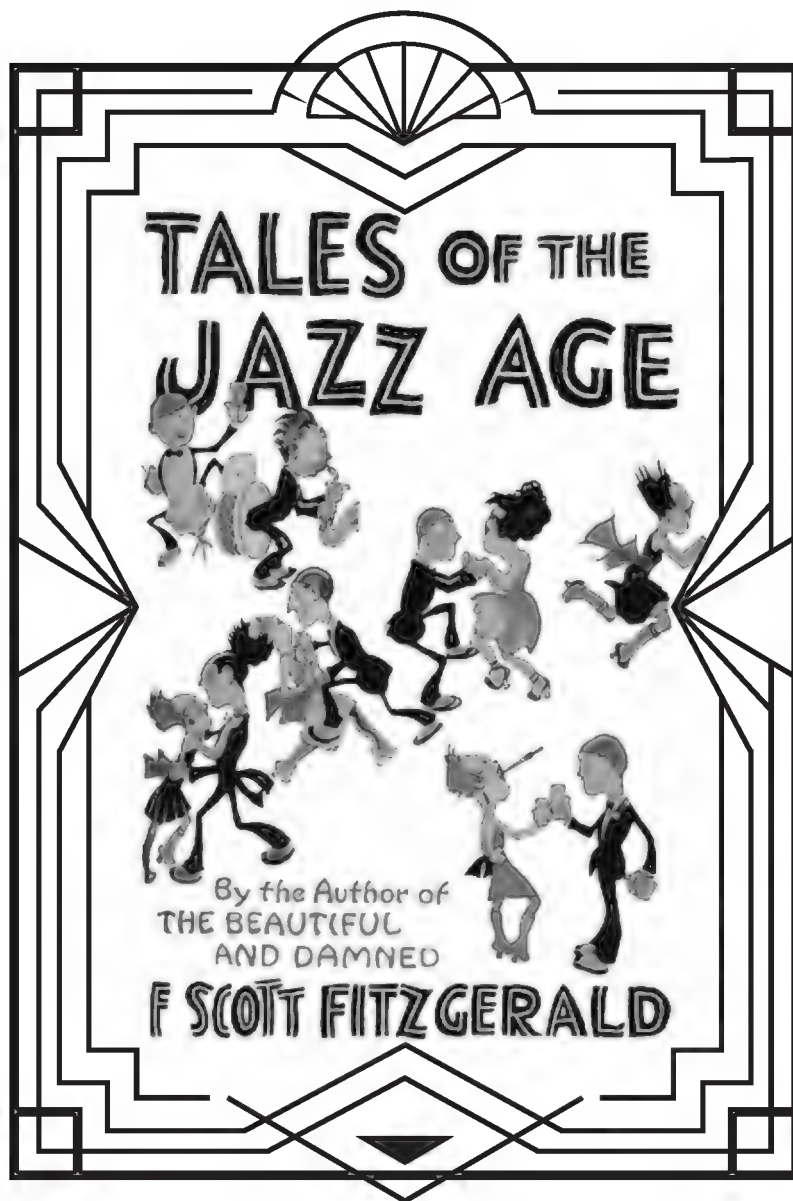
— О-о-обращайся в любое время. Буду рад помочь. Кстати, что ты собираешься делать со всеми подаренными кольцами?

Майра, смеясь, взглянула на свою руку.

— Да, это вопрос, — сказала она. — Могу отослать их леди Хелене — или-как-там-ее... Хотя я всегда испытывала тягу к сувенирам... Уолтер, скажи водителю ехать в «Билтмор»!

¹ Элизабет — город в Нью-Джерси, неподалеку от Нью-Йорка.

БАЙКИ ВЕКА ДЖАЗА

ЗАДНЯЯ ПОЛОВИНА ВЕРБЛЮДА

Бросив на мгновение равнодушный взгляд на приведенное выше название, утомленный читатель наверняка подумает, что это определенно метафора. Истории о горячем молоке, фальшивой монете и новой метле редко имеют отношение к молоку, монетам или метлам. Этот рассказ — исключение. Он имеет вполне конкретное, зримое и непосредственное отношение к задней половине верблюда.

Начав с его шеи, мы будем двигаться к его хвосту. Хочу вам представить мистера Перри Паркхарста, двадцати восьми лет, адвоката родом из Толидо¹. У Перри отличные зубы, диплом Гарварда² и прямой пробор на голове. Вы уже наверняка встречали его где-нибудь в Кливленде, Портленде, Сент-Поле³, Индианаполисе, Канзас-Сити или где-то еще. «Братья Бейкер» из Нью-Йорка⁴ во время своей поездки по западным штатам, которую они совершают раз в полгода, специально заезжают к Перри, чтобы обновить его гардероб. Каждые три месяца фирма «Монморанси и компания» доставляет этому молодому человеку курьерской почтой записку, дабы убедиться, что он носит ботинки с модным нынче числом дырочек для шнурков. Сейчас у него местный родстер⁵, а со временем появится и французский; без сомнения он также приобретет и «китайский танк»⁶, если тот войдет в моду. Внешне он похож на молодого человека из рекламы, который натирает свой загорелый торс линиментом⁷, и каждые два года он отправляется на Восток, чтобы встретиться с университетскими однокашниками.

Позвольте представить вам предмет его вздыханий. Ее зовут Бетти Мэйдл, и она чудесно смотрелась бы в кино. Ее отец отстегивает ей три сотни

¹ *Толидо* — город в штате Огайо (собрат по названию испанскому Толедо).

² Имеется в виду *диплом* Гарвардского университета.

³ *Сент-Пол* — столица штата Миннесота.

⁴ «*Братья Бейкер*» (англ. Baker Brothers) — вымышленная фирма, намек на манхэттенскую швейную компанию Brooks Brothers — одного из старейших производителей одежды в Соединенных Штатах, — которая обслуживала студентов и выпускников Гарвардского университета.

⁵ *Родстер* — двухместный автомобиль со съемной крышей.

⁶ Разновидность внедорожника.

⁷ *Линимент* — здесь — мазь от солнечных ожогов.

*Мальчи Уорбертон, который был в курсе всех дел,
убедил Перри, что необходимо посуперменствовать —
заполучив разрешение на брак, заявиться в дом Мэйдлов
и сказать ей: или она выходит за него,
или все отменяется.
И он появился...*

в месяц на гардероб, у нее карие глаза, каштановые волосы, и у нее есть веер из перьев пяти оттенков. Должен представить также ее отца, Сайруса Мэйбла. Несмотря на то, что это человек из плоти и крови, в Толидо, как это ни странно, он обычно известен как «мистер Алюминий». Однако когда он сидит в своем клубе с двумя или тремя людьми: «мистером Железо», «мистером Древесина» и «мистером Латунь», то вместе с ними он выглядит совершенно как вы или я, только чуть более весомо, если вы понимаете, что я имею в виду.

Так вот, в течение рождественских праздников 1919 года в Толидо только у тех, кого называют «мистер такой-то», состоялось сорок четыре праздничных ужина, шестнадцать вечеринок с танцами, шесть обедов как для мужчин, так и для женщин, двенадцать чаепитий, четыре мальчишника, две свадьбы и тринадцать партий в бридж. Все эти события сподвигли Перри Паркхарста двадцать девятого декабря принять решение.

Красотка Мэйбл собиралась за него выйти — и в то же время не собиралась. Она настолько шикарно проводила время, что необходимость совершить столь решительный шаг вызвала у нее лишь раздражение. Между тем времени с их тайной помолвки прошло уже столько, что эта помолвка в любой день могла разорваться под собственным весом. Малыш Уорбертон, который был в курсе всех дел, убедил Перри, что необходимо посуперменствовать — получив разрешение на брак, заявиться в дом Мэйблов и сказать ей: или она выходит за него, или все отменяется. И он заявился, предложил ей руку и сердце, а также предъявив разрешение и ультиматум — и через пять минут Перри и Бетти оказались в эпицентре ожесточенной ссоры, переходящей порой чуть ли не в драку, какие всегда возникают ближе к концу любой затяжной войны или помолвки. Эта ссора привела к той неловкой паузе, когда оба влюбленных внезапно умолкают, смотрят друг на друга, остывая, и думают, что все это было какой-то ужасной ошибкой. Далее обычно следуют благотворно действующие поцелуи и уверения противоположной стороны, что все это его или ее вина. Скажи, что это я виноват! Скажи, что это я! Хочу услышать, как ты это скажешь!

Однако когда в воздухе уже витало примирение, и каждый в какой-то мере оттягивал его, чтобы с большей страстностью насладиться моментом, когда оно настанет, их надолго прервал звонок словоохотливой тетюшки Бетти, который длился целых двадцать минут. По прошествии восемнадцати минут Перри Паркхарст, понукаемый гордостью, ревностью и чувством оскорбленного достоинства, накинул свою длинную шубу, подхватил свою светло-коричневую фетровую шляпу и прошествовал за дверь.

— Все кончено! — отрывисто пробормотал он, пытаясь завести свою машину. — Все кончено... Да битый час я, что ли, должен тебя заводить?

Последнее относилось к машине, которая простояла некоторое время на холоде, и ее мотор успел остыть.

Он покатил в центр — точнее, попал в снежную колею, которая понесла его в центр. Он сидел, низко ссутулившись на своем сиденье, и был слишком подавлен, чтобы заботиться о том, куда именно ехать.

Возле отеля «Клэрendon» его окликнул с тротуара местный бандит Бэйли; у него были крупные зубы, он жил в отеле и никогда ни в кого не влюблялся.

— Перри, — тихо произнес Бэйли, когда родстер остановился перед ним у обочины, — у меня тут шесть кварт¹ отличного неигристого шампанского², ты такого никогда не пробовал. Треть твоя, Перри, если ты поднимешься и поможешь мне с Мартином Мэйси выпить его.

— Бэйли, — решительно ответил Перри, — я выпью твое шампанское. Выпью все до капли. И плевать, если оно меня убьет.

— Заткнись. Ты чокнутый? — мягко возразил Бэйли. — Древесный спирт³ в шампанское не добавляют. А эта партия доказывает, что нашему миру более шести тысяч лет. Она настолько древняя, что пробки окаменели. Чтобы их вытащить, нужно сверло по камню.

— Давай, води меня наверх, — угрюмо молвил Перри. — Если эти пробки узрят, что у меня на сердце, они повыскакивают сами, из чистого сострадания.

В номере наверху было полно тех невинных картинок, на которых девчушки вкушают яблоки, сидят на качелях или беседуют с собачками. Прочими украшениями были галстуки и розовощекий человек, читавший какую-то клубничную газетку, посвященную дамам в розовых чулках.

— Пути Господни неисповедимы, — молвил розовощекий человек, укоризненно глянув на Бэйли и Перри.

— Привет, Мартин Мэйси! — кратко бросил Перри. — И где это шампанское из каменного века?

— К чему такая спешка? Это же, понимаешь, не налет, а вечеринка!

Перри медленно сел и неодобрительно посмотрел на галстуки.

Бэйли не спеша открыл дверцу шкафчика и выудил шесть элегантных бутылок.

— Сними эту чертову шубу, — бросил Мартин Мэйси. — Или, может, ты хочешь, чтобы мы распахнули все окна?

— Дайте шампанского, — потребовал Перри в ответ.

— Идешь сегодня на цирковой карнавал к Таунсендам?

— Нет!

— Приглашали?

— Угу.

— Почему не идешь?

— Я устал от вечеринок! — воскликнул Перри. — Меня тошнит от них, понимаешь? Я уже на стольких побывал, что меня от них просто тошнит!

— Может, ты пойдешь на пирушку к Говарду Тейту?

— Нет, я же сказал тебе. Меня от них тошнит.

— Ну, — утешительно заметил Мэйси, — прием у Тейтов в любом случае для малолеток.

¹ *Шесть кварт* — 5,7 литра. Кварта — мера объема жидкостей.

² До середины XVII века пузырьки в шампанских винах считались дефектом, говорившим о незавершившемся брожении.

³ *Древесный спирт* — изначальное название метанола.

— Да говорю же тебе...

— Я подумал, ты все-таки собирался куда-нибудь пойти. Вижу по газетам, что ты в это Рождество ни одной вечеринки не пропустил!

Перри угрюмо хмыкнул.

Он больше никогда не будет ходить на вечеринки! Классическая фраза все время крутилась в его голове — эта страница его жизни закрыта, закрыта! А когда мужчина твердит подобным образом «закрыта, закрыта», вы можете быть совершенно уверены, что это, скажем так, двойное закрытие совершилось под влиянием женщины. Перри приходили на ум и другие, классические, соображения: например, о том, насколько трусливым поступком является самоубийство. Эта мысль вполне благородна, она согревает и вдохновляет! Подумайте, скольких славных людей мы бы потеряли, если бы самоубийство не было таким трусливым поступком!

Через час, в шесть, Перри потерял всякое сходство с молодым человеком из рекламы линимента. Он выглядел, как черновой набросок буйного персонажа из комикса. Парни голосили песню-экспромт, сочиненную на ходу Бэйли:

Перри-дубина в гостиных торчал,

Чай артистично всегда разливал.

Блюдца тасует, вот это уловка!

Чашками всеми жонглирует ловко.

— Беда в том, ребята, — сказал Перри, зачесав вперед свои волосы расческой Бэйли и закончив накручивать на них оранжевый галстук, чтобы сделать себя похожим на Юлия Цезаря, — что ваше умение петь гроша ломаного не стоит. Как только я повышаю голос и начинаю петь тенором, вы делаете то же самое.

— Я тенор по природе, — с важным видом заявил Мэйси. — Просто голос не поставлен, вот и все. А голос у меня от рождения, так мне тетка всегда говорила. Я отличный певец.

— Певцы, певцы, прекрасные певцы, — заметил Бэйли, который в этот момент говорил по телефону. — Нет, я не в кабаре. Я хочу чем-нибудь перекусить. Пусть какой-нибудь чертов рассыльный, да, который доставляет еду... Еду! Я хочу!..

— Юлий Цезарь! — объявил Перри, оторвавшись от зеркала. — Человек с железной волей и строгими принципами.

— Заткнись! — выкрикнул Бэйли. — Скажите, это зв-нит мистер Бэйли. Пришлите поб-ше жратвы. На в-ше усмотрение. Прямо-мо с-час!

Он не без труда нацепил телефонную трубку обратно на крючок, после чего сжал губы, торжественно подошел к шкафчику и выдвинул нижний ящик.

— Псм-трите на это! — скомандовал он.

В руках он держал какие-то коротенькие одежки из розовой ткани в полоску.

— Штаны! — важно произнес он. — Псм-трите-ка!

Это была розовая рубашка, а с ней — красный галстук и воротничок Бастера Брауна¹.

— Псм-трите-ка! — повторил он. — Костюмчик для циркового карнавала Таунсендов. Я буду мальчишкой, который таскает воду для слонов.

Перри был впечатлен.

— Я буду Юлием Цезарем, — заявил он после минутного раздумья.

— Думал, что ты не идешь! — удивился Мэйси.

— Я? Конечно, иду! Никогда не пропускаю вечеринки. Они полезны для нервов, как сельдерей.

— Цезарем! — хохотнул Бэйли. — Ты не можешь быть Цезарем. Он не имеет отношения к цирку. Это из Шекспира. Нарядись клоуном.

Перри замотал головой.

— Не-а... Цезарем!

— Цезарем?

— Точно. На колеснице!

Бэйли внезапно озарило.

— А и впрямь. Неплохая идея.

Перри испытующе оглядел комнату.

— Ты одолжишь мне купальный халат и этот галстук, — наконец заявил он.

Бэйли задумался.

— Не сгодится.

— Пойдет. Это все, что мне надо. Цезарь был варваром. Они не смогут меня вытолкать, если я заявлюсь Цезарем, он же был варваром.

— Нет, — возразил Бэйли, медленно покачав головой. — Возьми костюм напрокат. У Нолака.

— Уже закрыто.

— Узнай.

После пяти минут бессвязного разговора по телефону далекий утомленный голос сумел убедить Перри, что это говорит именно мистер Нолак и что он будет открыт до восьми из-за карнавала у Таунсендов. Убедившись в этом, Перри заглотив огромный бифштекс и допив свою треть шампанского. В восемь пятнадцать швейцар в высоком цилиндре у входа в «Клэрндон» обнаружил, как тот пытается завести свой родстер.

— Замерз, — со знанием дела заметил Перри. — От холода замерз. Мороз.

— Замерз?

— Да. Морозом прихватило.

— Не заводится?

— Не-а. Пусть постоит тут до лета. Один жаркий августовский денек, и он отлично оттаит.

— Собираетесь тут оставить?

¹ *Бастер Браун* — персонаж комиксов, созданных в 1902 г. Ричардом Фелтоном Аутко. Костюмчик мальчугана Бастера был очень популярным стилем одежды для мальчишек в Соединенных Штатах в начале XX в.

- Точно. Пусть стоит. Его согрет только очень горячий парень. По-майите такси. Швейцар в высоком цилиндре подождал такси.
- Куда, мистер?
- К Нолаку, ну, тот парень с костюмами...

II

Миссис Нолак была коренастой и невзрачной женщиной; после окончания мировой войны ее некоторое время относили к одной из вновь возникших народностей. Благодаря неразберихе в Европе она не была окончательно уверена, кто же она такая. Магазины, в котором она вместе с мужем ежедневно крутилась, был тускло освещен и заставлял вспоминать о привидениях; он был забит доспехами и одеяниями китайских мандаринов, к потолку были подвешены огромные птицы из папье-маше. Из сумрачной глубины таращились на посетителя расположенные в несколько рядов безглазые маски. Там были стеклянные шкафы, наполненные коронами, скипетрами, самоцветами, огромными корсажами, коробочками с гримом, накладными бородами и париками всех цветов.

Когда Перри неторопливо вошел в лавку, миссис Нолак, завершая хлопоты напряженного дня, складывала последние, как ей казалось, вещи в шкаф, полный розовых шелковых чулок.

- Что желаете? — без энтузиазма спросила она.
- Хотелось бы костюм Юлия Гура¹, того, что на колеснице.

Миссис Нолак сказала, что ей очень жаль, но такие костюмы до самого наипоследнего давно выданы напрокат.

- Это для циркового карнавала у Таунсендов?
- Именно так.

— Извините, — сказала она, — не думаю, что у нас осталось что-нибудь из циркового.

Возникла проблема.

— Хм... — ответил Перри. Внезапно у него возникла идея. — Если у вас найдется холстина, я мог бы сойти за шатер!

— Извините, ничего такого у нас нет. В скобяную лавку — вот куда вам надо за этим обратиться. У нас есть несколько очень хороших солдат Конфедерации!

- Нет. Никаких солдат!
- А еще у меня есть вполне симпатичный король.

Он отрицательно покачал головой.

— Некоторые джентльмены, — продолжала миссис Нолак, не теряя надежду, — наденут цилиндры, длиннополые фракы и будут манежными... Но цилиндров у нас не осталось... Могу предложить накладные волосы для усов.

- Хотелось бы что-то-то необычное.

¹ Смешение имен Юлия Цезаря и Иуды Бен-Гура — героя романа Лью Уоллеса.

— Что-то... давайте глянем. Ну, у нас тут голова льва, гусь, верблюд...

— Верблюд? — эта мысль сразу же поразила Перри, прочно и глубоко завладев его воображением.

— Да, но для него надо два человека...

— Верблюд. Вот это идея! Дайте взглянуть.

Верблюда извлекли с места, где он залежался — с верхней полки. На первый взгляд казалось, что он состоит исключительно из одной ссохшейся жутковатой головы и внушительного горба, однако когда его развернули, выяснилось, что у него имеется еще и темно-коричневое, нездорово выглядящее туловище из плотной хлопчатобумажной ткани.

— Вот видите, тут нужны два человека, — объяснила миссис Нолак, с откровенным восхищением приподнимая распластанного верблюда. — Если у вас есть друг, он может стать его частью. Видите, тут нечто вроде двух пар штанов на двоих. Одна пара для парня спереди, а другая пара — для парня сзади. Парень спереди смотрит через вот эти глазки, а парню сзади надо согнуться и просто следовать за парнем спереди.

— Надевайте, — скомандовал Перри.

Миссис Нолак беспрекословно засунула свою кошачью голову в голову верблюда и свирепо помотала ею из стороны в сторону.

Перри был восхищен.

— А какие звуки издает верблюд?

— Что? — переспросила миссис Нолак, высвобождая свою запачканную голову и стряхивая с лица пыль. — Какие звуки? Ну, он... ревет.

— Дайте посмотретьсь в зеркало.

Перед широким зеркалом Перри примерил голову и оценивающе покрутился из стороны в сторону. При тусклом освещении эффект был определенно впечатляющим. Украшенная многочисленными потертостями морда верблюда была воплощением пессимизма, и, нужно отметить, что шкура его находилась в совершенно запущенном состоянии, впрочем, весьма характерном для верблюдов; по сути она нуждалась в стирке и утюжке, но это был определенно верблюд. Выглядел он величественно. Он привлек бы к себе внимание на любом сборище лишь только одним меланхолическим выражением голода, притаившегося в его темных глазных орбитах.

— Вы видите, вам нужен второй человек, — снова заметила миссис Нолак.

Перри попытался соединить одну часть верблюда с другой, обвязавшись задними ногами, словно поясом. Результат в целом получился отвратительным. Это выглядело какой-то насмешкой и походило на одну средневековую картинку, на которой был изображен монах, превращенный в зверя козными сатаны. В лучшем случае все это напоминало горбатую корову, накрытую попоной и присевшую на корточки.

— Вообще ни на что не похоже, — мрачно заметил Перри.

— Да уж, — ответила миссис Нолак. — Вот видите, вас должно быть двое! Решение мгновенно вспыхнуло в голове у Перри.

— У вас сегодня вечером есть дела?

— О, я вряд ли смогу...

— Давайте! — ободряюще воскликнул Перри. — Конечно, вы сможете. Вот так! Будьте молодчиной и залезайте в эти задние ноги!

Не без труда он их нашел и заискивающе простер перед ней их зияющие глубины. Однако миссис Нолак была совершенно не готова это делать. Она упрямо попятилась назад.

— О, нет...

— Ну же! Вы можете быть спереди, если захотите. Или подбросим монетку!

— О, нет...

— Я в долгу не останусь!

Миссис Нолак поджала губы.

— Прекратите сейчас же! — сказала она без всякого жеманства. — Ни один джентльмен ничего подобного мне не предлагал! Мой муж...

— У вас есть муж? — спросил Перри. — Где он?

— Дома.

— Какой у него номер?

После долгих переговоров он стал-таки обладателем телефонного номера, имевшего отношение к нолаковским пенатам¹, и начал разговор с обладателем тихого усталого голоса, который он уже слышал сегодня. Однако мистер Нолак, хотя и был застигнут врасплох, а также сбит столку блистательным потоком доводов Перри, твердо стоял на своем. Он решительно, хотя и с достоинством, отказался помогать мистеру Паркхарсту и становиться задней половиной верблюда.

Закончив разговор, или скорее когда он прервался с той стороны, Перри уселся на трехногую табуретку, чтобы все обдумать. Он перебрал в памяти имена друзей, которым можно было позвонить, затем его мысли остановились, и в его голове туманно и скорбно всплыло имя Бетти Мэйдел. У него возникла сентиментальная идея — он мог бы попросить ее. Их романтические отношения закончились, однако она же не откажет ему в последней просьбе. Тут и просить-то не о чем — помочь ему выполнить общественный долг в течение одного короткого вечера. А если она будет настаивать, то пусть станет передней частью верблюда, а он сойдет и за заднюю. Ему польстило собственное великодушие. В его голове даже закружились розовые мечты о нежном примирении внутри верблюда: там, скрытые от всего мира...

— Ну так давайте, решайте уже что-нибудь.

Голос миссис Нолак вторгся в его сладкие грезы и сподвигнул на действия. Он подошел к телефону и позвонил в дом Мэйделов. Миссис Бетти отсутствовала: она уехала на званый обед.

Когда уже, казалось, надежда умерла, в магазинчик с любопытством заглянула задняя половина верблюда. Это был потрепанный, шмыгающий носом и на вид деградирующий субъект. Его кепка была глубоко нахлобучена на лоб, подбородок был опущен на грудь, а пальто свисало до ботинок; он выглядел

¹ Пенаты — в переносном смысле — домашний очаг.

уставшим, утомленным с головы до пяток и недокормленным не в пример подопечным «Армии спасения»¹. Он сказал, что является водителем такси, которое джентльмен нанял у отеля «Клэрндон». Ему было велено ожидать снаружи, однако спустя некоторое время появилось подозрение, что джентльмен вышел через заднюю дверь с намерением надуть его, а джентльмены обычно так и поступают, поэтому он и зашел. Водитель опустил на трехногую табуретку.

— Хочешь пойти на вечеринку? — сурово спросил Перри.

— Мне нельзя оставлять работу, — мрачно ответил таксист. — Я должен за нее держаться.

— Вечеринка будет славной!

— У меня работа что надо.

— Ну, давай! — настаивал Перри. — Будь другом. Повеселимся!

Он приподнял верблюда, и таксист критично на него взглянул.

Перри нервно перебирал складки ткани.

— Смотри! — с энтузиазмом воскликнул он, раскрыв часть складок. — Это твоя часть. Тебе даже не нужно ничего говорить! Все, что необходимо делать, это ходить и временами садиться. Сидеть будешь только ты. Прикинь! Я все время буду на ногах, а ты можешь временами присаживаться. Я смогу отдохнуть, только если мы оба приляжем, а ты сможешь садиться — ну, в любое время. Понятно?

— Что это вообще такое? — с сомнением спросил субъект. — Саван?

— Вовсе нет! — возмутился Перри. — Это верблюд!

— Хм...

Затем Перри упомянул о сумме вознаграждения, и разговор утратил ворчливые нотки, приобретя деловой характер. Перри и таксист попробовали примерить костюм верблюда перед зеркалом.

— Тебе не видно, — пояснил Перри, с беспокойством поглядывая через прорези для глаз, — но, честное слово, старина, ты выглядишь просто великолепно! Честное слово!

В ответ на этот несколько сомнительный комплимент со стороны горба раздалось какое-то ворчание.

— Честное слово, ты прекрасно выглядишь! — повторил с энтузиазмом Перри. — Подвигайся немного.

Задние ноги шагнули вперед, отчего создалось впечатление, что огромный котятра поджал их, приготовившись к прыжку.

— Нет. Давай боком.

Верблюжьи бедра заходили из стороны с сторону; гавайские танцовщицы умерли бы от зависти.

— Неплохо, правда? — обратился Перри к миссис Нолак за одобрением.

— Выглядит мило, — согласилась миссис Нолак.

— Берем! — заявил Перри.

Свернутая шкура оказалась у Перри под мышкой, и они покинули магазинчик.

¹ «Армия спасения» — международная благотворительная организация, основана в 1865 г.

— На вечеринку! — скомандовал он, залезая на заднее сиденье.

— На какую именно?

— На костюмированную.

— Где это?

Вопрос вызвал смутнение. Перри попытался вспомнить, куда именно надо ехать, однако у него перед глазами запырыгали имена сразу всех, кто на рождественской неделе устраивал праздничные вечеринки. Он мог бы спросить об этом у миссис Нолак, однако, выглянув из машины, он увидел, что в магазине свет не горит, а сама миссис Нолак уже превратилась в маленькое темное пятнышко в конце заснеженной улицы.

— Поезжай в центр, — уверенно скомандовал Перри. — Увидишь где-то вечеринку — останавливайся. Или я скажу тебе, когда приедем.

Он погрузился в полудрему, и его мысли снова начали блуждать вокруг Бетти — ему смутно представилось, что они опять умудрились поссориться из-за того, что она отказывалась заявиться на вечеринку в качестве задней части верблюда. Он уже почти было погрузился в зыбкий сон, однако тут его разбудил шофер, который открыл дверь и потряс его за плечо.

— Кажись, приехали.

Перри сонно осмотрелся. От тротуара к внушительному каменному дому был протянут полосатый тент, и оттуда доносился низкий барабанный рокот зажигательного джаза. Он узнал дом Говарда Тейта.

— Верно, — воскликнул он, — это здесь! Вечеринка сегодня у Тейтов. Верно, все сюда и собирались!

— Послушайте, — встревоженно спросил водитель, еще раз взглянув на натянутый тент, — а вы уверены, что эти люди мне не накостыляют, за то, что я туда заявлялся?

Перри приосанился.

— Если кто-нибудь к тебе пристанет, просто скажи ему, что ты часть моего костюма.

Возможность выступать в качестве вещи (а не личности) субъекта, кажется, приободрила.

— Ладно, — неохотно согласился он.

Перри ступил под сень тента и начал разворачивать верблюда.

— Пошли, — скомандовал он.

Спустя несколько минут можно было увидеть, как печальный и оголодавший верблюд, выпуская пар изо рта и из верхушки своего благородного горба, пересек порог обители Говарда Тейта. Шествуя мимо изумленного лакея, он удостоил его лишь слабым фырканьем, а потом направился прямо к главной лестнице, которая вела в бальную залу. Зверюга шла диковинным аллюром, чередуя то неуверенный марш, то беспорядочный галоп; однако точнее всего этот стиль передвижения можно было описать как «спотыкающийся». Верблюд запинался при каждом шаге и по мере движения то вытягивался, то сжимался, как огромная гармошка.

III

Каждому жителю Толидо было хорошо известно, что Тейты — самое уважаемое семейство в городе. До замужества миссис Тейт проживала в Чикаго и звалась мисс Тодд; все члены семейства Тейтов сознательно демонстрировали ту простоту, которая стала отличительной чертой американской аристократии. Тейты уже достигли такого положения, когда, заводя разговоры о свиньях и фермах, они бросали ледяной взгляд на собеседника, если тот не выражал восторга по этому поводу. Они предпочитали видеть за обеденным столом не друзей, а вассалов; начали, не афишируя, тратить много денег и, выбыв из конкурентной гонки, постепенно превращались в скучных зануд.

Эта танцевальная вечеринка была устроена в честь юной Миллисент Тейт, и, хотя приглашены были люди разных возрастов, среди танцующих были главным образом школьники и студенты; молодожены были на цирковом карнавале Таунсендов в клубе «Таллихо». Миссис Тейт стояла у входа в балльный зал, постоянно следя глазами за Миллисент и широко улыбаясь, когда ловила ее взгляд. Рядом с ней находились две сладкоголосые компаньонки средних лет, которые постоянно говорили, что Миллисент несравненно хороша. Именно в этот момент за юбку миссис Тейт кто-то уцепился, и через мгновение у нее в объятиях с громким «Ох!» очутилась младшая дочь — одиннадцатилетняя Эмили.

— Эмили, в чем дело?

— Мама, — затараторила та, вытаращив глаза, — там что-то на лестнице...

— Что?

— Там что-то на лестнице, мама! Я подумала, что это большая собака, мама, но это не похоже на собаку!

— Что ты имеешь в виду, Эмили?

Тетушки сочувственно закачали головами.

— Мама, это похоже... похоже на... верблюда!

Миссис Тейт рассмеялась.

— Тебе что-то дурное почудилось, вот и все.

— Да нет, я видела! Я видела, оно настоящее, мама, большое! Я спускалась вниз по лестнице посмотреть, не пришел ли кто-нибудь еще, а это что-то... оно поднималось! И так забавно, мама, как будто хромоe. Оно увидело меня и как-то так рыкнуло, а потом поскользнулось на верхней площадке, и я убежала.

Миссис Тейт перестала смеяться.

— Должно быть, ребенок и впрямь что-то видел, — предположила она.

Соседки-подхалимки согласились, что «ребенок и впрямь что-то видел», а затем все три женщины инстинктивно отступили от двери, потому что прямо за ней слышались приглушенные шаги.

Тут из-за угла вывернуло нечто темно-коричневое; над женщинами нависла огромная зверюга, взиравшая голодными глазами; раздались изумленные возгласы:

— Ох! — воскликнула миссис Тейт.

— О-ох! — воскликнули прочие дамы хором.

Верблюд неожиданно затряс горбом, и вздохи перешли в визг.

— Ой... Смотрите!

— Что это?

Танцы прекратились, однако у поваливших на лестницу танцоров сложилось совсем иное представление о незваном госте. Конечно же, молодые люди сразу заподозрили, что это трюк нанятого артиста, который заявился развлечь гостей. Мальчишки, уже носившие длинные брючки, посмотрели на происходящее свысока; они неторопливо подходили, не вынимая рук из карманов, и чувствовали, что к ним решили отнестись как к детям. Однако девчонки разразились удивленными возгласами.

— Это верблюд!

— Точно! И такой забавный!

Верблюд постоял, как бы раздумывая, слегка покачиваясь из стороны в сторону и медленно обводя помещение оценивающим взглядом; затем, внезапно приняв решение, он развернулся и иноходью двинулся к двери.

Мистер Говард Тейт в это время только что вышел из библиотеки на первом этаже и стоял в холле, беседуя с каким-то молодым человеком. Неожиданно они услышали донесшиеся сверху крики, затем неясный топот, и у основания лестницы внезапно вырисовался огромный бурый зверь, который, казалось, куда-то очень спешил.

— Что за черт? — сказал, вздрогнув, мистер Тейт.

Зверюга не без достоинства приосанилась, а затем абсолютно бесстрастно, словно вспомнив о важной встрече, несуразным аллюром двинулась к входной двери. Говоря точнее, только передние ноги попытались бежать...

— Стойте тут! — решительно скомандовал мистер Тейт. — А я туда! Хватайте его, Баттерфилд! Хватайте!

Молодой человек вцепился железной хваткой в верблюжий зад; убедившись, что дальнейшее продвижение вперед невозможно, передняя часть смирилась с пленением и замерла. К этому моменту вниз по лестнице уже хлынул поток молодежи, и мистер Тейт, подозревая разные варианты — от хитроумного грабителя до беглого сумасшедшего — давал молодому человеку краткие команды:

— Держите его! Тяните сюда, внутрь. Сейчас посмотрим...

Верблюд позволил завести себя в библиотеку, а мистер Тейт, заперев дверь, достал из ящика стола револьвер и приказал молодому человеку стащить с верблюда голову. После чего он ахнул и положил револьвер на место.

— Да это же Перри Паркхарст! — воскликнул он в изумлении.

— Забрел не на ту вечеринку, мистер Тейт, — робко объяснил Перри. — Надеюсь, я вас не напугал.

— Ну, вы нас напугали, Перри, — он уже понял, в чем дело. — Вы направлялись на цирковой карнавал Таунсендов?

— Планировал...

— Позвольте представить вам мистера Баттерфилда, мистер Паркхарст, — и добавил: — Мистер Баттерфилд останется у нас на несколько дней.

— Я немного заплутал, — бормотал Перри. — Мне очень жаль.

— Да все в порядке, кто не ошибается! У меня тоже есть клоунский наряд, и я хочу к Таунсендам, — он повернулся к Баттерфилду. — Может, передумаете и отправитесь с нами?

Молодой человек задумался, в том числе потому, что его уже клонило в сон...

— Хотите выпить, Перри? — предложил мистер Тейт.

— Спасибо, с удовольствием.

— И кстати, — быстро продолжил Тейт, — я совершенно забыл о вашем... друге, там, — он указал на верблюжий зад. — Не хочу показаться невежливым. Я с ним знаком? Вытаскивайте его оттуда.

— Это не друг, — поспешно пояснил Перри. — Я просто его нанял.

— Он выпьет?

— Ты будешь? — спросил Перри, с трудом обернувшись к напарнику.

Раздалось слабое утвердительное мычание.

— Конечно, выпьет! — радушно заявил мистер Тейт. — Работоспособный верблюд должен быть в состоянии выпить столько, чтобы хватило на три дня.

— Должен сказать, — с сомнением заявил Перри, — что он недостаточно прилично одет, чтобы вылезать наружу. Если вы дадите мне бутылку, я передам ему, и он сможет угоститься внутри.

В ответ на это предложение из-под одеяния донеслось одобрительное причмокивание. Когда появился буфетчик с бутылками, стаканами и сифоном, одна из бутылок была передана по назначению, и было слышно, как молчаливый партнер Перри часто и подолгу глотает из горлышка.

Таким образом прошел час. В десять мистер Тейт решил, что им пора выдвигаться. Он облачился в свой клоунский костюм; Перри водрузил на прежнее место верблюжью голову, и так, шествуя рядом, они пересекли единственный квартал, отделявший дом Тейтов от клуба «Таллихо».

Цирковой карнавал был в разгаре. В бальной зале был растянут огромный тент, а вдоль стен были установлены ряды палаток, представлявших разные цирковые аттракционы. К этому времени все они уже пустовали, а в зале, издавая веселые возгласы и хохоча, среди ярких красок веселилась молодежь: клоуны, бородатые дамы, акробаты, наездники, манежные и покрытые татуировками силачи. Таунсенды решили, что эта вечеринка удастся на славу, поэтому из их дома было тайно доставлено море спиртного, и теперь оно лилось рекой. По стенам почти всего бального зала тянулась зеленая лента с указательными стрелками и надписями, которые наставляли несведущих: «Следуйте по зеленой линии!» Зеленая линия вела напрямиком в бар, где гостей ожидали обычный пунш, забористый пунш и темно-зеленые бутылки с известным всем содержимым.

На стене над баром была другая стрелка, красная и весьма извилистая; под ней была надпись: «А теперь следуй туда!»

Однако даже среди роскоши костюмов и высокого градуса общего веселья вторжение верблюда вызвало переполох, и Перри был тотчас окружен заинтригованной смеющейся толпой, старавшейся определить, что за животное стоит в дверном проеме, обозревая танцующих голодными и меланхоличными глазами.

А потом Перри заметил Бетти, стоявшую перед одной из палаток и болтавшую с комично выглядывшим полицейским. На ней был костюм египетской заклинательницы змей: ее каштановые волосы были заплетены и пропущены через медные кольца; завершала образ блестящая восточная диадема. Лицо было загримировано до темно-оливкового цвета, а на руках и на спине вдоль глубокого овального выреза извивались нарисованные змеи с зелеными глазами. На ногах были сандалии, а юбка разрезана так, что при ходьбе можно было видеть тоненьких змеек, нарисованных выше ее лодыжек. Вокруг шеи обвилась поблескивающая кобра. В целом это был очаровательный костюм; один из тех, что заставляют наиболее нервных дам пожилого возраста инстинктивно шарахаться в сторону при приближении, а наиболее обеспокоенных громогласно восклицать «Это недопустимо!» и «Какое позорище!»

Однако Перри, смотревший через узкие прорезы верблюжьих глаз, видел только лицо Бетти, сияющее, оживленное и взволнованное, а также ее руки и плечи, живые и выразительные движения которых выделяли ее среди любой компании. Он был восхищен, и это восхищение подействовало на него отрезвляюще. Со все возрастающей ясностью к нему вернулись воспоминания о том, что произошло днем, в нем всколыхнулись чувства, и, подчиняясь полубессознательному желанию увести ее из толпы, он пошел к ней, а точнее, стал понемногу растягивать костюм, поскольку совершенно позабыл дать предварительную команду партнеру.

И тут изменчивый кисмет¹, который целый день злобно и коварно с ним забавлялся, решил сполна его вознаградить за полученное им удовольствие. Кисмет обратил карие глаза заклинательницы змей на верблюда. Кисмет заставил заклинательницу наклониться к кавалеру и спросить: «Кто это там? Это верблюд?»

— Будь я проклят, не знаю.

Но малыш Уорбартон, который, конечно, был в курсе, счел необходимым рискнуть и высказать свое мнение:

— Он появился вместе с мистером Тейтом. Так что одна его половина, вероятно, Уоррен Баттерфилд, архитектор из Нью-Йорка, который приехал к Тейтам.

Что-то шевельнулось в Бетти Мэйдл — вероятно, вековой интерес провинциальной девицы к заезжему мужчине.

— Вот как, — заметила она подчеркнуто равнодушно после небольшой паузы.

По окончании следующего танца Бетти и ее партнер оказались в нескольких футах от верблюда. С бесцеремонной непосредственностью, которая царила на вечеринке, она протянула руку и нежно почесала верблюда за нос.

— Привет, старина!

¹ *Кисмет* — рок, судьба в арабской культуре.

Верблюд беспокойно шевельнулся.

— Ты меня боишься? — спросила Бетти, укоризненно подняв брови. — Не стоит. Видишь ли, я вообще-то заклинательница змей, но и верблюда смогу очаровать.

Верблюд отвесил глубокий поклон, и кто-то отпустил ожидаемую шутку о красавице и чудовище.

К группе подошла миссис Таунсенд.

— Ну, мистер Баттафилд, — любезно заметила она, — я бы вас и не узнала!

Перри снова поклонился, ухмыльнувшись под маской.

— А кто с вами? — спросила она.

— О, — ответил Перри, и его голос, приглушенный толстой тканью, был совершенно неузнаваем, — этого человека я нанял, миссис Таунсенд; он просто часть моего костюма.

Миссис Таунсенд рассмеялась и отошла. Перри снова повернулся к Бетти.

«Вот значит как, — подумал он, — вот как она ко мне относится. Уже в день нашего разрыва начинает флиртовать с другим мужчиной, причем совершенно ей незнакомым!»

Он слегка толкнул ее плечом и многозначительно кивнул головой, приглашая в залу и давая понять, чтобы она оставила партнера и составила ему компанию.

— Пока, Рас, — крикнула она своему партнеру. — Этот старина верблюд зовет меня. Куда мы направляемся, мой принц зверей?

Благородное животное промолчало и величественной походкой двинулось в сторону укромного уголка под боковой лестницей.

Там Бетти присела, а верблюд после нескольких секунд замешательства, во время которых были слышны доносившиеся изнутри невнятные распоряжения и звуки жаркого спора, расположился рядом с ней, неуклюже вытянув свои задние ноги сразу через две ступеньки.

— Ну, старина, — весело сказала Бетти, — как тебе наша славная вечеринка?

Старина показал, что ему нравится, восторженно мотнув головой и радостно приударив копытами.

— Я впервые в жизни разговариваю тет-а-тет в присутствии слуги, — она указала на задние ноги, — или кто там у тебя...

— О, — пробормотал Перри, — он глух и слеп!

— Думаю, ты чувствуешь себя так скованно — не можешь быстро двигаться, даже если хочется.

Верблюд печально понурил голову.

— Хочу, чтобы ты мне что-нибудь сказал! — ласково попросила Бетти. — Скажи, что я тебе нравлюсь, верблюд! Скажи, что ты считаешь меня красавицей! Скажи, что хотел бы принадлежать такой славной заклинательнице змей!

Верблюд не возражал.

— Потанцуешь со мной?

Верблюд был готов попробовать.

*— Ты меня боишься? — спросила Бетти,
укоризненно подняв брови. — Не стоит. Видишь ли,
я вообще-то заклинательница змей, но и верблюда смогу очаровать.*

Бетти посвятила ему полчаса. Всем гостям мужского пола она уделяла не менее получаса. Обычно этого было достаточно. Когда она приближалась к новичку, оказавшиеся рядом дебютантки рассеивались направо и налево, как сомкнутая колонна под пулеметным огнем. Таким образом Перри Паркхарст удостоился уникальной возможности лицезреть свою любовь такой, какой ее видели другие. Она с ним флиртовала направо и налево!

IV

Этот хрупкий рай был разрушен звуками из бального зала — начинался котильон¹. Бетти и верблюд присоединились к толпе, ее смутлая рука покоилась на его плече, вызывая демонстрацию, что он принят в ряды ее воздыхателей.

Когда они вошли, пары уже садились за расставленные у стен столики, а миссис Таунсенд со своими, пожалуй, чересчур полными икрами, блиставшая в костюме лихой наездницы, стояла в центре с манежным, отвечавшим за расстановку танцоров. Прозвучал сигнал оркестру, все встали, и началось.

¹ Котильон — танец, соединенный с игрой в фанты.

— Ну не славно ли? — вздохнула Бетти. — Как считаешь — ты сможешь танцевать?

Перри охотно кивнул. Его внезапно охватило приятное возбуждение. В конце концов, он здесь инкогнито беседует со своей зазновой и может поплевать на все с высокой колокольни.

Поэтому Перри станцевал котильон. Я говорю «станцевал», в данном контексте это слово следовало бы отнести далеко за пределы самых дерзких представлений джазовой Терпсихоры¹. Он подставил плечи своей партнерше, дав ей возможность, хотя и с трудом, вести его то туда, то сюда по зале, а сам он в это время положил свою огромную голову ей на плечо и делал ногами дурацкие движения. Задние ноги отплясывали на свой манер: поднималась в воздух то одна нога, то другая. Лишенные возможности понять, продолжается танец или уже завершился, задние ноги подстраховывались, добавляя серию шажков каждый раз, когда поддавала жару музыка. Поэтому часто можно было видеть, как передняя половина верблюда спокойно стоит, а задняя продолжает энергично двигаться, вызывая тем самым оторопь у сочувствующего зрителя...

Верблюд был нарасхват. Сначала он танцевал с рослой дамой, увешанной соломой; она весело сообщила, что является стогом сена и умоляет ее не есть.

— А хотелось бы, — галантно ответил верблюд, — вы такая аппетитная!

Каждый раз, когда манежный выкрикивал «Мужчины, вперед!», верблюд изо всех сил устремлялся к Бетти, держащей картонную сосиску, фотографию бородатой дамы или что-то еще, что ей выпадало. Иногда он успевал, но обычно его порыв был напрасен из-за бурных возражений задней его половины.

— Ради Бога, — яростно рычал Перри сквозь стиснутые зубы, — взбодрись хоть немного! Я бы заполучил ее на этот раз, если бы ты шевелил ногами.

— Надо было хоть намекнуть!

— Да я намекал, черт возьми!

— Темно же тут — глаз выколи!

— Все, что тебе нужно, — это следовать за мной. Ух!.. Ходить с тобой — все равно что мешок с песком таскать.

— Может, хотите сами попробовать походить тут сзади?

— Заткнись! Если присутствующие узнают, что ты в этой комнате, они тебя вздуют, и мало не покажется. И водительских прав лишат!

Перри сам удивился той легкости, с которой он произнес эту чудовищную угрозу, однако на партнера она подействовала отрезвляюще; тот буркнул «О, Господи» и пристыженно погрузился в молчание.

Манежный вскарабкался на пианино, взмахнул рукой, призывая к тишине.

— Призы! — воскликнул он. — Встаньте кругом!

— Ура! Призы! — Круг гостей потихоньку стал сжиматься.

Симпатичная девушка, набравшаяся смелости заявиться в качестве «бородатой дамы», трепетала от волнения, надеясь, что ее наградят за самый уродливый образ на вечеринке. Мужчина, который провел весь день покрытым

¹ Терпсихора в древнегреческой мифологии — муза танца.

татуировками с ног до головы, тихонько пробирался сквозь толпу, отчаянно краснея, когда кто-нибудь говорил, что он обязательно получит приз.

— Леди и джентльмены, артисты этого цирка, — задорно оповестил всех манежный, — уверен, все согласятся, что сегодня мы повеселились на славу. Теперь настало время воздать должное достойнейшим среди нас и вручить им призы! Миссис Таунсенд уполномочила меня это сделать. Итак, дорогие друзья-лицедеи, первый приз предназначен леди — леди, которая к этому вечеру подготовила самый эффектный, подобающий случаю, — при этих словах «бородатая дама» разочарованно вздохнула, — и оригинальный — тут «стог сена» наострила уши, — костюм. И я уверен, что принятое решение будет единодушно одобрено всеми присутствующими. Первый приз получает очаровательная заклинательница змей из Египта!

Раздался взрыв аплодисментов — главным образом хлопали мужчины. Мисс Бетти Мэйл, которая очаровательно покраснела под своим оливковым гримом, дали пройти вперед, чтобы она получила свою награду. Восторженно улыбаясь, манежный вручил ей огромный букет орхидей.

— А теперь, — продолжил он, оглядываясь вокруг, — приз мужчине — за самый забавный и оригинальный костюм. Этот приз, без сомнения, достается нашему гостю, джентльмену, который недавно появился здесь и чье пребывание, как мы надеемся, продлится и будет радостным, короче говоря, он достается благородному верблюду, который в течение всего вечера развлекал нас своим голодным взором и блестящими плясками!

Манежный умолк. Раздались оглушительные аплодисменты и одобрителные возгласы; этот выбор разделяли многие. Приз — большую коробку сигар, отложили в сторону, поскольку в силу анатомических особенностей самолично верблюд принять ее не мог.

— А теперь, — продолжил манежный, — мы завершим котильон бракосочетанием Веселья с Безрассудством! Постройтесь для свадебного шествия: впереди — прекрасная заклинательница змей и благородный верблюд!

Бетти весело протиснулась вперед и обвила шею верблюда оливковой рукой. За ними выстроился ряд из мальчиков, девочек, сельских шутов, толстушек, аскетов, шпагоглотателей, дикарей с Борнео, а также изображающих безруких из бродячих балаганов¹; многие из них изрядно поднабрались, все были приятно возбуждены и радостны, их ослепляли потоки разноцветного света; знакомые лица в безумном гриме были почти неузнаваемы под причудливыми париками.

В синкопе забредили тромбоны и саксофоны, раздались первые сладостные аккорды свадебного марша, и шествие началось.

— Ну, что, разве ты не рад, верблюд? — нежно спросила Бетти, когда они двинулись вперед. — Разве ты не рад, что мы собираемся пожениться, и после этого ты будешь принадлежать очаровательной заклинательнице змей?

Передние ноги верблюда загарцевали, выражая невероятную радость.

¹ В XIX и начале XX века людей с различными уродствами нередко показывали в Соединенных Штатах на потеху публике.

— Священник! Священник! Где священник? — раздались веселые крики из толпы. — Кто будет изображать клирика?

Тут из приоткрытой двери буфетной на секунду высунулась голова Джамбо, тучного негра, много лет работавшего официантом в клубе «Таллихо».

— О, Джамбо!

— Пусть будет Джамбо! Он славный парень!

— Заходи, Джамбо! Как насчет поженить для нас парочку?

— Да! Да!

Джамбо был схвачен четырьмя ряжеными, освобожден от своего фартука и препровожден к помосту в конце залы. Там с него сняли воротничок и нацепили его задом наперед на грудь, чтобы было как у священников. Участники разделились на две группы, образовав проход для жениха и невесты.

— Леди и джентльмены, — пророкотал Джамбо, — у меня есть старенькая Библия, так что все будет взаправду!

Он выудил из внутреннего кармана выдававшую виды Библию.

— Да! У Джамбо есть Библия!

— И бритва¹ тоже, могу поспорить!

Заклинательница змей и верблюдов вместе прошли по проходу среди ликующих зрителей и остановились перед Джамбо.

— Где твое разрешение на брак, верблюдов?

Стоявший рядом мужчина пихнул Перри в бок.

— Дай ему лист бумаги. Что угодно сойдет.

Перри, смущенно порывшись в кармане, нашел сложенную бумагу и протолкнул ее через верблюжий рот. Держа ее вверх тормашками, Джамбо сделал вид, что внимательно ее изучает.

— Да, это специальное разрешение на брак для верблюдов, — сказал он. — Приготовь кольцо, верблюдов.

Перри повернулся внутри верблюда и обратился к своей худшей половине.

— Ради всего святого, дай мне кольцо!

— Нет у меня, — огрызнулся усталый голос.

— Есть. Я видел.

— Да не собираюсь я его снимать.

— Если не снимешь, я тебя убью.

Раздался вздох, и Перри почувствовал, как ему в руку сунули здоровую латунную вещицу с куском горного хрусталя.

Его снова пихнули снаружи.

— Отвечай!

— Я согласен! — торопливо выкрикнул Перри.

Он услышал, как весело отвечает Бетти, и услышанное повергло его в восторг даже в такой пародийной ситуации.

Затем он просунул горный хрусталь сквозь прореху в верблюжьей шкуре и надел кольцо ей на палец, бормоча вслед за Джамбо слова древней клятвы. Он отнюдь не

¹ В старину в обряд подготовки к свадьбе входило бритье жениха.

хотел, чтобы кто-нибудь когда-нибудь все выяснил. Единственным его желанием было незаметно ускользнуть, не раскрывая тайну своей личности, раз уж мистер Тейт до сих пор держал язык за зубами. Перри был вполне достойным молодым человеком, и все это могло повредить началу его юридической практики.

— Обними невесту!

— Сними маску, верблюд, и поцелуй невесту!

Его сердце забилося сильнее, когда Бетти, смеясь, повернулась к нему и стала стаскивать картонную морду. Он чувствовал, что теряет самообладание; ему хотелось заключить ее в объятия, показать, что это он, и поцеловать в губы, находившиеся всего в футах от него, как вдруг смех и аплодисменты стихли, и в зале воцарилась странная тишина. Перри и Бетти удивленно обернулись к Джамбо, который громко выкрикнул «Ого!» таким растерянным тоном, что все к нему разом повернулись.

— Ого! — повторил снова Джамбо. Он уже перевернул верблюжье разрешение на брак, которое держал вверх тормашками, выудил очки и вперился в бумагу глазами. — Ничего себе! — воскликнул он, и в разлитой тишине его слова отчетливо долетали до каждого в зале. — Это же настоящее разрешение на брак!

— Что?

— Ого!

— Повтори, Джамбо!

— Ты правда умеешь читать?

Джамбо взмахнул рукой, привлекая всеобщее внимание, и у Перри кровь застыла в жилах при мысли, что он натворил.

— Ничего себе! — воскликнул Джамбо. — Это настоящее разрешение на брак, и оно разрешает пожениться вот этой молодой леди — миз Бетти Мэйдл, с мистром Перри Паркхарстом!

Позалу прокатился гул, в то время как все взгляды были устремлены на верблюда. Бетти быстро от него отпрянула, и в ее карих глазах зажглись искры гнева.

— Так верблюд — это ты, Перри Паркхарст?

Перри молчал. Люди в толпе придвинулись ближе, все глазели на него. А он буквально застыл от смущения, а меланхоличная картонная морда с голодными глазами по-прежнему взирала на неумолимого Джамбо.

— Вы б лучше предупреждали, — медленно произнес Джамбо, — дело-то нешутейное. Помим работы в этом клубе, известно, я еще и священник в первой баптистской церкви для цветных. И чей-то мне сдается, что вы, кажись, поженились-то взаправду.

V

Последовавшая за этим сцена навсегда войдет в анналы клуба «Таллихо». Дородные матроны попадали в обморок, а пуритане зачертыхались. Как мыльные пузыри, образовывались и распадалась группы дебютанток с вытаращенными

глазами, бальная зала наполнилась возмущенными возгласами и пересудами. Возбужденные юноши клялись, что убьют Перри, или Джамбо, или себя, или ещë кого-нибудь; баптистский священник был окружен бурлящей толпой галдящих юристов-любителей, они задавали вопросы, угрожали, требовали указать на прецеденты, настаивали на том, чтобы аннулировать этот брак, а особенно настойчивые пытались обнаружить любой намек на то, что все случившееся было заранее спланировано.

В углу миссис Таунсенд тихо плакала на плече мистера Говарда Тейта, который тщетно пытался ее утешить; оба они без остановки громкогласно твердили «Это все моя вина!» Снаружи, на припорошенном снегом тротуаре, медленно расхаживал в компании двух бравых возничих мистер Сайрус Мэйдл «мистер Алюминий»; он то изрыгал непечатные проклятия, то умолял не дать ему добраться до Джамбо. Этим вечером на нем был игривый костюм дикаря с острова Борнео, и даже самый взыскательный режиссер признал бы, что лучшего кандидата на эту роль было не сыскать.

Тем временем главные персонажи оказались в центре общего внимания. Разъяренную Бетти Мэйдл — или она была уже Бетти Паркхарст? — окружала толпа дурнушек; те, что посимпатичней, были слишком заняты пересудами о ней, чтобы обращать внимание на саму Бетти; в другом конце залы стоял верблюд, по-прежнему в своей шкуре, не считая головы, драматично болтавшейся на груди. Перри был занят, пылко доказывая свою невиновность окружающим его рассерженным и сбитым с толку мужчинам. Каждые несколько минут, когда, казалось, ему уже удалось полностью оправдаться, кто-нибудь упоминал о разрешении на брак, и дознание начиналось снова.

Ситуацию смогла изменить лишь Мэрион Клауд, которая считалась второй красавицей Толидо.

— Ну что же, — ехидно заметила она, обращаясь к Бетти, — скоро все это закончится, дорогая. Суд аннулирует это без вопросов.

Тут слезы гнева в глазах Бетти чудесным образом исчезли, и она, поджав губы, бросила на Мэрион ледяной взгляд. Затем она встала и, расталкивая сочувствующих ей в стороны, направилась через залу прямо к Перри, который с трепетом смотрел на нее. В помещении снова воцарилась тишина.

— Не будешь ли ты так любезен уделить мне пять минут для разговора, или это не входит в твои планы?

Он кивнул, будучи не в состоянии произнести ни слова.

Холодно дав понять, что он должен следовать за ней, она вышла из залы, гордо вскинув голову, и направилась в одну из комнат.

Перри двинулся за ней, но резко остановился, потому что задние ноги не двигались.

— Останься здесь! — сердито приказал он.

— Я не могу, — заныл голос со стороны горба. — Чтобы дать мне выбраться, сначала должны вылезти вы!

Перри заколебался, но, более не в силах выносить взгляды любопытствующей толпы, скомандовал идти, и верблюд осторожно вышел из комнаты на всех четырех ногах.

Бетти ждала его.

— Ну вот, — в сердцах начала она, — видишь, что ты наделал! Ты и твое дурацкое разрешение на брак! Я же говорила тебе, что не надо было его получать!

— Дорогая, я...

— Не говори мне «дорогая»! Прибереги это для своей настоящей жены, если после этой идиотской выходки за тебя кто-нибудь пойдет! И не пытайся доказывать, что все это не было заранее подстроено. Сам знаешь, что это ты сунул этому цветному официанту деньги. Да, знаешь! Хочешь сказать, что и не хотел жениться на мне?

— Ну... конечно...

— Лучше уж сознайся во всем! Хотел! И что ты теперь собираешься делать? Ты знаешь, что мой отец чуть не свихнулся? Если он захочет тебя пристрелить, так тебе и надо! Он возьмет свое ружье и всадит в тебя пулю! Даже если эту сва... все это... можно будет аннулировать, история эта будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь!

Перри не смог сдержаться и вполголоса процитировал: «О, верблюд, разве ты не рад, что будешь навеки принадлежать очаровательной заклинательнице змей?»

— Заткнись! — воскликнула Бетти.

Возникла пауза.

— Бетти, — наконец сказал Перри, — существует лишь одна вещь, которая нам поможет выпутаться из сложившейся ситуации. Нужно, чтобы ты вышла за меня.

— Выйти за тебя?

— Да. Это единственный...

— Заткнись! Я бы не вышла за тебя, даже если... если...

— Знаю. Даже если бы я был последним мужчиной на земле. Однако если тебе хоть немного дорога твоя репутация...

— Репутация! — воскликнула она. — Как мило, что теперь ты начал думать о моей репутации! А почему ты не подумал о моей репутации, прежде чем нанять этого ужасного Джамбо, чтобы... чтобы...

Перри безнадежно воздел руки.

— Ладно. Я сделаю все, как ты хочешь. Видит Бог, я отказываюсь от всех претензий!

— А я, — послышался посторонний голос, — не отказываюсь!

Перри и Бетти вздрогнули, и она схватилась за сердце.

— Ради всего святого, это еще что?

— Это я, — ответила задняя половина верблюда.

В одно мгновение Перри стащил с себя верблюжью шкуру, и перед ними вызывающе вырисовался неряшливый, покачивающийся человек: одежда его пропиталась потом, а в руке он крепко сжимал почти пустую бутылку.

— О, — воскликнула Бетти, — ты притащил сюда это чудище, чтобы напугать меня! Ты же сказал, что он глухонемой!

Задняя половина верблюда с удовлетворенным вздохом уселась на стул.

— Не говорите обо мне таким образом, леди. Я — не чудище. Я — ваш муж.

— Муж?!

Этот крик вырвался одновременно у Бетти и у Перри.

— Ну конечно. Я такой же ваш муж, как и этот чудик. Черномазый выдал вас замуж не за переднюю половину верблюда. Он выдал вас за всего верблюда целиком. Ну и ведь это мое кольцо на вашем пальце!

Слегка охнув, Бетти сорвала с пальца кольцо и с чувством швырнула его на пол.

— К чему это ты? — озадаченно спросил Перри таксиста.

— А к тому, что вам придется договариваться со мной, и договариваться по-хорошему. А если ничего не выйдет, то я такой же ее муж, как и вы!

— Это уже двоемужие, — мрачно заметил Перри, повернувшись к Бетти.

И тут для Перри настал решающий момент всего этого вечера, у него появился шанс рискнуть всем. Он встал, посмотрел сначала на Бетти, которая была совершенно убита новым поворотом дела, потом на субъекта, который, насупившись неуверенно держал равновесие, сидя на стуле.

— Очень хорошо, — медленно произнес Перри, глядя на провонявшего субъекта, — можешь ее забирать. Бетти, что касается нашей свадьбы, то я собираюсь доказать, что она произошла совершенно случайно. Я хочу при свидетелях отказаться от всяческих прав на тебя как на мою жену и передать тебя... этому человеку, кольцо которого только что было у тебя, — твоему законному супругу.

Повисла пауза; две пары широко раскрытых глаз взирали на него.

— Прощай, Бетти, — бросил он отрывисто. — Не забывай меня, обретая новое счастье. Утренним поездом я уезжаю на Запад. Не думай обо мне дурно, Бетти.

Взглянув на них в последний раз, он отвернулся и, опустив голову на грудь, коснулся дверной ручки.

— Прощай, — повторил он, отворив дверь.

Однако после этих слов змеи, шелк и каштановые волосы стремительно бросились к нему.

— О Перри, не оставляй меня! Перри, Перри, возьми меня с собой!

Ее слезы потекли по щекам. Он спокойно обнял Бетти.

— Я не против, — всхлипывала она, — я люблю тебя, и если ты в этот час поднимешь с постели какого-нибудь священника, и он снова нас поженит, я поеду с тобой на Запад!

Через ее плечо передняя половина верблюда смотрела на заднюю половину; они подмигнули друг другу, и этот тайный знак был понятен лишь верблюдам.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ БЕНДЖАМИНА БАТТОНА

I

В 1860 году еще было принято рожать дома. Нынче же, как я слышал, верховные божества от медицины настаивают, что первые крики младенцев должны издаваться в анестезирующей атмосфере больницы, и желательно самой новомодной. Поэтому юные мистер и миссис Роджер Баттон опередили моду лет на пятьдесят, когда однажды летом 1860 года решили, что их первенец должен появиться на свет в больнице. Связан ли этот хронологический сбой с той поразительной историей, которую я собираюсь поведать, навсегда останется неизвестным.

Я расскажу вам, что произошло, а вы уж судите сами.

В довоенном Балтиморе семейство Роджера Баттона занимало видное общественное и финансовое положение. Они приходились родственниками Той Семье и Этой Семье, что, как было известно любому южанину, давало им право относиться к тем многочисленным власть предержащим людям, которые столь обильно населяют Конфедерацию. Это был их первый опыт приобщения к очаровательной древней традиции обзаводиться детьми, и, естественно, мистер Баттон нервничал. Он надеялся, что родится мальчик, и тогда его можно будет послать в Йельский университет в Коннектикуте, а в этом учебном заведении сам мистер Баттон в течение четырех лет был известен под довольно распространенным прозвищем «Старина».

В тот сентябрьский день, когда должно было случиться это величайшее событие, он возбужденно поднялся с постели в шесть утра, оделся, оправил свой безупречный костюм и поспешил по улицам Балтимора в больницу, чтобы узнать, не явилась ли из ночной тьмы новая жизнь.

Будучи примерно в сотне ярдов от «Мэрилендской частной больницы для дам и джентльменов», он увидел доктора Кини, их семейного врача, спускавшегося по ступеням и потиравшего руки, словно бы умывая их, как и поступают все доктора в соответствии с одним из неписаных правил профессии.

Мистер Роджер Баттон, президент фирмы «Роджер Баттон и компания, оптовая торговля скобяными товарами», устремился к доктору Кини, оставив условности, что странно было ожидать от джентльмена-южанина в те прекрасные времена.

— Доктор Кини! — воскликнул он. — Ах, доктор Кини!

Доктор услышал его, обернулся и остановился, поджидая; по мере того, как мистер Баттон приближался, на его суровой лекарской физиономии вырисовывалось странное выражение.

— Что стряслось? — спросил подскочивший и запыхавшийся мистер Баттон, не переведя дыхание. — Ну как? Как она? Мальчик? И?..

— Говорите яснее, — резко ответил доктор Кини. Казалось, он был чем-то обеспокоен.

— Ребенок родился? — взмолился мистер Баттон.

Доктор Кини нахмурился.

— Ну, да. Думаю, да, в некотором роде... — и он снова посмотрел на мистера Баттона странным взглядом.

— С моей женой все в порядке?

— Да.

— Это мальчик или девочка?

— Знаете что! — воскликнул доктор Кини в крайней степени раздражения. — Прошу вас — пойдите и взгляните сами! Возмутительно! — он буквально выкрикнул последнее слово, а затем отвернулся, бормоча: — Вы считаете, что такой случай поможет моей профессиональной репутации? Еще один подобный казус просто погубит меня! Кого угодно погубит!

— Да в чем дело? — в ужасе воскликнул мистер Баттон. — Тройня?

— Нет, не тройня! — кратко бросил доктор. — Это уж чересчур! Можете пойти и убедиться самостоятельно. И подыщите себе другого врача. Я помог вам появиться на свет, молодой человек, я уже сорок лет был вашим семейным доктором, но теперь с этим покончено! Не хочу никогда больше видеть ни вас, ни кого-либо из ваших родственников! Прощайте!

Он резко повернулся, не проронив больше ни слова, забрался в свой фаэтон¹, который ожидал его у тротуара, и с суровым видом укатил прочь.

Ошеломленный мистер Баттон остался стоять на тротуаре, дрожа от головы до пят. Что за ужасное несчастье произошло? У него внезапно пропало всякое желание идти в больницу; лишь некоторое время спустя он с величайшим трудом заставил себя подняться по ступенькам и войти в парадную дверь.

В полумраке холла за столом сидела медсестра. Переборов робость, мистер Баттон подошел к ней.

— Доброе утро! — любезно сказала она, взглянув на него снизу вверх.

— Доброе утро... Я... я мистер Баттон.

Когда девушка услышала это, лицо ее исказилось от ужаса. Она вскочила, и, казалось, лишь благодаря огромному усилию воли не выбежала из помещения.

— Я хочу увидеть своего ребенка, — сказал мистер Баттон.

¹ *Фаэтон* — разновидность легкой коляски с откидным верхом.

Медсестра издала сдавленный крик...

— Ох, конечно! — воскликнула она, нервничая. — Вверх по лестнице. Прямо наверх! Вон туда!

Она указала направление, куда надо было идти, и мистер Баттон, обливаясь холодным потом, медленно начал подниматься на второй этаж. Наверху в холле он обратился к другой медсестре, которая шла ему навстречу с тазом в руках.

— Я мистер Баттон, — едва выговорил он. — Я хочу видеть...

Дзинь-бабах! Таз с грохотом упал на пол и покатился в сторону лестницы. Дзинь! Дзинь! Таз поскакал вниз по лестнице, словно был тоже охвачен ужасом, который вызывал этот джентльмен.

— Я хочу видеть своего ребенка! — почти закричал мистер Баттон; он был на грани обморока.

Бабах! Таз допрыгал до первого этажа. Медсестра взяла себя в руки и бросила на мистера Баттона полный презрения взгляд.

— Хорошо, мистер Баттон, — приглушенно ответила она. — Ладно! Но знали бы вы, что тут творилось со всеми нами нынешним утром! Это совершенно возмутительно! От репутации нашего госпиталя не останется и тени после этого...

— Короче! — хрипло воскликнул он. — Я уже не в состоянии все это выносить!

— Тогда сюда, пожалуйста, мистер Баттон.

Он поплелся за ней. Пройдя по длинному холлу, они подошли к комнате, из которой доносились крики младенцев — это была одна из тех палат, которые позже стали называть «музыкальными». Они вошли.

Вдоль стен стояло с полдюжины белых эмалированных детских люлек на колесиках, к изголовью каждой был прикреплен ярлычок.

— Ну, и где мой? — судорожно выдохнул мистер Баттон.

— Там! — ответила медсестра.

Взгляд мистера Баттона последовал за ее указательным пальцем, и вот что он увидел. В одну из колыбелек был частично втиснут закутанный в толстое белое одеяло старичок приблизительно лет семидесяти. Его редкие волосы были почти белыми, подбородку украшала длинная пепельная борода, которая нелепо колыхалась от залетавшего в окошко ветерка. Старичок посмотрел на мистера Баттона тусклыми бесцветными глазами, в которых таился один большой вопрос.

— Я что, похож на сумасшедшего? — рявкнул мистер Баттон; его ужас сменился гневом. — Это что? Мерзкие медицинские шутки у вас тут такие?

— Нам не до шуток, — сурово ответила медсестра. — Не знаю, свихнулись вы или нет, но это определенно ваш ребенок!

Холодный пот опять выступил на лбу мистера Баттона. Он закрыл глаза, затем открыл их снова, посмотрел. Ошибки не было: он видел мужчину лет семидесяти, вернее, семидесятилетнего младенца, чьи ноги свисали из люльки, в которой он покоился.

Моаденчик какое-то время спокойно смотрел то на него, то на медсестру, а потом вдруг заговорил надтреснутым старческим голосом:

— Ты мой отец? — спросил он.

Мистер Баттон и медсестра вздрогнули.

— Ибо если это так, — ворчливо продолжил старик, — мне хочется, чтобы ты забрал меня отсюда, или, по крайней мере, скажи им, чтобы принесли сюда удобное кресло-качалку.

— Бога ради, откуда ты взялся? Кто ты? — закричал мистер Баттон в отчаянии.

— Не могу точно сказать, кто я такой, — ворчливо ответил брюзга, — я ведь несколько часов как родился. Однако фамилия моя точно Баттон.

— Ты лжешь! Ты самозванец!

Старик устало повернулся к медсестре.

— Милая манера приветствовать новорожденного, — посетовал он слабым голосом. — Скажите ему, что он ошибается. Почему вы молчите?

— Вы ошибаетесь, мистер Баттон, — строго сказала медсестра. — Это ваш ребенок, и с этим ничего уже не поделать. И мы хотели бы попросить вас забрать его домой как можно скорее — прямо сегодня в любое время.

— Домой?! — переспросил мистер Баттон, все еще не веря происходящему.

— Да, мы не можем его здесь держать. Действительно не можем, понимаете?

— Я был бы рад, — проворчал старик. — Тут не место для малыша, любящего тишину и покой! Из-за этого ора и этих воплей я глаз не сомкнул! Просил принести мне чего-нибудь поесть, — в его голосе послышались пронзительные нотки возмущения, — а они притащили мне бутылочку молока!

Мистер Баттон опустился на стул рядом со своим сыном и закрыл руками лицо.

— Боже правый! — пробормотал он в ужасе. — Что скажут люди? Что же мне теперь делать?

— Вы должны забрать его домой, — настаивала медсестра. — Немедленно!

Перед глазами страдальца с ужасающей ясностью возникла гротескная картина: он представил, как идет по людным городским улицам, а рядом с ним вышагивает это «существо»...

— Я не могу... Не могу, — простонал он.

Люди будут останавливаться и расспрашивать. И что он сможет сказать? Он будет вынужден представлять его, этого семидесятилетнего «мальчугана»: «Это мой сын, родившийся сегодня утром». А потом этот старикан завернется в свое одеяло, и они побредут дальше, мимо оживленных лавок, мимо невольничьего рынка (на одну горькую минуту мистеру Баттону страстно захотелось, чтобы его сын был черным), мимо роскошных особняков фешенебельного квартала, мимо дома престарелых...

— Ну же! Возьмите себя в руки! — приказала медсестра.

— Слушайте, — вдруг заявил старик, — если вы думаете, что я пойду домой в этом одеяльце, вы глубоко заблуждаетесь!

— Но у младенцев всегда одеяльца!

Злобно хмыкнув, старик приподнял маленькую белую распашонку.

— Посмотри! — с дрожью в голосе сказал он. — Вот что они для меня приготовили!

— Младенцев всегда так одевают, — чопорно заметила медсестра.

— Ладно же, — сказал старик, — тогда через пару минут на этом младенце вообще ничего не будет! Одеяло колется. На крайний случай могли бы дать мне хотя бы простыню.

— Нет-нет! погоди, — быстро сказал мистер Баттон. и повернулся к акушерке. — Что же мне делать?

— Отправляйтесь в центр и купите сыну одежду.

Когда мистер Баттон был уже в холле первого этажа, до него долетел голос сына:

— И трость, папаша! Мне нужна трость...

Мистер Баттон в ярости захлопнул входную дверь.

II

— Доброе утро, — нервно сказал мистер Баттон продавцу магазина «Чесапикской компании галантерейных товаров». — Я хочу купить одежду для своего ребенка.

— Сколько лет вашему ребенку, сэр?

— Около шести часов, — особо не раздумывая, ответил мистер Баттон.

— Отдел для младенцев дальше.

— Не уверен... Я не думаю... что это именно то, что мне нужно. Это... У меня очень крупный ребенок. Исключительный... Ужасно большой.

— У них есть самые большие детские размеры.

— А где отдел для подростков? — поинтересовался мистер Баттон, снова засомневавшись в правильности вопроса. Ему почудилось, что продавец уже догадался о его постыдной тайне.

— Здесь.

— Тогда... — он замялся. Сама мысль о том, чтобы натянуть на сына взрослую одежду, казалась ему невыносимой. Если бы, скажем, нашелся костюмчик для очень крупного мальчика, тогда он смог бы сбрить эту длинную ужасную бороду, покрасить коричневой краской седые волосы; худшее таким образом будет надежно скрыто, и ему удастся сохранить хоть крупицу самоуважения, не говоря уже о положении в балтиморском обществе.

Однако лихорадочный осмотр подросткового отдела не выявил подходящих костюмов для новорожденного Баттона. Роджер обвинял в этом магазин — в таких случаях всегда принято винить магазин!

— Сколько лет, вы сказали, этому вашему мальчику? — с любопытством осведомился продавец.

— Он... Ему шестнадцать...

— О, прошу прощения! Мне показалось, вы сказали «шесть часов». Отдел для юношей в соседнем крыле.

Мистер Баттон с грустным видом ретировался, но вдруг остановился на полпути и радостно ткнул пальцем в сторону манекена в витрине.

— Вот! — воскликнул он. — Я возьму этот костюмчик! Тот, что на манекене!

Продавец вытаращил глаза.

— Но, — возразил он, — это же не детский костюм... То есть детский, но он для маскарада! Вы и сами можете в него влезть!

— Заверните! — нервно настоял покупатель. — Это то, что мне нужно!

Изумленный продавец повиновался.

Вернувшись в больницу, мистер Баттон вошел в детскую палату и швырнул сверток сыну.

— Вот твоя одежда! — рявкнул он.

Старик развернул сверток и в недоумении уставился на его содержимое.

— По мне так выглядит довольно странно, — пожаловался он. — Я не хочу, чтобы из меня делали цирковую обезьяну!

— Это ты из меня сделал обезьяну! — яростно возразил мистер Баттон. — Не твое дело, как ты смотришься! Надевай, а не то... а не то я тебя отшлепаю! — Он тревожно сглотнул при последнем слове, хотя, тем не менее, чувствовал, что именно так и надо было сказать.

— Хорошо, отец, — в ответе чувствовалась гротескная имитация сыновней почтительности, — ты живешь дольше меня, тебе видней. Как скажешь.

Как и раньше, слово «отец» заставило мистера Баттона вздрогнуть.

— И поторопись!

— Да тороплюсь я, отец.

Когда сын был одет, мистер Баттон с тоской его оглядел. Костюм состоял из носков в горошек, розовых панталон и рубашки с ремешком и широким белым воротничком. Почти до пояса висела седая борода. Выглядело это не комифо.

— Погоди-ка...

Мистер Баттон схватил больничные ножницы и тремя быстрыми щелчками ампутировал приличный кусок бороды. Однако даже после этого улучшения весь ансамбль был далек от совершенства. Оставшаяся кисточка всклокоченных волос, слезящиеся глаза и старческие зубы явно не гармонировали с веселеньким костюмчиком. Однако мистер Баттон остался непреклонен и протянул руку.

— Пошли! — сурово бросил он.

Сын доверчиво держался за руку.

— А как ты меня собираешься звать, па? — спросил он дребезжащим голосом, когда они выходили из палаты. — Пока просто «малыш»? Пока не придумаешь имя получше?

Мистер Баттон хмыкнул.

— Не знаю, — резко ответил он. — Думаю, назовем тебя Мафусаилом¹.

III

Даже после того, как новому пополнению семьи Баттон коротко остригли волосы, окрасили их в неестественный черноватый цвет, лицо выбрили так гладко, что оно заблестело, а потом облачили в детский костюмчик, сшитый на заказ весьма озадаченным портным, мистер Баттон не мог отрицать тот факт, что его сын плохо годится на роль первенца. Несмотря на старческую сутулость, рост Бенджамина Баттона — именно так его называли, а не вызывающим именем Мафусаил, которое подходило больше, — составлял пять футов восемь дюймов². Этого не скрывала его одежда, равно как подстриженные и подкрашенные брови не скрывали того факта, что глаза под ними были блеклыми, слезящимися и потухшими. Не случайно заранее нанятая нянька покинула их дом в состоянии крайнего возмущения, стоило ей увидеть младенца.

Однако мистер Баттон твердо придерживался своей линии. Бенджамин был младенцем, и младенцем он и должен оставаться! Сначала он заявил, что, если Бенджамину не нравится теплое молоко, он может вообще обходиться без еды, однако в конце концов его уговорили давать своему сыну хлеб с маслом и даже иногда овсяную кашу в качестве компромисса. Однажды он принес домой погремушку и, вручив ее Бенджамину, недвусмысленно приказал «поиграть с ней», после чего старик взял ее с кислым видом и послушно позвякивал ею в течение дня, хотя, без сомнения, погремушка его раздражала, и, оставаясь в одиночестве, он находил себе другие, более успокаивающие развлечения. Например, мистер Баттон однажды обнаружил, что за прошедшую неделю он выкурил больше сигар, чем когда-либо прежде, и этому явлению нашлось объяснение несколькими днями позже, когда, неожиданно войдя в детскую, он увидел, что вся комната полна голубоватого дыма, а Бенджамин с виноватым выражением на лице пытался спрятать окурок черной «Гаваны». За это его требовалось хорошенько отшлепать, но мистер Баттон обнаружил, что не в силах заставить себя это сделать. Поэтому он просто предупредил сына, что курение остановит его рост.

Несмотря ни на что мистер Баттон упорно держался позиции молодого отца. Он приносил домой оловянных солдатиков, привозил с собой игрушечные паровозики, больших набитых ватой зверушек, чтобы дополнить иллюзию, которую он создавал, по крайней мере, для самого себя. Он с пристрастием допытывался у продавцов отдела игрушек, не слезет ли краска с розового утенка, если ребенок засунет его себе в рот. Однако, несмотря на все усилия своего отца, Бенджамина все это не волновало. Он крался вниз по

¹ Мафусаил — библейский персонаж, прославившийся своим долголетием.

² То есть 173 см.

Даже после того, как новому пополнению семьи Баттон коротко остригли волосы, окрасили их в неестественный черноватый цвет, лицо выбрили так гладко, что оно заблестело, а потом облачили в детский костюмчик, сшитый на заказ весьма озадаченным портным, Баттон не мог отрицать тот факт, что его сын плохо годится на роль первенца.

черной лестнице и возвращался в детскую с томом «Британской энциклопедии», над которым и корпел весь день, в то время как его набитая ватой коровка и Ноев ковчег оставались брошенными на полу. Против такого упрямства усилия мистера Баттона мало что давали.

Поначалу поднявшаяся в Балтиморе шумиха была необычайной. Каким боком это вышло бы семейству Баттонов в социальном плане, сказать уже невозможно, поскольку начало Гражданской войны привлекло внимание города к другим проблемам. Немногочисленная горстка неизменно вежливых людей ломала голову над поздравлениями в адрес родителей и, наконец, остановилась на остроумном замечании, что младенец — вылитый собственный

дедушка; а этот факт в силу неизбежного увядания, присущего всем мужчинам за семьдесят, отрицать было невозможно. Мистера и миссис Баттон это особо не радовало, а самого деда это страшно оскорбляло.

После выписки из больницы Бенджамин принял жизнь такой, какой он ее нашел. Однажды к нему привели нескольких мальчишек, и он провел целый день, тщетно пытаясь развить интерес к волчкам и мраморным шарикам; ему даже удалось совершенно случайно разбить пущенным из пращи камнем кухонное окно, и этот подвиг втайне порадовал его родителя.

После этого Бенджамин каждый день ухитрялся что-нибудь разбивать; но поступал он так только потому, что этого от него ждали, а также потому, что он был по природе услужлив.

Когда первоначальная враждебность его деда сошла на нет, Бенджамин и этот джентльмен стали находить огромное удовольствие от взаимного общения. Эти двое, столь разные по возрасту и жизненному опыту, часами сидели, как старые приятели, и бесконечно перемалывали события текущего дня. Бенджамин чувствовал себя более непринужденно в компании деда. Родители, казалось, испытывали перед ним трепет и, несмотря на свою авторитарную власть над ним, частенько, обращаясь к нему, говорили «мистер».

Как и все прочие, он был озадачен своим явно старческим состоянием ума и тела при рождении. Он засел за медицинские журналы, но обнаружил, что ранее таких случаев зафиксировано не было. По настоянию отца он честно предпринимал попытки играть с другими мальчишками и нередко участвовал в спокойных играх — футбол был для него слишком быстрым, и он опасался, что в случае перелома его старые кости откажутся срастаться.

Когда ему стукнуло пять, его отправили в детский сад, где он приобщился к искусству наклеивания зеленых бумажек на оранжевые, к раскрашиванию орнаментов, а также изготовлению бесконечных бумажных гирлянд. Он имел склонность засыпать посреди этих занятий, и эта привычка одновременно раздражала и пугала его юную воспитательницу. К его облегчению, она нажаловалась родителям, и из этого заведения его забрали. Своим друзьям Баттоны заявили, что считают его слишком маленьким для сада.

К тому времени, когда ему исполнилось двенадцать лет, родители к нему привыкли. В самом деле, сила их привычки была так велика, что они больше не чувствовали его отличий от любого другого ребенка, за исключением тех случаев, когда какая-нибудь любопытная аномалия не напоминала им об этом. Но однажды, через несколько недель после своего двенадцатилетия, Бенджамин, глядя в зеркало, сделал — или подумал, что сделал — удивительное открытие. Неужели глаза его не обманывают, и за двенадцать лет его крашеная седина начала приобретать стальной оттенок? Неужели сеть морщин на лице стала менее выраженной? Его кожа вроде бы стала более молодой и упругой, и на ней, появился румянец, как от легкого морозца? Он сомневался... Зато он знал, что больше не сутулится, и что его физическое состояние улучшилось по сравнению с первыми днями его жизни.

«Неужели это возможно?» — думал он про себя, а вернее, едва осмеливался думать.

Он пошел к отцу.

— Я вырос, — решительно объявил он, — и хочу носить длинные брюки.

Отец заколебался.

— Ну, — сказал он наконец, — не знаю... Длинные брюки обычно начинают носить в четырнадцать, а тебе всего двенадцать.

— Но ты же должен признать, — возразил Бенджамин, — что я достаточно большой для своего возраста!

Отец поглядел на него скептически.

— Не уверен, — сказал он. — Когда мне было двенадцать, я был примерно таким же.

Это было не так, и эта ложь была частью молчаливого уговора Роджера Баттона с самим собой не верить в ненормальность своего сына.

В результате они достигли компромисса. Бенджамин должен продолжать красить волосы. Он должен больше стараться играть с мальчиками своего возраста. Он не должен носить очки и ходить на улице с тросточкой. В обмен на эти уступки ему позволили облачиться в свой первый костюм с длинными брюками.

IV

О жизни Бенджамина Баттона в промежутке между двенадцатью и двадцатью одним годом я много рассказывать не собираюсь. Достаточно заметить, что это были годы нормального взросления. Когда Бенджамину было восемнадцать, он уже не сутулился и выглядел как пятидесятилетний мужчина: у него заметно прибавилось волос, и они стали темно-серыми; ходил он твердо, из голоса пропала надтреснутая дрожь, и его тембр опустился до здорового баритона. Поэтому отец отправил его в Коннектикут сдавать вступительные экзамены в Йельский колледж. Бенджамин их сдал и стал первокурсником.

На третий день после зачисления он получил уведомление от мистера Харта, секретаря колледжа, с просьбой заглянуть в его кабинет с тем, чтобы составить расписание занятий. Взглянув в зеркало, Бенджамин решил, что по волосам надо немного пройтись коричневой краской, однако после торопливого исследования ящика стола бутылочки с краской он там не нашел. И тут он вспомнил — еще позавчера он ее опустошил и выбросил.

Бенджамин оказался в затруднительном положении. Он должен был предстать перед секретарем колледжа через пять минут. Делать было нечего — надо было идти как есть. Так он и поступил.

— Доброе утро! — вежливо приветствовал его секретарь. — Вы, наверное, пришли справиться о вашем сыне?

— Ну, собственно говоря, я — Баттон... — начал Бенджамин, но мистер Харт его прервал.

— Приятно познакомиться, мистер Баттон. Я жду вашего сына с минуты на минуту.

— Так это же я! — выпалил Бенджамин. — Я и есть первокурсник.

— Что?!

— Первокурсник — это я.

— Да вы шутите!

— Отнюдь.

Секретарь нахмурился и посмотрел на бланк.

— А почему тут записано, что мистеру Бенджамину Баттону восемнадцать лет?

— Это мой возраст, — подтвердил Бенджамин, слегка покраснев.

Секретарь утомленно его оглядел.

— Не думаете же вы, мистер Баттон, что я в это поверю?

Бенджамин устало улыбнулся.

— Мне восемнадцать, — повторил он.

Секретарь сурово указал на дверь.

— Убирайтесь! — сказал он. — Убирайтесь из колледжа и уезжайте из города! Вы опасный псих!

— Мне восемнадцать!

Мистер Харт распахнул дверь.

— Что за странная блажь! — воскликнул он. — Вы в вашем возрасте пытаетесь стать первокурсником? Восемнадцать, говорите? Ну так я даю вам восемнадцать минут, чтобы убраться из города.

Бенджамин Баттон с достоинством вышел из комнаты, а с полдюжины сидевших в холле студентов с любопытством провожали его взглядом. Он немного прошел вперед, потом обернулся, обратив взор на взбешенного секретаря, все еще стоявшего в дверях, и твердым голосом повторил:

— Мне восемнадцать лет!

И Бенджамин ушел под дружное хихиканье студентов.

Однако просто так ретироваться ему было не суждено. Во время печальной прогулки до железнодорожной станции он вдруг обнаружил, что за ним следует группка, затем стайка, а потом уже толпа студентов. Успели разползтись слухи, что какой-то псих сдал вступительные экзамены в Йель и попытался выдать себя за восемнадцатилетнего юношу. Колледж охватила лихорадка возбуждения. Из аудиторий выбегали молодые люди без шляп, футбольная команда бросила тренировку и присоединилась к толпе, профессорские жены в шляпках набекрень и со сбившимися турнюр¹ бежали, восклицая, вслед за процессией, из которой вылетал непрерывный поток язвительных замечаний в адрес Бенджамина Баттона.

¹ *Турнюр* — приспособление в виде подушечки, которую в конце XIX века дамы часто носили под платьем ниже талии для придания пышности фигуре.

- Должно быть, это Вечный жид¹!
- В его возрасте надо идти в детский сад!
- Посмотрите на этого вундеркинда!
- Он думал, тут дом престарелых!
- Отправляйся в Гарвард!

Бенджамин ускорил шаг и почти уже бежал. Он им еще покажет! Он и впрямь поступит в Гарвард, и тогда они пожалеют об этих опрометчивых насмешках!

Сев на поезд до Балтимора и оказавшись, наконец, в безопасности, он высунул голову в окно и крикнул:

- Вы еще пожалеете!
- Ха-ха-ха! — ржали студенты. — Ха-ха-ха!

И это была самая большая ошибка, которую когда-либо совершал Йельский колледж...

V

В 1880-м Бенджамину Баттону стукнуло двадцать, и он отметил свой день рождения тем, что начал работать на своего отца в его фирме «Роджер Баттон и компания». В тот же самый год он начал «появляться в свете»; другими словами, его отец решил прихватывать Бенджамина на некоторые модные танцевальные вечеринки. Роджеру Баттону было тогда пятьдесят, и с сыном он сближался все больше, ведь с тех пор как Бенджамин перестал красить волосы (в которых все еще была заметна седина), они выглядели как люди одного возраста и могли бы сойти за братьев.

В один из августовских вечеров они, облачившись в парадные костюмы, сели в фаэтон и отправились на танцы в располагавшийся недалеко от Балтимора загородный дом Шевлинов. Вечер был великолепен. Полная луна заливала дорогу матовым серебристым светом, а поздно распустившиеся цветы наполняли неподвижный воздух ароматами, которые вызывали ассоциации с тихим, едва слышным смехом. Во всю ширь расстилались коврами поля спелой пшеницы, видной, как днем. Ясной красотой небосвода невозможно было не восхищаться — почти невозможно.

— У торговли скобяными товарами большое будущее, — заметил Роджер Баттон. Он не был тонко чувствующим человеком — его эстетическое чувство находилось в зачаточном состоянии.

— Старички вроде меня уже не могут научиться этим новым трюкам, — глубокомысленно заметил он. — Это перед вами, юнцами, полными энергии и жизненной силы, открывается великое будущее!

¹ *Вечный жид* или Агасфер — легендарный персонаж, обреченный скитаться по земле до второго пришествия Христа.

Далеко впереди на дороге показались огни загородного дома Шевлинов, и тут же до них стали отчетливо доноситься звуки, похожие на вздохи, — то ли жалобный плач скрипок, то ли шелест серебрившейся под лунной пшеницы.

Они остановились перед красивым экипажем, пассажиры которого уже высаживались у дверей. Из него вышла какая-то дама, затем пожилой джентльмен, а затем юная барышня — прекрасная, как Джоконда. Бенджамин вздрогнул; казалось, какой-то химический процесс разобрал и снова соединил все составляющие его тела. По коже пробежал озноб, кровь прилила к щекам и ко лбу, а в ушах зашумело. Это была первая любовь!

Девушка была стройной и хрупкой, ее волосы в лунном свете казались пепельными, а при свете шипящих газовых фонарей у порога — медовыми. На ее плечи была наброшена легкая желтая испанская мантилья, украшенная черными бабочками; на туфлях, заметных из-под края ее платья с турнюром, поблескивали пуговички застежек.

Роджер Баттон наклонился к сыну.

— Это юная Хильдегарда Монкриф, — сказал он, — дочь генерала Монкрифа.

Бенджамин коротко кивнул.

— Симпатичная, — с деланным равнодушием заметил он. Однако когда негртеночка стал отгонять коляску в сторону, добавил:

— Па, думаю, ты мог бы меня ей представить.

Они подошли к группе, в которой была мисс Монкриф. Воспитанная в старых традициях, она присела перед Бенджамином в глубоком реверансе. Да, он может рассчитывать на один танец. Он поблагодарил ее и отошел — на нетвердых ногах.

Время до того, когда должна была наступить его очередь, тянулось бесконечно долго! Он стоял у самой стенки, загадочный, безмолвный, следя уничтожающим взглядом за молодыми отпрысками Балтимора, которые крутились вокруг Хильдегарды Монкриф с восхищенно-восторженным выражением на лицах. Какими несприятными они казались Бенджамину, какими невыносимо юными! Их выющийся темный пушок на физиономиях вызывал у него ощущение, похожее на несварение желудка.

Однако когда настала его очередь и он заскользил вместе с ней по неверному полу под музыку новомодного парижского вальса, его ревность и беспокойство растаяли, как первый снег. Ослепленный ее очарованием, он чувствовал, что жизнь его только начинается.

— Вы с братом подъехали сюда сразу за нами? — спросила Хильдегарда, бросив на него взгляд своих ярко-голубых глаз.

Бенджамин засомневался. Если она решила, что он приходится отцу братом, стоит ли вводить ее в курс дела? Он вспомнил свой опыт в Йеле и решил от этого отказаться. Разубеждать даму невежливо, и было бы преступно омрачить столь чудесные мгновения гротескной историей своего происхождения. Позже, может быть. А пока он кивал, улыбался, слушал ее и тем был счастлив.

*Ослепленный ее очарованием, он чувствовал,
что жизнь его только начинается.*

— Мне нравятся мужчины вашего возраста, — сказала Хильдегарда. — Парни — такие идиоты! Они рассказывают мне, сколько шампанского выпивают в колледже и сколько денег просаживают в карты. Мужчины же вашего возраста умеют ценить женщин.

Бенджамин чувствовал, что вот-вот сделает предложение — и лишь усилием воли подавил этот порыв.

— Вы находитесь в самом романтическом возрасте, — продолжила она. — Пятьдесят. В двадцать пять мужчины считают себя всезнайками, в тридцать — изнурены работой, сорок — это возраст длинных историй, на которые уходит целая сигара, шестьдесят — ох, шестьдесят слишком близко к семидесяти... а вот пятьдесят — это возраст зрелости. Мне нравятся пятидесятилетние.

Пятьдесят и Бенджамину казались великолепным возрастом. Он страстно желал быть пятидесятилетним!

— Я всегда говорила, — продолжила Хильдегарда, — что лучше уж я выйду замуж за пятидесятилетнего, чтобы обо мне заботились, чем за тридцатилетнего, чтобы заботиться о нем.

Остаток вечера для Бенджамина проплыл как в медовом тумане. Хильдегарда отдала ему еще два танца, и они обнаружили, что у них удивительным образом схожие мнения по всем событиям этого дня. Она была готова прокатиться с ним в следующее воскресенье, чтобы во время прогулки продолжить беседу.

Незадолго до рассвета, по пути домой, когда уже зажужжали первые пчелы, а бледнеющая луна бросала блики на росистую траву, Бенджамин в фаэтоне краем уха слушал рассуждения отца о торговле скобяными изделиями.

— И что, по-твоему, заслуживает нашего самого пристального внимания после молотков и гвоздей? — допытывался Баттон-старший.

— Любить, — рассеянно ответил Бенджамин.

— Забить¹? — воскликнул Роджер Баттон. — Так я же тебе и так много говорил о молотках и гвоздях!

Бенджамин бросил на него затуманенный взор, и как раз в это время небо на востоке озарилось первыми лучами солнца, а в кронах просыпавшихся деревьев пронзительно запела иволга.

VI

Когда шесть месяцев спустя стало известно о помолвке мисс Хильдегарды Монкриф с мистером Бенджамином Баттоном (я говорю «стало известно», ибо генерал Монкриф заявил, что скорее падет на собственный меч, чем объявит об этом), волнение в балтиморском обществе дошло до невообразимого предела. Почти позабытая история рождения Бенджамина вновь была у

¹ У Скотта Фицджеральда здесь — игра слов: love (любовь) и lugs (скобяные изделия).

всех на устах, и она расходилась во все концы, приобретая самые невероятные и скандальные формы.

Говорили, что Бенджамин на самом деле был отцом Роджера Баттона, или что он — его брат, просидевший сорок лет в тюрьме, или же что он не кто иной, как переодетый Джон Уилкс Бут¹, или даже что у него на голове есть пара маленьких конических рожек.

Воскресные приложения нью-йоркских газет обыгрывали эту историю, публикуя забавные карикатуры, на которых голова Бенджамина Баттона была приставлена к телу рыбы, змеи и, наконец, медной чушки. В журнальных публикациях он стал известен как «таинственный человек из Мэриленда». Об истинном же положении вещей, как это обычно и бывает, знали лишь немногие.

Однако все соглашались с генералом Монкрифом в том, что для красивой девушки, которая могла бы выйти за любого кавалера в Балтиморе, было «преступлением» бросаться в объятия мужчины, которому, несомненно, было пятьдесят. Напрасно мистер Роджер Баттон опубликовал свидетельство о рождении своего сына крупным шрифтом в балтиморской газете «Пламя». Никто этому документу не верил. Достаточно было взглянуть на Бенджамина, чтобы убедиться самостоятельно.

И все же оба непосредственных участника этой истории были непоколебимы. Так много рассказов о Бенджамине оказывались лживыми, что Хильдегарда отказывалась верить даже правде о своем женихе. Напрасно генерал Монкриф указывал ей на высокую смертность среди пятидесятилетних мужчин или, по крайней мере, среди мужчин, выглядевших на пятьдесят; напрасно он рассказывал ей о нестабильности оптовой торговли скобяными изделиями. Хильдегарда решила выйти замуж за зрелого мужчину, и она это сделала!

VII

По крайней мере в одном друзья Хильдегарды Монкриф ошиблись. Бизнес, связанный с оптовой торговлей скобяными изделиями, процветал всем на удивление. За пятнадцать лет между женитьбой Бенджамина Баттона в 1880 году и уходом на пенсию его отца в 1895-м семейное состояние удвоилось — и в основном благодаря младшему владельцу фирмы.

Излишне говорить, что Балтимор, в конце концов, с распростертыми объятиями принял эту пару. Даже старый генерал Монкриф примирился со своим зятем, когда Бенджамин дал ему денег на издание его «Истории Гражданской войны» в двадцати томах, от которой отказались девять видных издательств.

В самом Бенджамине эти пятнадцать лет произвели много изменений. Ему казалось, что кровь в его жилах потекла с новой силой. Ему стало нравиться

¹ Джон Уилкс Бут — убийца президента Линкольна.

вставать рано утром, идти энергичным шагом по оживленным, залитым солнцем улицам, неутомимо работать, занимаясь партиями молотков и гвоздей. В 1890 году он выступил с прославившим его предложением — все гвозди, использованные для забивания ящиков, в которых отправлялись партии гвоздей, должны считаться собственностью грузоотправителя; это положение было одобрено и узаконено верховным судьей Фоссайлом, благодаря чему фирма «Роджер Баттон и компания» ежегодно экономила более шести сотен гвоздей.

Кроме того, Бенджамин стал замечать, что его все больше и больше привлекала веселая сторона жизни. Характерным примером его растущей тяги к удовольствиям был тот факт, что он первым в Балтиморе приобрел автомобиль и научился его водить. Встречая его на улице, сверстники с завистью взирали на жизнерадостную картину здоровья и сил, которую он собой являл.

«Кажется, он молодеет с каждым годом», — отмечали все. И если старина Роджер Баттон, которому теперь было шестьдесят пять, поначалу не должным образом принял своего сына, то теперь он заглаживал свою вину, чуть ли не заискивая перед ним.

И здесь мы подходим к одной неприятной теме, которую хотелось бы миновать как можно быстрее. Только одно беспокоило Бенджамина Баттона; его жена перестала его привлекать.

В то время Хильдегарде было тридцать пять, и у них был четырнадцатилетний сын Роско. В начале их брака Бенджамин ее боготворил. Однако по прошествии лет ее медовые волосы стали просто каштановыми, ярко-голубые глаза поблекли; их цвет теперь напоминал обычный фаянс, и главное — она стала слишком степенной, спокойной, слишком трезвомыслящей и умеренной во вкусах. Будучи еще невестой, она таскала Бенджамина по балам и обедам, а теперь все перевернулось с точностью до наоборот. Она выбиралась с ним в свет, но уже без особой охоты, с тем равнодушным умиротворением, которое приходит во второй половине жизни.

Недовольство Бенджамина становилось все сильнее. Когда в 1898 году разразилась война с Испанией¹, семейный очаг совершенно потерял для него прежнее очарование, и он решил пойти в армию. Благодаря своим деловым связям он получил звание капитана и оказался настолько способным к военной деятельности, что сначала был повышен до майора, а потом и до подполковника — как раз ко времени знаменитого сражения у Сан-Хуан-Хилл². Там он был легко ранен и получил медаль.

Бенджамин прикипел к деятельной и бодрящей армейской жизни и сожалел, что пришлось ее оставить, да и бизнес требовал внимания, поэтому он уволился и вернулся домой. На станции его встретили с духовым оркестром и проводили до дома.

¹ Во время конфликта 1898 года Соединенные Штаты захватили принадлежавшие Испании Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины.

² *Сражение у Сан-Хуан-Хилл*, состоявшееся 1 июля 1898 г., решило судьбу кампании армии Соединенных Штатов на Кубе.

VIII

Хильдегарда, размахивая большим шелковым флагом, приветствовала его на крыльце; поцеловав ее, он сразу же с замиранием сердца понял, что эти три года взяли свое. Теперь ей было уже сорок, и в ее волосах уже была заметна седина. Это произвело на Бенджамина гнетущее впечатление.

Поднявшись в свою комнату, он увидел отражение в знакомом зеркале и подошел поближе, с тревогой вглядываясь в собственное лицо и сравнивая его со сделанной перед войной фотографией, на которой он был в форме.

— О Боже! — громко воскликнул он. Процесс продолжался. В этом не было никаких сомнений: теперь он выглядел как тридцатилетний. Однако, вместо того, чтобы обрадоваться, он забеспокоился — ведь он действительно молодел. До сих пор Бенджамин надеялся, что как только его телесный возраст достигнет документального, гротескный феномен, проявившийся при его рождении, перестанет действовать. Бенджамин взяла оторопь. Его судьба была ужасной, невероятной!

Когда он спустился вниз, его ждала Хильдегарда. Она выглядела раздраженной, и он подумал, что она наконец обнаружила — с ним что-то не так. Пытаясь снять возникшее между ними напряжение, он за обедом деликатно, как ему казалось, решил обсудить этот вопрос.

— Знаешь, — заметил он небрежно, — все говорят, что я стал выглядеть еще моложе.

Хильдегарда бросила на него презрительный взгляд.

— Думаешь, тут есть чем хвастаться? — фыркнула она.

— Да я не хвастаюсь... — смущенно ответил он.

Она фыркнула снова.

— Очень мило! — сказала она и добавила: — Мне всегда казалось, что тебе хватит мужества, чтобы с этим покончить!

— Каким образом? — спросил он.

— Я не намерена тебя ни в чем убеждать, — парировала она. — Однако все можно делать правильно или неправильно. Если уж ты решил отличаться от всех прочих, я не думаю, что смогу тебя остановить, но я не считаю, что это тактично с твоей стороны!

— Но Хильдегарда... Я ничего не могу с этим поделать.

— Нет, ты можешь! Ты просто упрямый. Ты считаешь, что не хочешь быть похожим на всех остальных. Ты всегда таким был, всегда таким и останешься. Но подумай, что бы случилось, если бы все действовали таким образом; на что был бы похож наш мир?

Поскольку это соображение было явно нелепым и отвечать на него было нечем, Бенджамин промолчал, и с этого времени между ними начала углубляться пропасть. Он лишь недоумевал, как же ей удалось когда-то его очаровать.

В довершение всего он обнаружил, что по мере приближения нового века его жажда развлечений становилась все сильнее. Он посещал все вечеринки в Балтиморе; танцевал с самыми красивыми из молодых замужних женщин, болтал напропалую с привлекательными дебютантками, находя их компанию очаровательной, в то время как его супруга, подобно угрюмой вдовствующей королеве, сидела среди пожилых матрон, то выражая надменное неодобрение, то следя за ним пристальным, озадаченным и укоризненным взглядом.

— Посмотрите! — судачили люди. — Какая жалость! Такой молодой человек, а связан с сорокапятилетней. Должно быть, он лет на двадцать моложе своей супруги. Они позабыли, как всегда забывают люди, что еще в 1880 году их мамы и папы тоже сплетничали об этой неравной паре.

Чувствуя себя несчастным дома, Бенджамин компенсировал это новыми интересами. Он начал играть в гольф и добился в нем больших успехов. И еще он увлекся танцами: в 1906 году мастерски овладел бостоном, в 1908-м — матчишем, а в 1909-м все юноши города завидовали его умению танцевать кэстл-уолк¹.

Разумеется, его активная светская жизнь в некоторой степени мешала бизнесу, но он двадцать пять лет посвятил оптовой торговле скобяными изделиями и чувствовал теперь, что может передать дело своему сыну Роско, который недавно окончил Гарвард.

Их с сыном теперь часто путали. Бенджамину это нравилось — он вскоре позабыл зловещий страх, охвативший его по возвращении с испанской войны, и стал по-детски радоваться своей внешности. В этой бочке меда была лишь одна ложка дегтя — он ненавидел появляться на публике с супругой. Хильдегарде было почти пятьдесят, и находиться рядом с ней было неловко.

IX

В один из сентябрьских дней 1910 года, через несколько лет после того как фирма «Роджер Баттон и компания, оптовая торговля скобяными изделиями» перешла в руки молодого Роско Баттона, некий мужчина лет двадцати поступал на первый курс Гарвардского университета в Кембридже. Он не стал заявлять, что ему уже за пятьдесят, не упомянул и о том, что его сын десять лет назад окончил это же учебное заведение.

Его приняли, и он практически сразу же занял видное положение на курсе, отчасти потому, что казался немного старше других первокурсников, которым было по восемнадцать.

¹ *Бостон* — форма танца 'two-step', с продолжительным скольжением и быстрыми поворотами на каждой ноге. *Матчиш* или *машише* — бразильский танец с до неприличия тесным контактом партнеров, прообраз ламбады. *Кэстл-уолк* — форма танца 'one-step', который его создатели американцы Вернон и Ирен Кэстл называли «скользящей и поэтической прогулкой».

Однако во многом его успех был обусловлен тем, что во время футбольного матча с Йельским университетом он играл так блестяще, с таким напором и с такой холодной, беспощадной яростью, что забил семь штрафных и четырнадцать обычных мячей, после чего все одиннадцать игроков команды Йеля покинули поле в подавленном состоянии. Он стал самым популярным студентом.

Как ни странно, но на третьем, предпоследнем курсе Бенджамин едва тянул в команде. Тренеры говорили, что он сбросил в весе, а самые наблюдательные из них заметили, что он стал и пониже ростом. Штрафные он больше не забивал, и в команде его оставили главным образом в надежде, что его громкая слава посеет ужас и панику в команде Йеля.

На последнем курсе он вообще не вошел в команду. Он стал таким худосочным и слабым, что однажды второкурсники приняли его за первокурсника, и он счел это унижительным. Бенджамин стал чем-то вроде вундеркинда — старшекурсник, которому на вид не больше шестнадцати лет! Его же самого все чаще стала изумлять эрудиция однокашников. Учеба давалась все труднее — курсы казались слишком сложными. Он слышал, как его однокурсники говорили о «Школе святого Мидаса» — знаменитой подготовительной школе, в которой многие из них учились до поступления в колледж, так что после окончания университета он решил поступить туда, чтобы вести спокойную жизнь среди мальчиков такого же роста.

Окончив университет в 1914 году, он отправился домой в Балтимор с гарвардским дипломом в кармане. Хильдегарда теперь жила в Италии, поэтому Бенджамин начал жить со своим сыном Роско. И хотя в целом он был хорошо принят, со стороны Роско не хватало сердечности по отношению к нему; возможно, бесцельные блуждания Бенджамина по дому в состоянии юношеской мечтательности в чем-то даже мешали Роско. Однако он уже был женат, занимал видное место в балтиморской жизни и поэтому не хотел, чтобы о его семье ползли какие-то сплетни.

Бенджамин больше не появлялся в обществе дебютанток или студентов, он коротал время сам с собой, если не считать компании трех-четырёх пятнадцатилетних мальчишек, живущих по соседству. Его все чаще посещали мысли о «Школе святого Мидаса».

— Послушай, — сказал он однажды Роско, — я уже не раз говорил тебе, что хочу в подготовительную школу.

— Ну что же, поезжай, — отчеканил Роско. Ему неприятна была эта тема, и он не хотел ее обсуждать.

— Я не могу поехать один, — сказал Бенджамин жалобно. — Тебе придется записать меня туда и отвезти.

— У меня нет времени! — резко оборвал его Роско. Его глаза сузились, и он посмотрел на отца с неприязнью. — Знаешь что, — добавил он, — довольно уже продолжать в том же духе. Бросай все это поскорее! Тебе лучше... тебе лучше... — он запнулся и покраснел, раздумывая, как бы это сказать. — Тебе

лучше развернуться и начать двигаться в обратном направлении. Все это зашло слишком далеко, чтобы быть шуткой. Право, уже не смешно. Веди себя... прилично!

Бенджамин смотрел на него, едва не плача.

— И еще, — продолжил Роско, — когда в доме гости, я хочу, чтобы ты звал меня дядей. Не «Роско», а «дядя», тебе ясно? Это выглядит нелепо, когда пятнадцатилетний мальчик зовет меня по имени! Может, тебе лучше все время называть меня дядей, так ты быстрее привыкнешь.

Бросив на отца суровый взгляд, Роско повернулся и ушел.

Х

После этого разговора Бенджамин уныло побрел наверх и вгляделся в свое отражение в зеркале. Он не брился три месяца, но не обнаружил на своем лице ничего, кроме легкого белого пушка, с которым ничего делать не стоило. Когда он вернулся домой из Гарварда, Роско обратился к нему с предложением начать носить очки, а на щеки наклеить накладные бакенбарды, и тогда ему на время показалось, что повторяется фарс ранних лет его жизни. Однако под бакенбардами кожа чесалась, носить их было унизительно. Он плакал, и Роско неохотно сдался.

Бенджамину попалась книжка с рассказами для мальчиков — «Бойскауты в Бимини-бэй», и он принялся ее читать. Однако он заметил, что постоянно думает о войне. В предыдущем месяце Америка присоединилась к союзникам, и Бенджамин хотел записаться в армию, но увы, туда брали только с шестнадцати, а он выглядел моложе. Его настоящий возраст, а ему было уже пятьдесят семь, тоже уже не подходил для службы.

В дверь его комнаты постучали, это был дворецкий с письмом в руках; в углу стоял большой официальный штамп; послание было адресовано мистеру Бенджамину Баттону. Бенджамин торопливо разорвал конверт и пришел в восторг от прочитанного. В письме говорилось о том, что многие офицеры запаса, принимавшие участие в испанской войне, вновь призываются на службу в более высоком звании; в письме был также приказ о назначении его бригадным генералом армии Соединенных Штатов и предписание явиться немедленно.

Бенджамин вскочил на ноги, дрожа от волнения. Это было именно то, чего он хотел! Он схватил кепку, и через десять минут вошел в большое ателье на Чарльз-стрит, где срывающимся дискантом попросил снять мерки для мундира.

— Хочешь поиграть в войну, сынок? — рассеянно поинтересовался служащий.

Кровь бросилась Бенджамину в лицо.

— Послушайте! Не ваше дело, чего я хочу! — сердито бросил он. — Я Баттон, я живу на Маунт-Вермон — и вы знаете, что я годен к военной службе!

— Ну что же, — нерешительно протянул служащий. — Не ты, так твой отец... ладно...

С Бенджамина сняли мерки, и через неделю его форма была готова. У него возникли лишь некоторые трудности с покупкой генеральских знаков различия, поскольку торговец уговаривал Бенджамина, что значок «Ассоциации молодых христианок» выглядит так же красиво, а играть с ним будет веселей.

Ничего не сказав Роско, однажды вечером он ушел из дома и доехал на поезде до лагеря Мосби¹ в Южной Каролине, где он должен был командовать пехотной бригадой. В знойный апрельский день он подкатил ко входу в лагерь, расплатился с таксистом, подбросившим его с железнодорожной станции, и обратился к часовому у ворот.

— Позови кого-нибудь донести мои вещи! — скомандовал он.

Постовой неодобрительно смерил его взглядом.

— Послушай, — ответил он, — куда это ты собрался в генеральском прикиде, сынок?

Бенджамин, ветеран испано-американской кампании, смотрел на него обжигающим взглядом, но со своим ломающимся диском он, увы, ничего поделать не мог.

— Смирно! — он попытался раскатисто рыкнуть и умолк, набирая в грудь воздух, и тут заметил, как часовой щелкнул каблуками и взял винтовку наизготовку. Бенджамин удовлетворенно усмехнулся, но когда он огляделся, его улыбка исчезла. Это не он внушал служебное рвение, а приближавшийся импозантный артиллерийский полковник на лошади.

— Полковник! — пронзительно окликнул его Бенджамин.

Поравнявшись с ним, полковник натянул поводья, свысока взглянул на него и в его глазах блеснула добрая усмешка.

— Чей ты, малыш? — ласково спросил он.

— Дьявол! Какой я тебе малыш? — свирепо гаркнул Бенджамин. — А ну слезай с лошади!

Полковник залился смехом.

— Хотите на коня, генерал?

— Вот! — в отчаянии крикнул Бенджамин. — Прочти это! — И он сунул свое назначение полковнику.

Полковник прочел приказ и вытаращил глаза.

— Где ты это достал? — спросил он, сунув бумагу себе в карман.

¹ Джон Синглтон Мосби (1833–1916) был командиром кавалерийского батальона армии Конфедерации во время Гражданской войны в Соединенных Штатах Америки.

— Получил от правительства, да будет тебе известно!

— Пойдем со мной, — сказал полковник, как-то странно на него посматривая. — Пойдем в штаб, там и поговорим. Пошли.

Полковник развернулся и неспешно направил лошадь к штабу. Бенджамину ничего не оставалось, как только последовать за ним с максимально возможным достоинством, думая о суровой мести.

Но из этой думы ничего не вышло. Два дня спустя из Балтимора прибыл его сын Роско, рассерженный и обозленный его поспешным отъездом, и вернул хлюпающего носом генерала домой.

XI

В 1920 году у Роско Баттона родился первенец. Во время празднества по этому случаю никто, однако, не счел нужным упомянуть, что маленький чумазый мальчик лет десяти, который забавлялся где-то в доме с оловянными солдатиками и игрушечным цирком, приходится новорожденному родным дедушкой.

К этому мальчугану никто не испытывал неприязни, тем не менее его свежее улыбчивое лицо часто омрачало печальное выражение, а для Роско Баттона само его присутствие было источником постоянных мучений. Говоря языком своего поколения, Роско не считал это «рациональным». Он считал, что отец, отказываясь выглядеть на шестьдесят, вел себя «не по-мужски», — это было любимое выражение Роско, — а как-то странно и даже извращенно. Стоило Бенджамину задуматься об этом, и казалось, что он начинает сходить с ума. Роско считал, что «огонь в жилах» помогает выглядеть молодо, но перегибать палку в этом отношении было... нерационально. Этого Роско держался твердо.

Пять лет спустя сын Роско уже мог играть вместе с маленьким Бенджамином под присмотром няни. Однажды Роско отвел обоих детей в детский сад, и Бенджамин обнаружил, что возня с маленькими полосками цветной бумаги, из которой можно делать корзиночки и цепочки, а также любопытные красивые узоры, была самой увлекательной игрой в мире! Однажды он вел себя плохо, его поставили в угол, где он расплакался, однако в целом он весело проводил время в светлой комнате, в окна которой лился солнечный свет, и порой мисс Бэйли ласково приглаживала его взъерошенные волосы.

Через год сын Роско пошел в первый класс, а Бенджамин остался в детском саду. Он был там счастлив. Иногда, когда другие малыши говорили о том, что будут делать, когда вырастут, по его детскому личику пробегала тень, словно бы он понимал своим детским умишком, что все это ему уже недоступно.

Дни текли однообразно. Он ходил в детский сад уже третий год, но был уже слишком мал, чтобы понять, для чего нужны яркие блестящие полоски

бумаги. Он плакал, потому что другие мальчишки были крупнее его, и он их боялся. Воспитательница разговаривала с ним, но он, как ни старался, ничего не понимал.

Из детского сада его забрали. Его няня Нана в накрахмаленном полосатом платье стала центром его мирка. В ясные дни они гуляли в парке; Нана указывала на огромное серое чудовище и говорила «слон», и Бенджамин повторял это слово за ней, а вечером, когда она его раздевала перед сном, он несколько раз вновь повторял ей это слово: «Слён, слён, слён!» Иногда Нана разрешала ему прыгать на кровати, и это было забавно, потому что, когда она подбрасывала Бенджамина вверх, и если тот долго тянул «А-а-а!», то получалось очень смешно.

Он любил брать стоявшую у вешалки большую трость, ходить с ней, и бить по стульям со столами, приговаривая: «Бой! Бой! Бой!» Когда вокруг оказывались люди, а пожилые дамы сюсюкали с ним, это его забавляло; молодые леди пытались его поцеловать, чему он подчинялся без всякой, впрочем, охоты. А когда длинный день заканчивался в пять часов, он вместе с няней поднимался наверх, и там его кормили с ложечки овсянкой и вкусным пюре.

В его детских снах не было тревожных воспоминаний; он не помнил ни о лихих днях в колледже, ни о великолепном времени, когда он волновал сердца многих девушек. Существовали только белые безопасные стенки его кровати, Нана и какой-то мужчина, который порой приходил на него посмотреть, и еще был большой оранжевый шар, на который Нана указывала, когда наступала пора спать, и который она называла «солнышко». Когда солнце садилось, его глаза слипались, и не было никаких снов, никаких пугающих сновидений.

Прошлое — лихая атака во главе батальона у Сан-Хуан-Хилла; первые годы после женитьбы, когда он крутился в людском водовороте и работал допоздна, стараясь для юной Хильдегарды, которую обожал; время до женитьбы, когда он сидел вместе с дедом до поздней ночи, покуривая трубку на крыльце старого мрачного дома Баттонов на Монро-стрит — все это стерлось из его памяти, словно пустые грезы, как будто их и не было. Он этого не помнил.

Он смутно помнил, было ли молочко, которым его в последний раз поили, теплым или холодным, и как проходили его дни; существовала только кровать и привычная нянечка. А потом он уже ничего не помнил. Когда был голоден, он плакал — и все. Целыми днями и ночами он просто дышал. Были негромкое бормотание, шепот, которые он едва слышал, и слабо различимые запахи, и свет, и темнота.

А потом осталась одна темнота: белая кровать и размытые лица, склонившиеся над ним, и теплый сладковатый аромат молока — все это померкло в его сознании.

ПОПУЛЯРНАЯ ДЕВУШКА

I

Примерно в половине одиннадцатого вечера каждую субботу Янси Боуман ускользала от своего партнера под каким-нибудь благовидным предлогом; она уходила с танцпола и занимала удобную позицию, с которой был виден бар загородного клуба. Заметив своего отца, она либо кивала ему, если он случайно оборачивался в ее сторону, либо посылала официанта, чтобы тот привлек его внимание к ее неизбежному присутствию. Если это случалось не позднее половины одиннадцатого — а это значит, что он не просидел больше часа, потягивая «Рики»¹ на синтетическом джине², — он вставал со стула и позволял увести себя в танцевальный зал.

«Танцевальным залом» помещение называли за неимением лучшего для него наименования. Это была комната, днем заставленная плетеной мебелью, и именно этот зал всегда приходил на ум, когда кто-нибудь говорил: «Пойдем потанцуем!» Она всегда находилась «там, внутри» или «внизу, идите по лестнице». Это было то самое безымянное помещение, как и в любом из загородных клубов Америки, где творятся все главные городские дела.

Янси знала, что если ей удастся продержаться там отца целый час — болтающего, наблюдающего, как она танцует, или же в более редких случаях танцующего — она сможет по истечении этого времени за ним уже не приглядывать. До полуночи, когда заканчивались танцы, ему оставалось уже слишком мало времени и он не успевал разойтись настолько, чтобы с кем-нибудь сцепиться.

Все это требовало значительных усилий со стороны Янси, и она шла на это не столько ради отца, сколько ради себя самой. Прошлым летом произошло

¹ «Рики» — коктейль, приготовленный из джина или бурбона, сока лайма и газированной воды. Впервые был сделан на основе бурбона в Вашингтоне барменом Джорджем А. Уильямсоном в 1880-е годы, предположительно в сотрудничестве с лоббистом демократов полковником Джо Рики.

² Синтетическим называют джин, в который после перегонки добавляют искусственные ароматизаторы или подсластители.

несколько довольно неприятных инцидентов. Однажды вечером, когда она была задержана страстной речью какого-то молодого юноши из Чикаго, которого никак не удавалось прервать, в дверях танцевального зала появился ее отец. Он слегка покачивался, блекло-голубые глаза на его красивом раскрасневшемся лице были прищурены, он пытался сосредоточить свой взгляд на танцующих; очевидно, он готовился предложить себя первой попавшейся на глаза вдове. Когда Янси стала решительно настаивать на том, чтобы он немедленно покинул клуб, отец забавным образом на нее обиделся.

После того вечера Янси с точностью до минуты придерживалась своей фабиевой тактики¹.

Янси и ее отец слыли самыми красивыми людьми в городке на Среднем Западе, в котором они обитали. Том Боуман был все еще крепким мужчиной после двадцати лет, отданных отличному виски и посредственному гольфу. У него был офис в центре города, где, как считалось, он занимался какими-то непонятными делами с недвижимостью, на самом же деле его главной заботой в жизни была демонстрация красивого профиля и непринужденных манер благовоспитанного джентльмена в загородном клубе, где он и провел все десять лет, прошедших после кончины его супруги.

Янси было двадцать, и она всегда держала себя невнятно и томно, что отчасти обуславливалось ее апатичным нравом, а отчасти было следствием визита к родственникам в одном из восточных штатов, нанесенного в самом впечатлительном возрасте. Она была умна, хотя и непоследовательна, романтична при луне, и никак не могла решить, выйти ли ей замуж по любви или по расчету; причем последнее могло случиться с одним из самых пылких ее поклонников. Вместе с тем она не без успеха вела домашнее хозяйство отца, невозмутимо и спокойно пытаясь поддерживать его пьянство в состоянии легкого подпития.

Своего отца она обожала. Ее восхищали его красивая внешность и очаровательные манеры. Он так и не растерял шарма, который придал ему статус известного «костяка» в Йеле². Это его обаяние было тем эталоном, по которому ее впечатлительная натура подсознательно оценивала всех знакомых ей мужчин. Тем не менее ее отношения с отцом были далеки от той сентиментальной семейной идиллии, которая частенко встречается в книжных историях, а в жизни существует лишь в головах старшего поколения. Янси Боуман решила покинуть отчий дом, выйдя замуж в ближайшее время. Ей было нестерпимо скучно.

Скотт Кимберли, впервые увидевший ее в загородном клубе этим ноябрьским вечером, согласился с леди, чьим гостем он являлся, что Янси была утонченной юной красавицей. Из осознанного стремления к острому ощущению, весьма удивительного для такого молодого человека — Скотту было всего двадцать пять, — он

¹ *Фабиева тактика* уклонения от прямого столкновения с войсками противника путем постоянного маневрирования названа в честь древнеримского полководца Квинта Фабия Максима.

² «Костяками» (англ. Bones man) в Йельском университете называли членов тайного общества студентов старших курсов «Череп и кости».

отказался быть ей представленным, чтобы иметь возможность спокойно понаблюдать за девушкой в течение одного интригующего часа, а потом вкусить удовольствие или разочарование от беседы в конце этого дремотного вечера.

— Она так и не оправилась от огорчения, что не смогла познакомиться с принцем Уэльским¹, когда он бывал в этих краях, — заметила миссис Оррин Роджерс, проследив за его взглядом. — Во всяком случае, она так говорит, не знаю — всерьез или в шутку. Я слышала, что ее стены обклеены его фотографиями.

— Чьими? — внезапно спросил Скотт.

— Ну, принца Уэльского.

— Кто наклеил его фотографии?

— Ну, Янси Боуман, девушка, про которую ты говорил, что считаешь ее хорошенькой.

— По достижении определенного уровня привлекательности одна хорошенькая девушка становится так же хороша, как и другая, — глубокомысленно заметил Скотт.

— Да, думаю, что так и есть.

Миссис Роджерс сказала это безо всякого выражения. Она никогда в жизни не высказывала общих соображений, пока они не становились привычными для ее ушей от постоянного повторения.

— Посплетничаем о ней? — предложил Скотт.

С притворно укоризненной улыбкой миссис Роджерс любезно позволила себе позлословить. Музыкальные повторы только начинались. Оркестр наполнял уютную залу с зелеными обоями в клеточку негромким потоком музыки, и несколько десятков пар, которые этим вечером составляли цвет местной молодежи, плавно двигались в такт ее ритму. Группка апатичных парней выстроилась у дверей, и при ближайшем рассмотрении было видно, что общая картина не соответствовала ожидаемому ими веселью. Все эти девушки и юноши знали друг друга с детства; и хотя этим вечером на площадке могли зарождаться будущие браки, это были союзы, заключаемые по привычке, от покорности судьбе или даже от скуки.

В них не хватало блеска тех романов, что случаются в семнадцать лет во время кратких и блистательных выходных. В таких ситуациях, как эта, — думал Скотт, все еще не спеша выискивая глазами Янси, — образуются парочки из оставшихся — самых невзрачных, скучных и бедных представителей общества. И находят они друг друга, стремясь, вероятно, к более выигрышной судьбе, хотя при этом менее красивой и менее наполненной энергией юности. Сам же Скотт чувствовал, что уже весьма стар.

Но в толпе мелькало одно лицо, которого его обобщения не касались. Отыскав наконец взглядом среди танцующих Янси Боуман, он почувствовал себя намного моложе. Она была воплощением всего, чего так не хватало этим танцам: грациозности, надменной, томной свежести и красоты, печальной и

¹ Принц Уэльский Эдуард, сын короля Георга V в 20-е годы XX века был самым известным холостяком в мире.

быстротечной, подобной отвлеченному воспоминанию во сне. Ее партнер — молодой человек с румянцем и светлыми пятнами на лице, словно бы получивший пощечину в морозный день, казалось, не вызывал у нее интереса; и ее отсутствующий взгляд рассеянно и меланхолично скользил по группкам людей, по лицам и нарядам.

— Темно-синие глаза! — сказал Скотт миссис Роджерс. — Мне кажется, они просто красивы, а вот нос, губы и подбородок безусловно аристократичны, если об аристократичности вообще можно говорить, — добавил он извиняющимся тоном.

— О да, она истинная аристократка. — согласилась миссис Роджерс. — Ее дед был сенатором, или политиком, или кем-то там еще в одном из южных штатов. Отец ее тоже выглядит аристократично! Да, они действительно аристократы; это аристократическая семья.

— Она выглядит не особенно энергичной...

Скотт смотрел, как желтое платье то всплывало, то исчезало среди танцующих.

— Она не слишком-то любит танцевать. Удивительно, что у нее это так хорошо получается. Она помолвлена? Кто этот мужчина, который все время ее перехватывает в танце? Вон тот, который лихо задвинул галстук под воротничок и щеголяет косыми карманами смокинга?

Его раздражала настойчивость этого молодого человека, и такой сарказм был явно преувеличен.

— Ах, этот... — миссис Роджерс подалась вперед, кончик языка показался меж губ. — Это парень из семьи О'Рурки. Он на нее здорово запал, как мне кажется.

— А мне кажется, — внезапно заявил Скотт, — что я попрошу вас меня представить, если она будет рядом, как только закончится музыка.

Они поднялись и стали высматривать Янси — миссис Роджерс, маленькая, полнеющая и немного нервная, и Скотт Кимберли, двоюродный брат ее мужа, черноволосый и ростом чуть ниже среднего. Скотт был сиротой, у него было полмиллиона собственных денег, и он оказался в этом городе только потому, что опоздал на поезд. Они выискивали ее еще несколько минут, но безуспешно. Янси в своем желтом платье больше не скользила с медленной грацией среди танцоров.

Часы показывали половину одиннадцатого.

II

— Добрый вечер, — говорил ей в этот момент отец, немного запинаясь. — Кажется, это уже входит в привычку.

Они стояли возле боковой лестницы, и за его плечом сквозь стеклянную дверь Янси могла видеть группу из полдюжины мужчин, привычно рассевшихся вокруг круглого столика.

— ...Кто этот мужчина, который все время ее перехватывает в танце?
Вон тот, который лихо задвинул галстук под воротничок
и щеголяет косыми карманами смокинга?

— Не хочешь выйти и немного посмотреть на танцы? — улыбнувшись, предложила она как бы невзначай.

— Не сегодня, спасибо.

Это было сказано с подчеркнутым достоинством, но звучало неубедительно.

— Просто выйди ненадолго, посмотри, — настаивала она. — Все здесь, и я хочу спросить, что ты думаешь об одном человеке.

Это был не самый удачный ход, но ничего лучше ей не пришло ей в голову.

— Сильно сомневаюсь, что меня там что-нибудь заинтересует, — решительно заявил Том Боуман. — Я замечаю, что по каким-то диким поводам меня все время вытаскивают отсюда, заставляя отстаиваться, как виски в бочке, словно я себя не контролирую.

— Я только прошу тебя немного там побыть!

— Ты весьма заботлива. Но именно сегодня случилось так, что меня заинтересовал возникший тут спор.

— Отец, пошли!

Янси вкрадчиво взяла его под руку, но он освободился, подняв руку и позволив ее руке свободно упасть.

— Боюсь, я не смогу.

— Говорю тебе, — настаивала она, скрывая досаду, которую вызывал у нее этот крайне затянувшийся спор, — ты пойдешь и взглянешь всего разок, и если тебе станет скучно, просто можешь вернуться.

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, спасибо.

Затем, не сказав больше ни слова, он резко развернулся и снова зашел в бар. Янси отправилась обратно в танцевальный зал. Проходя мимо ряда молодых людей, она скользнула по ним взглядом; быстро определившись, она тихонько промурлыкала стоявшему рядом с ней юноше:

— Потанцуешь со мной, Карти? Мой партнер куда-то делся...

— Буду рад, — искренне откликнулся Карти.

— Очень мило с твоей стороны!

— С моей? С твоей, ты хотела сказать!

Янси посмотрела на него отсутствующим взглядом. Она разозлилась на отца. Наутро за завтраком она сможет излучать вселенский холод, но теперь ей оставалось только ждать, надеясь, что, если случится худшее, отец, по крайней мере, будет оставаться в баре, пока танцы не закончатся.

Тут миссис Роджерс, жившая по соседству с Боуманами, неожиданно нарисовалась рядом с ней вместе с незнакомым молодым человеком.

— Янси, — обратилась к ней миссис Боуман со светской улыбкой, — хочу представить тебе мистера Кимберли. Мистер Кимберли проводит у нас выходные, и я непременно хочу тебя с ним познакомить поближе!

— Как это мило! — с ленцой протянула Янси дежурный ответ.

Мистер Кимберли предложил мисс Боуман потанцевать, на что мисс Боуман без особого энтузиазма согласилась. Они должным образом взялись за руки и начали танец под низкий рокот барабана. Скотту сразу же показалось, что комната и танцующие в ней пары превратились в мелькающий фон. Привычные лампы, ритм музыки, знакомые куски мелодий, лица множества девушек, хороших, ничем не примечательных или смешных, слились, создав антураж для томных глаз и плавных движений Янси.

— Я наблюдал за вами, — откровенно признался Скотт. — Кажется, вам было скучно этим вечером?

— Мне? Скучно? — ее темно-синие глаза с притворным интересом раскрылись, став похожими на нежные ирисы. — Да хоть стреляйся! — добавила она.

Скотт рассмеялся. Она выдала эту жаргонную фразу без улыбки и без всякой попытки придать ей правдоподобия. Он уже слышал произносимые по случаю современные модные словечки: «безумно», «шикарно» и «классно», но еще никогда подобное выражение не было столь далеко от его изначального значения. В устах этой томной юной красавицы оно звучало невыразимо прелестно.

Танец окончился. Янси и Скотт подошли к стоявшему возле стены дивану, но прежде чем они смогли усесться, раздался пронзительный смех, и

крепенькая девушка, тащившая за собой смущенного юношу, проскользнула у них перед носом и рухнула на сиденье.

— Как грубо! — заметила Янси.

— Думаю, она имеет право.

— У девушки с такими лодыжками никаких особых прав быть не может!

Они без особых удобств расположились на двух жестких стульях.

— Откуда вы? — спросила она у Скотта с вежливым безразличием.

— Из Нью-Йорка.

Узнав об этом, Янси соизволила задержать на нем свой взгляд по меньшей мере секунд на десять.

— А кто был тот джентльмен с невидимым галстуком, — резко спросил Скотт, чтобы она снова на него взглянула, — который на вас буквально наседали? От него просто глаз было не отвести. Он так же забавен, как и его смешной наряд?

— Не знаю, — протянула она. — Я помолвлена с ним всего неделю...

— О Боже! — воскликнул Скотт, внезапно покрывшись испариной. — Прошу прощения! Я не...

— Да я пошутила, — перебила она, прыснув. — Хотела посмотреть, что вы на это скажете.

Теперь они уже рассмеялись вместе, и Янси продолжила:

— Нет, я ни с кем не помолвлена. Я совершенно непопулярна! — она говорила все в том же тоне, и ее томный голос забавно противоречил тому, что она произносила. — Никто никогда на мне не женится!

— Как это печально!

— Это правда! — пробормотала она. — А я ведь должна все время слышать комплименты, жить без них не могу, но никто меня больше привлекательной не считает и никто больше не хвалит.

Давно Скотт так не забавлялся.

— Как же так? Вы же прелестное дитя, — воскликнул он, — держу пари, что с утра и до вечера вы только и слышите одни комплименты!

— Нет, никто меня не хвалит! — ответила она; беседа ей явно нравилась. — Я никогда не получаю комплименты, если на них не напрашиваюсь.

«Вечно все одно и то же, — думала она, оглядываясь вокруг и поддаваясь приступу особо глубокой меланхолии. — Те же самые парни; одни еще трезвые, а другие уже хороши; те же рассеявшиеся пожилые дамы, а с ними рядом сидит несколько девушек, которые танцевали в прошлом сезоне».

Янси достигла уже такого состояния, когда эти танцы в загородных клубах казались ей не более чем демонстрацией полнейшего идиотизма. Из обворожительного карнавала, на котором украшенные драгоценностями безупречные девы, нарумяненные до невероятной розовости, выставляли себя напоказ очаровательным мужчинам, танцевальные залы уменьшились в несколько раз, здесь уже бесстыдно «высказывались» сокровенные желания и счастье доставалось прежним неудачникам. Слишком много изменилось за несколько

лет! Сами же танцы почти не изменились, несмотря на переменчивую моду и новые словечки в разговорной речи.

Янси была готова к замужеству.

Между тем дюжина реплик, готовых вылететь из уст Скотта Кимберли, была остановлена появлением миссис Роджерс.

— Янси, — сказала эта почтенная дама извиняющимся тоном, — шофер только что позвонил и сказал, что наша машина сломалась, и мне хотелось бы узнать, не найдется ли у вас с отцом местечка подбросить нас до дома? Если это причинит хоть малейшие неудобства, пожалуйста, не стесняйся, так сразу и скажи...

— Уверена, что он будет безумно рад помочь! В машине будет достаточно места, потому что я с кем-нибудь да уеду.

При этом она прикинула, окажется ли ее отец в приличном случае состоянии к двенадцати.

Впрочем, он мог водить в любом состоянии, к тому же людям, которые просят, чтобы их подбросили, особо выбирать не приходится.

— Это будет так мило! Большое вам спасибо, — сказала миссис Роджерс.

Затем миссис Роджерс исчезла из виду; она едва перешагнула порог тридцати лет, во время которых женщины при общении с молодежью все еще считают себя персонами грата¹, и вступила в начало сороковых, когда их собственные дети тактично дают им понять, что они больше таковыми персонами не являются. В этот момент заиграла музыка, и перед Янси вновь возник несчастный молодой человек с беловатыми пятнами на румянном лице.

Незадолго до конца следующего танца Скотт Кимберли снова перехватил ее.

— Я вернулся, — начал он, — чтобы сказать, как вы прекрасны!

— Так уж и прекрасна! — ответила она. — К тому же, вы всем это говорите!

Музыка мощно загремела перед финалом; затем они уселись на удобном диване.

— Я никому такого не говорил уже года три, — сказал Скотт.

Особых причин вспоминать про эти три года у него не было, однако странным образом это прозвучало весомо для них обоих. Он расшевелил ее любопытство, и ей захотелось узнать о нем побольше. Она неспешно подвергла его допросу, который начался с выяснения его родственных отношений с Роджерсами, и как-то так вышло, что закончился подробным описанием его квартиры в Нью-Йорке.

— Мне хотелось бы жить в Нью-Йорке, — сказала Янси, — на Парк-авеню, в одном из красивых белых зданий, где в каждой квартире по двенадцать комнат, а аренда стоит целое состояние!

— Я бы тоже этого хотел, если бы был женат. Парк-авеню... Думаю, это одна из самых красивых улиц в мире, главным образом потому, что на ней нет ни одного из тех чахлах парков, с помощью которых пытаются создать впечатление зеленого пригорода.

¹ На латыни *persona grata* — «желанная личность»; в международной практике *persona non grata* — дипломат, пребывание которого государство объявило нежелательным.

— Так и есть, — согласилась Янси. — Мы с отцом ездим в Нью-Йорк примерно раз три в год. И всегда останавливаемся в отеле «Ритц».

Это было не совсем правдой. Раз в году она обычно вырывалась своего отца из его безмятежного и не совсем здорового существования, чтобы провести недельку в Нью-Йорке, болтаясь у витрин Пятой Авеню, перекусывая или попивая чаек с какой-нибудь старой школьной подружкой из Фармовера¹, и порой ходить на званые обеды или в театры с парнями, специально приехавшими развлечься из Йеля или Принстона. Это были приятные приключения, да не одно, а целая их череда, наполненная до краев яркими моментами: танцы в «Монмартре», обеды в «Ритце», где за соседним столиком сидела кинозвезда или знаменитая дама света, или же мечты о том, что бы она могла купить у Хемпеля, Уокса или у Трамбла, если бы в записях о доходах ее отца слева перед запятой стояло бы несколько жизнерадостных ноликов. Она обожала Нью-Йорк со всепоглощающей страстью — восхищалась им, как только может восхищаться девушка со Среднего Запада или с Юга. В его пестрых торговых залах она чувствовала, как ее душа возносится в бурном восторге, потому что, с ее точки зрения, в этом городе не было ничего уродливого, ничего безобразного, ничего безвкусного.

Она жила в «Ритце», но лишь только однажды. «Манхэттен», где они обычно останавливались, был закрыт на реконструкцию. Она знала, что ей не удастся еще раз склонить отца позволить себе «Ритц».

Через мгновение Янси раздобыла карандаш, бумагу и нацарапала отцу записку о том, что он должен отвезти миссис Роджерс и ее гостя домой «по их просьбе»; последние слова были подчеркнуты. И она надеется, что он выполнит это поручение достойным образом. Эту записку Янси отправила с официантом. Перед началом следующего танца она получила ее обратно с начертанным «Ок» и инициалами отца.

Остаток вечера прошел быстро. Скотт Кимберли перехватывал ее так часто, насколько это было возможно, постоянно говоря о ее непреходящей красоте — что, собственно, не без бодрящего воодушевления она и желала услышать. Он также слегка подтрунивал над ней, и она не была уверена, что ей это нравится. В целом, как и все люди, имеющие кое о чем смутные представления, она не сознавала, насколько они смутны. Янси не совсем поняла, что Скотт имел в виду, когда заявил, что она будет сохранять свою индивидуальность, даже когда станет настолько старой, что это уже перестанет ее заботить.

Ей больше всего нравилось болтать о Нью-Йорке, и каждый из этих прерывающихся разговоров восстанавливал в ее голове соответствующую картинку или вызывал мысли о мегаполисе, который она вспоминала, глядя через плечо Джерри О'Рурка, Карти Брэйдена или какого-нибудь другого поклонника, к которому, как и ко всем прочим, она была привычно равнодушна. В полночь Янси

¹ Возможно, этот топоним составлен из двух названий — «Фармингтон» и «Вестовер»; в Фармингтоне штата Коннектикут находилась престижная школа мисс Портер, предназначенная только для девочек, школа Вестовер в Миддлбери — известный интернат для девочек, стремящихся поступить в колледж.

отправила отцу еще одну записку, сообщив, что миссис Роджерс с гостем готовы встретить его у парадного входа в клуб. Затем, надеясь на лучшее, она вышла из дверей в ночь, под звезды, и Джерри О'Рурк помог ей сесть в свой родстер.

III

— Спокойной ночи, Янси!

Вместе со своим провожатым она стояла на брусчатке перед небольшим домом с лепниной, в котором жила. Мистер О'Рурк намеренно медленно и с чувством произнес ее имя, пытаясь придать ему особое значение. В течение вот уже нескольких недель он пытался форсировать их отношения, пытаясь направить их в романтическое русло; однако бесстрастность Янси, которая служила ей защитой от окружающих, свела все его попытки к нулю. Она давно знала Джерри О'Рурка. У его семьи были деньги, но сам он... Как и большая часть нынешнего молодого поколения, он работал в брокерской конторе. Он продавал акции — акции были теперь в моде. Во время строительного бума популярна была недвижимость, потом модными стали автомобили. А теперь в моде были акции. Их продавали молодые люди, которые не смогли найти для себя ничего лучшего.

— Не утруждай себя провожать меня до двери, — а затем, когда он уже нажал на газ: — Позвони мне на днях!

Минутой позже он свернул за угол залитой лунным светом улицы и исчез из виду, однако резкое тарахтение мотора еще долго раздавалось в ночи, словно бы демонстрируя, что, весело нарезая круги, он совершенно не думает о паре дюжин местных усталых обитателей.

Янси задумчиво опустила на ступеньки. Ключа у нее не было, и ей надо было дождаться отца. Через пять минут на их улицу вывернул родстер и очень аккуратно припарковался перед большим домом Роджерсов по соседству. Облегчено вздохнув, Янси встала и медленно пошла по дорожке. Дверца автомобиля открылась, и миссис Роджерс благодаря помощи Скотта Кимберли благополучно оказалась на тротуаре; однако, к удивлению Янси, проводив ее до крыльца, он вернулся к машине. Янси стояла достаточно близко, чтобы заметить, что он сел на место водителя. Когда машина остановилась у дома Боуманов, Янси увидела, что ее отец сидит на заднем сиденье и с нелепым достоинством борется с настигшей его дремотой. Она тяжело вздохнула. Последний роковой час сделал свое дело — Том Боуман снова набрался.

— Привет! — воскликнула Янси, подойдя к поребрику.

— Янси! — пробормотал ее папаша, неудачно изображая оживленную приветливость; его губы изогнулись в заискивающей улыбке.

— Ваш отец почувствовал себя не совсем в форме, поэтому он позволил мне довести его до дома, — весело объяснил Скотт, вылезая из машины и подходя к Янси. — Славная машинка. Давно она у вас?

Янси рассмеялась, но не слишком весело.

— Двигаться-то он в состоянии?

— Кто не в состоянии? — обиженно осведомилась сидящая в машине фигура.

Скотт уже стоял рядом с машиной.

— Могу я вам помочь, сэр?

— Я могу вы-ыйти. Я мо-огу и сам вы-ыйти, — настоял мистер Боуман. — Просто от-дите чуток с др-ги. Дл-жно быть, кто-о-то плеснул мне др-р-рянного виски.

— Хочешь сказать, что подливали тебе его многие, — презрительно-холодно возразила Янси.

Мистер Боуман достиг бордюра с поразительной легкостью; но это был обманчивый успех, ибо почти сразу же он решил схватиться за видимую только ему дверную ручку, и от падения был спасен лишь быстро протянутой рукой Скотта. Смущенная и обозленная Янси проследовала к дому в компании двух мужчин. А ведь молодой человек мог подумать, что такое здесь происходит каждую ночь! Янси главным образом унижало само ее присутствие при этой сцене. Если бы ее отца каждый вечер дотаскивали до постели двое дворецких, она, пожалуй, могла бы даже гордиться тем, что отец может себе позволить такой разгул; но подумать только — помогать ему приходилось ей самой, именно на ее плечи ложились все тревоги и заботы! И, наконец, ее раздражало присутствие тут Скотта Кимберли; его настоятельная готовность завести отца в дом.

Дойдя до низкого, выложенного кирпичом порога, Янси пошарила по жилету Тома, выудила ключ и открыла дверь. Через минуту хозяина дома усадили в кресло.

— От души благодарю, — сказал он, на мгновение обретя контроль. — Присаживайтесь. Хотите выпить? Янси, не поможешь, дорогая? Принеси нам немного печенья и сыра, если они есть.

Янси и Скотта от души позабавила вежливая холодность в этой фразе.

— Тебе пора спать, отец, — сказала Янси; гнев боролся в ней с вежливостью.

— Дайте мне мою гитару, — потребовал он, — я вам сыграю!

За исключением подобных случаев, он не держал гитару в руках уже лет двадцать. Янси повернулась к Скотту.

— Теперь с ним все будет в порядке. Большое спасибо. Через минуту он задремлет, а когда я его растолкаю, он отправится в кровать, кроткий, как ягненок.

— Ну, что же...

Вместе они направились к двери.

— Утомились? — спросил Скотт.

— Нисколько.

— Тогда, быть может, вы позволите мне остаться здесь, с вами на несколько минут, пока вы не увидите, что с ним все в порядке? Миссис Роджерс дала мне ключ, чтобы я мог войти в дом, не беспокоя ее.

— Все в порядке! — запротестовала Янси. — Не волнуйтесь, с ним проблем не будет. Должно быть, он хватил лишнего — а это наше виски... Сами понимаете! Однажды такое уже случалось, в прошлом году, — добавила она.

Сказанное вполне ее устроило, объяснение казалось ей убедительным.

— Можно я все-таки останусь на минутку?

Они усадились рядышком на стоявший на веранде плетеный диванчик.

— Я подумываю, не задержаться ли мне в городе еще на пару дней, — сказал Скотт.

— Чудесно! — ее голос вновь обрел томные нотки.

— Кузен Пит Роджерс сегодня был нездоров, но завтра он собирается поохотиться на уток и желает, чтобы я составил ему компанию.

— Как здорово! Я так хочу поохотиться, отец всегда обещал прихватить меня с собой, но так этого и не сделал.

— Нас не будет дня три, а потом, думаю, я вернусь и проведу здесь следующие выходные...

Он внезапно замолк и подался вперед, прислушиваясь.

— Что там, черт возьми, происходит?

Из комнаты, которую они только что покинули, доносились обрывочные звуки музыки — громкие аккорды гитары вместе с более слабыми переборами.

— Это отец! — воскликнула Янси.

Теперь до них донесся и нетрезвый голос, печально и протяжно мурлычущий что-то под аккомпанемент:

Пою я песню свободы,
Песню скитаний и тьмы,
Я счастлив сегодня, как негр,
Покинувший стены тюрьмы...

— Запел! Какой ужас! — воскликнула Янси. — Он перебудит всех в округе!

Припев закончился, снова зазвенела гитара, затем раздался последний резкий аккорд и наступила тишина. Через мгновение после этих сумбурных звуков раздался тихий, но вполне отчетливый храп. Мистер Боуман, удовлетворив свою страсть к музицированию, наконец уснул.

— Давайте прокатимся! — нетерпеливо сказала Янси. — Все это было слишком утомительно для меня...

Скотт с готовностью поднялся, и они спустились к машине.

— Куда отправимся? — спросила она.

— Мне все равно.

— Можно проехать полквартала до Крест-авеню¹ — это наша главная улица, — а затем выехать на набережную.

¹ *Крест-авеню* (англ. Crest Avenue) вошла в современную Саммит-авеню в Сент-Поле, родном городе Скотта Фицджеральда.

IV

Когда они свернули на Крест-авеню, перед ними появился огромный новый кафедральный собор; он был похож на храм, который случайно остался недостроенным в каком-нибудь маленьком фламандском городке; одновременно он напоминал припавшего на задние лапы раскормленного белого бульдога. Призрачные фигуры четырех залитых лунным светом апостолов мельком посмотрели на них из стенных ниш, все еще покрытых белой строительной крошкой. Собор стоял в самом начале Крест-авеню. За ним возвышалось массивное здание из темного песчаника, возведенное «мучным королем» Р.Р. Комефордом¹; дальше на полмили тянулись претенциозные каменные приземистые дома, построенные в мрачные девяностые. Их украшали монументальные ворота с подъездами, которые когда-то отзывались эхом на цокот копыт породистых лошадей, и огромные округлые окна вторых этажей.

Непрерывный ряд этих мавзолеев нарушал лишь небольшой парк, треугольник травы, на котором стоял десятифутовый Натан Хэйл²; руки у него за спиной были связаны каменной веревкой, а сам он спокойно взирал на обрывистый берег медленно текущей Миссисипи. Крест-авеню тянулась вдоль этого берега, но, казалось, она не видела его и даже не знала о его существовании, поскольку все дома своими фасадами смотрели в противоположную сторону, на улицу. После первой полумили авеню выглядело более современно, пробуя на террасных лужайках разные новшества в виде штукатурки, гранитной облицовки или разных ухищрений, имитировавших мраморные очертания Малого Трианона³. Дома в этом стиле проносились мимо в течение нескольких минут, затем дорога повернула, и машина устремилась прямо навстречу лунному свету, который, казалось, лился из фары какого-то гигантского мотоцикла, несущегося им навстречу.

Промчались мимо коринфские очертания храма «Христианской науки»⁴, квартал мрачных каркасных ужасов, — ряд пустых строений из темно-красного кирпича — неудачный эксперимент конца девяностых годов, — потом опять новые дома, теперь уже из ярко-красного кирпича, местами с белой облицовкой, с железными заборами и живыми изгородями, обрамлявшими цветущие лужайки. Они пронесли и исчезли, вознесясь

¹ *Комефорды* — владельцы мельниц в Ирландии.

² *Натан Хэйл* — казненный британцами в 1776 году герой Войны за независимость Соединенных Штатов.

³ *Малый Трианон* — небольшой дворец в составе французского Версаля; Людовик XV приказал построить его для своей фаворитки маркизы де Помпадур.

⁴ «*Христианская наука*» (*Christian Science*) — возникшая на основе либерального протестантизма религиозная секта. Основана в 1879 г. американкой Мэри Бейкер-Эдди.

на мгновение своим величием; а затем, в свою очередь, на Крест-авеню показались залитые лунным светом и обреченные устареть, как и фахверковые дома, особняки с башенками в самой старой части города и дома из темного камня.

Внезапно крыши стали ниже, участки сузились, дома уменьшились в размерах и превратились в бунгало¹. Они занимали последнюю милю до изгиба реки, потом улица заканчивалась величественной аллеей со статуей Челси Арбетнота; Арбетнот был первым губернатором и, можно сказать, последним представителем англосаксов.

Раздраженная событиями этого вечера Янси до сего момента не проронила ни слова, однако бывший в лицо свежий воздух ноября подействовал на нее некоторым образом успокаивающе. «Надо будет завтра вытащить из шкафа мою меховую шубку», — подумала она.

— Где это мы?

Они замедлили ход, Скотт с любопытством оглядел помпезную каменную фигуру, отчетливо видневшуюся в ярком лунном свете; одна ее рука лежала на книге, а указательный палец другой с символичной укоризной был направлен на идущую уличную стройку.

— Здесь Крест-авеню заканчивается, — сказала, повернувшись к нему, Янси. — Это наш проспект.

— Музей американских архитектурных неудач!

— Чего?

— Нет, ничего! — пробормотал он.

— Я должна была вам что-то рассказать, но вылетело из головы... Если хотите, можно немного пройтись по набережной. Или вы устали?

Скотт заверил ее, что не устал ничуть.

Упираясь в бульвар, цементная дорога под темнеющими деревьями начинала делать повороты.

— Миссисипи — как мало сейчас ее значение! — внезапно заявил Скотт.

— Что? — Янси огляделась вокруг. — А, эта река...

— Думаю, что вашим предкам она была чрезвычайно важна.

— Предки отца не отсюда, — с достоинством в голосе ответила Янси. — Они из Мэриленда. Отец перебрался сюда, закончив Йель.

— О! — Скотт из вежливости сделал вид, что впечатлен.

— Моя мать местная. А отец переехал сюда из Балтимора в поисках целительного его здоровью климата.

— Вот как...

— Думаю, и он теперь считается местным, — снисходительно добавила Янси, — так бы вышло и везде...

— Разумеется...

— Конечно, я хочу жить на Востоке, но мне никак не удастся уговорить отца туда перебраться, — завершила она.

¹ Бунгало — дом для одной семьи с обширной верандой.

Было уже около часа ночи, и бульвар был почти безлюден. Время от времени перед ними появлялись два желтых диска, затем приобретающие очертания неторопливого автомобиля. По большей же части, они мчались одни во тьме. Должно быть луна нырнула в облака.

— Когда дорога снова пойдет вдоль реки, давайте остановимся и посмотрим на реку, — предложил он.

Янси улыбнулась про себя. Это предложение было понятным всем приглашением к созданию ситуации, благоприятствующей поцелую. Она задумалась. Пока еще этот мужчина не произвел на нее особого впечатления. Он был хорош собой, при деньгах, жил в Нью-Йорке. Во время танцев он начал ей нравиться, к концу вечера это ощущение возросло; однако затем случай с возвращением отца домой вылил ведро холодной воды на зародившиеся в ней теплые чувства; был ноябрь, ночь была холодной. И все же...

— Хорошо, — вдруг согласилась она.

Дорога раздвоилась; они немного покружили и припарковали машину на высокой открытой площадке над рекой.

— Итак?.. — вымолвила она, когда двигатель умолк и воцарилась глубокая тишина.

— Спасибо.

— Вам здесь нравится?

— Почти, но не совсем.

— Почему нет?

— Расскажу через минутку, — ответил он. — Почему тебя зовут Янси?

— Это домашнее имя.

— Очень красивое.

Он нежно повторил ее имя несколько раз.

— Звучит также грациозно, как Нэнси, но не так высокопарно.

— А вас как зовут? — спросила она.

— Скотт.

— А фамилия?

— Кимберли. Вы не знали?

— Я не разобрала. Представляя вас, миссис Роджерс что-то пробормотала.

Последовала короткая пауза.

— Янси, — повторил он, — прекрасная Янси, с такими ясными голубыми глазами и томной душой! Знаете, почему я пока не совсем доволен, Янси?

— Почему?

Ожидая ответа, она незаметно приблизила свое лицо и слегка приоткрыла губы; и он понял, что спрашивая, она соглашалась.

Не торопясь, он подался вперед и легко приник к ее губам.

Он вздохнул, и оба они почувствовали облегчение от прошедшего смущения, теперь необходимые условности любовных игр остались позади.

— Спасибо, — сказал он точно так же, как и в ту минуту, когда остановил машину.

— Теперь ты доволен?

В темноте она, не улыбаясь, смотрела на него своими голубыми глазами.

— Наверное... Разве можно это сказать определенно?..

Он снова наклонился к ней, но она подалась назад и завела двигатель. Было уже очень поздно, и Янси начала уставать. Какой бы ни была цель этого эксперимента, она была достигнута. Он получил то, что просил. Если ему понравится, он захочет еще, и это продвинет ее на один ход вперед в игре, которую, как ей казалось, она начала.

— Я проголодалась, — посетовала она. — Давай поедем куда-нибудь в центр и перекусим.

— Ну хорошо, — грустно согласился он. — Как раз тогда, когда я был очарован... Миссисипи.

— Ты считаешь, я красивая? — спросила она почти жалобно, когда они откинулись на сиденья.

— Что за странный вопрос!

— Но я люблю слушать, когда люди это говорят!

— Я как раз собирался сказать, но ты включила зажигание.

В центре, в пустом круглосуточно открытом ресторанчике они перекусили яичницей с беконом. Кожа Янси своим цветом теперь напоминала слоновую кость. Ночь стерла с ее лица томный румянец и лишила его ленивой грации. Янси просила Скотта рассказывать ей о Нью-Йорке до тех пор, пока он не стал начинать каждое предложение с фразы «Ну, ладно, а теперь поговорим о...»

Трапеза завершилась, и они покинули домой. Скотт помог девушке завести машину в маленький гараж, и прямо перед входной дверью она снова подставила ему свои губы для короткого поцелуя, а потом ушла в дом.

Длинная гостиная, тянувшаяся по всей ширине небольшого дома с лепниной, была освещена красноватыми отблесками угасающего огня. Когда Янси уходила, он ярко горел, а теперь превратился в ровное свечение без языков пламени. Она взяла полено из дровницы, бросила его на тлеющие угли и тут же вздрогнула от голоса, который донесся из полумрака в дальней части помещения.

— Так рано вернулась?

Это был голос отца, тот был еще не вполне трезв, но его речь звучала уже заботливо и осознанно.

— Да. Ездил прокатиться, — коротко бросила она, усаживаясь в плетеное кресло перед огнем. — Потом перекусила в центре.

— Вот как...

Отец встал со своего места, пересел на стул поближе к огню, потянулся и вздохнул. Она наблюдала за ним краем глаза, поскольку собиралась выказать подобающую случаю холодность. Янси приятно удивило, что часа за два он обрел присущее ему достоинство. Его седеющие волосы были лишь слегка взлохмачены, а на красивом лице вновь играл румянец. Лишь красноватые прожилки в его глазах свидетельствовали о недавнем загуле.

— Хорошо провела время?

— С чего вдруг тебя это стало волновать? — грубо ответила она.

— Почему бы мне и не поинтересоваться?

— Похоже, в начале вечера тебя это не заботило. Я попросила тебя подбросить до дома двух человек, а ты не смог вести машину!

— Черт возьми, да смог бы я! — запротестовал он. — Я мог бы участвовать в гонках на ара-... арене. Это миссис Роджерс настояла, чтобы машину вел ее молоденький поклонник, и что я мог поделаться?

— Это не ее поклонник! — резко возразила Янси. Слова она уже больше не растягивала. — Ей же столько лет, сколько и тебе. Это ее племянница... я хотела сказать, племянник.

— Виноват!

— Думаю, тебе стоит извиниться передо мной!

Внезапно она ощутила, что не держит на него никакой обиды. Ей даже стало немного жаль отца. Ей пришлось в голову, что, попросив его отвезти миссис Роджерс домой, она таким образом покусилась на его свободу. Тем не менее порядок был необходим, ведь будут и другие субботние вечера.

— Ну, так как? — подтолкнула она его.

— Я прошу прощения, Янси.

— Очень хорошо. Принимаю твои извинения, — сухо ответила она.

— Скажи, что я еще могу для тебя сделать?

Она сощурила свои голубые глаза, понадеявшись, а точнее, едва осмелившись понадеяться, что он сможет отвезти ее в Нью-Йорк.

— Давай прикинем, — сказал он. — Сейчас ноябрь, так? Какое число?

— Двадцать третье.

— Ну, тогда я сделаю вот что, — он задумчиво постучал кончиками пальцев. — Сделаю тебе подарок! В течение всей осени я обещал тебе поездку, но дела шли неважно.

Она едва сдержала улыбку — как будто дела что-то значили в его жизни.

— Но раз уж тебе так нужна эта поездка, я тебе ее подарю! — он снова встал, пересек комнату и сел за свой стол. — У меня есть немного денег в нью-йоркском банке, они лежат там уже довольно давно, — сказал он, роясь в ящике стола в поисках чековой книжки. — Я собрался этот счет закрыть. Так, давай посмотрим. Тут как раз...

Он заскреб ручкой.

— Где, черт возьми, промокашка? Ага!

Он подошел к камину, и ей на колени порхнул продолговатый розовый листок.

— Отец!

Это был чек на триста долларов.

— И ты вправду можешь себе это позволить? — спросила она.

— Все нормально, — уверил он, утвердительно кивнув. — Это будет и рождественским подарком; вероятно, тебе до отъезда понадобится новое платье или шляпка, или что-нибудь еще.

— Ну... — неуверенно протянула она. — Даже не знаю, могу ли я?.. Так много... Ты же знаешь, я скопила две сотни в городском банке... Ты уверен?..

— Да, конечно! — он махнул рукой с чудесной беззаботностью. — Тебе нужно отдохнуть. Ты говорила о Нью-Йорке, и я хочу, чтобы ты туда поехала. Скажи своим приятелям из Йеля и из других университетов, и они пригласят тебя на студенческий вечер, или куда там еще...

Тут он резко опустился на стул и протяжно вздохнул. Янси сложила чек и спрятала его на груди.

— Ну что же, — мягко протянула она, вернувшись к своей обычной манере разговора, — ты такой славный, и так мило все преподнес. Я обещаю сдерживать свою экстравагантность.

Отец не ответил. Он издал еще один вздох и сонно обмяк на стуле.

— Конечно, я хочу поехать, — продолжила Янси.

Отец продолжал молчать. Ей показалось, что он задремал.

— Ты спишь? — спросила она уже весело, наклонилась к нему, выпрямилась и внимательно на него посмотрела.

— Папа... — неуверенно протянула она.

Ее отец оставался недвижим; внезапно румянец пропал с его лица.

— Папа!

Янси поняла, — и от этой мысли похолодела, словно железный корсет сдавил ее грудь, — что она уже одна в комнате. В это безумно страшное мгновение она осознала, что отец мертв.

V

Янси относилась к себе с неизменной мягкостью — так относилась бы мать к капризному избалованному ребенку. Она не была особо практичной и не шла по жизни, руководствуясь какой-либо собственной строгой и продуманной системой взглядов. Ее реакцией на такую катастрофу, как смерть отца, стала лишь истерическая жалость к самой себе. Первые три дня напоминали кошмар; однако свойственная цивилизации сентиментальность, столь же похожая на способность природы исцелять раны своих созданий, внушила некой миссис Орэл, которую Янси всегда недолюбливала, страстный интерес ко всем житейским катастрофам подобным этой. Поэтому миссис Орэл и взяла на себя заботы по похоронам Тома Боумана.

На следующее утро после кончины отца Янси телеграфировала в Чикаго своей тетке по материнской линии, но эта сдержанная и зажиточная дама ей не отвечала.

Целыми днями напролет в течение четырех суток Янси сидела в своей комнате наверху, прислушиваясь к звукам приближавшихся к крыльцу и удалявшихся от него шагов, и ее нервозность только увеличивалась оттого, что входной

колокольчик был снят. Это было сделано по распоряжению миссис Орэл. Ведь с дверными колокольчиками в подобных ситуациях всегда так и поступают. После погребения усопшего напряжение спало. Нарядившись во все новенькое черное, Янси увидела свое отражение в трюмо и всплакнула: она показалась себе такой печальной и красивой! Девушка спустилась вниз и попыталась занять себя чтением какого-то киношного журнальчика, надеясь, что не останется в этом доме одна, когда в четыре на землю опустятся зимние сумерки.

В этот вечер миссис Орэл предложила горничной воспользоваться случаем и взять выходной, и Янси как раз собиралась сходить на кухню и посмотреть, ушла ли та, когда в доме неожиданно раздалось треньканье вновь привязанного входного колокольчика. Янси вздрогнула. Секунду она помедлила, а потом подошла к двери. Это был Скотт Кимберли.

— Я только хотел узнать, как ты, — промолвил он.

— О, спасибо, мне уже лучше, — ответила Янси со сдержанным достоинством, что, по ее мнению, годилось в этой ситуации.

Испытывая неловкость, они немного постояли в холле, и каждый из них вспоминал частью смешные, частью печальные события дня их последней встречи. Теперь им было трудно найти общие темы для беседы, паузы нельзя было заполнить мимолетными намеками на случившееся, к тому же у Скотта не было никаких оснований притворяться, — он разделял ее горе.

— Ты не зайдешь? — спросила она, нервно покусывая губку. Он вошел в гостиную и сел рядом с Янси на диван. И в следующую минуту, просто потому, что он оказался рядом, такой живой и дружелюбный, она уже рыдала у него на плече.

— Ну, будет, будет! — повторял он, обняв ее и по-дурацки похлопывая по плечу. — Ну хватит! Ну же!

Он был достаточно умен, чтобы не приписывать ее действиям никакого скрытого значения. Она была истерзана горем, одиночеством и всеми пережитыми чувствами; в такой ситуации подошло бы любое плечо. Хотя каждый из них испытал особый животный трепет, это бы случилось даже если они были бы седовласыми стариками. Через минуту она выпрямилась.

— Извини меня, — резко проговорила она. — Просто в этом доме нынче так уныло...

— Я понимаю, каково тебе теперь, Янси.

— Я... я... намочила слезами твое пальто?

Отдавая должное драматичности минувшего, оба безудержно рассмеялись, и она тотчас взяла себя в руки.

— Даже не знаю, почему я кинулась на грудь именно тебе, — всхлипнула она. — У меня нет привычки поступать так со всеми, кто заходит в дом.

— Сочту это... за комплимент! — ответил он, трезво оценивая ситуацию. — Могу представить, в каком ты сейчас состоянии.

Затем после паузы поинтересовался:

— Есть планы?

*Она была истерзана горем, одиночеством
и всеми пережитыми чувствами;
в такой ситуации подошло бы любое плечо.*

Янси отрицательно качнула головой.

— Рас-расплывчатые, — пробормотала она, все еще всхлипывая. — Ду-думала уехать и ненадолго остановиться у тети в Чикаго.

— Думаю, это будет лучше всего — да, самое лучшее!

Он не мог сообразить, что еще сказать, поэтому повторил:

— Да, так будет лучше всего.

— А ты что поделяваешь здесь... в городе? — спросила она, все еще прерывисто дыша и вытирая глаза платочком.

— Ну, я же здесь с Роджерсами. Я с ними.

— Охотился?

— Нет, просто был с ними.

Он не сказал ей, что остался из-за нее. Она могла счесть это за дерзость.

— Ясно, — ответила она, хотя ей ничего не было ясно.

— Хотел спросить, Янси, не могу ли я чем-нибудь тебе помочь? Может быть, надо съездить в центр, или есть какие-то поручения — что угодно! Может, хочешь одеться потеплее и подышать свежим воздухом? Или могу составить тебе компанию — мы могли бы прокатиться вечером на твоей машине, и никто тебя не увидит...

Скотт умолк после этой фразы — до него дошло, как двусмысленно она могла прозвучать. Они испуганно посмотрели друг на друга.

— О, нет-нет, благодарю! — воскликнула она. — Я совершенно не хочу кататься!

К его облегчению входная дверь открылась, и вошла пожилая дама. Это была миссис Орэл. Скотт немедленно поднялся и направился к выходу.

— Ну, если ты уверена, что я ничем не могу помочь...

Янси представила его миссис Орэл; затем, оставив почтенную даму у камина, прошла с ним к двери. Внезапно ей в голову пришла одна идея.

— Подожди минутку!

Она убежала наверх по главной лестнице и тут же вернулась с розовым листком бумаги в руке.

— Вот что ты можешь для меня сделать, — сказала она. — Отнеси это в «Первый национальный банк» и получи деньги по чеку. Ты можешь передать их мне в любое удобное время.

Скотт вынул бумажник и открыл его.

— Думаю, деньги я могу отдать прямо сейчас.

— Никакой спешки нет.

— Ну, я же могу...

Он вытащил три новенькие сотки и вручил их ей.

— Это так мило с твоей стороны, — сказала Янси.

— Ерунда. Могу я навестить тебя в следующий раз, когда приеду?

— Разумеется.

— Так и сделаю. Я уезжаю на Восток сегодня.

Дверь вытолкнула его в снежные сумерки, и Янси вернулась к миссис Орэл, которая ожидала, чтобы обсудить планы.

— Теперь, моя дорогая, что вы собираетесь делать дальше? Вам необходим план, которому надо следовать, и я подумала, что вы, возможно, уже что-то решили.

Янси попыталась сосредоточиться, ей подумалось теперь, что она осталась одна на всем белом свете.

— От моей тетушки пока ни слуху ни духу. Сегодня утром я снова ей телеграфировала. Возможно, она во Флориде.

— Если так, вы поедете к ней?

— Да.

— Дом вам не понадобится?

— Думаю, нет.

Миссис Орэл спокойно и практично огляделась вокруг: если Янси оставит дом, этим можно было бы воспользоваться в своих интересах.

— А теперь, — продолжила она, — скажите, как у вас дела с деньгами?

— Думаю, все хорошо, — равнодушно ответила Янси; а затем вдруг добавила с надрывом: — На двоих хва-хвatalo; должно хва-хватить и на одну!

— Я не это имела в виду, — заявила миссис Орэл. — Я спрашиваю, вникли ли вы во все детали?

— Нет.

— Ну, я и догадалась, что они вам неизвестны. А вы должны знать все детали — иметь полный отчет, где лежат ваши деньги и сколько их. Поэтому я позвонила мистеру Хэджу, который очень хорошо знал вашего отца, и попросила его заглянуть сегодня днем и просмотреть его бумаги. Помимо этого он собирался также зайти в банк, где ваш отец держал деньги, и узнать все детали. Не думаю, что ваш отец оставил какое-либо завещание.

Детали! Детали! Детали!

— Спасибо, — сказала Янси. — Это очень... мило.

Миссис Орэл три или четыре раза решительно кивнула, как и подобало в такое тяжелое время. Затем она встала.

— А теперь, если Хельма уже ушла, я приготавливаю вам чай. Хотите чаю?

— Пожалуй.

— Отлично. Я приготавливаю вам прекрасный чай!

Чай! Чай! Чай!

Мистер Хэдж, представитель одной из весьма уважаемых шведских семей города, появился в доме Янси к пяти. Он скорбно, как на похоронах, ее поприветствовал, упомянув, что несколько раз заходил, дабы справиться о ней, участвовал в организации похорон и теперь занимается ее финансами. Знает ли она что-либо о завещании? Нет? Скорее всего, его и не было.

Однако вскоре выяснилось, что завещание существует. Мистер Хэдж почти сразу же нашел его в столе мистера Боумана, но с остальными бумагами ему пришлось провозиться до одиннадцати, прежде чем он смог все разобрать. Следующим утром он пришел к восьми, съездил в банк к десяти, затем посетил одну брокерскую фирму и вернулся к дом Янси к полудню. Он

знал Тома Боумана несколько лет, и тем не менее был крайне изумлен, узнав, в каком состоянии этот симпатичный кавалер оставил свои дела.

Он посоветовался с миссис Орэл и в тот же день весьма сдержанно сообщил испуганной Янси, что у нее практически нет ни гроша в кармане. Во время этого разговора пришла телеграмма из Чикаго, в которой сообщалось, что ее тетя неделю назад отправилась в морской круиз на Восток и, по-видимому, вернется домой не ранее конца весны.

Прекрасная Янси, такая гостеприимная, такая жизнерадостная, всегда описываемая лишь прилагательными в превосходной степени, не смогла найти прилагательных для описания постигшего ее бедствия. Она спряталась в своей комнате наверху, словно обиженный ребенок, уселась перед зеркалом и начала расчесывать свои роскошные волосы, чтобы хоть немного успокоиться. Она провела по ним сто пятьдесят раз, словно так было сказано в некоем рецепте, потом еще сто пятьдесят раз; она была выбита из колеи, чтобы остановить эти нервные движения. Она расчесывала волосы, пока у нее не заболела рука; потом она сменила руку и принялась причесываться вновь.

На следующее утро горничная нашла ее спящей рядом с вынутыми из комода туалетными принадлежностями. Воздух в комнате был тяжелым и приторно сладким из-за пролитых духов.

VI

Мистер Хэдж пребывал в весьма удрученном состоянии, но, чтобы быть честными, надо отметить, что Том Боуман оставил денег на своем счету более чем достаточно, то есть достаточно для удовлетворения всех посмертных потребностей. Осталась также накопленная за двадцать лет мебель, норовистый родстер с астматическими цилиндрами и две акции по тысяче долларов одной из сетей ювелирных магазинов, которые приносили 7,5 % годовых. К сожалению, на бирже эти акции никому не были известны.

Когда автомобиль и мебель были проданы, а оштукатуренное бунгало было сдано в аренду, Янси с тревогой оценила свои ресурсы. В банке у нее осталась почти тысяча долларов. Если бы она их куда-нибудь вложила, то увеличивала бы свое состояние примерно на пятнадцать долларов в месяц. Этого, как ободряюще заметила миссис Орэл, как раз хватило бы Янси до конца жизни, чтобы платить за комнату в пансионе, которую участливая дама могла бы для нее найти. Эта новость так обрадовала Янси, что та не удержалась и разразилась слезами.

Поэтому она поступила так, как поступила бы любая красивая девушка в подобной ситуации. Янси с чрезвычайной решительностью сказала мистеру Хэджу, что оставит свою тысячу долларов на расходном счете, а затем вышла из его офиса и отправилась в парикмахерскую на противоположной стороне улицы, чтобы сделать завивку. Это дивным образом подняло ее боевой

*На следующее утро горничная нашла ее спящей
рядом с вынутыми из комода туалетными
принадлежностями. Воздух в комнате
был тяжелым и приторно сладким
из-за пролитых духов.*

настрой. И действительно, в тот же день она перебралась из пансиона в маленький номер лучшего в городе отеля. Если уж ей суждено погрузиться в пучину бедности, то, по крайней мере, она сделает это с помпой.

За подкладку ее лучшей шляпки из траурного крепа были спрятаны три новые сотенные купюры — последний подарок отца. На что они могли ей пригодиться, почему она их туда запрятала, Янси не знала; быть может, просто потому, что они попали в ее руки при столь воодушевляющих обстоятельствах и могли бы, благодаря мифическим возможностям, которые присущи новеньким хрустящим банкнотам, помочь ей приобрести более веселые вещи, чем трапезы в одиночестве и узкие пансионные койки. Эти деньги были самой надеждой, олицетворяли молодость, удачу и красоту; каким-то невероятным образом они стали символизировать все то, что она утратила в ту ноябрьскую ночь, когда Том Боуман, опрометчиво заведший ее в никуда, внезапно нырнул туда сам, оставив ее в одиночестве искать дорогу обратно.

Янси прожила три месяца в отеле «Гайавата»¹ и выяснила, что после визитов с выражением соболезнований ее друзья нашли себе более приятные способы времяпрепровождения. Однажды к ней заявился Джерри О'Рурк и с безумным кельтским огнем в глазах потребовал, чтобы она немедленно вышла за него замуж. Когда же она попросила дать ей время все обдумать, он в ярости удалился. Позже она узнала, что ему предложили место в Чикаго, куда он в ту же ночь и уехал.

Испуганная и выбитая из колеи, она обдумывала сложившуюся ситуацию. Янси слышала истории об опустившихся людях, выпадающих из общества, из жизни. Однажды ее отец рассказывал о своем знакомом по университету, который стал рабочим на подхвате в барах и натирал там до блеска медные поручни за кружку пива; она знала также, что в ее городе есть девушки — дочери маминых подруг детства, — которые теперь были бедны, ничего не добились в жизни, работают в магазинах и породнились с пролетариями. Неужели ей была уготована такая же участь? Какая нелепость! Она же знала здесь всех и каждого! Ее везде принимали, а ее дед был губернатором одного из южных штатов.

Она написала тете в Индию, а потом в Китай, но не получила ответа. Янси подумала, что маршрут путешествия изменился, и это подтвердилось, когда из Гонолулу пришла открытка, в которой ничего не говорилось о кончине Тома Боумана, зато тетя сообщала, что вместе с друзьями направляется на восточное побережье Африки. А ведь это была последняя надежда, но Янси осталась в городе. Томная и невозмутимая она в конце концов стала совершенно одинокой.

— Почему бы вам на некоторое время не выйти на работу? — предложил ей мистер Хэдж с некоторым раздражением. — Многие славные девушки нынче так делают, просто чтобы чем-нибудь себя занять. Эльза Прендергаст, к примеру, ведет колонку светских новостей в «Бюллетене», а дочка Сэмплов...

— Я не могу, — ответила Янси едва ли не со слезами на глазах. — В феврале я уезжаю на Восток.

— На Восток? О, наверное, хотите кого-то навестить?

Она утвердительно кивнула.

— Да, хочу, — соврала она, — так что вряд ли мне стоит искать работу.

Она могла бы расплакаться, но совладала с собой и приняла несколько надменный вид.

— Мне бы хотелось со временем писать заметки, просто для развлечения.

— Да, это чрезвычайно забавно, — с некоторой долей иронии согласился мистер Хэдж. — Тем не менее с этим можно и не торопиться. Должно быть, у вас осталось еще много от той тысячи?

— О да, вполне.

Там было всего несколько сотен, и она это хорошо знала.

— Что же, тогда я думаю, что хороший отдых и перемена обстановки пойдут вам на пользу.

¹ Эпический герой *Гайавата*, именем которого назван отель, был вождем индейцев в доколониальную эпоху.

— Да, — ответила Янси. Ее губы дрожали; она встала, едва держа себя в руках; мистер Хэдж казался ей безучастным и холодным. — Именно поэтому я и уезжаю. Хороший отдых — вот что мне сейчас действительно нужно.

— Думаю, вы правы.

Что бы мог подумать мистер Хэдж, если бы увидел дюжину черновиков письма, которое она настрочила этим вечером, сказать трудно. Вот пара вариантов (слова в скобках являлись возможными заменами):

Дорогой Скотт! Я не видела тебя с того дня, когда я, глупая ослица, роняла слезы на твоё пальто. Вот я и подумала написать тебе и сообщить, что весьма скоро я поеду на Восток, и мне хотелось бы, чтобы ты пообедал (поужинал) со мной. Я живу в комнате (номере) отеля «Гайавата», намереваясь встретиться со своей тетей, у которой я и собираюсь жить (остановиться) и которая возвращается домой из Китая в этом месяце (этой весной). Тем временем я получила множество приглашений с Востока, и думаю нынче так и сделать. Поэтому мне бы хотелось увидеться с тобой...

Черновик на этом закончился и полетел в мусорную корзину. Через час она выдала следующее:

Мой дорогой Кимберли! После нашей последней встречи я часто (иногда) думала, как вы поживаете. В следующем месяце я еду на Восток перед тем как навестить мою тетку в Чикаго, поэтому у вас будет возможность со мной повидаться. Я очень редко куда-либо выбираюсь, однако мой врач советует мне встряхнуться, и я хочу нарушить приличия, совершив несколько веселых визитов на Востоке...

В конце концов, впав в уныние, она написала простейшую записку без каких бы то ни было объяснений или ухищрений, разорвала ее и пошла спать. На следующее утро она отыскала записку в мусорной корзине, решив, что она была лучшей из всех, и переписала. Записка гласила:

Скотт! Буквально в двух строках хочу сообщить тебе, что с седьмого февраля буду, надеюсь, дней десять в отеле «Ритц-Карлтон». Если ты позволишь мне дождливым вечером, я приглашу тебя на чай.

Искренне твоя Янси Боуман.

VII

Янси собралась в «Ритц» лишь по той причине, что когда-то сказала Скотту, что всегда там останавливается. Когда она добралась до Нью-Йорка — до холодного Нью-Йорка, до непривычно сурового Нью-Йорка, совсем

не похожего на знакомый ей веселый город театров и встреч в гостиничных коридорах, — в ее сумочке было ровно двести долларов.

Большая часть денег со счета ушла просто на жизнь, и в конце концов ей пришлось начать тратить свои заветные три сотни, чтобы сменить свой суровый черный наряд на новую легкую одежду, только чем-нибудь обозначающую ее траур.

Войдя в отель в тот момент, когда его изысканно одетые постояльцы собирались на легкий перекус, она собрала по крохам свою уверенность, чтобы держаться расслабленно и непринужденно. Ей казалось, что клерки за стойкой наверняка знают о содержимом ее бумажника. Ей даже почудилось, что мальчишки-посыльные посмеиваются над этикетками отелей, которые она наклеила на свой чемодан, предварительно отпарив их от старого кофра своего отца. Эта последняя мысль приводила ее в ужас. Быть может, все эти гостиницы и пароходы с их величественными названиями уже просто не существовали!

Стоя и барабанив пальцами по стойке, она размышляла о том, сможет ли она, если ей будет отказано, выдавить из себя небрежную улыбку и ретироваться достаточно хладнокровно, пройдя мимо стоящих рядом двух богато одетых дам и не выдав себя. Немного же потребовалось, чтобы уверенность двадцатилетней девушки полностью исчезла. Три месяца без всякой поддержки оставили неизгладимый след в душе Янси.

— Двадцать четыре, шестьдесят два, — равнодушно бросил клерк.

Пока она шла к лифту вслед за посыльным, ее сердце успокоилось; проходя мимо двух модниц, она мимоходом беспечно их оглядела. Юбки у них длинные или короткие? Чуть длиннее, чем у нее, заметила Янси. И она стала обдумывать, насколько можно будет удлинить юбку ее нового выходного костюма.

За обедом Янси взбодрилась. Ей поклонился старший официант. Тихие разговоры за столиками и приглушенное звучание музыки успокоили ее. Она заказала лучшее — изысканную закуску, яйца-сюзетт¹ и артишоки. Когда рядом с ее тарелкой появился счет, она, едва взглянув на него, написала на нем номер своей комнаты. Поднявшись в нее, она на кровати раскрыла телефонный справочник и попыталась отыскать в нем своих разрозненных городских приятельниц. Однако когда она нашла их телефонные номера в строчках с надменными названиями «Плаза», «Сёкл» и «Райндлендер», то почувствовала, как будто холодный ветер начал выдувать ее шаткую уверенность в себе. На какой интерес со стороны всех этих девушек, знакомых по школе, по летней вечеринке или по устроенной в выходные университетской встрече, могла она рассчитывать теперь, обедневшая и одинокая. У них нынче свои ухагеры, свидания и заранее распланированные развлечения. Они могли бы даже возмутиться ее неуместным напоминованием о себе.

Тем не менее, четверем девушкам она позвонила. Одной из них не оказалось дома, другая была в Палм-Бич, третья в Калифорнии. А та единственная, с кем поговорила Янси, бодро заявила, что лежит в постели с гриппом, однако позвонит, как только оклемается настолько, что сможет выходить на улицу. На этом с девушками Янси закончила. Иллюзию приятного времяпрепровождения

¹ Основа этого блюда — яйцо-пашот на печеном картофеле.

дения нужно было создавать иным образом. И создать ее нужно было обязательно нужно было создать — таков был ее план.

Янси взглянула на часы и поняла, что уже три. Скотт Кимберли должен был до этого времени уже позвонить или черкнуть пару слов. Хотя, возможно, он был занят — должно быть, он в клубе, неуверенно прикинула она, или покупает новые галстуки. Возможно, он позвонит в четыре!

Янси прекрасно понимала, что должна действовать быстро. Она тщательно подсчитала, что при разумных тратах ста пятидесяти долларов ей хватит недели на две, не более. Мысли о неудаче, страх, что в конце этого срока она окажется без друзей и без денег, еще не начали ее беспокоить.

Уже не в первый раз ради забавы, ради желанного приглашения или из любопытства она специально задавалась целью увлечь мужчину, однако впервые в ее жизни она строила такие планы под давлением нужды и отчаяния.

Одной из самых сильных карт в ее колоде было ее происхождение; она всегда производила впечатление популярной, желанной и счастливой девушки. Такое впечатление она должна была создать и теперь — по-видимому, из ничего. Скотта каким-то образом надо было убедить, что добрая половина Нью-Йорка лежит у ее ног.

В четыре она пошла на Парк-авеню, было солнечно, февральский день был свеж и благоухал весной; вдоль улицы, сияя белизной, стояли высокие дома ее мечты. Здесь она и будет жить с расписанным графиком удовольствий. В этих шикарных магазинах «без-визитки постоянной покупательницы-не-входить» она будет неустанно проводить утренние часы, покупая и не думая о расходах; в этих ресторанах она будет в полдень обедать в компании других светских дам, постоянно распространяющих аромат орхидей или же держащих нелепого карликового шпица в своих холеных руках.

Летом она будет уезжать, ну, скажем, в Такседо¹; наверное, это будет безукоризненный домик, расположенный на известном холме, с которого она и будет спускаться в мир чаепитий, балов, лошадиных скачек и поло. В перерывах между периодами поло игроки, все в белых костюмах и шлемах, с восхищением будут собираться вокруг нее, а когда она будет уноситься прочь, стремясь к новым удовольствиям, за ней будет следить взглядом множество завистливых и потрясенных женщин.

Конечно, каждые два года они будут выезжать за границу. Она уже начала расписывать свой обычный год, прикидывая, сколько месяцев провести здесь, а сколько там, пока она, предположительно со Скоттом Кимберли, не начнет чутко улавливать перемены сезонов, перебираясь вслед за малейшими колебаниями высшего света из сельской местности в город и от пальм к соснам.

У нее было не более двух недель, чтобы достичь этого положения. В порыве решимости она вскинула голову и взглянула на самый высокий из белых многоквартирных домов.

¹ *Такседо* — дачный городок рядом с Нью-Йорком, расположен среди лесов на берегу реки Рамапо.

«Это будет так восхитительно!» — подумала она.

Практически впервые в жизни ее слова не были преувеличением; они лишь выражали веру в чудо, сиявшую в ее взгляде.

VIII

Около пяти она поспешила вернуться в отель и с трепетом осведомилась у стойки, не оставяла ли ей кто-нибудь сообщение по телефону. К ее глубокому разочарованию, для нее ничего не было... А через минуту после того, как она вошла в свой номер, зазвонил телефон.

— Это Скотт Кимберли.

При этих словах в ее сердце многократно прозвучал боевой клич.

— О, приветик!

Тон ее голоса подразумевал, что она уже почти забыла о нем. Голос звучал не холодно, а скорее рассеянно.

Ответив на дежурный вопрос, когда она приехала, Янси почувствовала, как по ее телу прошла теплая волна. Ведь теперь, когда олицетворением богатства и удовольствий, к которым она стремилась, стал этот мужской голос в трубке, ее уверенность в себе окрепла. Голоса мужчин всегда были голосами мужчин. Ими можно было управлять; их можно было заставить произносить нежные звуки, которые не одобрял стоящий за ними разум. По ее желанию голоса мужчин могли становиться печальными, нежными или наполненными отчаянием. Все это ее обрадовало. Мягкая глина была готова к работе в ее руках.

— Не хочешь поужинать со мной сегодня вечером? — предложил Скотт.

«Ну, пожалуй не сегодня, — решила она. — Пусть сегодня он будет лишь думать обо мне».

— Скорее всего, сегодня не смогу, — ответила она. — Я получила приглашения на ужин и в театр. Сожалею...

Однако в ее голосе жалости не было, он звучал просто вежливо. Затем, словно ей вдруг пришла удачная мысль, как вставить его в свое расписание встреч, выделив для этого время и место:

— Знаешь что... А почему бы тебе не заглянуть ко мне днем, чтобы выпить чаю?

Да, он немедленно прибудет! Он играет в сквош и, как только закончит, сразу же и приедет. Янси повесила трубку и деловито повернулась к зеркалу; она была слишком напряжена, чтобы улыбнуться.

Она осмотрела и удовлетворенно оценила свои лучистые глаза и матовые волосы. Затем достала из чемодана сиреневое выходное платье и начала одеваться.

Янси позволила ему прождать в холле семь минут, прежде чем спустилась, затем подошла, дружелюбно и с ленцой улыбаясь.

— Приветик! — промурлыкала она. — Как чудесно опять тебя увидеть. Как делишки? — А затем с долгим вздохом: — Я ужасно устала! С тех пор как приехала, ни на минуту не присела: бегала по магазинам и разрывалась между обедом и дневным спектаклем. Купила все, что видела! Не знаю, как теперь за это все расплачиваться.

Она живо помнила, как во время их первой встречи она сказала, не ожидая, что он поверит, насколько она непопулярна. Теперь же она не могла отважиться на такую фразу даже в шутку. Он должен думать, что она не сидит сиднем ни минуты...

Они заняли столик, им подали сэндвичи с оливками и чай. «Он так хорош, — отметила она, — и чудесно одет». Его серые глаза с интересом глядели на нее из-под дивных пепельно-русых волос. Ей было интересно, как он проводит свои дни, нравится ли ему ее наряд и о чем он думает в данную минуту.

— Ты здесь надолго? — спросил он.

— На пару недель. Буду приезжать и уезжать. Собираюсь в Принстон на февральский бал, а потом на несколько дней в Вестчестер, хочу посетить домашнюю вечеринку. Тебя не шокирует, что я уже стала выезжать? Ты знаешь, отец бы этого хотел. Он был очень современным во взглядах.

Она прокрутила все это в голове еще до этого разговора. На домашнюю вечеринку она не собиралась. И на бал в Принстон ее не приглашали. Тем не менее эти фразы были необходимы для создания иллюзий. Это все, что у нее было, — иллюзии.

— К тому же, — продолжила она, улыбнувшись, — два моих давнишних ухажера в городе, и это так славно!

Она заметила, как Скотт моргнул, и поняла, что он оценил значение последней фразы.

— Какие планы на зиму? — спросил он. — Вернешься обратно на Запад?

— Нет. Видишь ли, на этой неделе из Индии возвращается моя тетя. Она собирается обосноваться в своем доме во Флориде, и мы останемся там с ней до середины марта. Потом мы поедем в Хот-Спрингс и, может быть, на лето в Европу.

Все это было чистейшей выдумкой. Ее первое письмо к тетке, в котором сообщала скудные подробности кончины Тома Боумана, наконец-то дошло до адресата. Ее тетя ответила обычными в таких случаях соболезнованиями и заявила, что собирается вернуться в Америку года через два, если только не решит пожить в Италии.

— Но ты ведь позволишь мне видеть тебя, когда ты будешь здесь? — заволновался Скотт после знакомства с этой впечатляющей программой. — Если ты не можешь поужинать со мной сегодня вечером, то как насчет среды — это послезавтра?

— В среду? Дай подумать, — Янси свела брови, имитируя работу мысли. — Кажется, у меня свидание в среду, но я точно не помню. Не мог бы ты позвонить мне завтра, и я тебе сообщу. Я бы хотела пойти с тобой, только мне кажется, я уже с кем-то договорилась.

— Хорошо, я тебе позвоню.
— Давай. Около десяти.
— Постарайся, если сможешь; в среду или в любое время.
— Я тебе скажу, и если не смогу поужинать с тобой в среду, то точно смогу пообедать!

— Отлично! — согласился он. — И мы ходим на дневное представление. Они потанцевали. Ни словом, ни жестом Янси не выказывала к нему ничего, кроме мимолетного интереса, до самого конца встречи, когда она протянула ему руку для прощания.

— Пока, Скотт.

Всего лишь на долю секунды она посмотрела ему прямо в глаза — недостаточно долго, чтобы он был полностью уверен, что все это и впрямь случилось, но достаточно для того, чтобы он вспомнил, пусть и смутно, ту ночь на бульваре у Миссисипи. Затем она быстро повернулась и пошла прочь.

Она поела в маленькой чайной за углом. Это был весьма экономный ужин. Не было никакой назначенной встречи, и не было никакого ухажера, за исключением разве пожилого мужчины в гетрах, который попытался было с ней заговорить, когда она выходила из дверей.

IX

Сидя в одиночестве в одном из великолепных кинозалов — роскошь, которую, по ее мнению, она могла себе позволить, — Янси наблюдала за Мэй Мюррей¹, проносившейся среди потрясающих пейзажей, и вместе с тем обдумывала достижения первого дня.

Учитывая прошлое, это был явный успех. Она произвела правильное впечатление, говорившее как о ее материальном благополучии, так и о ее личном отношении к Скотту. Ей казалось, что пока лучше избегать вечерних встреч. Пусть лучше проводит вечера в одиночестве, думая о ней и представляя ее с другими мужчинами, пусть просидит несколько часов в своей квартире, думая о том, насколько веселее было бы, если... Пусть время и ее отсутствие работают на нее!

Увлечшись ненадолго кинокартиной, она прикинула стоимость апартаментов, в которых их владелица и героиня переживала свои экранные страдания. Ее восхитил изящный итальянский столик, занимавший только часть обширной столовой, и примыкавшая к нему длинная скамья, которая добавляла помещению средневековую роскошь. Ее радовала красота нарядов и мехов Мэй Мюррей, ее роскошные шляпки и по-французски миниатюрные туфельки. Через мгновение мысли вернулись к ее собственной драме; Янси представила, что Скотт уже помолвлен, и сердце ее на миг замерло. Однако

¹ *Мэй Мюррей* — американская актриса немого кино.

это было маловероятно. Он слишком быстро позвонил ей после ее приезда, щедро потратил на нее свое время и был слишком чуток с ней в этот день.

Когда сеанс закончился, она вернулась в «Ритц» и впервые почти за три месяца глубоко и безмятежно спала в ту ночь. Окружающая ее жизнь больше не казалась ей такой враждебной. Даже дежурный администратор с восхищением посмотрел на нее и дружески улыбнулся, когда она попросила ключ от своего номера.

Скотт позвонил в десять утра. Янси была на ногах уже несколько часов, но притворилась сонной после ночных походов.

Нет, она не сможет поужинать с ним в среду. Ей так жаль, но у нее уже обговорена встреча, как она того и боялась. Однако они смогут вместе пообедать и сходить на дневное представление, если он сумеет вовремя привезти ее обратно к чаю.

Она провела день, бесцельно бродя по улицам. На втором этаже автобуса, но не на переднем сиденье, где ее случайно мог заметить Скотт, она проплыла по Риверсайд Драйв и обратно по Пятой Авеню, когда уже по-зимнему стало смеркаться; ее восприятие Нью-Йорка, его роскоши и великолепия, было теперь вдвое сильнее и глубже. Именно здесь она должна жить и быть богатой, ей должны кланяться все регулировщики движения на перекрестках, когда она будет сидеть в своем лимузине с маленькой собачкой; и здесь она должна прогуливаться каждое воскресенье, направляясь в модную церковь или выходя из нее, а Скотт, такой стильный в своем высоком цилиндре, будет преданно ее сопровождать.

За обедом в среду Янси с пользой для дела поведала Скотту о двух своих воображаемых днях. Она рассказала, как ездила на моторной лодке вверх по Гудзону, и поделилась мнением о двух пьесах, которые она посмотрела — естественно, в обществе своих воздыхателей-джентльменов. В утренних газетах она вычитала все театральные новости и выбрала два спектакля, о которых смогла получить как можно больше сведений.

— Ах, — в смятении ответил он, — ты видела «Далси»¹? У меня есть два билета, но ты, наверное, не захочешь пойти снова...

— О нет, не переживай, — искренне запротестовала она. — Смотри, как бы мы не опоздали к началу, мне так понравилось представление!

Однако Скотт и слышать не хотел о том, чтобы она пересматривала спектакль, да и он сам уже его видел. А Янси очень хотела сходить на эту пьесу, но пришлось смотреть на то, как он меняет билеты на другой спектакль, на неудобные места, оставшиеся перед самым началом представления. Времени игра казалась невыносимой!

— Кстати, — сказал он, когда они ехали в такси по направлению к отелю, — ты завтра собиралась на бал в Принстон, верно?

Янси вздрогнула. Она не предполагала, что это случится так скоро и что он помнит об этом.

¹ «Далси» — комедийная пьеса Марка Коннелли и Джорджа С. Кауфмана. Далси — уменьшительная форма имени Дульсиня.

— Да, — холодно ответила она. — Я уезжаю завтра днем.

— Думаю, на поезде в 2:20? — спросил Скотт и добавил: — Наверное, ты встретишься с тем парнем, который тебя пригласил, уже в Принстоне?

На мгновение она потеряла бдительность.

— Да, он меня встретит у поезда.

— Ну, тогда я довезу тебя до станции, — предложил Скотт. — Там будет целая толпа, и у тебя могут возникнуть проблемы с носильщиком.

Она не придумала, что ответить, и возразить было нечего. Жаль, она не сказала, что поедет на автомобиле, а теперь ей уже было не выкрутиться, не взяв свои слова назад.

— Это очень мило с твоей стороны.

— Ты будешь в «Ритце», когда вернешься?

— О, да, — ответила она. — Собираюсь оставить за собой мои апартаменты.

Ее номер был самым маленьким и самым дешевым в отеле.

Янси решила, что придется позволить ему посадить ее в поезд до Принстона; других вариантов не было. На следующий день, когда она собирала чемодан после завтрака, он так заигралась с этой ситуацией, что даже набила его теми самыми вещами, которые прихватила бы с собой, если бы действительно собиралась на танцы. На самом деле она собиралась сойти на первой же остановке и сесть в поезд, идущий обратно в Нью-Йорк.

Скотт позвонил ей в половине второго, они взяли такси и поехали на Пенсильванский вокзал. Поезд, как он и предполагал, был забит битком, однако он все же нашел для нее местечко в вагоне и поднял ее чемодан на багажную полку.

— Я позвоню тебе в пятницу узнать, как там у тебя все прошло, — сказал он.

— Хорошо, я буду паинькой.

Их взгляды встретились, и на мгновение каким-то необъяснимым образом они оказались связаны воедино полубессознательным приливом чувств. Когда Янси пришла в себя, в ее взгляде можно было прочесть, что...

Над ее ухом загремел голос:

— Ой! Янси!

Янси огляделась. К своему ужасу, она узнала девушку — это была Элен Харли, одна из тех, кому она звонила по прибытии.

— Ну и ну! Янси Боуман! Совсем не ожидала тебя здесь увидеть. Как ты?

Янси представила Скотта. Сердце ее трепетало.

— Едешь на бал? Как славно! — воскликнула Элен. — Можно, я сяду рядом с тобой? Я хотела тебя повидать. С кем ты там будешь?

— Ты его не знаешь.

— Может и знаю.

Ее фразы, вонзавшиеся, словно острые когти, в чувствительную душу Янси, были прерваны выкриками кондуктора. Скотт поклонился Элен, еще раз взглянул на Янси и поспешил к выходу.

Поезд тронулся. Пока Элен пристраивала багаж и снимала шубку, Янси осмотрелась. В вагоне было оживленно; веселая болтовня девушек подобно густому туману наполняла сыроватый, пахнувший резиной воздух. Повсюду, подобные нагромождениям обветренных скал в обрамлении цветов, сидели пожилые компаньонки, молчаливо и фатально предрекая неизбежный конец веселья и юности. Как часто Янси была среди такой толпы, беззаботной и счастливой, мечтающей о мужчине, которого вот-вот встретит, о видавших виды таксомоторах, ждущих на станции, о заснеженном университетском городке, о больших пылающих каминах в клубах и о приглашенных оркестрах, отбивающих такты будоражащей музыки в преддверии наступающего рассвета.

А теперь... она была самозванкой, неприглашенной и нежеланной. Как и в «Ритце» в день приезда, она чувствовала, что в любое мгновение с нее могут сорвать маску, и она будет выставлена на всеобщее обозрение перед пассажирами вагона.

— Расскажи мне обо всем! — тараторила Элен. — Расскажи, чем ты занималась. Минувшей осенью я не видела тебя ни на одном футбольном матче!

Это было сказано, чтобы дать понять Янси — уж сама-то Элен присутствовала на всех.

— Следующая станция Манхэттен-Перевалочная¹, — прокричал кондуктор из противоположного конца вагона.

Щеки Янси горели от стыда. Она обдумывала, как лучше поступить — может, стоит признаться? Однако она отказалась от этой мысли и продолжала встревоженно и односложно отвечать на болтовню Элен. Когда же поезд, зловеще закрипев тормозами, начал замедлять ход, она в порыве отчаянья вскочила на ноги.

— О Боже! — воскликнула она. — Я забыла свои туфли! Я просто обязана за ними вернуться!

Элен отреагировала на это с раздражающей деловитостью.

— Я прихвачу твой чемодан, — быстро сказала она, — сможешь забрать его потом у меня. Я буду в «Чартер-Клуб».

— Нет! — почти выкрикнула Янси. — В нем же мое платье!

Не обращая внимания на отсутствие логики в своих высказываниях, она с усилием, которое показалось ей нечеловеческим, стащила чемодан с полки и, шатаясь, пошла по проходу под удивленными взглядами множества девиц. Поезд остановился, она сошла на платформу и сразу почувствовала слабость от случившегося потрясения. Янси стояла на твердом цементном покрытии; это была причудливая сельская платформа станции Манхэттен-Перевалочная, но когда она увидела, как равнодушные вагоны покатали в Принстон со своим грузом счастливой молодежи, по ее щекам покатились слезы.

¹ *Манхэттен-Перевалочная* (англ. Manhattan Transfer) — станция на берегу Гудзона, на которой пассажиры, направлявшиеся в Нью-Йорк или из него, могли пересаживаться на поезда других линий.

Через полчаса Янси села на поезд до Нью-Йорка. За эти тридцать минут она утратила всю свою приобретенную за неделю уверенность. Она вернулась в свою комнатуху и тихонько легла на кровать.

Х

К пятнице душа Янси немного оттаяла от ледящей тоски. Утренний голос Скотта в телефонной трубке подействовал на нее ободряюще, и она с убеждающим восторгом рассказала ему о прелестях Принстона, опираясь в своих описаниях на воспоминания о бале, который она посетила два года назад. Он сказал, что очень хотел бы увидеться с ней. Сможет ли она с ним поужинать и сходить в театр сегодня вечером? Янси задумалась, испытывая сильное искушение. Ужин? Она была вынуждена экономить на еде, а роскошный ужин в каком-нибудь шикарном необычном месте, да еще и последующий мюзикл звали к себе в ее изголодавшемся воображении; однако чутье подсказывало ей, что время еще не пришло. Пусть подождет. Пусть помечтает еще немного, хоть чуточку.

— Я слишком устала, Скотт, — сказала она, придав голосу предельную откровенность, — вот в чем дело. Я убегаю куда-нибудь каждый вечер, с тех пор, как живу тут, и уже с ног валюсь от усталости. Отдохну на домашней вечеринке в конце недели и буду готова поужинать с тобой в любой день, когда захочешь!

Наступила минутная пауза; в трепетном ожидании она не опускала телефонную трубку.

— Надеюсь, в гостях ты славно отдохнешь, — сказал он наконец, — но вообще-то до конца недели еще далеко. Я очень хочу увидеть тебя, Янси.

— И я тебя, Скотт.

Она позволила себе произнести его имя как можно ласковее. Повесив трубку, она снова почувствовала себя счастливой. Несмотря на унижение в поезде, ее план сработал. Иллюзия все еще не была разрушена, а ее создание было почти завершено. За три встречи и полдюжины телефонных звонков ей удалось создать между ними довольно накаленную атмосферу, чем можно было добиться, если бы он видел ее постоянно — в разном настроении, говорящей о чувствах и безудержно флиртующей.

Когда наступил понедельник, она оплатила счет за первую неделю в отеле. Сумма ее не удивила — она была к этому готова, но шок от того, что она разом лишается таких больших денег, и от сознания, что от отцовского подарка у нее остается всего сто двадцать долларов, заставил ее сердце сжаться. Поэтому она решила немедленно пустить в ход всю свою хитрость, чтобы раздражить Скотта с помощью тщательно спланированной «случайности», а затем в конце недели просто и определенно показать ему, что она его любит.

Чтобы помучить Скотта, Янси отыскала в телефонной книге Джимми Лонга — симпатичного парнишку, с которым она часто играла, когда была девчонкой, и который недавно приехал в Нью-Йорк работать. Она ловко подвела Джимми к мысли пригласить ее в среду на дневное шоу. Тот должен был встретить ее в холле отеля в два.

В среду она пообедала со Скоттом. Его глаза следили за каждым ее движением и, заметив это, она почувствовала к нему прилив нежности. Желая вначале лишь то, что он олицетворял, она незаметно для себя начала желать и его самого. Тем не менее она не позволила себе расслабиться ни на секунду. Времени было слишком мало, а ставки были слишком высоки. То, что она начинала в него влюбляться, только укрепило ее решимость.

— Куда ты отправишься сегодня? — спросил он.

— На представление с одним докучливым парнем.

— И чем же он тебе докучает?

— Хочет, чтобы я вышла за него, но я думаю, что мне не хочется!

Слово «думая» было чуть выделено интонацией. Подразумевалось, что она была не уверена... то есть не совсем уверена.

— Не выходи за него!

— Не выйду... наверное.

— Янси, — тихо произнес он, — ты помнишь ночь на том бульваре...

Она решила сменить тему. Был полдень, и комната была залита солнечным светом. Место было совсем не подходящим, да и время тоже. Когда он начинал говорить, она должна была контролировать все нюансы ситуации. Он должен был говорить то, что она хотела от него услышать, и ничего кроме.

— Без пяти два, — сказала она, глянув на свои наручные часы. — Пожалуй, нам лучше уйти. Мне пора. Я не должна опаздывать на встречу.

— А тебе на нее хочется?

— Нет, — кратко ответила она.

Кажется, это его удовлетворило; они вышли в холл. И тут взгляд Янси упал на мужчину, который ее оджидал. Он был явно смущен; к тому же постояльцы «Ритца» никогда бы так не вырядились. Это был Джимми Лонг, не так давно первый парень в их городке на Западе. На нем была зеленая шляпа — в самом деле зеленая! Его пальто, устаревшее еще пару сезонов назад, без сомнения, было приобретено в хорошо известном магазине готовой одежды. На нем были длинные и узкие туфли с приподнятыми носами. Все, что могло быть неправильным, было в нем неправильно — с головы до ног. Он немного смущался, по природной наивности, не осознавая своей нелепости; это был ходячий ужас, Немезида¹, сплошной кошмар!

— Привет, Янси! — воскликнул он и двинулся к ней с явным облегчением.

Предприняв героическое усилие, Янси повернулась к Скотту, пытаясь удержать его взгляд на себе. При этом она отметила respectable покров пальто Скотта и его безупречный галстук.

¹ В древнегреческой мифологии *Немезида* — крылатая богиня возмездия.

— Спасибо за компанию, — сказала она с лучезарной улыбкой. — Увидимся завтра!

Затем она не столь побежала, сколько нырнула к Джимми Лонгу, увильнув от его протянутой руки, и буквально толкнула его к вертящейся двери отеля, бросив лишь: «Давай скорее!», чтобы пресечь его недовольное удивление.

Все случившееся обеспокоило ее. Она утешала себя, вспомнив, что Скотт только мельком взглянул на ее кавалера; в любом случае он, вероятно, смотрел в основном только на нее. Тем не менее она была на взводе, и вряд ли Джимми Лонгу это свидание понравилось настолько, чтобы оно могло компенсировать ему траты на билеты со скидкой в двадцатый ряд, которые он приобрел в одной из аптек Блэка¹.

Однако если Джимми в качестве ловушки оказался плачевной неудачей, то случившееся в четверг полностью ее удовлетворило и заставило гордиться своей сметливостью. Она выдумала приглашение на обед, после которого Скотт должен был встретить ее в два, чтобы отвезти на ипподром. Скрепя сердце, она пообедала в одиночку в «Ритце» и вышла оттуда вместе с прилично одетым молодым человеком, который сидел за соседним столиком. Она ожидала встретить Скотта у дверей отеля, но, выйдя из ресторана, увидела, что он ждет ее в холле.

Повинуясь внезапному озарению, она повернулась к двигавшемуся рядом красавчику, мило кивнула ему и громко по-дружески сказала:

— Ну, еще увидимся!

И, прежде чем тот успел удивиться, быстро отошла от него и двинулась к Скотту.

— Кто это был? — спросил он, нахмурившись.

— Разве он не симпатяга?

— Ну, если тебе нравятся мужчины, которые так выглядят...

Тон Скотта подразумевал, что этот джентльмен показался ему расфуфыренным франтом. Янси улыбнулась, спокойно отметив искусность своей уловки.

Готовясь к архиважному субботнему вечеру, в четверг она зашла в магазин на Сорок Второй улице, чтобы купить длинные перчатки. Сделав выбор, она протянула продавцу пятидесятидолларовую купюру, надеясь, что ее исхудавший кошелек потяжелеет от сдачи, которую она сможет в него сложить. Однако, к ее удивлению, продавец протянул ей сверток и четвертак.

— Что-нибудь еще?

— А где остальная сдача?

— Вы ее получили. Вы дали мне пять долларов. Четыре семьдесят пять за перчатки, остается двадцать пять центов.

— Я дала вам пятьдесят долларов!

— Должно быть, вы ошиблись.

¹ В Соединенных Штатах *аптеки* являлись небольшими универсальными магазинами, в которых можно было приобрести самые разные товары.

*Управляющий отделом очень сожалел, но леди,
должно быть, оставила эту купюру дома.
В кассе не оказалось ни одной
пятидесятидолларовой банкноты.*

Янси порылась в кошельке.

— Я дала вам пятьдесят! — убежденно повторила она.

— Нет, мэм, я не мог ошибиться.

Они зло и раздраженно посмотрели друг на друга. Для подтверждения была вызвана кассирша; затем управляющий отделом; собралась небольшая толпа.

— Ну я же абсолютно уверена! — воскликнула Янси, и в ее глазах задрожали две слезинки. — Совершенно уверена!

Управляющий отделом очень сожалел, но леди, должно быть, оставила эту купюру дома. В кассе не оказалось ни одной пятидесятидолларовой банкноты. Палуба шаткого мира Янси вдруг закачалась под ее ногами.

— Если вы оставите нам ваш адрес, — сказал заведующий отделом, — я вас проинформирую, когда что-то выяснится.

— Ах вы чертовы идиоты! — крикнула Янси, теряя контроль. — Я заявляю в полицию!

Всхлипывая, как ребенок, она покинула магазин. На улице на нее накатило чувство беспомощности. Как могла она хоть что-то доказать? Шесть часов только что миновало, и магазин как раз закрывался, когда она из него выходила. Кто бы из служащих ни стянул у нее эту банкноту, он наверняка уже окажется дома до приезда полиции, да и с чего нью-йоркская полиция должна ей верить?

В отчаянии она вернулась в «Ритц» и почти без надежды, действуя скорее механически, перерыла свои вещи. Банкноты не было. Да она и знала, что ее там нет. Она собрала все оставшиеся деньги и выяснила, что у нее есть пятьдесят один доллар и тридцать центов. Позвонив в офис отеля, она попросила, чтобы ей выставили счет, учитывая, что она останется еще до следующего полудня — она была слишком подавлена, чтобы съезжать раньше.

Янси ждала в своей комнате, не осмеливаясь заказать даже холодную воду. Затем зазвонил телефон, и она услышала голос управляющего, жизнерадостный, но с металлическими нотками.

— Мисс Боуман?

— Да.

— Вы должны нам, включая и сегодняшнюю ночь, пятьдесят один двадцать.

— Пятьдесят один двадцать? — голос у нее задрожал.

— Да, мэм.

— Большое спасибо.

Слишком испуганная, чтобы заплакать, едва дыша, она так и села рядом с телефоном. У нее оставалось всего ничего — десять центов!

XI

Пятница. Она почти не спала. Под глазами у нее были черные круги, и даже горячая ванна, за которой последовала холодная, не смогли избавить ее от безнадежной апатии. Она никогда по-настоящему не осознавала, что значит остаться без денег в Нью-Йорке; ее решительность и упорство, казалось, испарились вместе с этой пятидесятидолларовой банкнотой. Никто теперь ей уже не поможет — она должна достичь желаемого сегодня или никогда.

Она должна была встретиться со Скоттом в «Плазе» за чаем. Она задавалась вопросом — он действительно вел себя холодно накануне, или это ей лишь показалось? Впервые за несколько дней ей не потребовалось прилагать никаких усилий, чтобы в ее речи не звучали романтические нотки. Быть

может, он решил, что все это ни к чему не приведет, что она слишком экстравагантна, слишком легкомысленна. Сотни возможных вариантов пролетали в ее голове в то утро — в то ужасное утро, которое было перебито лишь покупкой десятицентовой сдобной булочки в бакалейной лавке.

Она поела впервые за двадцать часов, однако почти автоматически дала понять бакалейщику, что просто забавно и весело проводит время, покупая

*Янси хотела было
попросить кого-нибудь из них
купить ей гроздь винограда,
однако вместо этого
вернулась в комнатку отеля
и съела свою булочку.*

всего одну булочку. Она даже попросила его показать ей виноград, однако, бросив на него оценивающий и жадный взгляд, сказала, что вряд ли его купит. Ей кажется, что он недостаточно спелый, сказала она. В лавке было полно процветающих женщин; вытянув вперед руки, они щупали большими и указательными пальцами фрукты. Янси хотела было попросить кого-нибудь из них купить ей гроздь винограда, однако вместо этого вернулась в комнату отеля и съела свою булочку.

Когда пробило четыре, она обнаружила, что больше думает о сэндвичах, которые ей принесут к чаю, чем о том, что должно будет произойти во время чаепития. Медленно бредя по Пятой авеню к «Плазе», Янси почувствовала внезапную слабость и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы прийти в себя. В голову стала приходить мысль об очередях за бесплатной едой. Вот куда должны идти люди, попавшие в ее ситуацию, однако где эти пункты находятся? Как найти хотя бы один? Она прикинула, что, наверное, стоит поискать в телефонной книге на букву «П», — а может, на «Н»: «Нью-йоркский благотворительный пункт раздачи еды».

Янси добралась до «Плазы». Фигура Скотта, ожидавшего ее в переполненном вестибюле, была олицетворением уверенности и надежды.

— Пошли скорее! — воскликнула она с вымученной улыбкой. — Я чувствую себя разбитой и хочу чаю!

Она съела сэндвич, немного шоколадного мороженого и шесть бисквитов. Могла бы съесть гораздо больше, но не осмелилась. Поскольку последствия ее голода были устранены, она должна была теперь повернуться лицом к гавани жизни и заняться главным ее делом, которое олицетворял сидевший напротив красивый молодой человек; он смотрел на нее с таким чувством, смысл которого она не могла определить по выражению его глаз.

Однако ей почему-то никак не удавалось заговорить в нужном тоне и посмотреть на него нежным и чувственным взглядом, как она планировала.

— Ах, Скотт! — тихо сказала она. — Я так устала!

— Устала от чего? — холодно поинтересовался он.

— От... всего.

Возникла пауза.

— Боюсь, — неуверенно протянула она, — боюсь, что не смогу завтра с тобой встретиться. — Теперь в ее голосе не было притворства. Чувства были искренними, слова вылетали естественно и без скрытого умысла. — Я уезжаю.

— В самом деле? Куда?

Судя по тону, ему и впрямь было интересно, но она поморщилась, поскольку поняла: кроме интереса, других чувств у него не было.

— Тетя вернулась. Хочет, чтобы я прямо сейчас присоединилась к ней во Флориде.

— Это довольно неожиданно, не правда ли?

— Да.

— Ты скоро вернешься? — спросил он после небольшой паузы.

— Не думаю. Наверное, мы поедем в Европу из... — из Нового Орлеана.

— В самом деле?

Снова возникла пауза. Она становилась все длиннее. Янси знала, что через мгновение молчание станет неловким. Она проиграла... что же... Тем не менее, она решила дойти до самого конца.

— Ты будешь скучать по мне?

— Да.

Одно слово. Она поймала его взгляд, и на мгновение ей почудилось — не заметила ли она в нем нечто большее, чем обычный доброжелательный интерес; затем она снова опустила глаза.

— Мне нравится здесь, в «Плазе».

Янси слышала свой голос как-будто со стороны.

Они поговорили о каких-то вещах. Позже она не смогла даже припомнить, о чем именно шла речь. Они беседовали — даже о чае, о том, что оттепель закончилась и скоро похолодает. В душе она чувствовала себя больной и обессиленной. Наконец она встала.

— Мне пора, — проговорила она. — Я приглашена на ужин.

Она решила держаться до последнего, ведь иллюзия была важна и для нее самой. Еще несколько мгновений нужно было сохранять свою гордую ложь неразоблаченной. Они подошли к двери.

— Поймай мне такси, — тихо сказала она. — Я не в силах идти пешком.

Он помог ей сесть в машину. Они пожали руки.

— До свидания, Скотт, — едва вымолвила она.

— До свидания, Янси, — медленно ответил он.

— Ты был весьма добр ко мне. Я всегда буду помнить, как здорово ты помог мне провести эти две недели.

— Мне тоже было приятно. Сказать шоферу ехать в «Ритц»?

— Нет. Скажи, чтобы ехал по Пятой. Я постучу в стекло, когда захочу выйти.

По Пятой! Возможно, он подумает, что она ужинает на Пятой Авеню. Какое прекрасное завершение! Она подумала о том, был ли он впечатлен. Она не могла ясно рассмотреть его лицо: темнело и пошел снег, а ее взгляд был затуманен слезами.

— Прощай, — односложно сказал он.

Кажется, он понимал, что любая притворная печаль с его стороны будет выглядеть фальшиво. Она поняла, что ему нет до нее никакого дела.

Хлопнула дверца, и машина тронулась, покотив по заснеженной улице.

Янси в унынии откинулась в углу на сиденье. Как ни старалась, она не могла понять, в чем ошиблась и что так сильно изменило его отношение к ней. Впервые в жизни она достаточно откровенно предлагала себя мужчине — и оказалась нежеланной. Ненадежность нынешнего ее положения блесла по сравнению с трагедией ее поражения.

Машина катила все дальше и дальше — свежий воздух, вот в чем она теперь нуждалась. Тоскливо протянулось минут десять, прежде чем она поняла, что у нее нет ни цента, чтобы заплатить водителю.

«Не важно, — подумала она. — Он просто отправит меня в тюрьму, а там можно будет выспаться».

Она начала размышлять о таксисте.

«Наверное, он разъярится, когда все узнает. Может, он беден, и ему придется заплатить за меня штраф». От нахлынувших чувств она расплакалась.

— Бедный таксист, — сказала она вполголоса. — Порой людям бывает так тяжело, так трудно жить.

Янси постучала по стеклу, машина подъехала к бордюру, и она вышла. Она оказалась в самом конце Пятой Авеню; было темно и холодно.

— Зовите полицию! — быстро шепнула она. — У меня нет денег.

Таксист хмуро на нее взглянул.

— Тогда зачем садились?

Янси не заметила, что другая машина остановилась примерно в двадцати пяти футах позади них. Она только услышала скрип быстрых шагов по снегу, а затем рядом раздался голос.

— Все в порядке, — сказал кто-то таксисту. — Я заплачу, возьмите!

Банкнота была передана. Янси качнулась и схватилась за пальто Скотта.

Скотт знал — он все знал, потому что ездил в Принстон, чтобы сделать ей сюрприз; потому что незнакомец, с которым она заговорила в «Ритце», был его лучшим другом; потому что ему вернули чек ее отца на триста долларов с пометкой «средства отсутствуют». Скотт знал — он все знал уже несколько дней.

Однако он ничего не говорил. Просто стоял рядом и поддерживал ее за руку, в то время как такси уезжало.

— Ах, это ты, — тихо промолвила Янси. — Хорошо, что ты проезжал мимо! Я забыла свою сумочку с деньгами в «Ритце», я полная дура! Порой так глупо поступаю...

Скотт рассмеялся, ему стало забавно. В хороводе пушистых снежинок он подхватил ее на руки, чтобы она не поскользнулась на тающем снегу, и понес к своему такси.

— Так глупо... — повторила она.

— Сначала в «Ритц», — сказал Скотт шоферу. — Я хочу забрать чемодан.

**АХ, ЭТА НЕСНОСНАЯ
МОЛОДЕЖЬ**

**ALL THE SAD
YOUNG MEN**

F·SCOTT FITZGERALD

«КОСТИ, КАСТЕТ И ГИТАРА»

I

Часть Нью-Джерси¹ находится под водой, а другие его части находятся под постоянным наблюдением властей. Однако там и сям на нем расположены участки садов с рассыпанными по ним старомодными каркасными особняками с широкими тенистыми верандами и красными качелями на лужайке; возможно, что на самой широкой и тенистой веранде даже висит гамак, оставшийся с прошлого гамачного сезона, он мягко покачивается на средне-викторианским² ветерке.

Когда туристы добираются до таких достопримечательностей минувшего века, они тормозят на своих автомобилях, некоторое время осматриваются и говорят: «Ну, конечно, в этом доме полно комнат, в нем тысяча крыс и одна ванная, но там царит какая-то особенная атмосфера...»

Турист долго не задерживается. Он едет дальше: на елизаветинскую виллу из прессованного картона или на древний нормандский мясной рынок, или на средневековую голубятню в итальянском стиле — потому что двадцатый век уже наступил и дома в викторианском стиле вышли из моды, как и сочинения миссис Хамфри Уорд³. Гамак с дороги незаметен; а в этом гамаке порой лежит девушка. Так было и в этот день. Девушка спала в нем, по-видимому, не обращая внимания на окружавшие ее эстетические несурезицы, например, на каменную статую Дианы, которая идиотски улыбалась под солнечными лучами на лужайке.

Вся эта картина буквально перенасыщена желтым; таким, к примеру, был солнечный свет, в особенности сам гамак был того ярко-желтого цвета, какой и бывает у гамаков, золотистые же волосы девушки разметались по гамаку, словно бросая дерзкий вызов этой желтизне. Она спала, положив руки под голову;

¹ *Нью-Джерси* — северо-восточный штат США на побережье Атлантического океана.

² *Средне-викторианский* — период во время правления королевы Виктории — с начала 60-х до конца 70-х годов XIX века.

³ *Миссис Хамфри Уорд* (1851–1920) — английская романистка. Ее произведения имели сильный религиозный подтекст в соответствии с викторианскими ценностями, на которых она сама выросла.

так обычно и спят юные девы. Ее грудь поднималась и опускалась не более, чем покачивалась бахрома самого гамака. Ее имя — Амантис — было столь же старомодным, как и дом, в котором она жила. С сожалением должен заметить, что ее связи со средне-викторианской эпохой на этом пункте и обрывались.

Если бы это был фильм (что, конечно же, я надеюсь, когда-нибудь и случится), я бы потратил на него столько пленки, сколько мне было бы позволено; я бы приблизил к этой деве камеру и показал загорелую впадинку на задней части ее шеи, где заканчиваются волосы, передал бы и теплый тон ее щек и рук; мне нравится воображать, как она спит там; вы и сами могли так спать, когда были молоды. А потом я нанял бы какого-нибудь Израэля Цукермана, чтобы он написал добродушные строчки для титров... А теперь я переключаюсь на новую сценку, которая происходила невдалеке на дороге.

В приближавшемся автомобиле сидел джентльмен-южанин в сопровождении своего камердинера. Время от времени двум автомобилистам приходилось вылезать, толкать кузов, совмещая его с углами рамы, а затем снова продолжать движение, трясясь в унисон с мотором. Если не принимать во внимание, что у авто не было дверей в задней части, можно было подумать, что эта машина была создана на заре автомобилестроения. Она была покрыта грязью восьми штатов, спереди украшена огромным отжившим свой век тахометром, а сзади — выцветшим вымпелом с надписью «Тарлтон, Джорджия». В далеком прошлом кто-то начал красить капот в желтый цвет, но, к сожалению, этот автомалляр сделал только половину работы.

Когда упомянутый джентльмен и его камердинер проезжали мимо дома, рядом с которым в гамаке дремала Амантис, случилось нечто несурзное: кузов слетел с машины. Моим единственным оправданием тому, что я так внезапно об этом сообщаю, является то, что событие это произошло совершенно неожиданно. Когда грохот стих и пыль рассеялась, хозяин и его слуга вышли на дорогу и уставились на две половинки.

— Ты глянь на это! — с отвращением произнес джентльмен. — На этот раз эта чертова штуковина совсем развалилась!

— Надвое! — согласился камердинер.

— Хьюго! — сказал джентльмен после некоторого раздумья. — Мы должны найти молоток с гвоздями и приколотить кузов.

Они посмотрели на особняк в викторианском стиле. Во все стороны до слегка неровного горизонта тянулись бесконечные безлюдные поля. Выбора не было, поэтому чернокожий Хьюго открыл ворота и последовал за своим хозяином по усыпанной гравием дорожке, едва бросив пресыщенный взгляд закоренелого путешественника на красные качели и каменную статую Дианы, обратившую на них свой безумный взор.

Как раз в тот момент, когда они подошли к крыльцу, Амантис проснулась; быстро выпрямилась и оглядела незнакомцев.

Джентльмен был молод, лет примерно двадцати четырех, и звали его Джим Пауэлл. На нем был узкий запыленный костюм, пиджак которого был, судя по

всему, способен по малейшему свистку куда-то сбежать от хозяина, поскольку был застегнут на целый ряд из восьми нелепых пуговиц.

На рукавах пиджака пуговиц также был избыток, и Амантис не смогла удержаться и бросила взгляд на штанины брюк, чтобы убедиться, нет ли пуговиц и там тоже... А на зеленой шляпе под теплым ветерком трепетало перышко какой-то невзрачной птички. Он вежливо поклонился, смахнув шляпой пыль с коленей. Одновременно он улыбнулся, прищулив свои светло-голубые глаза и показав белые ровные зубы.

— Добрый день! — сказал он с тягучим южным акцентом. — Мой автомобиль попал в аварию неподалеку от ваших ворот. Вот я и подумал — не будет ли это слишком, если я попрошу у вас ненадолго молоток и гвозди?

Амантис рассмеялась и какое-то время никак не могла остановиться. Мистер Джим Пауэлл вежливо и доброжелательно рассмеялся вместе с ней. Его камердинер, пребывавший в апогее мук негритянского отрочества, один сохранял при этом величественное достоинство.

— Возможно, мне лучше представиться, — сказал гость. — Я Пауэлл. Живу в Тарлтоне, это в Джорджии. А этот чернокожий мальчик — Хьюго.

— Ваш сын! — заинтригованная девушка изумленно переводила взгляд с одного визитера на другого.

— Нет, он мой камердинер, думаю, так бы вы сказали. Мы там у себя называем таких негров-подростков «мальчики».

При этом упоминании милейших обычаев своего родного края «мальчик» Хьюго заложил руки за спину и с мрачным высокомерием бросил взгляд на лужайку.

— Да, мэм, — буркнул он, — я камердинер!

— И куда вы направляетесь на автомобиле? — поинтересовалась Амантис.

— На север, провести лето.

— Куда именно?

Путешественник неопределенно махнул рукой, как будто указывая на Адирондак, Тысячу Островов или на Ньюпорт¹, — однако сказал лишь:

— Пытаемся добраться до Нью-Йорка.

— Бывали там раньше?

— Никогда, но я много раз бывал в Атланте. И по дороге мы проехали через самые разные города. Во как!

Он присвистнул, чтобы подчеркнуть колоссальную зрелищность этой своей последней поездки.

— Послушайте, — убежденно заявила Амантис, — вам бы не помешало перекусить. Скажите вашему... слуге пойти на задний двор, пусть попросит кухарку прислать нам сэндвичи и лимонад. Или, быть может, вы не пьете лимонад? Его уже мало кто пьет...

¹ Перечислены популярные места летнего отдыха. *Адирондак* — горный хребет на северо-востоке штата Нью-Йорк. *Тысяча Островов* — архипелаг, протянувшегося вдоль границы Канады и США по реке Святого Лаврентия. *Ньюпорт* — округ на острове Род-Айленд.

— Возможно, мне лучше представиться, — сказал гость. — Я Пауэлл.
Живу в Тарлтоне, это в Джорджии. А этот чернокожий мальчик — Хьюго.
— Ваш сын! — заинтригованная девушка изумленно переводила взгляд
с одного визитера на другого.

Круговым движением пальца мистер Пауэлл направил Хьюго выполнять означенное поручение. Затем он с некоторой опаской уселся в кресло-качалку и принялся для вида обмахиваться оперенной шляпой.

— Вы так участливы! — сказал он ей. — А если же мне вдруг захочется чего-нибудь покрепче лимонада, у меня в машине есть бутылка старого доброго кукурузного джина. Я прихватил ее в дорогу, потому что подумал — а вдруг я не смогу пить виски, который тут готовят¹...

¹ Кукурузный джин — дешевый крепкий алкогольный напиток, готовится часто в домашних условиях из кукурузы, в то время как виски готовят из ячменя.

— Послушайте! — сказала она. — Моя фамилия тоже Пауэлл. Амантис Пауэлл!

— Ничего себе! Правда? — он восторженно рассмеялся. — Может, мы родственники? Я из очень приличной семьи, — продолжил он. — Корни, однако... В минувшем году дела шли неплохо, вот я и решил поехать провести лето на севере.

В это время на ступеньках веранды вновь появился Хьюго и произнес:

— Белая леди там, на заднем дворе, спросила меня, не хочу ли я тоже чего поесть? Что мне ей сказать?

— Скажи: «Да, мэм, если вы будете столь любезны», — приказал ему хозяин. Когда Хьюго ретировался, он доверительно заявил Амантис: — Этот парень своим безмозглый. Он ничего не будет делать, если я ему не позволю! Это я его так воспитал! — добавил он не без гордости.

Когда принесли сэндвичи, мистер Пауэлл поднялся. Не привыкший к белым слугам, он, очевидно, ожидал, что ему представят служанку...

— Вы замужем? — спросил он Амантис, когда служанка ушла.

— Нет, — ответила она и добавила с уверенностью восемнадцатилетней девушки: — Я старая дева!

Он снова вежливо рассмеялся.

— Хотите сказать, девушка высшего света.

Она отрицательно покачала головой. Со сдержанным восторгом мистер Пауэлл заметил особую золотистость ее белокурых волос.

— Разве этот старинный домик похож на высший свет? — весело ответила она. — Отнюдь! Перед вами деревенская девчонка. Моими женихами являются фермеры или же подающие надежды юные парикмахеры из соседних поселков; к рукавам их пиджаков вечно цепляются чьи-то отрезанные волосы.

— Ваш отец не должен позволять вам хороводить с парикмахерами, — неодобрительно заметил путешественник и, подумав, добавил: — Вы должны вращаться в обществе!

Он начал ритмично постукивать ногой по крыльцу, и через мгновение Амантис заметила, что непроизвольно делает то же самое.

— Перестаньте! — скомандовала она. — Не заставляйте меня делать так же!

Он посмотрел на ногу.

— Извините! — сказал он смиренно. — Не заметил... Я иногда так делаю.

Этот несколько напряженный разговор был прерван Хьюго, который появился на крыльце с молотком и горстью гвоздей.

Мистер Пауэлл неохотно поднялся и взглянул на свои часы.

— Нам пора ехать, как ни печально, — сказал он, внезапно нахмурившись. — Послушайте, а хотели бы вы стать светской девушкой и ходить в Нью-Йорке на тамошние танцульки и все такое, о чем вы читали — туда, где швыряют золотыми монетами?

Она посмотрела на него и кивнула, улыбаясь. Затем, сделав несколько попыток, Амантис выбралась из гамака, и они вместе пошли к дорожке.

— Я постараюсь держать вас в курсе и буду на связи, — продолжил он. — Такая симпатичная девушка, как вы, должна вращаться в обществе. Может, мы с вами родня, сами же видите, а мы, Пауэллы, должны держаться вместе!

— Что вы собираетесь делать в Нью-Йорке?

Они были уже почти у ворот, и путешественник указал на две жалкие части своего авто.

— Собираюсь водить такси. Вот оно, перед вами! Только так уж выходит, что оно все время разваливается надвое.

— И вы собираетесь ездить в Нью-Йорке на этом?

Во взгляде Джима проскользнула неуверенность. Такая славная девушка не должна, конечно же, вздрагивать по любому пустячному поводу.

— Да, мэм! — ответил он с достоинством.

Амантис понаблюдала, как они поместили верхнюю часть автомобиля на нижнюю и накрепко приколотили ее. Затем мистер Пауэлл занял водительское место, а его камердинер пристроился рядом с ним.

— Я, конечно, очень обязан вам за гостеприимство! Передайте мое почтение вашему отцу!

— Передам, — заверила Амантис. — Заезжайте на обратном пути, если вас не смутит присутствие в доме парикмахеров!

Он отмахнулся от этой неприятной мысли.

— Всегда буду рад снова оказаться в вашей компании! — он надавил на газ, словно бы пытаясь заглушить легкомысленность своих прощальных фраз. — Вы самая красивая девушка на севере. Совершенно точно!

Засим с грохотом и треском мистер Пауэлл из Джорджии на своем собственном авто, со своим собственным камердинером, со своими собственными устремлениями и в своем облаке пыли продолжил двигаться на север, намереваясь прожить там лето.

II

Амантис думала, что больше никогда его не увидит. Она снова полеживала в гамаке, стройная и прекрасная, чуть прищулив левый глаз, чтобы «увидеть», когда же наступит июнь, а затем закрывала и его и с удовольствием погружалась в мир своих мечтаний.

Однако в один прекрасный день, когда плющ к середине лета уже взобрался на шаткие опоры стоящих на лужайке красных качелей, полный энтузиазма Джим Пауэлл из Тарлтона штата Джорджия вновь возник в ее жизни. И вот они уже уселись на широкой веранде...

— У меня есть отличный план! — сказал он ей.

— Поработали таксистом, как говорили?

— Да, мэм! Но дела пошли неважно. Я ожидал перед разными отелями и театрами, но никто ко мне так и не сел.

— Вообще никто?

— Ну, однажды вечером сели какие-то подвыпившие ребята, да только едва я поехал, моя машина развалилась. А как-то раз дождало и других такси не было, так ко мне села какая-та дама, которая сказала, что ей нужно уехать очень далеко. Однако прежде чем мы приехали, она велела мне остановиться и вышла. Она показалась мне слегка не в себе — побрела прямо под дождем. В Нью-Йорке тьма заносчивых людей...

— И поэтому вы решили вернуться домой? — сочувственно спросила Амантис.

— Нет, мэм. Я кое-что задумал, — он внимательно смотрел на нее голубыми глазами. — Ваш парикмахер появлялся? Тот, с волосами на руках?

— Нет. Он... он уехал.

— Ладно, тогда мне бы хотелось, во-первых, оставить у вас мою машину... Для такси у нее совсем не тот цвет. Мне бы хотелось, чтобы в качестве платы вы на ней катались сколько влезет. Пока у вас под рукой молоток с гвоздями, ничего с ней страшного не случится.

— Я за ней пригляжу, — перебила его Амантис. — А вы куда направитесь?

— В Саутгемптон¹. Это одно из самых шикарных мест в округе, вот туда-то я и отправляюсь.

Она удивленно выпрямилась.

— Что же вы собираетесь там делать?

— Слушайте... — он доверительно к ней наклонился. — Вы серьезно хотите вращаться в нью-йоркском обществе?

— Убийственно серьезно.

— Это все, что я хотел узнать! — интригуяще заявил он. — Просто подождите тут на крыльце пару недель — поспите, что ли... А если вас придут повидать какие-нибудь парикмахеры с волосами на руках, вы им скажите, что вы еще толком не проснулись, чтобы их принять.

— А потом что?

— Потом вы услышите обо мне, мэм! — решительно продолжил он. — Общество, говорите? Не пройдет и месяца, и благодаря мне общества у вас будет выше крыши!

Кроме этого он больше ничего не сказал. Он держал себя так, словно перед ней должен был возникнуть целый бассейн веселья, в который она будет периодически нырять: «Достаточно ли вам веселья, мэм? Может, мне стоит добавить немного волнения, мэм?»

— Ну что же, — ответила Амантис, лениво прикидывая, — ради очень немногих вещей я отказалась бы от возможности проспать тут весь июль и август; но если вы черкнете мне письмецо, то я сбегу в Саутгемптон!

Три дня спустя в Саутгемптоне молодой человек с желтым пером на шляпе позвонил в дверь огромного роскошного особняка Мэдисона Харлана. Он поинте-

¹ *Саутгемптон* — курорт на юго-востоке острова Лонг-Айленд близ Нью-Йорка.

ресовался у дворецкого, имеются ли в доме люди в возрасте от шестнадцати до двадцати лет. Ему ответили, что мисс Женестьева Харлан и мистер Рональд Харлан соответствуют этому критерию. Тогда он оставил весьма странную визитку и с очаровательным акцентом южанина попросил доставить ее для рассмотрения.

В результате он провел почти час в разговоре с мистером Рональдом Харланом (учеником школы «Хиллсис») и мисс Женестьевой Харлан (которую замечали на саутгемптонских балах). Уходя, он прихватил с собой короткую записку, собственноручно написанную мисс Харлан; эту записку вместе со своей необычной визиткой он передал хозяевам соседнего большого поместья. Так вышло, что его владельцем был Клифтон Гарнеус. И там, словно по волшебству, он был удостоен такой же аудиенции.

Так он и продолжал действовать; день был жарким, и селяне, которые не могли себе позволить толику свободы, носили пиджаки на людях, однако Джим, уроженец самой южной части Джорджии, и у последнего посещенного им дома был все так же свеж и бодр, как и в начале пути. В тот день он сделал десять визитов. Любой, кто проследовал за ним по пятам, мог бы принять его за удачливого бутлегера¹.

Было в его неожиданных обращениях к юным членам семейств нечто такое, от чего самые закаленные дворецкие утрачивали свою выработанную хватку. Внимательный наблюдатель мог бы заметить, что, когда он выходил из каждого дома, до дверей его провожали восхищенные взгляды и велись возбужденные речи, сообщавшие вполголоса о скорой встрече.

Во второй день он посетил двенадцать особняков. Он мог бы продолжать свой обход еще неделю, не обращаясь к одному и тому же дворецкому повторно, но его интересовали лишь самые роскошные и выдающиеся дома.

На третий день он совершил то, о чем говорят многие, но мало кто делает — он нанял зал. Точно неделю спустя он отправил мисс Амантис Пауэлла телеграмму, в которой сообщал, что, если она все еще стремится повеселиться в высшем свете, ей следует отправиться в Саутгемптон ближайшим поездом. Он сам встретит ее на вокзале.

Времени для праздного хождения у Джима Пауэлла теперь не было, поэтому, когда в оговоренное в ее телеграмме время она не приехала, он не стал мешкать. Решив, что она прибудет следующим поездом, он направился к выходу, чтобы вернуться к своим делам, и... встретил ее, когда она входила в двери вокзала с улицы.

— Но как же вы...

— Ну, — ответила Амантис, — вместо оговоренного времени я приехала сегодня утром. Не захотела вас беспокоить и поэтому нашла вполне приличный пансион на Оушен-роуд!

¹ *Бутлегер* — поставщик и продавец спиртных напитков во время сухого закона в Соединенных Штатах; считается, что этот термин возник от слова *bootleg* — «голенище», поскольку во время Гражданской войны солдаты нередко проносили спиртное в армейские лагеря, пряча бутылки в сапогах.

«Она совсем не похожа на томную Амантис в том гамаке на крыльце», — подумал Джим. На ней были нежно-голубой костюм и щегольская новая шляпка с изогнутым пером; ее облачение выглядело примерно так же, как наряды тех юных леди от шестнадцати до двадцати лет, которые занимали его внимание в последнее время. Да, она очень даже ничего!

Он отвесил ей глубокий поклон и сел в такси рядом с ней.

— Не пора ли вам рассказать о своем плане? — предложила она.

— Ну, речь идет о здешних девушках из высшего общества, — он легкомысленно махнул рукой. — Я их теперь всех знаю.

— А где они?

— Прямо сейчас они с Хьюго! Помните? Это мой камердинер.

— С Хьюго? — она вытаращила глаза. — Почему? О чем вообще речь?

— Ну, у меня... что-то вроде школы. Думаю, вы бы так это назвали.

— Какой школы?!

— Что-то вроде академии. Я директор-распорядитель. Я ее создал!

Он выбросил из футляря визитку движением, похожим на встряхивание термометра.

— Смотрите!

Она взяла визитку. На ней крупными буквами было написано:

ДЖЕЙМС ПАУЭЛ М.Д.

«КОСТИ, КАСТЕТ И ГИТАРА».

Амантис с удивлением ее разглядывала.

— Кости, кастет и гитара? — прочитала она с некоторым испугом.

— Да, мэм!

— И что это значит? Что... Вы их продаете?

— Нет, мэм. Я этому учу. Это моя профессия.

— Кости, кастет и гитара? А «М.Д.»?

— Это означает: «Мастер Джаза»!

— И что это такое? О чем речь?

— Ну, видите ли... Дело вот в чем. Однажды поздним вечером, еще в Нью-Йорке, я разговорился с одним парнем; он был слегка пьян. Этот парень был моим пассажиром. Отвез куда-то девицу из общества и потерял ее.

— Потерял?!

— Да, мэм! Думаю, забыл, где ее оставил! И он совершенно правильно по этому поводу волновался. Ну, я и подумал, что эти девицы — девушки из общества — ведут жизнь, полную опасностей, а мой курс обучения предлагает способы от этих опасностей защититься!

— И вы учите их, как пользоваться кастетом?

— Да, мэм, если нужно! Вот смотрите. Возьмем какую-нибудь девушку; идет она, например, в кафе, где ей совершенно нечего делать. Ну, затем ее парень немного перебирает и начинает клевать носом, а потом к ней подваливает другой парень и говорит: «Привет, сладенькая!», или что тут эти волокиты обычно говорят. И что она делает? Она не может закричать, потому что в наши

дни ни одна настоящая леди кричать не станет. Она просто лезет в карман и сует пальцы в защитный кастет юношеского размера «Пауэлл», выполняет то, что я называю «светским хуком» — и опля! — здоровила валится на пол.

— Ну а гитара зачем? — с трепетом прошептала Амантис. — Они должны кого-то сбивать с ног гитарой?

— Нет, мэм! — в ужасе воскликнул Джим. — Нет! Во время моего курса ни одну леди не учат поднимать гитару на кого бы то ни было! Я учу на ней играть. Блеск! Вам надо это послушать! После пары моих уроков вы могли бы подумать, что некоторые из них цветные!

— А кости?

— Кости? Да я с ними сроднился! Дед мой был заядлым игроком. Я учу их, как с костями обращаться. Защищаю бумажник, как и самого человека.

— А вы уже... У вас есть ученики?

— Мэм, среди них весь цвет местного общества, все состоятельные люди! То, что я вам рассказал, это ведь еще не все. Я учу многому. Играть в бридж, например. А одна девица пришла ко мне и сказала, что хочет научиться щелкать пальцами! Я имею в виду буквально щелкать пальцами — как некоторые делают. Она сказала, что с детства не могла. Я дал ей пару уроков — и опля! Ее отец уже говорит, что готов удрать из дома!

— И когда у тебя занятия? — тихо спросила потрясенная Амантис.

— Три раза в неделю. Вы станете одной из учениц. Я поставил всех в известность, что вы из весьма высокопоставленной семьи в Нью-Джерси. Сказал им, что ваш отец был первым человеком, получившим патент на изготовление кускового сахара!

Она ахнула.

— Поэтому все, что от вас требуется, — продолжал он, — это притвориться, что вы в глаза не видели ни одного ухажера-парикмахера.

Они уже доехали до южной окраины поселения, и Амантис увидела ряд машин, припаркованных перед двухэтажным зданием. Все авто были с низкой посадкой, длинные, щегольские и блестящие. Потом Амантис поднялась по узкой лестнице на второй этаж. На входной двери, из-за которой доносились звуки музыки и голоса, было написано:

ДЖЕЙМС ПАУЭЛЛ, М.Д.

«КОСТИ, КАСТЕТ И ГИТАРА»

Пн., Ср., Пт.

С 15 до 17.

— А теперь входите! — сказал директор-распорядитель, распахнув дверь.

И Амантис оказалась в светлом зале, заполненном девушками и юношами ее возраста. Общая картина поначалу показалась ей похожей на оживленный званный чай, однако через мгновение она начала замечать, что каждый преследует свою цель.

Ученики были разделены на группы; одни сидели на полу или на коленях, другие стояли, но все были жадно сосредоточены на интересовавших их

занятиях. От шести юных леди, собравшихся вокруг каких-то предметов, доносилась смесь выкриков и восклицаний — жалобных, умоляющих, просящих, призывных, увещающих и причитающих; их голоса служили фоном для звучащего более низко загадочного шелкания.

Рядом с этой группой четверо юношей окружали чернокожего молодого человека, который оказался никем иным, как камердинером мистера Пауэлла! Эти юноши напирали на Хьюго, выкрикивали не связанные между собой фразы, выражая самую широкую гамму эмоций. Их голоса то поднимались почти до крика, то звучали мягко и вежливо, с нежными интонациями. Время от времени Хьюго им отвечал — одобрял, поправлял или критиковал.

— Что они делают? — прошептала Амантис, обращаясь к Джиму.

— Это курс по южному акценту. Многие здешние молодые люди хотят научиться болтать с южным акцентом, вот мы и учим тому, как говорят в Джорджии, Флориде, Алабаме, на Восточном побережье, в старой доброй Вирджинии. Некоторые из них захотели научиться ниггерскому — чтобы петь, как чернокожие.

Джим и Амантис поживались между группами. Какие-то девушки с металлическими кастетами яростно набрасывались на две боксерские груши, на каждой из которых была нарисована ухмыляющаяся и подмигивающая рожа. Смешанная группа, где были юноши и девушки, под банджо наябывала на гитарах, извлекая громкие мелодичные звуки; в углу несколько пар неуклюже танцевали под пластинку с записью «Саванна-Бэнд» Растуса Малдуна¹.

— А теперь, мисс Пауэлл, если вы готовы, я попрошу вас снять свою шляпку и присоединиться к мисс Женевьеве Харлан у боксерской груши в углу. Хьюго! — позвал он, повысив голос. — У нас новая ученица! Выдай ей парочку кастетов юношеского размера фирмы «Пауэлл».

III

С сожалением должен сказать, что я никогда не видел воочию знаменитую джазовую школу Джима Пауэлла, и он во время своих занятий никогда не посвящал меня лично в тайны костей, кастетов и гитар. Поэтому я могу лишь сообщить вам те подробности, о которых мне рассказывал позже один из его восхищенных учеников. Во все последующие беседы об этой школе никто не отрицал, что она имела огромный успех, и ни один из учеников ни разу не пожалел, что получил диплом бакалавра джаза.

— Если бы я только мог держать тут на работе негров, — признался однажды Джим, — пригласил бы «Саванна-Бэнд» Растуса Малдуна! Я всегда мечтал руководить такой группой!

¹ Этот бэнд Фицджеральд упоминает также в романе «Ночь нежна».

Общая картина поначалу ей показалась похожей на оживленный званый чай, однако через мгновение она начала замечать, что каждый преследует свою цель.

Он начал зарабатывать. Непомерную плату не заламывал — как правило, его ученики деньгами не разбрасывались; однако он перебрался из своего пансиона в отель «Казино», где занял просторный номер и где Хьюго начал подавать ему завтрак в постель.

Сделать Амантис членом молодежного кружка Саутгемптона оказалось проще, чем он ожидал. Уже через неделю все в школе ее знали и обращались к ней по имени. Джим видел ее реже, чем хотелось бы. Не то чтобы ее отношение к нему изменилось — она часто с ним гуляла и всегда была готова послушать о его новых планах, но после того как она увлеклась светской жизнью, все ее вечера были заняты. Несколько раз Джим заезжал к ней в пансион и находил ее уставшей до изнеможения, словно она только что примчалась с какого-то праздника, в котором он, увы, не участвовал.

Поэтому, когда лето уже подкатывалось к концу, он выяснил, что для полного триумфа его предприятия не хватает одной вещи. Несмотря на оказанное Джиму гостеприимство, двери Саутгемптона были для него закрыты. Его ученики держали себя с ним вежливо, а точнее даже восторженно, с трех до пяти, а в другое время они вращались в совершенно ином мире.

Он был кем-то вроде тренера по гольфу, который хотя и уважаем на поле и даже командует, но на закате утрачивает все свои привилегии; он может заглядывать в окна клуба, но танцевать там ему не доведется. Точно так же и Джиму не дано было видеть, как навыки, которым он обучал, претворяются в жизнь. Он мог лишь слушать поутру слухи и сплетни об этом — вот и все.

Но если тренер по гольфу, будучи англичанином, хотя и находится ниже своих патронов, тем не менее держит себя всегда с достоинством, то Джим Пауэлл, который был «из очень приличной семьи, и корни, однако...», много ночей не мог сомкнуть глаз, лежа на своей кровати в отеле и слушая музыку, которая лилась в его окно из особняка Кацби или из клуба «Берег»; он беспокойно ворочался с боку на бок и недоумевал — в чем причина? В самом начале, когда дело пошло, он заказал себе фрак, думая, что скоро ему представится случай его надеть, но фрак все еще лежал ненадеванным в коробке, в которой его принесли от портного. Возможно, думал он, и правда существует пропасть, отделяющая его от всех прочих? Эта мысль сводила его с ума.

В конце сентября должен был состояться бал у Харланов — последнее масштабное событие для светской молодежи в этом сезоне. Академия накануне закрылась; его ученики массово разъезжались в более традиционные учебные заведения. Джима, как обычно, на танцы не пригласили, а он так надеялся... Двое Харланов — Рональд и Женевьева — были его первыми учениками в Саутгемптоне; к тому же Амантис питала дружеские чувства к Женевьеве. Если бы Джим побывал на балу у Харланов — самом великолепном среди прочих, это закрепило бы его успех и увенчало бы все его усилия!

Ученики, собравшиеся в послеобеденное время в его классе, громогласно обсуждали завтрашний бал, и он почувствовал некоторое облегчение, когда настало время заканчивать занятия.

— Прощайте! — сказал он им. Джиму было не по себе; ему удалось воплотить свою идею в жизнь, но в результате все покидали его без особого сожаления. С улицы доносился звук включенных авто — их триумфальный рокот, разрывавший теплый сентябрьский воздух, был звуком ликования — звуком самой юности и больших, как солнце, надежд.

Все уехали, а они с Хьюго остались в комнате. Джим опустил на стул и закрыл лицо руками.

— Хьюго! — сказал он хрипло. — Мы здесь никому не нужны!

— Не бери в голову, — прозвучал в ответ чей-то голос.

Он поднял взор и увидел стоявшую рядом с ним Амантис.

— Лучше бы вы уехали с ними, — сказал он ей.

— Почему?

— Потому что вы теперь возвращаетесь в высшем свете, а я для этих людей — прислуга. Вы — в высшем обществе, я это устроил. Так что лучше вам уехать, иначе они не станут вас приглашать на свои вечеринки.

— Да в любом случае не позовут, Джим, — мягко ответила она. — На завтрашний вечер меня не пригласили.

Он изумленно смотрел на нее.

— Не пригласили?

Она покачала головой.

— Я их заставляю! — злобно воскликнул он. — Я скажу им, что они должны! Я... Я...

Она подошла к нему; ее глаза блестели.

— Да бросьте, Джим, не переживайте! — она попыталась его успокоить. — Не волнуйтесь так. Для меня они не важны. Завтра мы с вами устроим свою вечеринку — только вы и я.

— Я ведь из очень приличной семьи, — ответил он с вызовом. — Корни, однако...

Она мягко положила руку ему на плечо.

— Я знаю. Ты лучше любого из них, Джим!

Он встал, подошел к окну и стал грустно смотреть на закат.

— Думаю, мне лучше было оставить вас спящей в гамаке!

Она засмеялась.

— Я безмерно рада, что ты так не сделал!

Он обернулся, обвел взглядом комнату и помрачнел.

— Подмети тут, Хьюго, и закрывай, — сказал он с дрожью в голосе. — Лето закончилось, мы едем домой.

Осень наступила рано. Проснувшись на следующее утро, Джим Пауэлл почувствовал, что в его комнате зябко; эффект, произведенный холодным дыханием сентября, ненадолго отвлек его от огорчений вчерашнего дня. Затем он снова помрачнел лицом, когда вспомнил об унижении, смывшем радостный блеск минувшего лета. Ему не оставалось ничего иного, как вернуться туда, где все его знали.

*Она мягко положила руку ему на плечо.
— Я знаю. Ты лучше любого из них, Джим!*

После завтрака к нему вернулась обычная беззаботность. Он был дитя юга — ему было несвойственно хандрить. Любая обида всплывала в его голове лишь ненадолго, а потом растворялась в необъятной пустоте прошлого.

Однако когда он по привычке прошелся по своему уже закрытому заведению, тоска опять начала терзать его сердце. Внутри, словно призрак во тьме, сидел лишь погруженный в уныние Хьюго.

Обычно Джиму было достаточно сказать несколько слов, чтобы привести Хьюго в неопишуемый восторг, однако сегодня ни одного такого словечка для него не нашлось. Два месяца Хьюго жил на вершине, о которой никогда и не мечтал. Он просто наслаждался своей работой и выполнял ее со всем рвением — приходил задолго до начала уроков и задерживался после того как все ученики мистера Пауэлла разъезжались по домам.

День тянулся к мало что сулящему вечеру. Амантис не появилась, и Джим в отчаянии гадал, не передумала ли она поужинать с ним сегодня. Впрочем, возможно, было бы лучше, если бы ее с ним вместе не видели. «Однако, — думал он мрачно, — их все равно никто не увидит, ведь все пойдут на грандиозный бал в особняк Харланов».

Когда к вечеру в помещении разлился невыносимый полумрак, он в последний раз запер его, снял табличку «*Джеймс Пауэлл, М.Д. Кости, кастет и гитара*» и вернулся к себе в отель. Просматривая свои неразборчивые финансовые записи, он обнаружил, что надо еще оплатить один месяц аренды зала, а также несколько счетов за разбитые окна и за новое оборудование, которое почти не использовалось. Джим не мелочился, и теперь он понял, что в части финансов за лето он ничего не заработал.

Закончив с этим делом, он достал из коробки свой новый фрак и осмотрел его, проведя рукой по атласным лацканам и по подкладке. По крайней мере, он остается его владельцем; быть может, в Тарлтоне когда-нибудь его пригласят на званый вечер, и тогда он сможет его надеть.

— Да и черт с ними! — произнес он с усмешкой. — В любом случае это были какие-то никчемные ученики! Некоторые парни из моих краев могли бы задать им жару.

Весело насвистывая «Дженни из Мармеладного городка»¹, Джим облачился в свой вечерний костюм и отправился в центр города.

— Орхидеи! — сказал он продавцу. Джим с гордостью оглядел свою покупку. Он знал, что ни у одной из девушек на танцах у Харланов не будет ничего подобного этим экзотическим цветам, томно склонившимся рядом с зелеными листьями папоротника.

На такси, выбранном так, чтобы оно походило на личное авто, он поехал в пансион к Амантис. Она спустилась вниз в розовом вечернем платье, на его фоне орхидеи смотрелись так же естественно, как краски заката.

— Думаю, мы могли бы отправиться в отель «Казино», — сказал он, — если у тебя нет другого предложения.

Когда они сидели за столиком, Джим смотрел на темный океан, и на него накатила бескрайняя грусть. По прохладной погоде окна были закрыты, оркестр играл «Мы совсем одни», потом «Чай для двоих», перед ним находилась его юная пассия и на некоторое время он ощутил, что погружен в окружающую его романтику. Они не танцевали, и он был доволен — это напомнило бы про блестящие великолепные танцы, на которые они пойти так и не смогли.

После ужина они взяли такси и около часа ездили по песчаным дорогам; за редкими деревьями порой проглядывал океан, в котором отражались звезды.

— Я хочу поблагодарить тебя, Джим — сказала она, — за все, что ты для меня сделал.

¹ В оригинале «*Jeanne of Jelly-bean Town*»; jelly beans — разновидность мармелада в форме бобов, однако на сленге начала XX века jelly-bean — синоним щеголя.

— Да все нормально! Мы ведь Пауэллы, нам надо держаться вместе!

— Чем собираешься заняться?

— Завтра уезжаю в Тарлтон.

— Жаль, — тихо сказала она. — Поведешь сам?

— Вынужден. Надо перегнать машину на юг, за нее я тут настоящую цену не получу, если продам. Ее ведь никто не угнал из твоего сарая? — спросил он, внезапно озаботившись.

Она сдержала улыбку.

— Нет.

— Мне жаль, что все так вышло... с тобой, — хрипло продолжил он. — И я... я так хотел бы попасть хотя бы на один из таких балов! Не нужно было тебе со мной вчера оставаться. Может, поэтому они тебя не пригласили?

— Джим, — вдруг порывисто предложила она, — давай пойдем туда и послушаем их застасканную музыку! Нам-то что?

— Но они же будут выходить! — возразил он.

— Нет. Слишком холодно.

Она объяснила шоферу, куда ехать, и через несколько минут они остановились перед красивой георгианской¹ громадой особняка Мэдисона Харлана, из окон которого на лужайку яркими пятнами выплескивалось веселье. Внутри смеялись, были слышны заунывные звуки вошедших в моду рожков и возникший временами таинственный шорох медленно танцующих пар.

— Давай подойдем поближе, — возбужденно прошептала Амантис. — Я хочу послушать музыку!

Они направились к дому, держась в тени больших деревьев. Внезапно Джима охватил трепет, он остановился и схватил Амантис за руку.

— Ничего себе! — возбужденно прошептал он. — Ты слышишь? Что это?

— Сторож в саду? — Амантис испуганно оглянулась.

— Это группа Растуса Малдуна из Саванны! Узнаю их. Это группа Растуса Малдуна!

Они подходили все ближе, пока не увидели высокие помпадур², затем — аккуратно приглаженные мужские головы, высокие прически и короткие стрижки над черными галстуками. Стала слышна болтовня на фоне непрекращающегося смеха. На крыльце появились две фигуры; быстро отхлебнув что-то из фляжек, они вернулись обратно. И все же Джим был очарован только музыкой. С неподвижно устремленным вперед взглядом он двигался, словно слепой.

Держась поближе к темным кустам, они продолжали слушать. Песня закончилась. С океана тянул бриз, и Джим слегка дрожал. Он прошептал задумчиво:

— Мне всегда хотелось возглавить этот бэнд. Хоть раз! — Затем в его голосе зазвучало равнодушие. — Ладно, пойдем. Думаю, нечего нам тут делать.

¹ *Георгианской* называют всю английскую архитектуру XVIII века.

² Имеются в виду высокие прически, названные в честь любовницы французского короля Людовика XV мадам де Помпадур.

Он протянул ей руку, но вместо того, чтобы взяться за нее, она вдруг вышла из кустов, попав в яркое пятно света.

— Джим, давай зайдём внутрь! — внезапно предложила она.

— Что?

Она схватила его за руку, и хотя он отпрянул, ошеломленный ее дерзостью, настойчиво подтолкнула его к большой парадной двери.

— Осторожно! — охнул он. — Кто-нибудь выйдет из дома и нас заметит!

— Нет, Джим! — твердо возразила она. — Из этого дома никто не выйдет, а вот двое — туда войдут!

— Зачем? — воскликнул он, стоя под ярким светом фонарей у двери. — Почему?

— Почему? — поддразнила его Амантис. — Да потому, что этот бал в мою честь!

Он решил, что она свихнулась.

— Пошли домой, пока нас не заметили! — взмолился он.

Огромные двери распахнулись, и на крыльцо вышел джентльмен. Джим узнал мистера Мэдисона Харлана. Джим дернулся, словно хотел вырваться и ударить. Однако джентльмен спустился по ступеням и протянул руки к Амантис.

— Привет! Ну наконец-то! — воскликнул он. — Где же вас носило?.. Кузина Амантис... — он поцеловал ее и радушно повернулся к Джиму. — А вам, мистер Пауэлл, — продолжил он, — чтобы загладить свое опоздание, придется на один номер возглавить этот бэнд, обещайте мне!

IV

В Нью-Джерси было тепло — повсюду, кроме той части штата, что находится под водой и значима только для рыб. Все туристы, накручивавшие долгие зеленые мили, останавливали свои авто перед огромным старомодным загородным домом, смотрели на красные качели на лужайке, на широкое тенистое крыльцо, вздыхали и ехали дальше — крутанув немного руль, чтобы объехать черного, как смоль, слугу на дороге. Этот слуга с молотком и гвоздями хлопотал над ветхой колымагой, на борту которой красовалось: «Тарлтон, Джорджия».

Девушка с рыжими волосами и легким загаром на лице лежала в гамаке, и казалось, что она вот-вот заснет. Рядом с ней сидел джентльмен в необычно тесном костюме. Накануне они вместе приехали с фешенебельного курорта в Саутгемптоне.

— Когда ты здесь впервые появился, — объясняла она, — я и не думала, что увижу тебя снова, поэтому и выдумала историю про парикмахера и все такое. На самом деле я частенько выбираюсь отсюда — с кастетом и без него. Этой осенью я официально начну появляться в свете.

— Думаю, мне надо было сообразить! — сказал Джим.

— Осторожно! — охнул он. — Кто-нибудь выйдет из дома и нас заметит!

— Нет, Джим! — твердо возразила она. — Из этого дома никто не выйдет, а вот двое — туда войдут!

— Да видишь ли, — продолжила Амантис, взглянув на него с некоторым беспокойством, — меня пригласили в Саутгемптон навестить кузенов, а когда ты сказал, что поедешь туда, мне захотелось узнать, чем ты будешь там заниматься. Я всегда оставалась на ночь у Харланов, но на этот раз сняла комнату в пансионе, чтобы ты не догадался. Я не приехала в том поезде, в котором должна была прибыть, а появилась раньше и предупредила знакомых, чтобы они делали вид, будто меня не знают.

Джим встал, понимающе покивав головой.

— Думаю, нам с Хьюго пора отправляться. Мы должны добраться до Балтимора еще засветло.

— Путь неблизкий.

— Хочу сегодня заночевать уже на юге, — ответил он.

Вместе они прошли по дорожке мимо дурацкой статуи Дианы на лужайке.

— Видишь ли, — мягко добавила Амантис, — ты не обязан здесь, как и в Джорджии, быть богатым, чтобы выходить в свет... — она внезапно смолкла. — Хочешь приехать в следующем году и опять открыть академию?

— Нет, мэм, только не я. Мистер Харлан сказал мне, что я могу продолжить, но я сказал ему «нет».

— Разве... Разве ты ничего не заработал?

— Ничего, мэм, — ответил он. — Однако мне хватит денег, чтобы добраться домой. Какое-то время доходов было больше, чем расходов, но я не мелочился, а ведь была еще аренда, надо было платить за оборудование и музыкантам.

Он не считал нужным упоминать, что мистер Харлан пытался вручить ему чек.

К авто они подошли как раз в тот момент, когда Хьюго вбил последний гвоздь. Джим раскрыл карман на дверце и выудил оттуда бутылку без этикетки с желтоватой жидкостью.

— Хотел сделать тебе подарок, — замямвшись сказал он, — но деньги кончились раньше, поэтому я решил — пришлю тебе что-нибудь уже из Джорджии. А это просто сувенир. Тебе, конечно, пить негоже, но, может быть, после того как выйдешь в свет, тебе захочется показать этим слабакам, каков на вкус старый добрый кукурузный джин.

Она взяла бутылку.

— Спасибо, Джим.

— Все о'кей! — он повернулся к Хьюго. — Нам пора. Отдай леди молоток!

— О, молоток можешь оставить себе! — со слезами на глазах сказала Амантис. — Обещай вернуться!

— Когда-нибудь, возможно...

Секунду он разглядывал ее желтые волосы и голубые глаза, затуманенные дремотой и слезами. Затем сел в авто, но когда его нога выжала сцепление, он вдруг весь переменялся.

— Хочу сказать «до свидания», мэм! — произнес он достоинством. — Мы едем зимовать на юг!

Направление, в котором он махнул соломенной шляпой, указывало на Палм-Бич, Сент-Огастин¹ и Майами. Его камердинер покрутил заводную ручку, занял свое место и затрясся вместе с двигателем.

— Зимовать на юг! — повторил Джим, и затем с чувством добавил: — Ты — самая красивая девушка, которую я когда-либо видел! Возвращайся, ложись в гамак и засыпай... За-сы-пай!

Джим пропел эти слова, словно колыбельную. Он отвесил ей глубокий величественный поклон, который предназначался и всему Северу...

А потом они поехали по дороге, подняв гигантское облако пыли. Однако еще до первого поворота авто встало, и Амантис увидела, как они вышли и затолкали кузов на раму. Затем они снова заняли свои места, не оглянувшись. Еще поворот — и они скрылись из виду, оставив за собой лишь сероватое облачко, говорящее о том, что они только что здесь были.

¹ Палм-Бич и Сент-Огастин — курортные города в южном штате Флорида.

ПОРЫВ И ХЛАДНОКРОВИЕ

I

Однажды, когда молодые Мазеры были женаты уже около года, Жаклин зашла в помещение конторы по торговле скобяными изделиями, которой ее муж достаточно успешно управлял. Подойдя к открытой двери его кабинета, она остановилась и сказала: «Ой, извините...». Ее появление прервало вроде бы обыденную, но в чем-то интригующую сцену. Рядом с мужем стоял молодой человек, которого она уже встречала, его звали Бронсон. Муж поднялся из-за стола и протягивал ему руку, а Бронсон искренне ее пожимал и, похоже, даже слишком горячо. Когда мужчины услышали шаги Жаклин на пороге, они повернулись к ней, и она заметила, что глаза у Бронсона на мокром месте.

Через мгновение он вышел, проскользнув мимо нее, бросив несколько смущенно «Добрый день». Она вошла в кабинет мужа.

— Что здесь делал Эд Бронсон? — с порога поинтересовалась она.

Джим Мазер улыбнулся, прищурил серые глаза и тихонько усадил ее прямо на стол.

— Просто зашел на минутку, — небрежно бросил он. — Как дела дома?

— Все хорошо, — она смотрела на него вопрошающе. — Так чего он хотел? — настаивала Жаклин.

— Просто хотел повидать меня по одному делу.

— По какому?

— Да ничего такого. Просто дела.

— А почему у него были такие красные глаза?

— Красные глаза? — спросил он с таким простодушием, что обоим стало смешно.

Жаклин встала, обошла стол и удобно расположилась в кресле, как у себя дома.

— Мог бы мне и рассказать, — заявила она, — ведь я теперь с места не сдвинусь, пока ты мне все не выложишь.

— Ну... — он замялся, нахмурившись. — Он хотел, чтобы я оказал ему небольшую услугу.

Тут Жаклин все поняла или, вернее, ее внезапно озарило.
— Ага! — в ее голосе чувствовалось напряжение. —
Ты дал ему в долг!

Тут Жаклин все поняла или, вернее, ее внезапно озарило.

— Ага! — в ее голосе чувствовалось напряжение. — Ты дал ему в долг!

— Совсем немного.

— Сколько?

— Всего три сотни.

— «Всего» три сотни?! — ее голос зазвенел, как бессемеровская сталь¹. — Сколько мы тратим в месяц, Джим?

— Ну... ну, около пяти или шести сотен, думаю... — он беспокойно переменил позу. — Слушай, Жак, Бронсон все вернет! У него небольшая проблема... Он совершил ошибку... Одна девушка из Вудмира...

— Он знает, что ты слывешь легкой добычей, вот и заявился к тебе, — перебила Жаклин.

— Нет, — возразил Джим.

— А ты не подумал, что эти три сотни не помешали бы мне? — спросила она. — Помнишь ту поездку в Нью-Йорк, которую мы не могли себе позволить в ноябре прошлого года?

Улыбка, все еще блуждавшая на лице Мазера, увяла. Он подошел к двери офиса и закрыл ее.

— Слушай, Жак, — начал он, — ты не понимаешь. Бронсон — один из немногих, с кем я обедаю почти каждый день. Когда мы были детьми, мы вместе играли, вместе ходили в одну школу. Разве ты не видишь, что я как раз тот человек, к которому он может обратиться в бедственной ситуации? Именно поэтому я и не мог ему отказать!

Жаклин повела плечами, словно пытаясь стряхнуть с себя эти доводы.

— Ну а мне кажется, — решительно ответила она, — что на него нельзя положиться. Он всегда навеселе, и если он не собирается работать, то не должен при этом садиться тебе на шею.

Теперь они сидели за столом друг напротив друга и каждый говорил стараясь подбирать слова так, как если бы они обращались к ребенку. Каждая фраза начиналась словом «послушай!», и по их лицам было видно, что терпение у каждого может закончиться.

— Если ты не в состоянии понимать, я могу тебе объяснить, — заключил Мазер по истечении пятнадцати минут крайне раздраженным тоном. — Между мужчинами порой существуют определенные обязательства, и их приходится выполнять. Это сложнее, чем просто отказаться одолжить деньги, к тому же в бизнесе вроде моего хорошие отношения с людьми значат очень много.

Говоря это, Мазер надевал пальто. Им предстояло ехать домой на ланч на трамвае. Автомобиля у них сейчас не было — свою старую машину они продали и собирались купить новую по весне. Но именно в этот день трамвай определенно был неудачным выбором. Наверняка при других обстоятельствах

¹ *Бессемеровская сталь* обладает повышенной твердостью, ее производят из жидкого чугуна путем продувки сквозь него сжатого воздуха; этот метод был придуман англичанином Генри Бессемером в 1856 году.

ссора в офисе была бы позабита, однако случившееся позже разбередило эту царяпину, что привело к более серьезным последствиям.

Они нашли свободные места в передней части вагона. Был конец февраля; светившее напропалую солнце превращало тощий снежок на улицах в веселые грязные ручейки, с журчанием разбегавшиеся по уличным водостокам. Из-за этого вагон был менее многолюден, чем обычно — никто не стоял. Вагоновожатый даже приоткрыл свое окно, и напоенный солнцем ветерок выдувал из вагона последнее дыхание зимы.

Жаклин с удовольствием подумала, что ее муж, сидящий рядом с ней, приятнее и обходительнее других мужчин. Глупо пытаться изменить его. Возможно, Бронсон все-таки вернет деньги, да и триста долларов — не состояние. Конечно, так дела лучше не вести, но все же...

Ее размышления прервала внезапно возникшая в проходе толча пассажиров. Жаклин хотелось бы, чтобы они прикрывали рот рукой, когда кашляют. Скорей бы уже Джим купил новую машину! Никто не может сказать, какую заразу можно подхватить в этих трамваях...

Она повернулась к Джиму, чтобы поговорить об этом, однако Джим встал и уступил свое место женщине, стоявшей в проходе. Та, не выразив особой благодарности, села. Жаклин нахмурилась.

Женщине было около пятидесяти, и она была огромна. Усевшись, она вначале довольствовалась тем, что просто заняла предложенное ей место, но через мгновение она начала расширяться и распространять складки своего жира на все большее пространство, и вскоре этот процесс принял характер насильственной экспансии. Когда вагон качался в сторону Жаклин, женщина скользила вместе с ним, а когда он качался в обратную сторону, ей удавалось, проявляя изобретательность, окопаться и удерживать завоеванную территорию.

Жаклин взглянула на мужа — он качался, держась за лямку, — и сердитым взглядом дала ему понять, насколько она не одобряет его поступок. Он изобразил на лице извинение и начал внимательно разглядывать ряд рекламных объявлений. Толстуху снова качнуло к Жаклин — теперь она уже практически навалилась на нее. Затем она посмотрела своими противными заплавленными глазками на миссис Джеймс Мазер и громко раскашлялась ей в лицо.

Сдавленно охнув, Жаклин вскочила, с усилием протиснулась мимо жирных колен и, порозовев от ярости, начала пробираться в заднюю часть вагона. Там она ухватила за лямку, и вскоре к ней присоединился ее заметно встревоженный муж.

Они не обменялись ни единым словом, а просто молча простояли рядом минут десять; сидевшие перед ними мужчины шелестели газетами, не отрывая взглядов от напечатанных там карикатур.

Когда они наконец вышли из вагона, Жаклин буквально взорвалась.

— Ты просто дурак! — громко воскликнула она. — Ты видел эту ужасную тетку, которой уступил место? Неужели нельзя временами думать обо мне, а не о каждой жирной эгоистичной прачке, которая попадает тебе на глаза?

— Откуда я мог знать...

Однако на сей раз Жаклин разозлилась не на шутку — так на него обычно никто не злился.

— Разве ты не видел, что ни один из этих мужиков ради меня не поднялся? Нет! В прошлый понедельник вечером ты слишком устал, чтобы выйти прогуляться! А теперь ты уступил место, наверное, какой-нибудь... какой-нибудь жуткой польской прачке, которая здорова, как бык, и обожает стоять!

На улице была слякоть, и они все время ступали в глубокие лужи. Сбитый с толку и расстроенный Мазер не попросил прощения и не мог подобрать слов в свою защиту. Жаклин умолкла, а потом резко повернулась к нему со странным блеском в глазах. Слова, с помощью которых она подвела итог всей этой ситуации, были, вероятно, самыми неприятными из всех, слышанных им в жизни.

— Проблема в тебе, Джим, в том, что ты простак со всеми твоими взглядами студента-первокурсника! Ты профессиональный «хороший парень»!

II

Этот случай и ссора были забыты. Благодаря широте души Мазера в течение часа все резкости были сглажены. История эта вспоминалась еще несколько дней, но все слабее и слабее, а потом и вовсе позабылась, канув в омут забвения. Я говорю «в омут», ибо забвение, к сожалению, никогда не бывает полным. Тема отошла на задний план, потому что Жаклин со свойственными ей практичностью и хладнокровием приступила к долгому утомительному делу вынашивания ребенка. Ее природные особенности и предубеждения обострились, и она стала менее способной закрывать глаза на некоторые вещи. На дворе стоял апрель, а они до сих пор так и не купили машину. Мазер обнаружил, что он практически ничего не скопил, а ведь через полгода у него на плечах будет целое семейство. Это его беспокоило. Едва заметные морщинки, маленькие, эдакие пробные, впервые легли вокруг его честных добрых глаз. Он засиживался на работе до весенних сумерек и часто брал работу на дом. Покупку новой машины пришлось на некоторое время отложить.

Апрельский день клонился к вечеру; весь город отоваривался на Вашингтон-стрит. Жаклин медленно шла вдоль витрин, без страха и тревоги размышляя о новых грядущих переменах в ее жизни. Ветер нес по-летнему сухую пыль; солнце весело сияло в оконных стеклах, создавая цветные бензиновые радуги в лужицах там, где стояли автомобили.

Жаклин остановилась. Не далее чем в шести футах от нее у обочины был припаркован новый ярко окрашенный спортивный родстер. Рядом стояли двое мужчин и беседовали, в одном из них она узнала Бронсона-младшего и услышала, как тот совершенно обыденно сказал собеседнику: «Что скажешь? Вот, купил сегодня утром». Жаклин развернулась и, цокая каблуками, торопливо направилась в контору мужа. По обычаю кивнув секретарше, она прошла в его кабинет. При таком внезапном появлении Мазер с удивлением оторвал взгляд от стола.

— Джим, — запыхавшись, выпалила она, — Бронсон уже отдал тебе три сотни?

— Ну, нет... — протянул он нерешительно. — Пока нет. Он был тут на прошлой неделе и объяснил, что пока он на мели.

Ее глаза сверкнули гневным торжеством.

— Да неужели? — фыркнула она. — Он только что купил новый спортивный родстер, который стоит по меньшей мере двадцать пять сотен!

Джим недоверчиво покачал головой.

— Я видела машину, — настаивала она, — и слышала, что он только что ее купил!

— Бронсон сказал мне, что он на мели... — беспомощно повторил Мазер.

Жаклин застонала.

— Он использовал тебя! Он знал, что ты простак, и тебя использовал! Разве ты не видишь? Он хотел купить машину с твоей помощью, и сделал это! — Жаклин горько рассмеялась. — Он, наверное, живот надорвал от смеха, думая о том, как обвел тебя вокруг пальца.

— О, нет! — потрясенно возразил Мазер, — должно быть, ты приняла кого-то другого за Бронсона...

— Мы ходим, а он разъезжает на наши деньги! — взволнованно перебила Жаклин. — Ну прекрасно! Прекрасно! Это было бы смешно, если бы не было так абсурдно. Вот смотри! — ее голос стал резче, и хотя она себя сдерживала, теперь зазвучала нотка презрения. — Ты тратишь половину своего свободного времени, делая что-то для людей, которым наплевать на тебя и на то, что с тобой станет. Ты уступаешь место в трамвае каким-то свиньям и приползаешь домой таким смертельно усталым, что не можешь даже пошевелиться. Ты во всевозможных комитетах, которые отрывают тебя от собственных дел как минимум на час в день, а ты не получаешь от них ни цента! Тебя вечно используют! Это невозможно терпеть! Я думала, что вышла за мужчину, а не за профессионального самаритянина¹, который готов быть у целого мира на побегушках!

Завершив обвинительную речь, Жаклин внезапно пошатнулась и опустилась на стул — у нее сдали нервы.

— В то же время, — сбивчиво продолжила она, — я нуждаюсь в тебе. Мне нужны твоя сила, твое здоровье и твоя поддержка. А если ты... если ты раздаешь их кому попало, то до меня мало что дойдет...

Он опустился на колени рядом с ней, приобнял и тихонько потянул к себе, пока ее голова не легла ему на плечо.

— Прости меня, Жаклин, — смиренно сказал он. — Я буду осторожнее. Я не понимал, что делаю.

— Ты для меня самый дорогой на свете человек, — глухо пробормотала Жаклин, — и мне ты нужен весь, целиком, и все лучшее в тебе — тоже!

¹ Притча о *самаритянине*, который оказал бескорыстную помощь попавшему в беду человеку, изложена в Библии; выражение «добрый самаритянин» стало нарицательным.

Он начал гладить ее по голове. Несколько минут они сидели, не говоря ни слова, достигнув состояния равновесия. Затем Жаклин нехотя подняла голову — их прервал донесшийся от двери голос мисс Клэнси.

— О, прошу прощения...

— В чем дело?

— Рассыльный с какими-то коробками. Наложенный платеж.

Мазер встал и проследовал за мисс Клэнси в соседнюю комнату.

— Пятьдесят долларов.

Он порылся в кошельке; в то утро он не заходил в банк.

— Минуточку, — сказал он рассеянно. Джим подумал о Жаклин, такой несчастной от навалившихся на них проблем. Он вышел в коридор, открыл дверь располагавшейся напротив фирмы «Клэйтон и Дрейк, брокеры» и подошел к человеку, сидевшему за столом.

— Доброе утро, Фред, — сказал Мазер.

Дрейк, коротышка лет тридцати, в пенсне и с лысиной, приподнялся; они обменялись рукопожатиями.

— Привет, Джим. Чем могу помочь?

— Слушай, в моем офисе посыльный с какими-то штуками — наложенный платеж, а у меня ни цента. Можешь одолжить полста до вечера?

Дрейк пристально поглядел на Мазера. Затем, к его удивлению, медленно покачал головой — не вверх-вниз, а из стороны в сторону.

— Извини, Джим, — сухо ответил он, — я взял себе за правило никогда никому не давать в долг ни при каких условиях. Я видел, как это разрушило не одни дружеские отношения.

Рассеянность Мазера улетучилась, он односложно хмыкнул, выражая свое нескрываемое изумление. Затем непроизвольно сработала присущая ему тактичность, бросившись на помощь и диктуя некие слова, хотя разум его пребывал в ступоре. Его первым инстинктивным порывом было успокоить отказавшего ему Дрейка.

— А, понятно, — он кивнул головой, как будто был полностью согласен и словно бы сам подумывал взять себе это за правило. — Да, я вполне разделяю твою позицию. Я просто... Конечно, я не буду настаивать, чтобы ты отошел от своих принципов. По-видимому, так и надо.

Они поговорили еще минуту. Дрейк весьма уверенно изложил свою позицию; очевидно, он говорил все это много раз. Он улыбнулся Мазеру прямо и совершенно искренне.

Мазер вежливо ретировался в свой офис, а Дрейк остался при мнении, что Джим Мазер — самый тактичный человек в городе. Мазер умел производить на людей такое впечатление. Но когда он вошел в свой кабинет и увидел жену, печально смотревую на играющее в окно солнце, он обнял ее, а губы его непривычным образом скривились.

— Ладно, Жак, — медленно молвил он, — думаю, ты во многом права, а я чертовски не прав.

III

В течение следующих трех месяцев Мазер передумал о многом. У него в прошлом была необычайно счастливая жизнь. Те трения между людьми, между человеком и обществом, которые многих из нас жестко обрабатывают, превращая в грубых циников, как ни удивительно, обошли его стороной. Раньше ему и в голову не приходило, что он платит за свое благостное состояние определенную цену, однако теперь он понимал: то тут, то там почти постоянно ему приходилось отступать на обочину дороги, чтобы избежать вражды, возражений и споров.

К примеру, достаточно много денег — около тысячи трехсот долларов — он раздал в долг разным знакомым, а теперь его словно озарило: он понял, что уже никогда их больше не увидит. Жаклин же с ее практичным женским разумом поняла это уже давно. Нынче же, учитывая положение Жаклин, он просто обязан был иметь банковские сбережения, и теперь он начал сожалеть, о том что давал займы.

Он понял также, насколько она была права, утверждая, что он беспрестанно оказывал разные услуги другим — то здесь, то там; а общий итог затраченных на это времени и энергии был огромен. Ему нравилось оказывать услуги. Ему было приятно, когда о нем хорошо отзывались; однако теперь он задавался вопросом, не потворствовал ли он при этом своему тщеславию — и не более того. Подозревая в себе такой грех, он был, как водится, к себе несправедлив. Правда же заключалась в том, что Мазер по своей природе был безнадежным романтиком!

Он понял, что от такого растрачивания своих сил к вечеру он уставал; это делало его работу менее продуктивной, и времени на поддержку Жаклин оставалось меньше, а ей с каждым месяцем становилась все труднее и она все быстрее уставала; долгими летними вечерами она сидела на огражденной веранде, ожидая, когда на ведущей к дому дорожке раздадутся его шаги.

Чтобы не оступиться на избранном пути, Мазер отказался от многих вещей, в том числе от поста президента ассоциации выпускников своего колледжа. Он ускользнул и от других, менее значимых тягот. Когда его включали в какой-нибудь комитет, участники традиционно избирали его председателем и отходили на задний план, и их было не так-то легко задействовать. С такими вещами было покончено. Также он начал избегать тех, кто был склонен просить его об одолжении, стал уваливать от требовательных взглядов, которые частенько бросали на него в клубе.

Изменения в нем происходили медленно. Нельзя односложно сказать, что он был не от мира сего. При других обстоятельствах отказ Дрейка одолжить ему деньги не слишком бы его удивил. Если бы он услышал об этом со стороны, то вряд ли придал бы этой истории значение. Все произошло так неожиданно,

да еще и на фоне бурлящих в его голове мыслей, оттого потрясение и оказалось весьма сильным и значимым.

Август раскопегарил свою печь; раскаленный воздух над улицами, изнуренными летним зноем, переливался удивительными миражами. Занавески в распахнутых окнах его кабинета в течение всего дня почти не колыхались и висели в соседстве с нагретыми москитными сетками, как поникшие паруса. Мазер волновался — Жаклин переутомилась, и в результате у нее начались сильные головные боли, да и дела на работе зашли в безнадежный тупик. В то утро он позволил себе говорить с мисс Клэнси так раздраженно, что та посмотрела на него с удивлением. Он сразу же извинился — и тут же пожалел об этом. В такой жаре он продолжал пахать, как вол — почему бы и ей не поднапрячься?

Мисс Клэнси подошла к его двери, и Мазер поднял на нее взгляд, слегка нахмурившись.

— Мистер Эдвард Лейси.

— Ладно, — вяло ответил он. Старина Лейси — он был с ним едва знаком. Унылая личность — подавал блестящие надежды в восьмидесятые годы, а теперь — один из городских неудачников. Джим не мог представить, что нужно этому Лейси, разве что попросить о чем-то.

— Добрый день, мистер Мазер.

На пороге с серьезной миной стоял низкорослый седовласый мужчина. Мазер встал и вежливо поприветствовал его.

— Вы заняты, мистер Мазер?

— Ну, не то чтобы очень, — он слегка подчеркнул последнее слово.

Мистер Лейси сел, неловко себя чувствуя. Он держал в руках шляпу, и крепко вцепившись в нее, начал говорить.

— Мистер Мазер, если у вас найдется пять минут свободного времени, я расскажу вам кое-что... Мне это в данный момент очень важно; просто необходимо нынче с вами поговорить...

Мазер кивнул. Интуиция подсказывала ему, что речь пойдет о какой-то услуге, он был утомлен и с усталым видом опустил подбородок на руки, будучи готов даже по такому поводу отвлечься от своих текущих забот.

— Видите ли, — продолжил мистер Лейси, и тут Мазер заметил, что пальцы, которыми он мял поля своей шляпы, дрожат, — давным-давно, в восемьдесят четвертом, мы с вашим отцом были добрыми друзьями. Вы наверняка слышали его рассказы обо мне.

Мазер кивнул.

— Мне даже довелось нести его гроб. Когда-то мы были... очень близки. Именно поэтому я к вам сегодня и пришел. Никогда прежде в своей жизни мне не доводилось ни к кому так обращаться, как нынче к вам, мистер Мазер, а мы ведь даже не знакомы. Однако так уж выходит, что с течением времени друзья умирают или уезжают, или же вас разлучают с ними какие-нибудь обстоятельства. Ваши дети тоже умирают, если вам не посчастливилось уйти первым — и вскоре вы остаетесь один, поскольку у вас уже нет ни

одного друга. Вы как будто изолированы, — он слабо улыбнулся. Руки его теперь дрожали сильно.

— Однажды, почти сорок лет назад, ваш отец пришел ко мне и попросил в долг тысячу долларов. Я был на несколько лет старше и, хотя знал его мало, я был о нем высокого мнения. В те времена это были большие деньги, поручиться ему было нечем; у него был лишь некоторый план, однако мне понравился взгляд его глаз — и вы уж меня простите, но я скажу, что вы на него очень похожи, — и я дал ему займы без всякого залога.

Мистер Лейси помолчал.

— Без всякого залога, — повторил он. — Тогда я мог себе это позволить. Однако деньги я не потерял. Он вернул мне долг до истечения года, да еще и с шестью процентами.

Мазер рассматривал промокашку, на которой рисовал карандашом ряд треугольников. Он знал, что сейчас произойдет, и напрягся — словно бы собиравшись с силами для отказа, который должен был сделать.

— Теперь я уже старик, мистер Мазер, — продолжал надтреснутый голос. — Я потерпел неудачу — я неудачник, но не будем об этом. У меня есть дочь, незамужняя дочь, которая живет со мной. Она выполняет работу стенографистки, и всегда добра ко мне. Мы живем на Селби-авеню — у нас там квартира, очень хорошая квартира.

Старик судорожно вздохнул. Он пытался — и в то же время боялся — перейти к своей просьбе. Кажется, речь шла о страховке. У него был страховой полис на десять тысяч, он назанимал под него до предела и теперь может потерять всю сумму, если не соберет четыреста пятьдесят долларов. У них с дочерью было около семидесяти пяти долларов на двоих. Друзей у них не было — мистер Лейси это уже объяснил — и они не смогли наскрести эту сумму.

Мазер не стал заставлять себя слушать эту грустную историю дальше. Он не мог дать денег, однако он попробовал, по крайней мере, избавить старика от мучений их выпрашивать.

— Простите, мистер Лейси, — как можно мягче перебил он, — но я не смогу одолжить вам эти деньги.

— Нет? — старик поглядел на него, часто моргая своими выцветшими глазами; в них не читалось потрясения, казалось, они вообще не выражали никаких чувств, кроме непрестанной тревоги. Выражение его лица лишь немного изменил медленно приоткрывшийся рот. Мазер снова уперся взглядом в промокашку.

— Через несколько месяцев у нас будет ребенок, и я коплю для этого деньги. Было бы несправедливо по отношению к моей жене забирать сейчас что-либо у нее или у ребенка.

Его голос стал торопливей и глуше. Он вдруг поймал себя на том, что говорит какие-то банальности — мол, дела нынче идут не ах, — и говорил он это с удивительной легкостью.

Мистер Лейси не стал настаивать. Он поднялся, никак не выказав своего разочарования. Только его руки все еще тряслись, и это беспокоило Мазера. Старик извинился — мол, ему жаль, что он побеспокоил его в рабочее время. Возможно, он как-нибудь выкрутится... Он просто подумал — вдруг мистер Мазер заключил много новых сделок... почему бы и не сходить к нему... он ведь к тому же сын старого друга...

Выходя из офиса, он не сразу смог открыть дверь. Мисс Клэнси помогла ему. Ссутулившись, он с несчастным видом побрел по коридору, моргая выцветшими глазами, рот его все еще был приоткрыт.

Джим Мазер стоял у своего стола, прикрыв лицо рукой; внезапно он вздрогнул, как будто от холода. Это при том, что воздух был раскаленным, как в тропический полдень.

IV

Час спустя, когда Джим Мазер стоял на углу и ждал свой трамвай, воздух стал еще жарче. Поездка в трамвае занимала минут двадцать пять, и он купил газету, бульварное чтиво, чтобы занять свой вялый разум. В последнее время жизнь казалась ему менее счастливой и менее радужной. Возможно, он лучше узнал, как она устроена, а может быть, ее очарование просто понемногу испарилось из-за вечной кутерьмы.

К примеру, ничего такого, что произошло сегодня, с ним раньше никогда не случалось. Он не мог выбросить из головы разговор со стариком Лейси — представлял, как тот бредет домой пешком в этом изнуряющем зное; идет пешком, чтобы сэкономить на проезде, открывает дверь душной квартирки и признается дочери, что сын его друга не смог ему помочь. Весь вечер они без особой надежды будут строить какие-то планы, а потом пожелают друг другу доброй ночи — отец и дочь, по воле случая оказавшиеся одни в этом мире, и, несчастные в своем одиночестве, они будут долго ворочаться в кроватях, не обретая спокойствия...

Подошел трамвай Мазера, он нашел местечко в передней части вагона, рядом со старухой, которая неприязненно смотрела на него, пока он протискивался мимо нее. На следующей остановке проход набился девушками-продащицами из ближайших магазинов, и Мазер развернул свою газету. В последнее время он не потворствовал своей привычке уступать место. Жаклин была права — обычная девушка может и постоять. Уступить место было бы глупостью, просто красивым жестом. Нынче едва ли одна женщина из дюжины удосужится поблагодарить его за это.

В вагоне было душно, и он вытер крупные капли пота со лба. В проходе теперь было тесно, и стоявшая рядом с его сиденьем женщина на мгновение навалилась ему на плечо, когда трамвай повернул за угол. Мазер глубоко вдохнул горячий воздух, который напрочь не желал циркулировать, и попытался сосредоточиться на карикатуре в верхней части спортивной страницы.

*Толпа расступилась с возгла-
сами любопытства и жалости,
когда Джим, бледный,
словно привидение,
направился к задней площадке,
держа на руках
безвольную фигуру
без сознания.*

— Проходите вперед! — раздраженно и хрипло крикнул кондуктор плотной массе людей. — Впереди много места!

Толпа предприняла вялую попытку протолкнуться вперед, но, к сожалению, двигаться ей было некуда, и к заметному успеху эта попытка не привела. Вагон снова повернул за угол, и опять женщина рядом с Мазером навалилась ему на плечо. Раньше он уступил бы ей место, хотя бы для того, чтобы она не напоминала ему таким образом о своем присутствии. От собственной невозмутимости ему было не по себе. В вагоне было невыносимо душно. В такие знойные дни нужно пускать больше трамваев!

В пятый раз он просмотрел комикс в разделе юмора. На одной из картинок был нарисован нищий, и в его чертах упорно виделся облик мистера Лейси. Боже мой! А если старик и впрямь помрет с голоду или, того гляди, бросится в реку?

«Однажды, — подумал Мазер, — он помог моему отцу. Возможно, не случись этого, и моя собственная жизнь сложилась бы как-то иначе. Но тогда Лейси мог себе это позволить, а я сейчас не могу».

Чтобы отогнать от себя образ Лейси, Мазер попытался думать о Жаклин. Он снова и снова говорил себе, что не пожертвовал бы интересами Жаклин ради вышедшего в тираж человека, у которого была прежде возможность, но он ее упустил. А Жаклин нынче нуждается в такой возможности как никогда.

Мазер посмотрел на часы. Он проехал в трамвае уже минут десять. Ехать оставалось еще минут пятнадцать, а жара становилась все сильнее. Женщина снова на него навалилась; взглянув в окно, он увидел, что это был последний поворот в пределах центра города.

Ему пришло в голову, что, быть может, ему все-таки следует уступить место женщине — судя по тому, как она в последний раз на него навалилась, она очень устала. Вот старушке он бы точно уступил место... — однако, судя по ткани ее платья, которая касалась его рук, было похоже, что это молодая девушка. Он не осмеливался поднять глаза, чтобы проверить, так ли это. Он боялся молбы в ее взгляде, если бы она оказалась старой, и колкого презрения, если бы она была молодой.

В течение последующих пяти минут его разум, задыхаясь от жары, напряженно пытался решить огромную, как теперь казалось, проблему — уступать или не уступать женщине место? Какое-то неясное ощущение давало ему понять, что если он уступит, то этим хотя бы частично искупит его сегодняшний отказ мистеру Лейси. Ему казалось просто ужасным совершить два столь хладнокровных недобрых поступка подряд, да еще в такую жару.

Он опять уставился на карикатуры, но тщетно. Он должен сконцентрироваться на Жаклин. К концу дня он смертельно устал, а если будет стоять, он устанет еще больше. Жаклин ждет его, она в нем нуждается. Она грустит, ей наверняка захочется полежать рядом с ним после ужина... хочется, чтобы он обнимал ее... Когда он уставал, ему это было не в радость. А потом, когда они будут укладываться спать, она будет то и дело просить его принести лекарство или стакан холодной воды. И одна только мысль, что он может выказать при этом свою усталость, была ему ненавистна. Ведь Жаклин может это заметить и не попросить о чем-то важном.

Девушка в проходе навалилась на него еще раз, теперь она практически на нем повисла. Конечно, она тоже устала. Да, работа утомляет. Окончания множества пословиц о тяжком труде и бесконечном дне хаотично всплывали у него в голове. Все на свете устают, включая и эту женщину, которая так необычно прижалась к нему. Однако во главе угла был его дом и его любимая девочка, которая ждет его там. Он должен беречь свои силы для нее, и он снова и снова повторял про себя, что не уступит свое место.

А затем он услышал протяжный вздох, последовавшее за ним оханье, и понял, что девушка больше к нему не прислоняется. Это оханье переросло в гул голосов, затем возникла секундная пауза, и опять послышался общий говор, докатившийся до конца вагона к кондуктору отдельными отрывистыми выкриками. Неистово зазвонил звонок, и нагретый вагон дернулся от внезапной остановки.

— Тут девушка упала в обморок!

— Слишком жарко для нее тут, наверное!

— Так и кувыркнулась!

— Эй, да отойдите же! Да-да, вы там — в проходе!

Толпа расступилась с возгласами любопытства и жалости, когда Джим, бледный, словно привидение, направился к задней площадке, держа на руках безвольную фигуру без сознания. Люди пытались помочь, но только мешали друг другу. Затем прозвенел звонок, и снова раздались резкие возгласы.

— Надо ее вынести...

— Нет, вы это видели?

— Эта треклятая транспортная компания должна...

— Видел мужчину, который ее выносил? Он тоже побелел, словно полотно!

— Ага, а вы слышали...

— Что?

— Да тот парень... Тот бледный, что ее вынес... Тот, что сидел рядом с ней...

Он сказал, что это его жена!

V

В доме царила тишина. Ветер шевелил в сумерках листья винограда на веранде, отчего на плетеные стулья падали полосы лунного света. Жаклин безмятежно лежала на длинном диване, ее голова покоилась у Джима на коленях. Через некоторое время она лениво шевельнулась, протянула руку вверх и погладила его по щеке.

— Думаю, пойду-ка я спать. Я очень устала. Поможешь мне подняться?

Он подхватил ее на руки и уложил среди подушек.

— Я сейчас вернусь, — нежно сказал он. — Можешь подождать минуточку, ладно?

— Я сейчас вернусь, —
нежно сказал он. —
Можешь подождать
минуточку, ладно?
Он прошел
в освещенную гостиную,
и она слышала,
как он листает страницы
телефонного справочника;
затем он назвал
номер...

Он прошел в освещенную гостиную, и она слышала, как он листает страницы телефонного справочника; затем он назвал номер.

— Здравствуйте, мистер Лейси дома? Ну, да... это очень важно... если он еще не отправился спать...

Пауза. Жаклин слышала, как неугомонные воробьи чирикают в листве магнолии через дорогу. Затем ее муж сказал в трубку:

— Мистер Лейси? Это Мазер. Что касается дела, о котором мы говорили сегодня... Думаю, я смогу это устроить, — он стал говорить немного громче, как будто на другом конце провода его трудно было расслышать. — Сын Джеймса Мазера, да... Насчет того дела, о котором сегодня шла речь...

ВЗДРЕМНИ, ГРЕТХЕН

I

По тротуарам неслись ломкие от морозца листья, а сорванец-сосед приморозил свой язык, лизнув жестяной почтовый ящик. Вечером наверняка пойдет снег... Осень закончилась. Поэтому, конечно, надо подумать об угле и о Рождестве, однако стоявший на крыльце собственного дома Роджер Хелси¹ подумал, глядя на мертвенно-серое небо над пригородом, что у него нет времени размышлять о переменах погоды. Потом он торопливо вошел в дом, оставив все размышления снаружи — в холодных сумерках.

В холле было темно, однако сверху до него доносились голоса жены, няни и ребенка — бесконечная болтовня, состоявшая главным образом из «Нет!», «Осторожно, Макси!» и «Ага, вот где он!» и перемежающаяся шутивными угрозами, приглушенным шумом от возни и еще неуверенным топотом детских ножек.

Роджер зажег свет в холле, прошел в гостиную и включил красный торшер. Он положил свой набитый бумагами портфель на стол, сел и пару минут просидел, подперев голову рукой и шурясь от света. Затем он закурил сигарету, потушил ее и, подойдя к ступеням лестницы, позвал жену:

— Гретхен!

— Привет, дорогой! — ее голос буквально звенел от смеха. — Поднимись к нам, посмотри на малыша!

Он тихо выругался.

— Я сейчас не могу, — ответил он громко. — Сколько тебе надо, чтобы спуститься?

Последовала томная пауза, а затем повторилась та же последовательность: «Нет!» и «Осторожнее, Макси!», — очевидно призванная предотвратить грозящую опасность.

— Сколько тебе надо, чтобы спуститься? — повторил Роджер уже слегка раздраженно.

¹ Фамилия главного героя созвучна слову health — «здоровье».

— Уже спускаюсь.

— Скоро? — крикнул он.

Каждый день в это время он пытался заставить себя говорить не требовательно, как в городе, а легко и непринужденно, как того требовала домашняя обстановка. А в этот вечер он был непривычно раздражен. Однако когда Гретхен сбежала вниз по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки, и удивленно воскликнула: «Что случилось?» — это его обезоружило.

Они поцеловались, и не сразу освободились из объятий. Они были женаты три года, но испытывали друг к другу гораздо более нежные чувства, чем можно было предположить. Их ссоры редко переходили в яростные перебранки, как то нередко бывает между молодоженами, поскольку ее красота все еще завораживала Роджера.

— Пойдем, — кратко сказал он. — Я хочу с тобой поговорить.

Молодая супруга с волосами, будто с полотен Тициана¹, непринужденная, словно французская куколка, последовала за ним в гостиную.

— Послушай, Гретхен, — он сел на край дивана, — начиная с этого вечера, я собираюсь... В чем дело?

— Да ни в чем. Просто ищу сигареты. Продолжай.

Она на цыпочках, затаив дыхание, вернулась к дивану и устроилась на другом его конце.

— Гретхен...

Он вновь не смог договорить — она требовательно протянула к нему раскрытую ладонь.

— Ну, что опять? — раздраженно спросил он.

— Спички.

— Что-что?

Невероятно! Он настроился на такой серьезный разговор, а она о спичках! Однако Роджер машинально порылся в карманах.

— Благодарю, — шепнула она. — Я не хотела тебя перебивать. Продолжай.

Чирк! Вспыхнула спичка. Супруги обменялись напряженными взглядами.

В ее милых глазах на сей раз читалась безмолвная мольба о прощении, и он рассмеялся. В конце концов она всего лишь зажгла сигарету, но когда он был в таком настроении, любое ее простейшее действие раздражало его сверх всякой меры.

— Если у тебя найдется время меня выслушать, — сердито сказал он, — то, возможно, мы поговорим, наконец, об этой богадельне.

— Какой богадельне? — от удивления ее глаза широко распахнулись, а сама она замерла, как мышка.

— Я сказал это просто чтобы привлечь твое внимание. С сегодняшнего вечера для меня, вероятно, начнутся шесть самых важных недель в моей жизни — шесть недель, которые решат, останемся ли мы навсегда в этом убогом маленьком домике и в этом прогнившем пригороде.

¹ *Тициан* — итальянский живописец XVI в.; на многих его женских портретах изображены рыжеволосые красавицы.

В черных глазах Гретхен скука сменилась тревогой. Она была уроженкой Юга, и любой вопрос, связанный с успехами в жизни, всегда вызывал у нее головную боль.

— Шесть месяцев назад я ушел из «Нью-йоркской литографической компании», — напомнил Роджер, — и занялся собственным рекламным бизнесом.

— Я знаю, — обиженно перебила Гретхен. — И теперь вместо стабильных шести сотен в месяц мы живем на негарантированные пять.

— Гретхен, — бросил Роджер резко, — если ты будешь верить в меня изо всех сил еще шесть недель, мы разбогатеем. У меня появился шанс заполучить кое-кого из крупнейших клиентов в стране.

Он немного помедлил.

— И во время этих шести недель мы не будем выезжать и никого не будем к себе приглашать. Каждый вечер я буду брать работу на дом, мы опустим все жалюзи, а если кто-нибудь станет звонить в дверь, мы не будем отвечать.

Он весело улыбнулся, как будто это была новая игра, в которую они собирались сыграть. Однако, поскольку Гретхен не проронила в ответ ни слова, его улыбка увяла, и он неуверенно посмотрел на свою супругу.

— Ну, что ты так смотришь? — вырвалось у нее наконец. — А ты думал, я вскочу и весело запою? Ты и так много вкалываешь. Если ты попытаешься работать еще больше, заработаешь нервный срыв. Я читала о...

— Не беспокойся обо мне, — перебил он. — Со мной все будет хорошо, но тебе будет смертельно скучно сидеть тут дома каждый вечер.

— Да не будет, — ответила она неуверенно, — за исключением сегодняшнего вечера.

— Почему сегодняшнего?

— Джордж Томпкинс пригласил нас на ужин.

— И ты согласилась?

— Конечно! — тут же ответила она. — Почему бы и нет? Ты все время говоришь про ужасных соседей, вот я и подумала: может, для разнообразия ты захочешь сходить к приятным людям.

— Когда попадаю в приличный район, мне хочется там остаться, — мрачно заметил он.

— Ну, так мы пойдем?

— Думаю, должны, раз ты уже приняла приглашение.

К некоторому неудовольствию Роджера разговор резко оборвался. Гретхен вскочила, быстро его поцеловала и упорхнула на кухню греть воду для ванны. Со вздохом он осторожно поместил свой портфель за книжный шкаф; в нем были только эскизы и наброски возможных рекламных рисунков, но ему казалось, что именно их будет искать возможный грабитель. Затем он задумчиво поднялся наверх, заглянул в детскую чмокнуть малыша и начал переодеваться для похода в гости.

Машины у них не было, поэтому Джордж Томпкинс сам заехал за ними в шесть тридцать. Томпкинс был преуспевающим дизайнером интерьеров; это был коренастый румяный мужчина с красивыми усами, от которого пахло

жасмином. В свое время он с Роджером делил одну комнату в нью-йоркском пансионе, но последние пять лет они встречались лишь изредка.

— Мы должны чаще встречаться, — сказал он Роджеру. — И тебе следует вылезать из дома, старина! Коктейль?

— Нет, спасибо.

— Нет? Ну а твоя прелестная жена наверняка будет. Не правда ли, Гретхен?

— Мне нравится этот дом! — воскликнула она, взяв бокал и с восхищением глядя на модели кораблей, бутылки из-под колониального виски и прочие модные штучки 1925 года.

— И мне нравится, — ответил удовлетворенно Томпкинс. — Я делал все для того, чтобы интерьер меня радовал, и мне это удалось.

Роджер мрачно оглядел мертвенно-бездушную комнату, прикинув, что так могла выглядеть кухня, если бы они в нее случайно забрели.

— Ты неважно выглядишь, Роджер, — заявил хозяин дома. — Возьми коктейль и взбодрись!

— Выпей! — настояла и Гретхен.

— А? — Роджер рассеянно обернулся. — О нет, спасибо. Мне еще нужно поработать, когда я вернусь домой.

— Поработать? — улыбнулся Томпкинс. — Слушай, Роджер, ты доконаешь себя работой. Почему бы тебе не стремиться в своей жизни к балансу — поработал немного, потом немного отдохни. Мне кажется, что самое главное в жизни — это равновесие.

— Я все время ему говорю об этом, — поддакнула Гретхен.

— Знаешь, как выглядит обычный день делового человека? — спросил Томпкинс, когда они отправились ужинать. — Утром кофе, восемь часов работы с кратким перерывом на обед, затем домой с несварением желудка и дурным настроением, чтобы обеспечить жене приятный вечерок.

Роджер коротко хмыкнул.

— Ты слишком часто ходил в кино, — сдержанно сказал он.

— Что? — Томпкинс посмотрел на него с легким раздражением. — В кино? Да я в кинотеатре ни разу в жизни не был. Ненавижу кино. Мои взгляды на жизнь основаны на личных наблюдениях. Я верю в сбалансированную жизнь.

— И что это такое? — спросил Роджер.

— Ну, — он чуть помедлил, — наверное, лучший способ объяснить — это описать мой собственный день. Хотя, не знаю... Это может показаться эгоистичным...

— О, нет! — Гретхен с явным интересом на него посмотрела. — Мне бы хотелось послушать.

— Ну, утром я встаю и выполняю ряд упражнений. Одна моя комната оборудована под небольшой спортивный залчик; я колочу по груше, боксирую с собственной тенью и тягаю железо в течение часа. Затем после холодной ванны... Послушай, ты принимаешь ежедневно холодную ванну?

— Нет, — признался Роджер. — Я принимаю горячую вечером три или четыре раза в неделю.

Повисла неприятная пауза. Томпкинс и Гретхен переглянулись, как будто было сказано нечто ужасное.

— В чем дело? — вспыхнул Роджер, бросая раздраженные взгляды то на Гретхен, то на Томпкинса. — Я не могу, знаете ли, принимать ванну каждый день — для этого у меня нет времени.

Томпкинс протяжно вздохнул.

— После ванны, — продолжил он, милосердно замяв неудобную тему, — я завтракаю и еду в свой нью-йоркский офис, где работаю до четырех. Затем наступает время отдыха. Если лето — еду сюда на гольф, чтобы загнать мяч в девять лунок, а зимой часок играю в сквош в своем клубе. Затем режусь в бридж до ужина. За ужином могут обсуждаться дела, но в приятной для меня форме. Предположим, я только что оформил дом для некоего заказчика, и он хочет, чтобы я поприсутствовал у него на новоселье, дабы лично убедиться, что освещение достаточно мягкое и все такое прочее. Впрочем, я могу взять книжку славных стихов и провести вечер в одиночестве. Во всяком случае по вечерам я всегда что-то делаю, чтобы отвлечься.

— Должно быть, это чудесно! — с энтузиазмом сказала Гретхен. — Хотела бы я, чтобы и мы так жили!

Томпкинс за столом доверительно подался вперед.

— Вы сможете! — заявил он убедительным тоном. — Нет никаких причин, почему вы не можете так жить! Слушайте, если Роджер будет загонять мяч в девять лунок каждый день, с ним начнут твориться чудеса. Он сам себя не узнает. Он начнет лучше справляться с работой, у него не будет возникать ощущения усталости и тревоги... Что такое?

Он замолк. Роджер откровенно зевнул.

— Роджер, — воскликнула Гретхен, — не стоит быть таким грубым. Если бы ты последовал советам Джорджа, тебе бы заметно полегчало.

Она демонстративно повернулась к радушному хозяину.

— Последнее, что он учудил — в течение ближайших шести недель собирается работать ночами! Говорит, что хочет опустить жалюзи и запереть нас, как отшельников в пещере. Он поступал так каждое воскресенье в течение последнего года, а теперь он будет так делать каждый вечер целых шесть недель!

Томпкинс печально покачал головой.

— В конце этих шести недель, — заметил он, — ваш муж загремит в лечебницу. Позвольте заметить, что в любой частной клинике Нью-Йорка полно таких пациентов. Сначала вы перенапрягаете нервную систему сверх меры, а потом — бах! — и у вас что-то ломается. И вместо того, чтобы сэкономить шестьдесят часов, вам требуется шестьдесят недель, чтобы восстановиться.

Он замолк, сменил тон и с улыбкой повернулся к Гретхен.

— Я не говорю уже о том, что будет с вами. Мне кажется, что от этих безумных переработок больше всего страдает жена, а не муж!

— Да я особо не возражаю, — заметила Гретхен, защищая мужа.

— Возражает, — мрачно буркнул Роджер. — У нее в голове творится черт знает что. И словно шторы на глазах — думает, что так будет вечно, и она всегда сможет

рядиться в новые платья. А для этого и затеваю новое дело. Ничего уже не поделаешь. Как ни грустно, но лучше всего у женщин получается просто сидеть сложа руки.

— Твои соображения по поводу женщин устарели двадцать лет назад, — с сожалением заметил Томпкинс. — Женщины уже не хотят сидеть сложа руки и чего-то ждать!

— Тогда им лучше брать в мужья мужчин под сорок, — продолжал настаивать Роджер. — Если девушка выскакивает замуж за молодого человека по любви, она должна быть готова идти на любые жертвы в пределах разумного, пока ее муж движется к успеху.

— Давайте не будем об этом, — нетерпеливо бросила Гретхен. — Роджер, пожалуйста, давай хоть разок приятно проведем время. Хотя бы сегодня.

Когда Томпкинс высадил их около дома в одиннадцать, Роджер и Гретхен какое-то время постояли на тротуаре, глядя на бледную холодную луну. В воздухе летали снежные хлопья. Роджер втянул носом воздух и с чувством обнял Гретхен за плечи.

— Я могу заработать гораздо больше, чем Джордж, — твердо заявил он, — и я сделаю это всего за сорок дней!

— Сорок дней, — вздохнула она. — Это кажется таким долгим сроком, особенно когда все остальные веселятся. Ах, если бы я только могла проспять эти сорок дней!

— Почему бы и нет, дорогая? Просто вздремни, а когда проснешься, все будет в порядке!

— Роджер, — наконец задумчиво спросила она, — ты думаешь, Джордж всерьез говорил, что прихватит меня покататься на лошадях в субботу?

Роджер нахмурился.

— Не знаю. Вероятно, нет. По крайней мере, я надеюсь на это.

Он ненадолго замолк.

— На самом деле, этим вечером он меня немного разозлил — всей этой ерундой про холодные ванны.

Рука об руку они направились к дому.

— Держу пари, что он не принимает холодную ванну каждое утро, — задумчиво продолжил Роджер. — Или даже три раза в неделю.

Он нашарил в кармане ключ и безошибочно вставил его в замочную скважину. Затем он обернулся и сказал с вызовом:

— Готов поспорить, что он не принимал ванну уже целый месяц!

II

После двух недель напряженной работы дни для Роджера Хелси слились друг с другом и проходили блоками по два, по три и по четыре разом. С восьмью и до пяти тридцати он работал в офисе. Затем полчаса проводил в

пригородном поезде, где рисовал эскизы на оборотной стороне конвертов от писем при тусклом желтом свете. К семи тридцати вечера его карандаши, ножницы и листы белого ватмана были разложены на столе в гостиной, где он трудился, бормоча и вздыхая, до полуночи; в то время как Гретхен лежала с какой-нибудь книжкой на диване, а дверной колокольчик тенькал порой за опущенными жалюзи. В двенадцать Гретхен всегда заводила разговор о том, не пора ли ему в кровать. Он соглашался пойти только после того, как кое-что подправит, но поскольку его постоянно отвлекала полудюжина новых идей, то, поднимаясь на цыпочках в спальню, он заставлял Гретхен уже крепко спящей.

Порой Роджер гасил последнюю сигарету в переполненной пепельнице только в три утра; потом он раздевался в темноте, еле живой от усталости, но невероятно довольный, что продержался еще один день.

Рождество наступило и закончилось, а он едва ли заметил, что оно вообще было. Последний рождественский день он вспоминал позже как время, когда он закончил работу над эскизами для витрин обувного магазина Гаррода. Это был один из восьми крупных заказчиков, на которых он нацелился в январе, и если б он заполучил хотя бы половину из них, то в течение года наверняка получил бы не менее четверти миллиона долларов.

Однако мир за рамками его работы стал походить на обрывки сна. Он знал, что два морозных декабрьских воскресенья Джордж Томпкинс брал Гретхен покататься на лошадях, а в другой раз она поехала с ним на автомобиле в загородный клуб, чтобы прокатиться на лыжах с горок. Однажды утром на стене их спальни появилось фото Томпкинса в дорогой рамке. А в один из вечеров Роджер в сердцах чуть было не устроил скандал, когда Гретхен отправилась с Томпкинсом в городской театр.

Тем не менее его работа была почти закончена. Теперь каждый день он получал из типографии свои отпечатанные макеты, и вскоре семь из них пачкой были убраны в его офисный сейф. Он знал, насколько они хороши. Одни лишь деньги не могли окупить такой труд; более чем кто бы то ни было он понимал, что выполнил эту работу с душой и любовью.

Декабрь слетел с календаря, словно высохший лист. Была еще одна лихорадочная неделя, во время которой ему пришлось отказаться от кофе, потому что от него сердце начинало бешено колотиться. Только бы продержаться еще четыре дня... три дня...

В четверг днем в Нью-Йорк должен был приехать Х.Г. Гаррод. В среду вечером Роджер, придя с работы в семь, обнаружил, что Гретхен со странным выражением во взгляде изучает счета за декабрь.

— Что случилось?

Она кивнула на счета. Он пробежал их глазами и нахмурил брови.

— Вот дьявол!

— Что я могу поделать? — выпалила она. — Это ужас что такое!

— Ну, я женился на тебе не потому, что ты была прекрасной домохозяйкой. Как-нибудь управлюсь с этими счетами. Не бери в голову!

Она холодно на него взглянула.

— Ты говоришь так, словно я маленький ребенок!

— Вынужден! — сказал он с внезапным раздражением.

— Ну, знаешь ли! В конце концов я не фитюлька какая-нибудь, которую можно куда-нибудь засунуть и забыть о ней!

Он тут же опустился перед ней на колени и взял ее ладони в свои.

— Гретхен, послушай! — сказал он с волнением. — Бога ради, давай не будем теперь ссориться. Мы оба переполнены раздражением и упреками, и если мы поссоримся, это будет ужасно. Я люблю тебя, Гретхен. Скажи, ты любишь меня? Говори скорей!

— Ты знаешь, что я тебя люблю.

Ссоры удалось избежать, но во время обеда за столом царило неестественное напряжение. Оно достигло апогея позже, когда Роджер начал раскладывать на столе свои материалы.

— О, Роджер! — воскликнула она, — я думала, тебе сегодня не нужно работать!

— И я не думал, но кое-что набежало.

— А я пригласила Джорджа Томпкина.

— Вот как! — воскликнул он. — Ну что же, прости, дорогая, но тебе придется позвонить и сказать, что его визит отменяется.

— Он уже выехал, — ответила она. — Едет прямо из города. Он будет здесь с минуты на минуту.

Роджер издал стон. Он подумал было отправить их обоих в кино, но это предложение так и не сорвалось с его губ. Он не хотел, чтобы она шла в кино; ему хотелось, чтобы она была здесь, на виду, чтобы он знал — она рядом.

Джордж Томпкинс нарисовался к восьми.

— Ого! — укоризненно воскликнул он, входя в комнату. — Все еще за работой?

Роджер холодно это признал.

— Лучше бросай! Лучше бросай, пока не поздно!

Он опустился в кресло, удовлетворенно вздохнул и затянулся сигаретой.

— Послушай человека, который изучил этот вопрос досконально. Мы можем продержаться на пределе какое-то время, а затем — бац!

— С твоего позволения, — сказал Роджер подчеркнуто вежливо, — я поднимусь наверх и закончу свою работу.

— Дело твое, Роджер, — беззаботно махнул рукой Джордж. — Я вовсе не возражаю. Я ведь друг семьи, я буду рад пообщаться с хозяйкой, а не с хозяином дома, — он игриво улыбнулся. — Однако на твоём месте, старина, я бы отложил работу и выспался как следует.

Когда Роджер поднялся наверх, разложил на кровати все свои рабочие материалы, он обнаружил, что сквозь тонкий пол до него неясно доносятся бормочущие голоса беседы. Ему стало интересно, о чем они могут беседовать. И хотя Роджер погрузился в работу, мысли его упорно возвращались к этому вопросу, тогда он вставал и начинал нервно вышагивать по комнате из угла в угол.

— ...Я ведь друг семьи, я только буду рад пообщаться с хозяйкой, а не с хозяином дома, — он игриво улыбнулся. — Однако на твоём месте, старина, я бы отложил работу и выспался бы как следует.

Кровать была плохо приспособлена для работы. Рисунок несколько раз соскальзывал на пол с доски, на которой он его закрепил, а карандаш то и дело прокалывал бумагу. Этим вечером все шло набекрень. Буквы и фигуры расплывались у него перед глазами, а бормочущие что-то голоса продолжали доноситься снизу под аккомпанемент пульсирующей в его висках крови.

К десяти он понял, что за последний час ничего толком не сделал. Чертыхнувшись, он собрал свои бумаги, сунул их в портфель и спустился вниз. Когда он появился, Гретхен и Джордж сидели на диване.

— О, привет! — воскликнула Гретхен, что, как показалось Роджеру, было совсем не к месту. — А мы как раз говорили о тебе.

— Вот спасибо, — иронично заметил он. — И какая же часть моего тела, к слову, находилась под скальпелем?

— Твое здоровье, — весело откликнулся Томпкинс.

— Здоровье у меня в порядке, — кратко сообщил Роджер.

— Приятель, ты рассматриваешь его с позиции эгоиста, — воскликнул Томпкинс. — Учитываешь только свои интересы в этом вопросе. Не кажется ли тебе, что у Гретхен тоже есть определенные права? Если бы ты пыхтел над дивным сонетом, или над портретом какой-нибудь мадонны, или над чем-нибудь подобным, — он бросил взгляд на тициановские волосы Гретхен, — ну, тогда бы я сказал: «Отлично, продолжай». Однако это не так. Ведь речь идет о какой-то глупой рекламе средства для укрепления волос, и если завтра его целиком выльют в море, миру от этого ни на йоту не станет хуже.

— погоди минуточку, — сердито парировал Роджер. — Это не совсем честно. Я не обольщаюсь по поводу важности своей работы — она так же бесполезна, как и та ерунда, которой занимаешься ты! Однако для нас с Гретхен это едва ли не самое важное дело в мире.

— Хочешь сказать, что моя работа бесполезна? — с подозрением переспросил Томпкинс.

— Нет, конечно. Она принесет радость какому-нибудь разнесчастному сосунку — наследнику производителя штанов, который не знает, на что потратить свои деньги.

Томпкинс и Гретхен переглянулись.

— О-о-о! — иронично воскликнул Томпкинс. — А я и не догадывался, что все эти годы просто тратил свое время впустую!

— Ты бездельник, — грубо бросил Роджер.

— Я? — в сердцах воскликнул Томпкинс. — Ты называешь меня бездельником лишь потому, что я поддерживаю определенный баланс в жизни и нахожу время для разных интересных занятий? Потому, что я работаю с отдачей, так же, как и отдыхаю, и не позволяю себе превратиться в усталого унылого трудоголика?

Они оба теперь были злы не на шутку и говорили на повышенных тонах, хотя на лице Томпкинса все еще сохранялось нечто вроде улыбки.

— Что мне действительно не нравится, — с напором сказал Роджер, — так это то, что в течение последних шести недель ты только и делал, что крутился тут вокруг да около!

— Роджер! — воскликнула Гретхен. — Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что я уже сказал.

— Ты просто вышел из себя!

Томпкинс с показным хладнокровием закурил.

— Ты так переутомился из-за своей работы, что просто не понимаешь, что говоришь. Ты на грани нервного срыва...

— Убирайся отсюда! — яростно закричал Роджер. — Проваливай немедленно, пока я тебя не вышвырнул!

Рассерженный Томпкинс вскочил.

— Ты... ты вышвырнешь меня? — повторил он, не веря своим ушам.

Они уже двинулись друг на друга, однако Гретхен встала между ними и, схватив Томпкинса за руку, подтолкнула его к двери.

— Он ведет себя как идиот, Джордж, но тебе лучше уйти, — воскликнула она, нашаривая в прихожей его шляпу.

— Но он оскорбил меня! — крикнул Томпкинс. — Угрожал, что вышвырнет меня вон!

— Не бери в голову, Джордж, — умоляла Гретхен. — Он сам не знает, что говорит. Пожалуйста, иди! Увидимся завтра в десять.

Она распахнула дверь.

— Ты не увидишь его завтра в десять, — уверенно заявил Роджер. — И он больше никогда не придет в этот дом.

Томпкинс повернулся к Гретхен.

— Это его дом, — согласился он. — Возможно, нам лучше встретиться в моем.

Затем он ушел, и Гретхен закрыла за ним дверь. Ее глаза были наполнены слезами.

— Видишь, что ты натворил! — всхлипнула она. — Мой единственный друг, единственный человек в мире, который питал ко мне настолько теплые чувства, что обращался со мной должным образом, теперь унижен моим мужем в моем собственном доме!

Она бросилась на диван и горько разрыдалась в подушки.

— Он сам виноват, — упрямо возразил Роджер. — Я сдерживался, пока не была задета моя честь. Я не хочу, чтобы ты с ним встречалась.

— Я буду с ним встречаться! — завопила Гретхен. — Буду встречаться с ним сколько захочу! Думаешь, так весело торчать тут с тобой?

— Гретхен, — произнес он холодно, — вставай, бери свою шляпку, надевай пальто, уходи — вон дверь — и никогда больше не возвращайся!

Ее рот приоткрылся от удивления.

— Но я не хочу уходить, — ошеломленно сказала она.

— Ну, тогда води себя прилично. Мне помнится, — добавил он более мягко, — ты собиралась все эти сорок дней проспать.

— О, да, — горько воскликнула она, — легко сказать! Я уже устала спать!

Она поднялась и с вызовом посмотрела ему прямо в лицо.

— Кроме того, завтра я собираюсь кататься на лошадях с Джорджем Томпкинсом!

— Ты куда завтра не поедешь, даже если для этого мне надо будет отвезти тебя в Нью-Йорк и держать в моем офисе, пока я не закончу работу!

Она посмотрела на него с яростью в глазах.

— Ненавижу тебя, — медленно произнесла она. — И мне хочется взять все, что ты создал, разорвать и бросить в огонь. И — просто чтобы у тебя был повод поволноваться завтра — скорее всего, меня уже не будет дома, когда ты вернешься!

Она поднялась с дивана и внимательно оглядела в зеркале свое раскрасневшееся заплаканное лицо. Затем взбежала вверх по лестнице и громко захлопнула за собой дверь спальни.

По обычаю Роджер разложил свою работу на столе в гостиной. Яркие цветные рисунки, колоритные дамы — Гретхен позировала в качестве одной из них — с оранжевым имбирным элем, блестящий шелк чулок... Все это дурманило его сознание, погружая в подобие транса. Его неутомонные карандаши сновали по картинкам, он то сдвигал блок букв на полдюйма вправо, то вместо холодного синего пробовал дюжину других оттенков, то вымарывал слово, которое делало рекламную фразу анемичной и бледной. Прошло около получаса, и он уже был всецело погружен в работу; в комнате не было слышно ни звука, кроме бархатистого шуршания карандаша по поверхности бумаги.

Спустя некоторое время он посмотрел на часы — минуло три ночи. Снаружи завывал ветер; он носился и бился о его углы с громким тревожным грохотом. Роджер прервал работу и прислушался. Он не чувствовал усталости, но ему казалось, что его голова покрыта вздувшимися венами, как на тех картинках, что висят в кабинетах врачей и изображают лишенное кожи человеческое тело. Он приложил руки к голове и ощупал ее со всех сторон. Лишь на одном из висков сосуды были чуть узловаты на месте старого шрама.

Внезапно его охватил страх. Сотни предостережений, которые он слышал, пронеслись в его сознании. Люди надрывались от переработки, а его тело и мозг состояли из той же уязвимой и брэнной субстанции. Впервые он поймал себя на том, что завидует непоколебимости Джорджа Томпкинса и его целительному распорядку дня. Он встал и начал в панике вышагивать по комнате.

— Мне нужно выспаться, — тревожно прошептал он себе под нос. — Иначе я сойду с ума.

Он потер руками глаза и вернулся к столу, чтобы продолжить работу, но пальцы так дрожали, что он никак не мог ухватить лист бумаги. Колебание голой ветки за окном заставило его вздрогнуть и вскрикнуть. Тогда он сел на диван и постарался мыслить разумно.

— Стоп! Стоп! Стоп! — тикали часы. — Стоп! Стоп! Стоп!

— Я не могу остановиться, — ответил он вслух. — Я не могу позволить себе остановиться!

Шорох! Кажется, волк у входной двери! Он слышал, как его острые когти скребут по лакированным доскам. Он вскочил, подбежал к входной двери, распахнул ее и отпрянул с диким вскриком. На крыльце и впрямь стоял огромный волк и глядел на него красными злобными глазами. Роджер в оцепенении смотрел на него, а шерсть у волка на загривке встала дыбом, волк издал низкое рычание и исчез в темноте. Секундой позже Роджер издал нервный смешок, сообразив, что это была собака полисмена из дома напротив.

Роджер устало побрел на кухню, взял будильник и принес его в гостиную, поставив на семь утра. Потом он лег на диван, накрылся пальто и тут же провалился в глубокий сон без сновидений.

Когда он проснулся, ночник все еще источал слабый свет, но в комнату уже проникали серые оттенки зимнего утра. Он поднялся, тревожно взглянул на свои руки и с облегчением заметил, что они больше не дрожат. Роджер чувствовал себя

намного лучше. Потом он стал в подробностях вспоминать все события прошлой ночи, и его лоб прорезали три морщинки. Ему предстояла работа, двадцать четыре часа работы; а Гретхен, хочет она того или нет, должна проспать еще один день.

И тут Роджера озарило, словно он придумал еще один рекламный ход. Несколько минут спустя, поеживаясь от морозного утреннего воздуха, он поспешил к аптеке Кингсли.

— Мистер Кингсли еще не спустился?

Голова аптекаря выглянула из-за двери рецептурной.

— Хотел узнать, могу ли я переговорить с вами с глазу на глаз...

Вернувшись домой к семи тридцати, Роджер прошел на кухню. Домработница только что появилась и уже снимала свою шляпку.

— Детка, — это не было фамильярностью, просто у нее была такая фамилия, — мне бы хотелось, чтобы вы прямо сейчас приготовили завтрак для миссис Хелси. Я сам отнесу его наверх.

Это удивило Детку: столь необычно было для весьма занятого человека так ухаживать за своей супругой; но если бы она увидела, что он сотворил, принеся поднос из кухни, она бы поразилась еще больше. Потому что он поставил поднос на обеденный стол и добавил в кофе половину чайной ложки какого-то белого порошка, который отнюдь не был сахаром. Затем он поднялся по лестнице и открыл дверь спальни.

Гретхен проснулась, вздрогнула и посмотрела на двуспальную кровать, на которой рядом с ней сегодня ночью никто не спал. Затем она бросила на Роджера взгляд, полный удивления, которое сменилось презрением, едва она заметила принесенный завтрак. Гретхен подумала, что это было похоже на капитуляцию.

— Не буду я завтракать, — холодно сказала она, и его сердце дрогнуло, — разве что выпью кофе.

— Не будешь завтракать? — в голосе Роджер звучало разочарование.

— Я же сказала — только кофе!

Роджер осторожно поставил поднос на столик рядом с кроватью и быстро вернулся на кухню.

— Мы уезжаем до завтра, — сказал он Детке, — поэтому я хочу закрыть дом прямо сейчас. Вы можете забрать свою шляпку и пойти домой.

Он посмотрел на часы. Было без десяти восемь, а он хотел успеть на поезд, отходящий в 8:10. Он подождал пять минут, затем на цыпочках поднялся наверх в комнату Гретхен. Она крепко спала. Кофейная чашка была пуста, если не считать тонкого слоя коричневой гущи на доннышке. Он посмотрел на жену с тревогой, но ее дыхание было ровным и спокойным.

Тогда он достал из шкафа чемодан и начал быстро заполнять его обувкой Гретхен — домашней, уличной, шлепанцами на резиновой подошве. Он и не подозревал, что у нее столько пар обуви. Когда он закончил, закрытый чемодан распирало.

Роджер помедлил с минуту, достал из ящика швейные ножницы, прошелся по телефонному проводу до того места, где он скрывался за углом буфета, и

одним движением его перерезал. И тут он вздрогнул, услышав тихий стук в дверь. Это была няня. Он совершенно забыл о ее существовании!

— Мы с мисс Хелси уезжаем в город до завтрашнего дня, — невозмутимо сказал он. — Отвезите Макси на пляж и позавтракайте там. Заберите его на весь день.

Когда он вернулся в комнату, на него накатила волна жалости. Спящая Гретхен показалась ему такой милой и беспомощной. В каком-то смысле было ужасно похитить целый день этой юной жизни! Он коснулся ее волос, и когда она что-то пробормотала во сне, нагнулся и поцеловал ее в щеку. Затем он подхватил забитый обувью под завязку чемодан, запер дверь спальни и быстро сбежал вниз по лестнице.

III

К пяти часам вечера последняя пачка рекламных проспектов для обувных магазинов Гаррода была отправлена курьером в отель «Билтмор» Х.Г. Гарроду. Решение ожидалось к завтрашнему утру. В пять тридцать стенографистка Роджера потрясла его за плечо.

— Мистер Хелси, к вам управляющий здания.

Роджер удивленно обернулся.

— А в чем дело?

Вошедший управляющий — мистер Голден — сразу перешел к делу. Если мистер Хелси намерен и дальше сохранить за собой офис, то лучше прямо сейчас ликвидировать небольшую задержку с арендной платой.

— Мистер Голден, — устало возразил Роджер, — завтра все будет в порядке. А если вы станете нынче мне докучать, то весьма вероятно, что вы вообще не получите свои деньги. Послезавтра все проблемы будут решены.

Мистер Голден с тревогой посмотрел на своего арендатора. Бывает ведь, что молодые люди даже кончают с собой, когда дела у них ни к черту. Затем его взгляд удивленно уперся в стоящий у стола чемодан с инициалами.

— Предстоит поездка? — многозначительно спросил он.

— Что? А, нет. Это просто одежда.

— Одежда? Ну что же, мистер Хелси! Просто чтобы я мог убедиться, что вы человек слова, не могли бы вы отдать мне этот чемодан до завтра на хранение?

— Да ради Бога.

Примирительно улыбнувшись, мистер Голден поднял чемодан.

— Чистая формальность, — заметил он.

— Я понимаю, — сказал Роджер, поворачиваясь к своему столу. — Всего хорошего.

Мистеру Голдену показалось, что разговор стоит завершить в более мягкой форме.

— И не переусердствуйте с работой, мистер Хелси! Вы же не хотите заработать нервный срыв...

— Нет, — крикнул Роджер, — не хочу! Но у меня он будет, если вы не оставите меня в покое!

Когда дверь за мистером Голденом закрылась, стенографистка с сочувствием повернулась к Роджеру.

— Вы не должны были разрешать ему уходить вот так, — сказала она. — Что там было? Одежда?

— Нет, — рассеянно произнес Роджер. — Только вся обувь моей жены.

В ту ночь он спал в офисе на диване рядом со своим рабочим столом. На рассвете он проснулся, нервно вздрогнув, выскочил на улицу выпить кофе и через десять минут в панике вернулся, опасаясь, что может пропустить звонок мистера Гаррода. Было шесть тридцать утра.

К восьми ему почудилось, что его тело горит. Когда заявились два его художника, он лежал, распластавшись на диване, испытывая физическую боль. Телефон властно зазвонил в девять тридцать, и Роджер дрожащей рукой взял трубку.

— Алло.

— Это агентство мистера Хелси?

— Да, говорит мистер Хелси.

— Я мистер Х.Г. Гаррод.

Казалось, что сердце Роджера перестало биться.

— Я звоню, молодой человек, чтобы сказать вам — вы прислали нам прекрасные работы! Мы хотим заполучить их все, а также все, что еще сможет подготовить ваше рекламное агентство.

— О Бог мой! — крикнул Роджер в трубку.

— Что? — мистер Х.Г. Гаррод был удивлен. — Слушайте, подождите минутку...

Однако ему уже не с кем было разговаривать. Телефон с грохотом покатился на пол, а Роджер, растянувшись во весь рост на диване, всхлипывал так, словно его сердце было готово разорваться.

IV

Три часа спустя Роджер с бледным лицом и по-детски спокойными глазами открыл дверь в спальню жены, держа утреннюю газету под мышкой. От звука шагов она проснулась.

— Который теперь час? — спросила она.

Он взглянул на свои наручные часы.

— Двенадцать.

Гретхен внезапно начала шмыгать носом.

— Роджер, — срывающимся голосом сказала она, — я виновата; вчера вечером я вела себя отвратительно!

Он холодно кивнул.

— Теперь все в порядке, — сказал он и после паузы добавил: — Я заключил договор. С крупнейшей фирмой.

Она быстро к нему повернулась.

— У тебя вышло! — и после небольшого раздумья спросила: — И я смогу купить себе новое платье?

— Платье? — он весело хмыкнул. — Да хоть дюжину сразу! Один этот договор даст нам сорок тысяч в год! Это одна из крупнейших фирм на Западе.

Она бросила на него изумленный взгляд.

— Сорок тысяч в год?

— Да.

— Черт подери! — и затем добавила тише, — я и не думала, что речь идет о таких деньжищах... И у нас может быть дом, как у Джорджа Томпкинса? — спросила она после минутного размышления.

— Мне не нужен магазин, забитый декоративными вещами.

— Сорок тысяч в год! — повторила она. — О, Роджер...

— Да?

— Я не собираюсь сегодня встречаться с Джорджем Томпкинсом.

— Да я бы тебе и не позволил, даже если бы ты захотела, — кратко ответил он.

Гретхен изобразила негодование.

— Но мы с ним запланировали встречу в этот четверг еще пару недель назад.

— Сегодня не четверг.

— Нет, четверг.

— Нынче пятница.

— Роджер, ты что, тронулся? Думаешь, я не знаю, какой сегодня день?

— Сегодня не четверг, — упрямо повторил Роджер. — Посмотри!

Он протянул ей утреннюю газету.

— Пятница? — воскликнула она. — Но это ошибка! Должно быть, это газета недельной давности. Сегодня четверг!

Она закрыла глаза и на мгновение задумалась, размышляя.

— Вчера была среда, — решительно сказала она. — Вчера приходила прачка. Я это помню.

— Посмотри в газету! — с улыбкой возразил Роджер. — Никаких сомнений нет.

С растерянным выражением лица она встала с кровати и начала искать свою одежду. Роджер пошел бриться в ванную. Через минуту он снова услышал скрип пружин. Гретхен вернулась в постель.

— В чем дело? — спросил он, выглянув из ванной.

— Мне страшно, — ответила она дрожащим голосом. — Кажется, у меня сдают нервы. Я не могу найти свою обувь.

— Обувь? Да ее полно в шкафу!

— Роджер, ты что, тронулся?
Думаешь, я не знаю, какой сегодня день?

— Я знаю, но ни одной пары я там не нашла! — она побледнела от страха. — О, Роджер!

Роджер подошел и обнял ее.

— Роджер! — воскликнула она, плача. — Что со мной? Сначала эта газета, а теперь и моя обувь. Помоги мне, Роджер!

— Я вызову врача, — ответил он.

Без колебаний он подошел к телефону и поднял трубку.

— Кажется, телефон не работает, — заметил он через мгновение. — Я пошлю Детку.

Врач приехал через десять минут.

— Мне кажется, я на грани нервного срыва, — сказала ему Гретхен с тревогой в голосе.

Доктор Грегори присел на край кровати и взял ее за запястье.

— Кажется, сегодня утром он витает в воздухе, — заметил он.

— Я встала, — испуганно продолжила Гретхен, — и обнаружила, что потеряла целый день. Я собиралась покататься с Джорджем Томпкинсом...

— С кем? — удивленно воскликнул доктор, а потом рассмеялся. — Не думаю, что Джордж Томпкинс будет кататься с кем бы то ни было еще очень долгое время.

— Он уехал? — с любопытством спросила Гретхен.

— На Запад.

— Почему? — спросил Роджер. — Наверное, сбежал с чужой женой?

— Нет, — ответил доктор Грегори. — У него нервный срыв.

— Что? — одновременно воскликнули Роджер и Гретхен.

— Его просто скрутило, когда он принимал холодную ванну.

— Но ведь он всегда говорил о своей... своей уравновешенной жизни, — вздохнула Гретхен. — От только о ней и думал.

— Знаю, — ответил доктор. — Он все время твердил об этом в то утро. Думаю, что на этой почве он и сдвинулся. Слишком напряженно над этим работал, знаете ли.

— Над чем? — в замешательстве спросил Роджер.

— Над поддержанием баланса в своей жизни. — доктор повернулся к Гретхен. — А теперь все, что я могу прописать этой юной леди, — это хороший отдых. Если она просто побудет дома пару дней и хорошенько выспится, то будет свежа как никогда. Думаю, она была слишком напряжена последнее время.

— Доктор, — хрипло спросил Роджер, — а вы не думаете, что мне тоже надо отдохнуть? В последнее время я слишком много работал.

— Отдохнуть? — доктор Грегори рассмеялся и хлопнул его по спине. — Мальчик мой, да я никогда не видел, чтобы вы так отлично выглядели!

Роджер быстро отвернулся, чтобы скрыть улыбку, и пару раз подмигнул фотопортрету мистера Джорджа Томпкинса, кривовато висевшему на стене спальни.

РАННИЙ БРАК

I

Чонси Гарнет, архитектор, однажды построил миниатюрный город, состоящий из всех зданий, которые он когда-либо проектировал. Этот эксперимент оказался дорогостоящим и несколько удручающим, ибо результат не составил гармоничного единства. Гарнета это угнетало, напоминая о том, как часто он увлекался созданием монстроподобных сооружений, и еще более удручающим было осознание того, что эта его архитектурная деятельность длилась более полувека. Он с отвращением раздал эти крошечные домики своим друзьям, и они превратились в обиталища неразборчивых кукол.

Гарнета никогда — по крайней мере, до сего времени — не называли симпатичным стариканом, хотя он был пожилым человеком и выглядел неплохо. Ежедневно он проводил шесть часов в своем офисе в Филадельфии или в его нью-йоркском филиале, а в оставшееся время ему нужен был лишь полный покой, чтобы на досуге поразмышлять о своей бурной и разнообразной жизни в прошлом. За несколько лет никто не просил его ни о чем, что нельзя было бы уладить с помощью ручки и чековой книжки, и думалось, что он достиг возраста, огражденного от проблем окружающих людей. Однако оказалось, что это не так, и в один прекрасный летний день 1925 года это умиротворенное состояние было внезапно нарушено пронзительным телефонным звонком.

На проводе был Джордж Уортон. Он спросил, не мог бы Чонси незамедлительно приехать к нему домой по очень важному делу.

По дороге в Честнат-Хилл¹ Гарнет дремал на серых пуховых подушках своего лимузина, его шестидесятивосьмилетнее тело согревало июньское солнце, а в его шестидесятивосьмилетней голове не было никаких мыслей, если не считать ярких мимолетных воспоминаний о какой-то зеленой ветке, нависавшей над зеленой водой. Когда машина подъехала к дому его друга, он спокойно и безмятежно очнулся, подумав, что, вероятно, Джорджу Уортону не дают покоя

¹ *Честнат-Хилл* — район в северо-западной части Филадельфии с высокой стоимостью недвижимости.

*Она вернулась домой с большим синяком на плече —
в том месте, куда он ее ударил.*

внезапно появившиеся лишние деньги. Возможно, он хочет, чтобы Гарнет спроектировал ему одну из этих современных церквей. Уортон принадлежал к более молодому поколению, чем Гарнет, и был вполне современным человеком.

Уортон и его жена поджидали его среди позолоты и сафьяна уютной библиотеки.

— Я не мог приехать к тебе в офис, — сразу заявил Уортон. — И ты сейчас поймешь почему.

Гарнет заметил, что руки его друга слегка дрожат.

— Дело касается Люси, — добавил Уортон.

Гарнет тут же припомнил, что Люси была их дочерью.

— А что случилось с Люси?

— Люси выскочила замуж. Около месяца назад сбежала в Коннектикут и там обвенчалась. Люси всего шестнадцать, — продолжил Уортон после секундной паузы. — А парню двадцать.

— Да, рановато, — задумчиво сказал Гарнет. — Однако моя бабушка вышла замуж в шестнадцать, и никто особо по этому поводу не переживал. Некоторые девочки развиваются намного быстрее прочих.

— Чонси, мы все это знаем, — нетерпеливо отмахнулся Уортон. — Дело в том, что в наши дни из этих ранних браков ничего путного не выходит. Это ненормально. Они заканчиваются полной ерундой.

Гарнет опять помолчал.

— Не слишком ли ты торопишься, предполагая неприятности? Почему бы тебе не дать Люси шанс? Может, стоит подождать; не исключено, что это и не закончится полной ерундой.

— Уже закончилось! — в сердцах воскликнул Уортон. — Жизнь Люси — полный бардак! Мы с ее матерью всегда хотели сделать ее счастливой, а теперь приключилась вся эта ерунда... Мы просто не знаем, что предпринять...

Голос у него дрогнул, на секунду он отвернулся к окну, а потом снова с жаром заговорил.

— Посмотри на нас, Чонси. Разве мы похожи на родителей, которые доводят ребенка до такого? Они с ее матерью были как сестры — почти как сестры. С ее самых малых лет я ходил вместе с ней на вечеринки, на футбольные матчи и все такое. Она — это все, что у нас есть, и мы всегда говорили, что постараемся придерживаться с ней золотой середины — давать ей достаточно свободы для ее самоуважения и все же следить, куда она ходит и с кем, по крайней мере, пока ей не стукнет восемнадцать. Ах, Чонси, если бы ты сказал мне шесть недель назад, что такое может случиться, — он беспомощно покачал головой, а потом продолжил более тихо: — Когда она пришла и рассказала нам о том, что это едва не разбило нам сердце, но мы постарались как-то с этим смириться. Знаешь как долго продлился этот брак, если его вообще можно так назвать? Три недели! Брак продлился три недели! Она вернулась домой с большим синяком на плече — в том месте, куда он ее ударил.

— О Господи! — глухо промолвила миссис Уортон. — Пожалуйста...

— Мы поговорили, — мрачно продолжил ее супруг, — и она решила вернуться к этому... к этому молодому... — он опять набычился, ему явно не хватало крепких словечек, — и попытаться все наладить. Однако прошлой ночью она снова вернулась домой и теперь говорит, что порвала с ним окончательно.

Гарнет кивнул.

— И кто же этот мужчина? — спросил он.

— Мужчина! — воскликнул Уортон. — Этот мальчик — Луэлин Кларк.

— Как? — удивленно воскликнул Гарнет. — Луэлин Кларк? Сын Джесси Кларка? Молодой человек, работающий в моем офисе?

— Именно.

— Ну, он ведь приятный молодой человек, — заявил Гарнет. — Не могу поверить, что он...

— Я тоже не мог, — тихо перебил Уортон. — Тоже думал, что он приятный молодой человек. Более того, я довольно долго считал, что моя дочь была достаточно приличной девушкой.

Гарнет был удивлен и раздражен. Не далее как час назад он видел Луэлина Кларка в маленькой чертежной комнате, которую тот занимал в офисе его фирмы «Гарнет и Линквист». Теперь он понял, почему Кларк не собирался возвращаться в Бостонский технологический институт этой осенью. И в свете этого открытия он вспомнил, что в течение последнего месяца в этом юноше были заметны перемены: прогулы, опоздания и некоторая вялость в работе.

Голос миссис Уортон прервал его мысли.

— Пожалуйста, Чонси, сделай что-нибудь, — сказала она. — Поговори с ним. Поговори с ними обоими. Ей всего шестнадцать, и для нас невыносимо смотреть, как ее жизнь рушится из-за развода. И дело даже не в том, что волнует нас или что скажут люди; нас волнует только сама Люси.

— Почему бы вам не отправить ее за границу на год?

Уортон отрицательно покачал головой.

— Это не решает проблему. Если между ними осталось хоть что-то, они попытаются жить вместе.

— Но если ты так плохо о нем думаешь...

— Люси сделала свой выбор. У него есть деньги — вполне достаточно. И пока в его послужном списке нет ничего порочного.

— И какова его роль в этом деле?

Уортон беспомощно развел руками.

— Будь я проклят, если знаю. Была какая-то история со шляпкой. Абсолютная чушь. Мы с Эlsi понятия не имеем, почему они сбежали, а теперь мы не можем понять, почему не уживаются. К сожалению, его отец и мать скончались, — он помолчал. — Чонси, если бы ты смог в этом разобраться...

Перед мысленным взором Гарнета начала складываться неприятная перспектива. Он был весьма пожилым человеком; по крайней мере себя он воспринимал как замшелого старожил. С высоты его возраста молодое

поколение представлялось чем-то бесконечно далеким, словно он рассматривал его через бинокль, только наоборот.

— Ну разумеется, — произнес он без энтузиазма. Ему было тяжело вспоминать о днях своей юности. С того времени изменилось множество суждений и условностей, которые канули в Лету вместе с суетой, гвалтом и злословием. С этими современными детьми трудно даже общаться. Произносимые им банальности наверняка будут пролетать мимо их ушей. А его будет раздражать их эгоизм и мимолетная уверенность в непреложных истинах, родившихся всего пару дней назад.

Чонси внезапно приподнялся в кресле. Уортон и его жена ушли, а в комнату тихо вошла стройная темноволосая девушка, словно бы балансирующая на краю между детством и юностью. Некоторое время она пристально смотрела на него своими карими глазами, в которых была заметна тень тревоги, а затем села на стул рядом с ним.

— Я Люси, — тихо сказала она. — Мне передали, что вы хотите со мной поговорить.

Она ждала ответа. Гарнет понимал, что должен что-то, говорить, но не знал, какой тон выбрать.

— Я не виделся с тобой с тех пор, как тебе исполнилось десять, — аккуратно начал он.

— Верно, — согласилась она, вежливо улыбнувшись.

Опять возникла пауза. Он должен был сказать что-то, относящееся к делу, прежде чем она утратит к нему всякий интерес.

— Мне жаль, что вы с Луэлином поссорились, — выпалил он. — Глупо так ругаться. Знаешь, я к Луэлину отношусь очень хорошо.

— Это он попросил вас прийти сюда?

Гарнет отрицательно покачал головой.

— Ты... влюблена в него? — спросил он.

— Уже нет.

— А он в тебя?

— Он так говорит, однако не думаю... Наверное, больше нет.

— Ты сожалеешь, что вышла за него?

— Никогда не жалею о том, что сделано.

— Понимаю.

Она снова выжидательно замолчала.

— Твой отец сказал мне, что вы разбежались уже навсегда.

— Да.

— Могу я спросить, почему?

— Мы просто не смогли ужиться, — прямо ответила она. — Мне казалось, что он ужасно эгоистичен, а он точно так же думал про меня. Мы все время ссорились чуть ли не с первого дня.

— И он тебя ударил?

— Ах, это? — она отмахнулась, считая, что это ерунда.

— А что ты имеешь в виду, говоря, что он эгоистичен?

— Просто эгоистичен и все, — по-детски ответила она. — Он самый эгоистичный тип, которого я когда-либо встречала в жизни. Никогда не видела никого более эгоистичного.

— И что он делал такого эгоистичного? — продолжил выпытывать Гарнет.

— Да все! Он был так чертовски скуп! — она выглядела серьезной, и глаза у нее были грустными. — Ненавижу, когда кто-то так скупится. Я про деньги, — презрительно пояснила она. — Он из-за этого выходил из себя, ругал меня и грозил, что бросит, если я не буду делать, как он говорит.

Тут она с тем же серьезным видом ругнулась: — Черт возьми!

— А как случилось, что он тебя ударил?

— Да он не хотел. Это я пыталась его стукнуть — из-за того, что он сделал, — а он хотел меня удержать, поэтому я и налетела на перегонный куб.

— Перегонный куб?! — воскликнул пораженный Гарнет.

— Ну, женщина, у которой мы снимали жилье на Бектон-стрит, держала его в нашей комнате, потому что ей больше нигде было его хранить.

— А почему Луэлин затащил тебя в такое место?

— Да это было прекрасное местечко, за исключением того, что хозяйка держала там этот куб. Мы искали жилье два или три дня, и это была единственная квартира, которую мы могли себе позволить, — она помолчала, словно предаваясь воспоминаниям, а затем добавила: — Она была очень миленькой и тихой.

— Хм... И вы вообще никогда не ладили?

— Нет, — она на секунду умолкла. — Он все испортил. Всегда беспокоился о том, правильно ли мы поступили. Он вскакивал с постели по ночам и ходил туда-сюда, переживая об этом. Я ни на что не жаловалась. Я была готова жить бедно, если бы мы жили душа в душу и были счастливы. К примеру, я хотела пойти на кулинарные курсы, а он мне не разрешил. Хотел, чтобы я весь день сидела в комнате и дожидалась его.

— Почему?

— Боялся, что мне захочется домой. В течение трех недель это были одни бесконечные ссоры с утра и до вечера. Я не могла этого вынести.

— Мне кажется, что многие из этих ссор были по пустячным поводам, — заметил Гарнет.

— Думаю, я не очень хорошо все это объяснила, — сказала она, и в ее голосе внезапно зазвучала усталость. — Я знаю, что многое из этого было глупо, и Луэлин тоже это понимал. Иногда мы мирились и были без ума друг от друга, как до свадьбы. Поэтому я и вернулась к нему. Но все было бесполезно, — она встала. — Что толку говорить об этом дальше? Вы все равно не поймете.

Гарнет прикинул, сможет ли он вернуться в свой офис до того, как Луэлин Кларк уйдет домой. С ним-то он сможет поговорить как надо, а эта девица, испытывающая первое разочарование юности, лишь смущала его. Однако

когда раздался звонок об окончании работы и Кларк доложил, что уходит ровно в пять, Гарнета снова охватило ощущение бессилия, и он пару мгновений безучастно смотрел на своего стажера, как будто никогда раньше его не видел.

Луэлин Кларк выглядел старше своих двадцати лет — высокий худощавый молодой человек с темно-рыжими волосами с отливом и карими с золотинкой глазами. Он был немного нервозен, талантлив и нетерпелив, и Гарнет не мог углядеть в его сдержанном внимательном взгляде и намека на эгоизм.

— Я слышал, ты недавно женился, — Гарнет сразу взял быка за рога.

Краска, бросившаяся в лицо Кларка, оттенком немного напоминала цвет его волос.

— Кто это вам рассказал? — спросил он.

— Люси Уортон. Она мне рассказала все.

— Ну, тогда вы все знаете, сэр, — почти грубо ответил Кларк. — Во всяком случае, вы знаете достаточно.

— И что ты намереваешься делать?

— Я не знаю, — Кларк встал, грудь его вздымалась. — Я не хочу это обсуждать. Это мое личное дело, понимаете. Я...

— Присядь, Луэлин.

Юноша сел, на лице его пронеслась буря эмоций. Внезапно он сощурился, и на глаза навернулись слезы, порожденные отчасти утомлением от дневных трудов.

— Вот дьявол! — срывающимся голосом буркнул он и вытер глаза тыльной стороной ладони.

— Я все раздумывал, почему вы двое в конечном счете не поладили, — Гарнет опустил глаза и уставился на свой стол. — Ты мне нравишься, Луэлин, и мне нравится Люси. Почему бы вам не перестать валять дурака и не...

Луэлин решительно затряс головой.

— Я не буду, — бросил он. — Я из-за нее и пальцем не пошевелю. Пусть хоть в озеро бросится, мне без разницы.

— Зачем же ты тогда ее увез?

— Не знаю. Мы были влюблены почти год, и до брака, казалось, еще далеко. Все это случилось как-то внезапно.

— А почему вы не смогли ужиться?

— Разве она вам не рассказывала?

— Хочу услышать твою версию.

— Ну, все это началось в один прекрасный день, когда она выбросила деньги на ветер.

— Выбросила на ветер?

— Взяла все наши деньги и купила новую шляпку. Она стоила всего тридцать пять долларов, но это было все, что у нас тогда оставалось. Если бы я не нашел сорок пять центов в кармане старого костюма, мы бы остались без ужина.

— Понятно, — сухо заметил Гарнет.

*...Взяла все наши деньги и купила новую шляпку.
Она стояла всего тридцать пять долларов, но это было все,
что у нас тогда оставалось...*

— Потом... одно пошло вслед за другим. Она мне не доверяла, думала, что я не смогу о ней позаботиться, все твердила, что уедет домой к матери. В конце концов мы начали друг друга ненавидеть. Это было большой ошибкой, вот и все, и я, наверное, потрачу добрую часть своей жизни, расплачиваясь за нее. Погодите, все это еще выплывет наружу! — он горько усмехнулся.

— Может, надо было поменьше думать только о себе? — холодно бросил Гарнет.

Луэлин смотрел на него с нескрываемым удивлением.

— О себе? Мистер Гарнет, даю вам честное слово, если бы не вы, у меня бы и в мыслях не было так подумать. Я бы сейчас сделал все что угодно, чтобы избавить Люси от страданий, только жить с ней я не стану. В ней много хорошего, мистер Гарнет, — его глаза снова наполнились слезами: — Она такая смелая и честная, а порой такая милая! Я бы никогда не женился ни на ком другом, жизнью клянусь, но мы просто отравляли друг другу жизнь. Я вообще больше не хочу ее видеть.

«В конце концов, — подумал Гарнет, — это всего лишь древняя как мир попытка человека получить что-то даром — ни один из них не привнес в этот

брак ни капли терпимости или духовного опыта. Как ни тривиальны были причины их несовместимости, теперь она прочно обосновалась в их сердцах, и, быть может, они были правы, когда поняли, что это слишком поспешно начатое злосчастное путешествие закончено».

В тот вечер у Гарнета был долгий и тягостный разговор с Джорджем Уортоном, а на следующее утро тот отправился в Нью-Йорк, где провел несколько дней. Когда же он вернулся в Филадельфию, то сообщил, что брак Люси и Луэлина Кларка был аннулирован штатом Коннектикут по причине их слишком юного возраста. Теперь они были свободны.

II

Почти всем, кто знал Люси Уортон, она нравилась, и ее друзья доблестно приняли ее сторону в этом деле. Были, конечно, и те, кто посмотрел на это косо; кто-то ее не поддержал, а иных эта история позабавила; однако, поскольку по совету Чонси Гарнета все говорили, что Уортоны сами настояли на аннулировании этого брака, бремя этой истории легло не столько на плечи Люси, сколько на Луэлина. Он не стал парией: городская жизнь течет слишком быстро, чтобы долго мусолить какой-нибудь скандал, — однако он лишился дружеских контактов со многими сверстниками и до его ушей дошло много горьких и неприятных комментариев по поводу развода.

Он был парнишкой с тонкой душевной организацией, и в первые дни депрессии подумывал покинуть Филадельфию. Однако постепенно им овладело откровенное равнодушие, и, как ни старался, он не мог прочувствовать, что совершил что-то с нравственной точки зрения неправильное. Он думал о Люси не как о шестнадцатилетнем подростке, а лишь как о девушке, которую он безмерно любил. Какое значение здесь имел возраст? Разве люди не женились едва ли не в детстве сто-двести лет назад? День его побега с Люси был похож на экстатический сон; он, словно молодой рыцарь, презираемый ее отцом бароном, увозит ее, будто олицетворение самой юности, на своем скакуне глубокой ночью, и все в его власти.

А затем, еще до того, как с их глаз спала романтическая пелена, пришло осознание, что брак это сложная притирка двух человеческих жизней друг к другу и что любовь — лишь малая часть долгого супружества. Люси оказалась лишь привязанным к нему ребенком, которого он заполучил, чтобы развлекать, — очаровательным и несколько напуганным ребенком, вот и все.

Все это закончилось так же внезапно, как и началось. Луэлин упрямо двинулся своим путем, памятуя о совершенной ошибке. Его романтический порыв так быстро отцвел и обратился в прах, что уже через месяц милосердное воображение начало воспринимать произошедшее как нечто туманно-печальное, случившееся уже давно.

Однажды в июле он был вызван в личный кабинет Чонси Гарнета. Со времени их прошлого разговора прошел уже месяц; они перекинулись несколькими словами, и Луэлин заметил, что старик на него зла не держит.

Его это порадовало, ибо теперь, когда он чувствовал себя совершенно одиноким и оторванным от мира, в котором он вырос, самым важным делом в его жизни стала работа.

— Чем нынче занимаешься, Луэлин? — спросил Гарнет, выудив какой-то желтый проспект из россыпи бумаг на столе.

— Помогаю мистеру Карсону с муниципальным загородным клубом.

— Взгляни-ка на это, — он передал проспект Луэлину. — Это не золотая жила, а лишь рекламка с золотым обрезом. Речь о синдикате из двадцати газет. Что им лучше всего предложить? Какой-нибудь магазинчик поблизости, небольшую аптеку или бакалейную лавку, которая могла бы хорошо вписаться в красивую улицу, не бросаясь в глаза. Или что-нибудь типа загородного коттеджа — тоже вполне подойдет. Или, наконец, небольшой фабричный дом отдыха.

Луэлин полистал брошюрку.

— Последние два проекта не так уж интересны, — сказал он. — Загородный коттедж — это, как вы сказали, вполне подойдет, но не дом отдыха. Мне бы хотелось попробовать для начала магазинчик, сэр.

Гарнет кивнул.

— Самое приятное в этом деле, что победивший в конкурсе проект сразу реализуется в виде здания — это и есть приз. Спроектированное здание. Ты его проектируешь, выставляешь на продажу, продаешь, а деньги идут в твой собственный карман. Речь о шести-семи тысячах долларов, а у прочих участников — молодых архитекторов, будет не больше шестисот-семисот.

Луэлин еще раз просмотрел проспект, на сей раз внимательно.

— Мне это нравится, — сказал он. — Я хотел бы попробовать спроектировать магазин.

— Ну, у тебя есть месяц. И я был бы вовсе не против, Луэлин, если бы приз, о котором я тебе говорил, попал в этот офис.

— Ну, твердо обещать я не могу.

Луэлин снова пробежал глазами по условиям и предложениям в брошюре; Гарнет при этом с любопытством за ним наблюдал.

— Кстати, — спросил он внезапно, — чем ты себя занимаешь, Луэлин?

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Ну, вечерами, по выходным... Ты где-нибудь бываешь?

Луэлин помедлил с ответом.

— Да теперь не особо...

— Знаешь ли, ты не должен позволять себе заикливаться с той историей...

— Да я и не заикливаюсь.

Мистер Гарнет аккуратно убрал свои очки в футляр.

— Люси не закичивается, — сказал он внезапно. — Ее отец сказал мне, что она пытается вести настолько нормальную жизнь, насколько это возможно.

Возникла минутная пауза.

— Я рад, — бесстрастно ответил Луэлин.

— Помни, что теперь ты свободен, как птица, — сказал Гарнет. — Не позволяй себе ожесточаться. Отец и мать Люси поощряют ее приглашать гостей и ходить на танцы — вести себя так же, как прежде.

— Пока не появился Рудольф Рассендилл¹, — мрачно заметил Луэлин. Он поднял брошюру. — Могу я оставить это себе, мистер Гарнет?

— О, да, — работодатель юноши махнул рукой, позволяя ему на время отойти от текущих дел. — Скажи мистеру Карсону, что я временно отстраняю тебя от работы над проектом загородного клуба.

— Я могу закончить и этот проект, — быстро сказал Луэлин. — На самом деле...

Луэлин вовремя прикусил язык. Он уже собирался было заметить, что и так практически все делает сам.

— Что?

— Ничего, сэр. Большое спасибо.

Луэлин ушел, возбужденный возможностью новой работы и успокоенный новостями о Люси. Как намекнул мистер Гарнет, это снова была прежняя Люси; в конце концов, возможно, ее жизнь не была разрушена так уж безвозвратно. Если находились мужчины, которые ее навещали, водили ее на танцы, значит, были люди, которые о ней заботились. Он поймал себя на мысли о том, что чуточку их жалеет: если бы они знали, каким наказанием она была; с ней же совершенно невозможно иметь дело, даже разговаривать нормально нельзя. При мысли о потерянных с ней неделях он вздрогнул, словно припомнил ночной кошмар.

Вернувшись в свой небольшой кабинет вечером, Луэлин поэкспериментировал, сделав несколько предварительных набросков. Он работал допоздна, воображение его разыгралось от поставленной задачи, но на следующий день результат показался ему слишком претенциозным — похожим на дизайн чайного магазинчика. Он нацарапал поверх «Старомодная мясная лавочка — очень грязная», а потом порвал лист в клочья и выбросил их в мусорную корзину.

В первые недели августа Луэлин продолжал трудиться над планами загородного клуба, надеясь, что к концу отведенного ему времени на него снизойдет вдохновение для работы над личным проектом. Но однажды случилось происшествие, страх перед которым давно обосновался в тайных уголках его мозга: идя домой по Честнат-стрит, он неожиданно столкнулся с Люси.

¹ *Рудольф Рассендилл* — главный герой опубликованного в 1894 г. приключенческого романа «Пленник замка Зенда» английского писателя Энтони Хоупа.

Было около пяти вечера, и кругом была толчея. В этом людском водовороте они внезапно оказались лицом к лицу, а потом их понесло рядом, словно сама судьба заставила эту клубящуюся многолюдную толпу столкнуться их вместе.

— О, Люси! — воскликнул он, машинально приподняв шляпу. Она опешила и испуганно воззрилась на Луэлина. Какая-то женщина с сумками налетела на нее, и из руки Люси выскользнул кошелек.

— Большое спасибо, — сказала она, когда Луэлин его поднял. Голос у нее был напряженный и какой-то неживой. — Все в порядке. Давай его сюда. У меня тут машина.

Их взгляды на мгновение пересеклись, они холодно-отстраненно смерили взглядом друг друга, и он живо припомнил их последнюю встречу — как они стояли вот так же и с холодной ненавистью смотрели друг на друга.

— Уверена, что тебе не нужна помощь.

— Верно. Наша машина стоит тут, у обочины.

Она быстро кивнула в сторону, и Луэлин заметил краем глаза незнакомый лимузин, а в нем какого-то невысокого улыбающегося мужчину лет сорока, который секундой позже помог ей сесть в машину.

Луэлин побрел домой; впервые за несколько недель он был зол, взволнован и растерян. Он уже должен был это пережить. Однако со времени их расставания до этой случайной встречи прошло не так много времени; раны были еще слишком свежими, и они легко открылись.

«Вот дурочка! — сказал он себе с горечью. — Эгоистичная дурочка! Она вообразила, что я смогу пройти с ней по улице, как будто ничего и не было. Она смеет воображать, что я сделан из такого же хлипкого материала, как и она сама!».

Ему страстно захотелось ее отшлепать, наказать, как несмышленного малыша. До обеда он ходил взад и вперед по своему кабинету, перебирая в уме все бесплодные споры, упреки, проклятия и вспышки ярости, из которых состояла их короткая супружеская жизнь. Он прокручивал в голове каждую их ссору от банального начала до того момента, когда они, к счастью, выдыхались, и это заставляло их почти истерично бросаться друг другу в объятия. Однако краткий миг покоя проходил, а бессмысленное жалкое противостояние двух людей начиналось вновь.

«Люси, — услышал он собственный внутренний голос, — послушай меня. Дело не в том, что я хочу, чтобы ты сидела тут и ждала меня. Я волнуюсь за твои руки, Люси. Ну вот пошла бы ты на эти кулинарные курсы и обожгла бы там свои красивые ручки. А я не хочу, чтобы твои руки огрубели и обветрились, ты только потерпи до следующей недели, когда я получу свои деньги. Я этого просто не вынесу! Ты слышишь? Я не позволю, чтобы моя жена это делала! Упрямиться бессмысленно».

Он устало, словно эти споры происходили в действительности и изматывали его, опустился на стул и без всякого энтузиазма потянулся за своими

чертежными инструментами. Разложив их, он начал делать наброски, комкая каждый лист еще до того, как на нем появлялась хотя бы дюжина линий. «Это ее вина, — шептал он про себя, — это все ее вина. Я бы и за пятьдесят лет не смог ее изменить».

И все же загорелое юное личико, которое так резко и четко смотрелось на фоне августовских сумерек и возбужденной спешащей толпы, в тот день не выходило у него из головы.

«Ну конечно! Наша машина у обочины...».

Луэлин покачал головой и попытался хмуро улыбнуться.

«Ну что же, — подумал он. — Кое за что я даже благодарен. Наконец-то после всей этой истории я смогу умыть руки».

Он уже довольно долго сидел, глядя на чистый лист ватмана, однако потом, взяв карандаш, начал набрасывать в углу легкие штриховые линии. Он занимался этим отстраненно и мимоходом, словно бы движениями его пальцев руководил кто-то посторонний. Потом он разочарованно посмотрел на получившийся результат, перечеркнул его и вновь принялся за работу.

Внезапно он выбрал другой карандаш, взял линейку и сделал измерение на бумаге, потом еще одно. Прошел час. Эскиз оформился, его очертания стали четче, некоторые изменения были произведены благодаря ластике, и теперь набросок предстал в улучшенном виде. Часа через два Луэлин выпрямился, оторвав от бумаги сосредоточенный взгляд, и невольно вздрогнул от удивления. Рядом с ним на подносе лежала дюжина недокуренных сигарет.

Когда он наконец выключил свет, была половина пятого. Снаружи по еще темным улицам грохотали развозившие молоко фургоны; первые солнечные лучи, заливавшие розоватым светом крыши домов напротив, падали на чертежную доску с плодами его ночных трудов. Это был план загородного бунгало.

III

Один августовский день сменял другой, а Луэлин продолжал думать о Люси с некоторым раздражением и даже презрением. Если она смогла так легко отнестись к тому, что произошло всего два месяца назад, значит, он растратил свои чувства на девушку, которая по сути была весьма поверхностной. Это обесценивало его представление и о ней, и о себе, и обо всей этой истории. Ему снова пришла в голову мысль покинуть Филадельфию и начать новую жизнь где-нибудь западнее, но интерес к исходу объявленного конкурса заставил его отложить отъезд еще на несколько недель.

Сего чертежей сделали копии, которые были отправлены по почте. Мистер Гарнет осторожно отказался делать какие-либо предсказания, но Луэлин

знал, что каждый, кто видел их, приходил в некоторое волнение. Облик бунгало родился из ниоткуда, из воздуха; таких проектов раньше не было. Его стиль не был ни итальянским, ни елизаветинским, ни ново-английским, ни калифорнийско-испанским; и это не было смешением стилей. Кто-то сказал, что это напоминает шалаш на дереве, и само это название вызывало улыбку; однако очарование проекта проистекало не столько из его причудливости, сколько из виртуозности замысла в целом — оригинальные пропорции, необычный и в то же время удивительно знакомый скат крыши, входная дверь, похожая на потайную дверцу в сказку. Чонси Гарнет отметил для себя, что это был «одноэтажный небоскреб», и он такого никогда не видел, и что бесспорный талант Луэлина раскрылся за одну ночь. И хотя организаторы конкурса, вероятно, рассчитывали на что-то более ординарное, у этого проекта была возможность получить награду.

Луэлин свято верил, что победит. Когда ему напоминали, что ему всего двадцать один год, он хранил молчание, зная, что сколько бы ни прошло, ему никогда не будет больше двадцати одного года. Жизнь предала его. Он растратил себя на никчемную девчонку, и теперь мир безжалостно наказывал его за это, словно бы он растранижил чужую душевную энергию. Вновь встретив Люси на улице, он прошел мимо нее, не удостоив взглядом, а потом вернулся к своим занятиям, однако день был испорчен; его преследовал облик этого юного тающего вдали лица с неискренним упреком в брошенном на него взгляде.

Примерно через неделю он получил письмо из Нью-Йорка, в котором сообщалось, что из четырехсот представленных проектов жюри конкурса выбрало его работу как наилучшую. Сохраняя внешнее спокойствие, Луэлин вошел в кабинет мистера Гарнета и с гордостью положил эту депешу на стол работодателя.

— Мне это доставляет особое удовольствие, — сказал он, — потому что, прежде чем уехать отсюда, я хотел увидеть что-нибудь, подтверждающее вашу веру в меня.

На лице мистера Гарнета возникло озабоченное выражение.

— Это из-за истории с Люси Уортон, верно? — спросил он. — Ты все еще не можешь выбросить ее из головы?

— Видеть ее больше не могу, — ответил Луэлин. — Каждый раз чувствую себя каким-то... дьяволом.

— Но ты не можешь уехать, пока не построят твое бунгало.

— Возможно, я приеду и взгляну на него позже. Хочу отбыть сегодня же вечером.

Гарнет задумчиво на него посмотрел.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты уезжал, — сказал он. — Скажу тебе то, чего говорить не собирался. О Люси тебе больше вообще не стоит беспокоиться — ты за нее больше не в ответе.

— Почему это? — Луэлин почувствовал, как забилося его сердце.

— Она собирается замуж за другого.

— За другого? — машинально повторил Луэлин.

— За Джорджа Хеммика, который представляет бизнес ее отца в Чикаго. Они собираются там поселиться.

— Ясно...

— Уортоны в восторге, — продолжил Гарнет. — Думаю, они приняли это достаточно серьезно — возможно, глубже, чем оно того заслуживает. Мне жаль, что основная тяжесть всей этой истории легла на твои плечи. Однако я уверен, Луэлин, что рано или поздно ты встретишь девушку, которую по-настоящему заслуживаешь, а пока разумнее будет всем вовлеченным сторонам вообще забыть о случившемся.

— Но я-то забыть не могу, — сдавленно ответил Луэлин. — Я не понимаю, как вы так спокойно об этом говорите — все вы — Люси, ее отец и мать, вы... Сначала разыгрывали невероятную трагедию, а теперь предлагаете обо всем забыть! Сначала я был едва ли не исчадием ада, а теперь должен отправиться на поиски девушки своей мечты. Люси при этом собирается выйти за кого-то замуж и жить в Чикаго. Ее родители чувствуют себя прекрасно, потому что наше бегство не попало в газеты и не ударило по их социальному статусу. Как все замечательно обернулось!

Луэлин умолк, как будто лишившись дара речи; он был ошеломлен и сломлен таким безразличием общества к своей персоне. Все было глупой суетой, и сами его душевные терзания были бессмысленны и совершенно напрасны.

— Ну, по крайней мере, теперь я понимаю, — сказал он наконец иным, жестким тоном, — что с самого начала и до конца всей этой истории я был единственным, кто отнесся ко всему этому серьезно.

IV

Небольшой домик, не сказать, что фешенебельный, но притягательный, поблескивающий, как свежевывкрашенная игрушка, голубоватым цветом, как у яичной скорлупы¹, красиво выделялся на фоне безоблачного неба. Уютно устроившийся на недавно уложенном газоне между двумя другими бунгало, он сразу останавливал на себе взгляд и задерживал его на некоторое время, затем уголки ваших губ растягивались в улыбке, какую обычно вызывают малыши. Вы начинали фантазировать, что же скрывается в том теремке — наверняка что-то очаровательное и немного сказочное. Казалось, что всю фронтальную стену можно было приподнять, словно у кукольного домика; и у вас возникало

¹ В оригинале robin egg blue — оттенок голубого, похожий на цвет яичной скорлупы странствующего дрозда (*Turdus migratorius*).

непреодолимое желание заглянуть внутрь и полюбопытствовать, что именно там происходит.

Задолго до приезда Луэлина Кларка и мистера Гарнета вокруг собралась небольшая толпа, и требовались постоянные усилия двух полицейских, чтобы не дать людям прорваться через добротный забор и вытоптать крохотный садик. Когда их машина вывернула из-за угла и взгляд Луэлина впервые упал на этот домик, он почувствовал ком в горле. Это был его собственный дом, — нечто, порожденное силой его мысли. Внезапно он понял, что не должен его продавать, и больше всего на свете он хочет остаться его обладателем. Этот дом раскрывал всю суть его любви; он мог стать самым светлым и теплым местом, где он отдохнет от любых разочарований, которые могла преподнести ему жизнь. И в отличие от любви этот дом не будет расставлять ему ловушек. Его карьера открывала перед ним светлый путь, и впервые за многие месяцы он был безумно счастлив.

Речи и поздравления доносились до него словно из тумана. Когда он встал, чтобы сбивчиво произнести благодарственные слова, даже вид Люси, стоявшей рядом с другим мужчиной на краю толпы, не вызвал у него той боли, которую он испытал месяц назад. Все это было уже прошлым, и только будущее имело значение. Всем своим сердцем, из которого исчезла горечь сожалений, он надеялся, что она, без сомнения, будет счастлива.

Потом, когда толпа рассеялась, Луэлин почувствовал, что ему необходимо побыть одному. Все еще пребывая в каком-то трансе, он снова вошел в дом и стал переходить из комнаты в комнату, почти с нежностью касаясь стен, мебели и оконных переплетов. Он отдернул шторы и выглянул в садик, постоял немного на кухне и представил, как там на светлых досках стола лежит свежее выпеченный хлеб с маслом, а на плите поет готовый закипеть чайник. Затем он прошел назад через столовую, отметив, что вечерний свет льется через окно именно так, как он и планировал, а потом в спальню, полюбовавшись, как ветерок слегка колышет край занавески; создавалось такое впечатление, что в доме уже кто-то живет. «Сегодня я буду спать в этой комнате», — подумал Луэлин и отправился в магазинчик за углом купить еду для ужина на скорую руку. Ему было жаль тех, кто не был архитектором, кто не мог построить свой собственный дом, и он хотел, чтобы все в этом доме было установлено его собственными руками.

Вечерело, сгущались сентябрьские сумерки. Вернувшись из магазинчика, он выложил на обеденный стол свои покупки: холодного жареного цыпленка, хлеб, джем и бутылку молока. Неторопливо поужинав, он откинулся на спинку стула и выкурил сигарету, обводя глазами стены. Вот он, настоящий домашний очаг. Воспитанный многочисленными тетушками, Луэлин не мог сказать, что ранее у него было собственное жилище, конечно, если не считать дома, где он жил с Люси. Те полупустые комнаты, в которых они вместе были так несчастны, тем не менее были чем-то вроде дома. Он словно бы заглянул в далекое прошлое, бросив взгляд и на себя, и на нее.

Бедные дети! Неудивительно, что их любовь, совершенно не выдержав гнета тех душных стен, предприняла трепетное усилие выжить, а затем быстро угасла без подкрепления.

Прошло с полчаса. Снаружи царила мертвая тишина, если не считать алая какой-то взбудораженной собаки в дальнем конце улицы. Отвлеченный незнакомой, почти мистической окружающей обстановкой, Луэлин перестал думать о недавно случившемся; он предавался воспоминаниям о том дне, когда год назад впервые встретил Люси. Крошка Люси Уортон! Как он был тронут ее доверием к нему, ее уверенностью в том, что в двадцать лет он обладает жизненным опытом.

Он встал и начал медленно ходить взад и вперед по комнате, затем внезапно остановился — в его доме впервые прозвучал дверной звонок. Он открыл, и в дом вошел мистер Гарнет.

— Добрый вечер, Луэлин, — сказал он. — Я вернулся, чтобы посмотреть, счастлив ли король в своем замке.

— Присаживайтесь, — в волнении ответил Луэлин. — Я должен спросить вас кое о чем. Почему Люси собирается выйти замуж за того мужчину? Я хочу это знать!

— Я, кажется, уже говорил тебе, что он намного старше, — спокойно ответил Гарнет. — И ей кажется, что он ее понимает.

— Я хочу ее увидеть! — воскликнул Луэлин, прислонившись в отчаянье к каминной полке. — Я не знаю, что мне делать! Мистер Гарнет, мы любим друг друга, разве вы этого не понимаете? Как вы можете находиться в этом доме и не понимать этого? Этот дом — ее и мой. Здесь в каждой комнате витает дух Люси. Она появилась, когда я ужинал, и села рядом со мной; я только что видел ее перед зеркалом в спальне, она расчесывала волосы...

— Она стоит на крыльце, — тихо перебил его Гарнет. — Думаю, она хочет поговорить с тобой. Через несколько месяцев у нее родится ребенок.

Некоторое время Чонси Гарнет ходил по опустевшей комнате, разглядывая там и сям то одну, то другую деталь, пока стены этого бунгало, казалось, не исчезли и не превратились в стены маленького домика, в который он привел свою жену более сорока лет назад. Этого дома — подарка его тестя — давно уже не существовало, и этому новому поколению он показался бы чудовищным. Тем не менее в течение многих давно канувших в прошлое вечеров, когда он сворачивал к его дверям и в его окнах весело вспыхивали газовые горелки, он обретал такой душевный покой, какой не мог с тех пор обрести ни в одном другом доме.

Ни в одном другом, кроме этого. Этот дом обладал той же невысказанной тайной. Быть может, такое ощущение возникало оттого, что его старческий мозг совместил оба этих дома, или все дело было в любви, которая и создала его благодаря страдающему сердцу Луэлина? Оставив этот вопрос без ответа, Гарнет машинально взял свою шляпу и вышел на темное крыльцо, едва взглянув на одинокую тень на скамье веранды в нескольких ярдах от него.

— Видите ли, — сказал он, словно бы разговаривая сам с собой, — я так и не удосужился оформить документы для признания этого брака недействительным. Я тщательно все обдумал и понял, что вы двое — славные люди. И мне показалось, что в конце концов вы поступите правильно. С хорошими людьми так обычно и бывает.

Дойдя до тротуара, он еще раз глянул на дом. И снова его мысли — или глаза — словно заволокло туманом, и ему показалось, что это был его собственный дом сорокалетней давности. Затем, чувствуя себя немного неловко из-за того, что влез в чужие дела, он повернулся и торопливо зашагал по улице.

САМОНАДЕЯННОСТЬ

I

Сидя у окна и глядя на ранние осенние сумерки, Сан-Хуан Чендлер думал только о том, что завтра приезжает Ноэль; но когда, издав мечтательный полувздых-полузевок, он отвернулся от окна, щелкнул выключателем и посмотрел на себя в зеркало, на его лице появилось выражение более приземленной заботы. Он придвинулся к зеркалу поближе. Его деликатность запротестовала против отвратительного слова «прыщ», однако именно этот недостаток, без всякого сомнения, появился на его щеке за последний час, и теперь вместе с двумя, возникшими на прошлой неделе, он сформировал некое тревожное созвездие. Войдя в ванную, примыкавшую к его комнате, — у Хуана никогда раньше не было отдельной ванной комнаты, — он открыл аптечку; порывшись в ней, осторожно извлек многообещающую на вид скляночку с темной липкой мазью и нанес ее на верхушки каждого из трех небольших бугорков. Приобретая необычно пятнистый вид, он вернулся в спальню, погасил свет и возобновил наблюдение, глядя на сумеречный сад.

Он ждал. Вон та крыша среди деревьев на холме — дом Ноэль Гарно. Она вернется завтра, и он ее там увидит... Часы на лестнице гулко пробили семь. Хуан подошел к зеркалу и стер мазь носовым платком. К его досаде, красные пятнышки не исчезли, а стали даже заметнее от раздражающего действия мази. Значит, решено — никаких молочных коктейлей с шоколадом, никаких перекусов между едой во время визита в Калпеппер-Бей. Открыв баночку с тальком, замеченную на туалетном столике, он припудрил щеку пуховкой. Тотчас же его брови и ресницы побелели, словно от инея, и он судорожно закашлялся, отметив, что этот унизительный треугольник по-прежнему заметен на его вполне симпатичном лице.

— Отвратительно, — пробормотал он. — Никогда не видел ничего более отвратительного!

К двадцати годам такие проявления переходного возраста должны были остаться позади.

Внизу мелодично и звонко раздались три удара в гонг. На мгновение он заслушался, очарованный этими звуками. Затем стер пудру с лица, провел расческой по своим светло-желтым волосам и спустился к ужину.

Ужины у тетушки Кору Хуан находил утомительными. Тетя была весьма требовательна к правилам хорошего тона и слишком хорошо осведомлена о личных делах Хуана. В первый же вечер после приезда он попытался галантно пододвинуть ей стул, но налетел на горничную; следующим вечером он решил ничего не предпринимать, однако то же сделала и горничная, и тетушка Кора уселась без чьей бы то ни было помощи. Дома Хуан привык вести себя так, как ему хотелось; как всем детям любвеобильных и снисходительных матерей, ему недоставало уверенности в себе и хороших манер. Этим вечером были гости.

— Это Сан-Хуан Чендлер, сын моей кузины, а это миссис и мистер Холиоук.

Фраза «сын моей кузины», казалось, объясняла его прищлость, указывала на его положение в доме мисс Чендлер: «Ну, вы же понимаете — время от времени мы должны терпеть наших бедных родственников». Намекнуть на это особой интонацией голоса было бы грубо, а тетушка Кора при ее общественном положении не могла быть грубой.

Мистер и миссис Холиоук отнеслись к представлению сдержанно-учтиво, и ужин был подан. Разговор, затеянный тетушкой Корой, был Хуану откровенно скучен. Речь шла о саде и о ее отце, ради которого она жила и который медленно и неохотно доживал свое в одной из верхних комнат.

Когда подали салат, Хуан был вовлечен в беседу вопросом мистера Холиоука и быстрым взглядом своей тетушки.

— Я тут только на неделю, — вежливо ответил он, — а потом мне нужно домой, потому что скоро начнется колледж.

— Что за колледж?

Хуан назвал колледж и добавил, почти извиняясь:

— Видите ли, мой отец учился там.

Ему хотелось бы ответить, что он учится в Йеле или в Принстоне, куда бы он мечтал попасть. Хуан был заметным учеником в Хендерсоне и членом хорошего студенческого клуба, но его раздражало, когда кто-то впервые слышал о его альма-матер.

— Думаю, вы перезнакомились со всей здешней молодежью, — предположила миссис Холиоук. — И с моей дочерью тоже.

— О, да, — подтвердил Хуан (ее дочь была коренастой неказистой девицей в очках с толстыми стеклами). — Конечно, — и добавил: — Кое-кого из местных я знал еще до приезда.

— Малышку Гарно, — пояснила тетушка Кора.

— Ах да, Ноэль Гарно, — кивнула миссис Холиоук. — Мать у нее писаная красавица. Сколько теперь Ноэль? Должно быть...

— Семнадцать, — подсказал Хуан. — Но выглядит она старше.

— Хуан повстречал ее прошлым летом. Они вместе были на этом ранчо. Как они называют такие ранчо, Хуан?

— Пижонские.

— Пижонские ранчо. Хуан и еще один мальчик работали там за еду и ночлег. — Хуан не считал, что у тетушки Коры есть повод все это выкладывать. — Мать Нозль забрала ее оттуда от греха подальше, но Хуан говорит, что на самом ранчо было весело.

Мистер Холиоук наконец-то решил сменить тему.

— Так значит тебя зовут... — начал он, вопросительно улыбаясь.

— Сан-Хуан Чендлер. Мой отец был ранен в битве при Сан-Хуане¹, поэтому он так и назвал меня — подобно Кенсо Маунтин Лэндису².

Он объяснял это столько раз, что фразы выскакивали автоматически. В школе его называли Санти, в колледже — Доном.

— Вы должны у нас отобедать, пока тут гостите, — рассеянно заметила миссис Холиоук.

Потом он начал терять нить разговора, поскольку снова живо представил себе, как завтра появится Нозль. Она приедет потому, что он здесь. Получив его письмо, она быстро свернула свое пребывание в Андирондаке. Станет ли она теперь так же тепло относиться к нему? Ведь здесь все иначе, не так, как в Монтане. Здесь, в Калпеппер-Бей, такой размах, в воздухе пахнет деньгами и развлечениями, к которым Сан-Хуан Чендлер, застенчивый, симпатичный, способный бедный юноша из маленького городка в Огайо, — не привык. В родных краях, где его отец был заштатным священником, Хуан общался с милыми простыми людьми. До своего приезда на фешенебельный курорт Новой Англии он даже не представлял, что существует множество богатых семейств, которые образуют самодостаточные кланы; такие замкнутые группы возникают неизбежно. На «пижонском ранчо» они все одевались одинаково; здесь же его костюмчик в стиле принца Уэльского казался претенциозным, его шляпа, в принципе модная, была пародией на шляпу, его лучшие галстуки — лишь слабым подобием тех невыразимо совершенных платонических³ галстуков, какие носили здесь, в Калпеппер-Бей. Однако различия во всем были столь тонкими, что он едва мог их уловить.

С того самого утра, когда три дня назад, сойдя с поезда, он попал в группку молодых людей, которые ожидали на платформе своего товарища, ему было не по себе; и манера тетушки Коры представлять его знакомым, — словно она его им навязывала, — не уменьшала его беспокойства. Он твердил себе, что она была лишь любезна, и что ему просто повезло, поскольку тетуш-

¹ Битва у холма Сан-Хуан первого июля 1898 г. была решающим сражением в испано-американской войне за передел колониальных владений.

² Американский судья Кенсо Маунтин Лэндис был назван по горе Кенсо (англ. Kenesaw Mountain) в штате Джорджия, где его отец потерял ногу во время Гражданской войны.

³ Древнегреческий философ Платон считал, что наш мир является лишь подобием потустороннего совершенного мира чистых идей.

кино приглашение совпало с его безумным желанием снова увидеть Ноэль Гарно. Он еще не до конца осознавал, что за эти три дня успел возненавидеть холодно-высокомерную опеку тетушки Кору.

На следующее утро решительный юный голос Ноэль в телефонной трубке заставил его собственный голос дрогнуть от счастья. Она заглянет к нему в два, и остаток дня они проведут вместе. Все утро Хуан пролежал в саду, безуспешно пытаясь подновить свой летний загар с помощью бледно-лимонных лучей сентябрьского солнца и порывисто вскакивая, стоило ему только слышать звук садовых ножниц тетушки Кору на границе с соседним участком. Он уже был в своей комнате и безуспешно возился с усыпанной тальком пуховкой, когда снаружи остановился родстер Ноэль и она направилась к дому по главной дорожке.

Глаза у нее были темно-синие, почти фиалковые, а губы, как часто представлялось Хуану, были похожи на две маленькие и очень мягкие красные подушечки, однако слово «подушечки» тут совершенно не подходило, потому что на самом деле они были самыми нежными в мире. Когда она начинала говорить, они приоткрывались, принимая вид буквы «О», а глаза широко распахивались, будто она собиралась то ли пустить слезу, то ли расхотаться от остренькой фразы, ею же сказанной. Уже в семнадцать она знала, что мужчин цепляют ее слова, да так сильно, что это ее пугало. Для Хуана самые пустяковые ее замечания приобретали необыкновенную весомость и воздействовали на него столь эффектно, что иногда ее это даже раздражало.

Хуан сбежал вниз по лестнице и устремился к ней по усыпанной гравием дорожке.

«Ноэль, моя дорогая, — так и хотелось сказать ему, — ты прекраснейшее создание, ты просто чудо как хороша! Мое сердце так и выпрыгивает из груди, когда я смотрю на твое милое личико и ощущаю восхитительный свежий аромат, что витает вокруг тебя». И это было бы чистойшей и непреложной истиной. Вместо этого он промямлил:

— А, привет, Ноэль! Как ты?.. Ну, конечно, я рад... Это твоя машина? Какой марки? Ну, ты правда классно выглядишь...

И он не мог на нее смотреть, потому что, когда он это делал, его собственное лицо начинало вести себя по-дурацки, как будто было чужим. Хуан забрался в машину, они поехали, и он прилагал огромные усилия, чтобы держать себя в руках, но когда ее рука соскользнула с руля и легонько коснулась его руки, какой-то немислимый инстинкт заставил его резко ее оттолкнуть. Ноэль заметила его смущение, которое ее озадачило и привело в замешательство.

Они отправились на соревнования по теннису в «Калпеппер-клуб». Он так мало обращал внимания на что-либо, кроме Ноэль, что позже сказал тетушке Коре, что теннис они не видели, и сам в это поверил.

Потом они слонялись по окрестностям, и множество людей их останавливали, чтобы поздравить Ноэль с возвращением домой. Два человека вызвали у него беспокойство; один — невысокий симпатичный юноша примерно его

возраста, с такими живыми карими глазами, и такими блестящими, словно это были стеклянные глаза совиного чучела; другой был рослым темным франтом лет двадцати пяти, который был ей представлен, как понял Хуан, по его же собственной просьбе.

Когда они оказались в компании девушек, он почувствовал себя более раскованно. У него проявилась способность беседовать; близость к Ноэль придавала ему уверенности. Дела пошли на лад.

Среди девушек была одна бойкая смазливая блондинка — Холли Морган, с ней когда-то он провел несколько приятных часов, в шутку за ней приударив, и, чтобы показать Ноэль, что до ее возвращения он зря времени не терял, он несколько раз приватно заговаривал с Холли Морган. Холли особо на это не велась. Хуан принадлежал Ноэль. Холли он нравился, но не настолько сильно, чтобы вызывать недовольство Ноэль.

— К которому часу ты ожидаешь меня к ужину, Ноэль? — спросила Холли.

— К восьми, — ответила Ноэль. — Билли Харпер тебя подхватит.

Хуан ощутил укол разочарования. Он думал, что они с Ноэль будут ужинать наедине, а после у них будет долгая беседа на темной веранде, и он поцелует ее в губы, как в ту незабываемую ночь в Монтане, и подарит значок «ДКЕ»¹. Возможно, другие уйдут пораньше, ведь он говорил Холли Морган о своей любви к Ноэль, и она должна быть достаточно сообразительной, чтобы понимать, чего он хочет.

В сумерках Ноэль подбросила его до ворот мисс Чендлер, и мгновение повременила, не заводя мотор. Предвосхищение вечера — первые огоньки в домах вдоль берега залива, звуки рояля вдали, легкая прохлада в воздухе — внезапно закружило и вознесло их обоих прямо в рай, о котором опьяненный восторгом и ужасом Хуан не мог и мечтать.

— Ты рад видеть меня? — прошептала она.

— Я? Рад? — слова застревали у него в горле.

Напрасно он отчаянно пытался выразить свои чувства речью, взглядом, жестом, — разум его цепенел от мысли, что он никогда и ни за что не сможет выразить то, что у него на сердце.

— Ты сбиваешь меня с толку, — промямлил он. — Не знаю, что и сказать.

Ноэль ожидала совсем другого ответа, о котором мечтала и на который готова была откликнуться, но она была слишком молода, чтобы понимать — за маской эгоизма и мальчишеской хмурости, которую Хуана заставила напаялить сила его влечения, таится буря эмоций.

— А ты не сбивайся, — ответила Ноэль.

¹ Речь о значке студенческого братства «ДКЕ» («Дельта Каппа Эпсилон»), которое было основано пятнадцатью второкурсниками Йельского университета в 1844 г. Это одно из старейших братств в Соединенных Штатах, насчитывающее десятки действующих отделений.

*Холли села за рояль. Ноэль взяла с его крышки
гавайскую гитару, забренчала
и стала подпевать. Билли Харпер
переворачивал ноты. Хуан беспокойно слушал;
удовольствия все это ему не доставляло.*

Она прислушивалась к звукам музыки, под которую они танцевали в Андирондаке. Ноэль словно пребывала под покровом волшебных чар, и воображаемый таинственный незнакомец, который всегда ожидал ее недалеко, склонялся перед ней в порыве страсти, глядя на нее темными чувственными очами. Почти машинально она завела авто и включила первую передачу.

— В восемь часов, — произнесла она рассеянно. — До свидания, Хуан.

Машина покатила по дороге. На углу Ноэль обернулась и помахала ему рукой, и Хуан помахал в ответ, счастливый как никогда в жизни; душа его растворялась в сладком флере, который приподнимал его тело над землей, точно воздушный шарик. Затем родстер исчез из виду, и он, сам того не подозревая, потерял ее навсегда.

II

Шофер тетушки Коры доставил его до двери Ноэль. Другой гость, Билли Харпер, как выяснилось, был тот самый молодой человек с блестящими карими глазами, которого они повстречали днем. Хуан его побаивался; он вел себя так расковано и фамильярно с обеими девушками — по отношению к Ноэль это казалось даже непочтительным, — что Хуан в разговоре за ужином почти не участвовал. Говорили об Андирондаке, и все, кажется, знали всю компанию, которая там была. Ноэль и Холли говорили о мальчиках из Кембриджа и Нью-Хэйвена и о том, как славно, что они будут учиться в Нью-Йорке. Хуан собрался было пригласить Ноэль на осенний бал в своем колледже, но подумал, что лучше подождать и сделать это позже в письме.

Девушки поднялись наверх. Хуан и Билли Харпер закурили.

— Она определенно привлекательна, — выпалил вдруг Хуан. Сдерживаемое напряжение наконец нашло выход в словах.

— Кто? Ноэль?

— Да.

— Она милая, — с серьезным видом кивнул Харпер. Хуан помусолил в кармане значок «ДКЕ».

— Она замечательная, — сказал он. — Мне очень нравится и Холли Морган — я даже приударил за ней вчера; и все-таки Ноэль — самая привлекательная из всех девушек, которых я когда-либо знал.

Харпер взглянул на него с любопытством, а Хуан, освободившись от необходимости принужденно и вымученно улыбаться, как он это делал за ужином, с чувством продолжил:

— Конечно, глупо морочить голову двум девушкам сразу. Я имею в виду — надо быть осторожным, чтобы не слишком сильно заиграться.

Билли Харпер не ответил. Ноэль и Холли спустились вниз. Холли предложила бридж, но Хуан в бридж играть не умел, поэтому они просто

сели побеседовать у камина. Как-то само собой Ноэль и Билли Харпер завели разговор о свиданиях и общих друзьях, а Хуан начал рисоваться перед Холли Морган, которая сидела рядом с ним на диване.

— Ты должна приехать на бал в нашем колледже, — предложил он внезапно. — Почему бы и нет? Это маленький колледж, но у нас отличная компания, и на балах весело.

— Я не против.

— Тебе надо будет только познакомиться с парнями из нашего братства.

— Что за братство?

Он достал значок «ДКЕ» из кармана.

— Видишь?

Холли изучила его, усмехнулась и вернула.

— Я хотел поступить в Йель, — продолжил он, — но все мои предки учились в этом заведении.

— Мне нравится Йель, — сказала Холли.

— Да, — согласился он рассеянно, слушая ее вполуха; его мысли были поглощены Ноэль. — Ты должна приехать. Я тебе еще напишу об этом.

Время шло. Холли села за рояль. Ноэль взяла с его крышки гавайскую гитару, забренчала и стала подпевать. Билли Харпер переворачивал ноты. Хуан беспокойно слушал; удовольствия все это ему не доставляло. Затем все вышли пройтись по сумеречному саду, где, оказавшись наконец рядом с Ноэль, Хуан быстро увлек ее вперед, пока они не остались наедине.

— Ноэль, — прошептал он, — вот мой значок. Я хочу, чтобы он был у тебя.

Она бесстрастно на него посмотрела.

— Я видела, как ты предлагал его Холли Морган, — сказала она.

— Ноэль! — воскликнул он в тревоге. — Я не предлагал. Просто показал. Ну же, Ноэль. Неужели ты думаешь...

— Ты пригласил ее на бал.

— Да не приглашал я ее. Просто хотел быть с ней полюбезнее.

Остальные были уже близко. Она быстро взяла значок и ласково приложила свой палец к его губам.

Он не понимал, что на самом деле она на него вовсе не сердилась: ни за значок, ни за приглашение на бал, но из-за его нелепого эгоизма ее интерес к нему угасал.

В одиннадцать Холли заявила, что ей пора домой, и Билли Харпер подогнал свою машину к парадным дверям.

— Я задержусь на несколько минут, если вы не против, — сказал Хуан, стоя в дверях рядом с Ноэль. — Я могу дойти домой и пешком.

Холли и Билли Харпер уехали. Ноэль и Хуан побрели обратно в гостиную, где она прошла мимо дивана и села в кресло.

— Пойдем на веранду, — предложил нерешительно Хуан.

— Зачем?

— Я уже перецеловала слишком много людей.
От меня ничего не останется, если я продолжу в том же духе.

— Ну пожалуйста, Ноэль.

Она неохотно согласилась. Они сели рядом на брезентовом диванчике, и он обнял ее за плечи.

— Поцелуй меня, — прошептал он. Никогда прежде она не казалась ему столь желанной.

— Нет.

— Почему нет?

— Не хочу. Я больше ни с кем не целуюсь.

— И со мной? — недоверчиво спросил он.

— Я уже перецеловала слишком много людей. От меня ничего не останется, если я продолжу в том же духе.

— Но меня же ты поцелуешь, Ноэль?

— С какой стати?

Он не мог просто сказать: «Потому что я люблю тебя». Но он сможет сказать, — он это знал, — когда она будет в его объятиях.

— Если я поцелую тебя, ты пойдешь домой?

— Разве ты хочешь, чтобы я пошел домой?

— Я устала. Прошлую ночь я была в дороге, а в поезде я совершенно не могу спать. А ты можешь? Я — никогда...

Ее манера вот так обрывать речь раздражала его.

— Ну тогда поцелуй меня один раз, — настоял он.

— А ты обещаешь?

— Сначала поцелуй.

— Нет, Хуан, сначала обещаю.

— Ты не хочешь меня поцеловать?

— О-о-ох! — простонала она.

Собравшись с духом, Хуан пообещал и тут же заключил ее в свои объятия. На мгновение коснувшись ее губ, почувствовав ее близость, он позабыл весь этот вечер, забыл самого себя, став тем романтичным Хуаном, которого она знала. Но было уже слишком поздно. Ее руки уже отталкивали его.

— Ты обещал.

— Ноэль...

Она встала. Смущенный и неудовлетворенный, он последовал за ней к двери.

— Ноэль...

— Доброй ночи, Хуан.

Когда они стояли на пороге, она посмотрела поверх темной линии древесных крон в сторону полной луны. Скоро с ней случится нечто яркое, подумала она, и мысли ее были далеко. Скоро произойдет то, что захватит ее и вынет из привычной жизни, беспомощную, восторженную, переполненную чувствами.

— Спокойной ночи, Ноэль. Ноэль, ну пожалуйста...

— Спокойной ночи, Хуан. Не забудь, завтра мы идем купаться. Было славно увидеть тебя снова. Спокойной ночи.

Она закрыла дверь.

III

Под утро он проснулся после беспокойного сна, подумав, что она не хотела целовать его из-за трех прыщиков на щеке. Он зажег свет и внимательно рассмотрел их. Два почти исчезли. Он пошел в ванную, покрыл все три черной мазью и юркнул обратно в постель.

Утром тетушка Кора сухо приветствовала его за завтраком.

— Прошлой ночью ты не давал уснуть бабушке, — сказала она. — Он слышал, как ты бродишь у себя в комнате.

— Я вставал только дважды, — с несчастным видом ответил он. — Мне очень жаль.

— Он должен выспаться, ты же знаешь. Мы должны быть более внимательны к тем, кто болен. Молодые люди не всегда думают об этом. Пока тебя не было, ему было намного лучше.

Было воскресенье, и они собирались искупаться у дома Холли Морган, где на удобном светлом пляже всегда собиралась компания. Ноэль заехала за ним, но они добрались до места прежде, чем какой-либо из его робких намеков на события вчерашнего вечера смог привлечь ее внимание. Он поболтал со знакомыми, его представили прочим, и опять ему стало не по себе от их веселой фамильярности при общении друг с другом и от подчеркнутой небрежности их костюмов. Он был уверен, что они заметили — в Калпепер-Бей он носит только один костюм, меняя порой лишь белые фланелевые брюки. Обе пары надо было погладить, однако после неприятностей, причиненных ночью бабушке, он чувствовал, что не стоит беспокоить тетушку Кору за завтраком.

Он снова попытался поболтать с Холли со смутной мыслью вызвать ревность Ноэль, но Холли была занята и ускользнула от него. Минут через десять ему самому удалось увильнуть от беседы с несносной мисс Холиоук. И в этот самый момент он к своему ужасу обнаружил, что Ноэль пропала.

Он видел ее в последний раз, когда она была увлечена какой-то пустячной, но весьма оживленной беседой с высоким отменно одетым незнакомцем, которого повстречала вчера. Теперь же ее нигде не было. Ощущая себя одиноким и несчастным, он слонялся по пляжу, стараясь делать вид, будто прекрасно проводит время, наблюдая за купающимися, а на самом деле высматривая Ноэль. Потом он почувствовал, что его самоуглубленное фланирование привлекает слишком много внимания, и с несчастным видом уселся на песчаную дюну рядом с Билли Харпером. Однако Билли Харпер не проявил ни любезности, ни желания побеседовать; через минуту он окликнул какого-то юношу на пляже и пошел к нему.

Хуан пришел в отчаянье. Потом он увидел Ноэль, спускавшуюся от дома вместе с высоким мужчиной; он порывисто вскочил, убежденный, что на его лице сейчас написано невероятное волнение.

Она махнула ему рукой.

— Пряжка от туфли отскочила, — сказала она. — Уходила ее чинить. Я думала, что ты пошел плавать.

Он стоял совершенно неподвижно, опасаясь, что собственный голос его выдаст. Он понял, что между ними все кончено — у нее появился кто-то другой. Немедленно Хуану захотелось улететь отсюда куда-нибудь далеко-далеко. Когда они подошли, высокий мужчина вскользь на него взглянул и

продолжил оживленную задушевную беседу с Ноэль. Внезапно они оказались окружены толпой знакомых.

Искося на них поглядывая, Хуан начал тихо и неуклонно перемещаться к воротам, которые выходили на дорогу. Он вздрогнул, когда чей-то мужской голос позади окликнул его: «Уже уходишь?» — и он как бы нехотя кивнул в сторону: «Пора». Скрывшись из виду за припаркованными машинами, он почти побежал, но притормозил под удивленными взглядами шоферов. До дома Чендлеров было полторы мили, а день был жарким, но Хуан шагал быстро, опасаясь, что Ноэль покинет компанию — «С этим типом!», — подумал он с горечью — и нагонит его, бредущего по дороге. Этого бы он уже точно не вынес.

Позади послышался гул автомотора. Хуан сразу же свернул с дороги и попытался спрятаться за первой попавшейся изгородью. Машина была незнакомая, но после этого он стал присматривать подходящие убежища, а открытые пространства старался преодолевать быстрым шагом или почти бегом.

Он уже видел дом своей тетушки, когда его все-таки настигли. Взярошенный и разгоряченный, он едва успел скрыться за деревом, в то время как мимо него по дороге промчался родстер Ноэль с высоким мужчиной за рулем. Хуан вышел из засады и посмотрел им вслед, а затем, ослепленный потом и отчаянием, продолжил свой путь к дому.

IV

За обедом тетушка Кора внимательно на него посмотрела.

— Что случилось? — спросила она. — Что-то случилось на пляже?

— Да нет, — воскликнул он с наигранным удивлением. — С чего вы это взяли?

— Вид у тебя какой-то забавный. Думается мне, у тебя не все гладко с этой малышкой Гарно.

Он ее ненавидел.

— Вовсе нет, ничего такого.

— Ты не должен думать о ней, — сказала тетушка Кора.

— Что вы хотите сказать? — он сразу понял, что она хочет сказать.

— И мечтать не смей о Ноэль Гарно. Не твоего поля она ягодка. — Лицо у Хуана горело. Он не нашел, что ответить. — Говорю тебе, все это глупости. Ты не в том положении, чтобы думать всерьез о Ноэль Гарно.

Скрытый смысл сказанного ранил глубже, чем слова. Он и сам понимал, что не чета Ноэль, быть первым парнем в Акроне недостаточно для Калпепер-Бей. Он понял, что чувствуют все юноши в его положении: за всякое везение, а именно так называла его мать поездку к тетушке Коре,

приходится расплачиваться потерей части собственного достоинства. Однако он не мог понять этот мир, настолько суровый, чтобы допускать такое положение дел. Его разум отвергал все это так же, как отвергал слово для обозначения трех пятнышек на его щеке. Он хотел выкрутиться от этой ситуации, исчезнуть, очутиться дома. Вознамерился было уехать завтра, но, учитывая состоявшийся утром душераздирающий разговор, решил объявить об этом вечером.

После полудня он взял в библиотеке детектив и удалился наверх, чтобы почитать в кровати. Дочитав книгу к четырем часам, он спустился вниз, чтобы взять вместо нее другую. Тетушка Кора была на веранде, накрывая три столика для чая.

— Я думала, ты в клубе, — удивилась она. — Я была уверена, что ты ушел в клуб.

— Я устал, — ответил он. — Хотел почитать.

— Устал! — воскликнула она. — В твоём-то возрасте! Вместо того, чтобы валяться и читать в такой день, тебе надо быть на свежем воздухе, играть в гольф; вот откуда у тебя этот прыщ на щеке. — Хуана передернуло: от его экспериментов с черной мазью оставшийся прыщ горел огнем.

— У меня нет клюшек, — поспешно возразил Хуан.

— Мистер Холиоук говорил тебе, что ты можешь использовать клюшки его брата. Он предупредил об этом кедди¹. Давай, беги прямо сейчас. Там всегда полно парней, которые хотят поиграть. Я уже было подумала, что ты скучаешь.

С ужасом Хуан представил, как он в одиночестве слоняется по лужайке для гольфа и в поле его зрения появляется Нозль. А ему больше не хотелось ее видеть, разве что как в тот прекрасный день в Монтане, и чтобы она подошла и сказала: «Хуан, я и представить себе не могла, просто не понимала, как сильно ты меня любишь».

Тут он вспомнил, что после обеда Нозль собиралась в Бостон. Значит, ее там не будет. Страх играть в одиночестве внезапно пропал.

Кедди недоверчиво на него взглянул, когда он вытащил свою гостевую карточку, и Хуан нервничая, заплатил за полдюжины мячей по доллару за каждый, чтобы нейтрализовать почудившуюся ему враждебность. У лунок для подростков² он огляделся. Было около четырех часов, вокруг — никого, только два старикана практиковали дальние удары с вершины небольшого холма. Прицелившись, он услышал, как кто-то шел по полю позади него, и вздохнул с облегчением после резкого удара, направившего его мяч на сто пятьдесят ярдов вперед.

— Играешь один?

¹ Кедди — помощник, обычно мальчик, подносящий клюшки и мячи при игре в гольф.

² Речь идет о месте, отведенном для «First Tee»; эта организация обучает подростков жизненным навыкам посредством уроков игры в гольф.

Он оглянулся. Коренастый широколицый мужчина лет пятидесяти с высоким лбом, выдающейся верхней губой и выступающей вперед челюстью доставал клюшку из объемистого мешка.

— Ну да...

— Не возражаешь, если я присоединюсь?

— Нисколько.

Хуан принял это предложение с каким-то угрюмым облегчением. Играли они почти на равных; уверенные короткие удары мужчины Хуан парировал редкими точными попаданиями издалека. Они еще не дошли до седьмой лунки, а разговор уже пошел живее, не ограничиваясь короткими подбадривающими репликами и самодовольными восклицаниями, какими обычно сопровождается партия в гольф.

— Что-то я раньше тебя тут не видел.

— Я приехал в гости, — отвечал Хуан, — остановился у моей тетушки, мисс Чендлер.

— О, да — я знаю мисс Чендлер очень хорошо. Та еще высокомерная старушенция.

— Какая? — удивился Хуан.

— Я сказал «высокомерная старушенция», снобизма в ней много. Без обид. Кажется, твоя очередь.

Через несколько лунок Хуан все-таки решился вернуться к замечанию своего партнера.

— Что вы имели в виду, когда сказали, что она высокомерная старушенция? — спросил он с любопытством.

— Ну, мы давно не в ладах с мисс Чендлер, — прямодушно ответил пожилой мужчина. — Она давнишняя подруга моей жены. Когда мы поженились и приехали на лето в Калпепер-Бей, она попыталась нас отсюда выжить. Сказала моей жене, что она зря вышла за меня. Я, мол, чужак.

— И что вы сделали?

— Да послал ее куда подальше. Потом она подуспокоилась, хотя и не отставала, но я никогда к ней всерьез не относился. Она пыталась встречать между нами еще до того, как мы поженились, — он рассмеялся. — Кора Чендлер из Бостона — как она верховодила в те дни над местными девицами! В двадцать пять лет у нее был самый острый язычок в Бэк-Бей. Они здесь были старожилками, ну, ты понимаешь — обедали с Эмерсоном, Уиттиером¹ и прочими. Моя жена тоже была из этой компании. А я — со Среднего Запада... Вот черт! Я совсем заболтался. Опять отстаю на два удара.

Хуану захотелось рассказать этому человеку о своей ситуации — не совсем как все было на самом деле, а добавив ей значимости и придав достоинства, коими она пока не обладала. В его воображении она предстала как извечная

¹ Ральф Эмерсон и Джон Уиттиер вместе с Генри Лонгфелло и Уильямом Брайантом составили плеяду лучших американских поэтов-романтиков.

борьба бедного юноши против снобистского мира, который кичится богатством. Такой поворот дела казался ему вполне утешительным, и он старался выкинуть из головы гораздо менее приятное соображение, что деньги были тут, в сущности, ни при чем. В глубине души он знал, что девушку оттолкнул от него злосчастный эгоизм, его излишнее смущение и нелепая попытка вызвать у нее ревность к Холли. Бедность имела тут лишь косвенное значение; при других обстоятельствах она могла бы даже привнести в ситуацию оттенок романтики.

— Я отлично понимаю, что вы должны были чувствовать, — выпалил Хуан, когда они подходили к десятой отметке. — У меня денег нет, но я влюблен в девушку, у которой они есть, и похоже, все доброхоты полны решимости нас разлучить.

На секунду Хуан сам поверил в сказанное. Его партнер внимательно на него взглянул.

— А девушка питает к тебе теплые чувства? — спросил он.

— Да.

— Тогда вперед, юноша, за ней! Все состояния мира наживались не в одночасье.

— Я все еще в колледже, — пробормотал ошеломленный Хуан.

— А подождать тебя она не может?

— Не знаю. Понимаете, давят на нее слишком сильно. Ее семья хочет, чтобы она вышла за богача, — он представил себе высокого, отменно одетого незнакомца, которого он повстречал этим утром, и дал волю фантазии. — Он из восточных штатов, и приехал сюда погостить. Боюсь, что вместе они собьют ее с толку. Ну, не он, так другой.

Его приятель задумался.

— Ну, все сразу не получить, ты же понимаешь, — сказал он после паузы. — Меньше всего я буду советовать юноше бросить колледж, особенно когда я ничего не знаю ни о нем, ни о его способностях. Однако если учеба мешает тебе заполучить девушку, может, стоит поискать работу?

— Я уже прикидывал, — хмуро ответил Хуан, хотя эта мысль промелькнула у него в голове десять секунд назад.

— В любом случае все современные девицы слегка того, — заявил мужчина в возрасте. — Начинают думать о кавалерах в пятнадцать, а в семнадцать сбегают с соседским шофером.

— Это верно, — задумчиво согласился Хуан. Его целиком захватила только что высказанная мысль. — Проблема в том, что я живу не в Бостоне. Если я брошу колледж, мне, конечно, захочется быть поближе к ней, ведь наверняка пройдет много месяцев, прежде чем я смогу ее обеспечивать. И я совершенно не представляю, как мне найти работу в Бостоне.

— Если ты племянник Коры Чендлер, это будет нетрудно. Она всех в городе знает. К тому же, возможно, родные твоей девушки тебе помогут, если ты ее заполучишь; некоторые из них достаточно чокнутые в наше безумное время.

— Мне это не слишком по душе.

— Девушки из богатых семей на облаках жить не могут, — сказал, ухмыльнувшись, мужчина.

Некоторое время они играли молча. И вдруг, уже под конец игры, партнер Хуана повернулся к нему, нахмурившись.

— Послушай, молодой человек, — сказал он. — Не знаю, действительно подумывал ли ты бросить колледж, или я только что подсунул тебе эту мысль. Если так, забудь об этом. Поезжай домой и поговори с родителями. И сделай то, что они тебе скажут.

— Мой отец умер.

— Ну, тогда спроси совета у матери. Ее сердце знает, что для тебя будет лучше.

Он говорил теперь менее дружелюбно, как будто сожалел, что каким-то образом влез в дела Хуана. Мужчина догадывался, что тот настроен серьезно, однако его готовность откровенничать с незнакомцем вызывала подозрение, как и его беспомощность в вопросах работы. Чего-то ему не хватало — не уверенности в себе, уж точно («наверняка пройдет несколько месяцев, прежде чем я смогу ее обеспечивать»), но какой-то явно выраженной напористости. Когда они вместе подошли к бунгалу кедди, мужчина пожал ему руку и уже хотел было уйти, но какой-то внутренний порыв заставил его сказать еще кое-что.

— Если решишься перебраться в Бостон, зайди ко мне, — сказал он, сунув в руку Хуана визитную карточку. — Пока. Удачи. Помни, женщина — она как машина на улице...

Он пошел в раздевалку. Расплатившись с кедди, Хуан взглянул на карточку, которую все еще сжимал в руке. «Гарольд Гарно, — прочел он. — Стэйт стрит, 23-7».

Мгновение спустя, не оглядываясь, Хуан торопливо покидал территорию клуба Калпешпер-Бей.

V

Месяц спустя Сан-Хуан Чендлер прибыл в Бостон и снял недорогой номер в небольшом отеле в центре города. В кармане у него были двести долларов наличными и пухлый конверт с облигациями еще на полторы тысячи — капитал, отложенный отцом в день его рождения, чтобы дать сыну шанс в жизни. Хуан заполучил все это не без споров, и его мать пролила немало слез, прежде чем согласилась с его решением бросить колледж на последнем курсе. Он не поведал ей всего; рассказал лишь, что ему предложили выгодное место в Бостоне, об остальном она догадывалась и тактично

молчала. На самом же деле у него не было ни предложения, ни плана, но ему уже был двадцать один год, и юношеские трудности ушли навсегда. Одно Хуан знал точно: он собирается жениться на Ноэль Гарно. Колющая боль и стыд того воскресного утра преследовали его во снах, и они были сильнее любых возможных сомнений и сильнее, чем даже его детская романтическая любовь, которая расцвела однажды знойной ночью в Монтане. Она все еще была с ним, но запертая наглухо, ведь все, что произошло позже, перекрыло и приглушило ее. Теперь для собственной гордости, самолюбия, ради самой своей жизни Хуану необходимо ее добиться; только так он смог бы стереть из своей памяти тот день, когда он повзрослел на три года.

С тех пор он больше ее не видел. На следующее утро он покинул Каллеппер-Бей и отправился домой.

Да, он прекрасно провел время. Да, тетя Кора была очень мила.

Он не писал Ноэль, хотя неделю спустя от нее пришла весьма легкомысленное письмо. В нем Ноэль писала, что была рада повидать его, и как жаль, что он уехал, не попрощавшись.

«Холли Морган шлет тебе наилучшие пожелания, — говорилось в конце с милым притворным упреком. — Возможно, ей стоило написать вместо меня. Я всегда считала тебя ветреным и теперь в этом убедилась».

От ее плохо прикрытой попытки завуалировать свое равнодушие Хуана бросило в дрожь. Он не добавил это письмо к драгоценной пачке, перетянутой голубой ленточкой, а сжег его в пепельнице, и этот трагический жест едва не стал причиной пожара в доме его матери.

Итак, он начал жить в Бостоне, и первый год его жизни там — повесть слишком аморальная, чтобы ее излагать. Это была история одного из тех невозможных, нелогичных успехов, прочное основание которых порождает впоследствии девяносто девять процентов неудач. Хотя он усердно трудился, это не давало должного результата, по крайней мере сравнимого со свалившимся на него позже успехом. А потом он случайно повстречал некоего человека, у которого был план, нелепый план заморозки морепродуктов, под реализацию которого он несколько лет искал средства. Хуан по неопытности клюнул на это дело и вложил в него тысячу двести долларов. В первый же год эта вопиющая неосмотрительность принесла ему четыреста процентов. Партнер попытался выкупить его долю, но они пришли к компромиссу, и Хуан сохранил свои акции.

Внутреннее ощущение собственной судьбы, которое никогда его не покидало, нашептывало ему, что он будет богат. Однако на исходе того же года произошло событие, которое заставило его думать, что все это, в конце концов, не так уж и важно.

Он видел Ноэль Гарно дважды — один раз в театре, другой раз — на заднем сиденье лимузина, проезжавшего по бостонской улице, и выглядела она, как он потом решил, скучающей, бледной и усталой. Но в тот самый миг он ни о чем таком не думал; непреодолимое волнение охватило его

сердце и держало — беспомощным и трепещущим — словно кто-то сжимал его в руке. Хуан торопливо укрылся под навесом магазина и ждал, дрожа от волнения, пока она проедет мимо. Ноэль не знала, что он в Бостоне, и Хуан не хотел, чтобы она узнала об этом, пока он не подготовится ко встрече. Он следил за каждым ее шагом по светским колонкам в газетах. Ноэль ходила в колледж, была дома на Рождество, потом — на водах в Пасху и появилась в свете осенью. Она стала дебютанткой, и он каждый день читал о ней: то она на званом обеде, то на танцах, то на балу или в собрании, на благотворительном вечере или на театральной постановке «Молодежной лиги»¹. В ящике его стола лежала дюжина ее нечетких газетных фотографий. А он все ждал. Пусть Ноэль от души повеселится.

Проведя в Бостоне шестнадцать месяцев, в то время, когда первый сезон Ноэль в свете угасал под суету массового отбытия во Флориду, Хуан решил больше не ждать. Поэтому однажды сырым промозглым февральским днем, когда детишки в резиновых сапогах сооружали плотины в забитых снегом канавах, белокурый, симпатичный и хорошо одетый молодой человек поднялся по ступенькам бостонского дома Гарно и протянул свою карточку горничной. С сильно бьющимся сердцем он вошел в гостиную и расположился там.

Шелест платья на лестнице, легкие шаги в холле и возглас. Ноэль!

— Хуан! Ты? — любезно воскликнула она, удивленная и польщенная. — Я не знала, что ты в Бостоне. Я так рада тебя видеть. Думала, ты навсегда меня позабыл.

Через мгновение он смог заговорить — теперь это было легче, чем прежде. Почувствовала она произошедшую в нем перемену или нет? Он больше не был никем. За ним был прочный тыл, который уже не давал ему вести себя подобно эгоистичному ребенку.

Он пояснил, что вполне может обосноваться в Бостоне, и дал ей понять, что дела у него идут великолепно; и, хотя это стоило ему укола душевной боли, он с юмором вспомнил об их последней встрече, рассказав, как сбежал с пляжа, разозлившись на нее. Она рассмеялась. Станным образом он почувствовал себя счастливым.

Прошло полчаса. В камине мерцало пламя. За окнами потемнело, и комнату наполнили тенистые сумерки, что царили и под безмолвным сиянием звезд. Раньше он стоял, теперь он присел на кушетку рядом с ней.

— Ноэль...

В холле раздались легкие шаги; горничная ушла открывать парадную дверь. Ноэль быстро протянула руку и зажгла электрическую лампу, стоявшую на столе возле ее головы.

— Я не заметила, как стемнело, — промолвила она, и Хуану показалось, что это было сказано несколько торопливо. В двери показалась горничная.

¹ «Молодежная лига» — некоммерческая женская волонтерская организация, основанная в 1901 г. в Нью-Йорке выпускницей Барнард-колледжа Мэри Гарриман Рамси.

— Мистер Темплтон, — объявила она.

— Да-да, конечно, — кивнула Ноэль.

Мистер Темплтон, весь такой гарвардско-оксфордский — зрелый мужчина, чувствующий себя как дома, посмотрел на него с легким удивлением, кивнул, пробормотал какое-то формальное приветствие и удобно устроился перед камином. Он перекинулся с Ноэль парой фраз, говоривших о том, что он в курсе ее дел. Затем ненадолго воцарилось молчание. Хуан поднялся.

— Хотелось бы увидеться с тобой снова, — сказал он. — Я позвоню, ладно? Ты скажешь, когда можно будет зайти?

Она проводила его до входной двери.

— Было так славно с тобой снова поговорить, — сказала она ему сердечно. — Помни, я хочу видеть тебя чаще, Хуан.

Уходя, он почувствовал себя более счастливым, чем два года назад. Он поужинал в одиночестве в ресторане, почти напевая что-то себе под нос; а потом, охваченный восторгом, бродил по набережной до полуночи. Он проснулся, думая о ней, ему хотелось рассказать всем, что некогда утраченное снова обретоно. Между ними произошло нечто большее, чем выражали сказанные слова, это было ясно по тому, как Ноэль сидела рядом с ним в полумраке и как она была едва заметно, но все же взволнована, провожая его до дверей.

Через два дня он раскрыл страницу светской хроники «Бостонского летописца» и просмотрел ее до третьей заметки. На ней его взгляд споткнулся, а глаза сузились, как у китайца.

«Мистер и миссис Гарольд Гарно объявляют о помолвке своей дочери Ноэль с мистером Бруксом Фишем Темплтоном. Мистер Темплтон окончил Гарвард в 1912 году и является партнером...»

VI

В три часа дня Хуан позвонил в дверь дома Гарно и был пропущен в холл. Откуда-то сверху доносились девичьи голоса, справа в гостиной, где он всего неделю назад разговаривал с Ноэль, тоже болтали.

— Не могли бы вы проводить меня в комнату, которая никем не занята? — натянуто обратился он к горничной. — Я старый друг... Это очень важно, я должен увидеться с мисс Ноэль наедине.

Он ожидал ее в маленькой комнатке, примыкавшей к холлу. Прошло десять минут, затем еще десять; он начал опасаться, что она вообще не придет. Через полчаса дверь распахнулась, и в комнатку торопливо вошла Ноэль.

— Хуан! — радостно воскликнула она. — Это замечательно! Могла бы и догадаться, что ты придешь первым, — выражение ее лица изменилось, когда она заглянула ему в глаза. — Зачем тебя сюда отвели? — быстро спросила она

после минутного колебания. — Ты должен пойти и познакомиться со всеми. Я тут бегаю целый день, как цыпленок без головы.

— Нозль! — глухо вылетело у него.

— Что? — она уже взялась за дверную ручку, но испуганно обернулась.

— Нозль, я пришел не с поздравлениями, — молвил Хуан. Его лицо побледнело, голос звучал хрипло от усилий держать себя в руках. — Я пришел сказать тебе, что ты совершаешь ужасную ошибку.

— Почему, Хуан?

— Ты сама это знаешь. — продолжил он. — Тебе же известно, что никто не любит тебя так, как я, Нозль. Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Она нервно усмехнулась.

— Хуан, но это же глупо! Я перестаю тебя понимать, когда ты так говоришь. Я ведь помолвлена с другим.

— Нозль, ты можешь подойти и присесть?

— Не могу, Хуан, — там же дюжина гостей, и я должна их встречать. Это было бы невежливо с моей стороны. В другой раз, Хуан. Придешь в другой раз, и я с удовольствием с тобой поговорю.

— Нет, сейчас! — это прозвучало резко, непреклонно, почти грубо. Она заколебалась.

— Десять минут, — сказал он.

— Мне действительно нужно идти, Хуан.

Она неуверенно присела, поглядывая на дверь. Сев рядом с ней, Хуан рассказал ей прямо и просто обо всем, что произошло с ним с тех пор, как они встретились полтора года назад. Он рассказал ей о своей семье, своей тетушке Коре, о своем унижении, которое он испытывал в Калпеппер-Бей. Затем он рассказал ей о своем приезде в Бостон, об успехе и, наконец, о том, что теперь, когда он может кое-что ей дать, выясняется, что он опоздал. Он ничего не утаивал.

Теперь в его голосе, как и в мыслях, не было ни притворства, ни застенчивости, а лишь одно искреннее и всепоглощающее волнение. Он сказал, что работал лишь для того, чтобы заполучить право предстать перед ней, оправдаться, дать понять, как сильно вдохновляла его верность Нозль, обратить ее внимание, пусть даже мельком, на то, что целых два года он любит ее страстно и преданно.

Когда Хуан закончил, Нозль плакала. Это ужасно, сказала она, выложить ей все это сейчас, когда она уже определилась со своей жизнью. Это было непросто, однако сделанного не воротишь, и она действительно собирается выйти замуж за другого. Но ничего подобного она раньше не слышала, и это ее удручает. Она... ох, ей ужасно жаль, но все бесполезно. И если уж он по ней так сохнет, надо было сказать об этом раньше.

Но как он мог сказать раньше? Ему нечего было ей предложить, если не считать, что однажды летней ночью на Западе их невероятно потянуло друг к другу.

— Ты и теперь меня любишь, — сказал он глухо. — Ты бы не заплакала, Ноэль, если бы не любила меня. Тебя бы это не волновало.

— Мне... мне жаль тебя.

— Это не жалость, а нечто большее. Ты влюбилась в меня на следующий же день. Ты хотела, чтобы я сидел рядом с тобой в темноте. Думаешь, я не чувствовал этого, не знал? Между нами есть какое-то притяжение. Ты всегда привлекала меня, а я — тебя, кроме одного прискорбного раза. О, Ноэль, разве ты не видишь, как это разбивает мне сердце, когда я вижу, как ты сидишь в рядом, и мне хочется обнять тебя, но я знаю, что ты дала глупое обещание другому мужчине?

В дверь постучали.

— Ноэль!

Она подняла голову, быстро поднесла платок к глазам.

— Да?

— Это Брукс. Можно войти?

Не дожидаясь ответа, Темплтон открыл дверь и удивленно на них посмотрел.

— Извините, — небрежно кивнул он Хуану. — Ноэль, там столько народу...

— Еще минуту, — глухо ответила она.

— Ты в порядке?

— Да.

Он шагнул в комнату, нахмурившись.

— Что тебя расстроило, дорогая? — он бросил взгляд на Хуана. Тот встал, глаза у него были на мокром месте. В голосе Темплтона послышались угрожающие ноты. — Надеюсь, тебя никто не обидел?

Вместо ответа Ноэль рухнула на кучу подушек и громко разрыдалась.

— Ноэль... — Темплтон сел рядом с ней и положил руку ей на плечо. — Ноэль! — он снова обратился к Хуану. — Я думаю, будет лучше, если вы нас оставите, мистер... — имя выскользнуло из его памяти. — Ноэль немного устала.

— Я не уйду.

— Пожалуйста, подождите за дверью. Мы увидимся позже.

— Я не буду ждать за дверью. Я хочу говорить с Ноэль. Это вы нас прервали.

— У меня есть на то полное право, — лицо его побагровело от злости. — Да кто вы такой, черт вас побери?!

— Я Чендлер.

— Слушайте, мистер Чендлер, вы тут не к месту — это, надеюсь, ясно? Ваше присутствие здесь — наглость и самонадеянность.

— Мне это представляется иначе.

Они злобно уставились друг на друга. Чуть погодя Темплтон обратился к Ноэль.

— Хочу проводить тебя наверх, дорогая, — сказал он. — Сегодня был напряженный день. Ты бы прилегла до ужина...

Он помог ей подняться. Не глядя на Хуана и все еще прижимая носовой платок к лицу, Нозль позволила увести себя в холл. В дверях Темплтон обернулся.

— Горничная подаст вам пальто и шляпу, мистер Чендлер.

— Я буду ждать прямо здесь, — ответил Хуан.

VII

Он все еще был там в половине седьмого, когда после быстрого стука в комнате появилась массивная фигура, в которой Хуан узнал мистера Гарольда Гарно.

— Слушайте, мистер Чендлер, вы тут не к месту — это, надеюсь, ясно?
Ваше присутствие здесь — наглость и самонадеянность.

— Добрый вечер, сэр, — бросил мистер Гарно надменно и раздраженно.

— Чем могу служить?

Он подошел ближе, и его лицо исказила гримаса — он узнал Хуана.

— О! — пробормотал он.

— Добрый вечер, сэр, — сказал Хуан.

— Это ведь ты, верно? — мистер Гарно, казалось, заколебался. — Брукс Темплтон сказал, что ты... что вы настаиваете на том, что хотите видеть Ноэль... — он кашлянул. — И что вы отказываетесь идти домой...

— Я хочу видеть Ноэль, если вы не против.

— Зачем?

— Это касается только Ноэль и меня, мистер Гарно.

— Мы с мистером Темплтоном имеем полное право представлять Ноэль в этом деле, — пояснил терпеливо мистер Гарно. — Она только что заявила мне и своей матери, что не хочет вас больше видеть. Это понятно?

— Я в это не верю, — упрямо сказал Хуан.

— Я не имею обыкновения лгать.

— Извините. Я имел в виду...

— Я не собираюсь обсуждать с вами это злополучное дело, — презрительно бросил Гарно. — Я просто хочу, чтобы вы немедленно ушли и больше не возвращались.

— Почему вы называете это злополучным делом? — холодно спросил Хуан.

— Доброй ночи, мистер Чендлер.

— Вы назвали это злополучным делом, потому что Ноэль расторгла помолвку.

— Вы самонадеянны, сэр, — воскликнул пожилой господин. — Невыносимо самонадеянны.

— Мистер Гарно, вы однажды были столь любезны, что сказали мне...

— Да плевать, что я там сказал! — закричал Гарно. — Убирайтесь отсюда немедленно!

— Ладно. У меня нет выбора. Мне лишь хотелось бы, чтобы вы были так любезны передать Ноэль, что я вернусь завтра вечером.

Хуан откланялся, вышел в холл и взял с кресла пальто со шляпой. Сверху до него долетел звук торопливых шагов, открылась и тут же захлопнулась дверь, однако он успел уловить возбужденный говор и короткий сдавленный всхлип. Он заколебался. Потом двинулся по коридору к выходу. За приоткрытой портьерой он заметил слугу, накрывающего стол к ужину.

Назавтра он позвонил в дверь ровно в тот же час. На этот раз ему открыл дворецкий, явно заранее проинструктированный.

— Мисс Ноэль нет дома. Можете ли вы оставить записку? Это бесполезно: мисс Ноэль нет в городе.

Ничему не поверив, но встревожившись, Хуан поймал такси и поехал в контору Гарольда Гарно.

— Мистер Гарно не может вас принять. Если угодно, он может кратко переговорить с вами по телефону.

Хуан кивнул. Клерк нажал кнопку на коммутаторе в приемной и передал трубку Хуану.

— Говорит Сан-Хуан Чендлер. В вашем особняке мне сказали, что Ноэль уехала. Это правда?

— Да, — последовал односложный ледяной ответ. — Она уехала отдыхать и не вернется в течение нескольких месяцев. Что-то еще?

— Она оставила мне записку?

— Нет! Ваш вид ей ненавистен.

— Ее адрес?

— Это совершенно не ваше дело. Всего хорошего.

Хуан вернулся к себе и обдумал сложившуюся ситуацию. Ноэль была насильственно увезена из города — он мог назвать это только так. Нет сомнения также, что помолвка с Темплтоном разорвана, по крайней мере, на время. Ему хватило одного часа, чтобы ее разрушить. Он должен был снова ее увидеть — это неотложная необходимость. Но где? Скорее всего она с друзьями, возможно с родственниками. Последнее предположение давало зацепку для поисков; он должен узнать фамилии ее родственников, у которых она чаще всего бывала прежде.

Он позвонил Холли Морган. Та была на юге и не собиралась возвращаться в Бостон раньше мая.

Тогда он позвонил редактору колонки светских новостей «Бостонского летописца». После секундного ожидания ему ответил вежливый и предупредительный женский голос.

— Это мистер Сан-Хуан Чендлер, — сказал он голосом завсегдатая вечеринок с котильонами¹ Бэк-Бэя. — Мне бы хотелось, если позволите, получить кое-какую информацию о семействе мистера Гарольда Гарно.

— Почему бы вам не обратиться непосредственно к мистеру Гарно? — посоветовала редактор не без подозрения в голосе.

— Я не накоротке с мистером Гарно.

Пауза. Потом:

— Дело в том, что мы не можем взять на себя ответственность за передачу информации такого рода.

— Ну какие могут быть секреты относительно родственников мистера Гарно! — возмутился Хуан.

— Но мы не можем быть уверены, что вы...

Он бросил трубку. Звонки в две другие газеты дали не лучшие результаты, в третьей согласились помочь, но ничего толком не знали. Это казалось странным, и было похоже на заговор, — в городе, где семейство Гарно было прекрасно известно, он не мог добыть нужные ему фамилии. Как только он начинал расспрашивать, все словно воды в рот набирали. После целого дня

¹ *Котильон* — танец, соединенный с игрой в фанты.

бесплодных и утомительных расспросов в магазинах, где на него смотрели с подозрением, предполагая, что он какой-то жуликоватый биржевой маклер, и после тщательного изучения последних номеров «Светского регистра» он понял, что есть только один надежный источник — тетушка Кора. Следующим утром он предпринял трехчасовую поездку в Каллеппер-Бей.

Со времени его злополучного летнего визита прошло полтора года; за это время ни разу не виделся с тетушкой. Она была обижена, он это знал, особенно после того, как узнала от его матери о неожиданно постигшем его успехе. Приняла она его холодно и укоризненно, но все-таки выложила то, что он хотел узнать, потому что Хуан начал задавать ей свои вопросы, пока она еще не пришла в себя от неожиданности его визита. Он покинул Каллеппер-Бей, располагая информацией, что у миссис Гарно есть сестра, знаменитая миссис Пойндекстер, с которой Ноэль находится в очень теплых дружеских отношениях. Полуночный поезд помчал его в Нью-Йорк.

Номера Мортон Пойндекстера в Нью-Йоркском телефонном справочнике не было, и справочная отказывалась его дать, однако Хуан все же добыл этот номер, сославшись на «Бостонский обозреватель». Он позвонил из отеля.

— Мисс Ноэль Гарно в городе? — спросил он, действуя по продуманному плану. Если ее имя не на слуху, слуга мог ответить, что ошиблись номером.

— Простите, а кто ее спрашивает?

Какое облегчение! Он сразу внутренне успокоился.

— Э-э-э... друг.

— А фамилия?

— Скажите, без фамилии.

— Я узнаю.

Слуга вернулся через мгновение.

«Нет, миссис Гарно нет, она не в городе, и ее не ожидают». Трубка неожиданно щелкнула; разговор прервался.

Ближе к вечеру такси отвезло Хуана к дому Мортон Пойндекстера. Это был самый замысловатый дом, какой он когда-либо видел. Особняк возвышался на пять этажей на углу Пятой авеню и был украшен призрачным садиком, каковой, даже совсем миниатюрный, являлся в Нью-Йорке признаком богатства.

Хуан не вручил дворецкому визитку, но ему показалось, что его ждали, поскольку быстро препроводили в гостиную. Когда после недолгого ожидания вошла миссис Пойндекстер, он впервые за пять дней ощутил легкую неуверенность.

Миссис Пойндекстер было около тридцати пяти, и выглядела она безукоризненно; французы говорят про таких *bien soignée*¹. Невыразимое очарование ее лица было усилено тем качеством, которое, за неимением более подходящего слова, можно было бы назвать достоинством. Однако это было

¹ *Bien soignée* (фр.) — «холеная».

больше, чем достоинство, ибо в нем не было холодности, а присутствовала некоторая мягкость, податливость, позволявшая уклоняться от любых ударов, которые могла нанести жизнь, и отскакивать назад в нужный момент, оставаясь энергичной, победоносной и собранной. Сан-Хуан понял — хотя его предположение, что Ноэль в доме, верно, он столкнется с силой, какая ему прежде была неведома. Эта женщина показалась ему нетипичной американкой, она обладала качествами, которые американки утратили или которыми не пользовались.

Она приняла его с любезностью, которая хотя и была в значительной степени внешней, но никакого особого волнения под собой не скрывала. Она держала себя невозмутимо и отстраненно; приободрять его она не собиралась. Лишь благодаря усилию воли он подавил в себе желание сразу выложить карты на стол.

— Добрый вечер.

Она расположилась в жестком кресле в центре комнаты и предложила ему сесть на стул рядом. Она молча смотрела на него, пока он не заговорил.

— Миссис Пойндекстер, мне крайне необходимо повидать мисс Гарно. Я звонил этим утром, и мне сказали, что ее здесь нет.

Миссис Пойндекстер кивнула.

— Однако я знаю — она здесь, — спокойно продолжил он. — И я намерен ее увидеть. Мысль о том, что ее отец и мать могут помешать мне увидаться с ней, словно бы я себя опозорил, или что вы, миссис Пойндекстер, можете мне помешать увидеть ее, — он немного повысил голос, — нелепа. Нынче не 1500 год и даже не 1910-й.

Он замолк. Миссис Пойндекстер подождала немного, чтобы удостовериться, закончил ли он. Потом заявила спокойно и однозначно:

— Я совершенно с вами согласна.

Хуан подумал, что, за исключением Ноэля, он не видел женщины красивее.

— Миссис Пойндекстер, — заговорил он снова, уже более дружелюбным тоном, — простите, если я показался грубым. В связи с этой историей меня называли самонадеянным; возможно, в какой-то степени я таковым и являюсь. Пожалуй, все бедные юноши, влюбленные в богатых девушек, самонадеянны. Однако так уж вышло, что я больше не бедный парень, и у меня есть основания полагать, что Ноэль я небезразличен.

— Ясно, — сочувственно ответила миссис Пойндекстер. — Однако я, конечно, ничего не знала обо всем этом.

Хуан заколебался, снова обезоруженный ее любезностью. Потом он ощутил прилив решимости.

— Вы позволите мне ее увидеть? — спросил он. — Или же вы будете настаивать на продолжении этого фарса еще некоторое время?

Миссис Пойндекстер смотрела на него, словно раздумывая.

— А почему я должна позволить вам с ней увидаться?

— Просто потому, что я прошу вас. Ну, это как кто-то говорит «Позвольте», а вы отступаете и позволяете ему пройти в дверь.

Миссис Пойндекстер нахмурилась.

— Однако это дело касается и Ноэль не меньше вашего. И я не просто первая встречная. Я скорее похожа на телохранителя, которому приказано никого не пропускать, даже если говорят «позвольте» самым трогательным тоном.

— Вам даны инструкции ее отцом и матерью, — сказал Хуан с нарастающим нетерпением. — Но это дело касается только ее.

— Я рада, что вы начинаете это признавать.

— Конечно, я признаю это, — перебил он. — И хочу, чтобы и вы это признали.

— Я признаю.

— Тогда в чем смысл всего этого дурацкого спора? — в сердцах спросил он.

Внезапно она поднялась.

— Доброй ночи, сэр.

Ошеломленный, Хуан тоже встал.

— Почему? В чем дело?

— Со мной непозволительно говорить в таком тоне, — заявила миссис Пойндекстер по-прежнему спокойно и холодно. — Либо вы будете вести себя должным образом, либо немедленно покинете этот дом.

Хуан понял, что заговорил в неверном тоне. Ее слова отрезвили его, и какое-то время он, словно наказанный школьник, не знал, что ответить.

— Это к делу не относится, — пробормотал он наконец. — Я хочу говорить с Ноэль.

— Ноэль не хочет с вами разговаривать.

Неожиданно миссис Пойндекстер протянула ему листок из блокнота. Он раскрыл его. Там было написано следующее:

«Тетушка Жо, что касается того, о чем мы говорили сегодня днем: если этот невыносимый зануда позвонит, что он, вероятно, и сделает, и начнет свое самонадеянное нытье, пожалуйста, поговорите с ним откровенно. Скажите ему, что я никогда его не любила, что я никогда не заявляла, что люблю его, и что его настойчивость мне противна. Скажите ему, что я достаточно взрослая и в состоянии распоряжаться собой, и что мое самое большое желание — чтобы он мне больше на глаза не попадался».

Хуан застыл ошеломленный. Его вселенная вдруг обрушилась на него. Ноэль он безразличен, и так было всегда. Все это лишь нелепая шутка, разыгранная теми, кого в жизни подобные розыгрыши извечно забавляют. Теперь он понял, что в сущности все они были заодно: тетушка Кора, Ноэль, ее отец, эта притягательная холодная женщина, и все это подтверждало лишь

прерогативу богатых всегда жениться на членах своей касты, возводить искусственные барьеры и создавать правила против тех, кто покусился шагнуть дальше летнего флирта. С его глаз упала пелена, и он понял, что эти полтора года борьбы и усилий не приблизили его к цели, это был бег в одиночку, соревнование с самим собой, и никому до него не было дела.

Он начал шарить рукой вокруг в поисках шляпы, затем вспомнил, что она осталась в холле. Как слепой, он отступил назад, когда миссис Пойндекстер приблизилась к нему на полфута, протянув руку сквозь окутавший его туман, и мягко сказала: «Мне очень жаль». Потом он очутился в холле, все еще сжимая записку в руке, которую пытался просунуть в рукав пальто; слова, которые он должен был произнести, сорвались с губ.

— Я не понимаю... Весьма сожалею, что побеспокоил вас. Я совершенно не представляю, как действительно обстоят дела... между Ноэль и мной...

Он взялся за дверную ручку.

— Мне тоже жаль, — ответила миссис Пойндекстер. — Положившись на слова Ноэль, я не думала, что для меня это окажется таким трудным делом, мистер Темплтон.

— Чендлер, — поправил он ее машинально. — Я — Чендлер.

Она вдруг застыла, как вкопанная, лицо ее резко побледнело.

— Что?!

— Моя фамилия Чендлер.

Молнией кинулась она через полуоткрытую дверь, которая с шумом захлопнулась. Стрелой подлетела к подножию ведущей наверх лестницы.

— Ноэль! — воскликнула она высоким звонким голосом. — Ноэль! Ноэль! Спускайся, Ноэль! — ее дивный голос разносился, словно звук колокола, под высокими сводами холла. — Ноэль! Спускайся! Это мистер Чендлер! Это Чендлер!

ТРЕТИЙ ЛАРЧИК

I

Когда вы входите в офис Сайруса Жерара на тридцать втором этаже, вы сперва можете подумать, что произошла какая-то ошибка, и вместо того, чтобы поднять вас наверх, лифт доставил вас в жилой квартал, и вы незаконно проникли в какую-то квартиру на Пятой авеню. То, что вы приняли за стрекот телетайпа, передающего биржевые котировки, оказалось лишь щебетом шустрой канарейки в подвешенной серебряной клетке, и пока томная великосветская девица за столом из красного дерева спрашивает, как вас представить, вы можете полюбоваться на гравюры, гобелены, на резные панно и живые цветы в букетах.

Однако Сайрус Жерар не управляет фирмой, занимающейся отделкой интерьеров, хотя время от времени он управляет практически всем остальным. Располагающий к отдыху вид его приемной — всего лишь искусная маскировка деловой суеты, которая непрерывно творится внутри. Это просто мягкая перчатка поверх железного кулака, улыбка на лице боксера.

Никто не знал об этом лучше троих молодых людей, которые одним апрельским утром ожидали встречи с мистером Жераром. Всякий раз, когда дверь в приемной с надписью «Личный кабинет» вздрагивала под давлением проворачивающихся внутри гигантских деловых операций, молодые люди непроизвольно нервно вздрагивали тоже. Всем троим было около тридцати, каждый из них совсем недавно сошел с поезда, и они никогда раньше не встречали друг друга. Они сидели рядом на обтянутом черкесской кожей диване уже почти целый час.

Только один раз молодой человек с карими глазами и черными, как смоль, волосами вытащил пачку сигарет и нерешительно протянул ее двоим другим. Однако те вежливо отказались со столь обеспокоенным видом, что юный брюнет, быстро оглядевшись по сторонам, сунул невскрытую пачку обратно в карман. После этого оскорбительного инцидента воцарилась продолжи-

тельная тишина, нарушаемая только свистом канарейки, распевавшей о котировках акций в своей птичьей стране.

Когда часы в стиле Людовика XIII отзвонили полдень, дверь личного кабинета Сайруса Жерара внезапно резко распахнулась, и взбудораженная секретарша повелела, чтобы трое визитеров вошли внутрь. Они разом встали.

— Хотите сказать — все вместе? — спросил несколько сбитый с толку самый высокий из них.

— Да, все вместе.

Невольнo зашагав почти строем и не глядя по сторонам, они прошли через укрепленную анфиладу помещений и шагнули в личный кабинет Сайруса Жерара, который занимал положение Аякса Теламонида¹ среди гомеровских персонажей Уолл-стрит.

Это был худощавый сдержанный мужчина лет шестидесяти, с красивым живым лицом и чистыми, ясными, доверчивыми глазами ребенка. Когда в его кабинете появилась троица молодых людей, он встал из-за стола с располагающей улыбкой.

— Пэрриш? — молвил он с энтузиазмом.

Рослый юноша ответил: «Да, сэр», и Сайрус пожал его руку.

— Джонс?

Им оказался молодой человек с карими глазами и темными волосами. Он улыбнулся в ответ Сайрусу Жерару и сказал с легким южным акцентом, что очень рад познакомиться с ним.

— Значит, вы, должно быть, Ван Бюрен, — сказал Жерар, поворачиваясь к третьему юноше. Ван Бюрен кивнул. Он был жителем мегаполиса — невозмутимый и одетый с иголки.

— Присаживайтесь, — сказал Жерар, с нетерпением переводя взгляд с одного молодого человека на другого. — Не могу передать, как я ждал этой минуты.

Юноши нервно улыбнулись и сели.

— Да, господа, — продолжил старик, — если бы у меня были свои сыновья, право слово, я бы хотел, чтобы они выглядели так, как ваша троица, — увидав, что юноши слегка покраснели, он засмеялся. — Ладно, больше не буду вас смущать. Расскажите мне, как здоровье ваших отцов, и мы перейдем к делу.

Естественно, их отцы были в добром здравии, и все они передавали через своих сыновей поздравления мистеру Жерару по случаю его шестидесятилетия.

— Благодарю. Спасибо. С этим все, — он резко откинулся назад в своем кресле. — Ну, ребятки, вот что я хочу вам сказать. В следующем году я ухожу из бизнеса. Всегда собирался отойти от дел в шестьдесят, и моя жена всегда на

¹ *Аякс Теламонид* (Аякс Великий) — герой Троянской войны, которого Гомер сравнивал с богом войны Аресом.

— Это моя дочь, — сказал Сайрус Жерар, невинно улынувшись. —
Не волнуйтесь так. У нее много ухажеров, поклонников
и всего такого — и у нас, и за океаном.

это рассчитывала, и вот это время пришло. Дольше тянуть с этим я не могу. У меня нет ни сыновей, ни племянников, ни двоюродных братьев; у меня есть брат, которому пятьдесят, и он в той же лодке, что и я. Может, он продержится здесь еще лет десять, а после этого, похоже, фирма «Сайрус Жерар Инкорпорейтед» изменит свое название. Месяц назад я написал трем своим лучшим друзьям по колледжу, лучше у меня в жизни не было, и спросил их, есть ли у них сыновья в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. Я объяснил им, что у меня тут есть место лишь для одного молодого человека, но он должен прекрасно разбираться в купле-продаже. И поскольку вы все трое прибыли сюда сегодня утром, я думаю, ваши отцы считают, что вы таковыми и являетесь. В моем предложении нет ничего сложного. Мне нужно три месяца, чтобы выяснить то, что я хочу знать, и по истечении этого времени двое из вас будут,

увы, разочарованы, а оставшийся сможет получить почти все, что обещают в сказках: половину моего царства, а если будет на то воля моей дочери, то и ее руку, — он слегка приподнялся в кресле: — Лола, поправь меня, если я сказал что-то не так.

При этих словах трое молодых людей вздрогнули, оглянулись, а затем поспешно вскочили на ноги. Не далее чем в двух ярдах от них в кресле томно полулежала юная красotka с подведенными глазами, с кожей цвета позолоченной слоновой кости и с живой детской улыбкой, какая бывает у всех людей, перешагнувших порог юности. Заметив испуганные выражения на лицах троицы, она сдержанно прыснула, а через мгновение заулыбались и жертвы ее чар.

— Это моя дочь, — сказал Сайрус Жерар, невинно улыбнувшись. — Не волнуйтесь так. У нее много ухажеров, поклонников и всего такого — и у нас, и за океаном. Лола, перестань смущать молодых людей и спроси их, пойдут ли они сегодня с нами ужинать.

Лола томно и грациозно встала, и взгляд ее серых глаз по очереди упал на каждого из молодых людей.

— Я не всех вас знаю по именам, — сказала она.

— Это легко исправить, — сказал Ван Бюрен. — я Джордж.

Высокий молодой человек поклонился:

— Меня можно называть Джон Хардвик Пэрриш, — признался он, — ну, или как-то в этом роде.

Она повернулась к темноволосому южанину, который пока ничего не сказал о себе.

— А как насчет вас, мистер Джонс?

— О, прошу, просто Джонс, — ответил он смущенно.

Лола удивленно на него взглянула.

— Хм.. это как-то коротковато, — воскликнула она, рассмеявшись. — Я бы даже сказала, фрагментарно.

Мистер Джонс затравленно смотрел по сторонам.

— Ладно, я скажу, как меня зовут, — сказал он наконец, — но не думаю, что это имя подходит для подобных случаев.

— И как же вас зовут?

— Рип.

— Рип?!¹

Четыре пары глаз недоуменно уставились на него.

— Молодой человек! — воскликнул Жерар, — не хотите же вы сказать, что мой старый друг, находясь в здравом уме, так назвал своего сына!

Джонс принял вызывающую позу.

— Нет, — признался он. — Он назвал меня Освальдом.

¹ В английском *rip* можно понять как «прореха», а также в переносном смысле как «распутник», «дрянь», «ничтожество».

В ответ раздался одобрительный смех.

— Ладно, идите уже, — сказал Жерар, садясь за стол. — Завтра утром, ровно в девять, вы явитесь к моему генеральному директору, мистеру Галту, и соревнование начнется. Кстати, если у Лолы по-прежнему есть ее спорткар-лимузин-родстер-ландо или на чем она там нынче ездит, она, наверное, сможет подвезти вас в отель.

После того как они ушли, на лице Жерара вновь появилось озабоченное выражение, и он долго задумчиво смотрел в пространство, пока, наконец, не нажал у себя в голове воображаемую кнопку, которая запустила в ней отложенный на время поток мыслей.

— Один из них точно справится, — пробормотал он. — А вдруг выйдет так, что это окажется чернявый? «Рип Джонс Инкорпорейтед»!

II

Когда три месяца подошли к концу, стало ясно, что не один, а все три молодых человека справляются прекрасно. Все они были трудолюбивы, каждому был присущ тот таинственный отпечаток личности, который называют характером, и кроме того, все они были с мозгами. Если Пэрриш, рослый молодой человек с Запада, немного быстрее прочих оценивал конъюнктуру рынка; если южанин Джонс был чуть более шустрым при общении с клиентами, то Ван Бюрен компенсировал отсутствие этих талантов тем, что ночами напролет сидел за изучением инвестиционных ценных бумаг. Не успевал Сайрус Жерар обратить внимание на одного из юношей благодаря проявленной им проницательности или находчивости, как в одном из двух других проявлялись схожие таланты. Жерар понимал, что, вместо того, чтобы придерживаться строгого нейтралитета, он пытается сосредоточить свое внимание на личностных достоинствах то одного, то другого кандидата, однако пока из этого ничего путного не выходило.

Каждые выходные все они собирались в доме Жерара в Такседо-Парке¹, где застенчиво общались с юной красоткой Лолой, а по утрам в воскресенье бестактно обыгрывали ее отца в гольф. В последние выходные перед принятием решения молодые люди были взволнованы; Сайрус Жерар попросил их зайти к нему в кабинет после обеда. Оценивая их способности и размышляя о молодых людях как о возможных будущих партнерах в «Сайрус Жерар Инкорпорейтед», он никак не мог определиться с выбором, но эта безнадёжная ситуация породила другой план, который помог бы ему принять нужное решение.

¹ *Такседо-Парк* — дачный городок рядом с Нью-Йорком, расположен среди лесов на берегу реки Рамапо.

— Джентльмены, — сказал он, когда в назначенное время все собрались в его кабинете, — я пригласил вас сюда, чтобы сообщить: вы все уволены.

Трое молодых людей тотчас потрясенно вскочили на ноги с укоризненным выражением на лицах.

— На время, — добавил он, добродушно улыбаясь. — Так что не спешите расправляться с пожилым человеком и садьте.

Они сели, облегченно усмехнувшись.

— Вы все мне нравитесь, — продолжил Жерар, — и я не знаю, кого мне предпочесть. Вся эта затея с соревнованием — совсем не то, что нужно. Поэтому я собираюсь продлить конкурс еще на две недели, но совершенно на других условиях.

Все трое с нетерпением подались вперед на своих стульях.

— Люди моего поколения, — продолжил он, — не имели возможности отдыхать. Мы росли в бурное коммерческое время, которое не выпадало на долю ни одной другой страны, и теперь, когда мы отходим от дел, то просто не знаем, что делать с оставшейся частью нашей жизни. Вот и я прекращаю работу в шестьдесят, но мне от этого совсем не весело. Мне просто нечем заняться — я никогда не любил читать, я не могу играть в гольф больше одного раза в неделю, и у меня вообще нет никакого хобби. Когда-нибудь и вам будет шестьдесят. И когда вы увидите, как другие мужчины отдыхают и прекрасно проводят время, вам захочется сделать то же самое. Так вот, я хочу узнать, кто из вас станет заниматься этим лучше других, когда отойдет от дел.

Он нетерпеливо переводил свой взгляд с одного юноши на другого. Пэрриш и Ван Бюрен понимающе кивнули. Джонс слегка опешил, но через секунду тоже кивнул.

— Я хочу, чтобы каждый из вас взял две недели отпуска и провел их так, как, по вашему мнению, вы будете проводить свое время, когда станете слишком стары, чтобы работать. Хочу, чтобы вы решили мою проблему за меня. И тот, кто, по моей оценке, получит больше удовольствия от своего досуга, будет заниматься моими делами. И я буду знать, что это не станет для него проблемой, как нынче для меня.

— То есть вы предлагаете, чтобы мы просто развлекались? — деликатно поинтересовался Рип Джонс. — Нам следует всего лишь пойти и хорошо провести время?

Сайрус Жерар кивнул.

— Занимайтесь чем хотите.

— Я так понимаю, мистер Жерар не имеет в виду мотовство, — заметил Ван Бюрен.

— Делайте все, что хотите, — повторил босс. — Я ничего не запрещаю. Когда две недели закончатся, я оценю результаты.

— Путешествовать! Вот это по мне! — мечтательно сказал Пэрриш. — Это то, о чем я всегда мечтал. Я отправлюсь...

— Лола, мне очень жаль, — тихо сказал он, —
может быть, когда-нибудь, когда у меня снова
окажется нерабочее время, я смогу зайти за тобой...
— Меня это не волнует, — холодно ответила она. —
Вижу, что с моей стороны вообще было глупо
все это затевать.

— Путешествовать! — презрительно перебил его Ван Бюрен. — Когда тут так много дел? Путешествовать хорошо, когда есть свободный год, но две недели... Я попробую посмотреть, что отошедший от дел бизнесмен может сделать для этого мира.

— Путешествия и точка! — повторил с напором Пэрриш. — Считаю, что мы все должны использовать свой досуг наилучшим образом.

— Погодите, — прервал его Сайрус Жерар. — Какой смысл сейчас спорить? Приходите в мой офисе через две недели в половине одиннадцатого утра, это будет первое августа, и я посмотрю, что у вас вышло, — он повернулся к Рипу Джонсу: — Полагаю, у тебя тоже есть какой-то план?

— Пока нет, сэр, — озадаченно признался Рип Джонс. — Я должен это обдумать...

Хотя Рип Джонс все это и обдумывал до наступления ночи, он лег спать, так ничего и не придумав. В полночь он встал, отыскал карандаш и набросал список всех своих любимых развлечений в жизни. Но теперь они казались ему пресными и лишёнными смысла, поэтому, когда его все-таки сморило в пять утра, мысли его все еще безутешно металась в поисках решения, как потратить свободное время бесполезного отдыха.

На следующее утро, когда Лола Жерар выезжала на машине из гаража, она увидела, как он спешит к ней, пересекая лужайку.

— Прокатимся по городу, Рип? — весело спросила она.

— Давайте.

— В самом деле? А отец и прочие уже уехали девятичасовым поездом.

Он в двух словах объяснил ей, что все они временно лишились работы, и сегодня нет необходимости ехать в офис.

— Меня все это немного тревожит, — озабоченно добавил он. — Мне категорически не хочется бросать свою работу. Поэтому я все-таки заскочу в офис днем и посмотрю, позволят ли мне закончить несколько дел, которыми я недавно начал заниматься.

— Ты бы лучше подумал, как ты собираешься развлекаться.

Он беспомощно на нее взглянул.

— Мне приходит на ум только выпивка, — признался он. — Я родом из маленького городка, и когда у нас говорят об отдыхе, подразумевают зависание у лавки на углу. — Рип покачал головой. — Мне не нужен отдых. Это единственная такая моя возможность, и я хочу ее использовать по полной.

— Слушай, Рип, — неожиданно сказала Лола. — После того как закончишь работу в офисе, найди меня, и мы придумаем что-нибудь вместе.

Он нашел ее, как она и предложила, в пять, но беспокойное выражение в его карих глазах только усилилось.

— Внутри меня не пустили, — сказал он. — Я встретил там твоего отца, и он сказал мне, что я должен найти способ развлечься, иначе я могу стать таким же скучающим стариком, как он сам.

— Неважно. Сходим на какое-нибудь представление, — утешила она его. — А потом зарулим куда-нибудь и потанцуем.

Это был первый из вечеров целой недели, которую они провели вместе. Иногда они шли в театр, иногда в кабаре; однажды они провели большую часть дня, прогуливаясь по Центральному парку. Однако Лола заметила, что если раньше он был самым беззаботным и веселым из всей троицы, то теперь стал угрюмым и подавленным. Его второе «я» твердило о работе, которой ему так не хватало.

Даже когда они танцевали во время ужина, перезвон браслетов на сотнях женских рук лишь напоминал ему о суматохе рабочего дня в понедельник утром. Казалось, он был совершенно неспособен бездельничать.

— Это очень мило с твоей стороны, — сказал он ей однажды, — и если бы мы развлекались после работы, не могу передать, как бы я всем этим наслаждался. Однако я все время думаю только о работе, которую должен выполнять. Это... причиняет мне страдание.

Он понял тогда, что задел ее этими словами и что своей откровенностью отверг все, что Лола пыталась для него делать. Однако он был неспособен чувствовать иначе.

— Лола, мне очень жаль, — тихо сказал он, — может быть, когда-нибудь, когда у меня снова окажется нерабочее время, я смогу зайти за тобой...

— Меня это не волнует, — холодно ответила она. — Вижу, что мне вообще было глупо все это затевать.

Он стоял возле ее авто, когда происходил этот разговор, и, прежде чем он успел ответить, она ударила по газам и уехала.

А он стоял и печально смотрел ей вслед, думая, что, быть может, он никогда ее больше не увидит, и что она навсегда запомнит его как человека неблагодарного и неотзывчивого. Однако он ничего не мог поделать. Булящая в нем энергия позволяла ему расслабляться только после выполненной работы.

— Если бы все это случилось в нерабочее время, — бормотал он себе под нос, медленно бредя прочь. — Если бы только не в рабочее...

III

В десять часов утра первого августа высокий загорелый молодой человек явился в контору «Сайрус Жерар Инкорпорейтед» и попросил передать свою визитку ее президенту. Менее чем через пять минут там появился еще один молодой человек, возможно, не столь пышущий здоровьем, но с триумфальным блеском в глазах. Через вибрирующую дверь личного кабинета Жерара до них долетел приказ, что оба они должны подождать.

— Ну, Пэрриш, — снисходительно бросил Ван Бюрен, — как тебе Ниагарский водопад?

— Не могу тебе сказать, — надменно ответил Пэрриш. — Посмотришь на него во время своего медового месяца.

— Моего медового месяца? — вздрогнул Ван Бюрен. — Как... с чего ты взял, что я подумываю о медовом месяце?

— Просто хотел сказать, что, когда ты будешь его планировать, наверняка выберешь посещение Ниагарского водопада.

Несколько минут они просидели, сохраняя гробовое молчание.

— Полагаю, — холодно заметил Пэрриш, — ты основательно изучил мир нуждающихся.

— Вовсе нет, ничем подобным я не занимался, — Ван Бюрен посмотрел на часы. — Боюсь, что наш конкурент с распутным именем опаздывает. Назначено было на десять тридцать; а сейчас без трех минут половина одиннадцатого.

Дверь личного кабинета распахнулась, и по приказу взволнованной секретарши оба торопливо встали и поспешили внутрь. Сайрус Жерар стоял рядом со столом, поджидая их с часами в руке.

— Привет! — удивленно воскликнул он. — А где Джонс?

Пэрриш и Ван Бюрен обменялись улыбками. Если Джонс где-нибудь застрял, тем лучше.

— Прошу прощения, сэр, — сказала притормозившая у дверей секретарша. — Мистер Джонс в Чикаго.

— Что он там делает? — удивленно спросил Сайрус Жерар.

— Он поехал туда, чтобы разобраться с той партией серебра. Никто лучше него в этом вопросе не разбирался, и мистер Голт подумал...

— Неважно, что там подумал мистер Голт, — нетерпеливо перебил ее Жерар. — Мистер Джонс больше не работает в этом концерне. Когда он вернется из Чикаго, заплатите ему и пусть себе катится, — он кивнул. — Это все.

Секретарша тоже кивнула и вышла. Жерар повернулся к Пэрришу и Ван Бюрену с гневным блеском в глазах.

— Ну, с одним покончено, — решительно заявил он. — Любой юноша, который даже не пытается выполнять мои указания, не заслуживает шансов.

Жерар начал барабанить пальцами по подлокотнику кресла.

— Ладно, Пэрриш, давайте послушаем, чем вы занимались в свободное время.

Пэрриш заискивающе улыбнулся.

— Мистер Жерар, — начал он, — я шикарно провел отпуск. Я путешествовал.

— Путешествовал? Где? Адирондак¹? Канада?

— Нет, сэр. Я был в Европе.

Сайрус Жерар сел.

— Я потратил пять дней на дорогу туда и пять дней на дорогу обратно. У меня осталось два дня на Лондон и на перелет в Париж на самолете, чтобы

¹ *Адирондак* — горный хребет на северо-востоке штата Нью-Йорк.

там переночевать. Я видел Вестминстерское аббатство, лондонский Тауэр, Лувр, провел день в Версале. На корабле я поддерживал себя в прекрасной форме — плавал, играл в настольный теннис, каждый день проходил по пять миль, встречался с интересными людьми и находил время для чтения. Я вернулся, проведя две самые замечательные недели в своей жизни; я чувствую себя прекрасно и теперь знаю больше о своей стране, так как мне было с чем сравнивать. Вот так, сэр, я проводил свой досуг, и так я намерен проводить его после того, как отойду от дел.

Жерар задумчиво откинулся на спинку своего кресла.

— Ну что же, Пэрриш, это неплохо, — сказал он. — Не знаю, но мне чем-то нравится эта идея — съездить туда, совершив морское путешествие, и взглянуть на Лондонскую фондовую биржу — хотел сказать, на лондонский Тауэр. Да, ты подал мне хорошую идею, — он повернулся ко второму молодому человеку, который во время этого рассказа беспокойно ерзал на стуле: — А теперь, Ван Бюрен, послушаем, как развлекались вы.

— И я подумывал о путешествии, — взволнованно проговорил Ван Бюрен, — но потом отказался. Шестидесятилетний мужчина не станет проводить время, бегая туда-сюда между столицами Европы. Так можно сократить год или около того, но не более. Нет, сэр, главное иметь какое-нибудь сильное влечение, и в особенности такое, что пошло бы на пользу обществу, потому что, когда человек стареет, ему хочется ощущать, что он покидает этот мир, сделав его немного лучше. Поэтому я разработал план — создать исторический и археологический научный центр, который полностью бы изменил облик государственного образования; такой центр, на который любой человек хотел бы пожертвовать свои время и деньги. Я потратил все эти две недели на то, чтобы разработать этот план в деталях, и позвольте мне уточнить: обучение в нем будет проходить в игровой форме, а это как раз то, что надо для последних лет активной жизни человека. Это будет очень увлекательно, мистер Жерар. Работая над этим проектом, я научился очень многому, большему, чем когда бы то ни было раньше, и я не думаю, что у меня в жизни когда-либо были более счастливые две недели.

Когда Ван Бюрен закончил, Сайрус Жерар несколько раз одобрительно кивнул, но все же в этом читалось какое-то недовольно.

— Основать исследовательский центр? — пробормотал он вслух. — Ну, я всегда думал, что, быть может, я и сам когда-нибудь такое проверну, но я никогда не считал, что буду лично им управлять. Мои таланты в этой области невелики. Тем не менее об этом, безусловно, стоит подумать.

Он беспокойно поднялся на ноги и начал ходить взад-вперед по ковру; неудовлетворенное выражение на его лице усилилось. Несколько раз он доставал часы и смотрел на них, как бы надеясь, что, быть может, Джонс все-таки не уехал в Чикаго, и он появится через несколько минут с отчетом, более близким его сердцу.

«Что это со мной? — с грустью думал он при этом. — Когда мною что-то сказано, значит сказано. Должно быть, я старею».

Однако, как Жерар ни старался, он не мог принять окончательного решения. Несколько раз он прекращал свое перемещение по ковру и останавливал взгляд то на одном, то на другом юноше, стараясь разглядеть в их характере какую-нибудь привлекательную черту, за которую можно было бы зацепиться и сделать выбор. Однако после нескольких таких попыток их лица, казалось, слились воедино, и он уже не мог отличить одно от другого. Они были как близнецы, которые рассказали ему одну и ту же историю — о том, как они привезли фондовую биржу самолетом в Лондон и сделали из всего этого киноленту.

— Простите, мальчики, — сказал он, запинаясь. — Я обещал, что приму решение сегодня утром, и я это сделаю, но это очень важное решение, и вам придется дать мне еще немного времени.

Оба кивнули, уставившись в ковер, чтобы не встретиться с его смяттым взглядом.

Внезапно он остановился у столика, снял трубку и позвонил в офис генерального директора.

— Скажи, Голт, — гаркнул он в воронку¹, — ты уверен, что отправил Джонса в Чикаго?

— Безусловно, — ответил голос на другом конце провода. — Он пришел сюда пару дней назад и сказал, что уже почти сошел с ума, и ему нужно срочно заняться какой-нибудь работой. Я сказал ему, что это против вашего распоряжения, но он заявил, что ему все равно ничего не светит, а нам нужен кто-то, кто смыслит в этом деле с серебром. Поэтому я...

Щелк! Он повесил трубку и возобновил бесконечное хождение взад-вперед по ковру. «Будь проклят этот Джонс! — подумал он. — Какая черная неблагодарность! Я с такой и не сталкивался. И это после того, как я затеял все это ради его отца. Возмутительно!»

Затем его мысли потекли в другом направлении, и он начал задаваться вопросом, справится ли Джонс с этим заданием в Чикаго. Ситуация там была сложная, но Джонс был надежным парнем. Все они были надежными парнями. В этом-то и была вся беда.

«Ты не должен был этого делать, понимаешь? Я хотел поговорить с тобой о чем-то важном... Ты не должен был этого делать!»

Жерар снова взял трубку, чтобы позвонить Лоле. Он смутно чувствовал, что, если бы она захотела, то смогла бы ему помочь. Собственная личная симпатия в этой ситуации ему не поможет; быть может, ее суждение окажется более значимым.

— Я должен попросить у вас прощения, парни, — сказал он расстроено. — Я не предполагал, что будет столько проблем и задержек. Однако у меня разрывается сердце, когда я думаю, что должен вообще оставлять эту корпорацию кому-то, и когда я пытаюсь принять решение, у меня просто

¹ Телефонные трубки в начале XX века имели форму раструба.

голова идет кругом. — Он помедлил: — Кто-нибудь из вас просил мою дочь выйти за него замуж?

— Я просил, — сказал Пэрриш, — три недели назад.

— И я тоже, — признался Ван Бюрен. — И я все еще надеюсь, что она передумает.

«Интересно, — задумался Жерар, — просил ли Джонс? Может, и нет; он никогда не делал того, чего от него ожидали. У него даже имя неправильное».

Телефон пронзительно зазвонил, и он непроизвольно взял трубку.

— На проводе Чикаго, мистер Жерар.

— Я не хочу ни с кем разговаривать.

— Это личный звонок. Это мистер Джонс.

— Ладно, — ответил он, недобро сощурившись. — Соедините.

Серия щелчков, и затем на том конце провода раздался едва слышный южный говорок Джонса.

— Мистер Жерар?

— Да.

— Я пытаюсь дозвониться до вас с десяти часов, чтобы извиниться.

— Полагаю, что вы должны извиниться! — взорвался Жерар. — Должно быть, вы догадываетесь, что уволены!

— Я и не сомневался, — мрачно ответил Джонс. — Наверное, это глупо с моей стороны, мистер Жерар, но, по правде говоря, я не могу весело проводить время, когда лишен работы. Я не могу жить без работы.

— Конечно, не можете! — отрезал Жерар. — Никто не может... — И тут же поправил себя: — Я имею в виду, что это простое дело.

На другом конце провода повисла пауза.

— И я так считаю, — вздохнул Джонс. — Думаю, мы понимаем друг друга, и сказать мне больше нечего.

— Что вы имеете в виду, говоря, что мы понимаем друг друга? — заорал Жерар. — Это дерзость, юноша! Мы совершенно не понимаем друг друга!

— Я хотел сказать, — уточнил Джонс, — что я не понимаю вас, и вы не понимаете меня. Я не хочу бросать работу, а вы... вы хотите.

— Я?! Бросить работу? — воскликнул Жерар, побагровев. — О чем это вы? Говорите, что я хочу бросить работу? — телефонная трубка заплясала у него в руке. — Не перебивайте меня, молодой человек! И не говорите мне, что я хочу бросить работу! Да я вовсе не собирался ее бросать! Слышите?! Я никогда не брошу работу!

Трубка выскользнула из его рук и, ударившись о стол, свалилась на пол. Через секунду Жерар уже был на коленях, яростно нашаривая ее.

— Алло! — кричал он. — Алло! Алло! — Соедините с Чикаго! Нас разъединили!

Двое молодых людей вскочили на ноги. Жерар повесил трубку и обратился к ним хриплым от волнения голосом.

— Я был идиотом, — торопливо бросил он. — Оставлять работу в шестьдесят! С какой стати? Должно быть, я точно идиот! Я все еще молод; у меня впереди еще по меньшей мере двадцать славных лет! Хотел бы я посмотреть на того, кто отправит меня на покой!

Телефон зазвонил снова. Сверкнув глазами, он схватил трубку.

— Джонс? Нет, мне нужен мистер Джонс — Рип Джонс. Он... Он мой партнер, — повисла пауза. — Нет, Чикаго... должно быть, вы ошиблись. Я не знаю никакой миссис Джонс! — мне нужен мистер Джонс...

Он внезапно умолк, и выражение его лица начало медленно меняться. Когда он снова заговорил, его хриплый голос внезапно зазвучал мягко.

— Лола? Это ты, Лола?

ДЕНЬГИ НА ВЕТЕР

I

Бар «Ритц» в Париже — одно из тех мест, где происходят разные события, вроде первой скамейки при входе в Центральный парк, или южных штатов, или офиса Морриса Геста¹, или Херрина в штате Иллинойс². Я видел, как там из-за необдуманного слова разрушались браки, видел побоище между профессиональным танцором и британским бароном; мне известно по крайней мере о двух убийствах, которые бы там точно произошли, если бы не тот факт, что дело было в июле и свободных мест там не было. Ведь даже убийство требует пространства, а в июле в баре «Ритц» все забито под завязку.

Загляните туда в шесть часов летним вечером, только следите за ногами, чтобы не зацепить широкие студенческие галифе³, и осмотритесь — нет ли там актера, который должен вам сотку баксов, или незнакомца, который однажды в Миннесоте дал вам прикурить в городке Ред-Уинг⁴, или того дружка, который своими сладкими речами десять лет назад увел у вас девушку. Одно можно сказать наверняка: прежде чем раствориться в зеленовато-кремовых парижских сумерках, вы на мгновение почувствуете, что находитесь в одном из тех мест, коим самой судьбой уготовано быть центром мира.

В семь тридцать пройдите в центр помещения и постоит с закрытыми глазами с полчаса — это лишь гипотетическое предложение, — а затем откройте их. Серые, синие и коричневые цвета исчезнут, а преобладающими,

¹ *Моррис Гест* — американский театральный продюсер, поставивший в начале XX в. многие бродвейские шоу.

² В 1922 г. в городе *Херрин* в результате стычки бастующих шахтеров с полицией погибли 23 человека, а через два года в этом городе открылся парк отдыха, в котором часто играли гастролирующие ансамбли; в частности, там выступал Фрэнк Синатра.

³ В оригинале — *college boy bag*; речь о широких, заправленных в высокие гольфы брюках, вошедших в моду у студентов во второй половине 20-х гг. XX в.

⁴ Этот город получил свое название («Красное крыло») в начале XX в. по имени местного индейского вождя.

как говорят галантерейщики, станут черно-белые. Еще полчаса, и совсем пропадут оттенки — зал почти пуст. Те, кто был зван на ужин, ушли туда, куда были приглашены; те, у кого таких приглашений не было, сделали вид, что они были. Даже пару американцев, которые первые заявили в этот бар с утра, увели добрые друзья. Часовая стрелка совершает один из своих электрических скачков к девяти. Мы тоже.

По ритцевскому времени (а это такое же время, как и везде) — девять. Мистер Джулиус Бушмилл (фабрикант, родился 1 июня 1876, Кантон, штат Огайо; женат с 1899 на Джесси Пеппер; масон; республиканец; конгрегационалист¹; член Математической ассоциации Америки с 1908, президент — с 1909 по 1912; директор компании «Граймс, Хансен» с 1911; управляющий «Мидленд Р.Р.» в штате Индиана и так далее) входит в зал, проводя шелковым носовым платком по разгоряченному покрасневшему лбу. Вид у него озабоченный. На нем красивый смокинг, но без жилета, потому что камердинер отеля по ошибке отослал оба его жилета в химчистку; многословные объяснения в связи с этим инцидентом мистер Бушмилл выслушивал добрых полчаса. Излишне говорить, что преуспевающий фабрикант чувствует себя жертвой вполне естественного смущения из-за такого несоответствия в своей одежде. Он оставил свою преданную жену и обворожительную дочь в холле отеля, а сам отправился поискать чего-нибудь бодрящего, чтобы подкрепить свои силы перед посещением эксклюзивного и роскошного обеденного зала.

Единственным другим посетителем бара был высокий, темноволосый и дьявольски красивый юный американец; приютившись в уголке кожаного дивана, он пристально разглядывал лакированные туфли мистера Бушмилла. Мистер Бушмилл смущенно окинул взглядом свою обувь, подумав, не стащил ли камердинер еще и его туфли. С огромным облегчением обнаружив их на ногах, он улыбнулся молодому человеку, а рука его непроизвольно потянулась к карману смокинга за визиткой.

— Не смог найти свои жилеты! — сказал он приветливо. — Проклятый камердинер прибрал оба! Видите?

Он продемонстрировал постыдную открытость своей накрахмаленной рубашки.

— Прошу прощения? — вздрогнул молодой человек, подняв на него глаза.

— Мои жилеты, — повторил мистер Бушмилл менее живо. — Они потеряли мои жилеты!

Молодой человек задумался.

— Я их не видел, — пробормотал он.

— Ох, да не здесь, — воскликнул Бушмилл. — Наверху!

— Джека спросите, — предложил молодой человек, махнув рукой в сторону бара.

¹ Конгрегационалисты отрицали необходимость не только вселенской, но и общенациональной церкви, поскольку подобные организации подразумевают затратную бюрократию.

Среди наших недостатков как нации имеется тот факт, что мы совершенно неуважительно относимся к задумчивому состоянию посторонних. Бушмиллсел, спросил, не хочет ли молодой человек выпить, получил в результате неохотное согласие на молочный коктейль и после детального пересказа всей этой истории с жилетами передал ему через стол свою визитку. Бушмилл не принадлежал к тем внушительного вида сюртучным миллионерам, кои стали столь часто встречаться после войны. Он был скорее выпуска 1910 года — нечто среднее между Генрихом VIII¹ и «наш мистер Джонс будет в Миннеаполисе в пятницу». Он был более шумным, более провинциальным и более сердечным, чем новоявленные миллионеры.

Ему нравились все эти парни; его сынишке было бы примерно столько же лет, как и этому, если бы не фанатичное упорство немецких пулеметчиков в последние дни войны.

— Я тут с женой и дочкой, — начал он разговор. — А вы?..

— Коркоран, — любезно, но без энтузиазма откликнулся молодой человек.

— Американец или англичанин?

— Американец.

— Чем занимаетесь?

— Да ничем.

— Давно тут? — упрямо продолжил Бушмилл.

Молодой человек помедлил.

— Я родился *здесь*, — ответил он.

Бушмилл моргнул и невольно обвел взглядом бар.

— Родились здесь? — повторил он.

Коркоран улыбнулся.

— На пятом этаже.

Официант поставил на стол два бокала и тарелку с картофелем «саратога»². И сразу же Бушмилл стал свидетелем интересного явления: рука Коркорана замельтешила вверх-вниз, до тарелки и обратно, каждый раз забрасывая изрядную порцию картофельных чипсов в жадно хватающий их рот, пока тарелка не опустела.

— Извините, — сказал Коркоран, с сожалением взглянув на блюдо. Вытащив платок, он вытер пальцы. — Как-то я увлекся... Уверен, вам принесут еще.

И тут Бушмилл обратил внимание на целый ряд деталей: например, впалые щеки этого юноши, хотя при его телосложении их быть не должно, — значит, это были впадины от недоедания или неважного здоровья; тонкая фланель его костюма, безусловно, пошитого на Бонд-стрит³, лоснилась, поглаженная

¹ *Генрих VIII* — правивший в XVI в. английский монарх из династии Тюдоров.

² То есть с чипсами; они были изобретены в середине XIX в. в одном из ресторанов городка Саратога-Спрингс.

³ *Бонд-стрит* — улица элитных бутиков и магазинов в лондонском районе Мейфэр.

множество раз, локти явственно блестили; и что все тело юноши внезапно чуть обмякло, словно переваривание картошки и молочного коктейля произошло мгновенно, а не в течение положенных полчаса.

— Родились тут, значит... — протянул задумчиво Бушмилл. — Думаю, вы долго жили за границей.

— Да.

— И как давно вы в последний раз плотно ели?

Юноша вздрогнул.

— Ну, я обедал, — сказал он. — Около часу дня обедал.

— Около часу дня в прошлую пятницу, — скептически хмыкнул Бушмилл.

Последовало долгое молчание.

— Да, — признался Коркоран, — примерно в час дня в прошлую пятницу.

— Проблемы? Или ждете денег из дома?

— Мой дом здесь, — Коркоран рассеянно огляделся. — Большую часть своей жизни я провел в отелях «Ритц» в разных городах. Не думаю, что наверху мне поверят, если скажу, что я на мели. Однако у меня хватит денег, чтобы расплатиться по счетам, когда завтра утром я съеду.

Бушмилл нахмурился.

— На те деньги, в которые тут вам обходится один день, вы могли бы прожить неделю в маленькой гостинице, — заметил он.

— Да мне дела нет до других гостиниц.

Коркоран виновато улыбнулся. Это была необыкновенно очаровательная и какая-то совершенно уверенная улыбка, и Джулиус Бушмилл почувствовал одновременно жалость и уважение. В нем была толика снобизма, как и во всех людях, самостоятельно добившихся успеха, и он понял, что юноша говорит чистейшую правду.

— Какие планы?

— Никаких.

— Есть какие-нибудь способности или таланты?

Коркоран задумался.

— Могу говорить на многих языках, — сказал он. — Что же касается талантов, боюсь, что у меня только один — тратить деньги.

— Как вы это обнаружили?

— Да как же не знать? — он снова помедлил. — Я только что спустил на ветер полмиллиона долларов.

Бушмилл охнул, но был прерван на полуслове, поскольку уединенную тишину бара нарушил новый голос, исполненный нетерпения, укоризны и шутиливой тревоги.

— Не видали тут мужчину без жилета, некоего Бушмилла? Ветхий старикан такой, под пятьдесят? Мы ждали его часа два или три!

— Холли! — откликнулся Бушмилл со стоном раскаяния, — я здесь! Позабыл, что вы существуете на белом свете.

— Только не ободряйся, что мы без тебя соскучились, — сказала Холли, подойдя ближе. — Дело только в деньгах! Мы с мамой проголодались и должны срочно перекусить; кстати, два милых французских джентльмена пригласили нас на ужин, пока мы тебя ждали в холле.

— Это мистер Коркоран. — промолвил Бушмилл. — Моя дочь.

Холли Бушмилл была юной, изящной блондинкой с короткой мальчишеской стрижкой и слегка выступающим, как у ребенка, лбом, под которым аккуратные и совершенные черты ее лица начинали живо двигаться, когда она улыбалась. Казалось, она постоянно подавляла их склонность к безответственному веселью, как будто опасаясь, что, раз поощрив их к этому, она уже не сможет вернуть их к ребяческому безмятежному состоянию под детским лобиком.

— Мистер Коркоран родился здесь, в «Ритце», — объявил ее отец. — Прости, что заставил тебя и маму ждать, но, по правде говоря, мы готовили тут небольшой сюрприз, — он оглянулся на Коркорана и открыто ему подмигнул. — Ты ведь знаешь, что послезавтра я должен уехать в Англию и заняться там кое-какими делами в одном из этих угрюмых промышленных городов. Я планировал, что вы с мамой совершите месячное турне по Бельгии и Голландии, завершив его в Амстердаме, где твой... где вас встретит мистер Носби.

— Знаю, — ответила Холли. — Ну же! Где сюрприз?

— Я планировал нанять гида, — продолжил мистер Бушмилл, — но, к счастью, этим вечером я случайно повстречал моего друга Коркорана, и он любезно согласился стать вашим экскурсоводом.

— Да я ни слова не сказал... — удивленно перебил Коркоран, но Бушмилл продолжил, решительно от него отмахнувшись.

— Он вырос в Европе и знает ее, как свои пять пальцев; он родился в «Ритце» и знает толк в отелях; а приобретенный им опыт, — тут он многозначительно посмотрел на Коркорана, — поможет уберечь тебя и твою мать от расточительства и продемонстрирует вам, как придерживаться так называемой золотой середины.

— Отлично! — Холли с интересом посмотрела на Коркорана. — Мы совершим обыкновенный вояж, мистер...

Она внезапно замолкла. В течение последних нескольких минут лицо Коркорана имело странное выражение. Теперь же он внезапно побледнел, будто от испуга.

— Мистер Бушмилл, — с усилием выговорил он, — мне надо немедленно поговорить с вами наедине. Это очень важно. Я...

Холли вскочила.

— Я пойду, мы с мамой подождем вас, — сказала она, бросив на Коркорана заинтригованный взгляд. — И давайте побыстрее, вы оба.

Когда она вышла из бара, Бушмилл с тревогой повернулся к Коркорану.

— Ну, в чем дело? — спросил он. — Что вы хотели мне сказать?

— Я только хотел сообщить вам, что сейчас упаду в обморок — ответил Коркоран.

И он упал, причем незамедлительно.

II

Несмотря на искреннюю симпатию, которую Бушмилл испытывал к Коркорану, было, конечно, необходимо кое-что о нем разузнать. В парижском отделении нью-йоркского банка, который хранил остатки его полумиллиона, ему рассказали все, что он хотел знать. Коркоран не был склонен к пьянству, азартным играм и порокам; он просто тратил деньги, вот и все. Разные люди, в том числе банковские служащие, хорошо знавшие его семью, временами пытались его вразумить, однако, видимо, он был неисправимым мотом. Детство и юность в Европе с чересчур баловавшей его матерью лишили его всякого уважения к деньгам и чувства меры.

Вполне удовлетворенный, Бушмилл больше ни о чем не спрашивал. Никто не знал, что случилось с деньгами, а если бы и знал, то природная деликатность помешала ему углубляться в недавнее прошлое Коркорана. Однако Бушмилл воспользовался случаем, чтобы дать ему несколько прощальных наставлений перед тем, как путешественники сели в поезд.

— Я доверяю вам контроль над финансами, поскольку считаю, что вы усвоили полученный урок, — сказал он. — Но помните, что на сей раз это не ваши деньги. Вашими будут лишь семьдесят пять долларов в неделю, которые я стану платить вам в качестве жалованья. Все остальные расходы должны быть внесены в этот блокнотик, а потом представлены мне.

— Понимаю.

— В первую очередь следите за всеми расходами, докажите мне, что вы обладаете здравым смыслом и извлекли урок из своих ошибок. Второе, и самое важное, — мои жена и дочь должны хорошо провести время.

С первой же зарплаты Коркоран запасся путеводителями и книгами по истории Голландии и Бельгии, и в ночь перед отъездом, равно как и в ночь после прибытия в Брюссель, засиделся допоздна, поглощая массу информации, которой ранее не знал, несмотря на свои путешествия с матерью. Они никогда не ездили осматривать достопримечательности. Мать считала это занятие уделом школьных учителей и простодушных туристов. Однако мистер Бушмилл подчеркнул, что Холли должна извлечь всю возможную пользу из этого путешествия, и Коркоран обязан был сделать его интересным для Холли, намечая заранее план на каждый день.

В Брюсселе они должны были остановиться на пять дней. В первое утро Коркоран приобрел три билета на туристический автобус, они осматривали залы ратуши, дворцы, памятники и парки, и он в это время громким

шепотом поправлял исторические ляпы гида и поздравлял себя с тем, что так хорошо подготовился.

Во второй половине дня, пока они разъезжали по улицам, заморосил дождь, а он начал уставать от собственного голоса и от обычной уже реплики Холли «О, как интересно!», которой эхом вторила ее мать, и стал задаваться вопросом, не слишком ли это долго — оставаться здесь целых пять дней? Тем не менее он сумел произвести впечатление. Начало было неплохим, он предстал перед ними как серьезный и эрудированный молодой человек. Более того, он грамотно распорядился деньгами. Сопrotивляясь порыву взять на весь день лимузин, что наверняка обошлось бы долларов в двенадцать, он потратил деньги всего на три автобусных билета по доллору за каждый, и это все, что следовало записать в блокнотик. Перед тем как засесть за вечернее чтение, он внес эту запись в блокнот для мистера Бушмилла. Однако прежде всего он принял горячую ванну — никогда ранее он не ездил в туристическом автобусе с обычными путешественниками, и сама эта затея причиняла ему дискомфорт.

На следующий день экскурсия продолжилась, однако продолжился и моросящий дождик, и вечером, к его ужасу, миссис Бушмилл слегла с простудой. Ничего серьезного, но это повлекло за собой визиты двух докторов по американским расценкам и оплату дюжины лекарств, которые европейские врачи назначают при любых обстоятельствах, поэтому в тот вечер в блокнотике появилась следующая расстроившая его запись:

Одна испорченная шляпка (она утверждала, что шляпка старая, но мне она таковой не показалась) — \$10,00

3 билета на автобус в понедельник — 3,00

3 билета на автобус во вторник — 2,00

Чаевые некомпетентному гиду — 1,50

2 визита докторов — 8,00

Лекарства — 2,25

Итого за два дня осмотра достопримечательностей — \$26,75

Коркоран подумал, что в качестве альтернативы он мог бы сделать другую запись, если бы поддался своему первому порыву:

Один комфортабельный лимузин на два дня, включая чаевые водителю — \$26,00

На следующее утро миссис Бушмилл осталась в постели, а Коркоран и Холли отправились на экскурсионном поезде в Ватерлоо. Старательно изучив стратегию сражения, он предварил объяснение маневров Наполеона кратким описанием сложившейся на тот момент политической ситуации, но был несколько разочарован равнодушием Холли. Обед только усилил его

беспокойство. Он хотел прихватить с собой холодного лобстера, но в итоге счел это слишком экстравагантным. Еда в местной забегаловке была отвратительной, и Холли с тоской смотрела на недоваренную картошку и пережаренный бифштекс, а затем начала глядеть в окно на дождик, навевавший меланхолию. У Коркорана тоже не было аппетита, но все же он заставил себя поесть, выказав притворное удовольствие. Еще два дня в Брюсселе! А потом Антверпен! И Роттердам! И Гаага! Целых двадцать пять дней исторических экскурсов, для проведения которых он должен был лишать себя ночного сна, и все это ради скучающей юной особы, которая, похоже, совершенно не готова была оценить преимущества такого путешествия.

Когда они выходили из ресторанчика, голос Холли с новыми, незнакомыми доселе нотками прервал его раздумья.

— Поймите такси. Я хочу домой!

Он повернулся к ней в недоумении:

— Как? Вы хотите вернуться, не увидав знаменитую панораму, где показаны все эпизоды войны и фигуры убитых и раненых в натуральную величину на переднем плане?

— Вон тот такси! — перебила она. — Поторопитесь!

— Такси! — застонал он, отправившись за авто, утопая в грязи. — Эти таксисты — грабители; за те же деньги мы могли бы нанять лимузин туда и обратно.

Они молча доехали до отеля. Войдя в лифт, Холли внезапно бросила на него решительный взгляд.

— Пожалуйста, этим вечером наденьте смокинг. Я хочу пойти куда-нибудь и потанцевать — и, будьте добры, пришлите цветы!

Коркоран задавался вопросом, соответствуют ли подобные развлечения представлениям мистера Бушмилла, ведь он уже понял, что Холли была обручена с мистером Носби, который должен был встретить их в Амстердаме.

Обуреваемый сомнениями, он направился в цветочный магазин и приценился к орхидеям. Букет из трех орхидей тянул на двадцать четыре доллара, такую статью расходов ему вовсе не хотелось заносить в блокнотик. Искренне сакрушаясь, он нашел компромисс, выбрав душистый горошек, и с облегчением обнаружил, что он был прикреплен к платью Холли цвета розовых лепестков, когда та вышла из лифта в семь вечера.

Коркоран был поражен и несколько смущен ее красотой — он никогда раньше не видел ее в вечернем платье. Черты ее безупречного лица весело двигались вверх и вниз от радостного предвкушения, и он подумал, что мистер Бушмилл мог бы позволить в конце концов купить эти орхидеи.

— Спасибо за миленькие цветочки! — воскликнула она нетерпеливо. — Куда пойдем?

— Здесь в отеле хороший оркестр.

В ее лице отразилось разочарование.

— Ну, можно начать и отсюда...

— И это ваше представление о бурном веселье? — продолжила она. — Вы о чем-нибудь другом думаете, кроме как об истории или памятниках?

Они спустились в полупустой бар, где несколько компаний, ужинавших в разных уголках зала, томились от летнего зноя. Когда зазвучала музыка, лишь с полдюжины американцев поднялись, начав демонстративно топтаться по паркету. Холли и Коркоран потанцевали. Она была удивлена, заметив, как хорошо он танцует — так и подобает танцевать всем высоким стройным мужчинам; он так изысканно ее вел, что Холли представлялась себе ярким букетом или отрезом драгоценной ткани, который вертят так и сяк в руках перед пятью сотнями глаз.

Но когда они закончили танцевать, она поняла, что смотревших на них глаз было всего ничего, да и те после ужина начали безучастно таять.

— Лучше бы нам перебраться в местечко повеселее, — предложила она. Он нахмурился.

— А здесь недостаточно весело? — с тревогой спросил он. — Я предпочитаю золотую середину!

— Звучит неплохо. Давайте туда и отправимся.

— Это не кафе, а некий принцип, которого я пытаюсь придерживаться. Не знаю, одобрил бы ваш отец, чтобы...

— Да будьте же вы хоть немного человеком! — сердито вспыхнула она. — Когда отец сказал, что вы родились в «Ритце», я подумала, что вам известно кое-что о том, как весело проводить время!

Он не нашелся с готовым ответом. В конце концов, с какой стати девушка такой сногшибательной красоты должна быть обречена на унылые танцульки в полупустых отелях и на экскурсии в публичных автобусах под дождем?

— И это ваше представление о бурном веселье? — продолжила она. — Вы о чем-нибудь другом думаете, кроме как об истории или памятниках? Может, вы вообще не представляете, что значит веселиться?

— Когда-то я очень хорошо это знал.

— Что-что?

— Правда, я в свое время был большим экспертом по части денежных трат.

— Денежных трат? — вырвалось у нее. — Вот на это?

Она отколола букетик от платья и бросила его на стол.

— Будьте любезны, оплатите счет. Я иду наверх спать.

— Ладно, — внезапно сказал Коркоран. — Я хочу показать вам, что такое веселье!

— Каким образом? — спросила она с ледяным презрением. — В киношку меня поведете?

— Мисс Бушмилл! — решительно заявил Коркоран. — Мое веселье превосходило все ваши смелые фантазии, которые только способны породить провинциальное среднезападное воображение! Я развлекался от Нью-Йорка и до Константинополя, устраивая такие вещи, которые заставили бы индийских раджей рыдать от зависти! Примадонны разрывали десятитысячные контракты, чтобы заявиться на мои скромнейшие пиршества. Когда вы еще играли у себя в Огайо в игру «Отгадай, у кого пуговица»¹, я так развлекался во время одного круиза, что мне пришлось затопить свою яхту, чтобы гости наконец убрались восвояси.

— Я не верю! Я... — у Холли перехватило дыхание.

— Вам скучно, — перебил он. — Ладно; я займусь своим делом. Покажу вам, на что я способен! С этого момента и до самого Амстердама обеспечу вам настоящее веселье!

III

Коркоран действовал быстро. Тем же вечером, проводив Холли до ее номера, он совершил несколько визитов; фактически он был чрезвычайно занят вплоть до одиннадцати часов утра следующего дня. Именно в это время он быстро постучал в дверь номера Бушмиллов.

¹ Речь идет о традиционной детской игре, во время которой водящий незаметно оставляет пуговицу в ладонях одного из играющих, а они должны отгадать, у кого именно она оказалась.

— Вы обедаете в Брюссельском загородном клубе, — сказал он, обратившись к Холли, — с принцем Абризини, графиней Перимонт и майором сэром Рейнольдсом Фитц-Хью, британским атташе. Ландо «Bolls-Ferrari»¹ будет у дверей через полчаса.

— А я думала, мы собираемся пойти на кулинарную выставку, — удивленно возразила миссис Бушмилл. — Мы планировали...

— Вы туда и поедете, — вежливо сказал Коркоран, — с двумя милыми леди из Висконсина. А потом отправитесь в американское кафе и пообедаете, заказав американскую еду. В двенадцать часов вас будет ожидать внизу классический черный лимузин.

Он обернулся к Холли.

— С минуты на минуту прибудет ваша новая горничная, чтобы помочь вам одеться. Она также проследит за отправкой ваших вещей, чтобы в ваше отсутствие ничего не пропало. Сегодня во второй половине дня вы принимаете гостей — будет небольшое чаепитие.

— Да как я могу это устроить? — воскликнула Холли. — Я тут ни души не знаю!

— Приглашения уже разосланы, — ответил Коркоран.

Не дожидаясь дальнейших возражений, он галантно поклонился и ретировался за дверь.

Следующие три часа пролетели, словно вихрь. Было подано роскошное ландо, рядом с шофером сидел лакей в костюме цвета спелой сливы, он был в цилиндре и атласных бриджах, а в маленьких вазочках красовалось несметное количество орхидей... Были впечатляющие титулы, которые Холли в изумлении выслушивала, сидя за усыпанным лепестками роз столом в загородном клубе; будто из ниоткуда во время застолья появилась еще дюжина мужчин; проходя мимо нее, они задерживались, чтобы представиться. Ни разу за те два года, что Холли красовалась в маленьком городке в Огайо, ей не оказывали столько внимания и она не получала такого количества комплиментов; ее брови так и прыгали вверх-вниз от восторга.

Вернувшись в отель, она обнаружила, что их ловко переселили в королевские апартаменты, в которых огромный салон и две солнечные спальни выходили окнами в сад. Ее горничная в чепце — точь-в-точь как французская служанка, которую она когда-то играла в пьесе, — была к ее услугам, и вся прислуга в отеле теперь выказывала им совершенно особое почтение. Когда Холли поднималась по лестнице, ей все кланялись, при этом мягко оттесняя других гостей; кланялись ей и у лифта, двери которого с лязгом захлопнулись прямо перед носом у двух рассерженных англичанок, и который тут же поднял ее к себе на этаж.

¹ Изначально *ландо* — легкая четырёхместная повозка со складывающейся крышей; затем так стали называть автомобили с откидным верхом над задними сиденьями. Фитцджеральд выдумал название «*Bolls-Ferrari*», созвучное «*Rolls-Royce*», с одной стороны, а с другой — посвященное знаменитому гонщику Энцо Феррари. Промыслительно, что в 1947 году Феррари создал автомобильную компанию «*Ferrari*».

Чаепитие имело большой успех. Ее мать, весьма воодушевленная приятно проведенными двумя часами в близкой ей по духу компании, беседовала с пастором американской церкви, а Холли пребывала в кругу очаровательных и галантных мужчин. Она была немало удивлена, узнав, что в тот же день устраивает еще и вечерний бал в фешенебельном кафе «Рояль», и даже дневной чай померк перед великолепием последовавшего вечера. Она не догадывалась, что два специально нанятых эстрадных артиста прибыли дневным поездом из Парижа в Брюссель, — пока они не предстали перед зрителями на сверкающем паркете. Однако она знала, что для каждого танца ей обеспечена дюжина партнеров, и все их беседы не имели никакого отношения ни к памятникам, ни к полям сражений. И если бы Холли не была вконец измотана всем этим весельем, то наверняка стала бы шумно возражать, когда в полночь к ней подошел Коркоран и сказал, что отвезет ее домой.

И лишь подремывая внутри роскошного лимузина, она нашла время удивиться.

— Однако как, черт возьми? Как ты все это устроил?

— Да ничего особенного, просто времени было в обрез, — отмахнулся Коркоран. — Я знаю тут нескольких молодых людей из посольств. Брюссель, знаешь ли, не слишком веселый город, а они всегда рады помочь его немного встряхнуть. Все остальное — проще некуда. Ты славно повеселилась?

Ответа не было.

— Ты хорошо повеселилась? — повторил он с некоторым беспокойством. — Знаешь, нет смысла продолжать, если ты не...

— Битву при Веллингтоне выиграл майор сэра Коркоран Фитц-Хью Абризини, — уверенно, но невнятно пробормотала она.

С этими словами Холли уснула.

IV

Прошло еще три дня, и Холли, наконец, согласилась оторваться от Брюсселя; тур продолжился через Антверпен, Роттердам и Гаагу. Но это был совсем уже не тот тур, который начался в Париже неделю назад. Теперь они путешествовали на двух лимузинах, потому что их сопровождала как минимум одна пара галантных кавалеров, не говоря уже о четырех нанятых слугах, которые совершали марш-броски им вслед на поездах. Приобретенные Коркораном путеводители и книги по истории больше не вынимались. В Антверпене они остановились не в обычном отеле, а в знаменитом старинном охотничьем замке на окраине города, который Коркоран снял на шесть дней вместе со слугами и всем необходимым.

Перед их отъездом фотография Холли появилась в антверпенских газетах, а ниже шла заметка, в которой о ней говорилось как об очаровательной юной

американской наследнице, снявшей Брабантский замок¹ и развлекавшейся с таким блеском, что там, по свидетельствам очевидцев, несколько раз появлялась даже некая особа королевских кровей.

В Роттердаме Холли не видела ни Бумпъес², ни Гроте-Керк³ — они были заслонены целым потоком симпатичных юных голландцев, глазевших на нее васильковыми глазами. Однако когда они добрались до Гааги и турне почти закончилось, Холли ощутила надвигавшуюся и все возрастающую грусть: она так славно проводила время, а теперь оно заканчивается, и скоро закончится совсем... К ней на всех парах неслись Амстердам и некий джентльмен из Огайо, ничего не смыслящий в настоящем веселье, и хотя она старалась выглядеть веселой, ей вовсе не было весело. Ее угнетало и то, что Коркоран, казалось, избегал ее — он почти не разговаривал с ней и не танцевал с тех пор, как они покинули Антверпен. Об этом она главным образом и размышляла в последний день тура, когда они в сумерках подъезжали к Амстердаму и ее мать задремала на заднем сиденье лимузина.

— Ты был так добр ко мне, — сказала Холли. — Если ты все еще сердишься из-за того вечера в Брюсселе, пожалуйста, прости!

— Я давно тебя простил.

Они в молчании въехали в город, и Холли с тревогой выглядывала в окно. Что она будет делать теперь, когда никто не станет о ней заботиться — о той ее составляющей, которая стремилась вечно оставаться молодой и веселой? Когда они уже подъезжали к отелю, она снова повернулась к Коркорану, их взгляды пересеклись, и они посмотрели друг на друга со странным и беспокойным выражением. Ее рука потянулась к его руке и нежно ее сжала, словно это было их прощание.

Мистер Клод Носби оказался темноволосым чопорным и лощеным, без пяти минут сорокалетним господином; он враждебно окинул взглядом Коркорана, когда тот помогал Холли выйти из авто.

— Ваш отец прибудет завтра, — сказал он многозначительно. — Его внимание привлекла ваша фотография в антверпенских газетах, и он поспешил приехать из Лондона.

— Почему бы моей фотографии не быть напечатанной в антверпенских газетах, Клод? — невинно спросила Холли.

— Это показалось нам несколько необычным.

Мистер Носби получил письмо от мистера Бушмилла, в котором тот рассказал ему о договоренности с Коркораном. Носби все это категорически не понравилось. В течение всего ужина он без особого энтузиазма выслушивал рассказ Холли о путешествии, в который иногда вставляла восторженные реплики ее мать, а когда Холли и миссис Бушмилл отправились спать, он сообщил Коркорану, что желает побеседовать с ним наедине.

¹ Речь о замке герцогов Брабантских, который расположен в городке Тюрнхаут на севере Бельгии недалеко от Антверпена.

² Бумпъес — улица в Роттердаме на правом берегу реки Ньиве-Маас.

³ Гроте-Керк — церковь в Роттердаме.

— Э-э... мистер Коркоран, — начал он, — не будете ли вы так любезны показать мне тот маленький блокнотик, который вы ведете для мистера Бушмилла?

— К сожалению, нет, — любезно ответил Коркоран. — Мне кажется, это только наше с мистером Бушмиллом дело.

— Это и мое дело тоже, — нетерпеливо возразил мистер Носби. — Возможно, вы не знаете, но мы с мисс Бушмилл помолвлены.

— Да, я догадался.

— Вы также понимаете, что я не в восторге от того времяпрепровождения, которое вы ей организовали.

— Это было обычное приятное времяпрепровождение.

— На это можно посмотреть по-разному. Так вы покажете мне блокнот?

— Завтра, — ответил Коркоран все так же любезно. — И только мистеру Бушмиллу. Доброй ночи!

Коркоран спал долго. В одиннадцать его разбудил телефонный звонок, и холодный голос Носби сообщил, что мистер Бушмилл уже прибыл и незамедлительно хочет его видеть. Когда десять минут спустя он постучал в дверь своего работодателя, то обнаружил, что там находятся также и Холли с матерью; с довольно угрюмым видом обе сидели на диване. Мистер Бушмилл холодно кивнул Коркорану, но руки не подал.

— Давайте взглянем на ваш блокнот с расходами, — сразу предложил он.

Коркоран протянул ему блокнот вместе с толстой пачкой расписок и чеков.

— Я слышал, вы там пустились во все тяжкие? — проворчал Бушмилл.

— Нет, — возразила Холли, — только мы с мамой.

— Подождите снаружи, Коркоран. Я дам знать, когда вы понадобится.

Коркоран спустился в холл и узнал от носильщика, что поезд в Париж отправляется в полдень. Затем он купил «Нью-Йорк Геральд»¹ и с полчаса просматривал заголовки. По истечении этого времени он был вызван вверх.

Очевидно, в его отсутствие шел бурный спор. Мистер Носби смотрел в окно с выражением терпеливой покорности. Миссис Бушмилл плакала, а Холли, триумфально вскинув брови, сидела у отца на коленке, словно на походном табурете.

— Присядайте! — уверенно сказала она.

Коркоран присел.

— Почему вы нам устроили такое веселье?

— Ой, да хватит, Холли! — нетерпеливо буркнул ее отец, повернувшись к Коркорану. — Я давал вам разрешение растратить двенадцать тысяч долларов за шесть недель? А?

— Вы поедете с нами в Италию! — успокаивающе перебила Холли. — Мы...

¹ Газета «Нью-Йорк Геральд» со штаб-квартирой в Нью-Йорке печаталась с 1835 по 1924 годы.

— Присядьте! — уверенно сказала она.
 Коркоран присел.
 — Почему вы нам устроили такое веселье?

— Ты можешь помолчать? — взорвался Бушмилл. — Возможно, тебе это кажется забавным, но я не люблю проигрывать и терять деньги, и нынче я очень зол!

— Какая чепуха! — весело заметила Холли. — Ты же смеялся минуту назад!

— Смеялся? Над этой дурацкой книжонкой расходов? Да она любого развеселит! Четыре титулованных персоны по пятьсот долларов за каждого! Одна купель для американской церкви за присутствие духовного лица на чаепитии. Это похоже на журнал приемного покоя психиатрической клиники!

— Ерунда! — сказала Холли. — Можешь вычесть стоимость купели из своего подоходного налога.

— Это утешает, — мрачно заметил ее отец. — Как бы то ни было, этот молодой человек больше не будет тратить мои деньги.

— Но он же прекрасный гид! Он все знает, правда! Про всякие памятники, катакомбы и битву при Ватерлоо.

— Ты позволишь мне поговорить с мистером Коркораном?

Холли замолчала.

— Миссис Бушмилл, моя дочь и мистер Носби собираются предпринять путешествие по Италии до самой Сицилии, где у мистера Носби есть некоторые дела, и они хотят, чтобы вы... точнее, Холли и ее мать считают, что от путешествия будет больший прок, если вы составите им компанию. Только учтите — на сей раз никакого роскошного сумасбродства. Будете получать жалованье, и я оплачу ваши личные расходы, но это все! Хотите поехать?

— Нет, спасибо, мистер Бушмилл, — тихо сказал Коркоран. — В полдень я возвращаюсь в Париж.

— Нет, не возвращаетесь! — воскликнула Холли с негодованием. — А как... Как же я узнаю, где форум и этот... акрополь и все прочее? — она встала с отцовского колена. — Послушай, папочка, я смогу его уговорить! — и прежде чем они сообразили, что она собирается сделать, Холли схватила Коркорана за руку и утащила его в холл, закрыв за собой дверь.

— Ты должен поехать! — убежденно сказала она. — Разве ты не понимаешь? Я увидела Клода в новом свете, и я не могу выйти за него замуж, но отцу пока сказать не смею, и я просто сойду с ума, если мне придется ехать только с ним!

Открылась дверь, и мистер Носби с подозрением оглядел холл.

— Все в порядке! — воскликнула Холли. — Он поедет! Вопрос был только в прибавке жалованья, а он слишком застенчив, чтобы прямо об этом сказать.

Они вернулись обратно, и Бушмилл их по очереди оглядел.

— С чего это вы решили, что я должен вам больше платить?

— Конечно же, чтобы он смог больше потратить! — с восторгом пояснила Холли. — Он должен держать себя в форме!

Возразить на это было нечего, на том дискуссия и завершилась. Коркоран должен был отправиться с ними в Италию в качестве проводника и гида за триста пятьдесят долларов в месяц, что было на пятьдесят долларов больше, чем он получал раньше. После Сицилии они должны были отправиться на пароходе в Марсель, где их и встретит мистер Бушмилл. После этого надобность в услугах Коркорана отпадет, поскольку Бушмиллы и Носби незамедлительно отплывают домой.

Они уехали следующим утром. Еще до того как они достигли Италии, стало ясно, что мистер Носби решил рулить этой экспедицией по-своему. Он видел, что Холли стала не такой покорной и покладистой, как до отъезда за границу, а когда он заговаривал о свадьбе, казалось, ею овладевала странная нерешительность, однако он знал, что она обожает своего отца и в конце концов сделает все, чтобы ему угодить. Вопрос был только в том, чтобы поскорее вернуть ее в Америку, чтобы у какого-нибудь юного глупца вроде этого неуравновешенного транжиры не хватило времени заразить ее всякой чепухой. Оказавшись снова в маленьком фабричном городке, в тесном кругу, где она выросла, Холли спокойно вернется к своему прежнему состоянию.

Поэтому во время первых четырех недель путешествия Носби не отходил от нее ни на шаг, и в то же время ему удавалось без конца давать Коркорану уйму ненужных поручений, которые занимали большую часть его дня. Носби вставал рано утром и распоряжался, чтобы Коркоран прихватил миссис Бушмилл на экскурсию, которая занимала целый день, но ничего при этом не говорил Холли, пока оба не оказывались на безопасном удалении. Билеты в миланскую оперу и концерты в Риме он покупал только на троих, и во всех автомобильных поездках он однозначно давал понять Коркорану, что тот будет сидеть рядом с шофером за перегородкой.

В Неаполе они должны были остановиться на один день и отправиться на пароходе до Капри, чтобы посетить знаменитый Голубой грот. Затем они вернутся в Неаполь и двинутся на машине на юг, а после этого переберутся на Сицилию.

В Неаполе мистер Носби получил телеграмму из Парижа от мистера Бушмилла; он не стал ее зачитывать остальным, а лишь сложил и засунул себе в карман, сказав при этом, что по пути к пароходу, идущему на Капри, ему надо будет ненадолго зайти в какой-нибудь итальянский банк.

Миссис Бушмилл в то утро с ними не поехала, и Холли с Коркораном остались ждать в машине. Первый раз за четыре недели они оказались наедине без чопорного мистера Носби.

— Мне нужно с тобой поговорить, — тихо сказала Холли. — Я много раз пыталась, но это было почти невозможно! Он заставил отца сказать мне, что если ты станешь вокруг меня крутиться или просто оказывать знаки внимания, то он сможет немедленно отослать тебя восвояси.

— Не надо было мне ехать, — безнадежно вздохнул Коркоран. — Это было ужасной ошибкой. И все же я хочу увидаться с тобой наедине еще раз, пусть и на прощанье.

Как только Носби поспешно вышел из банка, Коркоран тут же замолчал и стал делать вид, что просто смотрит на улицу и полностью поглощен происходящим там интересным действием. И вдруг, словно жизнь подыграла его уловке, на углу перед банком и впрямь случилось нечто любопытное. Из переулка выскочил какой-то мужчина в нарукавниках, схватил за плечо стоявшего там маленького смуглого горбуна, быстро его развернул и указал на их такси. При этом мужчина в нарукавниках даже не пытался их высматривать, словно знал, кто находится в машине.

Горбун кивнул, и тотчас оба исчезли: первый — в переулке, откуда выскочил, а горбун — будто растворился в воздухе. Вся эта сценка промелькнула так быстро, что у Коркорана от нее в памяти осталась лишь смутная картинка, и у него не было необходимости о ней вспоминать до тех пор, пока они восемь часов спустя не вернулись с Капри.

В то утро в Неаполитанском заливе было беспокойно, и среди упорных волн маленький пароходик качался, как пьяный. Вскоре на лице мистера Носби сменилась целая гамма оттенков: от желтоватого до бледно-кремового и мертвенно-бледного, однако он уверял, что едва ощущает качку, и заставлял Холли сопровождать его в непрекращающихся прогулках по ходящей ходуном палубе.

Когда пароход достиг берегов скалистого живописного острова, от него отплыли десятки лодок и головокружительно закачались на волнах, поджидая пассажиров до Голубого грота. От их непрекращающейся пляски святого Вита¹, которую они исполняли на волнах, оттенок мистера Носби изменился с благородно-бледного на неприлично-синий, что заставило его принять внезапное решение.

— Слишком штормит, — заявил он. — Мы не поедем!

Навалившаяся на перила и зачарованно наблюдавшая за происходящим Холли не обратила на это никакого внимания. Снизу раздавались соблазнительные выкрики:

— Отличный лодка, леди и джентльмен!

— Говорить по-американски, был Америка два года!

— Приятный солнечный денек взглянуть на Голубой грот!

Первые пассажиры уже уплыли, садясь по двое в лодки, и Холли начала спускаться по трапу вместе со следующей группой.

— Холли, куда ты? — закричал мистер Носби. — Сегодня слишком опасно! Остаемся на борту!

Уже спустившаяся до половины трапа Холли оглянулась через плечо.

— Конечно, я поеду! — крикнула она. — Думаешь, я проделала весь этот путь до Капри, чтобы не увидеть Голубой грот?

¹ В XVI веке в Германии существовало поверье, по которому можно было обрести здоровье, танцуя перед статуей святого Вита в день его именин. Для некоторых эти танцы стали настоящей манией, и впоследствии обычные пляски стали путать с хорсеей — нервным заболеванием, которое иначе называли «пляской святого Вита».

Мистер Носби ожидал их на палубе, он не сказал ни слова, а лишь внимательно на них поглядел, а потом всю дорогу до Неаполя сидел между ними. Однако, несмотря на его зримое и явственное присутствие, они

уже существовали не врозь. Ему следовало поскорее разделить их своими четырьмя тысячами миль...

Когда же они пришвартовались и пошли по пирсу, с Коркорана резко спало его настроение восторга и, в то же время, отчаяния; что-то внезапно напомнило ему об утреннем происшествии. Прямо на их пути, словно поджидая, стоял тот самый смуглый горбун, которому человек с нарукавниками указал на их такси. Едва их заметив, он быстро отошел в сторону и растворился в толпе. Когда же они прошли мимо, Коркоран обернулся, словно желая в последний раз взглянуть на пароход, и тут он заметил мельком, что горбун, в свою очередь, указывает на них еще какому-то человеку.

Когда все сели в такси, мистер Носби нарушил молчание.

— Вам лучше собраться немедленно, — сказал он. — Мы едем в Палермо на машине сразу после ужина.

— Но мы не успеем добраться туда до ночи! — возразила Холли.

— Остановимся в Козенце¹. Это на полпути.

Было ясно, что он хочет закончить путешествие, используя для этого любую возможность. После ужина он попросил Коркорана пойти вместе с ним в гараж отеля, и пока он нанимал машину для поездки, Коркоран понял, что это было сделано только для того, чтобы не оставлять его с Холли наедине. Носби пребывал в паршивом настроении, утверждая, что цены в гараже слишком завышены; в результате он его покинул и подошел к потрепанному такси на улице.

Таксист согласился поехать за двадцать пять долларов.

— Не думаю, что эта старая колымага на что-то способна, — рискнул заметить Коркоран. — Не разумнее ли заплатить побольше и взять другую машину?

Носби уставился на него с едва скрываемой злобой.

— Все мы вам не чета, — сухо заметил он. — Мы не можем позволить себе швырять деньги на ветер!

Коркоран согласился, холодно кивнув в ответ.

— Еще один вопрос, — сказал он. — Вы сегодня утром получили деньги в банке, или нечто, из-за чего за вами могут следить?

— Что вы хотите этим сказать? — тут же спросил Носби.

— Кто-то внимательно отслеживает наши перемещения в течение всего сегодняшнего дня.

Носби бросил на него понимающий взгляд.

— Верно, вы бы очень хотели, чтобы мы задержались в Неаполе на денек-другой, не так ли? — сказал он. — К сожалению, не вы руководите этой поездкой. Хотите остаться — оставайтесь без нас.

— И вы не будете брать другую машину?

— Ваши предложения меня уже немного утомили!

¹ Козенца — коммуна в Калабрии.

В отеле, когда носильщики уже загружали чемоданы в высокий старомодный автомобиль, Коркоран вновь почувствовал, что за ними наблюдают. Лишь с трудом он подавил желание оглянуться, повернув голову. Ведь если все это лишь плод его воображения, то лучше сразу выкинуть все из головы.

Было уже почти восемь вечера, когда они в сумерках тронулись в путь. Солнце скрылось за Неаполем, и когда они обогнули бухту и стали медленно подниматься к Торре-Аннунциата¹, цвет неба напоминал червонное золото и голубиную кровь, а Средиземное море на миг подняло бокал розового вина в честь уходящего великолепия дня. Вдалеке возвышался Везувий, из его кратера поднимался небольшой, но непрерывный столб дыма, добавляя темноты сгущающейся ночи.

— Мы должны быть в Козенце около двенадцати, — сказал Носби.

Никто ему не ответил. Город скрылся за пригорком, и теперь они ехали совершенно одни, пересекая жаркое и таинственное голенище итальянского сапога, на котором из разнообразного человеческого сора произросла мафия, и поднялась «Черная рука»², чтобы отбросить свою зловещую тень на два континента. Было что-то жутковатое в посвисте ветра над этими серыми горами, увенчанными обветшалыми замками. Холли вздрогнула.

— Я рада, что американка, — сказала она. — Здесь, в Италии, мне кажется, что все мертвы. Столько мертвецов, и все они смотрят с этих холмов — карфагеняне, древние римляне, мавританские пираты и средневековые принцы с отравляющими перстнями...

Мрачный сумрак окружающего пейзажа действовал на всех. Ветер усилился и стонал в темных кронах придорожных деревьев. Мотор авто страдальчески надрылся, когда машина взбиралась по бесконечным склонам, а потом она начинала катиться вниз по извилистому серпантину, пока от тормозных колодок не начинало тянуть гарью. Они остановились заправиться в маленькой погруженной во мрак деревеньке Эболи. Пока ждали сдачу, из темноты выкатилась другая машина и остановилась позади них.

Коркоран неотрывно смотрел на нее, но в глаза ему бил свет фар, и он смог различить только бледные пятна четырех лиц, которые в ответ смотрели на него. Когда такси отъехало и под встречным ветром преодолело милю подъема в гору, он увидел фары той, другой, машины; она выехала из деревни и последовала за ними. Он тихо обратил на это внимание Носби, после чего тот нервно подался вперед и постучал по стеклу перед шофером.

— *Piu presto!* — скомандовал он. — *Il sera sono troppo tarde!*³

Коркоран перевел эту фразу с плохого итальянского и начал беседовать с шофером. Холли задремала, положив голову на плечо матери. Минут через

¹ *Торре-Аннунциата* — пригород Неаполя на берегу Неаполитанского залива.

² «Черная рука» (итал.: *La mano nera*) — зародившаяся в середине XVIII в. в Неаполитанском королевстве и занимавшаяся главным образом рэкето преступная группировка, состоявшая из итальянцев, в основном — сицилийцев.

³ Еще быстрее, вечер уже поздний (искаж. итал.)

двадцать она внезапно проснулась и обнаружила, что машина стоит на месте. Чиркая спичками, шофер разглядывал двигатель, а Коркоран и мистер Носби быстро переговаривались на дороге.

— В чем дело? — воскликнула она.

— Поломка, — сказал Коркоран, — а у него нет подходящих инструментов для ремонта. Самое лучше, что вы можете сделать, — отправиться пешком в Агрополи¹. Это ближайшая деревушка примерно в двух милях отсюда.

— Смотрите! — сказал с тревогой Носби. Огни другой машины осветили склон холма менее чем в миле от них.

— Может, нас подбросят? — спросила Холли.

— Не станем рисковать, — ответил Коркоран. — Здесь в окрестностях логово одной из самых опасных в Южной Италии банд налетчиков. Более того, нас наверняка выслеживают. Когда я спросил шофера, знакома ли ему машина, которая приехала после нас в Эболи, он тут же как воды в рот набрал. Бойтся болтать!

Говоря это, он помогал Холли и ее матери выбраться из машины. Затем он решительно повернулся к Носби.

— Лучше скажите, что вы забрали в банке Неаполя!

— Десять тысяч долларов в банкнотах «Английского банка», — испуганно признался Носби.

— Так я и думал. Кто-то из служащих разболтал. Давайте мне эти деньги!

— С какой стати? — спросил Носби. — Что вы собираетесь с ними делать?

— Собираюсь выкинуть их на ветер, — бросил Коркоран и настороженно поднял голову. Жалобное завывание автомотора, преодолевающего подъем на второй передаче, отчетливо донеслось до них в ночной мгле. — Холли! Ты с матерью отправляйся вперед, вас проводит шофер. Пробегите быстро, насколько сможете, примерно сотню ярдов, а потом продолжайте идти. Если я не появлюсь, дайте знать карабинерам в Агрополи, — он перешел почти на шепот. — Не волнуйся, я улажу это дело. Пока!

Когда они побежали, он снова обратился к Носби.

— Отдавайте ваши деньги! — приказал он.

— И вы собираетесь...

— Я собираюсь задержать их, пока вы будете уводить Холли. Разве вы не понимаете, что если они схватят ее среди этих холмов, то смогут требовать за нее любую сумму, какую захотят?

Носби нерешительно помедлил. Затем он вынул толстую пачку пятидесятифунтовых банкнот и стал вытаскивать несколько купюр.

— Мне нужны все! — прикрикнул Коркоран. Быстрым движением он с силой вырвал пачку из рук Носби. — А теперь уходите!

Меньше чем в полумиле показались огни машины. Издав нечленораздельный вскрик, Носби развернулся и, спотыкаясь, пошел по дороге.

¹ *Агрополи* — порт на берегу Тирренского моря.

Коркоран выудил из кармана карандаш, какой-то конверт и пару минут при свете фар что-то быстро писал. Потом он послунял палец и поднял его вверх, словно ставил какой-то опыт. Похоже, результат его удовлетворил. Он ждал, перебирая в руках крупные купюры; их было сорок.

Свет фар второй машины приблизился, авто замедлило ход и остановилось в двадцати футах.

Оставив мотор работать, из машины вышли четверо мужчин и двинулись к нему.

— Добрый вечер! — окликнул их Коркоран по-итальянски, а затем продолжил. — У нас машина сломалась.

— А где остальные? — быстро спросил один из мужчин.

— Их подобрала другая машина. Развернулась и повезла в Агриполи, — вежливо сказал Коркоран. Он видел, что его держали на мушке сразу два револьвера, но он выждал еще мгновение, напрягая слух и стараясь уловить шум крон, возвещавший о порыве ветра. Мужчины подошли ближе.

— Однако у меня есть кое-что, что может вас заинтересовать, — медленно, с колотящимся сердцем он поднял руку так, чтобы в ярком свете фар стала видна пачка денег. Внезапно из долины налетел ветер, он был мощным и стремительным. Коркоран подождал еще мгновение, пока не ощутил на своем лице его прохладную свежесть. — Здесь двести тысяч лир в английских банкнотах! — он поднял пачку повыше, словно хотел передать ее ближайшему мужчине. Затем легким движением он подбросил деньги вверх; банкноты тут же подхватил ветер, закружил их и понес...

Стоявший ближе всего человек чертыхнулся и ринулся за пролетающей мимо купюрой. А потом и все остальные принялись сновать туда и сюда по дороге, а легкие банкноты летали и кружились на ветру, выделявая фантастические пируэты, словно танцующие в траве эльфы; они взлетали и порхали в разных направлениях, словно в безумной пляске.

Все бегали, бросаясь из стороны в сторону, и Коркоран бежал вместе с остальными, запихивая пойманные деньги в карманы, при этом он отбегал все дальше и дальше в дикой погоне за этими неуловимыми и манящими символами богатства.

Внезапно Коркоран нащупал решение. Низко пригнувшись, словно приметив залетевшую под машину банкноту, он подбежал к авто, перескочил через борт и прыгнул на водительское сиденье. Перекинув сцепление на первую передачу, он услышал громкое проклятие, а затем и оглушительный выстрел, но, к счастью, не успевшая остыть машина резко рванула вперед, и пуля прошла мимо.

От начавшейся пальбы зубы его мгновенно сжались, а мускулы напряглись, но он благополучно миновал заглухшее такси и помчал в темноту. Один выстрел громынул совсем близко от него, и машину тряхнуло; Коркоран на секунду испугался, что пуля попала в мотор, но потом сообразил, что она лишь пробила шину.

Через три четверти мили он остановился, заглушил двигатель и прислушался. Кругом царила тишина, и лишь что-то капало из радиатора на дорогу.

— Холли! — позвал он. — Холли!

Из темноты, не далее чем в десяти футах от него, появилась фигура, затем другая и еще одна.

— Холли! — снова окликнул он.

Она залезла на переднее сиденье рядом с ним и обвила его руками.

— Ты жив! — всхлинула она. — Мы слышали выстрелы и хотели вернуться.

Мистер Носби, теперь уже совершенно равнодушный, стоял на дороге.

— Не думаю, что у вас осталось что-то от тех денег, — сказал он.

Коркоран выудил из кармана три скомканные купюры.

— Вот все, что осталось, — сказал он. — Однако эти ребята могут появиться здесь в любую минуту, и остальные вы можете у них оспорить.

Мистер Носби, а за ним миссис Бушмилл с шофером сразу усадились в машину.

— Тем не менее, — с истеричной ноткой в голосе заметил Носби, когда авто тронулось, — это дело вышло нам довольно дорого! Вы выкинули на ветер десять тысяч долларов, на которые надо было купить товары на Сицилии.

— Это английские банкноты, — сказал Коркоран. — И очень крупные. Каждый банк в Англии или в Италии сможет опознать их по номерам.

— Но мы не знаем эти номера!

— Я записал все! — ответил Коркоран.

Слухи о том, что отдел закупок не дает мистеру Джулиусу Бушмиллу спать по ночам, совершенно безосновательны. Впрочем, кое-кто утверждает, что его некогда вполне традиционный бизнес расширяется за счет сенсации, а отнюдь не разума. Но эти люди скорее всего просто мелкие злобные конкуренты, питающие врожденное отвращение к большому размаху. Все советы по этому поводу мистер Бушмилл всегда пропускает мимо ушей и отвечает, что даже если кажется, что его зять просто транжирит деньги, они всегда возвращаются. Его теория заключается в том, что этот молодец обладает настоящим талантом пускать деньги на ветер.

ЛЮБОВЬ В НОЧИ

I

От этих слов Вала бросило в дрожь. Они пришли ему на ум свежим золотистым апрельским днем, и он начал повторять их про себя снова и снова: «Любовь в ночи, любовь в ночи». Он опробовал их на трех языках — русском, французском и английском, и решил, что лучше всего они звучат на английском. На каждом языке они означали разный вид любви и разные ночи; английская ночь представлялась самой теплой и мягкой, с тончайшей искрящейся звездной пылью... Английская любовь казалась самой хрупкой и романтической: белое платье и размытый овал лица, а над ними — светящиеся озера глаз... А когда я добавляю, что думал он все-таки о французской ночи, то в конце концов станет ясно, что мне надо вернуться и начать сначала.

Вал был наполовину русский, наполовину американец. Его мать была дочерью того Морриса Хезилтона, который помог профинансировать Всемирную выставку в Чикаго в 1892 году¹, а отцом (см. «Готский альманах»² за 1910 год) — князь Поль-Серж-Борис Ростов, который был сыном князя Владимира Ростова, внуком великого князя Сергея «Свирепого», как его называли, и троюродным братом самого царя. И конечно, как вы понимаете, все это выглядело весьма внушительно: огромный дом в Санкт-Петербурге, охотничий замок под Ригой, помпезная, больше напоминавшая дворец вилла с видом на Средиземное море. Именно на этой вилле в Каннах Ростовы коротали зимы, и ни одна живая душа в мире не осмелилась бы напомнить княгине Ростовой, что эта вилла на Ривьере, от ее мраморного фонтана а ла Бернини³ до

¹ Эта масштабная международная *выставка* была приурочена к четырехсотлетию открытия Колумбом Америки.

² «Готский альманах» — генеалогический дворянский справочник, который ежегодно печатался на немецком и французском языках в Германии до 1944 года.

³ Джованни Лоренцо *Бернини* — итальянский архитектор и скульптор XVII в., создавший в том числе римские фонтаны «Четыре реки» и «Тритон».

золоченых кордиалов¹, подаваемых в конце обеда, была оплачена американским золотом.

Русские, безусловно, были веселыми ребятами на континенте в праздничное время перед войной. Из трех наций, использовавших юг Франции как место для увеселений, они были, конечно, более прочих способны жить с размахом. Англичане слишком практичны, а американцы, хотя и тратили без оглядки, не имели романтических традиций. Однако русские... Эти люди, как и римляне, обладали вкусом к жизни, и к тому же они были богаты! Когда в конце января Ростовы прибывали в Канны, рестораторы телеграфировали на север, чтобы на бутылки с шампанским клеили этикетки их любимых марок, а ювелиры откладывали в сторону самые роскошные изделия, чтобы показать их князю (но не княгине); а местная православная церковь подметалась, вычищалась и празднично украшалась к этому времени, чтобы князь при случае мог зайти в нее и помолиться. Весенними вечерами даже само Средиземное море любезно окрашивалось в темно-бордовый винный цвет, а вдоль его берега изящно и неспешно проплывали рыбачьи лодки с яркими, как грудка малиновки, парусами.

Молодой Вал смутно чувствовал, что все это делалось ради него и его семьи. В этом привилегированном рае, в этом белом городке у моря он мог делать все, что ему заблагорассудится, потому что он был богат и молод, и благородная кровь самого Петра Великого текла в его жилах. В 1914 году, когда началась эта история, ему было всего семнадцать, и он уже стрелялся на дуэли с молодым человеком на четыре года старше себя, и в результате у него над красивым лбом остался небольшой шрам.

Однако мечты о любви в ночи более всего трогали его сердце. Это был неясный и приятный сон; нечто, что должно было с ним случиться в один прекрасный день, что-то неповторимое и несравненное. Больше ничего поведать об этой грезе он не мог, к ней лишь имела отношение какая-то неизвестная прекрасная девушка, и все должно было случиться под луной на Ривьере.

Странность всего этого заключалась не в том, что эта греза его волновала и возбуждала романтические мечты, ибо все юноши, обладающие хоть толикой воображения, питают именно такие надежды, а в том, что эта мечта действительно сбылась. И когда это случилось, то все произошло так неожиданно и сопровождалось такой мешаниной впечатлений и переживаний, странных фраз, срывавшихся с его губ, образов, звуков и мгновений, которые, возникнув, тут же исчезали в прошлом, что он с трудом мог во всем этом разобраться. Быть может, именно чрезвычайная неясность всей этой истории и сохранила ее в его сердце, сделав незабываемой.

Той весной витал аромат любви, — иллюстрации тому были, например, неблагоприятные и многочисленные любовные похождения его отца, Вал узнавал о них то косвенно — из сплетен слуг, то напрямую, наткнувшись однажды на свою

¹ *Кордиал* — небольшой бокал для ликеров; кордиалами называют также сами сладкие ликеры.

американскую мамашу, истерически ругавшую портрет отца, висевший на стене в гостиной. На портрете отец был в белой униформе и накинутом на плечи отороченном мехом доломане¹, он бесстрастно взирал на свою супругу, словно бы говоря: «Неужели ты думала, дорогая, что выходишь замуж за святошу?».

Удивленный, сбитый с толку и взволнованный, Вал удалился на цыпочках. Впрочем, все это не шокировало его, как могло бы шокировать какого-нибудь американского юношу его возраста. Он уже много лет знал, как протекает жизнь богачей на континенте, и осуждал своего отца только за то, что тот заставил мать плакать.

Вокруг него струились флюиды любви — безупречно возвышенной и непорочной, равно как и незаконной... Когда он прогуливался по набережной в девять вечера, и звезды были настолько яркими, что соперничали с уличными фонарями, он чувствовал эту любовь повсюду. Из кафе под открытым небом, пестрящего новомодными парижскими нарядами, доносился сладковатый аромат цветов и шартреза, запахи черного кофе и табака, и он ловил примешивающийся к ним другой аромат — таинственный, волнующий аромат любви. Над белыми столиками руки касались усыпанных сверкающими драгоценностями пальцев. Яркие платья льнули к белым рубашкам, и зажженные спички, слегка дрожа, тянулись к вальяжно протянутым сигаретам... На противоположной стороне бульвара менее изысканные влюбленные — работавшие в каннских магазинах молодые французы — прогуливались со своими пассиями под темными кронами деревьев. Однако глаза юного Вала редко обращались в ту сторону. Роскошь музыки и яркие краски, приглушенные голоса — все это было частью его мечты. Они были неперменными атрибутами ночной любви.

Несмотря на напускной суровый вид, которого обычно и ожидают от молодого русского господина, гуляющего в одиночестве по улицам, Валу было грустно. За мартовскими сумерками последовали апрельские, сезон подходил к концу, а он так и не нашел как использовать теплые весенние вечера. За всеми знакомыми ему шестнадцатилетними и семнадцатилетними девушками строго присматривали с утра и до позднего вечера — помните, что дело было до войны, а прочие, которые с удовольствием шли с ним прогуляться, лишь «топтали» его романтические порывы. Так проходил апрель — одна неделя, две, три...

Он играл в теннис до семи, а потом слонялся по кортам еще час, так что было уже полдевятого, когда усталая лошадка одолела холм, на котором блистал фасад виллы Ростовых. На подъездной дороге сияли желтыми огнями фары лимузина его матери, а сама княгиня в этот момент выходила из освещенного проема двери, застегивая перчатки. Вал сунул два франка кэбмену и подошел чмокнуть ее в щеку.

— Не прикасайся ко мне! — остановила его княгиня. — Ты только что держал деньги!

¹ *Доломан* — гусарский мундир; короткая куртка с длинными рукавами и шнуровкой на груди.

— Ну, не во рту же, мама! — шуточно возразил он.

Княгиня недовольно взглянула на него.

— Я сердита на тебя, — промолвила она. — Почему ты сегодня так поздно? Мы сегодня ужинаем на яхте, и ты должен был отправиться с нами.

— На какой яхте?

— На американской.

В ее голосе всегда звучала легкая ирония, когда она упоминала свою отчизну. Ее Америкой был Чикаго девяностых, и она до сих пор представляла ее эдаким обширным пространством перед мясной лавкой. Даже все непостоянство князя Поля было не такой уж высокой ценой за ее побег оттуда.

— Яхты две, — продолжила она, — и мы не знаем, о какой идет речь, из приглашения это не ясно. Какая небрежность!

Американцы... Мать приучила Вала смотреть на американцев сверху вниз, однако ей все же не удалось заставить его их недолюбливать. Американские мужчины замечают тебя, даже если тебе всего семнадцать. Ему нравились американцы. Однако он считал себя чистопородным русским, только в той идеальной пропорции, как у того знаменитого мыла — на девяносто девять и три четверти¹.

— Я хочу поехать, — сказал он. — Я быстро, мама. Я...

— Мы уже опаздываем, — княгиня обернулась — в дверях появился ее муж. — Вал говорит, что тоже хочет поехать!

— Не выйдет, — кратко бросил князь Поль. — Он беспардонно опоздал!

Вал кивнул. Как бы снисходительно ни относились к самим себе русские аристократы, по отношению к своим детям они всегда проявляли спартанскую суровость. Возражения не принимались.

— Извини, — ответил Вал.

Князь хмыкнул. Лакей в красно-серебряной ливрее открыл дверцу лимузина. Однако это хмыканье решило дело в пользу Вала, поскольку в тот день и час княгиня Ростова была на мужа чуть обижена, а это позволяло ей командовать в домашних делах.

— И все же, по здравому размышлению, тебе лучше поехать, Вал, — невозмутимо изрекла она. — Ты и впрямь опоздал, так приезжай после ужина. Яхта или «Миннехаха»², или «Капер», — она села в лимузин. — На той, что тебе нужна, веселье будет в разгаре; думаю, это яхта Джексонов...

— Пораскинь мозгами, — пробормотал князь, давая понять, что Вал найдет нужную яхту, если мозги у него все же есть. — Пускай мой камердинер на тебя посмотрит перед выходом. Возьми мой галстук вместо того нелепого шнурка, который тебе так понравился в Вене! Будь повзрослее. Ладно, нам пора.

Лимузин медленно тронулся, хрустя дорожным гравием. Лицо Вала горело.

¹ В рекламном слогане мыла говорилось о чистоте на 99 ³/₄ %.

² Яхта названа по имени *Миннехаха* — индианки, возлюбленной главного героя поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

II

В гавани Канн царила темнота; точнее, здесь казалась темно после ярко освещенной набережной, которую Вал только что оставил позади. Три жидких фонаря в доках тускло мерцали над бесчисленными рыбацкими лодками, сгрудившимися, подобно пустым раковинам, на берегу. Дальше на воде виднелись другие огни: там, где на приливных волнах с медлительным достоинством покачивался флот изящных яхт. А еще дальше полная луна придавала водной глади блеск полированного паркета бального зала. Изредка над водой раздавались скрип и всплески: это гребная лодка скользила по мелководью, и ее расплывчатые очертания появлялись то тут, то там в лабиринте стреноженных рыбацких катерков и баркасов. Спускаясь по мягкому песчаному склону, Вал наткнулся на спящего лодочника, вдохнув острый запах чеснока и дешевого вина. Вал потряс его за плечо, тот вздрогнул и удивленно разлепил глаза.

— Знаешь, где стоят на якоре «Миннехаха» и «Капер»?

...Когда они заскользили по глади бухты, Вал разлегся на корме и с некоторой досадой рассматривал луну, сиявшую над Ривьерой. Луна сегодня была отличная, первосортная, а ведь он часто за ней наблюдал, пожалуй что пять раз в неделю. Воздух был теплым, чарующим, а с берега доносилась музыка — разноголосица мелодий многих оркестров. На востоке темнел мыс Антиб, за ним была Ницца, а далее — Монте-Карло, где звенела ночь, полная золота. Когда-нибудь и он насладится всем этим, познает все радости и удачи, а потом станет слишком старым и мудрым, чтобы это его заботило.

Но сегодня ночью... Этой ночью серебристая дорожка, тянущаяся к луне, словно широкая прядь вьющихся волос, эти мягкие романтические огоньки Канн за его спиной, а в воздухе — неудержимая и невыразимая любовь, которой невозможно противиться, — все это будет потрачено впустую.

— Какая? — внезапно спросил лодочник.

— Что какая? — переспросил Вал, выпрямившись.

— Какая яхта?

Лодочник указал рукой. Вал обернулся: сверху над ним нависал серый, похожий на меч нос яхты. За время, пока он лелеял свою мечту, они прошли полмили.

Вал взглянул на медные буквы у себя над головой. Это был «Капер», и на нем горели только тусклые огни: ни музыки, ни голосов, только ритмичное бормотание воды, плескавшейся о борт.

— На другую, — сказал Вэл. — На «Миннехаху».

— Постойте!

Вал вздрогнул. Негромкий и мягкий голос донесся сверху, из темноты у него над головой.

— *Постойте!* — Вал вздрогнул. Негромкий и мягкий голос донесся сверху из темноты, у него над головой.

— К чему такая спешка? — продолжил голос. — Я подумала, что кто-то приплыл меня навестить, но теперь разочарована...

Лодочник поднял весла и нерешительно взглянул на Вала. Тот промолчал, поэтому лодочник опустил весла, сделал гребок и вывел лодку на освещенную лунной воду.

— Подожди минуту! — воскликнул Вал.

— Прощайте! — попросил голос. — Приплывайте, когда сможете остаться подольше.

— Я могу остаться прямо сейчас, — ответил он, затаив дыхание.

Вал отдал команду, и шлюпка повернула обратно к ступенькам маленького трапа. Кто-то юный, кто-то в призрачно-белом платье, кто-то нежным тихим голосом и в самом деле зывал к нему из бархатной тьмы. «Вот если бы ее глаза...» — пробормотал Вал про себя. Ему понравилось, как романтично это прозвучало, и он тихо повторил: «Вот если бы ее глаза...»

— Кто вы? — теперь она возвышалась прямо над ним; она смотрела вниз, а он — вверх, поднимаясь по трапу, и когда их взгляды встретились, они оба рассмеялись.

Девушка была молода и стройна, хрупкая, в совсем простом платье, которое лишь подчеркивало ее молодость. Два блеклых темных пятна отмечали на ее щеках места, где днем лежал румянец.

— Кто вы? — повторила она, отступив и снова рассмеявшись, когда его голова показалась над палубой. — Вы меня пугаете, отвечайте немедленно!

— Я джентльмен, — ответил Вал, отвесив поклон.

— Какой джентльмен? Джентльмены бывают разные. Однажды за соседним столиком в Париже сидел цветной джентльмен, поэтому,.. — она замолчала. — Вы не американец, верно?

— Я русский, — сказал он так, будто объявлял себя архангелом, и после секундного размышления добавил: — И я самый везучий из русских. Весь этот день, всю эту весну я мечтал влюбиться такой чудесной ночью, как эта, и теперь вижу, что само небо привело меня к вам!

— Минутку! — ответила она, слегка задохнувшись. — Теперь я вижу, что этот визит — какая-то ошибка. Я ничем подобным не увлекаюсь. Будьте добры...

— Я прошу прощения, — он недоуменно на нее посмотрел, еще не понимая, что слишком многое воспринял как должное; затем принял официальный вид и произнес:

— Я допустил ошибку. Если вы соизволите меня извинить, я пожелаю вам доброй ночи.

Он повернулся. Его рука легла на поручень.

— Не уходите, — сказала она, откинув с глаз незаметную прядь. — Подумав, я решила, что позволю вам говорить всякий вздор, если не уйдете. Мне грустно, и я не хочу оставаться одна.

Вал колебался; во всей этой ситуации было нечто, чего он не понимал. Он принял как должное, что девушка, позвавшая незнакомца в ночи, даже и с палубы яхты, очевидно была настроена на романтический лад. И ему очень захотелось остаться. Затем он вспомнил, что это была одна из тех двух яхт, которые он искал.

— Думаю, что ужин на другой яхте, — сказал он.

— Ужин? Ах да, он на «Миннехахе». Вы туда и собирались?

— Да, собирался — кажется, это было так давно.

— Как вас зовут?

Он уже собирался ответить, но вместо этого что-то заставило его задать ей вопрос.

— А как зовут вас? И почему вы не на вечеринке?

— Потому что предпочла остаться здесь. Миссис Джексон сказала, там будут какие-то русские, полагаю, что говорили о вас, — она с интересом смотрела на него. — Вы ведь юноша, не так ли?

— Я намного старше, чем выгляжу, — сухо ответил Вал. — Люди всегда об этом говорят. Считается, что это что-то необычное.

— Так сколько вам?

— Двадцать один, — соврал он.

Она рассмеялась.

— Какие глупости! Вам не больше девятнадцати.

Его раздражение было заметно, и она поспешила его успокоить.

— Да ладно вам! Мне самой только семнадцать. Может, я и пошла бы на эту вечеринку, если бы знала, что там будет кто-то моложе пятидесяти.

Смена темы его обрадовала.

— И вы предпочли сидеть здесь и мечтать под луной?

— Я думала об ошибках, — они уселись бок о бок в два парусиновых шезлонга. — Это весьма увлекательный предмет — ошибки. Женщины очень редко размышляют об ошибках, у них гораздо сильнее, в отличие от мужчин, желание о них позабыть. Но зато когда они начинают размышлять...

— Вы совершили ошибку? — спросил Вал.

Она кивнула.

— И это невозможно исправить?

— Думаю, да, — ответила она. — Впрочем, не уверена. Я как раз об этом и размышляла, когда вы появились.

— Возможно, я могу чем-то помочь? — предложил Вал. — Может, в конце концов, ваша ошибка не такая уж непоправимая?

— Не сможете, — грустно ответила она. — Так что давайте не будем больше об этом. Я очень устала размышлять над своей ошибкой. Лучше вы мне расскажите о веселых и радостных событиях, что творятся в этот вечер в Каннах...

Они долго смотрели на берег, на ряд таинственных и манящих огоньков — большие игрушечные коробки со свечами внутри, которые на самом деле были огромными фешенебельными отелями, освещенные часы в старом городе, неясное мерцание огней «Café de Paris»¹ и, будто булабочные проколы на листе, окна вилл, взбиравшихся по пологим холмам к темному небосводу.

— Чем там все заняты? — прошептала она. — Кажется, там происходит что-то прекрасное, но что именно, я сказать не могу.

— Там создается любовь, — тихо ответил Вал.

— Правда? — они снова долго смотрели вдаль, у нее появилось странное выражение во взгляде. — Тогда я хочу вернуться домой, в Америку, — сказала она. — Здесь слишком много любви... Хочу уехать домой завтра же!

— То есть, вы боитесь влюбиться?

Она покачала головой.

— Не в этом дело. Это просто потому... Нет мне здесь никакой любви.

— И мне, — тихо добавил Вал. — Как печально, что мы оба оказались в этом прекрасном месте в эту чудесную ночь, и ничего нет...

Он неосознанно потянулся к ней; его восторженный и невинный взгляд был наполнен романтикой, но она отпрянула.

— Расскажите мне побольше о себе, — поспешно попросила она. — Если вы русский, то где вы отлично научились говорить по-английски?

¹ Кафе «Париж» (фр.)

— Моя мать американка, — признался он. — Мой дед тоже был американцем, так что с языком выбирать не приходилось.

— Так вы к тому же и американец!

— Я русский, — с достоинством сказал Вал.

Она окинула его взглядом, но спорить не стала.

— Ну ладно, — дипломатично сказала она. — Тогда у вас наверняка есть русское имя.

Но теперь он уже не собирался называть ей свое имя. Любое имя, даже фамилия «Ростофф», было бы осквернением этой ночи. Они были лишь тихими голосами, бледными лицами, и этого было достаточно. Внутренний голос в его голове мелодично пульсировал нежными волнами, предостерегая о том, что очень скоро, через минуту или через час, состоится его посвящение в романтику жизни. Его имя ничего не значило по сравнению с тем, что зародилось в его сердце.

— Вы прекрасны, — сказал он внезапно.

— Откуда вы знаете?

— Потому что для женщин лунный свет — самое суровое освещение.

— И я хороша в лунном свете?

— Вы самое прекрасное создание, которое я когда-либо видел!

— Ох... — она задумалась над сказанным. — Конечно, мне не следовало позволять вам подниматься на борт. Могла бы и сообразить, о чем мы тут будем беседовать в этом лунном свете... Только я не могу сидеть тут и смотреть на берег вечно. Я слишком молода для этого. Вам не кажется, что я для этого слишком молода?

— Даже слишком молоды, — торжественно согласился он.

Внезапно они оба услышали новую музыку, которая звучала совсем рядом; казалось, она идет из-под воды менее чем в сотне ярдов от них.

— Слышите! — воскликнула девушка. — Это с «Миннехахи». Ужин закончился!

Мгновение они молча прислушивались.

— Спасибо, — вдруг сказал Вал.

— За что?

Он и не заметил, что сказал это вслух. Он был благодарен валторнам за негромкие низкие звуки, за то, что они пели на ветру, морю — за его нежный ропот и плеск у носа яхты, звездам — за молочную белизну, которая омывала их сверху так, что он чувствовал себя погруженным в какое-то вещество, более плотное, чем воздух...

— Как чудесно... — прошептала она.

— И что мы будем со всем этим делать?

— А мы должны с этим что-то делать? Я думала, мы могли бы просто сидеть и наслаждаться...

— Ты так не думала, — тихо перебил он. — И ты знаешь, что мы должны что-то с этим сделать. Я собираюсь соблазнить тебя, и ты будешь этому рада.

— Я не могу, — тихонько сказала она. Ей хотелось в ответ рассмеяться, бросить какую-нибудь легкую бесстрастную реплику, которая вернула бы ситуацию в безопасные воды непринужденного флирта. Но было уже слишком поздно. Вал знал, что музыка завершила то, что было начато лунным светом.

— Я скажу тебе правду, — промолвил он. — Ты — моя первая любовь. Мне семнадцать, сколько и тебе, не больше!

Было нечто совершенно обезоруживающее в том, что они оказались одного возраста. Это сделало ее беспомощной перед судьбой, которая их объединяла. Шезлонги заскрипели, и он ощутил слабый призрачный аромат, когда они оба по-детски потянулись друг к другу.

III

Поцеловал он ее только один раз или несколько, он потом вспомнить не мог, хотя они просидели рядом, должно быть, еще час; он держал ее за руку. Больше всего его удивило, что не было дикой страсти, сожаления, желания, отчаяния, а было лишь трепетное обещание такого счастья на свете, какого он в жизни никогда не испытывал. Первая любовь — это была только первая любовь! Чем же тогда должна быть любовь во всей ее полноте, в совершенной степени? Он еще не знал, что эти переживания, это невообразимое смешение экстаза и покоя не возвратятся уже никогда.

Музыка ненадолго смолкла, и лопочущую тишину ночи нарушил звук шляпки, движущейся по спокойной водной глади. Девушка вдруг поднялась на ноги и напряженно устремила свой взор на залив.

— Послушай! — быстро сказала она. — Я хочу, чтобы ты сказал мне как тебя зовут.

— Нет!

— Ну, пожалуйста! — взмолилась она. — Я уезжаю завтра.

Он не ответил.

— Я не хочу, чтобы ты меня забыл, — сказала она. — Меня зовут...

— Я не забуду тебя. Я обещаю помнить тебя всегда. Кого бы я ни любил, я всегда буду сравнивать ее с тобой, с моей первой любовью. Пока я жив, воспоминания о тебе всегда будут свежи в моем сердце.

— Я хочу, чтобы ты помнил! — с придыханием пробормотала она. — О, для меня это значит гораздо больше, чем для тебя, много больше!

Она стояла так близко к нему, что он чувствовал ее теплое юное дыхание у себя на лице. Их опять потянуло друг к другу. Он сжал ее ладони и запястья своими руками, — ему показалось, что именно это он и должен был сейчас сделать, — и поцеловал ее в губы. Это был правильный поцелуй, подумал он, романтический. В нем было обещание других поцелуев, которые должны были приключиться; с легким сердечным трепетом он услышал, как к яхте приближается весельная

*— Я скажу тебе правду, — промолвил он. — Ты — моя первая любовь.
Мне семнадцать, сколько и тебе, не больше!*

шляпка, и понял, что это возвращались ее родственники. Вечер закончился.

«И это лишь начало, — подумал он про себя. — Вся моя жизнь будет похожа на эту ночь».

Она начала что-то быстро говорить тихим голосом, он с напряжением прислушался.

— Ты должен узнать одну вещь: я замужем. Прошло уже три месяца. Об этой ошибке я и думала, когда лунный свет занес тебя сюда. Через мгновение ты увидишь...

Она умолкла, когда шляпка коснулась трапа и из темноты донесся мужской голос.

— Это ты, моя дорогая?

— Да.

— А что тут делает вторая лодка?

— Один из гостей миссис Джексон прибыл сюда по ошибке, и я уговорила его остаться и поразвлечь меня часок.

Через мгновение на палубе показались тонкие седые волосы и усталое лицо шестидесятилетнего мужчины.

И тогда Вал понял, как крепко он влюбился.

IV

Когда в мае закончился сезон на Ривьере, Ростовы, как собственно и все русские, закрыли на лето виллу и уехали на север. Русскую православную церковь тоже закрыли, как и винные погреба с редкими винами; до возвращения русских убрали даже модный свет весенней луны.

«Вернемся в следующем сезоне», — говорили они как о само собой разумеющемся. Однако заявления эти были преждевременными, ибо им было не суждено вернуться уже никогда. Те немногие, кто после пяти трагических лет снова подался на юг, почитали за счастье получить работу горничных или камердинеров в огромных отелях, где они когда-то обедали. Многие из них погибли на войне или были убиты во время революции; многие заканчивали свое существование, превратившись в нахлебников или мелких мошенников в крупных столичных городах Европы, и немало — покончило с жизнью, впад в беспросветное отчаянье.

Когда в 1917 году пало правительство Керенского, Вал был лейтенантом на восточном фронте, и он отчаянно пытался удерживать власть в своей роте даже после того, как от этой власти не осталось и следа. Он делал это даже когда одним дождливым утром князь Поль Ростов и его жена лишились жизни во искупление промахов династии Романовых, и завидная жизнь дочери Морриса Хезилтона закончилась в то же время в Петрограде.

После этого Вал некоторое время воевал в армии Деникина, пока не понял, что участвует в бессмысленном фарсе и что славная эпоха Российской империи закончилась. И он уехал во Францию, где внезапно столкнулся с проблемой поддержания единства души и брэнного тела.

Ну и, естественно, он стал подумывать о том, как бы уехать в Америку. Две малознакомые ему тетушки, с которыми его мама поссорилась много лет назад, все еще жили там в относительном достатке. Тем не менее эта мысль вызвала у него неприятие из-за внушенных ему матерью предубеждений, и кроме того у него просто не оставалось достаточно денег, чтобы заплатить за дорогу. Возможно, случится контрреволюция, и тогда она вернет ему собственность Ростовых в России, а пока он должен как-то перебиваться во Франции.

Поэтому Вал отправился в городок, который знал лучше всего: он поехал в Канны. На последние двести франков он купил билет третьего класса, а по прибытии отдал свой парадный костюм услужливой компании, взамен получив деньги на еду и жилье. Позже Вал сожалел, что продал фрак, с ним он мог бы ему

устроиться официантом. Вместо этого Вал начал работать таксистом, что было тоже хорошо или, точнее, столь же плохо.

Иногда он возил американцев посмотреть на сдаваемые внаем виллы, и когда стекло перегородки в машине было открыто, до него доносились обрывки разговоров:

«...Я слышал, что этот парень был русским князем... Тс-с-с! Да, вот этот, что за рулем!.. Тише, Эстер!» — а далее следовал сдержанный смешок.

Когда машина останавливалась, пассажиры обходили ее кругом, чтобы получше рассмотреть Вала. Сначала такое поведение угнетало его, особенно когда это были девушки, но через некоторое время он уже не обращал внимания. Однажды веселый подвыпивший американец спросил у него, правда ли то, что про него говорят, и пригласил отобедать.

В другой раз пожилая дама, выходя из такси, схватила его за руку, энергично ее потрясла, а затем сунула в нее стофранковую купюру:

— Ах, дорогой мой, теперь я смогу сказать дома, что пожалала руку русскому князю!

Пригласивший его на обед подвыпивший американец сначала подумал, что Вал — сын самого царя, и ему пришлось объяснять, что в России князь — это что-то вроде британского лорда. Однако американец был весьма озадачен тем, что такой человек, как Вал, чуждается публичности и не зарабатывает этим деньги.

— Это Европа, — заметил Вал мрачно. — Тут деньги не делают. Они наследуются или медленно накапливаются в течение многих лет, и тогда, может, поколения через три, семья приобретает более высокий статус.

— Придумайте что-нибудь, что нужно людям, как это делаем мы.

— В Америке больше денег и желаний. Все, что хотят люди, тут давно уже придумано.

Однако через год с помощью одного молодого англичанина, с которым он до войны играл в теннис, Вал смог попасть в каннский филиал Английского банка. Он пересылал почту, покупал железнодорожные билеты и организовывал туры для путешественников. Иногда к его окошечку подходила знакомая персона; если Вала узнавали, он пожимал руку, а если нет, то просто молчал. Через два года на него уже не показывали пальцем как на бывшего князя, ибо теперь русские стали историей — великолепие Ростовых и их друзей было позабыто.

Вал мало общался с людьми. По вечерам он прогуливался по набережной, неторопливо выпивал бокал пива в кафе и рано ложился спать. Его редко куда-либо приглашали; его грустная сосредоточенная физиономия нагоняла на людей тоску, да он и сам все равно никогда приглашений не принимал. Теперь он носил дешевую французскую одежду вместо дорогих костюмов из твида или шерсти, которые через своего отца в свое время заказывал в Англии. Что касается женщин, то он вообще с ними не знался. В семнадцать лет он был уверен в том, что жизнь будет полна романтики. Теперь, спустя восемь лет, он знал, что этому не суждено сбыться. Каким-то образом у него никогда не было времени на любовные похождения — война, революция, а теперь еще и

бедность словно сговорились помешать ожиданиям его сердца. Родники его чувств, впервые забившие той апрельской ночью, тотчас же иссякли.

Его счастливая юность закончилась, почти не начавшись. Он замечал, что время бежит, силы уходят, и он все больше и больше живет воспоминаниями о своем велико-
лепном отрочестве. В конце концов он дошел уже до нелепых вещей — вытаскивал старые семейные часы и показывал их юным сослуживцам, готовым повеселиться, и они подмигивали друг другу, слушая его рассказы о семействе Ростовых.

Вал мрачно размышлял обо всем этом апрельским вечером 1922 года, когда шел вдоль берега моря, наблюдая за неизменной магией зажигающихся огней. Это волшебство было уже не для него, однако оно неизменно продолжалось, и он этому немного радовался. Завтра он уезжает в отпуск, в дешевую гостиницу на побережье, где сможет купаться, отдыхать и читать; затем он должен будет вернуться и работать дальше. Каждый год на протяжении трех последних лет он брал отпуск в последние две недели апреля, возможно, потому, что именно в это время на него более всего накатывали воспоминания. Ведь именно в апреле в романтическом лунном свете то, чему суждено было стать лучшей частью его жизни, достигало своего апогея. Это время было для него священным, ведь то, что он считал предвосхищением и началом, оказалось концом.

Он остановился перед «Café des Etrangers»¹ и через мгновение, поддавшись непроизвольному импульсу, пересек улицу и медленно спустился к морю. На якорях в бухте стояла дюжина яхт, уже окрашенных серебристыми отблесками. Он видел их днем и лишь прочел все названия. Он поступал так уже три года, и делал это непроизвольно.

— Un beau soir², — заметил голос у него за спиной; это был лодочник, который раньше частенько видел здесь Вала. — Месье находит море прекрасным?

— Мне очень нравится.

— Мне тоже. Однако жизнь тяжела, кроме сезона. Хотя на следующей неделе мне удастся подзаработать. Хорошо платят только за то, что я просто жду тут с восьми и до полуночи и ничего не делаю.

— Прекрасно, — вежливо ответил Вал.

— Одна вдова, очень красивая леди из Америки, ее яхта всегда стоит на якоре в гавани две последние недели апреля. Если «Капер» придет завтра, это будет уже третий сезон подряд.

V

Всю ночь Вал не мог сомкнуть глаз; не потому, что у него в голове были хоть какие-то сомнения, что он должен делать, а потому, что все его оцепеневшие чувства вдруг пробудись и ожили. Конечно, он не должен с

¹ Кафе «Иностранцы» (фр.)

² Прекрасный вечер (фр.)

ней встречаться — несчастный неудачник с именем, которое стало лишь тенью; но от осознания того, что она его помнит, теперь он будет немного счастливее. Это придает его памяти другое измерение, словно она стала объемной, а не нарисованной на плоском листе бумаги. Это убедило его в том, что он не обманывал себя и когда-то давно действительно очаровал прелестную женщину, и она его не забыла.

На следующий день за час до отхода поезда он уже стоял на вокзале со своим саквояжем, словно бы стремясь избежать случайной встречи на улице. Затем он нашел местечко в вагоне третьего класса уже готового к отправке поезда.

Устроившись, он почувствовал, что стал иначе воспринимать свою жизнь; у него появилась надежда, слабая, иллюзорная; но сутки назад он ничего подобного не испытывал. Может быть, в ближайшие несколько лет он каким-то образом сможет снова встретиться с ней, если будет усердно трудиться и страстно браться за любую работу, что подвернется под руку. Он знал, по меньшей мере, двух русских в Каннах, которые начали все заново, не обладая ничем, кроме хороших манер и изобретательности, и добились на удивление хороших результатов. Кровь Морриса Хезилтона слегка запульсировала в висках Вала и заставила его вспомнить то, о чем он раньше никогда и не удосуживался вспоминать — что Моррис Хезилтон, построивший для своей дочери особняк в Санкт-Петербурге, тоже начинал с нуля.

Одновременно им овладело и другое чувство: странное, динамичное и американское — любопытство. Если он добьется успеха, точнее, если жизнь когда-нибудь даст ему возможность начать ее разыскивать, он должен хотя бы знать ее имя!

Он вскочил на ноги, возбужденно схватился за вагонный поручень и спрыгнул с поезда. Закинув саквояж в камеру хранения, он бросился к американскому консульству.

— Сегодня утром пришла яхта, — поспешно обратился он к служащему, — американская яхта «Капер». Я хочу знать, кто ее владелец.

— Минутку, — ответил клерк, как-то странно на него посмотрев. — Постараюсь узнать.

Спустя некоторое время, которое показалось Валу целой вечностью, он вернулся.

— Еще минуточку, — неуверенно повторил служащий. — Мы... как раз выясняем...

— Так яхта прибыла?

— О, да. Она здесь, все в порядке. По крайней мере, так кажется. Не могли бы вы еще немного подождать в этом кресле...

Еще через десять минут Вал нетерпеливо взглянул на часы. Если они не поспешат, он, вероятно, опоздает на поезд. Вал нервно дернулся, словно хотел встать со стула.

— Пожалуйста, посидите спокойно! — сказал служащий, взглянув на него из-за стола. — Прошу вас! Просто посидите.

Вал уставился на него: какое служащему в сущности дело, будет он ждать или нет?

— Я опаздываю на поезд, — с нетерпением бросил он. — Мне жаль, что я доставил вам столько...

— Пожалуйста, посидите еще! Мы будем рады закончить это дело. Видите ли, мы ожидали этого вашего запроса... уже три года.

Вал вскочил на ноги и нахлобучил шляпу на голову.

— Почему же вы мне этого не сказали? — сердито спросил он.

— Потому что нам нужно было сообщить об этом нашему... нашей клиентке. Пожалуйста, не уходите! Это... А вот и она сама.

Вал обернулся. В обрамленном солнечным светом дверном проеме позади него стояла стройная и лучезарная фигура с темными испуганными глазами.

— Почему?..

Губы Вала приоткрылись, но с них не слетело ни звука. Она шагнула к нему.

— Я... — она беспомощно смотрела на него, и ее глаза наполнились слезами. — Я просто хотела сказать «привет», — пробормотала она. — Я приезжала сюда три года просто потому, что хотела сказать тебе «привет».

Вал по-прежнему молчал.

— Мог бы и ответить, — нетерпеливо сказала она. — Мог бы и ответить, ведь я... Ведь я уже начала думать, что ты убит на войне! — она повернулась к служащему. — Пожалуйста, представьте нас! — воскликнула она. — Видите ли, я не могу должным образом поздороваться с ним, потому что мы даже не знаем имен друг друга.

Конечно, принято не доверять интернациональным бракам. Это американская традиция — они всегда плохо заканчиваются, и мы привыкли к таким заголовкам, как «Обменяю титул пэра на истинную американскую любовь, — заявляет герцогиня», «Утверждают, что граф Нищесум замучил свою жену из Толедо». Другие подобные заголовки даже не печатают, потому что кому охота читать: «Наш замок стал любовным гнездышком, — утверждает бывшая краса Джорджии», или «Герцог и дочка Пекера празднуют золотую свадьбу».

До сих пор о молодой семье Ростовых не было ни одной заметки. Князь Вал слишком занят целым парком такси серебристо-лунного цвета, которыми он управляет с такой необычайной энергией, что ему не до интервью. Он и его супруга выезжают из Нью-Йорка только раз в году, однако есть лодочник, который невероятно радуется, когда в один из апрельских вечеров в гавань Канн снова входит яхта «Капер».

АРКАДИЯ¹ ДЖОНА ДЖЕКСОНА

I

Первое письмо, скомканное в раздражвший его шарик, лежало у локтя, и теперь уже не имело ни малейшего значения, что будет во втором письме. Оторвав край конверта, он довольно долго разглядывал написанную масляными красками картину над буфетом, словно бы не смотрел на изображенного там убитого рябчика каждое утро за завтраком вот уже в течение двенадцати лет. Наконец, опустив глаза, он начал читать:

«Уважаемый мистер Джексон!

Спешу напомнить, что Вы согласились выступить на нашем ежегодном собрании в четверг. Естественно, мы не собираемся навязывать Вам какой-либо выбор, но мне пришло в голову, что было бы интересно услышать от вас кое-что на тему “Что я получил от жизни?”. Ваши соображения по этому поводу безусловно станут вдохновением для всех.

В любом случае, мы будем рады видеть Вас и почтем за честь само Ваше присутствие на нашей встрече.

*Искренне Ваш Энтони Роребак,
секретарь “Лиги гражданского благосостояния”».*

— Что я получил от жизни? — повторил Джон Джексон вслух, подняв голову.

Завтракать ему расхотелось, поэтому он взял оба письма и вышел на свое широкое крыльцо, чтобы выкурить сигару и полежать с полчаса перед тем, как ехать в центр города. Он поступал так каждое утро в течение десяти лет с тех пор, как его жена сбежала в один ветреный вечер, оставив его самому ломать голову о часах досуга. Он любил отдыхать на этом крыльце в теплую погоду по утрам и через зеленую арку плюща наблюдать, как автомобили проезжают по приятной улице, самой широкой и тенистой в городе.

¹ *Аркадия* — историческая область в Древней Греции, в переносном смысле — идиллическое место.

— Что я получил от жизни? — повторил он опять, усаживаясь в скрипучее плетеное кресло, а потом после долгой паузы прошептал: — Да ничего!

Это слово испугало его. За все свои сорок пять лет он никогда не говорил ничего подобного. Величайшие житейские несчастья не озлобляли его, а лишь заставляли грустить. Однако здесь, под теплым ласковым дождем, капавшим с карниза веранды на знакомую лужайку, он наконец понял, что жизнь лишила его какого бы то ни было счастья и всех иллюзий.

Он это понял благодаря тому самому скомканному бумажному шарiku, который отнял у него всякие надежды на своего единственного сына. Ему сообщали то, на что и раньше намекали сотни раз, — что его сын был слабым и непорядочным человеком, и хотя слог, которым все это было высказано, был подчеркнуто вежливым, своей выразительности от этого он не терял. Письмо было от декана университета в Нью-Хейвене¹, и каждое слово этого джентльмена прямо и открыто выражало то, что он хотел сказать.

«Уважаемый мистер Джексон!

С большим сожалением сообщаю Вам, что Вашего сына Эллери Хамиля Джексона попросили покинуть университет. В прошлом году исключительно из личного к Вам расположения, я уступил Вашей просьбе дать ему еще один шанс. Теперь я вижу, что это было ошибкой, и я нарушил бы свои должностные обязанности, если бы не сказал Вам, что он не из тех юношей, которых мы бы хотели видеть в нашем университете. Его поведение на студенческом балу было таково, что нескольким студентам последнего курса пришлось предпринять по отношению к нему самые серьезные меры.

Мне грустно писать Вам об этом, но я не вижу большой пользы в том, чтобы излагать эту историю в более деликатной манере. Я попросил Вашего сына покинуть Нью-Хейвен послезавтра.

Искренне ваши

Остин Шеммерхорн, декан университета».

Джона Джексона особо не волновало, какой именно позорный проступок совершил его отпрыск. Он без всяких сомнений знал, что все сказанное деканом было правдой, ведь даже в этом городе уже были дома, где его отпрыску, сыну самого Джона Джексона, было отказано в приеме. Какое-то время Эллери прощали благодаря его отцу, и дома ему прощали почти все, поскольку Джон Джексон был одним из тех редких людей, которые могут прощать даже своих домашних. Однако больше Эллери уже ничего не сойдет с рук. Пока Джон Джексон сидел на крыльце во время ласкового апрельского дождя, что-то произошло в его отцовском сердце.

— Что получил я от жизни? — Джон Джексон тихо и устало покачал головой из стороны в сторону. — Да ничего!

¹ *Нью-Хейвен* — расположенный на берегу пролива Лонг-Айленд город в штате Коннектикут.

Он взял второе письмо, от «Лиги гражданского благосостояния», и перечитал его, а затем от беспомощности и безнадежности его постепенно начал разбирать смех, от которого он в конце концов затрясся в своем кресле. В среду, в тот самый час, когда его проштрафившийся мальчишка прибудет в дом, из которого в свое время сбежала его мать, Джон Джексон будет стоять на возвышении в центре города, радостно произнося сотню громогласных банальностей. «Члены ассоциации, — их радостные лица вдохновенно и с нетерпением будут обращены на него, словно полные луны, — меня попросили, чтобы я попросил в нескольких словах поведать вам сегодня, что я получил от жизни...».

Послушать его придут многие, поскольку сообразительный юный секретарь сделал ставку на интересующую каждого тему: что Джон Джексон, человек успешный, способный и популярный, нашел для себя в этой жизни. Они будут слушать его вдумчиво, с вниманием, надеясь, что он раскроет им какую-нибудь секретную формулу, которая сделает их жизнь столь же известной, успешной и счастливой. Они верили в правила: вся молодежь в этом городе верит в твердые, непреложные правила, многие вырезали и отправляли купоны, чтобы в ответ им прислали брошюрки, обещавшие богатство и удачу, коих они так жаждали.

— Уважаемые члены ассоциации, для начала позвольте мне сказать, что жизнь содержит так много интересного, и если мы в ней чего-то не находим, то это вина не жизни, а лишь нас самих.

Звучание изъезженных затертых слов смешивалось с шумом дождя, который все продолжался и продолжался; казалось, ему не будет конца, однако Джон Джексон уже знал, что ни за что не произнесет эту речь, и вообще больше никогда никаких речей говорить не будет. Слишком долго он был погружен в этот свой последний сон, но наконец проснулся.

— Я не стану льстить миру, который оказался ко мне недобр, — прошептал он дождю. — Вместо этого я покину этот дом и этот город и где-нибудь снова обрету то счастье, которое у меня было в дни моей молодости!

Кивнув, он разорвал оба письма на мелкие кусочки и бросил их на стоящий рядом стол. Он просидел на веранде еще с полчаса, слегка покачиваясь, медленно покуривая сигару и выпуская сизоватый дымок в идущий перед ним дождь.

II

В офисе к нему подошел главный клерк, мистер Фаулер, с дежурной утренней улыбкой.

— Отлично выглядите, мистер Джексон! Отличный денек, если бы не дождик.

— Ага, — весело согласился Джон Джексон. — Через час прояснится. Есть кто-нибудь в приемной?

— Дама, — мистер Фаулер с шутиливой скорбью вскинул седые брови. — Миссис Ральстон.

— Передайте ей, что я не смогу ее принять, — сказал Джон Джексон к удивлению своего клерка. — И черкните мне справку о деньгах, которые я раздал с ее помощью за все эти двадцать лет.

— Э-э-э... Конечно, сэр!

Мистер Фаулер всегда убеждал Джона Джексона внимательнее относиться к беспорядочной благотворительной деятельности, которую тот вел; однако теперь, по прошествии двух десятилетий, это его несколько встревожило.

Когда список был доставлен — на его подготовку ушел час копания в старых бухгалтерских книгах и чековых квитанциях, — Джон Джексон долго молча его изучал.

— У этой женщины денег больше, чем у вас, — проворчал стоявший рядом Фаулер. — Каждый раз, когда она приходит, на ней новая шляпка. Бьюсь об заклад: она сама никому не отдала ни цента, она только слоняется и просит за других людей!

Джон Джексон ничего не ответил. Он думал о том, что миссис Ральстон была одной из первых дам в этом городе, отказавшихся принимать у себя Эллери Джексона. Она поступила совершенно правильно; однако тогда Эллери было всего шестнадцать, и если бы он повстречал какую-нибудь милую девушку...

— В приемной также Томас Макдауэлл. Хотите его принять? Я сказал ему — не уверен, что вы еще в офисе, поскольку, по правде говоря, мистер Джексон, сегодня утром вы выглядите утомленным...

— Я его приму, — перебил Джон Джексон.

Он наблюдал за удаляющейся фигурой Фаулера с необычным выражением во взгляде. Вся эта сердечная любезность Фаулера... Интересно, что она скрывала, и что у него на сердце? Несколько раз — Фаулер об этом не знал — Джексон видел, как тот пародирует своего босса, развлекая других сотрудников; пародии эти были с недобрый тоном, и Джон Джексон тогда лишь усмехался, но теперь он воспринимал это совсем иначе.

— Несомненно, он считает меня крутым дураком, — задумчиво пробормотал Джон Джексон. — Ведь я держу его при себе много лет, а пользы от него давно нет никакой. Люди же, полагаю, имеют привычку презирать любого, кого они обвели вокруг пальца.

В офис с шумом ввалился Томас Макдауэлл — здоровущий, как амбарная дверь, мужчина с огромными светлыми ладонями. Если Джон Джексон стал бы перечислять своих врагов, ему следовало начать с Тома Макдауэлла. Двадцать лет они цапались друг с другом по любому вопросу в муниципалитете, а в далеком 1908 году они даже стояли, набывчившись, рядом на трибуне чуть ли не с закатанными рукавами, поскольку Джексон заявил в печати о том, что и так было всем известно: дескать, политика Макдауэлла — это худшее, что этот город видел за все время своего существования. Нынче эта история была уже

основательно подзабыта, и напоминание о том случае выражалось лишь в резких взглядах, которыми Джексон и Макдауэлл обменивались при встречах.

— Привет, мистер Джексон! — сказал Макдауэлл с напускной сердечностью. — Нам нужна ваша помощь, и нам нужны ваши деньги.

— А в чем дело?

— Завтра утром в «Орле» будет опубликован план нового вокзала. Единственное препятствие — надо решить вопрос с местом стройки. Нам нужна ваша земля!

— Моя земля?

— Железная дорога хочет начать стройку на двадцати акрах на берегу реки, где находится ваш склад. Если вы им уступите и продадите недорого этот участок, мы получим вокзал, а если нет, то ничего и не выйдет с этой затеей.

— Ясно, — кивнул Джексон.

— И какова будет цена? — вкрадчиво спросил Макдауэлл.

— Ее не будет.

У визитера отвисла челюсть.

— И это я слышу от вас? — удивился он.

Джон Джексон поднялся.

— Я решил больше не быть местным козлом отпущения, — твердо объявил он. — В свое время вы отбросили единственный справедливый и достойный план застройки, поскольку он мешал вашим личным интересам. А теперь, когда возникло препятствие, вы решили отыгаться за мой счет! И я должен уничтожить свой склад и продать один из лучших кусков земли в городе за бесценок, потому что в прошлом году вы допустили «небольшую ошибку»!

— Однако прошлый год закончился, — возразил Макдауэлл. — То, что произошло тогда, не меняет нынешнюю ситуацию. Городу нужен вокзал, и поэтому я... — в его голосе зазвучала легкая ирония, — ...естественно, пришел к его первостатейному гражданину, рассчитывая на его хорошо известную общественную позицию.

— Покиньте мой офис, Макдауэлл! — внезапно сказал Джон Джексон. — Вы меня утомили.

Макдауэлл строго на него взглянул.

— Что это на вас сегодня нашло?

Джексон закрыл глаза.

— Не хочу с вами спорить, — произнес он после паузы.

Макдауэлл хлопнул себя по округлому бедру и встал.

— Странная позиция, — заметил он. — Подумайте хорошенько.

— Всего хорошего!

Поняв к своему изумлению, что Джон Джексон говорит прямо, Макдауэлл двинул свое мощное тело к двери.

— Ну-ну, — сказал он, повернувшись к Джексону и грозя ему пальцем, словно тот был плохим мальчишкой. — Кто бы мог подумать, что в конечном счете я такое от вас услышу?

Когда он ушел, Джексон вновь вызвал своего клерка.

— Я уезжаю, — небрежно заметил он, — и буду отсутствовать какое-то время. Может, с неделю, может, дольше. Хочу, чтобы вы отменили все назначенные встречи, рассчитали прислугу и заперли дом.

Мистер Фаулер с трудом верил своим ушам.

— Закрывать ваш дом?

Джексон кивнул.

— Но почему?... Что случилось? — с изумлением спросил Фаулер.

Джексон смотрел через высокое окно на серый городишко, который заливал косой хлещущий дождь, — его город, в котором жизнь иногда доставляла ему редкие минуты счастья. Вон та насыщенная зелень деревьев вдоль главного бульвара — это он сделал ее появление возможным, и детский парк, и белые, мокрые от дождя здания вокруг Судейской площади.

— Не знаю, — ответил он, — думаю, мне надо продышаться весенним воздухом.

Когда Фаулер ушел, он надел шляпу и плащ и, чтобы не столкнуться с теми, кто мог еще ожидать с ним встречи, пошел через неиспользуемый архив, который вел к лифту. Однако, к своему удивлению, он обнаружил, что в то утро архив был явно обитаем — там находился мальчишка лет девяти, который старательно рисовал мелком свое имя на жестяных архивных ящиках.

— Привет! — окликнул его Джон Джексон.

Он привык говорить с детьми заинтересованно и на равных.

— Не знал, что сегодня в этом помещении кто-то есть.

Мальчик пристально на него посмотрел.

— Меня зовут Джон Джексон Фаулер, — заявил он.

— Как?

— Джон Джексон Фаулер!

— А, понятно. Ты... сын мистера Фаулера?

— Да, он мой отец.

— Понятно, — Джон Джексон слегка прищурился. — Ну что же, желаю тебе доброго утра!

Он вышел в дверь, прикидывая, чего собственно собирался достичь Фаулер этим неожиданным комплиментом? Джон Джексон Фаулер! Утешало лишь то, что его собственный сын не носил его фамилии.

Через несколько минут в расположенной ниже телеграфной конторе на желтом бланке он написал следующее:

ЭЛЛЕРИ ДЖЕКСОНУ, ЧЭПЕЛ-СТРИТ, НЬЮ-ХЕЙВЕН, КОННЕКТИКУТ. НЕТ МАЛЕЙШЕЙ ПРИЧИНЫ ВОЗВРАЩАТЬСЯ ДОМОЙ, ПОТОМУ ЧТО ТЕБЯ БОЛЬШЕ НЕТ ДОМА. МАМОНТ ТРАСТ КО. НЬЮ-ЙОРКЕБУДЕТ ВЫПЛАЧИВАТЬ ТЕБЕ ПЯТЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ МЕСЯЦ ДО КОНЦА ЖИЗНИ ЕСЛИ СМОЖЕШЬ УБЕРЕЧЬСЯ ОТ ТЮРЬМЫ. ДЖОН ДЖЕКСОН.

— Это... длинное сообщение, сэр, — охнул изумленный телеграфист. — Так и отправлять?

— Так и отправляйте, — кивнул Джон Джексон.

III

В тот день он проехал семьдесят миль, и следы от дождя на окнах поезда превратились в запыленные высохшие полосы, а пейзажи оживились весенней зеленью. Когда солнце на западе окончательно побагровело, он высадился в маленьком полузабытом городке Флоренция¹ на границе с соседним штатом. В этом городке Джон Джексон родился, и он не был тут уже двадцать лет.

Таксист, в котором он узнал (не выдав этого) приятеля своего детства Джорджа Стирлинга, отвез его в обветшалый отель, где, к удивлению и радости хозяина, Джоном Джексонном был снят номер. Оставив плащ на продавленной кровати, он вышел через пустынный холл на улицу.

Вечер был ясный, теплый, и серебристый серп луны, плывущий на востоке, обещал светлую ночь. Джон Джексон пошел по сонной Главной улице, где каждый магазинчик, каждая подворотня, каждая поилка для лошадей вызывали у него трепетные чувства, потому что в детстве он относился к ним не только как к неодушевленным предметам. У одного магазинчика, приметив за витриной знакомое лицо, он было задержался, но передумал и пошел дальше по улице, свернув с широкой проезжей части на перекрестке. Вдоль дороги тянулся неплотный ряд обветшалых домов; некоторые из них были покрашены в нездоровый блекло-синий цвет, и все они стояли порознь среди больших участков заросшей и неухоженной земли.

Ловя солнце, он прошел по дороге с полмили, и это расстояние сжалось у него до короткого зеленого перехода, забитого воспоминаниями. Здесь, например, оставленный без присмотра мул дал ему железной подковой в бедро. А в этом коттедже жили две кроткие старые девы, которые каждый четверг угощали лепешками с изюмом Джона Джексона и его младшего брата; он умер потом, еще ребенком.

Когда он приблизился к концу своего паломничества, дыхание его участилось, и дом, в котором он родился, казалось, сам выбежал ему навстречу. Дом был ветхим и заброшенным, он стоял вдали от дороги, солнце и дожди придали ему блеклый оттенок старого дерева.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — здесь никто не живет. Сохранившиеся еще ставни были наглухо закрыты, а из переплетенных стеблей плюща единым аккордом доносился громкий пронзительный щебет сотни птиц. Джон Джексон свернул с дороги и побрел по двору, по колено

¹ Американский город *Флоренция* (Florence) расположен в одноименном округе штата Южная Каролина.

заросшему некошеной травой. Когда он подошел ближе, что-то словно сжало его горло. Он остановился и сел на камень в тени деревьев.

Это был его собственный дом, другого такого не было на свете; в этих простеньких стенах он бывал по-настоящему счастлив. Здесь он научился той доброте, которую пронес по жизни. Здесь он открыл секрет тех немногих простых неподдельных правил достойного поведения, к которым так часто призывают и которые встречаются так редко; благодаря им в суматохе конкурентного бизнеса у людей более грубых он вызывал полунасмешливое-полувосхищенное удивление. Это был его дом, поскольку здесь рождалась и укреплялась его честь; здесь он познал все невзгоды деревенской бедности, за исключением разве что тех бед, которых можно было избежать.

Однако по-настоящему в прошлое его влекло еще одно воспоминание, более навязчивое, чем любое другое, и усилившееся в переживаемый сейчас жизненный кризис. На этом дворе, на этой обшарпанной веранде, в самом дереве над своей головой он, казалось, все еще улавливал отблеск белокурых волос и сияние ясных детских глаз девочки, жившей в далеком прошлом в доме напротив; она была его первой любовью. В конечном счете так выходило, что самым живым тут был ее призрак.

Джон поднялся, неспешно пробился через заросли кустов и, вздрогнув от выпорхнувшего из травы дрозда, направился по заросшей тропинке к дому. Когда он толкнул дверь, крыльцо опасно прогнулось под ногами. Внутри не было ни звука, кроме ровной и медленной пульсации тишины; но когда он вошел, ему непроизвольно, как дыхание, явилось имя, и он произнес его громко, словно призывал кого-то в этот опустевший дом.

— Элис, — крикнул он, а потом повторил еще громче: — Элис!

Из комнаты слева донесся краткий тихий испуганный вскрик. Джон Джексон застыл в дверях, убежденный, что это лишь плод его собственного воображения.

— Элис? — неуверенно позвал он.

— Кто здесь?

На сей раз ошибки не было. Испуганный голос, незнакомый и все же памятный, долетел из комнаты, где когда-то была гостиная, и Джон Джексон услышал там чьи-то встревоженные шаги. Дрожа, он толкнул дверь.

В центре пустой комнаты стояла испуганная женщина с ясным взглядом и золотисто-рыжими волосами. Ее возраст был на грани между все еще длящейся прекрасной беззаботной молодостью и повелительным зовом сорока лет, и в лице ее была та неопределенная прелесть, которую юность порой дарит, прежде чем покинуть свою обитель, столь долго ей принадлежавшую. В ее фигуре все еще чувствовалась стройность; с величественной грацией она прислонилась к старому камину, ее бледная рука покоилась на полке, и лучи уходящего солнца падали сквозь щели в ставнях на ее светлые волосы.

Когда в проеме двери появился Джон Джексон, она зажмурилась, а потом ее большие серые глаза распахнулись, и она еще раз вскрикнула. Затем произошло

— Да, был женат, — серьезно ответил он. — Жена сбежала от меня с каким-то мужчиной, которого знала уже много лет.

удивительное: какое-то время они смотрели друг на друга, не произнося ни слова, потом ее рука соскользнула с каминной полки, и она, покачнувшись, шагнула ему навстречу. И словно это было самой естественной вещью в мире, Джон Джексон тоже шагнул вперед, обнял ее и поцеловал, словно ребенка.

— Элис! — промолвил он хрипло.

Она глубоко вздохнула и отшатнулась от него.

— Я вернулся сюда, — пробормотал он неуверенно, — и вдруг вижу тебя ожидающей в этой комнате, где мы обычно сидели... как будто я и не уезжал.

— Я только заскочила на минутку, — сказала она так, словно это была самая важная событие в жизни. — Я сейчас расплачусь.

— Не плачь!

— Как не плакать? Ты же не думаешь, — она улыбнулась сквозь слезы, — ты же не думаешь, что такие вещи слу... случаются с людьми каждый день?

Джон Джексон в волнении подошел к окну и распахнул его настежь.

— Что ты здесь делала? — воскликнул он, обернувшись. — Случайно зашла?

— Захожу каждую неделю. Иногда привожу с собой детей, но обычно прихожу одна.

— Детей? — воскликнул он. — У тебя есть дети?

Она кивнула.

— Я замужем уже много лет.

Какое-то время они стояли, глядя друг на друга, а затем оба рассмеялись и отвели глаза.

— Я целовала тебя, — прошептала она.

— Сожалеешь?

Она покачала головой.

— Последний раз я поцеловала тебя у тех ворот десять тысяч лет назад.

Он взял ее за руку, они вышли и сели рядом на сломанной веранде. Солнце окрасило запад широкими полосами персикового, рубинового и золотисто-желтого цвета.

— Ты женат, — сказала она. — Я видела в газетах... много лет назад.

Он кивнул.

— Да, был женат, — серьезно ответил он. — Жена сбежала от меня с каким-то мужчиной, которого знала уже много лет.

— Ох, извини! — и добавила после долгого молчания: — Чудесный вечер, Джон Джексон!

— Давно я не был так счастлив!

* * *

Им так много надо было друг другу сказать, что ни один из них не пытался заговорить; они просто сидели, держась за руки, как два ребенка, которые долго блуждали в лесу поодиночке, а теперь с небывалым счастьем наткнулись друг на друга на солнечной поляне. Она рассказала, что муж ее беден; он уже это понял по ее поношенному немодному платью, которое она носила с достоинством. Мужем ее был Джордж Харланд, он держал автомобильную мастерскую в деревне.

— Джордж Харланд? Тот рыжеволосый парнишка? — удивленно спросил он.

Она кивнула.

— Мы были помолвлены много лет. Иногда мне казалось, что мы никогда не поженимся. Дважды мы откладывали, однако я засиделась в девушках, мне было уже двадцать пять, так что мы наконец поженились. Я была счастлива... чуть более года...

Когда закат смелыми мазками смешал все буйство красок на палитре, Джон Джексон не спеша провожал ее домой.

— Зайдешь поужинать? Хочу, чтобы ты посмотрел на детей. Моему старшему стукнуло пятнадцать.

*Когда закат смелыми мазками смешал все буйство красок на палитре,
Джон Джексон не спеша провожал ее домой.*

Она жила в простом каркасном доме, совсем рядом с мастерской; две девчушки во дворе играли со старой потрепанной игрушечной детской коляской, в которой лежала кукла.

— Мама! Мамочка! — закричали они.

Загорелые ручонки обвили ее шею, когда она присела рядом с ними на дорожке.

— Сестра говорит, что Анна не пришла, поэтому ужина не будет!

— Мамочка приготовит. А что с Анной?

— Ее папа заболел. Вот она и не смогла прийти.

Пока они поднимались по ступенькам, высокий усталый мужчина лет пятидесяти, читавший на крыльце газету, встал и сбросил пиджак, оставшись в подтяжках.

— Анна не пришла, — сухо заметил он.

— Знаю. Я приготовлю ужин. Как ты думаешь, кто к нам пожаловал?

Мужчины обменялись дружескими рукопожатиями, и Харланд с почтением к костюму Джона Джексона и его манерам преуспевающего человека пошел в дом еще за одним стулом.

— Мы много слышали о вас, мистер Джексон, — сказал он, когда Элис ушла на кухню. — Наслышаны, как вы их у себя в городе тормошите, чтобы они думали не только о себе.

Джон вежливо кивнул, но при упоминании города, который он только что покинул, на него накатила волна отвращения.

— Я сожалею, что уехал отсюда, — откровенно ответил он. — И это не просто слова. Расскажите мне, Харланд, что вам дали все эти годы? Я слышал, у вас есть автомастерская?

— Ага, рядом — дальше по дороге. Ну, в общем, дела идут неплохо. Хотя в городе вы бы это не назвали «неплохо», — поспешно добавил он, желая, видимо, уйти от темы.

— Знаете, Харланд,... — сказал Джон Джексон после паузы. — Я очень люблю вашу жену.

— Да? — Харланд хохотнул. — Ну что же, мне кажется, она довольно милая женщина.

— Думаю, что все эти годы я был в нее влюблен.

— Правда? — Харланд снова рассмеялся. То, что кто-то может быть влюблен в его жену, казалось ему просто шуткой. — Расскажите лучше об этом ей самой. А то теперь она не слышит столько приятного, как бывало в ее молодые годы.

Они уселись за стол вшестером, вместе с неуклюжим юношей лет пятнадцати, который был очень похож на своего отца, и двумя девчушками, чьи личики посвежели после умывания на скорую руку. Как узнал Джон, в городке многое изменилось: процветание, которое грозило излиться на него в конце девяностых, испарилось, когда закрылись и переехали две фабрики, а население за четверть века уменьшилось на несколько сотен человек.

После нехитрого, но обильного ужина все вышли на крыльцо; дети молча уселись, покачиваясь, на перила, на фоне неба были видны только их силуэты; какие-то люди, проходя по запыленной улице, приветствовали их. Через некоторое время девочки пошли спать, а мальчик с отцом встали и накиннули пиджаки.

— Думаю сбегать в мастерскую, — сказал Харланд. — Я всегда туда хожу по вечерам примерно в это время. А вы посидите тут вдвоем, поговорите о старых временах.

Когда отец и сын скрылись из виду в темноте улицы, Джон Джексон повернулся к Элис, обнял ее за плечи и посмотрел ей прямо в глаза.

— Я люблю тебя, Элис!

— Я тоже тебя люблю.

Никогда со времени своей женитьбы он не говорил этого ни одной женщине, кроме своей супруги. Однако этим вечером его окружал новый мир, повсюду в воздухе витала весна, и он ощущал себя так, словно держал в руках свою утраченную молодость.

— Я всегда любила тебя, — пробормотала она. — Каждую ночь перед сном я вижу твое лицо. Почему ты не вернулся?

Он нежно погладил ее волосы. Никогда раньше он не ощущал такого счастья. Ему казалось, что он возобладал над самим временем, и сейчас оно шло вспять, возвращая одну минувшую весну за другой, поддавшись власти переполнявшего его чувства.

— А ведь мы с тобой все еще молоды, — радостно заявил он. — Когда-то давным-давно мы совершили глупую ошибку и со временем это осознали.

— Что с тобой случилось? — прошептала она.

— Сегодня утром во время дождя я услышал твой голос.

— И что он сказал?

— Он сказал: «Вернись домой».

— И вот ты здесь, мой милый!

— Да, я здесь.

Он внезапно вскочил.

— Мы с тобой уедем! — воскликнул он. — Ты понимаешь?

— Я всегда знала, что, когда ты за мной приедешь, то буду предоставлена тебе.

Позже, когда взошла луна, она прошла с ним до калитки.

— Завтра! — прошептала она.

— Завтра!

Его сердце бешено колотилось, и он из предосторожности шагнул в сторону, чтобы дать прохожему миновать их и исчезнуть во мраке. С чувством первобытной невинности он еще раз поцеловал ее и прижал к сердцу под апрельской луной.

IV

Когда он проснулся, было одиннадцать часов. Он принял прохладную ванну и поплескался в ней с не меньшей радостью, чем та, что испытывал вчера вечером.

— Слишком много я размышлял все эти двадцать лет, — сказал он себе. — А именно от мыслей люди и стареют.

Было жарче, чем накануне, и когда он глянул в окно, уличная пыль показалась ему более заметной, чем вчера вечером. Он позавтракал в одиночестве внизу, удивившись, как все горожане, тому, что в сельской местности почти никогда не найти сметаны. Слухи, что он приехал домой, уже успели разойтись, и, когда он вошел в вестибюль, несколько мужчин встали поприветствовать его. На вопрос, есть ли у него жена и дети, он небрежно заметил, что не женат, но после сказанного у него появилось ощущение дискомфорта.

— Я здесь совсем один, — продолжил он с деланной веселостью. — Хотел вернуться и увидеть этот старый городок снова.

— Вы надолго? — на него смотрели с любопытством.

— Всего на денек или около того.

Ему было любопытно, что они скажут завтра. Наверняка там и сям на главной улице возбужденные группки будут делиться ошеломительными новостями.

«Послушайте, — хотелось ему сказать, — вы думаете, я там, в своем городе, веду распрекрасную жизнь, но это не так. Я приехал сюда, потому что жизнь меня покаутировала, и если сегодня утром в моих глазах есть хоть какой-то блеск, так это потому, что прошлым вечером я нашел часть своей утраченной молодости, скритуую в этом городке».

В полдень, пока он шел к дому Элис, жара усилилась, и он несколько раз останавливался, чтобы вытереть пот со лба. Повернув к воротам, он увидел ее, жаущую на крыльце; по-видимому, на ней было выходное платье. Она плавно покачивалась в кресле-качалке; он помнил, что она так делала и в детстве.

— Элис! — радостно воскликнул он.

Ее палец быстро взметнулся к губам.

— Осторожно! — тихо сказала она.

Он сел рядом с ней и взял ее за руку, но она вновь положила ее на подлокотник кресла и продолжила тихонько покачиваться.

— Будь осторожен. В доме дети.

— Да не могу я быть осторожным! Теперь, когда жизнь для меня начинается заново, я позабыл всю свою осторожность, которой научился в той, прошлой жизни.

— Ш-ш-ш!

Несколько раздраженный, он внимательно на нее посмотрел. Ее лицо, застывшее и отстраненное, казалось чуть старше, чем вчера; она выглядела бледной и уставшей. Однако он отмахнулся от этих наблюдений и негромко, с ликованием, рассмеялся.

— Элис, я давно так не спал, как прошлой ночью, с самого детства, только несколько раз просыпался, чтобы с радостью посмотреть на луну, которой мы с тобой когда-то любовались вместе. Теперь она снова со мной.

— Я вообще не спала.

— Мне жаль...

— В два или три часа ночи я поняла, что никогда не смогу убежать от своих детей, даже с тобой.

Он онемел от удивления. Несколько мгновений он отрешенно смотрел на нее, а потом рассмеялся — кратко и недоверчиво.

— Никогда, никогда! — продолжила она, страстно мотая головой. — Никогда, никогда, никогда! При мысли об этом меня всю так и затрясло, прямо в постели! — она помедлила. — Не знаю, что нашло на меня вчера вечером, Джон. Когда я с тобой, ты всегда можешь заставить меня делать, чувствовать или думать именно то, что нужно тебе. Но я считаю, что все это уже не ко времени. Все это нереально. Просто сумасшествие какое-то. Словно сон.

Джон Джексон снова рассмеялся, но на этот раз уже не так доверчиво, а с угрозой в голосе.

— О чем это ты? — спросил он.

Она заплакала и прикрыла глаза рукой, потому что по дороге проходили какие-то люди.

— Что ты хочешь этим сказать? Говори! — воскликнул Джон Джексон, чуть повысив голос. — Я не могу просто так взять и уйти!

— Пожалуйста, не так громко! — взмолилась она. — Такая жара, и я в смятении. В конце концов, наверное, я обыкновенная женщина из маленького городка. Мне малопрятно даже сидеть тут с тобой и разговаривать, когда мой муж целый день вкалывает в пыли и на жаре.

— Малопрятно тут разговаривать? — переспросил он.

— Не смотри так! — жалобно воскликнула она. — Мне самой больно так тебя ранить! Ведь у тебя тоже есть дети. Ты говорил, у тебя сын.

— Сын... — эта данность показалось ему столь далекой, что он смотрел на нее изумленно. — Ах, да. У меня сын...

Безумие и нелогичность создавшегося положения постепенно доходили до него; и все же он с этим слепо боролся, чувствуя, как утасует и его собственный эмоциональный порыв. В течение двадцати часов у него была возможность смотреть на вещи сквозь дымку надежды — надежды на смутную счастливую судьбу, которая ждет его где-то вдалеке, но теперь с каждым ее словом эта дымка таяла, как и надежда, и этот город, и его воспоминания, и даже лицо этой женщины перед ним.

— Больше никогда в жизни, — воскликнул он с последним отчаянным усилием, — у нас с тобой не будет другого шанса на счастье!

Однако он знал, даже когда говорил это, что никакого шанса и не было; просто это была безумная отчаянная ночная вылазка из двух давно осажденных крепостей.

Он поднял голову и увидел, что к воротам подошел Джордж Харланд.

— Обед готов! — сказала ему Элис, с облегчением повернув голову. — Джон собирается к нам присоединиться.

— Я не могу, — торопливо ответил Джон Джексон. — Вы оба очень любезны.

— Лучше оставайтесь, — Харланд в промасленном комбинезоне устало опустился на ступеньки и начал вытирать большим носовым платком разгоряченный лоб под редкими седеющими волосами. — У нас есть чай со льдом, — он глянул на Джона. — Не знаю, как эти жаркие дни действуют на вас, а меня они заставляют почувствовать, что я уже далеко не юноша.

— Мне кажется, они на всех действуют одинаково, — преодолевая себя, заметил Джон Джексон. — И самое ужасное, что именно сегодня мне нужно вернуться в город.

— Правда? — кивнул Харланд с вежливым сожалением.

— Ну да. Дело в том, что я обещал произнести речь.

— Неужели? О какой-нибудь городской проблеме?

— Нет, дело в том, — фраза складывалась у него в голове в, казалось, бессмысленную последовательность слов и вылетела сама собой. — Я собираюсь говорить о том, что получил от жизни.

В это мгновение он и впрямь ощутил окружавшую его жару; все еще с улыбкой, которую он так хорошо умел контролировать, Джон почувствовал головокружение и поканулся, схватившись за перила крыльца. Через минуту они втроем уже шли к воротам.

— Мне жаль, что ты уезжаешь, — сказала Элис, испуганно глядя на Джона. — Возвращайся, загляни еще разок в свой старый городок!

— Я приеду.

Ослепший от горя, он побрел по улице, и ему казалось, что он спотыкается на каждом шагу; затем, когда он отошел немного, что-то заставило его обернуться, улыбнуться и помахать им рукой. Они все еще стояли там, у ворот и тоже помахали ему, а затем он увидел, как они повернулись и пошли к дому.

«Я должен вернуться и произнести свою речь, — сказал он себе, бредя по улице и слегка покачиваясь. — И я громогласно спрошу: “Что я получил от жизни?” И тут же при всех отвечу: “Ничего!” Я поведаю им правду: что жизнь побила меня по всем статьям, и что раз за разом она использовала меня в своих неясных целях и все, что я любил, обратилось в прах, и что каждый раз, когда я наклонялся, чтобы погладить собаку, она впивалась мне зубами в руку. Пусть, наконец, они узнают, что у меня на сердце».

V

Собрание должно было состояться в четыре, а когда он сошел с душного поезда и пошел к залу Городского клуба, было уже почти пять. На соседних улицах было припарковано много автомобилей — это предвещало множество народу. Он с удивлением обнаружил, что даже в задней части зала столпившись стоят люди, и что произносимая с трибуны речь периодически прерывается бурными аплодисментами.

— Не могли бы вы найти мне местечко где-нибудь сзади? — шепнул он служителю. — Я буду выступать позже, но я не... я пока не хочу выходить на сцену.

— Конечно, мистер Джексон!

Единственное свободное место нашлось в дальнем конце зала, почти за колонной, но он был рад оказаться в этом уединенном уголке; устроившись, он с любопытством огляделся. Да, народу было много, и у всех было приподнятое настроение. То тут, то там он узнавал знакомые лица, отмечая, что многих знает даже по именам; это были те самые люди, рядом с которыми он жил и работал в течение двадцати лет. Тем лучше. Это были люди, которым он и хотел открыться, как только этот человек там, на трибуне, перестанет выдавать дежурные приветственные фразы.

Он повернул голову в сторону трибуны, и когда аплодисменты раздались снова, выглянул из-за колонны, чтобы узнать, кто говорит. И тут он невольно тихонько охнул — вещал Томас Макдауэлл. Вот уже несколько лет их не приглашали выступать вместе.

— У меня было много врагов в жизни, — гудел в зале его громкий голос, — и не думайте, что я себе изменю, ведь мне уже пятьдесят, а в волосах седина. Поэтому я буду наживать себе врагов до гробовой доски. Однако нынче, во время этого краткого затишья, я хочу снять доспехи и отдать дань уважения врагу, потому что этот враг является лучшим человеком, которого я когда-либо знал.

Джону Джексону стало интересно, о каком кандидате или протееже Макдауэлла идет речь. Ведь этот человек в любой ситуации умел извлечь для себя выгоду.

— Возможно, я бы не сказал того, что говорю теперь, — продолжал рокотать голос, — если бы он был сегодня здесь. Однако если бы все молодые люди в этом городе пришли ко мне и спросили: “Что значит быть достойным человеком?” — я бы им ответил: “Пойдите к этому мужчине и посмотрите ему в глаза”. Нет, это не глаза счастливецца. Я часто сидел, смотрел на него и задавался вопросом — что происходит в его душе? Что делает его глаза такими грустными? Возможно, прекрасные простые сердца, которые тратят уйму времени, улаживая чужие проблемы, не находят времени на собственное счастье? Это как продавец у тележки с газировкой, который никогда сам не нальет себе содовой.

Тут по залу прокатились легкие смешки, но Джон Джексон с удивлением заметил, что одна женщина, которую он знал и которая сидела на другой стороне прохода, промокнула глаза платочком.

Его любопытство возросло.

— Нынче он уехал, — сказал мужчина на трибуне, наклонив голову и пару мгновений глядя в пол, — уехал неожиданно, как я знаю. Он выглядел несколько странно, когда я видел его вчера; возможно, в конце концов он сдался, пытаясь сделать так много для многих людей. Возможно, мы все собрались здесь слишком поздно. Однако нам всем станет лучше, если мы скажем о нем то, что хотим сказать!..

— Я почти закончил. Многие из вас сочтут забавным, что я так отношусь к человеку, которого, справедливости ради, я должен называть своим врагом. Однако я скажу еще кое-что, — тут его голос демонстративно возвысился, — и это еще более странная вещь. Прямо здесь, в свои пятьдесят, я хотел бы удостоиться чести, коей меня может удостоить этот город, теперь или в будущем... Я хотел бы иметь возможность встать здесь перед вами и назвать Джона Джексона своим другом!

Он отвернулся, и буря аплодисментов громом прокатилась по залу. Джон Джексон привстал, а потом ошеломленно откинулся назад, спрятавшись за колонной. Аплодисменты продолжались, пока на трибуну не поднялся молодой человек и не поднял руку, призывая к тишине.

— Миссис Ральстон, — объявил он и вернулся на свое место.

Со стула поднялась женщина, подошла к краю сцены и начала говорить тихим голосом. Она рассказала историю о человеке, которого — как казалось Джону Джексону — он когда-то знал, но чьи поступки в ее изложении казались совершенно нереальными — как нечто, случившееся во сне. Получалось, что многие младенцы в их городе обязаны своей жизнью тому, что этот человек сделал пять лет назад: он заложил собственный дом, чтобы на окраине города была построена детская больница. Было рассказано, что все это хранилось в секрете по личной просьбе этого человека, потому что он хотел, чтобы город гордился своей больницей, считая ее общественным проектом, а ведь если бы не усилия этого человека, предпринятые после того, как денег собрать не удалось, никакой больницы вообще бы не было.

Затем миссис Ральстон заговорила о парках: как много лет город изнывал от жары Среднего Запада, и как этот человек, отнюдь не толстосум, отдал свою землю и многие месяцы тратил свое время и деньги, чтобы вдоль городских бульваров протянулась зеленая тенистая лента, и дети могли уйти с улиц и поиграть на свежей травке в центре города.

И это лишь начало, сказала она, и продолжила говорить о том, что всякий раз, когда очередной подобный проект лишался общественной поддержки и весть об этом доходила до Джона Джексона, он каким-то образом, не жалея себя, вдыхал в него новую жизнь, и в конце концов в городе практически не осталось ни одного проекта, в который Джон Джексон не вложил бы

частицу своей души, точно так же, как не осталось людей, которые не были бы ему благодарны.

Тут речь миссис Ральстон внезапно оборвалась. Уже несколько раз она роняла слезы, однако, должно быть, в зале присутствовало немало людей, которые прекрасно понимали, о чем она говорит, — в разных местах сидели матери или дети, которые испытали на себе доброту этого человека, потому что по залу пронесся целый шквал аплодисментов, которые отразились от стен гулким эхом.

Лишь немногие были знакомы с невысоким седым мужчиной, который встал со своего места в глубине сцены; однако когда он начал говорить, в зале постепенно воцарилась тишина.

— Вряд ли вы обо мне слышали, — сказал он слегка дрожащим голосом, — и когда эта замечательная встреча только планировалась, я вообще не должен был выступать. Я Фаулер — главный клерк Джона Джексона. Когда было решено, что это собрание состоится несмотря на то, что Джон Джексон уехал, я подумал, что, быть может, стоит сказать хотя бы несколько слов... — сидевшие в первых рядах заметили, как руки Фаулера сжались, — несколько слов, которые я не решился бы сказать, будь он здесь. Я рядом с ним уже двадцать лет. Это долгий срок. Ни у меня, ни у него не было ни единого седого волоса, когда однажды я зашел в его офис после того, как был уволен, и попросил взять меня на работу. И с того самого времени... я не могу вам передать, джентльмены, как он... что значит для меня само его существование на свете. Когда вчера он внезапно сообщил, что уезжает, я сказал себе, что если он никогда не вернется, то жизнь мне будет немила. Такое впечатление, что этот человек все на свете делает правильным. Если бы вы знали, как мы все в офисе к этому относимся... — он сделал паузу и молча покачал головой. — Знаете, у троих из нас — уборщика, еще одного клерка и меня — сыновья названы в честь Джона Джексона. Вот как! И все потому, что ни один из нас не мог придумать ничего лучше — пусть у мальчишек будут такие имена и такой пример в жизни. Могли мы об этом ему рассказать? Да ни за что! Он бы даже не понял, к чему это все. Знаете... — он понизил голос до таинственного шепота, — он просто озадаченно бы на нас посмотрел и сказал: «Ох, да что же вы хотите пожелать несчастному ребенку?»

Он прервался, потому что в зале внезапно возникло какое-то волнение. Все начали поворачивать головы; это поветрие, начавшись в одном из концов залы, стало быстро распространяться и вскоре охватило всех присутствующих. Кто-то обнаружил за колонной в уголке Джона Джексона, и тогда сначала отдельные восклицания, а потом все нарастающий шум, перешедший в одобрительные возгласы, прокатились по залу.

Внезапно двое мужчин, схватив его за руки, подняли с места, а затем увлекли, потянули к сцене, и вскоре он уже был на нее водружен, после того, как его подняли и пронесли над морем голов.

Теперь все уже стояли на ногах, приветственно размахивая руками; в зале царил невообразимый гвалт. Кто-то в дальнем углу начал напевать «Ведь он

отличный парень!»¹, и пятьсот голосов подхватили эту песню и пропели ее с таким чувством, с таким нахлынувшим волнением, что все прослезились, и песня эта обрела многозначительность, которую невозможно было передать одними ее словами.

Таким образом Джон Джексон получил возможность рассказать всем этим людям, как мало получил он от жизни. Не говоря ни слова, он резко выбросил руки вперед, и все замолкли, вслушиваясь — мужчины, женщины и дети.

— Меня попросили... — тут его голос дрогнул. — Дорогие друзья! Меня попросили... рассказать вам, что я получил от жизни.

Пятьсот лиц, взволнованных, улыбающихся, смотрели на него, и каждое дышало одобрением, любовью и верой.

— Что я получил от жизни?

Он широко раскинул руки, словно обнимая всех, старая прижать к своей груди всех мужчин, женщин и детей этого города. И тогда голос его прозвенел среди мертвой тишины:

— Все!

* * *

В шесть вечера, когда он шел в одиночестве по своей улице, в воздухе уже витала прохлада. Подойдя к дому, он поднял голову и увидел, что на пороге кто-то сидит, подперев голову руками. Когда Джон Джексон подошел ближе, посетитель — это был молодой человек с запавшими испуганными глазами — заметил его и вскочил.

— Отец, — быстро сказал он, — я получил твою телеграмму, но я... я вернулся домой!

Джон Джексон посмотрел на него и кивнул.

— Дверь была заперта, — с тревогой говорил юноша.

— Ключ у меня.

Джон Джексон открыл входную дверь и вошел в дом первым.

— Отец, — торопливо воскликнул Эллери Джексон, — мне нет никаких оправданий, мне нечего сказать... Я могу все рассказать, если хочешь, если ты по-прежнему готов меня выслушать...

Джон Джексон положил ему руку на плечо.

— Не переживай, — как обычно по-доброму сказал он. — Думаю, я смогу выдержать все, что бы ни натворил мой сын!

И это не было преувеличением. Ведь теперь Джон Джексон мог вынести все что угодно, что бы ни случилось, абсолютно все!

¹ Англ. "For he's a jolly good fellow". Эту песню обычно исполняют в Соединенных Штатах, поздравляя человека с каким-нибудь значительным событием вроде дня рождения, свадьбы или выхода на пенсию.

КОШМАРНЫЙ ТИП

I

Когда Фифи впервые посетила своих живущих на Лонг-Айленде¹ тетушек, ей было всего десять, однако после того как она вернулась в Нью-Йорк, один из приехавших туда туристов сказал, что песчаные дюны уже никогда не будут прежними. Фифи их испортила. Когда она уехала, все на Монток-Пойнт² стало печальным, бесплодным, обветшалым и постаревшим. Даже чайки кружились с меньшим энтузиазмом, словно скучали по загорелой, крепкой большеглазой девушке, носившейся босиком по песку.

Годы обесцветили загар Фифи и придали ее коже розоватый оттенок, но за это время она все же успела испортить многие дикие места природы и столь же многочисленные планы питающих надежды мужчин. Поэтому, когда наконец в ведущих газетах было объявлено, что она сконцентрировалась на джентльмене по фамилии Ван Тайн, все были весьма рады тому, что вздохи и страсти, которые она оставляла за собой на жизненном пути, теперь взвалит на себя один самоотверженный мужчина, что для этого мужчины было не лучшей долей, однако для окружения Фифи это могло принести безусловную пользу.

Об их помолвке не сообщалось ни на страницах хроники, ни в колонке объявлений, поскольку семья Фифи принадлежала к «сообществу толстосумов», а сам мистер Ван Тайн был потомком господина, который по воле случая основал это сообщество еще задолго до Гражданской войны. Это объявление появилось на первой полосе и было проиллюстрировано изображением косоглазой молодой девицы, державшей за руку дивного джентльмена с выпирающими вперед зубами³. Так, во всяком случае, они выглядели на фотографиях, и публике было приятно думать, что они были уродливыми

¹ *Лонг-Айленд* — остров вблизи устья реки Гудзон, соединенный мостами с Манхэттеном; на западе острова находится песчаный пляж с дюнами.

² Парк *Монток-Пойнт* — одна из самых восточных точек Лонг-Айленда.

³ Речь о полиодонтии, которая выражается в наличии сверхкомплектных зубов; такой дефект, к примеру, был у Фредди Меркьюри.

монстрами, несмотря на все их деньги, и всех это устраивало. Редактор светской хроники завел отдельную колонку, в которой рассказывалось, как миссис Ван Тайн собирается отправиться в Аквитанию¹ в синем дорожном костюме из фетра и округлой вязаной шляпке ему в тон; в общем, исходя из того, насколько вообще можно предсказывать жизненные события, Фифи была «почти замужем» или, как считало изрядное количество юношей, уже не была свободна.

— Великолепная пара, — заметила тетя Кэл накануне свадьбы, сидя в своем доме на Монток-Пойнт и вырезая объявление для своих обитающих в Шотландии кузенов, а затем мимоходом добавила: — Я на нее не сержусь.

— Послушай, Кэл! — воскликнула тетя Джозефина. — Что ты имеешь в виду, говоря, что не сердишься? Фифи никогда тебя не обижала.

— За последние девять лет она не сочла нужным навестить нас здесь, в Монток-Пойнт, хотя мы приглашали ее неоднократно.

— Ну, я ее не виню, — заметила тетя Джозефина, которой и самой-то был всего тридцать один год. — Да и что бы делала тут юная симпатичная девушка со всем этим песком?

— Нам же нравится песок, Джо.

— Так мы же старые девы, Кэл, у нас нет иных грешков, кроме сигарет и игры в маджонг² с двумя куклами. А Фифи еще молода, и ее, естественно, влекут всякие захватывающие и греховные вещи — ночные посиделки, игра в кости и прочие развлечения, о которых мы знаем только по книжкам.

Она неопределенно махнула рукой.

— Я не виню ее в том, что она сюда не приезжала. Будь я на ее месте...

Какие невероятные мечтания таились в голове тети Джо, так и осталось навсегда невыясненным, потому что эта ее фраза осталась незаконченной. Входная дверь дома неожиданно резко отворилась, и в комнату вошла юная леди, одетая по последней парижской моде.

— Добрый вечер, дорогие дамы! — воскликнула она, лучезарно улыбнувшись каждой из тетушек по очереди. — Я прибыла сюда на некоторое время поиграть в песочке.

— Фифи!

— Фифи!

— Тетушки!

— Однако, дитя мое, — воскликнула тетушка Джо, — мне казалось, ты должна сейчас сидеть за свадебным столом.

— Должна была, — весело призналась Фифи. — Но не захотела. Свадьба отменяется. Как раз сегодня я отправила свои извинения по этому поводу.

Все это было очень странно; однако, насколько могли понять ее тетушки, юный Ван Тайн оказался слишком совершенен, что бы это ни значило. После

¹ Аквитания — южный регион Франции.

² Маджонг — китайская игра с использованием особых игральные костей для трех-четырёх игроков.

долгих уговоров Фифи наконец объяснила, что он напоминал ей рекламу новой машины.

— Новой машины? — переспросила тетя Кэл, широко раскрыв глаза. — Какой новой машины?

— Да любой новой машины.

— Ты имеешь в виду...

Тетя Кэл покраснела.

— Я не понимаю этого нового сленга, но разве в машине нет такой части, которая называется... э-э-э... сцеплением?

— О, в физическом плане он мне нравится, — бесстрастно заметила Фифи, и обе ее тетки одновременно вздрогнули. — Однако он был просто... слишком совершенным, слишком новым; как будто его долго полировали на фабрике, а потом еще и нацепили на него дорогие шторы...

Тут тетушка Джо представила себе красавца в черных лакированных штиблетах.

— ...и эти его баллонные шины¹, и всегда побрит. Он был для меня слишком окультуренным, тетя Кэл, — вздохнула Фифи. — Должно быть, я просто дикарка.

Она сидела перед ними безупречная, утонченная, изящная, словно портрет, который собираются водрузить на стену. Однако тетушки видели, что за ее весельем скрыто близкое к истерике возбуждение, и они не могли отделаться от впечатления, что все дело тут в чем-то более определенном и скандальном.

— Да нет же, это не так, — настаивала Фифи. — О нашей помолвке было объявлено за три месяца, и ни одна певичка не подала на Джорджа в суд за нарушение обещания жениться на ней. Ни одна! Алкоголь он вообще не употребляет, разве что в составе бриолина для волос². Мы ведь даже ни разу не поссорились до сегодняшнего дня!

— Ты совершила серьезную ошибку, — заметила тетя Кэл.

Фифи кивнула.

— Боюсь, я разбила сердце самому милому мужчине, которого когда-либо встречала в жизни, но ничего не поделаешь. Он безупречен! Ну а какой смысл быть безупречной, если, как ни старайся, ты не можешь быть и вполовину такой же безупречной, как твой супруг? И он умеет так ладить с людьми... Джордж мог бы представить мистера Троцкого мистеру Рокфеллеру³, и все прошло бы совершенно гладко. Однако с какого-то момента я поняла, что не хочу, чтобы

¹ Имеются в виду *шины* под низким давлением для амортизации ударов о неровности дороги, такие шины использовались на заре автомобилестроения.

² *Бриолин* (брильянтин) — косметическое средство для ухода за волосами, придания им блеска и фиксации прически. В оригинале — 'hair tonic', буквально, «укрепляющий волосы».

³ Антагонисты Лев *Троцкий* — один из лидеров международного коммунистического движения — и Джон *Рокфеллер* — американский бизнесмен, первый долларовый миллиардер в истории человечества.

именно в моей семье был этот лад, и я ему об этом сказала. Я никогда раньше не бросала мужчин практически на пороге церкви, так что я останусь тут у вас, пока все не забудется.

И она осталась — к удивлению своих тетушек, которые ожидали, что на следующее утро Фифи, поддавшись угрызениям совести, в отчаянии бросится обратно в Нью-Йорк. За завтраком она выглядела очень спокойной, посвежевшей и невозмутимой — наверное, от крепкого сна. А потом она провела день, растянувшись под красным зонтиком на залитых солнцем дюнах и наблюдая за набегавшим с востока прибоем Атлантики. Ее тетушки перехватили вечернюю газету и незаметно сожгли ее в камине, полагая, что про бегство Фифи будут сообщать аршинные заголовки на первой полосе. Они смирились с тем, что Фифи осталась, и, если не считать того, что тетушка Джо за маджонгом стала частенько забывать про своего воображаемого партнера по игре, потому что размышляла о слишком идеальном мужчине, в их жизни мало что изменилось. И все же эта жизнь не осталась прежней.

— Что это там случилось с вашей племянницей? — мрачно спросил садовник у тетушки Джозефины. — Почему молодой хорошенькой девушке взбрело в голову приезжать и прятаться здесь?

— Моя племянница на отдыхе, — сухо заявила тетя Джозефина.

— Эти дюны не годятся для восстановления нервов, — возразил садовник, почесывая у себя в затылке. — В них есть какая-то монотонность. Я видел вчера, как она схватила свой зонтик и, кажется, готова была поколотить им одну из них, *так* эта дюна вывела ее из себя. Когда однажды она поймет, как их тут много, то просто умом тронется, — хмыкнул он. — И что мы тогда со всем этим будем делать?

— Это уж непременно, Перси, — буркнула тетушка Джо. — Но вы лучше займитесь своими делами. Мне бы хотелось, чтобы вы раскатали по главной дорожке десять фунтов ракушечника.

— А что делать с этим зонтиком? — спросил он. — Я собрал его остатки.

— Это не мой зонтик, — ехидно заметила тетя Джо. — Можете взять его остатки и тоже закатать в главную дорожку.

Так вот и катились для Фифи июньские деньки несостоявшегося медового месяца, и каждое утро ее резиновые шлепанцы оставляли мокрые следы на пустынном берегу на краю света. Какое-то время казалось, что она просто расцветает от уединения, и от морского бриза на ее щеках возникал здоровый румянец; однако по прошествии недели тетушки заметили, что она стала заметно более спокойной и менее веселой, чем была, когда только появилась на пороге.

— Боюсь, что все это действует тебе на нервы, моя дорогая, — сказала тетушка Кэл одним особенно ненастным и ветреным днем. — Нам нравится, что ты с нами, но ужасно видеть, как ты грустишь. Почему бы тебе не попросить маму отвезти тебя на лето в Европу?

— Европа слишком напыщенная, — устало возразила Фифи. — Мне нравится здесь, где все так сурово, строго и первозданно, словно на краю света. Если вы не возражаете, я бы хотела остаться подольше.

И она осталась, хотя казалось, что по мере того как дни проходили за днями под хриплые крики чайек и ритмичный плеск волн на берегу, она становилась все более и более грустной. А потом однажды она вернулась в сумерках после долгой прогулки в компании какого-то нищеврода. Взглянув на него, тетуски сразу подумали, что пророчество садовника сбылось, и уединение окончательно свело Фифи с ума.

II

В тот летний вечер, стоя в дверном проеме, помаргивая и глядя на тетуску Кэл, мужчина выглядел как пляжный бродяга и законченный оборванец, случайно попавший к ним из фильма о южных морях. В руке он держал грубую сучковатую палку весьма подозрительного вида. Она выглядела как разбойничья дубинка, и ее вид заставил тетуску Кэл на шаг отступить в комнату.

Фифи закрыла за ними дверь и повернулась к тетускам, как будто ничего особенного не случилось.

— Это мистер Хопкинс, — объявила она, а затем повернулась к своему спутнику за уточнением. — Или Хопвуд?

— Хопкинс, — хрипло ответил мужчина — Хопкинс.

Фифи жизнерадостно кивнула.

— Я пригласила мистера Хопкинса на ужин, — сказала она.

Определенное достоинство, которое тетя Кэл и тетя Джозефина приобрели, живя здесь, у горделивого моря, не позволило им выказать ни малейшего удивления. Этот человек теперь обрел статус гостя, и этого было достаточно. Однако в их сердцах поселились смятение и тревога. Они бы удивились меньше, если бы Фифи притащила с собой из Атлантики многоголового монстра.

— Не желаете ли... Вы не присядете, мистер Хопкинс? — нервно предложила тетя Кэл.

Мистер Хопкинс секунду отрешенно на нее взирал, а затем из его глотки вылетел громкий рык. Он сделал шаг к стулу и опустился на его позолоченную хрупкость, как будто собирался немедленно этот стул уничтожить. Тетя Кэл и тетя Джозефина безвольно сползли на диван.

— Мы с мистером Хопкинсом познакомились на пляже, — объяснила Фифи. — Он проводит здесь лето для поправки здоровья.

Мистер Хопкинс уставился на двух дам остекленевшими глазами.

— Завалился сюда здоровьице поправить, — пробубльнул он.

Тетуска Кэл тихо охнула, но, быстро взяв себя в руки, присоединилась к тете Джо и тоже со всем вниманием закивала посетителю, словно глубоко ему сочувствовала.

— Ага, — весело подытожил гость.

*В тот летний вечер, стоя в дверном проеме,
помаргивая и глядя на тетушку Кэл,
мужчина выглядел как пляжный бродяга
и законченный оборванец, случайно попавший к ним
из фильма о южных морях.*

— Он подумал, что морской воздух вернет ему здоровье и силы, — с энтузиазмом пояснила Фифи. — Вот почему он и оказался здесь. Не так ли, мистер Хопкинс?

— Как скажешь, подружка, — согласно кивнул мистер Хопкинс.

— Вот видите, тетя Кэл, — улыбнулась Фифи, — вы с тетей Джо не единственные, кто верит в целебные свойства этого места.

— Да, — тихонько согласилась тетя Кэл. — Значит... теперь нас трое.

Ужин был сервирован.

— Не желаете ли,.. — тетя Кэл собралась с духом и посмотрела мистеру Хопкинсу прямо в лицо, — не хотите ли вымыть руки перед ужином?

— Да не стоит, — походя отмахнулся от нее мистер Хопкинс.

Они отправились ужинать, и после того как две тетушки совершили ряд незаметных телодвижений, попытавшись отстраниться от мистера Хопкинса как можно дальше, все сели за стол.

— Мистер Хопкинс живет в лесу, — сказала Фифи. — У него там маленькая хижина, где уже несколько недель он сам себе готовит и сам себя обстирывает.

— Как увлекательно! — сказала тетя Джо, испытующе оглядывая своего гостя в надежде, что он окажется ученым-затворником. — Вы уже долго здесь проживаете?

— Не слишком, — ухмыльнулся он. — Но видишь ли, я тут подзастрял, может, буду торчать, пока тут окончательно не сгнию.

— А вы... Вы живете далеко отсюда? — тетушка Кэл попыталась сообразить, сколько она может выручить за свой дом при экстренной его продаже и как им с сестрой отсюда побыстрее переехать.

— Всего милей ниже по берегу... Какая славная у вас девчушка, — добавил он, ткнув ложкой в сторону их племянницы.

— Ну... да, — обе дамы взглянули с тревогой на Фифи.

— В один прекрасный день я сбегу отсюда, прихватив ее с собой, — весело добавил он.

Тетушка Кэл предприняла героическое усилие, чтобы перевести разговор на другую тему. Речь зашла о хижине мистера Хопкинса в лесу. Мистеру Хопкинсу она очень нравилась, если не считать, как он честно признался, присутствующих в ней различных крошечных существ, а так, за сим исключением, это было прекрасное обиталище.

После ужина Фифи и мистер Хопкинс вышли на крыльцо, а ее тетушки в это время сидели рядышком на диване, листая журналы и время от времени бросая друг на друга недоуменные взгляды. Какой-то дикарь несколько минут назад сидел за их обеденным столом, а теперь он находится наедине с их племянницей на темной веранде — такого ужасного приключения в их чопорной и размеренной жизни еще не случалось.

Тетя Кэл решила, что в девять, как бы то ни было, она позовет Фифи в дом; однако она была избавлена от этой необходимости, поскольку через полчаса юная леди сама спокойно вошла и объявила, что мистер Хопкинс ушел к себе. Они взирали на нее, потеряв дар речи.

— Фифи! — простонала наконец тетушка Кэл. — Мое бедное дитя! Печаль и уединение свели тебя с ума!

— Мы понимаем, дорогая, — добавила тетушка Джо, прикладывая носовой платок к глазам. — Это наша вина. Зачем мы позволили тебе остаться! Впрочем, несколько недель в одном из соответствующих лечебных заведений или, может быть, представление в благопристойном кабаре смогут...

— О чем это вы? — Фифи удивленно переводила взгляд с одной своей тетушки на другую. — Хотите сказать, вы против того, что я привела сюда этого типа — мистера Хопкинса?

Тетя Кэл густо покраснела и поджала губы.

— Тип — не то слово. Но ты выискала на пляже самого ужасного брутального бродягу и...

Она неожиданно смолкла и тихо охнула. Дверь внезапно распахнулась, и в комнату заглянула заросшая физиономия.

— Я оставил свою палку.

Мистер Хопкинс обнаружил, что его отталкивающего вида орудие стоит в углу, а после так же бесцеремонно, как и пришел, удалился, захлопнув за собой дверь. Тетушки сидели, не шелохнувшись, пока его шаги все еще были слышны за порогом. Затем тетушка Кэл быстро подошла к двери и опустила щеколду.

— Не думаю, что нынче ночью он попытается нас ограбить, — мрачно заметила она, — наверняка догадается, что мы будем к этому готовы. И все же я предупрежу Перси, пусть несколько раз ночью обойдет участок кругом.

— Ограбить? Вас? — скептически хмыкнула Фифи.

— Не переживай, Фифи, — распорядилась тетя Кэл. — Просто отдохни спокойно в кресле, пока я буду звонить твоей маме.

— Я не хочу, чтобы вы звонили моей матери!

— Ну, тогда просто посиди спокойно, закрыв глаза, и попробуй... Попробуй посчитать овечек, прыгающих через ограду.

— Да неужели я не могу общаться с мужчиной, если на нем нет скюртука? — воскликнула Фифи, сверкнув глазами. — У нас на дворе Средневековье или век Просвещения? Мистер Хопкинс — один из самых привлекательных мужчин, которых я когда-либо встречала в жизни.

— Мистер Хопкинс — дикарь! — лаконично бросила тетя Кэл.

— Мистер Хопкинс — весьма привлекательный тип.

— Привлекательный кто?

— Привлекательный тип!

— Мистер Хопкинс — это... кошмарный... тип! — заявила тетя Кэл, взяв на вооружение выражение Фифи.

— Только потому, что он ведет себя естественно?! — нетерпеливо воскликнула Фифи. — Ладно, пусть так, мне все равно; но мне он вполне подходит.

Ситуация оказалась гораздо хуже, чем они предполагали. Все это не было временным помрачением рассудка; вероятно, Фифи, судя по тому, как она отреагировала на своего недавнего жениха, всерьез заинтересовалась этим

невозможным женщиной. Она призналась, что познакомилась с ним несколько дней назад и намеревается увидеть его завтра. Они договорились о встрече, чтобы прогуляться.

Хуже всего было то, что после того как Фифи, поджав губки, отправилась спать, тетя Кэл позвонила ее матери и обнаружила, что она отсутствует; оказалось, что мать Фифи уехала в Уайт Сер Спрингс¹, и ее не будет дома неделю. Это определенно оставляло ситуацию в руках тети Кэл и тети Джо, а ситуация эта достигла критической точки на следующий же день во время чаепития, когда взволнованный Перси ворвался в их дом.

— Мисс Марсден, — воскликнул он обиженным срывающимся голосом, — я хочу оставить свою работу!

— Почему, Перси?

— Ничего не поделаешь. Я живу здесь, в Пойнте, более сорока пяти лет и никогда ничего подобного не видал!

— Да в чем дело? — воскликнули обе дамы, вскакивая в жуткой тревоге.

— Подойдите к окну и увидите сами. Мисс Фифи целует какого-то бродягу среди белого дня прямо на пляже!

III

Через пять минут две старые девы уже пробирались по песку к обнявшейся парочке, стоявшей на берегу и резко выделявшейся на фоне яркого после-полуденного неба. Когда тетушки подошли ближе, Фифи и мистер Хопкинс, до этого поглощенные взаимным созерцанием, заметили их и медленно отстранились друг от друга. Тетушка Кэл начала говорить, находясь еще в тридцати ярдах от них.

— Отправляйся немедленно в дом, Фифи! — воскликнула она.

Фифи взглянула на мистера Хопкинса, который ободряюще коснулся ее руки и кивнул. Словно под действием каких-то чар, Фифи отвернулась от него и, опустив голову, грациозно направилась к дому.

— Эй, приятель, — воскликнула тетушка Кэл, сложив руки на груди, — что это вы тут себе позволяете?

Мистер Хопкинс посмотрел на нее в ответ столь же свирепо.

— Вам-то что за дело? — спросил он.

— Нам до этого еще какое дело! Мисс Марсден — наша племянница, и ваше к ней внимание нежелательно, если не сказать оскорбительно.

Мистер Хопкинс повернулся, чтобы уйти.

¹ *Уайт Сер Спрингс* (White Sulphur Springs, букв. с англ. «бело-сернистые источники») — город в штате Монтана, известный горячими минеральными источниками, по которым и получил свое название.

— Ну, давайте-давайте, мозольте язык и дальше, — посоветовал он тетушкам.

Тогда тетушка Кэл попробовала иной подход.

— А что, если бы я вам сказала, что мисс Марсден ментально неполноценна?

— Это чо такое?

— Ну, она... немного чокнутая.

Он презрительно скривился.

— С чего вы взяли? Чокнутая, потому что я ей нравлюсь?

— Это, безусловно, подтверждает наше предположение, — отважно заявила тетушка Кэл. — У нее случился неудачный роман, и эта история повлияла на ее разум. Послушайте! — она открыла сумочку, болтавшуюся у нее на талии. — Если я прямо сейчас дам вам пятьдесят... нет, сто долларов наличными, вы обещаете убраться отсюда на десять миль по пляжу?

— Ха! — воскликнул он с таким ядом в голосе, что обе дамы отпрянули.

— Двести! — предложила тетушка Кэл срывающимся голосом.

Он погрозил им пальцем.

— Вам меня не купить! — прорычал он. — Я не хуже всех прочих. Бывает, шоферы и прочие женятся на дочках миллионеров чуть не каждый день на неделе. Это Америка, свободная страна, соображаете?

— Значит, ты от нее не отстанешь? — нервно сглотнула тетушка Кэл. — Не перестанешь ей докучать и не уйдешь?

Он внезапно нагнулся, захватил пригоршню песка и подкинул его так высоко, что он посыпался на испуганных дам, окутав их на мгновение густым туманом. Потом, еще раз издав свой хриплый хамский гогот, он развернулся и пустился от них вирипрыжку по песку.

Изумленные женщины стряхнули с плеч попавший на них песок и неуклюже побрели к дому.

— Я тебя моложе, — твердо заявила тетушка Джо, когда они вошли в гостиную. — Однако теперь мне представился случай показать, что и я в состоянии кое-что сделать.

Она подошла к телефону и набрала какой-то нью-йоркский номер.

— Это офис доктора Розуэлла Гэллапа? Доктор Гэллап на месте? — тетушка Кэл уселась на диван и печально уставилась в потолок. — Доктор Гэллап? Это мисс Джозефина Марсден из Монток-Пойнт... Доктор Гэллап, с моей племянницей произошла весьма любопытная история. Она спуталась с... совершенно кошмарным типом.

У нее перехватило дыхание, когда она *это* сказала. Потом в нескольких словах она объяснила всю ненормальность сложившейся ситуации.

— ...И я думаю, что психоанализ, возможно, мог бы прояснить, в чем тут дело, а то мы с сестрой совершенно сбиты с толку.

Доктора Гэллапа случай заинтересовал. Похоже, это было как раз то, чем он и занимался.

— Через полчаса будет поезд, который доставит вас сюда к девяти, — сказала тетя Джо. — Мы сможем накормить вас ужином и организовать ночлег.

Она повесила трубку.

— Ну вот. Если не считать перехода от бриджа к маджонгу, это будет первый по-настоящему соответствующий духу времени шаг, который мы предприняли в нашей жизни.

Часы тянулись медленно. В семь Фифи спустилась к ужину с таким невозмутимым видом, словно ничего не случилось; тетушки героически подыгрывали этому ее спокойствию, решив ничего не говорить, пока не появится доктор. После ужина тетя Джо предложила поиграть в маджонг, но Фифи заявила, что предпочитает почитать, и уселась на диван с томом энциклопедии. Заглянув ей через плечо, тетушка Кэл с тревогой заметила, что та принялась изучать заметку об австралийском буше¹.

В комнате царил гробовая тишина. Несколько раз Фифи поднимала голову, как бы прислушиваясь, а один раз встала, подошла к двери, открыла ее и долго смотрела в ночную мглу. Расположившиеся в креслах тетушки готовы были в этот момент броситься за ней, если бы она выказала намерение сбежать, но через мгновение Фифи со вздохом закрыла дверь и вернулась к своему креслу. Чуть позже тетушки с облегчением услышали звук автомобильных колес на подъездной дорожке и сообразили, что доктор Гэллап наконец прибыл.

Это был уверенно державшийся невысокий толстячок с пронизательными карими глазами. Он вошел, быстро огляделся, и взгляд его просиял, упав на Фифи, словно это был взгляд изголодавшегося человека, узревшего пищу. Фифи с любопытством поглядела на него в ответ, не подозревая, что появление этого человека как-то с ней связано.

— Это та самая леди? — воскликнул доктор, отделавшись от тетушек небрежным рукопожатием и быстро подойдя к Фифи.

— Этот джентльмен — доктор Гэллап, дорогая, — просияла немного успокоившаяся тетя Джо, надеясь на лучшее. — Он мой старый друг, и он намеревается тебе помочь.

— Разумеется! — уверил доктор Гэллап. — Я собираюсь привести вас в полный порядок.

— Он знает все о человеческом разуме, — заметила тетя Джо.

— Ну, не все, конечно, — сознался доктор Гэллап, скромно улыбнувшись. — Но частенько мы удивляем обычных врачей, — он игриво обратился к Фифи. — Да, юная леди, мы часто заставляем обычных докторов удивляться.

Энергично хлопнув в ладоши, он поставил стул перед Фифи.

¹ *Буш* — обширное не освоенное человеком пространство, поросшее кустарником или низкорослыми деревьями.

— Ладно, — воскликнул он, — давайте посмотрим, в чем тут может быть дело. Начнем с того, что вы изложите мне всю эту историю с вашей точки зрения. Давайте!

— Эта история, — заметила Фифи с легким зевком, — совершенно вас не касается.

— Как это не касается? — удивленно воскликнул доктор. — Но я же пытаюсь вам помочь! Ну же, давайте, расскажите доктору Гэллапу, что случилось.

— Пусть вам тетушки расскажут, — холодно ответила Фифи. — Кажется, они знают об этом больше, чем я сама.

Доктор Гэллап нахмурился.

— Они уже в целом описали сложившуюся ситуацию. Пожалуй, мне лучше начать с вопросов.

— Ты же ответишь на вопросы доктора, правда, дорогая? — обратилась к Фифи тетушка Джо. — Доктор Гэллап — один из самых продгрессивных врачей Нью-Йорка.

— Я девушка старомодная, — в сердцах возразила Фифи. — И считаю аморальным совать нос в дела других людей. Впрочем, ладно, давайте. Но я постараюсь отфутболивать все, что вы скажете.

Доктор Гэллап не обратил внимания на излишнюю грубость этого ответа и изобразил на своем лице профессиональную улыбку.

— Итак, мисс Марсден, я так понимаю, около месяца назад вы приехали сюда отдохнуть.

Фифи отрицательно покачала головой.

— Нет, я появилась тут, чтобы скрыться.

— Вам было стыдно, потому что вы разорвали помолвку?

— До чертиков. Ведь если бросаешь мужчину у алтаря, для него это клеймо на всю оставшуюся жизнь.

— И почему бросили? — быстро спросил он.

— А почему бы и нет?

— Тут не вы задаете вопросы, а я. Ну ладно, продолжим... Когда вы сюда приехали, как вы стали проводить время?

— Ну, главным образом, гуляла — бродила по пляжу.

— И во время одной из таких прогулок вы повстречали... э-э-э... субъекта, о котором ваши тетушки говорили мне по телефону?

Фифи слегка покраснела.

— Да.

— И что же он делал, когда вы впервые его увидели?

— Смотрел на меня с дерева.

Тетушки разом охнули, и в этих возгласах ясно прозвучало слово «обезьяна».

— Он сразу привлек ваше внимание? — спросил доктор Гэллап.

— Нет. Сначала меня это просто забавляло.

— Ясно. Насколько я понимаю, этот человек был весьма... э-э... очень оригинально одет.

— Весьма, — согласилась Фифи.

— И он был небрит?

— Да.

— Ага! — казалось, доктор Гэллалп нащупал выход из запутанной ситуации; он был похож на медиума, выходящего из транса. — Мисс Фифи, — победоносно воскликнул он, — вы когда-нибудь читали «Шейха»¹?

— Никогда о нем не слышала.

— Может, вы читали книгу, в которой за девушкой ухаживает так называемый шейх пустыни или пещерный человек?

— Не припомню.

— Ну, хорошо, а ваша любимая книга в детстве?

— «Маленький лорд Фаунтлерой»².

Доктор Гэллалп был разочарован. Теперь он решил подойти к делу с другой стороны.

— Мисс Фифи, неужели вы не признаете, что вся эта история — результат ваших фантазий?

— Совсем нет, — удивленно возразила Фифи, — за ней стоит гораздо больше, чем все вы подозреваете. Этот человек полностью изменил мое отношение к жизни.

— Что вы имеете в виду?

Казалось, Фифи была готова сделать какое-то заявление, но через мгновение она упрямо сощурила свои дивные глаза и не проронила ни словечка.

— Мисс Фифи, — внезапно повысил голос доктор Гэллалп, — дочь Джона Кэлхауна, «короля бисквитов», сбежала с таксистом. Вы знаете, чем она теперь занимается?

— Понятия не имею.

— Вкалывает в одной из прачечных Ист-Сайда, пытаюсь не дать помереть с голоду своему ребенку.

Доктор внимательно на нее посмотрел: Фифи это сообщение явно тронуло.

— Этель Холлидей сбежала в 1920 году с шофером своего отца! — воскликнул он. — Сказать вам, что я слышал о ней в последний раз? Она попала в благотворительную больницу вся в синяках с головы до ног, потому что ее пьяный муженек избил ее до полусмерти!

Фифи тяжело задышала. Ее тетушки подались вперед. Доктор Гэллалп встал со своего места.

¹ «Шейх» — любовный роман английской писательницы Эдит Мод Халл, опубликованный в 1919 г. Написан в жанре «пустынной романтики».

² «Маленький лорд Фаунтлерой» — роман англо-американской писательницы Фрэнсис Ходжсон Бернетт. Повествует об идеально воспитанном мальчике из бедной семьи, ставшем сказочно богатым.

— Однако они не так рисковали, как вы! — выкрикнул он. — Они не крутили с бывшим заключенным, у которого руки в крови!

Теперь вскочила и Фифи, глаза ее метали молнии.

— Эй, потише! — воскликнула она. — Это уже чересчур!

— Ничего не чересчур!

Доктор полез в карман, вытащил сложенную вечернюю газету и швырнул ее на стол.

— Прочтите это, мисс Фифи! — выкрикнул он. — Там говорится, как четыре уголовника проникли в банк Уэст-Крэмптона три недели назад. Там рассказано, как они хладнокровно застрелили кассиршу и как один из них, самый жестокий, свирепый и самый кровожадный, скрылся. И вы прочтете, что эта горилла в человеческом облике, должно быть, теперь прячется в районе Монток-Пойнт!

Раздались короткие сдавленные охи, и тетушка Джо с тетушкой Кэл, которые всегда все делали одновременно, хлопнулись в обморок. В ту же минуту в дощатую парадную дверь раздался громкий нетерпеливый стук, словно кто-то колотил в нее тяжелой дубиной.

IV

— Кто там? — воскликнул доктор Гэллалп, вздрогнув. — Кто там? Назовитесь, или я буду стрелять!

Его глаза быстро забегали по комнате в поисках подходящего оружия.

— А ты кто? — рявкнул голос с крыльца. — Давай, отворяй, или я пробью в двери дыру.

— Что будем делать? — воскликнул доктор Гэллалп, обливаясь потом.

Фифи, невозмутимо брызгавшая на своих тетушек водой, повернулась к нему с презрительной ухмылкой.

— Это всего лишь Перси, садовник, — объяснила она. — Наверное, он подумал, что вы грабитель.

Она подошла к двери и подняла засов. Перси с пистолетом в руке осторожно заглянул в комнату.

— Все в порядке, Перси. Это просто специалист по чокнутым из Нью-Йорка.

— Сегодня все слегка того, — объявил Перси с дрожью в голосе. — Час назад или около того я слышал плеск весел.

Тетушка Джо и тетушка Кэл одновременно выпучили глаза.

— Весь Пойнт заволокло туманом, — ошарашенно продолжил Перси, — и в этом тумане слышны голоса. Туман такой, что не видно ни зги, но я могу поклясться, что к берегу подошли лодки, и я слышал, как дюжина людей разговаривала и переключалась между собой, словно множество призраков, которые решили устроить пикник на берегу моря.

— А что это был за шум? — воскликнула тетушка Джо, выпрямившись.

— Дверь была заперта, — объяснил Перси, — поэтому я барабанил в нее своим пистолетом.

— Да нет, шум, который я слышу сейчас!

Все прислушались. Через открытую дверь прямо из густого тумана, покрывавшего берег и море, до них долетел низкий протяжный звук.

— Мы сейчас же пойдем и все выясним! — воскликнул уже успевший прийти в себя доктор Гэллал, и когда этот звук, похожий на предсмертный стон какого-то чудовища, из глубины, долетел до них снова, он добавил: — Думаю, вам сегодня нужен кто-то покрепче, чем просто психоаналитик. В доме есть еще оружие?

Тетушка Кэл встала и достала из ящика стола маленький инкрустированный перламутром револьвер.

— Вы не можете оставить нас одних в этом доме, — решительно заявила она. — Куда бы вы ни отправились, мы пойдем с вами.

Держась поближе друг к другу, четверо из них (Фифи внезапно исчезла) вышли наружу, спустились по ступеням крыльца и на мгновение замерли, вглядываясь в непроницаемую дымку, более таинственную, чем сумрак перед их глазами.

— Это там, — прошептал Перси, глядя в сторону моря.

— Идем вперед! — напряженно пробормотал доктор Гэллал. — Думаю, это всего лишь разыгравшиеся нервы.

Они медленно и бесшумно двинулись по песку, и вдруг Перси схватил доктора за руку.

— Слышите? — быстро прошептал он.

Все замерли. Из тьмы у них перед носом материализовалась какая-то расплывчатая, едва различимая фигура, которая с неестественной скованностью брела вдоль берега. Она тащила какую-то длинную, прижатую к телу темную пелерину, свисавшую почти до самого песка. Тотчас же эта фигура исчезла в тумане, и ее место занял другой, по-военному марширующий призрак; на сей раз он тащил что-то белое, вызывавшее содрогание; что-то свисало с его руки. Мгновение спустя не более чем в десяти ярдах от них, в том направлении, куда ушла эта фигура, возникло слабое тусклое свечение; по-видимому, оно шло из-за самой большой дюны.

Сбившись в кучу, они двинулись к этой дюне, а потом, после некоторого колебания, по примеру доктора Гэллала опустились на колени и начали осторожно ползти по ее обращенному к берегу склону. Когда они достигли края, свечение усилилось; тут они высунулись из-за гребня и увидели следующее.

На песке в одном спортивном нижнем белье стоял джентльмен; он брился в свете четырех мощных карманных фонариков, которые держали в руках четверо матросов в безупречно белоснежной форме. Перед его глазами вышколенный лакей держал зеркало в серебряной оправе, в котором отражалась его намыленная физиономия.

Справа и слева стояли еще двое слуг, у одного с руки свисали смокинг и брюки, другой держал белую накрахмаленную рубашку, и ее пуговицы поблескивали в свете фонарей. Кругом царил тишина, если не считать мерного шурганья бритвы по лицу ее владельца и прерывистых стонущих звуков, доносившихся с моря.

Однако не причудливость и загадочность всего происходящего в зыбком свете действия вызвала у двух дам невольное краткое восклицание. Дело было в том, что лицо в зеркале, а точнее, небритая его половина была ужасно им знакома, и через мгновение они поняли, кому это лицо принадлежало, — это была физиономия того самого свирепого ухажера их племянницы, который недавно разгуливал в полуголом виде по пляжу.

Пока они на него главели, он закончил с одной стороной своей физиономии, после чего вперед выступил камердинер и ножницами срезал растительность с другой ее половины, полностью освободив от нее гармонично сложенное лицо несколько изможденного, но не лишнего шарма молодого мужчины. Он намылил щеку с остатками волос, быстро провел по ней бритвой, потом смазал лицо лоссоном и с любопытством оглядел себя в зеркале. Кажется, зрелище ему понравилось, поскольку он улыбнулся.

По мановению его руки один из лакеев протянул брюки, в которые он тотчас засунул свои стройные ноги. Нырнув в распахнутую перед ним рубашку, он приладил накладной воротник, опытной рукой нацепил черную бабочку и скользнул в ожидающий его смокинг. После этой происшедшей у них на глазах трансформации перед тетушкой Кэл и тетушкой Джо предстал самый безукоризненно одетый и безупречно выглядящий молодой человек, которого они когда-либо видели в жизни.

— Уолтерс! — позвал он вдруг ясным благородным голосом.

Один из одетых в белое матросов выступил вперед и отсалютовал.

— Можешь вернуть лодки на яхту. Ты сможешь найти ее по звукам сирены.

— Так точно, сэр.

— Когда туман рассеется, выходи в море и телеграфируй в Нью-Йорк, чтобы прислали мою машину. Она должна заехать за мной в дом Марсденов на Монток-Пойнт.

Матрос развернулся, свет его фонаря дернулся вверх, случайно выхватив из тьмы четыре изумленные физиономии, глядевшие вниз на эту удивительную сцену.

— Посмотрите туда, сэр! — воскликнул он.

Четыре луча осветили группу подсматривавших на вершине дюны.

— Руки вверх! — воскликнул Перси, направив винтовку прямо на яркий свет.

— Мисс Марсен! — живо откликнулся молодой человек. — А я как раз собирался к вам заглянуть.

— Не двигаться! — заорал Перси, а потом спросил у доктора: — Может, стоит пальнуть?

*Туманную дымку унесло обратно в море; они увидели свой дом,
его окна горели в темноте. На крыльце их поджидала безукоризненная
девушка в блестящем белом платье, усыпанном бисером,
который поблескивал в свете новорожденной луны.*

— Конечно нет! — воскликнул доктор Гэллап. — Не вы ли тот молодой человек, о котором я подумал?

Молодой мужчина вежливо поклонился.

— Я Джордж Ван Тайн.

Через несколько мгновений безупречный молодой человек и две совершенно сбитые с толку дамы пожимали друг другу руки.

— Я должен принести вам больше извинений, чем приносил когда-либо в жизни, — признался он. — За то, что сделал вас жертвами из-за странной блажи одной девушки.

— Какой блажи? — поинтересовалась тетушка Кэл.

— Ну... — он немного замялся. — Видите ли, всю свою жизнь я уделял много внимания тому, что называют утонченностью — в манерах, в одежде, в поведении.

Он смущенно умолк.

— Продолжайте, — скомандовала тетушка Кэл.

— С вашей племянницей такая же история. Она всегда считала себя некоторым... образцом культурного поведения, — он покраснел. — Пока не встретила меня.

— Понимаю, — кивнул доктор Гэллап. — Она просто не могла выйти замуж за кого-то, кто был бы большим... скажем так, денди, чем она сама.

— Вот именно, — сказал Джордж Ван Тайн с безупречным поклоном в стиле восемнадцатого века. — Нужно было показать ей, что я за...

— ...отвратительный субъект, — вставила тетушка Джозефина.

— ...каким отвратительным я могу быть. Это было сложно, однако не так уж и невозможно. Если вы знаете приличия, то вы обязательно должны знать и то, что неприлично; моя задача состояла в том, чтобы быть неприличным до невозможности. Я питаю надежду, что когда-нибудь вы сможете простить меня за то, что я швырнул в вас песком. Будучи в образе, я просто не смог удержаться.

Минуту спустя все уже шли к дому.

— И все же я не могу до конца поверить, что джентльмен может быть таким... таким отвратительным, — вздохнула тетя Джо. — А что скажет Фифи?

— Да ничего она не скажет, — весело ответил Ван Тайн. — Видите ли, Фифи все знала. Она узнала меня на дереве в первый же день. И она умоляла меня... не раскрываться до сегодняшнего дня; но я отказывался, пока она не поцеловала меня нежно в бороду, ну и не только...

Тетушка Кэл внезапно остановилась.

— Все это замечательно, молодой человек, — строго сказала она. — Однако поскольку вы столь разносторонни, откуда нам знать, что одним из ваших перевоплощений не является убийца, который прячется на Пойнте?

— Убийца? — спокойно спросил Ван Тайн. — Какой убийца?

— Позвольте объяснить, мисс Марсен, — виновато улыбнулся доктор Гэллап. — На самом деле никакого убийцы не было.

— Не было? — возмущенно взглянула на него тетюшка Кэл.

— Не было. Я придумал ограбление банка, беглого убийцу и все прочее. Просто решил применить сильнодействующее средство по отношению к вашей племяннице.

Тетя Кэл презрительно посмотрела на него и повернулась к сестре.

— Все эти твои соответствующие духу времени методы не лучше маджонга, — многозначительно заметила она.

Туманную дымку унесло обратно в море; они увидели свой дом, его окна горели в темноте. На крыльце их поджидала безукоризненная девушка в блестящем белом платье, усыпанном бисером, который поблескивал в свете новорожденной луны.

— Идеальный мужчина, — пробормотала тетя Джо, покраснев, — это, конечно, тот, кто пойдет на любые жертвы.

Ван Тайн ничего на это не ответил; он был занят удалением на своем локте какого-то крошечного дефекта, менее заметного, чем волос; закончив, он улыбнулся. Теперь в нем не было ни малейшего несовершенства, за исключением того места, где сильное биеение его сердца слегка волновало атласную оторочку его костюма.

СОДЕРЖАНИЕ

Из цикла рассказов
«Сумасбродки и философы»

Прибрежный пират.....	7
Ледяной дворец.....	37
Голова и плечи.....	63
Бернис обрезает волосы.....	89
Четыре затрещины	113
Майра встречается с его семейством.....	131

Из цикла рассказов
«Байки века джаза»

Задняя половина верблюда	159
Удивительная история Бенджамина Баттона	183
Популярная девушка.....	207

Из цикла рассказов
«Ах, эта несносная молодежь»

«Кости, кастет и гитара»	253
Порыв и хладнокровие	273
Вздремни, Гретхен	289
Ранний брак	307
Самонадеянность.....	325
Третий ларчик.....	353
Деньги на ветер.....	367
Любовь в ночи	391
Аркадия Джона Джексона	407
Кошмарный тип	427

Рассказ «Прибрежный пират» («The Offshore Pirate») опубликован 29 мая 1920 года в журнале «The Saturday Evening Post». Иллюстрировал Leslie L. Benson.

Рассказ «Ледяной дворец» («The Ice Palace») опубликован 20 мая 1920 года в журнале «The Saturday Evening Post». Иллюстрировал James H. Crank.

Рассказ «Голова и плечи» («Head and Shoulders») опубликован 21 февраля 1920 года в журнале «The Saturday Evening Post». Иллюстрировал Charles D. Mitchell.

Рассказ «Бернис обрезает волосы» («Bernice Bobs Her Hair») опубликован 1 мая 1920 года в журнале «The Saturday Evening Post». Иллюстрировал May Wilson Preston.

Рассказ «Четыре затрещины» («The Four Fists») опубликован в июне 1920 года в журнале «Scribner's». Иллюстрировал F. C. Yohn.

Рассказ «Майра встречается с его семейством» («Myra Meets His Family») опубликован 20 марта 1920 года в журнале «The Saturday Evening Post». Иллюстрировал May Wilson Preston.

Рассказ «Задняя половина верблюда» («The Camel's Back») опубликован 24 апреля 1920 года в журнале «The Saturday Evening Post». Иллюстрировал Arthur William Brown.

Рассказ «Удивительная история Бенджамина Баттона» («The Curious Case of Benjamin Button») опубликован 27 апреля 1922 года в журнале «Collier's». Иллюстрировал James Montgomery Flagg.

Рассказ «Популярная девушка» («The Popular Girl») опубликован 11 и 18 февраля 1922 года в журнале «The Saturday Evening Post». Иллюстрировал Charles D. Mitchell.

Рассказ «Кости, кастет и гитара» («Dice, Brassknuckles and Guitar») опубликован в 1924 году в журнале «Hearst's International». Иллюстрировал Frederic Dorf Steele.

Рассказ «Порыв и хладнокровие» («Hot And Cold Blood») опубликован в августе 1923 года в журнале «Hearst's International». Иллюстрировал Everett Shinn.

Рассказ «Вздремни, Гретхен» («Gretchen's Forty Winks») опубликован 15 марта 1924 года в журнале «The Saturday Evening Post». Иллюстрировал Charles D. Mitchell.

Рассказ «Ранний брак» («The Adolescent Marriage») опубликован 6 марта 1926 года в журнале «The Saturday Evening Post». Иллюстрировал Harley Ennis Stivers.

Рассказ «Самонадеянность» («Presumption») был написан в Париже в ноябре 1925 года. Опубликован вслед за романом «Великий Гэтсби» в январе 1926 года в журнале «The Saturday Evening Post». Иллюстрировал Arthur William Brown.

Рассказ «Третий ларчик» («The Third Casket») был написан в марте 1924 года в Great Neck. Опубликован в журнале «The Saturday Evening Post» 31 мая 1924 года. Иллюстрировал Charles D. Mitchell.

Рассказ «Деньги на ветер» («A Penny Spent») опубликован 10 октября 1925 года в журнале «The Saturday Evening Post». Иллюстрировал Arthur William Brown.

Рассказ «Любовь в ночи» («Love in the Night») опубликован 14 марта 1925 года в журнале «The Saturday Evening Post». Иллюстрировал H.J. Mowat.

Рассказ «Аркадия Джона Джексона» («John Jackson's Arcady») был написан в апреле 1924 года. Опубликован в журнале «The Saturday Evening Post» 26 июля 1924 года. Иллюстрировал James H. Crank.

Рассказ «Кошмарный тип» («The Unspeakable Egg») был написан в апреле 1924 года в Great Neck. Опубликован в журнале «The Saturday Evening Post» 12 июля 1924 года. Иллюстрировал Grant Reynard.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд
УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
БЕНДЖАМИНА БАТТОНА
РАССКАЗЫ

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010
не требуется знак информационной продукции, так как данное издание
классического произведения имеет значительную историческую,
художественную и культурную ценность для общества

Верстка

Андрея Куткового

Обработка иллюстраций

Сергея Козлова

Корректурa

Надежды Павленко, Ольги Нарышковой

Дизайн обложки, подготовка к печати

А. Яскевича

Сдано в печать 17.04.2023

Объем 28 печ. листов

Тираж 3000 экз.

Заказ № 25949

Бумага

Сыктывкарская книжная кремовая офсетная 60 г/м²

ООО «СЗКЭО»

Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44

E-mail: knigi@szko.ru

Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в типографии ООО «ЛД-ПРИНТ»,
196643, Россия, г. Санкт-Петербург, п. Сапёрный,
ш. Петрозаводское, д. 61, строение 6,
тел. (812) 462-83-83, e-mail: office@ldprint.ru.

Период своей истории с окончания Первой мировой войны до начала Великой депрессии американцы называют Эпохой джаза. Этот термин ввел в обиход Фрэнсис Скотт Фицджеральд. В его рассказах, появлявшихся в американских журналах в первой четверти XX века, атмосфера того времени передана блестяще. Фицджеральд в основном писал об американцах, которые считали себя «сливками общества». Он и сам тайне стремился к ним принадлежать. Фрэнсис появился на свет в 1896 г. в семье ирландских иммигрантов. Родственники оплатили ему учебу в Принстонском университете. В его стенах юноша начал мечтать о литературной славе, ведь задатки литератора у него, безусловно, были. Однако Фрэнсис так и не стал своим в среде

«золотой молодежи». Мешало ирландское происхождение и невысокое финансовое положение. Позже Фицджеральд вспоминал, что именно в это время в нем зародилась «враждебность к классу бездельников». Часто молодые люди в его рассказах такими богатыми бездельниками и являются.

Прототипом многих юных героинь писателя стала красавица Зельда. Она была дочерью судьи и считалась одной из наиболее завидных невест Алабамы. Семья девушки была против ее брака с ирландцем, неспособным обеспечить своей будущей супруге безбедное существование. Влюбленный Фицджеральд решил, что его единственным козырем может стать триумф на литературном поприще. Он перебрался в Нью-Йорк, устроился в рекламное агентство и начал писать рассказы. Поначалу дела шли плохо — рукописи возвращали. Первый успех случился лишь в 1920 г. после публикации романа «По эту сторону рая». Произведения Фрэнсиса начали печатать, и он женился на своей Зельде. В каком-то смысле Фицджеральд стал одним из героев своих романов. Он приобрел особняк на Манхэттене и стал регулярно появляться с супругой на всех знаковых вечеринках «Большого яблока». Хотя, разумеется, бездельником-бонвиваном он не был — вести такой образ жизни ему позволял лишь упорный писательский труд. Эта жизнь, вроде бы внешне такая привлекательная, имела и свою оборотную сторону. Супруги часто ссорились, ревнивая Зельда закатывала мужу скандалы, а он заливал их алкоголем. Вырваться из нью-йоркской бесконечной круговерти помогла поездка в Европу. Именно там, в Париже, Фицджеральд дописал «Великого Гэтсби» — роман, который стал шедевром американской литературы «эпохи джаза». Атмосферу того времени хорошо передают рисунки в данной книге. Они выполнены целой плеядой американских художников, которые иллюстрировали рассказы Фицджеральда в 20-х годах прошлого века.

